

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

II

1941

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Редакционная коллегия

Акад. А. П. Баринников

(Ответственный редактор)

Акад. И. Ю. Крачковский

А. А. Петров

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Статьи и исследования

Е. В. Бунаков. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в.	5
Н. В. Пигулевская. Авары и славяне в сирийской историографии . .	27
Ю. А. Солодухо. Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока	37
Я. Б. Радуль-Затуловский. Материалистическая философия Ито Дзинсай (1627—1705)	53
Н. Н. Поппе. Золотоордынская рукопись на бересте	81
Акад. И. Ю. Крачковский. Mutanabbiana (К 1000-летию со дня смерти поэта)	137
Д. В. Семенов. Роман Ибрахима Ал-Мазини «Ибрāхīm ал-кātib»	149
Акад. А. П. Баранников. О некоторых положениях в области индологии	169
В. М. Бескровный. Движение за государственный язык в Индии . . .	187
Я. С. Виленчик. О работе по словарю народно-арабских диалектов Переднего Востока	228
Л. С. Пучковский. Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей	255
К. К. Флуг. О каталогах и индексах к китайским библиотекам-сериям (цун-шу)	283

II. Рецензии, библиография и хроника

Акад. И. Ю. Крачковский. Brockelmann, Prof. D-r C. Geschichte der Arabischen Litteratur. Erster und zweiter Supplementband, Leiden, E. J. Brill, 1937—1938, 8°, XIX, 973	289
Акад. И. Ю. Крачковский. Джебрāн Халиль Джебрāн	291
Акад. И. Ю. Крачковский. Английский перевод Истории Тимура Ибн 'Арабшāха	293
Акад. И. Ю. Крачковский. Kitāb al-Awrāk (Section on Contemporary Poets). Abū Bakr Muḥammad b. Jahyā as-Ṣūlī. Edited by J. Heyworth Dunne, London, 1934.	
Akhbār ar-Rādī wal-Muttaḳī from the Kitāb al-Awrāk by Abū Bakr Muḥammad b. Jahyā as-Ṣūlī. Arabic text edited by J. Heyworth Dunne, London, 1935	297
А. Н. Кононов. Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Ленинград, 1939 .	299
А. З. Розенфельд. С. Арзуманов и С. Нестеренко. Учебник таджикского языка для взрослых. Сталинабад, 1938	301
С. Е. Малов. Dr. Karl Menges. Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanow herausgegeben von — Berlin, 1933—1934	305
С. Дылыков, Е. Залкинд. П. Т. Хаптаев. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. 1939	306
А. Н. Кононов. Военный турецко-русский и русско-турецкий словарь. Составил П. С. Бочкарев. М., 1940	309
Хроника	313

TABLE DES MATIÈRES

	Pages
E. V. Bunakov. Aperçu de l'histoire des relations de la Russie avec les khanats de l'Asie Centrale au XIX s.	5
N. V. Pigoulevskaïa. Les avars et les slaves dans l'historiographie de la Syrie	27
J. A. Solodoukhov. L'importance des sources hébraïques du commencement du moyen âge pour l'histoire du Proche Orient	37
J. B. Radoul-Zatoulovski. La philosophie matérialiste d'Ito-Dzinsai (1627—1705)	53
N. N. Poppe. Un manuscrit de la Horde d'Or écrit sur l'écorce de bouleau	81
I. J. Kratchkovski. Mutanabbiana. (A propos du millième anniversaire de la mort du poète)	137
D. V. Sémenov. Le roman d'Ibrahim-al-Masini: «Ibrāhīm-al-Kātib»	149
A. P. Barannikov. Quelques problèmes de l'indologie	169
V. M. Beskrovny. Le mouvement vers la langue officielle dans l'Inde	187
J. S. Vilentchik. Sur le vocabulaire des dialectes arabes populaires du Proche Orient	228
L. S. Poutchkovsky. La description scientifique des manuscrits mongoles	255
K. K. Floug. Sur les catalogues et indexes des bibliothèques-séries chinoises (tsoung-chou)	283
Comptes rendus, bibliographie et faits divers	
I. J. Kratchkovsky. Brockelmann, Prof. D-r C. Geschichte der arabischen Litteratur. Erster und zweiter Supplementband. Leiden, E. J. Brill. 1937—1938, 8°, XIX, 973	289
I. J. Kratchkovsky. Djebrān Chalīl Djebrān	291
I. J. Kratchkovsky. La traduction anglaise de l'histoire de Timour par Ibn-Arabchah	293
I. J. Kratchkovsky. Kitāb al-Awrāk (Section on Contemporary Poets). Abū Bakr Muḥammad b. Jahyā aṣ-Ṣūlī. Edited by J. Heyworth Dunne, London, 1934. Akhbār ar-Rādī wal-Muttaḳī from the Kitāb al-Awrāk by Abū Bakr Muḥammad b. Jahyā aṣ-Ṣūlī. Arabic text edited by J. Heyworth Dunne, London, 1935	297
A. N. Kononov. N. K. Dimitriev. La structure de la langue turque. Leningrad, 1939	299
A. Z. Rosenfeld. S. Arzoumanov et S. Nesterenko. Le manuel de la langue des Tadjiks pour les adultes. Stalinabad, 1938	301
S. E. Malov. Dr. Karl Menges. Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanow herausgegeben von — Berlin, 1933—1934	305
S. Dylykov, E. Zalkind. P. T. Haptaev. Le mouvement national chez les Bouriates du temps de la première révolution russe. 1939.	306
A. N. Kononov. Le vocabulaire militaire turco-russe et russo-turque par P. S. Botchkarev. Moscou, 1940	309
Faits divers	313

Е. В. БУНАКОВ

К ИСТОРИИ СНОШЕНИЙ РОССИИ С СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ХАНСТВАМИ В XIX В.

I

Вопрос об отношении царской России к узбекским ханствам в XIX в. или, что то же, о подготовке России к колониальным захватам в Средней Азии, является одним из наименее освещенных в марксистской литературе. Можно указать лишь на небольшую монографию Е. Н. Кушевой, посвященную отношению русской буржуазии к среднеазиатскому вопросу в 40-е годы XIX в.¹ Попытку дать систематическое изложение подготовки завоевания мы можем найти у русских буржуазных авторов лишь в капитальной работе М. А. Терентьева,² записке Я. В. Ханыкова,³ очерке А. Шепелева⁴ и статье В. В. Григорьева.⁵

В иностранной литературе такую же попытку можем найти у Роулисона⁶ и в истории XIX в. под редакцией Лависса и Рамбо.⁷

Ознакомление с рядом документальных данных привело нас к выводу, что при освещении взаимоотношений царской России и узбекских ханств в XIX в. следует придерживаться хронологического порядка изложения, поскольку только при этом условии представляется возможным дать правильную картину этих взаимоотношений в их развитии. Следует, однако, сразу же оговориться, что мы отнюдь не ставим себе задачей дать исчерпывающую историю самих отношений. Нас в данном случае интересует

¹ Е. Н. Кушева. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х гг. XIX в. Ист. сборн., вып. 3, Лгр., 1934.

² М. А. Терентьев. История завоевания Ср. Азии, тт. I, II, III, СПб., 1907.

³ Я. В. Ханыков. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства. Зап. РГО, кн. 5, 1850.

⁴ А. Шепелев. Очерк военных и дипломатических сношений России с Средней Азией. Матер. для описания Хивинского похода 1873 г., Ташкент, 1881.

⁵ В. В. Григорьев. Русская политика в отношении к Средней Азии. Сб. гос. знаний, т. I, СПб., 1874. Систематический обзор внешней стороны сношений России с Средней Азией дан в работах С. В. Жуковского (Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пгр., 1915), Н. Веселовского (Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877) и Н. Залесова (Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. Военн. сборн., 1861, № 11).

⁶ Rowlinson. England and Russia in the East. London, 1876.

⁷ История XIX в. под ред. Лависс и Рамбо. Русск. перев., М., 1937. Из важнейших иностранных работ, менее систематически рассматривающих интересующий нас вопрос, следует назвать: Направление торговых путей в Средней Азии. Извлечение из путешествия Карла Андра. Вестн. РГО, 1859, № 12; Pequin. La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale. Paris, 1878; Н. Helwald. Die Russen in Central-Asien. Berlin; A. Krausse. Russia in Asia. London, 1899, Russia's March towards India. By an Indian officer. London, 1894, v. I—II; W. Habberton. Anglo-Russian Relations concerning Afghanistan, 1837—1907. Studies of the Social Sciences, vol. XXI, № 4, Illinois, 1937.

прежде всего по возможности осветить те руководящие мотивы, из которых исходило русское правительство в своих мероприятиях в Средней Азии в XIX в. до момента завоевания узбекских ханств. Необходимо также заранее подчеркнуть, что неодинаковое количество документальных материалов, которыми мы располагали для различных периодов, неизбежно должно было отразиться и на полноте освещения соответствующих периодов. Ориентировочный характер будет иметь и намечаемая нами периодизация. Важнейшими источниками для настоящей статьи явились: а) документы, опубликованные в сборнике материалов для истории завоевания Туркестанского края,¹ б) документы, хранящиеся в Ленинградском архиве внутренней политики, культуры и быта, в) документы, имеющиеся в Ленинградском архиве народного хозяйства. Переходя к хронологическому изложению вопроса, мы начнем его с конца XVIII в., когда, по справедливому указанию Я. В. Ханыкова, «индийская» ориентация русского правительства в Средней Азии сменилась ориентацией «среднеазиатской» в узком смысле этого слова.

II

Поворотным моментом в политике русского правительства по отношению к Средней Азии мы считаем последние десятилетия XVIII в. Именно начиная с этого времени узбекские ханства начинают рассматриваться им в качестве самостоятельного объекта, а не только как путь в Индию. Если еще в 1763 г., как это видно из письма Дм. Волкова императрице Екатерине II,² русское правительство рассматривало Среднюю Азию главным образом как район, где живет «много хищных народов», препятствующих торговле с Индией, то уже в 1780 г., при посылке в Бухару переводчика Бекчурина, основной задачей посольства ставится выяснение возможности расширения торговли России с Бухарой, возможности организации в Бухаре русских коммерческих контор, а также изучение пути в Бухару и сбор различных сведений о ханстве.³ Кроме того, Бекчурина надлежало установить возможность направлять транзитом через Россию бухарские товары, идущие в Османскую империю, и бухарских богомольцев, следующих в ту же империю.⁴ Столь же определенно эта перемена во взглядах русского правительства нашла свое отражение при обсуждении в Непременном совете (предшественнике Государственного совета) записки отставного майора Бланкеннагеля, переданной туда по распоряжению императора Павла в 1797 г. Однако, прежде чем перейти к истории обсуждения этой записки в Непременном совете, мы считаем полезным кратко остановиться на ее содержании. До настоящего времени был известен лишь один вариант этой записки, опубликованный В. Григорьевым со своими примечаниями на русском языке в «Вестнике РГО» за 1858 г.⁵ Обнаруженный нами в 1939 г. в Ленинградском архиве внутренней политики вариант,⁶ послуживший

¹ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Составил А. Г. Серебrenников. Ташкент, изд. Штаба Туркестанского военного округа, 1908, 1912, 1914. На всех томах имеется надпись: «Не подлежит оглашению». Публикация доведена до 1842 г. включительно.

² Записка Дм. Волкова об Оренбургской губернии. 1763 г. Вестн. РГО, 1859, № 9.

³ См. рескрипт иностранной коллегии (утвержденный Екатериной II) на имя оренбургского губернатора Рейнсдорпа от 18 VIII 1780 г. Опубликовано С. В. Жуковским в работе «К истории сношений России с Бухарой и Хивой конца XVIII в.» Вост. сб., кн. II, Пгр., 1916.

⁴ Там же.

⁵ Путевые заметки майора Бланкеннагеля. Вестн. Русск. геогр. общ. за 1858 г., ч. 22.

⁶ Архив внутренней политики в Ленинграде. Фонд Непременного совета, дело № 155.

основой для суждения Непременного совета, несколько отличается от опубликованного В. Григорьевым. Он написан на французском языке и состоит из двух записок. Первая излагает путешествие в Хиву автора в 1793 г. и обосновывает необходимость завоевания ее Россией, вторая предлагает способы овладения Хивой. Обе записки не имеют адресата, но подписаны каждая Бланкеннагелем. Содержание обоих вариантов в основном почти совпадает. Однако в каждом из них имеются свои данные, не повторяющиеся в другом варианте. Так, в варианте, опубликованном В. Григорьевым, изложение начинается с описания свидания Бланкеннагеля с дядей инака, которого он отказался лечить. Во французском варианте этих сведений нет. Также ничего в нем не говорится о переговорах Бланкеннагеля с инаком о посылке с ним посла в Россию, о чем в русском варианте излагается довольно подробно. Зато во французском варианте записка начинается с изложения задач похода Бековича в Хиву и далее сообщаются некоторые подробности о причине ареста Бланкеннагеля в Хиве сразу же по приезде.¹ Эти данные, отсутствующие в русском варианте, ставят под некоторое сомнение врачебное знание Бланкеннагеля. По словам Бланкеннагеля, его арест (*je fus d'abord enfermé*) произошел по доносу кого-то из хивинских купцов, бывавших в Оренбурге и знавших его не как врача.² Во французском варианте также прямо указывается, что выбор обратного пути через Мангышлак был сделан Бланкеннагелем, во-первых, для ознакомления с маршрутом Бековича, а во-вторых, для продолжения начатых еще в Хиве переговоров (в подлиннике *négociations*) с вождями туркменских родов, кочевавших у Мангышлака. В русском варианте о маршруте Бековича совершенно не говорится. Из новых, по сравнению с известным вариантом, материалов следует назвать сведения о количестве персидских невольников в Бухаре, число которых Бланкеннагель определял в 50 тыс. человек,³ а также данные о разнице в ценах на хлопок в Хиве (4 руб. за 1 пуд) и в Астрахани (12 руб. за 1 пуд).⁴ Возвращаясь к вопросу об обсуждении в Непременном совете записки Бланкеннагеля, следует в первую очередь указать, что основными аргументами, высказанными им в пользу своего проекта завоевания Хивы, являлись: а) обеспечение безопасности русских торговых караванов от нападения казахов; б) возможность дешево приобрести сырье (в частности хлопок); г) удобство торговли с Индией из Хивы; д) наличие якобы больших запасов золотоносной руды в Хиве, разработка которых сулит громадные доходы России.

Непременный совет, ознакомившись как с записками Бланкеннагеля, так и с дополнительно полученными от последнего объяснениями, вынес по этому вопросу следующее постановление: «Предлагаемое овладение Хивой, хотя и не имеющей сильных соседей, кои бы в состоянии были препятствовать произведению в действие такового предприятия, может вывести Россию из настоящего ее мирного положения, ибо без сомнения привлечет оно разных других держав внимание и усугубит зависть их. Но буде однажко Хива действительно изобилует богатыми золотыми и серебряными рудами и есть для нас удобность получать их с выгодой, да и вообще завести с нею прочное торговое сношение, которое со временем могло бы распространиться до Бухарии и самой Индии, то нужно не выпускать из виду достижения столь полезных предметов».⁵ Одновременно Совет постановил запро-

¹ Там же, л. 2.

² Там же, л. 2. Следует впрочем иметь в виду, что в указе Екатерины II о посылке Бланкеннагеля в Хиву от 14 VI 1793 г. он аттестуется как человек, «во врачевании глаз многими опытами оказавшего искусство» (Герман. Исторический взгляд на сношения России с Хивинской областью. Вестн. Европы за 1822 г., № 21).

³ Арх. внутр. полит. Фонд Непрем. сов., д. № 155, л. 3.

⁴ Там же, лл. 5, 6.

⁵ Там же, л. 16.

сильное мнение по данному вопросу Оренбургского военного губернатора барона Ингельстрема и главнокомандующего кавказскими войсками (в Грузии и Астрахани) графа Гудовича. Император утвердил решение Совета.¹ Из всего сказанного видно, что и Непременный совет и тем более Бланкеннагель в качестве основного объекта для суждения имели военный захват Хивы и торговлю с ней. Торговля с Индией упоминается лишь в качестве одного из многих аргументов и отнюдь не важнейшего для обоснования активного вмешательства в дела узбекских ханств. Характерно, что и самый отказ от завоевания Хивы Непременный совет мотивирует опасностью вызвать внешнеполитические осложнения и вовлечь Россию в войну с «завидующими России» несреднеазиатскими державами. Принципиальных же разногласий у Совета с Бланкеннагелем нет. Следует вообще отметить, что центральное русское правительство в последнем десятилетии XVIII в. хотя и проявляет повышенный интерес к делам узбекских ханств, однако обставляет свои сношения с ними крайне осторожно. Так, посланные в 1794 г. в Бухару и Ташкент Г. Бурнашев и А. Безносиков получили письма к местным узбекским правителям не от центрального правительства, а от генерал-губернатора Западной Сибири ген. Штрэндмана.² Та же осторожность была проявлена и при посылке того же Г. Бурнашева (и Поспелова) в Ташкент в 1800 г., поскольку в 1794 г. Бухара не пропустила его в Ташкент.³

Рассмотрим теперь позицию в этом вопросе местных русских властей в пограничных со Среднею Азиею районах, а также состояние торговых связей узбекских ханств с Россией в конце XVIII и начале XIX вв. Так как точка зрения местных русских властей и, в первую очередь оренбургского военного губернатора, аргументировалась в значительной степени состоянием торговли с ханствами, то мы считаем целесообразным сначала дать краткую характеристику этой торговли и лишь затем перейти к ознакомлению с вышеупомянутой аргументацией.

Данными о торговле России с узбекскими ханствами в конце XVIII и начале XIX вв. мы располагаем лишь в отношении той ее части, которая шла через Оренбургский край и Астрахань. При этом достаточно подробные материалы мы имеем лишь для Оренбургского края. Сведениями по Западной Сибири, которую, кстати сказать, Непременный совет забыл или не нашел нужным запросить, мы не располагаем. Правда, через Западную Сибирь шла лишь небольшая часть торговли с Россией только одного из узбекских ханств — Коканда, а почти вся прочая торговля направлялась через два упомянутые выше района. Торговля с Хивой и Бухарой через Оренбургский край за время с 1787 по 1796 г. носила исключительно меновой характер. Из России было отправлено в Бухару за указанный период на 3680.9 тыс. руб. по «истинной цене» (т. е. по рыночным ценам, существовавшим тогда в России), а взамен ввезено товаров на 4158.3 тыс. руб.⁴ Таким образом в результате мены русские торговцы выиграли за 10 лет около 480 тыс. руб. За тот же период в Хиву было вывезено из России на 413.2 тыс. руб., а завезено из нее на 461.5 тыс. руб.⁵ Здесь выигрыш

¹ Там же, л. 17.

² Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г. Сиб. вестник за 1818 г., ч. II, СПб., 1818.

³ Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 г. Сиб. вестн. за 1818 г., ч. IV, СПб., 1818.

⁴ Арх. внутр. полит. Фонд Непрем. сов., д. № 155, л. 25.

⁵ Там же. В предшествующие годы эта меновая торговля была еще более выгодна для русских купцов. Так, в записке оренбургского губернатора Рейнсдорпа о недостатках вверенной его управлению губернии 1770 г. (Вестн. РГО, 1859, № 10) указывается, что «русский купец отъезжает в свой дом всегда с тройной прибылью и с потребным ему остатком суровых бухарских продуктов и таких товаров, кои в России почитаются весьма надобными».

русских торговцев составил за 10 лет лишь около 50 тыс. руб. По отдельным годам размеры торговли (в тыс. руб.) изменялись следующим образом: ¹

Направление торговли	1787 г.	1788 г.	1789 г.	1790 г.	1791 г.	1792 г.	1793 г.	1794 г.	1795 г.	1796 г.
Ввоз в Россию из Бухары . .	379.1	198.9	493.1	365.2	467.6	381.5	479.1	407.5	501.9	484.5
Вывоз из России в Бухару . .	341.2	177.0	443.8	346.9	420.8	335.2	440.8	366.7	426.7	411.8
Ввоз в Россию из Хивы . .	8.3	28.3	31.0	57.1	75.4	10.1	40.3	119.1	40.6	51.4
Вывоз из России в Хиву . . .	7.4	25.2	27.9	54.2	67.9	8.1	37.1	107.2	34.5	43.7

Первое, что обращает внимание при ознакомлении с динамикой торговых оборотов за десятилетие, — это наличие в них резких скачков и провалов, в особенности в течение первых лет десятилетия. Причиной их являлись в основном общие условия тогдашней торговли в Средней Азии и особенно в Казахской степи. Процесс политической консолидации узбекских ханств в конце XVIII в. сопровождался усилением феодальных войн. Политическая раздробленность казахских племен также создавала крайне неспокойную обстановку на торговых путях, проходивших через степь. Все сказанное в первую очередь и отражалось на неустойчивости размеров торговых операций, которые вели узбекские ханства с Россией в конце XVIII в. Тем не менее, мы все же в праве утверждать, что общая тенденция динамики была положительной. Так, например, если сравнить среднегодовой вывоз из Бухары в Россию по трехлетиям, то увидим, что в первое трехлетие в среднем вывозилось в год примерно на 360 тыс. руб., во второе — на 405 тыс. руб. и в третье — на 465 тыс. руб. О структуре товарооборота в конце XVIII в. мы имеем лишь отрывочные сведения, сообщаемые в отчете Оренбургского губернатора за 1770 г.² Из него следует, что из России вывозились в Хиву и Бухару английские сукна, кошениль, медь, железо и т. д. В Казахскую степь вывозили те же товары и, сверх того, позументы, штофы и «всякую мелочь». Из Бухары вывозился текстиль, а от казахов скот и пушной товар. Однако, если мы не располагаем достаточно подробными данными о структуре товарообмена для конца XVIII в., то зато мы имеем их для 1801 г. Данные эти содержатся в специальной ведомости о товарах, «вымененных у киргизцев и бухарцов» в 1801 г.³ Общий объем товарообмена России с казахами и Бухарой составлял в этом году по ввозу в Россию 1065.4 тыс. руб., а по вывозу из России 630 тыс. руб. по «истинным ценам». Сверх того, в том же году из России было «отпущено за границу», кроме казахов и Бухары, на 731.1 тыс. руб. Куда именно пошли эти товары, ведомость не позволяет установить.

Товарообмен России с Бухарой складывался из следующих товаров.

а) По ввозу в Россию. Пряденой хлопчатой бумаги белой на 483.7 тыс. руб. или 68% ввоза, белого бумажного полотна и других хлопчатобумажных изделий на 42.5 тыс. руб. или 5% ввоза, хлопца-сырца на 19.5 тыс. руб. или 2% ввоза, кожевенного сырья на 101.7 тыс. руб. или 13% ввоза, мерлушки на 45.8 тыс. руб. или 6% ввоза, ревеня на 25.7 тыс. руб.

¹ Там же, лл. 40—41.

² Записка оренбургского губернатора Рейнсдорпа о недостатках вверенной его управлению губернии. 1770 г.

³ Арх. внутр. полит. Фонд Непрем. сов., д. № 254.

или 3% ввоза, прочие товары составляли 3% ввоза, а всего на сумму 732.2 тыс. руб. ассигнациями.

б) По вывозу из России. Золотых червонцев на 217.7 тыс. руб. или 40% вывоза, сукна и ткани (главным образом иностранного происхождения) на 112 тыс. руб. или 21% ввоза, гвоздики и кошенили на 83 тыс. руб. или 16% вывоза, мехов на 76 тыс. руб. или 15% вывоза, юфты красной на 16 тыс. руб. или 3% вывоза, прочие товары составляли 5% вывоза, а всего на 547 тыс. руб. ассигнациями.

Анализируя приведенные данные, следует прежде всего констатировать общий рост товарообмена России с Бухарой по сравнению с предшествующим десятилетием. Ввоз в Россию в 1801 г. почти на 50% больше максимального годового ввоза предшествующих лет (502 тыс. руб. в 1795 г.). Далее обращает внимание исключительно большой удельный вес среди вывозимых из Бухары товаров хлопковой пряжи, хлопчатобумажных изделий и хлопка-сырца. Вместе эти три группы товаров составляли 75% всего ввоза в Россию из Бухары. При этом почти 91% хлопковой группы товаров падал на полуфабрикаты, 5% на готовые изделия и лишь 2% на сырье. Такое соотношение находилось в тесной зависимости от характера хлопчатобумажной промышленности России в этот период. Так, в 1805 г. в России имелось 59 бумаготкацких фабрик, 5 красильных и отделочных и ни одной бумагопрядильной.¹ Относительно высокий удельный вес кожевенного сырья (13%) в бухарском вывозе объясняется довольно бурным развитием кожевенной промышленности в России и, в частности, в пограничной Оренбургской губернии. Уже в 1837 г. в губернии работало 59 кожевенных заводов.² Ревень в основном реэкспортировался в Западную Европу.³ В вывозе из России бросается в глаза исключительно большая роль вывоза золота в червонцах (40% вывоза), а также значительная роль иностранного текстиля (21%). Усиленный вывоз золота объясняется главным образом тем, что до начала XIX в. из России был запрещен вывоз в азиатские страны металлы и металлических изделий, а также хлеба, т. е. как раз тех изделий, которые в первую очередь могли служить предметом массового вывоза из России в азиатские страны.⁴ Некоторую роль в форсированном вывозе золота несомненно играло и стремление правительства Бухары накопить таким путем золотой фонд, поскольку собственной добычи золота у нее почти не было. Желание организовать поиски золота в Бухаре побудили бухарского эмира даже пригласить в 40-х годах из России «горную» миссию подполковника Бутенева. Значительное количество вывозимого в Бухару иностранного текстиля (бархат, сукна и т. д.) было вызвано отсутствием в России в начале XIX в. соответствующих собственных предприятий. Этот факт является доказательством того, что географические позиции России в торговле со Средней Азией уже тогда были благоприятнее, чем у Англии, если мы могли вывозить английские сукна в Бухару через всю страну. Что касается товарообмена с казахами, то он составил в 1801 г. по ввозу в Россию 333.2 руб., а по вывозу около 83 тыс. руб. по «истинным ценам». Из ввоза в Россию 99% приходилось на ввоз живого скота. В вывозе из России свыше 90% приходилось на долю текстиля и кожи (красная юфта).

¹ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России под ред. В. И. Покровского. Изд. Департамента таможенных сборов. СПб., 1902, стр. 275.

² Отчет оренбургского военного губернатора за 1836 и 1837 гг. Арх. внутр. полнт. Фонд. Деп. общих дел (по Совету), д. № 51, лл. 77—78.

³ Сборник сведений. . . ., стр. XX.

⁴ Следует, впрочем, оговориться, что из этого правила делались исключения. Так, в 1781 г. бухарскому эмиру, по его просьбе, было разрешено закупить в России 3 тыс. пуд. меди. См. С. В. Жуковск и й, К истории сношений России с Бухарою и Хивою конца XVIII в.

В товарообменных операциях 1801 г. обращают внимание чудовищные условия «обмена» товаров с казахами. Вместо полученных ими от русских купцов товаров на 83 тыс. руб. по «истинным ценам», они отдали товаров на сумму 333 тыс. руб. Таким образом прибыль русских купцов на затраченные 83 тыс. руб. составляла 250 тыс. руб. «Обмен» с бухарцами был болсе выгоден для последних, чем для казахов, но и они взамен своих товаров на 732 тыс. руб. получили товаров лишь на 547 тыс. руб., т. е. на 185 тыс. руб. менее.

Перейдем теперь к вопросу о размерах торгового оборота с узбекскими ханствами через г. Астрахань. Средний годовой завоз в Россию из Хивы составлял в конце XVIII в. от 200 до 500 тыс. руб., а вывоз в Хиву от 100 до 300 тыс. руб.¹ Торговля здесь имела не меновой характер. В виду запрещения вывоза из России металла, металлоизделий и хлеба, разница вывозилась в Хиву тайно золотом. Официально вывоз золота был запрещен. Для 1802 г. размеры годового торгового оборота определялись в 500 тыс. руб. по вывозу из России.² Следует иметь в виду, что торговля с Хивой, вероятно, охватывала собою и Бухару, поскольку для более поздних лет мы имеем ряд свидетельств о транзитной торговле Хивы с Бухарой русскими товарами.³

Обращаясь к выяснению точки зрения местных властей пограничных с Средней Азией районов в вопросе о русской военной и торговой экспансии в Хиву, познакомимся сначала со взглядами оренбургских властей. В ответ на предложение Непременного совета высказать свое мнение по записке Бланкеннагеля, оренбургский военный губернатор барон Ингельстром высказал следующие соображения:⁴ а) Ряд сведений, сообщаемых в записке Бланкеннагеля, не верен. В частности неверны сведения о наличии в Хиве крупных месторождений золота. Полученные из Хивы пробы золота, после исследования их в Екатеринбургской лаборатории, были «не найдены надлежащего достоинства».⁵ б) Возможность развития значительной торговли с Хивой и Бухарой весьма сомнительна, ибо жители страны бедны. Транзитная торговля с Ираном, Индией и т. д., хотя и возможна, но, вследствие разбойничьих шаек на путях между ханствами и Кабулом, трудна и опасна. Торговлю же с Ираном вообще легче вести морем через Астрахань. в) Сомнительно, чтобы захват Хивы оказал влияние и на «обуздание неограниченной вольности киргизцов». Этого можно было достигнуть лишь при условии постройки крепостей по линии: Семипалатинск—р. Сары-су—Сыр-дарья—Аму-дарья.

Сообщив далее уже приведенные данные о состоянии торговли с Хивой и Бухарой с 1787 г. по 1796 г., Ингельстром предлагает целую систему мероприятий для увеличения торговли с узбекскими ханствами, из которых важнейшими являются: а) Обеспечение безопасности движения торговых караванов путем систематического сопровождения их конвоем. Однако такое конвоирование будет стоить очень дорого. б) Выделение в Хиве для торговли с Россией наиболее солидных купцов, пользующихся доверием и кредитоспособностью. в) Организация в Оренбурге русских торговых контор, которые регулярно изучали бы условия азиатского рынка и «справед-

¹ По данным командующего кавказскими войсками гр. Гудовича. Арх. внутр. полит. Фонд. Непрем. сов., д. № 155, лл. 32—35.

² По данным директора Астраханской таможни Иванова. Арх. внутр. полит. Фонд Непрем. сов., д. № 305, л. 8.

³ См. письмо кап. Никифорова Я. В. Ханыкову от 14 IX 1841 г. (Сб. матер. для истории завоевания Туркестанского края, т. III), а также «Сведения о торговле Бухарии» (Журн. мануфактур и торговли за 1843 г., ч. I).

⁴ Письмо Ингельстрома вице-канцлеру от 6 X 1797 г. Арх. внутр. полит. Фонд Непрем. сов., д. № 155.

⁵ Там же, л. 20.

ливостию и исправностию в торгу приобрели и сохранили полный кредит у азиатцев и европейских купеческих контор внутри России, поелику теперь здесь существующие или банкроты или же маловажные комиссионеры».¹ г) Изменение условий таможенного обложения азиатских купцов и разрешение им продавать самим свои товары внутри России. Следует отметить, что общий тон письма несколько пессимистический. Чувствуется, что автор лишь по приказанию свыше измышляет различные способы увеличения торговли, но сам, в условиях малонаселенного, только еще создающегося края, мало верит в реальность своих предложений.² Не случайно, что из четырех предложений Ингельстрёма (а если откинуть, как явно нереальное,³ предложение конвоировать караваны, то даже из трех) два сводятся к поискам добросовестных купцов. Еще в 1836—1841 гг. отчеты оренбургских губернаторов полны жалобами на отсутствие работников, их пьянство, воровство и т. д.⁴ Для примера мы приведем данные, взятые нами из отчета оренбургского военного губернатора за 1836 и 1837 гг. об изменении в составе чиновников за один год.⁵ Было отрешено от должности 19 чел. «большею частию за нетрезвую жизнь и взятки».⁶ Было предано суду 111 чел. чиновников и большое количество членов земских судов. Новых чиновников за год было принято 120 чел.

Точка зрения кавказских властей выражена в письме уже упоминавшегося ранее графа Гудовича на имя вице-канцлера от 24 XI 1797 г.⁷ Прежде всего следует отметить, что оно значительно лаконичнее письма Ингельстрёма. Да оно и понятно — торговые интересы Кавказа лежали прежде всего в Иране и Турции. Сообщив приведенные выше данные о размерах торговых оборотов с Хивой и отметив значительные размеры утечки золота вследствие запрещения вывоза металла, Гудович для увеличения товарооборота с Хивой предлагает, во-первых, конвоировать торговые русские суда, идущие из Астрахани к восточным берегам Каспийского моря, для обеспечения их от нападения туркмен, а, во-вторых, избрать в качестве военно-торгового порта вместо Мангышлака, где нет воды, какой-либо другой пункт южнее по побережью, имеющий достаточное количество ее. В избранном таким путем пункте надлежит построить укрепление. Для более полного освещения точки зрения местных властей в конце XVIII — начале XIX вв. мы считаем полезным привести здесь также соображения, изложенные в записке директора астраханской таможни Иванова и бывшего астраханского губернатора Аршеневского.⁸ Эта записка представлена в 1802 г. и содержит в себе, кроме уже упоминавшихся выше данных о торговле с Хивой, еще и предложение построить укрепление на Мангышлаке, после чего часть туркменских родов, кочующих здесь, готова принять русское подданство. В качестве других полезных результатов от постройки укрепления указывается на облегчение условий для торговли с Хивой, а также на возможность в этом случае воздействовать на казахов, имеющих на Мангышлаке свои летние пастбища. По мнению авторов записки, казахи,

¹ Там же, л. 26.

² О крайней малолюдности края и слабом развитии его экономики достаточно ясное представление дает уже упоминавшаяся выше записка оренбургского губернатора Рейнсдорпа.

³ Единственный опыт такого конвоирования был сделан в 1824 г. Стоимость конвоя обошлась правительству в 230 тыс. руб., но несмотря на конвой караван был разграблен (В. В. Григорьев. Русская политика в отношении Средней Азии).

⁴ Арх. внутр. полит. Фонд Деп. общих дел (по Совету), д. № 126 за 1837 г., № 59 за 1838 г., № 47 за 1839 г., № 57 за 1841 г.

⁵ Арх. внутр. полит. Фонд Деп. общих дел (по Совету), д. № 51.

⁶ Там же, л. 5.

⁷ Арх. внутр. полит. Фонд Непрем. сов., д. № 155, лл. 32—35.

⁸ Там же, д. № 305.

боясь расправы во время летних кочевий, перестанут грабить русские караваны. Напомним, что о готовности части туркменских родов Мангышлака перейти в русское подданство, при условии получения защиты от России, писал в своей записке и Бланкеннагель.¹

Посмотрим теперь, как реагировала центральная власть на представления местных властей. Предложение о конвоировании караванов было настолько нереально, что этот вопрос даже не подвергался обсуждению. По вопросу о строительстве порта и укрепления на восточном побережье Каспия и, в частности, на Мангышлаке Непременный совет постановил создать для обсуждения этого предложения специальный комитет.² В дальнейшем, как мы знаем, на Мангышлаке было построено Александровское укрепление. Что касается до указания оренбургских и казакских властей на значительные неудобства торговли с азиатскими странами вследствие запрещения ввоза в них из России металла, металлоизделий и хлеба, то этот вопрос обсуждался в Коммерц-коллегии, которая высказалась за разрешение вывоза указанных товаров из России, поскольку в обмен идут не предметы роскоши, а необходимое для русских фабрик сырье.³ Непременный совет согласился с этим мнением, и был издан императорский указ, разрешающий вывоз золота, черных и цветных металлов, металлических изделий, кроме оружия, и хлеба через оренбургскую, троицкую, астраханскую, кизлярскую и моздокскую таможи.⁴ Иная судьба постигла предложение оренбургского военного губернатора о разрешении азиатским купцам продавать самим свои товары внутри России. Рассматривавшая этот вопрос Коммерц-коллегия отклонила полностью предложение. Против него было выдвинуто ею два возражения. Первое сводилось к тому, что основным предметом торгова бухарских и хивинских купцов являются драгоценные камни, которые не подвергаются таможенному обложению согласно действовавшим тогда правилам. Если допустить этих купцов в Москву и Петербург, то они будут продавать их непосредственно иностранным европейским купцам, что подорвет соответствующую торговлю русских купцов.⁵ Утверждение о специализации бухарской и хивинской торговли на предметах роскоши находится в противоречии с приведенным нами уже выше постановлением той же Коммерц-коллегии о той же торговле, а также с приведенными нами ранее данными об этой торговле в 1801 г.⁶ Однако суть дела была не в этом возражении, а в следующем — втором: если пустить азиатских купцов внутрь России, то они узнают «истинные цены» на русские товары и тогда меновой торг с ними в Оренбурге не сможет быть так выгоден для русских купцов, как ранее.⁷ Вспомнив, какое громадное расхождение существовало между «истинными» и «меновыми» ценами, мы не будем удивляться тому, что торговый мир в лице Коммерц-коллегии энергично протестовал против попытки ограничить его колониальную торговлю.

¹ Там же, д. № 155, л. 3.

² Там же, д. № 285.

³ Там же, д. № 155, лл. 37—40, и д. № 165.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. № 155, лл. 29—31.

⁶ Некоторым объяснением такому противоречивому суждению Коммерц-коллегии может служить то обстоятельство, что во второй половине XVIII в., в результате войн Надир Шаха, в Среднюю Азию попало большое количество военной добычи в виде золота и драгоценных камней. Поэтому в указанный период в Бухару не только не завозилось золото из России, но, наоборот, она сама вывозила золото и драгоценные камни в Россию. С начала XIX в. Бухара вновь сама завозит золото из России. На это обстоятельство, со ссылкой на данные русской таможенной статистики, впервые указал В. В. Григорьев в примечании к изданной им записке Хрисанфа, митрополита новопотрасского, о странах Средней Азии (Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1861, кн. 1).

⁷ Арх. внутр. полит. Фонд Непрем. сов., д. № 155, лл. 29—31.

Приведенный факт свидетельствует также о том, что в Коммерц-коллегии лучше знали об интересах оренбургского купечества, чем в канцелярии оренбургского военного губернатора. Преемники Ингельстрема, как мы увидим далее, гораздо лучше научились разбираться в интересах своего и вообще русского купечества.

Подводя итоги всему сказанному о русско-узбекских отношениях в конце XVIII и начале XIX вв., мы можем сделать следующие выводы:

а) Узбекские ханства в этот период становятся непосредственным объектом внимания русского правительства.

б) Вопрос о торговых путях в Индию через эти ханства приобретает роль лишь одного из аргументов в пользу экспансии в Среднюю Азию и притом аргумента отнюдь не решающего значения. Намечавшийся при Павле I поход на Индию в союзе с Наполеоном был продиктован интересами «большой» европейской политики России и с изменением ее направления естественно отпал. Никакой связи с предшествующими и последующими мероприятиями русского правительства в Средней Азии этот проект не имел.

в) В центре внимания политики русского правительства по отношению к узбекским ханствам стоят вопросы торговли. Военная экспансия мыслится в основном как метод обеспечения интересов последней.

г) Казахи фигурируют в русско-узбекских отношениях лишь в качестве препятствия для русской торговли с ханствами. Споры о подданстве казахов еще не возникает (во всяком случае они не играют существенной роли в интересующих нас отношениях).

д) Вопрос об освобождении русских пленных и невольников, как и другие вопросы, связанные с поддержанием политического престижа России в Средней Азии, не выдвигается в качестве самостоятельного повода для военных действий, но упоминается лишь попутно с другими более актуальными в тот период вопросами.

е) В своей среднеазиатской политике русское правительство серьезно учитывает отношение к ней «завидующих нам» европейских стран.

ж) Узбекские ханства в этот период не обнаруживают никаких признаков политической ориентации на Россию. Обращение к России некоторых туркменских родов с Мангышлака совершенно нехарактерно для общей политической ситуации в узбекских ханствах в рассмотренный отрезок времени. Экономическая зависимость от русского рынка также еще чувствуется слабо.

Второй период в развитии русско-узбекских отношений охватывает собою первую четверть XIX в., т. е. примерно совпадает с царствованием Александра I. В области торговли он характеризуется прежде всего дальнейшим ростом ее в течение всего этого времени. Среднегодовой товарооборот с ханствами для отдельных отрезков времени выражался в следующих цифрах (в тысячах рублей ассигнациями, с округлением): ¹

Годы	Ввоз в Россию	Вывоз из России
1804—1807	2071.6	988.0
1812—1815	4071.6	3582.9
1820—1823	5381.2	3763.6
1824—1827	5759.3	4389.7

О структуре товарооборота указанного периода мы имеем сведения лишь в отношении торговли с Бухарой и Хивой и, притом, не в количественном выражении. Сведения эти содержатся в опубликованном Г. Спасским «Новейшем описании Великой Бухарии» ² и в «Путешествии в Туркмению

¹ Я. В. Ханыков. Пояснительная записка. . . , стр. 20.

² Новейшее описание Великой Бухарии. Азиат. вестн. за 1825 г., апрель—май, СПб.

и Хиву» Н. Муравьева.¹ В этот период из Бухары в Россию вывозились следующие товары: хлопок-сырец, хлопковая пряжа, хлопчатобумажные ткани, кашемирские шали, мерлушка, выбойка, ремень и плоды. Ввоз из России в Бухару состоял из золотой и серебряной монеты, кошенили и синей краски, пушнины, меди в листах и «досках», железа, стали и чугуна, крашеной кожи.² Торговля с Россией играет для Бухары очень большую роль. Из русской меди здесь делали посуду и монету, из железа земледельческие орудия и прочие изделия. Из приведенных данных видно, что если в вывозе из Бухары сохраняется примерно та же номенклатура товаров, что и в предшествующий период, то в ввозе в нее появляются новые товары — металлы. Следует, однако, отметить, что металлы идут в значительной степени в слитках, а не в изделиях. Из Хивы вывозились в Россию хлопок-сырец, кожевенные товары (выбойка), бязь, шелковые и полушелковые ткани, мерлушки и некоторые другие товары. Эти товары по большей части сама Хива получала из Бухары. Из России Хива завозила металлы и металлоизделия, европейские сукна и бархат, сахар, зеркала, пряженое золото и серебро, тонкий холст. Значительная часть торговли с Хивой шла через Мангышлак и Астрахань. Русские купцы сами в Хиву не ездили, опасаясь гибели. Правда, некоторые армяне — русские подданные — ездили в Ургенч, но это было лишь исключение из общего правила. Общему росту торговли России с Средней Азией через казахскую степь в царствование Александра I «способствовало разрешение купцам всех трех гильдий вести здесь заграничную торговлю и лицам всех сословий — меновую торговлю».³ На ряду с меновой торговлей начинает в больших масштабах вестись и торговля на деньги. Торговля с казахами и в этот период продолжала носить почти исключительно меновой характер. Объем ее значительно вырос. Количество вывозимого в Россию от казахов скота (напоминаем, что скот составлял в 1801 г. по стоимости свыше 95% всего вывоза казахов) видно из приводимых ниже цифр (в тысячах рублей ассигнациями, с округлением):⁴

Годы	Среднегод. вывоз	Годы	Среднегод. вывоз
1802—1805	706	1816—1820	1902
1806—1807	609	1821—1825	1477
1812—1815	569		

В переводе на серебро в среднем ежегодно выменивалось скота на сумму около 396 тыс. руб.

Из России в Казахскую степь за те же годы вывозились: мука, табак, металлические изделия, ткани, позументы, галантерея.⁵

Дипломатические сношения с узбекскими ханствами в этот период ведутся частично от имени центральной власти, частично от имени местных властей. Так, например, в связи с кокандским посольством в Россию в 1812—1813 гг. в Коканд был послан в 1813 г. с императорской грамотой Филипп Назаров.⁶ Письмо императора к эмиру Бухары имел и Негри, ездивший в Бухару в 1820 г.⁷

¹ Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, ч. II. М., 1822, стр. 92—95.

² Те же товары фигурируют и в списке, даваемом Мейендорфом для товарооборота через Оренбург в 1819 г. (Meyendorff. Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820. Paris, 1826, pp. 241, 244, 245).

³ Сборник сведений..., стр. XXX.

⁴ Там же, стр. 157.

⁵ Там же.

⁶ Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб., 1821, стр. 3.

⁷ См. об этом: Meyendorff. Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820. Paris, 1826.

Между тем посланный в Хиву в 1818 г. Н. Муравьев имел лишь письмо к хивинскому хану от главнокомандующего Грузии А. Ермолова.¹

Общие установки русского правительства в области среднеазиатской политики для рассматриваемого периода нашли свое отражение в записке ген.-майора Веригина, озаглавленной «Краткое изложение мыслей ген.-майора Веригина о необходимости занять Хиву, как единственное средство для распространения и приведения в безопасность нашей торговли в Средней Азии».² Записка была представлена Николаю I 5 II 1826 г. Прежде чем перейти к изложению основных положений записки, необходимо вкратце еще объяснить, почему мы считаем возможным рассматривать ее не как частное мнение, но как правительственную программу. В первую очередь следует указать, что Веригин в царствование Александра I являлся одним из специалистов по вопросам азиатской торговли. По поручению императора он объехал в 1816 г. всю азиатскую границу России и выполнял в указанной области также ряд других ответственных поручений. Во-вторых, надо иметь в виду, что записка эта была передана императором ген.-фельдмаршалу графу Дибичу для рассмотрения. По ознакомлении с запиской Дибич пригласил к себе Веригина и заявил ему, что, признавая мнение его основательным и для государства полезным, он совершенно согласен с мнением о необходимости принять дальнейшие меры «для обуздания дерзких поступков хивинцев». Однако «предстоящие политические обстоятельства» не позволяют реализовать проект сейчас же.³ Итак, специально уполномоченный на то императором генерал-фельдмаршал полностью апробировал основные установки записки Веригина.

Основная мысль записки аргументирована Веригиным, исходя из начавшегося в этот период быстрого роста русской промышленности. (Так, если в 1801 г. в России было только 2423 фабрики с 95 тыс. рабочих, которые произвели в том же году продукции на 25 000 тыс. руб., то в 1825 г. действовала уже 5261 фабрика с 202 тыс. рабочих, которые выпустили промышленной продукции на 46 500 тыс. руб.)⁴. Мысль эта настолько характерна, что мы считаем полезным привести ее почти полностью. «Россия, — пишет Веригин, — никогда не имела толикой необходимости в открытии новых путей для торговли собственными своими изделиями, как теперь, ибо по причине несовершенства выделки оных не только не можно отправлять их в европейские государства, но даже при совместничестве привозимых таковых же к нам иностранных, оне с трудом могут продаваться внутри России, а по уважению столь стеснительного для промышленности положения и нужно принять меры для доставления удобства производить беспрепятственно торговлю в стране, где наши мануфактурные произведения менее подвергались бы таковому вредному совместничеству, отчего народная предприимчивость получила бы сильнейшее поощрение и с благонадежностью старалась бы плоды своих трудов умножать. В сем отношении часть Средней Азии, прилегающая к нашим границам и связующая нашу Империю с Бухарией, Китаем, Хивою и с многими знатными городами Северной Индии, заслуживает особенное внимание нашего правительства, ибо торговля в сей стране столько же может подкреплять возникающие у нас мануфактуры, как некогда Россия, во дни младенчества своего, питала трудолюбие европейских народов. . . ; приведя в безопасность торговлю нашу в Средней Азии, мы приобретаем со временем легчайший способ

¹ Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву, стр. 51—52.

² Сборник материалов. . . , т. II.

³ Дополнение к записке Веригина от 5 II 1826 г., представленное им же 13 I 1840 г.

⁴ Статья «Россия» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XXVII, стр. 280).

вознаграждать те потери, которые вынуждены сносить по европейской торговле».¹ Мысль о необходимости обеспечить рынки сбыта для русской промышленности вообще проходит красной нитью через всю записку. В цитированном отрывке обращает также внимание выдвигаемое Веригиным положение о двойственной позиции России по отношению к Западу — Европе и Востоку — Азии. Для Запада Россия — сырьевая база, рынок сбыта промышленной продукции, для Востока — промышленная, империалистическая держава. Эта оценка двойственного характера экономики дореволюционной России, данная еще в 1826 г., сохранила свою силу до самой революции.

На ряду с изложенным выше основным принципом в записке выдвигается и еще ряд новых, по сравнению с предшествующим периодом, установок. Во-первых, устанавливается ответственность хивинского и бухарского правительств за грабежи русских торговых караванов. Веригин подчеркивает, что караваны узбекских ханств идут в Россию сравнительно безопасно, но русские караваны постоянно подвергаются разграблению, «что крайне разоряет купечество и дает справедливый повод думать, что сие неистовство производится с согласия хивинского и бухарского правительств».² Во-вторых, выдвигается необходимость поддержания престижа России, который подрывается безнаказанным грабежом караванов и уничтожением сопровождающих последние малочисленных конвоиров. В-третьих, указывается на важность быстрого обеспечения господства России в Средней Азии, поскольку «приближение англичан к границам Татарии» создаст скоро России в их лице опасных конкурентов. В-четвертых, отмечается превращение ханств, в случае завоевания Хивы, не только в рынок для русской промышленной продукции, но также и в рынок колониального сырья (хлопок и другое сырье). Кроме перечисленных новых установок в записке говорится также и о значении завоевания Хивы для обеспечения удобных торговых связей с Китаем и Северной Индией.

Записка Веригина как бы подводит итоги среднеазиатской политике России во второй период и выдвигает ряд новых целей, реализация которых явилась задачей уже следующего периода.

III

Сорок лет, отделяющие записку Веригина (1826) от военного захвата Ташкента (1865), могут быть разбиты на два периода: первый — подготовительный и второй — активной экспансии. Границу между ними можно провести лишь сугубо ориентировочно около 1840—1843 гг. Внешними событиями, к которым можно приурочить начало второго периода, явился хивинский поход 1839—1840 гг., а также посольства Никифорова — Данилевского в Хиву и Бутенева в Бухару в 1841—1843 гг.

В развитии торговых связей России с узбекскими ханствами период 1826—1840 гг. ознаменовался дальнейшим значительным ростом товарооборота. В 1836 и 1837 гг. ввоз в Россию из ханств составлял свыше 10 млн. руб. в год, а вывоз в них из России 7—8 млн. руб. ассигнациями.³ Таким образом товарооборот вырос за указанное время почти в два раза. Правда, в 1838 и 1839 гг. он несколько снизился, но все же в полтора раза превышал оборот 1826 г.⁴ Данные о структуре грузооборота мы имеем лишь для торговли с Бухарой и только для 1837—1839 гг.⁵ Из Бухары в Россию вывозились главным образом следующие товары: хлопковая пряжа (до 25% всего

¹ Сборник материалов. . . , т. II, стр. 6—7.

² Там же, стр. 7.

³ Я. В. Ханыков. Пояснительная записка. . . , стр. 20.

⁴ Там же, стр. 20—21.

⁵ Сведения о торговле Бухары. Журн. мануфактуры и торговли за 1843 г., ч. I, СПб.

вывоза), хлопчатобумажные ткани (до 25% вывоза), меха (выменивались бухарцами по дороге в Россию у казахов), ковры, фрукты. Общий объем вывоза колебался от 2064 тыс. руб. до 3550 тыс. руб. ассигнациями. Ввоз в Бухару из России состоял в основном из юфти, меди, железа, краски, хлопчатобумажных изделий, сукна, металла в изделиях. Общий объем ввоза колебался от 1180 тыс. руб. до 1600 тыс. руб. Новым моментом в вывозе из России является значительное усиление удельного веса готовых изделий и в частности текстильных изделий. В 1834—1840 гг. на долю обработанных изделий приходилось уже от 50 до 60% всего вывоза из России в Среднюю Азию.¹ С указанным ростом торгового оборота и увеличением удельного веса готовых и обработанных изделий в русском вывозе интересно сопоставить данные о количестве хлопчатобумажных предприятий в России.²

Годы	Количество предприятий		
	Бумагопряд.	Бумаготкацк.	Красильн. и отделочн.
1805	—	59	5
1812	11	22	14
1831	6	225	79
1841	20	224	85

Еще более ясное представление о росте хлопчатобумажной промышленности России за этот период дают данные о ввозе в нее хлопка (в тыс. пудов):³

Годы	Среднегод. кол. ввозимого хлопка
1821—1825	70
1826—1830	103
1831—1835	149
1836—1840	320

Развитие торговли узбекских ханств с Россией привело к значительному усилению зависимости экономики этих ханств от нормального функционирования указанной торговли. Так, например, когда в 1836 г. произошел перерыв в торговых сношениях России с Хивой, то цены на мануфактурные изделия повысились в Хиве на 15%, цены на юфть на 100%, на киноварь на 150%, тогда как цены на хлопок-сырец снизились на 50%.⁴

В этот же период постепенно изменяется точка зрения русского правительства на узбекско-казахские отношения. Если в предшествующие периоды русское правительство, хотя и нехотя, довольствовалось чисто номинальным признанием суверенитета России со стороны казахских султанов и ханов, кочевавших в глубине казахской степи, то в 1830-х годах оно все более настоятельно добивается ограничения политической независимости этих ханов и в первую очередь прекращения политических связей казахов с узбекскими ханствами.

Характерной чертой подготовительного периода является и изменение роли русской буржуазии в среднеазиатских делах. Развитие капиталистических отношений в России, рост промышленности содействовали значительной активизации российской буржуазии в вопросах внешней политики, в особенности восточной. До 30-х годов XIX ст. мы почти не встречаемся с прямыми обращениями буржуазии к правительству по вопросу внешней политики.

¹ Я. В. Ханков. Пояснительная записка. . . , стр. 21.

² Сборник сведений. . . , стр. 275—276.

³ Там же, стр. 274.

⁴ Газета «Северная Пчела» за 1840 г., № 234 (Письмо из Оренбурга). См. также инструкцию вице-канцлера капитану Никифорову от 19 II 1841 г. за № 446 (Сборник материалов. . . , т. III) и статью Н. Залесова «Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г.» (Военн. сборн., 1861, № 11).

Начиная с 30-х годов, а в особенности в 40-х и последующих, отдельные представители этой буржуазии выступают уже перед правительством от имени своего класса с более или менее четкими программами внешнеполитических мероприятий. Наиболее яркой фигурой среди русской буржуазии в интересующей нас области в 30—40-х годах был П. В. Голубков, деятельность которого посвящена главным образом упоминавшаяся нами выше работа Е. Н. Кушевой.¹

Для того чтобы выяснить, насколько права Е. Н. Кушева, упрекая русское правительство в недостаточной по сравнению с буржуазией активности в вопросах азиатской торговли, рассмотрим кратко те взаимоотношения, которые сложились у русской буржуазии с царским правительством в вопросах названной торговли. Рассмотрим первоначально, какова была помощь, оказываемая русским купечеством правительству. Помимо общего содействия путем распространения русского влияния в Средней Азии купечество выполняло и ряд специальных военно-политических задач. На первом месте среди них надо поставить сбор сведений о положении дел в ханствах и агитацию за сближение с Россией. По данному вопросу интересно привести мнение Оренбургского военного губернатора Перовского, высказанное им в защиту продления некоторых льгот для купцов 2-й и 3-й гильдии Западной Сибири и Оренбургского края, торговавших с Средней Азией. Перовский считал необходимым продлить эти льготы, поскольку эта мера «с одной стороны способствует большему сбыту наших фабричных и мануфактурных произведений, а с другой — доставляет возможность иметь самые верные сведения о происшествиях в тех местах (т. е. в ханствах. Е. Б.), что для нас весьма важно».² По данным Е. Н. Кушевой³ в караване купца Пичугина, ходившем из России в Хиву, принимал участие всенный топограф Зеленин. О ряде услуг, оказанных купцом Деевым миссии капитана Никифорова в Хиве, сообщает и сам глава этой миссии Никифоров.⁴ В частности, через Деева доставлялись от Никифорова письма в Оренбург, а также были пересланы деньги в Бухару главе русской горной миссии Бутеневу. Что же касается до агитации среди населения Средней Азии за сближение с Россией и в первую очередь агитации среди казахов, то об активной роли русского купечества в этом деле мы имеем свидетельство того же оренбургского военного губернатора Перовского.⁵

Итак, мы можем говорить о наличии существенных услуг правительству со стороны русского купечества. Однако эти услуги отнюдь не были односторонними. Все предшествующее изложение показывает, сколько внимания в свою очередь уделяло правительство нуждам и интересам русской буржуазии в Средней Азии. Совершенно очевидно, что если правительство никак не откликнулось на записку Голубкова об организации специального акционерного общества для торговли с Средней Азией и Индией, то для этого имелись свои специфические причины. В самом деле, что могло смутить в ней правительство Николая I? Военный захват Хивы? Но мы видели уже, что о нем говорится в течение всего XIX в. и говорится людьми, входящими в состав самого правительства. Более того, к моменту подачи записки (1848) эту идею уже пытались, хотя и неудачно, претворить в жизнь.

¹ Е. Н. Кушева. Средиазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в.

² Журнал Комитета министров, май 1845, л. 287. Арх. внутр. полит. Фонд Комитета министров.

³ Е. Н. Кушева. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в.

⁴ Письма капитана Никифорова оренбургскому военному губернатору Перовскому от 2 и 18 октября 1841 г. Сборник материалов... т. III.

⁵ Журнал Комитета министров, май 1845, лл. 287—288. Арх. внутр. полит. Фонд Комитета министров.

Может быть правительству была неприемлема самая идея образования акционерного общества для всестороннего использования ресурсов Средней Азии и Индии? На этот вопрос можно ответить следующим образом: правительство полностью приветствовало мысль о создании акционерного общества для торговли с азиатскими странами, но для него была полностью неприемлема та организационная форма, в которую облакал это общество Голубков. Еще в 1837 г., в результате работ Особого комитета о торговых сношениях с Азией,¹ правительством было решено создать Российско-Азиатскую торговую компанию, главным образом для торговли с Турцией и Ираном. Однако когда Министр финансов (гр. Канкрин) приступил к вербовке учредителей общества, то в Петербурге ему удалось завербовать лишь одного коммерсанта, а в Москве все купечество полностью отказалось от участия в учредительстве.² Когда император прочел сообщение министра финансов, то он наложил резолюцию: «С этим я не согласен и верить не хочу, чтобы Московское купечество могло не понимать моих намерений, представить особо».³ Не входя здесь в рассмотрение мотивов, которые заставили московское купечество отказаться от участия в учредительстве общества (они в основном сводились к боязни конкуренции английских купцов и желанию получить налоговые льготы⁴), мы в праве сделать из приведенных данных вывод, что русское правительство еще за 10 лет до записки Голубкова искало путей к организации в России акционерных обществ по торговле с Азией. Если оно в этом не успело, то здесь скорее можно было говорить о «консервативности» русской буржуазии, а не о «бюрократичности» русского правительства. Для правительства Николая I в проекте Голубкова прежде всего абсолютно было неприемлема «вольнодумная» английская форма управления компании. Компания, имеющая собственное войско, флот и почти самостоятельно администрирующая в своих владениях, — можно ли было придумать что-либо менее соответствующее общему духу самодержавной власти николаевской России? Ясно, что уже это одно должно было дискредитировать в глазах правительства проект Голубкова. Однако в нем имелся и еще один существенный дефект, а именно несоответствие общей политике России в Средней Азии.

Центральной задачей проекта Голубкова являлась торговля, а если можно, то и военная экспансия в сторону Индии. Между тем, мы видели, что уже с начала XIX в. русская политика в Средней Азии ориентировалась в основном на разрешении чисто среднеазиатских задач. Достаточно сопоставить написанную в 1848 г. записку Голубкова с написанной в 1849 г. запиской Я. В. Ханыкова, чтобы понять, насколько не соответствовала первая записка духу времени. Можно думать, что Голубков настолько тщательно изучал английскую литературу по вопросам Средней Азии, что невольно усвоил себе взгляды английских авторов типа Роулинсона на задачи России в Средней Азии.

Перейдем теперь к ознакомлению с основными установками русского правительства по отношению к ханствам в течение периода, непосредственно предшествующего завоеванию Средней Азии. Посмотрим в первую очередь, какие изменения произошли в области русско-азиатской торговли. Если доверять данным, приводимым Я. В. Ханыковым, то в течение 1840—1850 гг. объем товарооборота сохранял в общем стабильность, колеблясь по завозу в Россию в пределах ок. 3 млн. руб. серебром и по вывозу из

¹ Архив внутр. полит. Фонд Особого комитета о торговых сношениях с Азией. №№ 1, 2.

² Арх. внутр. полит. Фонд Гос. совета, 1837, д. № 96, лл. 2—4.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же, лл. 8—12.

России ок. 2.3 млн. руб.¹ Для более поздних лет интересующего нас периода мы имеем лишь общее указание, что в середине XIX в. ввоз по всей среднеазиатской границе в Россию составлял 10.5 млн. руб., а вывоз из последней — 15 млн. руб.² Характерной чертой торговли рассматриваемого отрезка времени являлся дальнейший рост удельного веса обработанных изделий в русском вывозе в Среднюю Азию. Он колебался в среднем для 1840—1850 гг. от 60 до 80%. Основными товарами, вывозившимися из России в ханства за тот же период, являлись: металлы и металлоизделия (15%), текстиль (30%), кожевенный товар (12%), драгоценные металлы в монете (22%).³ Характерным является резкое повышение удельного веса хлопчатобумажных и шерстяных тканей, занявших первое место в вывозе, а также дальнейший рост вывоза металлоизделий. Завозились из ханств в Россию главным образом хлопок-сырец и пряжа (30%), текстиль (45%), мех и мерлушка (12%).⁴ Среди изменений в составе завоза следует указать на усиление удельного веса завозимого хлопка-сырца по отношению к пряже. Хлопок-сырец по стоимости составил около 70% стоимости завезенной пряжи. Значительный завоз хлопчатобумажной ткани из ханств шел в пограничные районы России, где они успешно конкурировали, в силу своей прочности, с русской низкокачественной фабричной продукцией, доходившей сюда по дорогим ценам. За время с 1840 по 1865 г. резко вырос также завоз скота из казахской степи. Если за время с 1840 по 1845 г. среднегодовой вывоз составлял 1030 тыс. кредитных рублей, то за время с 1856 по 1860 г. — 2953 тыс. руб., а за 1861—1865 гг. даже 3358 тыс. руб.⁵ Следует также отметить дальнейшее усиление роли русских товаров на рынках узбекских ханств. Так, например, капитан Никифоров пишет из Хивы Я. В. Ханыкову, что на рынках Хивы никаких товаров кроме русских нет.⁶ О господстве русских товаров на рынках Бухары и Хивы говорит и англофильски настроенный Вамбери.⁷ Наконец, значение русского рынка для всего хозяйства Бухары видно из того факта, что когда в 1861 г., вследствие отсутствия привоза хлопка в Россию из США, цены на него в России выросли с 4—5 руб. за пуд до 22—23 руб., то в Бухаре отмечался бурный рост посевных площадей под хлопчатником. Когда же, по окончании гражданской войны в США, цены на хлопок в России упали, то резко уменьшилась и посевная площадь под хлопчатником в Бухаре.⁸ Следует отметить, что в середине XIX в. в русской торговле по среднеазиатской границе решающая роль принадлежала казахской степи. Представление об удельном весе торговли России с отдельными государствами по всей ее азиатской границе в середине XIX в. дает следующий цифровой материал (в % к итогу):⁹

¹ Я. В. Ханыков. Пояснительная записка. . . , стр. 21.

² Сборник сведений. . . , стр. XXXI. Данные эти кажутся нам несколько преувеличенными.

³ П. Небольсин. Очерки торговли России с странами Средней Азии. СПб., 1856, стр. 1, таблицы. Здесь же см. и данные по отдельным ханствам. Примерно те же данные приводятся С. Хрулевым (С. Хрулев. Проект устава товарищества для развития торговли с Средней Азией. СПб., 1863, стр. 22—31.)

⁴ Там же, стр. 2.

⁵ Сборник сведений. . . , стр. 157.

⁶ Письмо Никифорова Я. В. Ханыкову от 14 IX 1841 г. Сборник материалов. . . , т. III.

⁷ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. М., 1867.

⁸ Архив внешней политики в г. Москве. Фонд мин. ин. дел, д. № 1333, л. 39. О влиянии торговли с Россией на размеры посевной площади под хлопком в Самаркандском бекстве Бухарского ханства говорит и Л. Н. Соболев в своих географических и статистических сведениях о Зеравшанском округе (Зап. РГО по отделению статистики, т. IV, СПб., 1874).

⁹ Сборник сведений. . . , стр. XXI—XXII.

Страны	Вывоз из России	Ввоз в Россию
1. Китай	60.0	43.8
2. Киргизские степи	16.8	13.0
3. Иран (Персия)	8.1	23.6
4. Азиатская Турция	7.2	5.2
5. Бухара	3.2	4.3
6. Хива	0.8	1.5
7. Коканд	0.2	0.2
8. Прочие страны	3.7	8.4
Итого	100.0	100.0

Сопоставление объема русской торговли в завоеванной почти полностью к середине XIX в. казахской степи с объемом той же торговли в неподвластных России узбекских ханствах естественно должно было наталкивать русскую буржуазию и царское правительство на мысль о важности военной экспансии в узбекские ханства.

Приведенные выше данные об изменениях в области торговли корреспондируются с данными о развитии за тот же период русской промышленности. Общий рост ее за время с 1825 по 1881 г. характеризуется следующими данными: ¹

Годы	Число фабрик	Число рабочих (в тысячах)	Стоимость продукции (в тыс. руб.)
1825	5 261	202	46 500
1854	9 944	459.6	159 985
1881	31 173	770.8	997 933

Особенно бурный рост за рассматриваемый период обнаружила хлопчатобумажная промышленность. Общее представление о нем дают приводимые ниже данные стоимости продукции отдельных видов этой промышленности с 1850 по 1870 г. (в тыс. рубл.).²

Годы	Бумагопряд. пром.	Бумаготкацк. пром.	Красильн. и отделочн. пром.
1850	15 877	12 771	16 224
1860	28 670	19 343	23 104
1870	48 431	48 025	30 731

Рост хлопчатобумажной промышленности привел к резкому повышению количества завозимого в Россию хлопка. Среднегодовой завоз его по отдельным периодам рос следующим образом (в тыс. пуд): ³

Годы	Завоз хлопка	Годы	Завоз хлопка
1841—1845	527	1861—1865	1116 ⁴
1846—1850	1115	1866—1870	2577
1851—1855	1533	1871—1875	4045
1856—1860	2421		

В этот период Россия все более становится не только импортером, но и экспортером хлопчатобумажных тканей. Выше мы уже отмечали рост удельного веса текстиля в русском вывозе в Среднюю Азию, занявшего в нем первое место.

¹ Статья «Россия» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XXVII, стр. 280).

² Сборник сведений. . . , стр. 276. Об особенностях развития хлопчатобумажной промышленности России в XIX в. см.: М. Т у г а н - Б а р а н о в с к и й. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938, т. I, стр. 52—58 и др.

³ Там же, стр. 274.

⁴ Гражданская война в США.

⁵ Статья «Россия» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XXVIIa, стр. 286).

Ниже мы приводим данные о среднегодовом ввозе и вывозе из России готовой хлопчатобумажной продукции за интересующий нас отрезок времени (в тыс. рубл.):⁵

Годы	Ввоз в Россию	Вывоз из России
1841—1850	3 900	2 220
1851—1860	7 700	3 020
1861—1870	9 450	4 540

Следует иметь в виду, что 66% вывоза России, а если не считать вывоз в Финляндию, то и 95%, шли в азиатские страны. Итак, уже в середине XIX в. начинает реализоваться указание Веригина о необходимости возмещать на Востоке потери на Западе.

Все приведенные выше данные говорят о быстрых темпах развития капитализма в России в 50-х—60-х годах XIX в. Развитие капитализма потребовало ускорения образования для последнего рынка. Как указывает В. И. Ленин,¹ «процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны, именно: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории». При этом следует иметь в виду, что в процессе борьбы капитализма за расширение рынка вглубь, неизбежно превращавшейся в условиях России в борьбу против феодально-крепостнических отношений, развитие капитализма вширь, т. е. расширение территории России, играло для дворянско-помещичьего правительства роль предохранительного клапана, помогавшего ослаблять напор капиталистических отношений на феодально-крепостнические устои империи. Указанное обстоятельство явилось важным стимулом для придания политике царской России в Средней Азии этого периода значительно большей агрессивности, чем в предшествующие. Сороковые годы являлись также периодом особо острой борьбы между Россией и узбекскими ханствами за господство в казахской степи. Следует также отметить для рассматриваемого периода выдвижение в качестве предпосылки для обеспечения «решительного» влияния России по всей Средней Азии захват и заселение низовьев р. Сыр-дарьи. План наступления на ханства со стороны Сыра в этот же период времени выдвигается, кроме Перовского, и управляющим морским министерством кн. Меншиковым, хотя пока и в качестве меры, направленной только против Хивы.² Военный министр гр. Чернышев запросил по этому поводу генерал-губернатора Зап. Сибири Горчакова, и последний предложил в качестве первого мероприятия занять укрепление ташкентцев на реке Чу.³

Обратимся теперь к ознакомлению с деятельностью дипломатических миссий царской России в Средней Азии в начале пятидесятых годов. Поскольку миссии Никифорова и Данилевского в Хиву имели, как мы увидим ниже, задачу добиться мирным путем разрешения ряда частных, хотя и важных, вопросов, мы рассмотрим связанные с ними материалы несколько далее, а сейчас остановимся на задачах, которые себе ставила миссия Бутенева в Бухару. Из материалов по этой миссии, с которыми мы могли познакомиться, наибольший интерес для выяснения задач русской политики в Средней Азии того периода представляет записка самого Бутенева «О возможности и средствах похода на Бухарию с войском».⁴ Дело в том, что

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. М.—Л., 1931, стр. 464.

² Сборник материалов. . . , т. II. Письмо Меншикова от 4 III 1840.

³ Там же. Письмо Чернышева от 5 III 1840 и ответное письмо Горчакова.

⁴ Архив народного хозяйства в Ленинграде. Фонд Департамента горных дел. д. № 5/330, лл. 417—454.

уезжавшие в узбекские ханства русские политические агенты (кстати сказать, все военные люди) получали от русского правительства задания по сбору различных сведений. В числе этих заданий значился и сбор сведений о «степени возможности занять ханство вооруженной рукою, пути, способы и образ действий к достижению этой цели».¹ Таким образом записка Бутенева представляет собою не просто «плоды досуга» компетентного в этом вопросе человека, но официальный отчет вернувшегося из поездки посла. Прежде всего следует отметить, что военный поход в Бухару мыслится Бутеневым (надо думать в соответствии с полученными им от правительства директивами) не в целях окончательного завоевания этого ханства, но лишь как средство для того, чтобы заставить бухарское правительство подписать соответствующий договор с Россией. Важнейшие пункты этого договора приводятся в записке и представляют собою те основные задачи, к разрешению которых стремилось русское правительство в своей политике по отношению к Бухарскому ханству. По проектируемому запиской договору бухарское правительство должно было принять на себя следующие обязательства в отношении России:² а) освобождение невольников — русских и персов; б) уравнивание русских купцов в правах с местными; в) разрешение транзита через Бухару русских товаров в Кабул и другие города; г) разрешение строить на территории ханства русские церкви; д) отказаться принимать к себе беглецов из России (здесь имеются в виду в первую очередь казахи, которые не хотели примириться с положением «верноподданных Российского престола»); е) принять в Бухару постоянного русского политического агента; ж) заплатить контрибуцию для покрытия расходов по военной экспедиции; з) отказаться от захваченной в тот период территории Коканда. Записка Бутенева выгодно отличается от всех предыдущих аналогичных документов своей полной конкретностью. Видно, что он не даром провел почти год в ханстве (с августа 1841 г. по апрель 1842 г.³) и прекрасно знаком со всей обстановкой. Написанная по поводу русско-бухарских отношений записка по существу формулирует задачи всей среднеазиатской политики России. О прекрасном понимании Бутеневым «узловых» интересов царской России в Средней Азии говорит тот факт, что при заключении фактических договоров между Россией и Бухарой через 25 лет и Россией и Хивой через 30 лет почти все предложенные Бутеневым пункты вошли в их состав без всяких изменений и дополнений.

Переходя к вопросу о миссиях в Хиву Никифорова и Данилевского, следует прежде всего остановиться на изменении значения Хивы в среднеазиатской политике России, начиная с 40-х годов XIX в. Мы уже видели выше, что решающим направлением для экспансии России в этот период становится сыр-дарьинское направление. Узловые вопросы отныне должны были разрешаться на границах с Бухарой и Кокандом. Таким образом Хива перестает быть решающим плацдармом для экспансии в Среднюю Азию. Это признавал, как мы уже видели, даже сам автор записки о новом походе в Хиву — Перовский. Эта же точка зрения высказывалась и главой хивинской миссии капитаном Никифоровым в письмах на имя Перовского, в которых он усиленно рекомендует сосредоточить главные усилия на закрепление России в низовьях Сыр-дарьи.⁴ В этих условиях основной задачей миссии становилось обеспечение устойчивого нейтралитета Хивы

¹ Всеподданнейший доклад военного министра от 28 IV 1842 г. по вопросу об инструкции Данилевскому. Сборник материалов. . . , т. IV. Доклад был утвержден императором.

² Арх. народн. хоз. Фонд Деп. горных дел, д. № 5/330.

³ См. соответствующие рапорты Бутенева (Арх. народн. хоз. Фонд Деп. горных дел, № 5/330, лл. 144, 165).

⁴ Письма Никифорова Перовскому от 18 X и 21 X 1851 г. Сборник материалов. . . , т. III.

в предстоящем движении к Сыр-дарье, восстановление престижа России, а также улучшение условий для русской торговли. При этом в отношении последней задачи (торговой) Никифорову предлагалось проявить уступчивость при условии достижения соглашения по первым двум вопросам.¹ Таким образом вопросы нейтрализации Хивы и поддержания престижа являлись центральными в переговорах с Хивой в этот период. Конкретно Никифорову было предложено добиваться от хивинского правительства следующего: а) уничтожения рабства и возврат русских пленных в Хиве; б) прекращение грабежей русских караванов и возврат в дальнейшем всякого имущества русских подданных, попавшего в результате грабежа в Хиву; в) признание владением России всей территории, лежащей к северу от р. Сыр-дарьи и на восточном побережье Каспийского моря; г) отказ, в соответствии с предыдущим пунктом, от взимания податей с казахского и туркменского населения в этих районах, а также и от всякой политической агитации среди населения тех же районов; д) уменьшение налогового обложения русских товаров.² Как известно, хивинское правительство после долгих колебаний согласилось на большинство требований России и в 1843 г. был издан от имени хана соответствующий указ.³

Последнее изменение в развитии среднеазиатской политики России произошло в 60-х и 70-х годах, когда намечавшаяся ранее временная оккупация ханств превратилась в окончательное присоединение значительной части территории последних к России с объявлением протектората над остальной их частью.

Мысль об окончательном захвате Средней Азии высказывалась неоднократно и ранее. В частности, в записке Веригина от 13 II 1840 г.⁴ усиленно доказывается необходимость окончательного захвата Хивы, а не только временной оккупации ее территории, как это было заявлено в правительственной прокламации по этому вопросу.⁵ Одним из основных аргументов Веригина в защиту своей точки зрения являлось опасение, что напуганная оккупацией Хива бросится в объятия англичан и сделается еще более опасным врагом России. Однако общая обстановка до середины 60-х годов была такова, что до указанного периода в политике царской России преобладала установка на временную оккупацию. Такая «сдержанность» русского правительства объяснялась в основном двумя мотивами. Первый заключался в неуверенности руководителей тогдашней русской политики в экономической выгоде подобной операции. Так, например, еще в 1861 г. известный ориенталист В. В. Григорьев отзывался о возможных результатах завоевания Средней Азии Россией следующим образом: «Но нам-то, спрашивается, какая была бы польза от того, что мы завладели бы Средней Азией? Можно наверно сказать, что содержание там управления, гарнизонов и подвижных войск стоило бы нам втрое, вчетверо более того, сколько получили бы мы местных доходов».⁶ Укажем также, что даже значительное время спустя после завоевания туркестанские власти и ряд русских авторов, писавших о завоевании Средней Азии, считали своим долгом оправдываться в экономической целесообразности этой «операции».

¹ Сборник материалов. . . , т. III. См. инструкции, данные русским правительством Никифорову.

² Там же, т. II. Инструкция от 13 II 1841 и другие инструктивные указания Никифорову.

³ Русский текст этого указа приведен в т. II «Сборника материалов», в цитированной работе Терентьева, а также в работе Залесова «Посольство в Хиву капитана Никифорова».

⁴ Сборник материалов. . . , т. II.

⁵ С.-Петербургские ведомости, 1839, № 278.

⁶ См. примечание 41 В. В. Григорьева к опубликованной им записке Хрисанфа, метрополита новопотрасского, о странах Средней Азии.

Это, в частности, делает Л. Н. Соболев в цитированной выше работе о Зеравшанском округе и М. Терентьев в своей «Истории завоевания Средней Азии», приводя данные о расходах России на б. Туркестан и доходах от него. Вторым мотивом являлась боязнь русского правительства создать международные политические осложнения. Мы уже приводили в начале настоящей работы постановление Непременного совета по записке Бланкеннагеля, в котором явно сквозило опасение втянуть Россию в европейскую войну из-за среднеазиатских дел. С тех пор англо-русское соперничество в Азии (в особенности в Малой Азии) значительно обострилось. Особенно трудно было внешнеполитическое положение России в 50-х годах, когда Англии удалось создать широкую антирусскую коалицию, разгромившую в Крыму николаевскую Россию. В силу сказанного, заняв еще в начале 50-х годов в основном территорию казахской степи, русские войска топчутся у границы узбекских ханств целых 15 лет. С середины 60-х годов вся обстановка значительно меняется. Россия становится союзницей Пруссии, победоносно разгромившей Австрию (1866) и Францию (1870). Угроза второй крымской войны тем самым отпала. Изменилась и экономическая оценка Средней Азии как русского рынка. Новая оценка нашла свое отражение в Записке Степной комиссии, представлявшей проект положения и штатов новоучреждаемого Туркестанского генерал-губернаторства в Государственный совет.¹ В записке говорится, что комиссия первоначально колебалась при выборе принципиальной установки для составления проекта. Имелись два варианта. Первый заключался в установке на временную оккупацию территории ханств «для эксплуатации ее естественных богатств в свою пользу и для каких-либо внешних политических видов».² Второй вариант заключался в установке на окончательное включение ханств в состав Российской империи. К разрешению этого вопроса комиссия подошла путем изучения «торгово-промышленных связей» России с оккупированными районами. В результате изучения комиссия «брала на себя смелость» утверждать, «что только прочное, крепкое прикование земель этих навсегда к России и постепенное органическое слияние с нею может быть единственной целью нашей администрации в среднеазиатских владениях».³ При этом комиссия подчеркивала, что «от прочного закрепления за Россией Киргизских степей и земель новообразуемых областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской зависит вся будущность нашего влияния в Азии и нашей в ней торговли».⁴ Кроме двух перечисленных выше основных мотивов, на изменение позиций русского правительства в рассматриваемом вопросе отразилась и выяснившаяся уже в первые дни завоевания невозможность обеспечить подписание, а главное, выполнение бухарским правительством нужного царской России договора. Только заняв окончательно Самаркандскую область (в 1868 г.), а с ней и верхнее течение р. Зеравшана, питающей ирригационные системы основных районов Бухары, русское правительство оказалось действительным хозяином положения в этом ханстве и смогло диктовать ему любые условия.

¹ Арх. внутр. полит. Фонд Гос. совета (по Деп. законов), д. № 160, 1867 г.

² Там же, л. 6.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же, л. 7.

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

АВАРЫ И СЛАВЯНЕ В СИРИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Среди сирийских историков VI в. Иоанн Ефесский принадлежит к числу авторов, биография которого хорошо известна. Благодаря этому исследователь, используя его данные, всегда имеет возможность учесть его личные взгляды и тенденции. Иоанн родился в первом десятилетии VI в. и умер около 586 г. Он побывал далеко за пределами родной Месопотамии, подолгу жил в Константинополе, бывал в Малой Азии, на Средиземном море. Свою судьбу он связал с монофизитской клерикальной партией, разделив ее успехи и неудачи. В молодости он был нищим клириком, в зрелые годы — могущественным епископом монофизитов, был принят при дворе Юстиниана, во дворец которого он знал также дорогу и с черного хода — к царице Феодоре. В старости, гонимый за монофизитство, Иоанн оказался в тюрьме и неоднократно бывал в ссылке. Он много перевидал и передумал за свою более чем восьмидесятилетнюю жизнь.

Иоанну принадлежит большой исторический труд, сохранившийся лишь частично. Для своего сочинения автор использовал ряд письменных источников, в том числе официальные документы и акты. Свободно владея греческим языком, он переводил их без труда на сирийский, как и летопись Иоанна Антиохийского, дошедшую по-гречески лишь во фрагментах и в сокращенном виде в хронике Иоанна Малалы. Он использовал также ряд сирийских источников, в том числе хронику Иешу Стилита и хронику своего современника, известную под именем хроники Захарии Митиленского. Только третья часть истории Иоанна Ефесского сохранилась под его собственным именем. Эту часть он назвал своими воспоминаниями. Главное в этих воспоминаниях составляют факты, известные ему лично, как свидетелю событий или по устным рассказам современников-очевидцев. В этой части он больше всего останавливался на политических событиях. Сюда вошли его исключительно ценные сообщения о государствах арабов, гассанидов и лахмидов, о персо-византийских войнах, об общем положении Восточно-римской империи и наконец важные сведения о народах, в древности живших на территории СССР. Сохранилась подробная запись Иоанна, сообщающая о движении аваров и славян на Балканском полуострове. Эта запись является существенным дополнением к рассказам Менандра и Прокопия, а ряд данных ставит сирийского историка даже выше его греческих собратьев.

Характеризуя затруднения империи, вызванные варварскими нашествиями при Юстине II (565—578) и при Тиверии II (578—582), Иоанн Ефесский говорит о сочувствии населения к Тиверии как в верхах, так и в низах. Еще при жизни Юстина, будучи кесарем и выполняя роль соправителя, Тиверию приходилось вести войны на всех границах «со всех сторон». Он вел войска «против персов и других варварских народов», восставших

против «мощной ромейской державы». Византию теснили со всех сторон, большой Юстин был фактически отстранен от дел, и Тиверий был в крайнем затруднении. «Ему угрожали со всех сторон, а после смерти Юстина еще больше восстали против него, особенно же проклятые народы склавены и те, что по волосам своим называются аварами. Особенно когда он стал автократом, ему не дали вздохнуть и малое время от сообщений и слухов, которые с разных сторон множились около него».¹

Бедственное положение империи сказывалось на различных социальных слоях. Сочувствие Тиверию выражали не только знатные и богатые, но и малые, бедные.

«Во [время] тяжелых бедствий, в траурные дни досталось ему государство. Днями и ночами он находится в борьбе и в заботе, чтобы собирать отовсюду войска и посылать их во все стороны, на многочисленные войны».²

Все более осложнявшееся внешнее положение империи, множество нападений, необходимость «отовсюду» собирать военные силы, чтобы дать отпор, — все это ставило в затруднение ближайших преемников Юстиниана (527—565).

На север от среднего и нижнего течения Дуная в V в. славянам принадлежали большие пространства. Они участвовали в набегах, преимущественно в составе других орд и племен, тревоживших границы империи. В византийских войсках служили славяне, славянами были некоторые полководцы; существовали даже отдельные славянские дружины; об этом свидетельствуют их имена. Писатель начала VII в. Феофилакт Симокатта говорит о равнозначном употреблении имени славян и гетов.³ Под именем «гетов» в начале VI в. начинаются их вторжения на Балканский полуостров, опустошения Фракии и Иллирии.⁴ Уже при Анастасии (умер в 518 г.) Константинополь был опоясан стеной протяжением около 85 км. На расстоянии 40 км от столицы она тянулась от Мраморного к Черному морю, обращая полуостров в «малый остров».⁵ Постройка стены отдавала, фактически, все области на север и на запад от нее на произвол варваров. Помимо того, стена была недостаточно прочной, в ней образовались трещины от землетрясений, она требовала постоянных восстановлений.

Вторжения аваров и славян в VI в. в византийские области были вызваны причинами как внутренними, так и причинами внешнеполитического характера. Аварский каганат, охватывавший большие пространства, был разбит тюрками, давление которых заставило авар двинуться в западном направлении. Под их напором славяне сплотились и стали делать попытки овладеть новыми территориями. У славянских племен начинали складываться новые формы общественных отношений, шла перестройка рода, образовывалось примитивное военное государство, требовавшее однако большей дифференциации труда и новой рабочей силы — рабов. К тому же аварами были отняты у них территории и ощущалась потребность в новых пространствах.

Все это вместе взятое составляло побудительные причины для набегов. Не последнюю роль играла и возможность обогащаться за счет грабежа богатых византийских провинций. Комит Марцеллин знает о нападении варваров на Фракию в 499 г.⁶ и на Иллирию в 504 г.⁷ В 517 г. они опусто-

¹ *Johannis Ephesini Historiae ecclesiasticae, pars tertia, 1. 3, cap. 25.* Edidit Brooks. С. S. O. *Scriptores syri, Series III, t. 3, p. 152.*

² *Ibid.*, p. 152.

³ *Theophylacti Simocattae, Historiae 3, 4, 7, ed. De Boor, p. 116.*

⁴ *Marcellini comitis chronicon. Chronica minora, ed. Mommsen, t. 2, p. 100.*

⁵ *Evagrius. Historia, 3, 38.* Ed. Bidez et Parmantier, p. 136.

⁶ *Marcellini comitis chronicon, p. 94.*

⁷ *Ibid.*, p. 96.

шили Фессалию и Македонию и дошли до Фермопил.¹ Славяне составляли большую часть полчищ, наводнявших полуостров. Византийские писатели этнически различают аваров и славян друг от друга, но часто и объединяют их, так как они составляли одно войско.

Появление аваров на границе империи и их стремление завязать дипломатические отношения с Константинополем были следствием давления тюрков. Авары, по словам Иоанна Ефесского, «убежали из своей земли». Они пытались оказать сопротивление, совершили набег на захваченные тюрками области, а затем поспешно скрылись. По этому поводу тюркский хан Силзибул угрожал им мстью, говоря: «Они не птицы, чтобы, летая по воздуху, избежали, мечей тюрков, и не рыбы, чтобы, нырнув в глубину моря, исчезли в волнах, а они бродят по земле. Когда я кончу войну с эфталитами, нападку на аваров, и они не избегнут моих сил».² В другом случае, при переговорах тюрков с ромеями в 568 г. (в 4-й год Юстина II) на вопрос императора: «Сообщите нам, как много аваров свергли владычество тюрков и есть ли еще подчиненные вам?» последовал ответ: «Есть, царь, такие, которые еще нам подчинены, тех же, что от нас бежали, полагаем до двадцати тысяч».³ Перед аварами стояла задача укрепить свое положение на вновь занятых территориях и вступить в соглашение с Византией. С этой целью каганом было направлено посольство в Константинополь, где самая внешность аваров привлекла всеобщее внимание. Иоанн Малала относит их появление к 6-му индиктиону, в царствование Юстиниана;⁴ Феофан сообщает об этом событии под 6050 г. и говорит, что они вызвали своим внешним видом сенсацию и что весь город собрался на них поглазеть.⁵

Необычайный их вид заключался в том, что они хоть и походили на «прочих гуннов», но носили длинные волосы, заплетали их в косы и украшали. По этому поводу и Иоанн Ефесский говорит об отвратительном «волосатом» народе, называемом аварами.⁶ Позднее, в 562 г., принимая аваров, Юстиниан согласился предоставить им «землю герулов», Паннонию 2-ю.⁷ Но повидимому они не были склонны там осесть, а стремились вытеснить и гепидов. Для этого авары намеревались переправиться через Дунай, но откладывали переправу до возвращения их послов из Константинополя. Узнав об этом от авара-предателя, Юстиниан долго не соглашался отпустить послов, а, отпустив их, велел отобрать у них на обратном пути оружие.⁸ К тому же времени относится вторжение аваров совместно со славянами в византийские провинции Мизию 2-ю и Скифию. Скифия была ограничена на севере нижним течением Дуная и на востоке западным побережьем Черного моря. Мизия 2-я находилась также на берегу Истра (Дуная), примыкая к Скифии с одной стороны и ограниченная с юга Фракией. Авары, под натиском тюрков продвигаясь по северным прикаспийским, а затем причерноморским областям, смяли алланов и антов. В целом аварский каганат занимал неопределенно большую площадь восточной Европы и части Азии.

Охрана границ Восточно-римской империи в середине VI в. как в Африке, так и в Азии, а также и грандиозные сооружения, возводившиеся при Юстиниане в разных местах империи, приводили к оскудению казны. Чтобы удержать по возможности империю в равновесии, приходилось действовать

¹ Ю. Кулаковский. История Византии, т. I, стр. 492.

² Menander Protector. *Fragn. 10. Fragmenta historicorum graecorum*. Ed. Müller, t. IV, pp. 205—206.

³ Ibid., Fr. 18, p. 226.

⁴ Johannes Malalas. *Chronographia*, p. 489.

⁵ Theophanes. *Chronographia*, p. 232.

⁶ Joh. Ephes. 6, 24, pp. 276, 324.

⁷ Menander, Fr. 9, p. 205.

⁸ Ibid., Fr. 9, p. 205.

не только дипломатическим путем, но и откупаться от агрессивных и воинственных соседей. Для того чтобы не содержать на границе слишком большого количества войск, правительство империи стремилось ограничиться войсками типа федератов или возложить пограничную сторожевую службу на платные варварские дружины. Агрессивных соседей приходилось задабривать, оплачивать, и Юстиниан нес большие расходы, покупая расположение, например, аварских вождей.

Иоанн Ефесский говорит, что авары «появились в ромейских пределах при Юстиниане, причем послали к нему послов, которых он щедро одарил. Он послал через них подарки и их вождям».¹

Слово «*riš*» (голова, глава) в сирийском является обычным обозначением для верхушки знатных, для шейхов, в арабском государстве гассанидов. Наличие этой верхушки при кагане Баяне отчасти было еще наследием родового строя, когда в военном государстве старшина или глава рода начинал приобретать новое значение. Не лишено интереса и указание на то, что именно давали и посылали аварам: «золото, серебро, одежды, пояса и золотые седла».² Последнее как нельзя лучше отвечает кочевому облику двора аварского каганата.³ Греческие писатели также сообщают о предметах роскоши, золотых шнурах и прочем, что дарили аварам при Юстиниане.⁴ Пораженные роскошью подарков, варвары послали других послов, вновь одаренных. Затем «под разными предлогами» продолжали приходить все новые группы, получавшие так же щедро.

Причины требовательности, с одной стороны, и щедрости — с другой, в сущности совпадали. Восточно-римская империя была слаба, авары были сильны. Их нажим на Балканский полуостров болезненно отзывался в самой столице. Потому-то так податлив и был Юстиниан.

Но у него был и другой мотив для щедрости: он «надеялся, что их руками сможет победить всех своих врагов».⁵ Те же мотивы указывает и греческий историк. Юстиниан был обязан их вознаграждать за то, что 1) хотя они и могли бы, но они не нападали на империю и 2) они уничтожили тех «варваров», которые нападали на Фракию, а теперь боятся аваров.⁶ И они приходили требовать «обычное золото», как его требовали и персы. Неумеренная раздача «золота» и, вероятно, расточительность Юстиниана вообще привели к тому, что «стали выражать неудовольствие и сенат, и весь город, он-де опустошает государство и отдает все варварам».⁷ К числу недовольных этой политикой принадлежал и Юстин. Когда он стал императором, он пытался вступить на путь борьбы с непомерными требованиями аваров. После смерти Юстиниана (565 г.) одна из «шак» аваров явилась с новыми требованиями: «Дай нам, как давал нам покойный, и отпусти нас, чтобы мы отправились к нашему царю». Но Юстин II, недовольный тем, что они только «берут и уносят» из государственной казны, обошелся с ними сурово, считая, что отныне они будут получать только вознаграждение за службу, а отнюдь не дань.⁸ Греческий историк говорит, что они вернулись во-свои ни с чем. Более существенные подробности сообщает сириец, который рассказывает, что возмущенный дерзостью аваров Юстин пытался занять более твердую позицию по отношению к ним: «Вы, мертвые псы, смеете угрожать ромейскому царству? Знайте, что я прикажу сбрить вам волосы,

¹ Joh. Ephes., 6, 24, p. 324.

² Ibid., p. 324.

³ Menander, Fr. 65, 66, pp. 267—268.

⁴ Ibid., Fr. 14, p. 218.

⁵ Joh. Ephes., 6, 24, pp. 324—325.

⁶ Menander, Fr. 14, pp. 218—219.

⁷ Joh. Ephes., 6, 24, p. 325.

⁸ Menander, Fr. 14, p. 219.

а затем сниму вам головы».¹ После того он приказал схватить их, бросить в лодки и вывезти из города. Их увезли в Халкедон, где они были «связаны и заключены» в количестве около 300 мужей. Иоанну известно еще, что к ним приставили «войско со скрибонами и схоляриями, которые стерегли их в течение шести месяцев».² Косвенное подтверждение применения репрессий к аварам можно видеть в словах Менандра о том, что авары должны были быть счастливы тем, что ушли живыми из Константинополя.³ Наконец приказано было отпустить аваров, и Юстин II еще пригрозил им: «„Если я увижу кого-нибудь из вас здесь или в моем государстве, то вы не останетесь в живых“». Они испугались, ушли и более ему не показывались». Вскоре авары попытались вновь завязать дипломатические отношения, «обещая выполнить то, что он (император) прикажет». Иначе говоря, они соглашались служить Восточно-римской империи и «остались дружественными Юстину во все его дни». Так и авары проделали обычный путь варварского народа, приходившего в соприкосновение с Римом, а затем Византией. Со своей стороны и ромеи были склонны к дружбе, потому что авары, «будучи народом могучим, более богатым, чем многие северные народы, подчинили себе их и уничтожили их».⁴ В числе покоренных находились и гепиды. Авары «напали на другой могучий народ, гепидов, уничтожили их, завладели их областью, поселились и расположились на хорошей земле».⁵ Усиление аваров приняло, однако, нежелательные для Византии размеры. В этом усилении не последнюю роль сыграли франкские государства. По материалам источников можно с уверенностью сказать, что авары обращались к Византии не только с требованием золота: им были также необходимы продукты питания и фураж. В примитивных условиях кочевой жизни аварские орды сами добывали себе все необходимое, а в новых условиях, где стабилизация оказалась неизбежной, эти потребности не могли быть удовлетворены без помощи и содействия со стороны.

Восточно-римская империя на своей северо-западной границе придерживалась той же политики, как и в Азии, т. е. стремилась сформировать для защиты границ небольшие буферные государства или использовать местные племена в качестве федератов, охраняющих территорию. Каждый новый народ, приходивший в соприкосновение с Византией, исчерпав свои наступательные способности, стремился приобрести ее поддержку и стать в положение союзника. До появления аваров такое положение заняли на левом берегу Дуная гепиды, в которых лангобардский король Альбуанос видел препятствие для свободного нарушения границ империи с тем, чтобы грабить в Скифии и Фракии.⁶ Недовольный Византией аварский каган Баян стремился завязать сношения с королем франков Сигизбертом. Побудила его к этому невозможность получить от империи необходимое продовольствие. Сигизберт же выдал аварскому войску необходимые припасы в виде муки, овощей, овец и быков, так как авары терпели сильный голод.⁷ Лангобарды видели в гепидах враждебную силу, тем более опасную, что гепидов поддерживала Византия; поэтому они стремились поддержать аваров и подстрекали их к нападению на гепидов, возглавляемых Конимундом. Захватив землю гепидов, лангобарды получили возможность без помех захватывать глубже во владения империи и, следовательно, вымогать или захватывать добычу.⁸ С другой стороны, и империя искала новых союзников.

¹ Joh Ephes., 6, 24, p. 325.

² Ibid., p. 325.

³ Menander, Fr. 14, p. 219.

⁴ Joh. Ephes., 6, 24, pp. 325—326.

⁵ Ibid., p. 326.

⁶ Menander, Fr. 24, p. 230.

⁷ Ibid., Fr. 23, p. 230.

⁸ Ibid., Fr. 24, p. 230.

и она нашла их в лице тюрок. Последние могли оказывать поддержку Византии только в восточных областях. Главным образом союз этот был направлен против Ирана, но часть аварских орд находилась под властью тюрок. Последние, при заключении союза с Восточно-римской империей, поставили условие «не принимать аваров», т. е. те, примерно, 20 000, которые «бежали» от тюрок.

По дунайской границе опорным государством для Византии были гепиды. Они занимали области по левому берегу Дуная, в среднем его течении, и представляли союзников Константинополя. Конимунд удерживал за собой хорошо укрепленный город Сирмиум и области по Драве. Испуганный союзом лангобардов с аварами, он обратился за помощью к императору Юстину, обещая возвратить Сирмиум. Но такое обещание давалось не в первый раз и потому не возбуждало доверия. Так как авары спорили об условиях союза с лангобардами,¹ то последние обратились с посольством к Юстину. Но военной помощи не получили ни те, ни другие.²

Сингидон, находившийся при впадении Савы в Дунай, и Сирмиум, как пограничный город, привлекли к себе внимание аваров. Ссылаясь на то, что город принадлежал гепидам, области которых были уже захвачены аварами, каган Баян требовал Сирмиум себе, так как к этому времени город вновь был в руках ромеев. Прокопий Кесарийский утверждает, что в его время гепиды занимали земли по обе стороны Истра (Дуная), города Сингидон и Сирмиум.³ В другом месте он повторяет, что гепиды захватили город Сирмиум и хвалились, что разорили Дакию, так как готы, которых они до того времени боялись, были слабы, а ромеи были отвлечены войной в Италии.⁴ В конечном счете и Сирмиум и вся область Дакии были в руках гепидов.⁵ Борьба между гепидами и лангобардами на берегах Дуная была длительной, велась с переменным успехом, и каждая сторона настойчиво стремилась увеличить территорию захваченных областей за счет другой.⁶ Авары стремились к дальнейшему укреплению по Дунаю. Их попытка взять Сирмиум приступом относится еще к 568 г. Когда это не удалось, каган Баян, обосновавшийся в областях гепидов, попытался добиться своего другим путем. По его приказу десять тысяч гуннов-кутригуров перешли Саву и разорили Далмацию.⁷ Ко времени того же Юстина, следовательно до 578 г., относится посланное аварами дружественное посольство, которое просило дать «механиков и строителей», для того чтобы построить баню и дворец кагану. Их просьба была удовлетворена. Когда искусные византийские мастера закончили постройки и стали просить отпустить их домой, то тут, как говорит источник, каган «обнаружил свою лживость». Угрожая мечом, он приказал мастерам перекинуть «мост через Дунай, чтобы мы могли переходить когда пожелаем».⁸ Мастера стали отказываться, так как, по их мнению, приказ был технически невыполним. «Как можно и как когда-либо будет возможно перекинуть мост через реку, подобную морю?» Другим их аргументом было то, что подобное сооружение было бы «направлено против ромейского государства» и строители понесли бы за это наказание от императора. Двоим из ромеев были отрублены головы, остальные под страхом смерти согласились выполнить приказ. Они потребовали много «большого и твердого дерева». Множество народа

¹ Ibid., Fr. 25, p. 231.

² Ibid.

³ Procopius. De bello vandalico, I, 2. Ed. Haury, p. 311.

⁴ Procopius. De bello gothico, III, 34, pp. 447—448.

⁵ Ibid., 33, p. 443.

⁶ Ibid., 34, p. 444.

⁷ Menander, Fr. 27, pp. 231—232, 233.

⁸ Joh. Ephes., 3, 24, p. 326.

было послано в лес вырубить соответствующие деревья, и мастера «постарались и перекинули весьма крепкий мост».¹ Факт этот Иоанн Ефесский относит к 580 г., так как он называет 3-й год правления Тиверия, после смерти Юстина.² Такая точность была необходима, так как еще при жизни последнего в течение четырех лет Тиверий соцарствовал ему в качестве кесаря,³ и это могло послужить к неправильному исчислению лет его царствования. О постройке моста известно и Менандру, причем он указывает на его местонахождение на Саве, между Сингидоном и Сирмием.⁴ Сирийский источник говорит, что этим событием были весьма огорчены император и «все государство» и что делались всяческие попытки разрушить мост, но «сразу не смогли этого сделать». Авары, захватив мост, «засели» и, угрожая разорением ромейских областей, требовали, чтобы им был отдан Сирмиум «на этом берегу реки, чтобы поселиться в нем». Однако Тиверий не согласился отдать важный стратегический пункт на границе. Правительство Восточно-римской империи стало собирать войска и «следить, когда наступит время, чтобы можно было вести войну», иначе говоря — выжидать благоприятного для наступления времени.

Интересно сообщение сирийского историка, что ромеи «построили также другой мост, чего, как говорят, прежде не было, сделали они это готовясь к плохому».⁵ Но к этому времени новые обстоятельства заставили Византию направить орды аваров так, чтобы они действовали в интересах защиты империи. На этот раз наиболее опасным врагом стали славяне.

Известно, что греческие писатели называли славян склавенами. Сирийские писатели удержали это название, транскрибируя его с дополнительным алефом впереди трех согласных, esklabine. При Юстине славянские полчища прошли Фракию и, достигнув долгой стены, грозили столице. В начале правления Тиверия дружественные предложения аваров были приняты и их военные силы были направлены против славян, от нападения которых страдали византийские провинции на Балканском полуострове. Сообщения сирийского историографа по этому вопросу имеют особую ценность, так как он точно датирует походы славян и утверждает, что они не преследовали одну лишь грабительскую цель — примитивное обогащение за счет добычи. Из его сообщения ясно, что славяне имели целью занять территорию и сумели добиться своего. «В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиверия, вышел проклятый народ склавены и прошли всю Элладу, области Фессалоники и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе [эту] область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной. Это продолжалось в течение лет четырех, пока император был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток».⁶ Историк византийской ориентации, страстный и нетерпеливый сириец, дал врагам империи эпитет «проклятые». Его указание на то, что основная масса войск Византии была направлена на восточную границу, подтверждается и всеми другими источниками. Развивая и далее свое положение, Иоанн говорит: «поэтому [т. е. потому, что на этой границе не было достаточного количества войск] они расположились на этой земле, поселились на ней и широко раскинулись, пока бог им попускал». Их напор на Балканском полуострове перестал быть временным явлением, он стал постоянным. В течение нескольких лет склавены распоряжались на Балканском полу-

¹ Ibid., 3, 24, p. 326.

² Ibid.

³ Ibid., p. 327. — Menander, Fr. 37, p. 240.

⁴ Menander, Fr. 64, p. 266.

⁵ Joh. Ephes., 3, 24, p. 327.

⁶ Ibid., 6, 25, p. 327.

острове, «они уничтожали, жгли, брали в полон до самой внешней стены». В их добыче видное место занимал скот, они захватили «много тысяч царских табун» [конских] и всяких других». Иоанн Ефесский, говоря о богатстве славян, указывает, что «они разбогатели, имеют золото и серебро, табун коней и много оружия».¹ Греческий историк относит их нападение к 4-му году Тиверия и говорит, что «славянский народ» в количестве около 100 000 человек опустошал Фракию.² Изобилие денег в земле склавен он объясняет тем, что славяне «издавна» грабили ромеев.³ Несомненно, примитивное обогащение за счет добычи сосредоточило в руках правящей верхушки ценные металлы и скот. Оружие и кони усиливали их военную мощь, но более всего возмущает сирийского историка то, «что склавены и до сего времени, до года восьмьсот девяносто пятого, расположились и живут спокойно в ромейских областях, без забот и страха». 895 г. по греческому исчислению соответствует 584 г. н. э. Если сопоставить две даты, которые им даны: 3-й год царствования Тиверия, следовательно 580 г. (у Менандра 4-й), их разбой в течение четырех лет и год 584, то все эти данные сходятся. В сочинении Иоанна последняя упоминаемая им дата — 585 год. Годом его смерти принято считать 585 или 586 г., следовательно, более поздних сведений он и не мог дать. Называя склавен «грубыми» людьми, он имеет в виду то, что они были народом не цивилизованным, варварским, не имевшим специальных стратегических и тактических навыков. Они не осмеливались «показываться вне лесов и защищенных деревьями [мест]». Более того, эти варвары «даже не знали, что такое оружие». Единственно, чем они пользовались, были несколько видов копья для метания или дротики, известные в греческой военной терминологии, как *λογχάκια*.⁴

Однако к тому времени, когда они стали грозой Балканского полуострова и завоевали возможность «жить спокойно» в области Византии, они были уже «обучены воевать более, чем ромеи», по признанию того же Иоанна.⁵ За полстолетия своих походов на Византию, стычек с аварами и другими народами, славяне приобрели новые технические навыки ведения войны и использовали их для того, чтобы применять их против ромеев. Их боеспособность, храбрость, сила, — вот, что вызывало неудовольствие историка, который испытал весь страх и ужас перед их приближением к столице. Усиление славян вызвало движение аваров и некоторые послабления им со стороны Византии. Желая разделаться со славянами руками аваров, ромеи имели на Истре (Дунае) суда, чтобы переправить своих союзников.⁶ Известно, что помимо этого авары располагали мостом, который обеспечивал им переброску войск с одного берега на другой. По греческой традиции это был мост через Саву, который давал возможность прекратить подвоз продуктов в Сирмиум. Тем самым отрезанный от империи город мог быть без труда захвачен аварами. Длинные рассуждения у Менандра представляют собою развитие этого простого положения.⁷ Сирийский историк сообщает подробности, из которых можно восстановить исторический ход событий. «Этот варварский народ авары собрались и захватили те два моста, которые были построены, засели и угрожали войной и опустошением ромейским областям».⁸ В греческих источниках известно о двух захваченных аварами мостах, отвоевать которые ромеям не удалось.⁹

¹ Joh. Ephes., 6, 25, p. 328.

² Menander, Fr. 47, p. 251.

³ Ibid., Fr. 58, p. 252.

⁴ Joh. Ephes., 6, 25, p. 328.

⁵ Ibid., 6, 25, p. 328.

⁶ Menander, Fr. 64, p. 265.

⁷ Menander, Fr. 64, p. 265—7.

⁸ Joh. Ephes., 6, 30, p. 335.

⁹ Menander, Fr. 66, p. 268.

Повторное требование отдать Сирмиум авары передали через своих послов. Тиверий ответил дипломатически, обещая прислать для переговоров своего представителя Нарсеса, «великого спафария государства». В то же время его тайное посольство к лангобардам и другим народам имело целью поднять их в тылу у аваров.¹ Кроме того, ромей запугивали аваров тюрками, власть которых к тому времени простиралась до Херсонеса.² К аварам, как было обещано, был направлен спафарий Нарсес, причем ему было предложено не спешить с приездом, с тем, чтобы дать время лангобардам собраться с силами и всем «ударить вместе [на аваров]» и, если возможно, «уничтожить их».³ Путь Нарсеса лежал по Черному морю до устья Дуная. Спафарий был богато снаряжен, «много кораблей было наполнено всяким имуществом и направлено через опасное море Понт». Не только были взяты «многочисленные войска», но и «изобилие золота», причем золото было взято Нарсесом не только «государственное», но и «свое» и везли его на одном из кораблей, под охраной евнухов.⁴ То, что спафарий, отправляясь на Дунай, взял с собой и свое собственное имущество, говорит о том, что он рассчитывал на торговые обороты, на приобретение сырья или изделий, за которые предстояло расплачиваться звонкой монетой. Однако нагруженный золотом корабль потонул в первый же день своего пути по Черному морю, о чем Нарсес узнал лишь, зайдя с кораблями в устье Дуная. Это известие так его потрясло, что он захворал и вскоре умер.⁵ Этому сообщению, известному лишь в сирийской традиции, можно найти подтверждение в одной строке, сохранившейся у Менандра.⁶ Смертью Нарсеса весь план был нарушен, и оставшееся после него имущество с трудом было возвращено. Не имея поддержки византийских войск, не выступили и лангобарды. Византии не оставалось ничего, как только сдать Сирмиум, для чего туда был послан префект претория Калистрат. Вкратце о судьбе Сирмия упоминают и другие греческие летописи.⁷ Осаждаемый в течение двух лет город терпел все тяготы голода. Съедено было все, не исключая кошек. Даже осторожный сириец осуждает правительство, не имевшее «милости к своей плоти» и не разрешавшее сдать город раньше. Историк говорит о «жалости», проявленной этими «варварами к людям, измученным там голодом». Авары дали им «хлеба для еды и вина для питья», но после двухлетнего голода осажденные умирали и немногие из них смогли покинуть город, а «варвары взяли город и поселились в нем».⁸ В руках аваров город находился недолго. С ним случилось то же, что со многими другими городами, захваченными врагами. Неизвестно «каким образом напал огонь на город Сирмиум и внезапно весь его разрушил и сжег». Возможно, что привычные к кочевым условиям орды не умели обращаться с огнем в городе. Во всяком случае, «так как варвары не знали, как его [огонь] прекратить и затушить, они все бежали и покинули [город], и он сгорел и превратился в развалины».⁹ Сирийский историк утверждает, что мог бы сообщить обо всем этом гораздо больше, но из-за пространности многих рассказов он большинство их оставляет в стороне и на этом кончает аварскую эпопею.

Выше было уже упомянуто, что дошедшая в единственной рукописи история Иоанна Ефесского не имеет конца. Оглавление последней, шестой,

¹ Joh. Ephes., 6, 30, p. 335.

² Menander, Fr. 43, p. 247.

³ Joh. Ephes., 6, 30, p. 335.

⁴ Ibid., 6, 30, p. 335.

⁵ Ibid., 6, 31, p. 336.

⁶ Menander, Fr. 72, p. 269.

⁷ Theophanes. Chronographia, p. 218. — Malalas. Chronographia, p. 450.

⁸ Joh. Ephes., 6, 32, p. 337.

⁹ Ibid., 6, 33, p. 337.

книги, сохранившееся в начале ее, дает возможность судить о недошедших главах, сообщавших дальнейшие сведения о славянах.

Сведения эти были использованы другими сирийскими хронистами: Дионисием Тельмахрским, Михаилом Сирийцем, Бар Эбреем. Традиция Иоанна Ефесского первоначальная и исторически достоверная оказалась, однако, затуманенной у них другими, более поздними данными.

Тщательный текстуальный и исторический анализ источников, их сравнительное изучение открывают новую страницу в истории древних славян.

Ю. А. СОЛОДУХО

ЗНАЧЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДЛЯ ИСТОРИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Вопрос о производственных отношениях на Ближнем Востоке в первые века нашей эры, в период, предшествовавший его завоеванию арабами, до сих пор остается не вполне решенным. Скудость имеющихся материалов не позволяет с достаточной определенностью установить характер социально-экономической структуры стран Ближнего Востока в указанный период и существовавший в них способ производства.

Большое значение имеет поэтому привлечение для разрешения указанных вопросов содержащихся в еврейских источниках раннего средневековья, в так называемой талмудической литературе, обширных материалов о производственных отношениях среди еврейского населения стран Ближнего Востока — Ирака и Сирии — в первые века нашей эры.

Эти материалы, чрезвычайно ценные для истории всей Передней Азии во время господства Римской империи и аршакидского и сасанидского Ирана, были вообще, вплоть до настоящего времени, крайне мало использованы историками; тем менее они были использованы для решения соответствующих социально-экономических проблем. В таких целях и в таком разрезе материалы еврейских литературных памятников раннего средневековья до сих пор совершенно не исследовались, несмотря на то, что в них особенно много данных как бытовых, так и правовых именно о производственных отношениях в различных областях хозяйственной жизни еврейского общества Ирака и Сирии II—V вв. н. э.

Мы находим в них, напр., подробнейшие указания о производственных отношениях в основной отрасли производства упомянутого общества — в сельском хозяйстве: о происходившем процессе концентрации земли и обезземеливания мелких землевладельцев; о положении непосредственных производителей в сельском хозяйстве: землевладельцев — мелких собственников, арендаторов, издольщиков, засадчиков, рабов и наемных работников; об эксплуатации их земельной знатью и зажиточными землевладельцами и т. д.

Результаты нашей долголетней работы в этой области должны, смеем думать, если не заполнить этот существенный пробел в исторической науке о Ближнем Востоке первых веков нашей эры, то во всяком случае вызвать интерес историков к еврейским источникам раннего средневековья, убедить каждого беспристрастного историка в их большой значимости для исторической науки, в необходимости дальнейшего их изучения и исследования. Наши работы¹ и достигнутые в них нами выводы должны, как нам кажется,

¹ «Рабство в еврейском обществе Ирака и Сирии II—V вв. н. э.»; «Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в.» (Вестн. древн. ист., 1940, № 3—4, стр. 131—145); «Подати и повинности в Ираке в III—V вв. н. э.» и др.

служить неопровержимым доказательством того, какое громадное количество фактического материала таится в еврейских источниках раннего средневековья и какие ценные в историческом отношении выводы можно сделать на основании этого материала при освещении его с точки зрения марксистско-ленинской методологии и правильного его анализе.

В целях показа правильности вышесказанного, мы даем здесь из подготовленного нами к печати исследования «Землевладение и землепользование в Ираке и Сирии II—V вв. н. э.» две главы: об эксплуатации в сельском хозяйстве Ирака и Сирии того времени труда рабов и наемных работников.

В Ираке и Сирии, начиная со II в. н. э., происходил сильный процесс изменения состава землевладельцев и характера производственных отношений между землевладельцами и непосредственными производителями.

В Ираке, наряду с крупным землевладением наследственной земельной знати, сановой аристократии и откупщиков государственных податей, появились новые слои зажиточных средних землевладельцев, выдвигавшихся из среды разбогатевших торговцев, ремесленников, а иногда и мелких землевладельцев.

Мелкое землевладение вытеснялось в Сирии крупным землевладением, а в Ираке — крупным и средним. Большинство мелких землевладельцев обезземеливалось, лишалось своего хозяйства и переходило на положение арендаторов, издольщиков и наемных работников. Остальные теряли большую часть своих участков и сохраняли лишь ничтожные карликовые хозяйства, недостаточные для их существования. Вследствие этого, запутавшись в многочисленных долгах, они попадали в кабалу к крупным и средним землевладельцам, оказывались в полной зависимости от них.

Закабаление землевладельцами арендаторов и издольщиков совершалось еще быстрее, чем закабаление мелких землевладельцев; арендаторы и издольщики постепенно оказывались прикрепленными к земле, лишались фактически возможности оставлять арендуемые ими или взятые в издольщину участки и перейти на другие участки.

Поместья земельной знати, высшей сановой аристократии и крупных откупщиков податей в Ираке обрабатывались в основном рабами; поля же, огороды и плодовые сады зажиточных землевладельцев преимущественно отдавались мелкими парцеллами в аренду или издольщину.

В Сирии использование труда рабов в земледелии имело большее значение, чем в Ираке, в связи с большим удельным весом крупного землевладения и обширными размерами латифундий земельной знати. Однако и в Сирии значительные земельные площади отдавались арендаторам и издольщикам и обрабатывались ими.

Под влиянием усилившегося процесса разложения рабства произошли большие изменения в методах и формах эксплуатации рабского труда; труд рабов рабовладельцы стали использовать на иных, совершенно новых основаниях. Многих из рабов рабовладельцы прикрепляли в индивидуальном порядке непосредственно к земле, помещали каждого из рабов на отдельный земельный участок для самостоятельной обработки, с предоставлением ему права пользования частью урожая обрабатывавшегося им участка, или с условием выдачи ему определенного количества продуктов.

Среди непосредственных производителей в сельском хозяйстве, наряду с мелкими землевладельцами, арендаторами, издольщиками и рабами, имелось значительное количество также и батраков и поденных работников.

В результате резкой социальной дифференциации земледельческого населения, гнета крупных землевладельцев и беспощадной эксплуатации непосредственных производителей, зарождение новых производственных

отношений происходило в обстановке непрерывной ожесточенной классовой борьбы.

Мелкие землевладельцы пытались отстоять свою самостоятельность, сохранить свое мелкое хозяйство от поглощения его крупными землевладельцами. Издольщики и арендаторы боролись против своего закабаления землевладельцами, против кабальных условий договоров об аренде и издольщине и бесконечных тягот «местных условий» обработки земли. Различные группы наемных работников боролись против эксплуатации со стороны землевладельцев, против превращения их в батраков, не имеющих даже собственной одежды; рабы боролись против рабовладельцев.

Классовая борьба между землевладельцами и непосредственными производителями осложнялась противоречиями среди самих землевладельцев. В Ираке все более усиливались противоречия между земельной знатью, сановной аристократией и откупщиками податей, с одной стороны, и выдвигавшимися зажиточными средними землевладельцами, с другой. В то время как первые являлись представителями отсталого рабовладельческого способа производства, последние пользовались, главным образом, трудом арендаторов, издольщиков и наемных работников. Нуждаясь в земельных площадях, новые группы землевладельцев стремились получить доступ к законсервированным наследственным поместьям земельной знати.

Классовая борьба среди еврейского населения привела в Ираке в начале VI в. к восстанию против иранского правительства, ставшего на сторону земельной знати, сановной аристократии и откупщиков податей.¹

В Сирии классовая борьба среди еврейского населения переплеталась с борьбой против гнета римских завоевателей, хищений римских чиновников и непосильных налогов и привела к непрерывной цепи восстаний, с одной стороны, против римского владычества, с другой, — против земельной аристократии и ее представителей — патриархов.

Несмотря на суровую расправу римских усмирителей с повстанцами, борьба не прекращалась. Повстанческое движение, иногда приводившее к открытым восстаниям, иногда ограничивавшееся партизанской борьбой, продолжалось все время. Угнетенные классы еврейского населения вновь и вновь брались за оружие, пытаясь сбросить с себя как ярмо римской тирании, так и ярмо своей собственной земельной знати.

I

1. Многие отрывки еврейских источников раннего средневековья свидетельствуют о широком применении в земледелии труда рабов. Так, напр., на вопрос: «Кто богат? — кого надо считать богатым?» Тарфон (конец I в. и первая половина II в.) отвечает: «Всякий, у кого имеется 100 виноградников и 100 полей и 100 рабов, которые обрабатывают их».² Из этого ответа вытекает, что поля и виноградники считались особенно большим богатством при наличии у владельца соответствующего количества рабов, используемых для их обработки. В связи с обсуждением вопроса о том, кому принадлежит вещь, найденная покупателем в купленном им у кого-либо зерне, задается вопрос: «Разве владелец [поля] сам молотил их [проданные зерна]?» — на что Нахман (ум. в Ираке около 320 г.) отвечает: «Молотили их раб его и рабыня его из не-евреев».³ В другом талмудическом отрывке, где говорится о захвате чужих земельных угодий, сказано: «Если несовершеннолетний возьмет рабов своих, пойдет в поле ближнего своего

¹ Подробно об этом в нашей работе «Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в III—V вв. н. э.» (Вест. древн. ист., 1940, № 3—4, стр. 131—145).

² Tb, Šabbāt 25b.

³ Tb, Bāvā mši'ā 27a.

и скажет: „Мое оно“¹ — предполагается, что для обработки захваченного поля обязательно потребуются рабы.

Рассказывается также о продаже 'ir šāl 'avādim (עיר של עבדים — город с рабами) и dasqartā² (или disqartā) d-'avde (דסקרתא דעבדי — поселение с рабами).

Под этими «городами с рабами» и dasqartā подразумеваются большие поместья, обширные земельные угодья, продававшиеся вместе с рабами, их обрабатывавшими, — следовательно, имелись крупные латифундии, обрабатывавшиеся рабами. Рассказ о продаже dasqartā с рабами находится в вавилонском Талмуде³ и по контексту относится именно к Ираку. Рассказ же о продаже «города с рабами» встречается дважды — в иерусалимском и в вавилонском талмудах.⁴ В первом рассказе упоминается Раввина, живший во второй половине IV в. и в начале V в. н. э. в Ираке, второй же рассказ передается от имени Йошуи б.-Леви, жившего в III в. н. э. в Сирии. Таким образом мы видим, что рабовладельческие поместья имелись как в Сирии, так и в Ираке.

О применении в земледелии труда рабов говорит и то, что указания о наличии большого количества рабов особенно часто встречаются в талмудической литературе именно по отношению к землевладельцам, особенно к крупным землевладельцам. Эксилархи и члены их рода в Ираке, патриархи и члены их рода в Сирии, равно как и другие крупные землевладельцы, владевшие большими поместьями, обладали также и большим количеством рабов.

Мы находим также указания на то, что не только пользовались трудом рабов для обработки собственных полей, но и предоставляли своих рабов за вознаграждение для полевых работ другим. Имеется даже постановление о том, что при найме раба для полевых работ нанимающий его может специально условиться с рабовладельцем о запрещении рабу есть во время работы продукты обрабатываемого поля;⁵ в этом случае рабовладелец, предоставивший раба другому, получал дополнительно плату по сравнению с обычной суммой оплаты за использование раба.⁶ Рабы часто сдавались в наем на земледельческие работы вместе с рабочим скотом; обсуждался вопрос о том, ответственен ли наниматель за сохранность нанятого им скота, если он нанял вместе со скотом также и раба.⁷

Труд рабов был иногда столь необходим для земледелия, что Элезар б.-Азария заявляет даже: человек может обойтись без своего поля, так как «может он довольствоваться b-distoin (בדיסטורין)» — полем, арендованным у других, но «не может он обойтись без труда [рабов]».⁸ Рабба (IV в., в Ираке) заявляет: «Кто отпускает своих рабов на свободу — разоряется, теряет свои владения»,⁹ так как некому их тогда обрабатывать.

2. Особенно большой интерес представляют указания еврейских источников, свидетельствующие о появлении в рассматриваемое время в Сирии и в Ираке также и особой, новой формы эксплуатации труда рабов в земледелии. Эта новая форма использования рабов выражалась в том, что земле-

¹ Tb, Bāvā qammā 112b.

² Dasqartā — персидское слово (daskarah), означающее: город, село, поселение, замок, окруженный службами.

³ Tb, Gittin 40a.

⁴ Tj, Jvāmōt VII, 1, 8d; Tb, Jvāmōt 48b.

⁵ Обычно работавшие по найму в земледелии имели право есть продукты обрабатываемого ими поля (Mišnāh, Bāvā mši'ā VII, 2—8).

⁶ Mišnāh, Bāvā mši'ā VII, 6.

⁷ Tb, Bāvā mši'ā 96a.

⁸ Tb, 'Arāxin 28a.

⁹ Tb, Gittin 38b.

владелец помещал раба на отдельный участок, поручив ему обрабатывать такой «надел» с условием выдачи рабу определенного количества продуктов для его пропитания или с предоставлением ему права пользоваться частью урожая.

О постепенном внедрении такого «рабского держания» земли (*la tenure servile*)¹ говорят, во-первых, указания о выдаче рабовладельцем рабу довольствия сразу на определенный промежуток времени. В случае выделения раба на отдельный участок, он обычно получал в известные сроки довольствие от рабовладельца, вероятно, от урожая обрабатываемого им же участка. Продолжительность промежутка времени, на который выдавалось это довольствие, зависела — по словам еврейских источников — от того, доволен ли рабовладелец рабом или нет.² При этом указывается, что рабу выгоднее, если господин выдает ему довольствие сразу на более продолжительный срок, так как «жернова мелют [теряется при молотье] от кора [большая мера зерна] то же, что от каба [малая мера]; тесто съедает [теряется при печении хлеба] от кора то же, что и от каба».³

Во многих отрывках еврейских источников подобное довольствие, получаемое рабом от рабовладельца, обозначается термином *grās* (или *grās* — פָּרָס, פָּרָס).⁴ Значение этого термина не было до сих пор правильно понято. Большинство переводчиков и комментаторов талмудической литературы ошибочно считает, что *grās* обозначает в талмудической литературе понятие «подарок»;⁵ некоторые правильно переводят *grās* словом «вознаграждение»,⁶ но не понимают, какое именно вознаграждение здесь подразумевается.

Такие выражения, как: «Похоже на раба, который просит *grās* от господина»,⁷ «Как раб, который берет *grās* от господина своего, поворачивается назад [чтобы уйти] и кланяется [в знак благодарности]»,⁸ «Раб требует *grās* свой только близко к [сроку, установленному для выдачи] *grās* его»,⁹ «Не будьте как рабы, которые обслуживают господ своих с тем, чтобы получить *grās*»¹⁰ и многие другие подобные отрывки с несомненностью показывают, что во всех этих случаях термин «*grās*» обозначает вознаграждение за работу, которое раб получает от рабовладельца. При этом *grās* обозначает именно определенное довольствие, выданное рабу сразу на определенный промежуток времени, что показывает следующий отрывок, в котором для обозначения одного и того же понятия употребляются то

¹ Фюстель де-Куланж, исследуя вопрос о «рабском держании» в Риме, приходит к следующим выводам: «С первых веков империи земельные собственники прибежали к разным способам хозяйствования на своих имениях. Один из них выражался в помещении на особо выделенных участках, как бы в виде съемщиков, не свободных людей, приходивших извне, а людей, выбиравшихся из числа собственных рабов. В продолжение долгого периода самым распространенным способом эксплуатации больших поместий в римской империи была обработка его всеми рабами (*familia rustica*), собранными вместе. Но параллельно с таким общим порядком мало-помалу начал устанавливаться другой, который сперва появлялся довольно редко, как бы в виде исключения, но незаметно стал распространяться и в конце концов даже получил преобладание. Он выражался в том, что землевладелец помещал отдельного раба на особый выделенный участок и поручал ему обрабатывать такой надел с предоставлением пользоваться урожаем на известных условиях (Римский колонат, стр. 56, 59. СПб., 1908).

² Tb, Ta'anit 19b.

³ Ibid.

⁴ Mišnāh, Āvot 1, 3; Tj, Ta'anit 1, 1, 63c; Tb, Brāxot 34a; 'Enuvin 72b и 73a; Ta'anit 25b; Bāvā batrā 25a.

⁵ Jacob L e v y. Wörterbuch über die Talmudim und Midrasehim, IV, 124, s. v. פָּרָס.

⁶ Karl M a r t i — Georg B e e r. Abot. Die Mischna, herausgeg. von G. Beer. Verlag von Alfred Töpelmann in Giessen, 1927.

⁷ Tb, Brāxot 34a; Ta'anit 25b.

⁸ Tb, Bāvā batrā 25a.

⁹ Tj, Ta'anit 1, 1, 63c לפרסו סמוך לפרסו.

¹⁰ Mišnāh, Āvot 1, 3.

слово *grās*, то слово *parnāsāh* (פרנסה) — довольствие, пропитание: «Когда раб услуживает господину своему в полной мере, он [раб] требует *grās* свой от него, [так как] сказал Иосуа: „С того времени, что раб услуживает господину своему в полной мере и господин его доволен им, — он [раб] требует *parnāsāh* свое от него“». ¹ Мы видим, таким образом, что термины «*grās*» и «*parnāsāh*» идентичны; слово же «*parnāsāh*» определенно означает в талмудической литературе «довольствие», «пропитание». Правильность нашего определения понятия «*grās*» показывает также отрывок, в котором говорится о человеке, имеющем «пять жен, получающих *grās* от мужа своего и пять рабов, получающих *grās* от господина своего»; ² по контексту этого отрывка слово «*grās*» можно понимать только как довольствие, выдаваемое на определенный срок.

Иногда рабу, выделенному на самостоятельный участок, вместо выдачи ему рабовладельцем довольствия предоставлялась часть дохода от его труда.

В еврейских источниках несколько раз повторяется указание на то, что рабовладелец может заявить рабу: «Высчитай [бери] труд твоих рук для твоего пропитания». ³ Одновременно отмечается, что «труд рук его [такого раба] принадлежит господину», ⁴ и в пояснение этого сказано, что рабовладельцу принадлежат «излишки» (*ha'adāfāh* הערפה) раба.

Эти указания говорят о такой форме «рабского держания» земли, при которой размеры получаемого рабом довольствия зависели от размеров урожая обрабатываемого им участка. На вопрос о том, почему оказалось необходимым особое постановление о принадлежности излишков господину, что «само собой понятно», — дается следующий ответ: «Можно было думать: если он [господин] не дает ему [рабу], когда у него нет [когда доходы раба недостаточны для его пропитания], то когда он [раб] имеет [излишки], он [господин] не должен взять у него, — поэтому пришлось это сказать». ⁵

Таким образом при такой форме выделения раба на самостоятельный участок рабовладелец иногда забирая себе «излишки» плодов урожая сверх того количества, которое было необходимо рабу для его пропитания, и в то же время ничего не давал рабу от себя в случае неурожая, когда доходы раба оказывались недостаточными для его пропитания. ⁶ Заранее устанавливалось, какая часть из доходов от труда раба может быть употреблена им для своего питания и какая часть должна поступить в пользу рабовладельца. В соответствии с этим раб обязывался вносить рабовладельцу в установленные сроки определенный эквивалент своего дохода или определенную долю урожая.

Иногда, наконец, раб распоряжался даже всем урожаем обрабатываемого им участка, но одновременно должен был работать также на рабовладельца, на его полях. Так, видимо, следует понимать заявление еврейских источников о том, что рабовладелец может сказать рабу: «Работай на меня, а кормить я тебя не буду» ⁷ — предполагается, что раб, работая на рабовладельца, кормится урожаем обрабатываемого им самостоятельного участка.

Анализ отрывков еврейских источников, содержащих рассмотренные нами указания о новых формах эксплуатации рабов, о «рабском держании»

¹ Tj, Ta'anit 1, 1, 63c.

² Tb, 'Eruvin 73a.

³ Tb, Gittin 12a. צא מעשה יריך למונותיך.

⁴ Ibid. מעשה יריו לרבו.

⁵ Tb, Gittin 12a. מהו דתיסא כיון דכי לית לא יהיב ליה כי אית ליה נמי לא לישקול מניה קמ'.

⁶ Ibid.

⁷ Tb, Gittin 12a и b; 13a; Ktubot 43a; 58b; Bava qammā 87b; Bava msi'a 93a. יכול הרב לומר לעבד עשה עמי ואני ונך.

земли, позволяет также наметить и некоторую последовательность изменения условий выделения раба на самостоятельный участок.

Указания о выдаче рабу довольствия на определенный промежуток времени, о выдаче рабу *grās* относятся в основном к более ранней части рассматриваемого периода. Почти все лица, упоминаемые в содержащих такие указания отрывках, жили во втором столетии: Элеазар б.-Паратта, Иегуда б.-Батира, Иегуда б.-Баба, Самуил Катан и др. Указания же о получении рабом определенной доли урожая или о работе раба на своем участке, урожай которого целиком поступает в его распоряжение, и одновременно на поле рабовладельца, находятся в более поздних источниках — в вавилонском Талмуде, составившемся в III—V вв. н. э. Соответствующие отрывки анонимны, но, тем не менее, по характеру изложения и по стилю можно судить о более позднем их происхождении.

Мы имеем, таким образом, не только явные указания на зарождение между еврейскими рабовладельцами Ирака и Сирии и их рабами новых отношений, напоминающих барщинные и оброчные отношения времен феодализма, но можем даже проследить изменение, развитие этих новых производственных отношений на протяжении рассматриваемых веков.

II

1. Сельскохозяйственные наемные работники бывали различного рода и положения — временные, сезонные, постоянные, «предприниматели», т. е. взявшиеся за известную плату выполнить какую-либо сельскохозяйственную работу, и т. д.

Работник, нанимавшийся временно для полевых работ, назывался «*roel*» (פועל 'работник');¹ работник, работавший у одного и того же землевладельца длительный срок и живший в его доме, носил название «*šāxir*» (שכיר 'нанятый', 'наемный')² или «*lāqit*» (לקיט 'собирающий').³ Различие между *šāxir* и *lāqit* заключалось в том, что *šāxir* нанимался на определенный срок и получал от землевладельца лишь продовольствие, а одежду имел собственную, *lāqit* же жил у землевладельца в качестве постоянного батрака и, не имея своей, получал от землевладельца также и одежду. Указывается, что «оценивают находящееся на нем» (*lāqit'e*)⁴ — когда *Lāqit* уходил от землевладельца, оценивали одежду, находившуюся на нем, чтобы при окончательном расчете высчитать ее стоимость из следуемого ему от землевладельца вознаграждения.

Временные работники, *roalim*, нанимались чаще всего по денно, но иногда также и на более продолжительное время: на неделю, месяц и еще больший срок.⁵ *Šāxir* нанимался на год, два, три и т. д. Временные работники нанимались преимущественно для ирригационных работ,⁶ в частности,

¹ От глагола *pāal* 'работать', 'делать'; чаще встречается во множественном числе — *roalim* (פועלים).

² От глагола *šāxar* 'нанимать'.

³ Tj, 'Eruvin VI, 23c; Tb, 'Eruvin 64; Svu'ot 46b; Bāvā mši'ā 110b. От глагола *lāqat* 'собирающий', 'подбирающий'. Название этой категории наемных работников показывает, что они вербовались из беднейших слоев населения, не имевших никаких средств к существованию, принужденных собирать для своего пропитания оставшиеся на поле после жатвы колосья (בבל — *lāqat*).

⁴ Tb, Ktubot 54a.

⁵ Mišnāh, Bāvā mši'ā IX, 11.

⁶ Tb, Bāvā mši'ā 76a.

для черпанья воды и поливки полей, ¹ для того, чтобы пахать ² и полоть, ³ для жатвы, ⁴ сбора плодов, ⁵ охраны полей и токов ⁶ и т. д. Сторожа полей и токов нанимались иногда сообща всеми землевладельцами какого-либо целого округа.⁷

Часто работники нанимались не поденно или понедельно, а брались за определенную плату выполнить ту или другую сельскохозяйственную работу, напр. запахать или засеять определенное поле и т. д. Такие наемные работники обозначаются иногда термином «qabbłān» ⁸ (предприниматель), употребляемым обычно для обозначения некоторых групп арендаторов и издольщиков. Иногда такие наемные работники получали не определенную плату, а часть урожая; особенно часто эта форма оплаты применялась для оплаты труда работников, нанятых для жатвы.

Šaxir и lāqit вербовались из числа совершенно обезземеленных мелких землевладельцев, арендаторов и издольщиков, лишившихся всяких средств к существованию и какой бы то ни было надежды на восстановление своего собственного хозяйства. Временными же наемными работниками становились также и такие мелкие землевладельцы, арендаторы и издольщики, которые вели свое самостоятельное хозяйство, но имели в своем распоряжении настолько мелкие участки земли, что не могли прокормиться.

Особо отмечается, что нанимающиеся в качестве работников мелкие землевладельцы требуют обычно более высокой оплаты своего труда, чем другие наемные работники. Об этом говорится, напр., при обсуждении вопроса о том, как должен землевладелец расплачиваться с работниками в случае, если он велел кому-либо пойти и нанять работников для полевых работ с оплатой по три динария в день, а тот пошел и нанял работников, условившись с ними об оплате в четыре динария.⁹ Одни талмудисты предлагают решать такие споры на основании местных обычаев об оплате труда: «Пусть посмотрят, говорят они, как [за какую оплату] работники нанимаются [в данной местности]» — землевладелец должен в таких случаях уплатить нанятым работникам такое вознаграждение, какое наиболее обычно в данной местности. Но против такого решения вопроса имеются возражения: нельзя решить вопрос на основании местных обычаев, потому что «имеются [работники], которые нанимаются за четыре [динария], и имеются [работники], которые нанимаются за три. Могут [поэтому работники] сказать ему [землевладельцу-нанимателю]: „Если бы ты не сказал нам четыре, мы бы постарались наняться [у кого-либо другого] за четыре“. Также собственники [если работники являются собственниками] могут сказать ему [нанимателю]: „Если бы ты не сказал нам за четыре, нам позорно было бы наниматься“ ¹⁰ — за меньшую оплату работники-собственники не согласились бы наниматься.

Повышенная оплата наемных работников из числа мелких землевладельцев может быть объяснена, во-первых, тем, что, имея свое собственное хозяйство, — пусть крохотное, недостаточное для прокормления семьи, — они имели большую возможность не соглашаться на слишком низкую

¹ Ibid., 77a.

² Ibid., 76b.

³ Tj, Bāvā mši'ā VI, 1, 10d; Tb, Bāvā mši'ā 89b.

⁴ Tj, Bāvā mši'ā VI, 1, 10d; Tosāftā, Pe'āh 111, 1, 20, 27.

⁵ Tb, Bāvā mši'ā 89b.

⁶ Mišnāh, Bāvā mši'ā VII, 8; Tb., Bāvā mši'ā 73a; 93a.

⁷ Ibid.

⁸ Mišnāh, Pe'āh V, 5; Tosāftā, Pe'āh 111, 1, 20, 27.

⁹ Tb, Bāvā mši'ā 76a.

¹⁰ Ibid.

оплату их труда; во-вторых, сезонным характером их работы — тем, что они нанимались в то время, когда спрос на наемный труд увеличивался. Работники же, лишенные какого бы то ни было собственного хозяйства, принуждены были соглашаться на любые условия оплаты их труда, даже самые мизерные.

2. Нередко, особенно по окончании сезона полевых, огородных и садовых работ, временный наемный работник оказывался безработным, не находил приложения своему труду. Выражения «*poel bâtel*»¹ (פועל בטל 'безработный работник'), «*poalim batlânim*» ('безработные работники') очень часто встречаются в талмудической литературе. Неоднократно там сказано: «Иди, посмотри, сколько безработных имеется на рынке», — где безработные собирались в ожидании спроса на их рабочие руки.²

Среди наемных работников было поэтому, на ряду с местными жителями, также и много пришедших в поисках работы из дальних местностей. О таких «пришлых» работников говорит целый ряд указаний названных источников.³ Так, в связи с обсуждением вопроса о времени начала и конца рабочего дня наемного работника говорится: «Посмотри, как принято. . . и посмотри, откуда пришли они»⁴ — начало и окончание рабочего дня должны регулироваться местными обычаями⁵ города и округа, где живет землевладелец-работодатель, или обычаями местности, откуда пришли наемные работники.

По мнению Реш-Лакиша (III в. н. э.), «наемный работник при приходе своем [вечером с работы домой] — из своего [времени]; при выходе [утром на работу] — из хозяина»⁶ — время, требуемое работнику для своего прихода утром на место работы, засчитывается в счет рабочего времени, т. е. он выходит на работу лишь после того, как рассветает; время же, необходимое работнику на возвращение вечером к себе домой, не входит в рабочее время, т. е. рабочий обязан работать до того, как совершенно стемнеет, до наступления ночи. По поводу этого высказывания Реш-Лакиша указывается, что он имеет в виду такие местности, где не существует еще установленных местных обычаев, местные обычаи не успели еще выкристаллизоваться, сложиться, а наемные работники являются *nqûṭâe* (נקוטאי)⁷ — пришлые из разных местностей в поисках работы, так что трудно установить, какие местные обычаи существуют в округах или местностях, откуда они пришли.

Даже мелкие землевладельцы, еще имевшие свои собственные участки земли, принуждены были иногда переходить с места на место в поисках работы.

Указывается, что «собственник, который переезжает с места на место и нуждается, пусть берет *šixḥâh*, *pe'âh* и *ma'aser 'ânî*, а когда вернется к себе домой, заплатит»⁸ — если мелкий землевладелец перекочевывает с места на место в поисках работы и оказывается, вследствие малой оплаты труда или вследствие невозможности найти работу, вынужденным прибегать для своего прокормления к посторонней материальной помощи, то имеет право пользоваться всякими подаяниями, предназначенными для бедных: разрозненными колосьями, оставшимися на поле после жатвы, забытыми на

¹ Tb, Bâvâ mši'â 76b и 77a.

² Tb, Brâxot 17b.

³ Tb, Bâvâ mši'â 83a и b.

⁴ Tb, Bâvâ mši'â 83a и b.

⁵ Mišnâh, Bâvâ mši'â VII, 1.

⁶ Tb, Bâvâ mši'â 83a и b. פועל בכניסתו משלו וביציאתו משל בעל הבית

⁷ Tb, Bâvâ mši'â 83b.

⁸ Mišnâh, Pe'âh V, 4.

поле снопами, урожаем оставляемого несжатым края поля и выделяемой для бедных десятиной. Когда же он вернется домой, он должен возместить взятое им из предназначенного для бедных.

Последнее постановление об обязанности бедняка-собственника возмещать по возвращении домой взятое им из подаваний для бедных встречает возражения: «Он беден был в то время» — в то время, когда он пользовался для своего пропитания плодами, предназначенными для бедных, он был беден, не имел никаких средств к существованию, следовательно, имел полное право пользоваться этими плодами, а потому и по возвращении домой, где у него имеется кое-какое крохотное хозяйство, он не должен компенсировать взятое им в свое время «по праву» бедности.

Наемные работники были крайне мало обеспечены, даже и имея работу; оплата их труда была большей частью очень низка. К тому же часто оплата их труда, особенно труда поденных наемных работников, подвергалась значительным колебаниям: часто снижалась на одну четверть обычной оплаты и больше.¹

Поэтому наемные работники обычно приравнивались к бедным, не имевшим никаких источников существования. Так, напр., в подтверждение постановления о том, что «кормят бедных dmaј»,² можно отдавать бедным хлеб и плоды, про которые неизвестно, выделена ли из них, согласно религиозным предписаниям, десятая часть для жрецов, приводится рассказ о том, что р. Гамлиил, крупнейший представитель земельной знати в Палестине в I—II вв. н. э., кормил своих наемных работников dmaј.³ Точно так же и многие другие постановления исходят из того, что наемные работники крайне бедны, а потому им разрешается пользоваться любыми подавниями, предназначенными для бедных.⁴

В некоторых местностях землевладельцы предоставляли своим полевым наемным работникам готовую пищу⁵, не желая, чтобы ради заботы о еде они отрывались от работы и вдали от хозяйского oka тратили бы на нее слишком много из рабочего времени. В этих целях землевладельцы-работодатели присутствовали при кормлении своих наемных работников, а иногда даже ели вместе с работниками, правильно рассчитывая на то, что их присутствие ускорит еду и максимально сократит потраченное на нее время.⁶

Получаемое в таких случаях работниками питание было весьма скудным. Об этом, между прочим, красноречиво свидетельствует следующий рассказ. «Землевладелец Иоханан б.-Маттия сказал своему сыну: „Пойди найми работников“. Пошел [он] и назначил им питание», — условился с ними о том, что они будут получать питание. Иоханан, опасаясь, как бы работники не предъявляли каких-либо требований о более или менее сносном питании, сказал сыну: «Даже, если ты им сделаешь обед [похожий на обед] царя Соломона, они все равно останутся недовольными. . . До того, как они начали работу, иди и скажи им: „С условием, что получите для вашего пропитания лишь один хлеб да стручковые плоды“»⁷ (вероятно, похлебку из стручковых плодов). Р. Симон б.-Гамлиил (II в. н. э.) заявляет, что Иоханан «не должен был говорить», — предупреждать работников о качестве и характере питания, так как в отношении питания наемных работников

¹ Tb, Bāvā mši'ā 76a; 77a.

² Mišnāh Dmaј III, 1.

³ Ibid. Хлеб-dmaј и плоды-dmaј продавались гораздо дешевле обыкновенного хлеба, а потому Гамлиилу и выгодно было кормить ими своих наемных работников.

⁴ Mišnāh, Pe'āh V, 6; Tosāftā, Pe'āh III, 1, 20, 27.

⁵ Mišnāh, Bāvā, mši'ā VII, 1.

⁶ Tb, Brāxot, 16a; 46a.

⁷ Mišnāh, Bāvā mši'ā VII, 1.

следует все равно поступать «по обычаю страны»,¹ — работнику следует давать лишь такое питание, какое принято «по местным обычаям». Местные обычаи устанавливали, видимо, настолько низкий уровень питания наемных работников, что какие бы то ни было претензии со стороны наемных работников в отношении качества их питания оказывались совершенно исключенными и невозможными.

Между тем, это скудное питание часто полностью покрывало заработную плату наемных работников, которые кроме питания никакого другого дополнительного вознаграждения не получали за свой труд.²

Об отношении землевладельца-работодателя к питанию наемных работников свидетельствует, между прочим, и то, что котел, из которого работники ели все сообща, носил название *evus* (אבוס) 'ясли'³ — название, употребляемое для обозначения яслей для скота.

Имелось, правда, постановление, согласно которому сельскохозяйственные наемные работники имели право есть из продуктов обрабатываемого ими поля;⁴ но это чисто декларативное право было обставлено столь многочисленными ограничениями, что в практике оно теряло всякое реальное значение. Фактически наемным работникам было запрещено в какой бы то ни было мере пользоваться для своего пропитания плодами обрабатываемого им поля.⁵

В то же время землевладельцы требовали от наемных работников интенсивного и напряженного труда и неустанно следили за ними, проверяли их работу, ее производительность. О стремлении землевладельцев максимально эксплуатировать труд наемных работников красноречиво говорят следующие сентенции: «День короток, а работы много; плата велика [по мнению работодателя] и работодатель притесняет [требует более усиленной работы]»;⁶ «Знай [работник] перед кем ты стоишь, и кто работодатель твой, который оплатит работу твою».⁷

В глазах работодателя всякая, даже самая мизерная оплата труда казалась слишком большой, а рабочий день слишком коротким, а потому он требовал все более и более интенсивной, напряженной работы, не останавливаясь при этом перед любыми средствами притеснения. Весьма характерна вторая сентенция, где работник застрашивается присутствием работодателя и где ему внушается сознание величия и важности «благодетеля»-работодателя, трепет и страх перед ним. Он же, ведь, оплатит труд работника, следовательно, ему позволительно применять по отношению к работнику все меры принуждения и понукания; работник должен быть довольным, не роптать и не высказывать какого-либо неудовольствия, а стараться всеми силами выполнять любые требования своего работодателя, кому он обязан своим существованием, кто благодетельствует над ним, предоставляя ему работу и возможность заработать кусок хлеба с чечевичной похлебкой.

Землевладельцы требовали столь напряженной работы, что работники не могли долго выдерживать ее. В одной из сентенций говорится: «Обычно работник, работая совместно с владельцем [в его присутствии], два-три часа выполняет свою работу как следует быть, а затем начинает он лениться

¹ Mišnāh, Bāvā mši'ā VII, 1.

² Tb, Brāxot 16a. כָּאֵן בְּעוֹשִׂין בְּשִׁכְרִין כָּאֵן בְּעוֹשִׂין בְּסִיעוּרִין.

³ Mišnāh, Ndārim IV, 4.

⁴ Mišnāh, Bāvā mši'ā VII, 2.

⁵ Ibid., VII, 3—5; Tb, Bāvā mši'ā 91b.

⁶ Mišnāh, Āvot 11, 15.

⁷ Ibid. Эти сентенции имеют, правда, богословский характер — имеют в виду отношения между богом и верными ему «сынами — слугами». Но, тем не менее, по образности выражений и по реальной их конкретности видно, что они взяты из непосредственной действительности существовавших тогда отношений между работодателями и их наемными работниками.

в работе своей»¹ — от усталости начинает отставать. Иоханан заявляет: «Если кому-либо отец оставил деньги, и он хочет их растратить, — пусть нанимает работников и не сидит с ними»² — не следит лично за их работой. Далее указывается, что слова Иоханана относятся особенно к таким работникам, которые были наняты для пахоты волами, так как в таких случаях особенно «велики убытки»,³ если работники относятся к работе «нерадиво»; в таких случаях для землевладельца особенно важна максимальная эксплуатация работника. Наконец, рабби Элеазар б.-Симони (II в. н. э.) говорит: «Если видишь человек [в харчевне] держит стакан в руке своей и дремлет, — если работник он — поспешил сделать работу свою,⁴ — встал рано, поэтому он от усталости дремлет сейчас».

3. В еврейских источниках раннего средневековья подробно рассматриваются также условия увольнения наемных работников и условия оставления наемными работниками работы до ее окончания. Некоторые исследователи, искажив настоящий смысл этого раздела талмудического законодательства, пытались использовать его для доказательства существования в еврейском обществе рассматриваемого времени «классового мира» и полного «благополучия» трудящихся. Рассмотрим поэтому этот вопрос более подробно.

Работника, кажущегося ему недостаточно усердным, наниматель мог всегда уволить, нарушив свою договоренность с ним о найме его на определенный срок. В случае отказа от использования нанятого наемного работника до того, как работник начал работу, наниматель ничего не должен был уплатить ему в возмещение потерянного им времени. Источники указывают, что в таких случаях уволенные работники «могут только обижаться на них» (*ein lāhām ālā tar'umāt*),⁵ на своих нанимателей, и не больше. Для поденного же работника потеря условленной работы влекла за собой потерю им всего рабочего дня, так как, пропустив установленное для найма поденных работников время, он уже не мог найти другую работу.

Если отказ от использования наемных работников был сделан нанимателем после того, как они уже начали работу, наниматель, по талмудическому праву, должен был уплатить им в виде компенсации некоторую часть условленной суммы оплаты за работу — «как за безделие».⁶ Но и в этом случае компенсация не должна была уплачиваться работникам, если отказ нанимателя от их работы произошел вследствие наступления непредвиденных обстоятельств, препятствующих проведению намечавшейся работы. Так, напр., крупный землевладелец Рава (ум. в 352 г. н. э.) высказывает свое мнение, что в случае, когда «кто-либо нанял работников для копанья [канала или рва для ирригации], и вдруг пошел дождь и наполнил водой [то место, где предполагалось копать], — то если работники осмотрели землю с вечера, убыток — работников»⁷ — если работники ознакомились заранее с местом предстоящей работы, наниматель не должен платить им компенсацию за простой, так как они должны были заранее предвидеть это. Далее, тот же Рава указывает, что «если кто-либо нанял работников для черпанья [воды для поливки полей], и пошел дождь [так что не было более

¹ Brešit rabbāh LXV, 20.

² Tb, Bāvā mši'ā 29b и 30a; Hullin 84b.

³ Ibid.

⁴ Tb, Bāvā mši'ā 83b.

⁵ Mišnāh, Bāvā mši'ā VI, 1; Tb, Bāvā mši'ā 76b. אין להם עליו אלא תרעומת

⁶ Tb, Bāvā mši'ā 76b. כמקול במל

⁷ Tb, Bāvā mši'ā 76b.

надобности в искусственном орошении полей], убыток — работников».¹ «Если кто-либо нанял работников для черпанья, и прекратилась вода в реке посреди дня [недостаточно было воды в реке для черпанья], то, если обычно не бывает, чтобы прекращалась [вода в реке], — убыток работников; когда же бывает, что прекращается, то, если они жители [данной] местности, — убыток работников; если же они не жители [данной] местности, — убыток владельца».² Если они жители данной местности, то они сами должны были заранее предвидеть возможность такого прекращения воды в реке, а потому наниматель не отвечает за потерянное ими время.

Наниматель мог ссылаться на различные непредвиденные обстоятельства, препятствующие проведению работы, и не оплачивать уволенных работников, терявших вследствие нарушения договора рабочий день. Сославшись на такие непредвиденные обстоятельства, работодатель мог всегда избавиться от нанятых работников без выплаты им компенсации, если менял почему-либо свое решение о проведении предполагавшейся работы, или если, в связи с падением цен на рабочие руки, находил других работников, которым мог платить меньше.³

Имеются постановления, согласно которым наемный работник также может отказаться от выполнения работы до того как начал работу.⁴ Буржуазные исследователи,⁵ всячески подчеркивая эти постановления, пытаются доказать, что наемные работники пользовались такими же правами, как и работодатели, в отношении отказа от выполнения работы. В действительности, однако, наемный работник не мог никогда воспользоваться своим якобы «правом» на прекращение работы. Работнику, как уже сказано, часто очень трудно было найти работу; весьма маловероятным бывали поэтому такие случаи, когда работник сам стал бы отказываться от работы после того как он договорился с работодателем. К тому же Рав (ум. в 247 г. н. э.), заявляя, что «роел [временный наемный работник] может отказаться [от выполнения работы] даже посреди дня»,⁶ — указывает при этом, что работник, отказавшийся от работы, обязан позаботиться об окончании начатой им работы и за любую цену нанять за свой счет других работников для доведения ее до конца;⁷ отказавшийся от работы нес полную ответственность за убыток, который мог понести работодатель из-за несвоевременного окончания работы.

Все это полностью обеспечивало работодателя от всякой возможности оставления работы наемным работником. Постановления о праве работников на оставление работы мы должны поэтому относить к числу тех талмудических постановлений и высказываний, которые имели своей целью затушевание действительной эксплуатации трудящихся, сглаживание глубоких противоречий, существовавших между эксплуататорами и широкими массами эксплуатируемых.

¹ Если же работники были наняты для поливки полей и «пришла река», — черпанье воды оказалось излишним вследствие того, что река вышла из берегов и залила поля, — то, по мнению Равы, «убыток—владельца» (так как он должен был предвидеть возможность разлива реки); «и дает им, как работникам без дела» — наниматель должен уплатить им в виде компенсации часть условленной оплаты (Tb, Bâvâ mši'â 77a).

² Tb, Bâvâ mši'â 77a.

³ Ibid.

⁴ Tb, Bâvâ mši'â 76b.

⁵ David F a r b s t e i n. Das Recht der unfreien und freien Arbeiter nach jüdisch-talmudischem Recht verglichen mit dem antiken, speciell mit dem römischen Recht. Frankfurt a/M., 1896, стр. 56, 57.

⁶ Tb, Bâvâ qammâ 116b; Bâvâ mši'â 10a; 77a.

⁷ Tb, Bâvâ mši'â 76b.

4. В соответствии со значительным развитием скотоводства, как в Ираке, так и в Сирии среди наемных работников имелось большое число пастухов.

Землевладельцы, обладавшие большими стадами, имели отдельных пастухов; менее зажиточные нанимали пастухов сообща со своими соседями. Иногда жители целого поселения нанимали совместно одного или нескольких пастухов. Мелкий скот обычно пасли отдельно от крупного рогатого скота; пасшие крупный рогатый скот назывались *baqqar* или *baqqāra* (בקר, בקר).¹ Термином «*baqqāra*» обозначались также пастухи, бравшие на себя за определенную плату обязанность выращивать молодняк или вообще откармливать скот в течение определенного промежутка времени.² Часто пастухи угоняли свои стада на отдаленные пастбища, в горы или степи,³ вдалеке от населенных пунктов. Но было много и таких пастухов, которые утром собирали скот, а вечером возвращали его владельцам.⁴ Рассказывается о том, что иногда владельцы скота, не доверяя пастухам, давали им скот при свидетелях.⁵

Пастухи были ответственны за сохранность порученного им скота,⁶ обязаны были заботиться о корме для него и т. п. Пастухам приходилось поэтому внимательно следить за скотом, различать его болезни, определять пригодность для корма тех или иных трав. В Ираке пастухи считались знатоками ветеринарии; рассказывается, что Рав «прожил восемнадцать месяцев у пастуха скота, чтобы узнать, какой *tum* (טום — физический недостаток) хронический, а какой переходящий».⁷

Несмотря на это, оплата труда пастухов была крайне низкой, условия их жизни очень тяжелыми. В талмудической литературе имеется даже указание, что пастухи иногда питались той же едой, которую они приготавливали для охраняющих стадо собак.⁸

Тяжелые условия жизни работников-пастухов способствовали обострению антагонизма между ними и землевладельцами. В то же время, угоняя стада на отдаленные пастбища, пастухи освобождались от повседневного контроля со стороны работодателей. Все это приводило, вероятно, к тому, что пастухи особенно часто оказывали сопротивление своим работодателям, боролись против их эксплуатации за улучшение своего положения.

Этим, повидимому, и объясняется то, что классовое право работодателей-землевладельцев ограничивало пастухов в правах еще более, чем другие категории наемных работников, низводило их до степени бесправных париев. Источниками в ряде сентенций и рассказов засвидетельствовано презрительное отношение землевладельцев к пастухам. В одной из таких сентенций с иронией сказано: «На том месте, где хозяин дома вешает свое оружие, бродяжничающий пастух повесил свою кружку»⁹ — считается совершенно недопустимым, чтобы пастух вешал что-либо принадлежащее ему там, где хозяин-работодатель вешает свои вещи; при этом по отношению к работодателю говорится об оружии, по отношению же к пастуху презрительно упоминается кружка, под чем подразумевается указание на то, что у пастуха ничего другого не имеется. Среди профессий, которым талмудисты рекомен-

¹ Tj, Beṣāh, V, 3, 63b; Tb, Bāvā mši'ā 42b.

² Tb, Bāvā mši'ā 42b.

³ Mišnāh, Bāvā qammā VII, 7; Tb, Bāvā qammā 79^b.

⁴ Tb, Bāvā batrā 36a.

⁵ Tb, Bāvā mši'ā 5a.

⁶ Tb, Bāvā mši'ā 93b; 106a.

⁷ Tb, Sanhādrin 5b.

⁸ Mišnāh, Hallāh 1, 8. עיסת הכלבים בוסן שהרועים אוכלין ממנה חייבת בחלה.

⁹ Tb, Bāvā mši'ā 84b; Sanhādrin 103a. תמן אמרין באתר דמרי ביתא תלא זייניה כולבא. תמן אמרין באתר דמריה תלא ליה זייניה תמן קולבא רעיא קולתיה תלא. или Туда, где висит оружие, пастух повесил кружку.

дуют не обучать своих детей, упоминается и профессия пастуха.¹ Наконец, мы находим даже постановление о том, что пастухи не имеют права давать свидетельские показания, их свидетельские показания не действительны.²

Последнее постановление, ограничивающее права пастухов, некоторыми исследователями связывается с запрещением разводить мелкий скот.³ Эти исследователи заявляют, что пастухов лишали права давать свидетельские показания, потому что они являлись нарушителями запрещения разводить мелкий скот. Но в талмудической литературе приводится специальное разъяснение Равы о том, что и пастухи крупного рогатого скота⁴ лишены права давать свидетельские показания. Разведение же крупного скота не было запрещено, — следовательно, ограничение пастухов в правах отнюдь не было связано с запрещением разводить скот, а соответствовало их специфическому положению в рассматриваемое время, являлось орудием классового угнетения.

Ограничение прав пастухов мотивируется тем, что пастухи нередко загоняют стада на потраву чужих полей, а следовательно, способны вообще на похищение чужого имущества — воровство.⁵ Это указание также является, понятно, только позднейшей попыткой объяснения причины возникновения постановлений, ограничивавших права пастухов.

Интересно отметить, что в дальнейшем, понятно не без упорной борьбы со стороны пастухов за восстановление своих прав, стало невозможным сохранять в силе постановления об ограничении прав пастухов; талмудистам пришлось разъяснить, что эти постановления относятся только к тем пастухам, которые пасут свой собственный скот, к пастухам-собственникам, мотивируя это свое странное разъяснение тем, что «человек не станет же грешить без пользы для себя»,⁶ — пасущий чужой скот не может быть заинтересован в том, чтобы пускать этот скот на потраву чужих полей, и, следовательно, ограничение пастухов в правах не должно коснуться его.

В сельском хозяйстве Ирака и Сирии, наряду с арендой и издольщиной, пришедшим на смену разлагавшемуся рабству и все более и более вытеснявшемуся мелкому землевладению, во II—V вв. н. э. пользовались также и наемным трудом.

Положение наемных работников было очень тяжелым. Оплата их труда была большей частью крайне низка. К тому же она подвергалась большим колебаниям, что еще больше ухудшало их и без того бедственное положение. Землевладельцы-работодатели пользовались этими колебаниями для снижения размеров оплаты труда наемных работников, в то же время они требовали от них непрерывного напряженного труда от зари и до поздней ночи, неустанно следили за их работой, стремясь всеми мерами к возможно большей их эксплуатации, к максимальному повышению производительности их труда. Часто наемные работники не находили применения для своего труда и оставались безработными. От безработицы особенно страдали сезонные работники по окончании сезона полевых, огородных и садовых работ. В поисках работы безработные переходили с места на место, но и на новых местах не всегда им удавалось найти себе работу.

Тяжелые условия жизни наемных работников, жестокая их эксплуата-

¹ Tb, Qiddušin 82a.

² Tb, Sanhādrin 25a.

³ Mišnah, Bāvā qammā VII, 7; Tb, Bāvā qammā 79b; 80a; Tosāftā, Bāvā qammā VIII, 362, 3—7.

⁴ Tb, Sanhādrin 25b.

⁵ Ibid.

⁶ Tb, Bāvā msi'a 5b.

ция вызывали резкое обострение противоречий между ними и землевладельцами-работодателями, создавали сильнейший антагонизм между ними, сделали неизбежной ожесточенную борьбу наемных работников с их эксплуататорами-землевладельцами.

О СИСТЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКИХ И АРАМЕЙСКИХ СЛОВ

При передаче древне-еврейских и арамейских слов мы старались придерживаться транслитерации, т. е. буквальной передачи.

В соответствии с этим мы гласные $\bar{\text{—}}$ (—), $\bar{\text{ֿ}}$ (ֿ), $\bar{\text{ֿ}}$ (ֿ), $\bar{\text{ֿ}}$ (ֿ), $\bar{\text{ֿ}}$ (ֿ), $\bar{\text{ֿ}}$ (ֿ) передаем через *a, ā, â, e, i, o, u* без обозначения их количества (долготы или краткости); װֿ (װֿ) не обозначается как *šwâ mobile*, так и *šwâ quiescens*. Из согласных כ, ק, כּ, כּ, פ, צ, ק, שׁ, שׂ, ל (как с дагешом [ך], так и без дагеша [ך]) передаются через *v, w, x* (русское) *k, f, s, q, š, š, t*.

Этой системы транслитерации мы придерживались также при указании в сносках названий цитируемых источников.

Я. Б. РАДУЛЬ-ЗАТУЛОВСКИЙ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИТО ДЗИНСАЙ¹ (1627—1705)

Известный исследователь в области истории развития материалистических идей в Японии Нагата Хироиси совершенно прав, когда подчеркивает, что истоки развития философского материализма в этой стране лежат в критике конфуцианского и буддийского учений,² характерной для философской деятельности таких выдающихся мыслителей XVII—XVIII вв., как Андо Сёэки и Камада Рёкю. В самом деле, материалист Андо Сёэки, этот революционный мыслитель и глубочайший ум своего времени, отвергает этико-политическое учение конфуцианства, неоконфуцианскую схоластику и буддийскую мистику. Еще сёгун Иэясу (1542—1616), как правильно указывает японский ученый Яно Охиро, полностью использовал конфуцианство и буддизм в политических целях в качестве духовного оружия для подавления «оппозиционных умонастроений народных низов» и укрепления феодальной диктатуры в завоеванной стране. Андо Сёэки полностью отвергал современный ему феодальный строй, которому служили конфуцианство, буддизм и синтоизм, строй, где, по выражению мыслителя, «тунеядцы власть имущие поедают возделанное чужими руками», а «сеятеля» лишили «естественной свободы».

Материалист Андо Сёэки связывает свою коммунистическую теорию переустройства общества, представляющую совершенно исключительное явление в истории общественной мысли Японии, со своей философской системой, названной им философией «истинно действующих законов природы», и все это противопоставляет конфуцианству и буддизму.

Материалист Ито Дзинсай, которому посвящена настоящая глава, как и его знаменитый сын материалист Ито Тогай, облачается еще в одежды последователя древнего, классического конфуцианства, с которым в области философии он не имеет ничего общего.

Модификация древнего учения Конфуция и материалистическая его интерпретация в произведениях Ито Дзинсай и Ито Тогай не оставляют камня на камне от спекулятивных построений неоконфуцианского идеализма, связанного, главным образом, с именем величайшего китайского метафизика XII ст. — Чжу Си (1131—1200). Философия Чжу Си была признана в XVII ст. японским феодальным правительством в качестве официальной, государственной философии. И разумеется, что правительство сёгуна рассматривало попытки теоретической критики чжусианской философии как опасную деятельность, направленную против основ своей власти.

¹ Глава из монографии «Очерки по истории материалистических идей в Японии».

² Юибуцурон кэнкё (Материалистические штудии), № 48, Токио, октябрь 1936, стр. 210.

Ито Дзинсай не только выступает против неоконфуцианского идеализма и буддийской мистики, но и против субъективно-идеалистической философии китайского философа Ван Ян-мина (1472—1529), также нашедшего в Японии огромное число последователей.

Поэтому, перед тем как трактовать о философских воззрениях Андо Сёэки, занимающего совершенно исключительное место в истории японской теоретической мысли, и о воззрениях Камада Рёкю, Миура Байэн и других мыслителей, открывших новые страницы в истории развития материалистических идей в феодальной Японии, мы считаем единственно правильным познакомить советского читателя с учением их предшественников и современников — материалистов Ито Дзинсай, Ито Тогай и Ямагата Сёнан, а также с рассуждениями таких известных мыслителей этого времени, как Муро Кёсо и Кайбара Эккэн (Экикэн).

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛИЧНОСТИ ИТО ДЗИНСАЙ

Ито Дзинсай (伊藤仁齋) родился в Киото в 1627 г., в семье торговца-лесопромышленника. В раннем возрасте он начал изучать китайские классические книги. Однако отец Дзинсай совсем не намеревался дать сыну конфуцианское образование. Отец рассматривал классическое конфуцианское образование как роскошь, как привилегию праздной феодальной аристократии и как мало пригодное для жизни непривилегированного, но предприимчивого горожанина занятие. Внимая настоятельным просьбам сына об учении, отец Дзинсай соглашался оказывать юноше материальную поддержку при условии, если он изберет для себя путь «полезного образования». Таким полезным образованием отец считал изучение восточной медицины, и притом обязательно в видах доходной лекарской практики. Но молодому философу не улыбалась такая деятельность, даже если бы ему пришлось в качестве знатного лекаря получить пост у могущественного даймё и играть видную роль при его дворе, о чем так мечтал отец. Не в согласии с волей родителей и родных, что, стало быть, расходилось с догматической конфуцианской этикой, Ито Дзинсай продолжал изучение древних китайских книг — Лунь-Юй (Беседы и рассуждения Конфуция и его учеников), Да-сэе (Великое учение), Чжун-юн (Учение о следовании середине), сочинения Чжу Си и других сунских философов,¹ открывших новую страницу в истории китайской философии и, по существу, также ничего общего не имевших в этом отношении с древним учением Конфуция. Девятнадцатилетним юношей Ито сопровождал своего отца в путешествии к берегам овеянного легендами озера Бива. Вглядываясь в зеркальную гладь Бива, он предавался своим думам. Результатом этого явились небольшие, но яркие стихи, в которых уже звучит лейтмотив его будущих философских построений. В одном из этих стихотворений молодой Ито говорит:

С незапамятных времен, давным давно прошедших,
Все говорят, что воды эти
В ночь прекрасную одну
Озеро недвижимое создали.
Пустой молве, наивному сказанью
Трудно очень разумом поверить.
Так почему же продолжающийся мир
Не остается неизменным?
Сотни рек лавиной непрерывной

¹ Чжоу Дун-и (1017—1073), братьев Чэн Хао (1032—1085) и Чэн И (1033—1107) и Чжан Цзя (1131—1200).

Текут навстречу тысячам низин,
И доли раскрывают им объятья.
Вся поднебесная — бушующий поток. . .

В этих словах выделяется не лирическое настроение Ито и не эстетические мотивы его вдохновения, а как раз философский дух его стихов и их глубокий смысл.

Повествуют, что по утрам молодой Ито любил известное время заниматься каллиграфией, наслаждаясь вариантами письма и удобством своей податливой кисти. По существу же, молодой философ проводил время не над праздным занятием. Он занимался анализом иероглифического письма и скорописи, учился сличать списки рукописей, находить в них различия и недостатки, и упорным, систематическим трудом завоевывал доступ к труднейшим текстам.

Тем временем разорился и совершенно обеднел отец Ито Дзинсай, и молодой философ лишился и того скромного родительского пособия, которым довольствовался прежде. Однако он укреплялся в мысли продолжать свои философские занятия. Материальные невзгоды как будто усиливались только для того, чтобы крепла самостоятельность характера и мысли, которой философ отличался в течение всей своей долгой жизни.

Впоследствии целый ряд могущественных владетельных даймё обращался к Ито Дзинсай с приглашениями на службу, оспаривая друг у друга реальную весомость предлагаемого жалования и заманчивость посулов и привилегий. Ограниченные и невежественные феодалы не понимали ни истинного смысла философских идей Ито Дзинсай, ни подлинного значения их развития и действительной направленности. Они мечтали о том, чтобы видеть этого ученого в числе своих подчиненных, владеть им как некоторым родом украшения в числе многих достопримечательностей и роскоши своих дворов. Ито Дзинсай на все предложения властительных феодалов неизменно отвечал отказом. И нужно отметить, что единственным мотивом этих отказов, выражавшихся, как этого требовал феодальный этикет, в выпретенных словах конфуцианского витии, — пожалуй, единственным мотивом отказов, адресовавшихся на имя феодалов в совершенно неприкрытой форме, являлось заявление философа о том, что ни один из них в своих приглашениях совершенно не имеет в виду допустить его к участию в управлении и к решению государственных дел.

Он уединился со своей семьей и проживал в исключительной бедности, именно такой, какая является уделом многих прогрессивных ученых в буржуазных странах. Повествуют о следующем отзыве одного современника по поводу бедственной жизни Дзинсай и его семьи. «Дзинсай был очень беден, — рассказывает этот современник, — так беден, что даже раз в год, именно под Новый год, он не в состоянии был позволить своей жене спечь для семьи рисовые пироги. Однако это не смущало его. Однажды жена, встав перед ним на колени, сказала: „Я с горем пополам веду домашнее хозяйство, но теперь становится невыносимо. Наш мальчик Гендзо ¹ ведь не понимает причин нашей нищеты, — он завидует соседским детям, когда те едят рисовые пироги. Я выговариваю ему за это, но мое сердце разорвано надвое“. Дзинсай не отвечал. Он продолжал свои занятия с книгами. Затем снял с себя халат и отдал жене, как бы говоря: — „Продай, и купи для мальчика рису!“ Мытарства и лишения, которые пережили Ито Дзинсай и его семья, действительно потрясающие.»

Другие современники отзываются о нем, как о гуманисте и человеке благородных качеств. Удивление, а у богатых самураев ненависть, — вызывали

¹ Будущий философ Ито Тогай.

его простота и постоянное стремление быть связанным с простым народом. Повидимому, воспринимались как акт политической демонстрации против токугавского режима даже такие действия Дзинсай как, например, помощь физическим трудом, которую он оказывал рабочим при очистке общественных колодцев. Сын Ито Дзинсай, знаменитый ученый времен токугавской Японии, Ито Тогай, объяснял такое поведение нежеланием отца чем-либо отличаться от народа.

Бакуфу — токугавское правительство — смотрело на Ито Дзинсай как на своего врага, выступающего против господствующей государственной философии, против чжусианского конфуцианства. Ито Дзинсай, действительно, выступал против чжусианского конфуцианства в такой же мере, как и против философии Оёмэй (Ван Янмина) и ее развития в Японии. И возможно, что только тяжелая болезнь, которой Ито Дзинсай заболел в результате всех перенесенных им лишений, окончательно подорвавших его силы, удерживала философа от открытой пропаганды, направленной против господствовавшей чжусианской философии, перед большим собранием учеников. Но, повидимому, именно в связи с этой тяжелой болезнью, длившейся более десяти лет, бакуфу не торопилось применить против Дзинсай свирепых репрессий, как против «возмутителя умов». Надо иметь, кроме того, в виду, что бакуфу время от времени избегало излишнего возбуждения оппозиционно настроенного общественного мнения.

Философ-материалист Ито Дзинсай умер в 1705 г. от инфекционного желудочного заболевания.

В специальных японских справочных изданиях приводится традиционная таблица фамилий учеников и последователей Ито Дзинсай. Они расположены там таким образом, что 22 фамилии представляют как бы первую формацию учеников и последователей философа, из которых многие известны благодаря своим сочинениям, 21 фамилия представляет вторую формацию или отпочкование школы и 2 — третью формацию. В работах некоторых современных японских авторов встречаем не 22, а 32 фамилии ближайших учеников Ито Дзинсай. Доподлинно известно, что количество лиц, в разное время слушавших философа в качестве постоянных посетителей его школы, превышает 3000. Таким огромным количеством слушателей никогда не могла гордиться ни одна школа чжусианцев или сторонников Ван Ян-мина в течение всей истории их бытования в Японии.

Влияние мыслителя на современников было действительно огромно. Большая эрудиция, ясность изложения своих доводов во время выступлений, простота, и вместе с тем их убедительность, производили неизгладимое впечатление даже на идейных противников философа, известных в качестве правочерных сторонников чжусианского идеализма. Некоторые из них под влиянием Ито навсегда порывали с философией Чжу Си и демонстративно становились в оппозицию по отношению к ней. Другие делались открытыми врагами буддизма. Слава о философе распространилась по всей стране. Его имя упоминалось на диспутах по вопросам философии, им клялись. Сторонники и противники дали мыслителю многочисленные прозвища и употребляли их в качестве его имени. «Садовник, давший высокие всходы науки и книги в Японии», «Подобный высочайшей горе», «Муж храбрости и героизма», «Человек благородства» — вот те прозвища, которые стали нарицательными в среде многочисленных доброжелателей, глубоко изумлявшихся самоотверженности и бесстрашию, с какими Ито Дзинсай проповедывал свое учение, противное официальной государственной философии — чжусианскому конфуцианству. «Человек изолированной самостоятельности», «Гудящая стрела поворота японской литературы и просвещения», т. е. «Опасность поворота японской литературы и просвещения» — вот те прозвища, которые исходили от идейных

противников мыслителя и которые заменяли его имя в их среде. Дзинсай — псевдоним философа. Его настоящие имена — Корэада и Гэнсукэ. Этими именами он и подписал свое знаменитое произведение «Вопросы молодых».

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ТРАДИЦИОННОЙ И НЕПРАВИЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИТО ДЗИНСАЙ В КАЧЕСТВЕ РЕСТАВРАТОРА УЧЕНИЯ КОНФУЦИЯ, А ТАКЖЕ ПО ПОВОДУ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МЫСЛИТЕЛЯ И ИХ СТИЛЯ

Ито Дзинсай оставил много произведений, из которых наиболее известны «Древние принципы Лунь-юя» (論語古義), «Древние принципы Мэн-цзы» (孟子古義), «Определенность основ великого учения (大學定本)», «Точное толкование Лунь-юя и Мэн-цзы» (論孟字義), «Раскрытие и объяснение Чжун-юна» (中庸發揮), «Вопросы молодых» (童子問), а также произведения, посвященные «Рассуждениям о пределе» (極論), толкованию «Чунь-цю», «И-цзину» («Книге перемен») и многие другие.

Перечисленные выше сочинения, названия которых на первый взгляд говорят о конфуцианской «ортодоксии» их автора, все без исключения увидели свет при жизни философа. После смерти Ито Дзинсай его сын, мыслитель-материалист Ито Тогай, с исключительной заботливостью собрал все написанное отцом и издал под довольно одиозным названием: «Собрание сочинений учителя древнего учения». Критических исследований древних текстов в его время не существовало в Японии. Напротив, традиция, преломлявшая древнее этико-политическое учение Конфуция в ином свете в сравнении с тем, как оно преломлялось в чжусианском толковании, охотно принималось Ито-отцом и Ито-сыном в качестве истины, за которую достойно страдать. Мало того. Когда Ито-отец и Ито-сын находили в древних текстах «случайно» оброшенное слово «против неравенства, богатства», как говорит Маркс в отношении Кабэ, превращавшего Конфуция в борца за благополучие всех людей, не имея на это оснований,—когда они находили в этих текстах даже весьма бледные штрихи альтруизма в высказываниях Конфуция по поводу правления неразумных монархов, то мыслители старались воспринимать все это в свете собственного отношения к современному им режиму. Они наделяли эти высказывания философским содержанием, которого в учении Конфуция вообще нет, а также новым содержанием в области этики. Классовые мотивы подобной модификации учения Конфуция выступают совершенно рельефно.

Конфуций жил во второй половине VI и первой половине V ст. до н. э. Он был свидетелем кровопролитных усобиц между княжествами за политическое и экономическое господство, свидетелем нового и болезненного перераспределения земельной собственности. В его время купечество уже играло значительную роль. Купечество распоряжалось, на ряду с князьями и их вассалами, большими земельными владениями. Деньги властно продвигались во все поры общественной жизни. Рост служилой бюрократии, среди которой возникла значительная прослойка, не принадлежавшая к родовой аристократии, лихоимство и произвол этой бюрократии дополняли картину общественной и государственной жизни, которую Конфуций рассматривал как трагическое отступление от «небесного пути» и «веления неба». Отстраняясь от теоретико-познавательных вопросов и сделав человека основным предметом своих рассуждений, Конфуций звал общество вернуться к прошлому, назад к жизни, которой, по его мнению, блистали времена легендарных императоров — «сынов неба». В те времена, проповедывал Конфуций,

«сыны неба» управляли исключительно на основании «веления неба» и ни с кем эту власть не разделяли. Богатство и знатность, бедность и незнатность, учит он, зависят от неба. Жизнь древности протекала соответственно этому. Монарх был монархом, а подданный — подданным. «Благородные мужи» управляли, а простой народ был управляем и никогда не участвовал в обсуждении государственных дел и вообще политики. Мудрые правители господствовали так, что народ знал «куда девать свои руки и ноги» и протесты и восстания не возникали. Назад к временам этого легендарного правления «благородных мужей», стоявших по «велению неба» над народом, — вот девиз Конфуция.

Японский философ Ито Дзинсай, неправильно получивший в традиционной комментаторской литературе имя главы «Школы возвращения к древнему учению Конфуция», жил на 21 столетие позже Конфуция. Он жил в такое время, когда режим диктатуры феодального дома Токугава подходил к началу своего политического разложения и экономического загнивания. Страной официально правило военное сословие — самурайство. По существу же ростовщик, скупщик риса, могущественный откупщик существовавших государственных монополий, верхушка купечества — вот кто задавал тон в стране. Они держали в своих руках и феодалов, и самураев, и крестьянство, вовлеченное в орбиту денежных отношений. Ито Дзинсай был свидетелем разложения и обеднения самурайства по всей линии его внутренней дифференциации. «Самурай, хотя и не ел, а чистит зубы» — гласит гордая поговорка. Но есть нужно, да к тому же все больше средств нужно было для поддержания образа жизни, который привыкло вести это дворянство. Ито был свидетелем того, как самурай, обязанный по закону, во имя сохранения своей чести, убить, например, бесправного купца, оскорбившего его честь хотя бы словом, приходил теперь к тому же ростовщику или торговцу с поклоном, получал ссуду на кабальных условиях и, стало быть, «добровольно» получал оскорбление словом и делом на виду у всех. Дворянство разлагалось и беднело, но признавалось законом привилегированным и полноправным, а городская буржуазия росла и крепла, но по закону была бесправной. Берегов Японии в это время достигали уже не случайные группки европейских кондотьеров, а более значительные группы иностранных купцов. Япония торговала с Западом, однако сёгунат чинил этой торговле всевозможные препятствия. В самой стране купечество и промышленники были стеснены целой системой ограничений и регламентации.

Хорошо знакомый с этой системой ограничений, которую создал токугавский режим для непривилегированного народа, и сам выходец из среды бесправной по закону торговой буржуазии, Ито Дзинсай отлично знал отвратительные стороны жизни купечества и его вкусы, а также неприглядную картину жизни городского плебса. Недовольство голодной городской бедноты, часто переходившее в кровопролитные восстания, во время которых предавались огню и разгрому дома и склады скупщиков риса и торговцев, недовольство обижаемого и забитого крестьянства, поднимавшего грозные восстания против феодалов и нередко выдвигавших требования свободы распоряжаться своими излишками, свободы торговли и т. п., — все эти явления Ито связывал исключительно с «дурными делами» вершителей государственных дел того времени. Он ненавидел токугавский «режим ока» (мэцукэсэйдзи) — режим неукоснительного надзора, избранный сёгунатом в качестве основного принципа своей внутренней политики. Ито Дзинсай ненавидел и официальную идеологию этого режима — чжусианское конфуцианство.

Мыслитель задался целью опровергнуть философские основы чжусианства, которое, по сути говоря, и являлось истинным поборником претворе-

ния в жизнь духа реакционного конфуцианского этико-политического учения. Восстав против чжусианства, стремившегося подвести свою теоретическую основу под это этико-политическое учение, Ито Дзинсай в свою очередь стремился собственной модификацией идеалистического в своей основе учения Конфуция опровергнуть чжусианский идеализм и вместе с ним основы его этики.

Просвещение народа, гуманизм, личность, продвигающаяся вперед, а не назад,— таков девиз Ито Дзинсай. Вернуться к прошлому, по его мнению, все равно что внимать пустопорожним, но в то же время крайне вредным утверждениям сторонников Чжу Си, вроде того, что человек, добивающийся блага, может, якобы, достигнуть его только при том условии, если он вернется к своей идеальной «первоприроде» или, иначе говоря, если он освободится от всех тех приобретенных после своего рождения качеств, которые, по мнению чжусианцев, обязательно являются виной неблагополучия индивидуума и всего общества. Против этой идеалистической или «противоестественной», как выражается философ, точки зрения он выставляет то свое положение, что «естественное» назначение человека как раз и состоит в том, чтобы максимально совершенствовать свои приобретенные качества до уровня лучших, на пользу себе и своим согражданам. По мнению Ито, личность как продукт природы или «естественности», независимо от того, где она бытует, имеет право на самостоятельную жизнь и счастье.

Материалист, гуманист и просветитель Ито Дзинсай, отражающий в своих произведениях идеи и настроения антитокугавских слоев японского общества, прибегает к борьбе против чжусианской философии к конфуцианским же категориям и терминологии, толкует их материалистически, а затем ссылается на них и множество раз, подобным образом, повторяет целые пассажи из древних конфуцианских текстов. Только социальные лицемеры, сердцу которых крайне близки интересы, позиции и приемы японской реакционной историко-философской литературы, могут утверждать, что для них является «преступным новшеством» то неоспоримое положение, что конфуцианская литература, продолжающаяся в течение тысячелетий в своей основной идеалистической линии, порождала и своих врагов — мыслителей, сознательно выступавших против нее, и таких мыслителей, которые, прикрываясь конфуцианской одеждой в области этики, хотя и пользовались традиционной конфуцианской терминологией и аппаратом, но по существу являлись материалистами и убежденными атеистами. Для современных японских исследователей-марксистов это положение является, как уже было сказано, неоспоримым фактом. Для них вовсе не представляет новшества то обстоятельство, что графический способ фиксирования мыслительной работы, а именно иероглифический, является общим для японских материалистов и идеалистов, с той, однако, разницей, что встречающиеся в конфуцианских текстах определенные иероглифические сочетания, равно как и термины и понятия, имеющие место в буддийских и даосских сочинениях, в свою очередь встречаются также и в материалистических антиконфуцианских произведениях, но в совершенно другой интерпретации или в качестве предмета критики.

Проходили столетия, иероглифы по своей форме оставались почти неизменными, а понятия, которые они выражали, оставаться одними и теми же, разумеется, не могли. И в философских текстах ответственные иероглифы, например иероглифы, отражающие рассуждения об основных принципах бытия, об отношении мышления к бытию, передавались традиционной комментаторской литературой без научной, критической их оценки, превращались в род «штампов», довели над возможностями писателей, связывали их по рукам и ногам, мешали им писать так же ясно, как они думают, писать понятно для всех. Так именно обстояло дело и на японской почве и во

времена Ито Дзинсай, когда для ученых китайский язык был тем же, что в прошлом для европейских ученых латынь.

Но дело не только в специфических условиях иероглифического способа изложения философского материала. Основная причина конфуцианской окраски сочинений Ито Дзинсай, как и большинства японских материалистов XVII—XIX вв., заключается в том, что, как и вообще у китайских и японских мыслителей прошлого, теоретико-познавательные вопросы ставились и по-своему разрешались в связи с этикой, в связи с этико-политическими учениями и для их обоснования. Материалистические идеи древнего даосизма давно уступили место мистическому даосизму, а буддийская сотериология проповедывала идею бренности и нереальности мира вещей. Она звала человека к подавлению всех своих страстей, будто бы предостановленно гибельных уже с первого дня его рождения. Словом, буддизм превращал «человека в дым», по образному выражению японского материалиста Накаэ Тёмин (Токусукэ).

Конфуцианское этико-политическое учение, реакционное по своему существу, напротив, трактует прежде всего и главным образом о «пути» человека, о «пути» государства, исходя при этом из религиозного — превратного представления о мире. Оно стоит на идеалистических позициях.

Японские материалисты не поднимались в своих взглядах на общество выше взглядов современных им европейских материалистов. В своих социально-политических воззрениях они были совершенно беспомощны, они были такими же идеалистами в этой области. Что же удивительного в том, что японские материалисты в своей борьбе против господствовавшей философии токугавского режима — против чжусианского конфуцианства — обращались не к мистике буддизма и современного им даосизма и не к неоконфуцианским модификациям, а к этико-политическим рассуждениям древних конфуцианцев, как они были переданы комментаторской традицией? Ито Дзинсай поступал подобным образом. Однако весь вопрос заключается в том, как и на какой основе он прибегал к этим рассуждениям и, так сказать, по-своему модифицировал их. Об идеях и мотивах, которые руководили им при этом, я уже сказал.

Определение философских воззрений Ито Дзинсай, в особенности его философии природы, в качестве основания так называемой «Школы древнего конфуцианства» (когакуха) или «Школы восстановления древнего конфуцианства» (фуккогакуха) являлось, разумеется, неправильным по существу еще в XVII и XVIII вв. и тем более является антинаучным, антиисторическим в свете фактов, которыми, как известно, располагает современное научное исследование.

Кумиры современной так называемой «философии японизма» предпочитают научному исследованию не только догматическую традицию, но и фальсификацию. Это особенно проявляется, когда дело касается весьма деликатного вопроса, а именно того обстоятельства, что вопреки представлениям «японистов» далеко не все японские мыслители прошлого могут идти в сравнение с мистиками вроде Ямадзаки Ансай, проповедывавшего самыми причудливыми способами свои сантоистские верования в соединении с чжусианством.

Иноуэ Тэцудзирō является в настоящее время, пожалуй, старейшим идеологом японской реакции, идеологом так называемого «японизма». Этот человек, имеющий за спиной полвека борьбы с распространением материалистических идей в «стране пути пребывания в богах», как он называет Японию, в настоящее время является самым беззастенчивым фальсификатором в области истории японской философии. Однако фальсифицировать идеи материалиста Ито Дзинсай и вычеркнуть все, что было прежде написано по этому поводу, во имя изгнания материализма из официальной истории япон-

ской философии Иноуэ не осмелился из риска быть осмеянным даже в кругах своих единомышленников. Поэтому в своей книжке под названием «Сущность японского духа» (Токио, 1935), наполненной выпадами против Советского Союза и буквально восхвалениями японской империалистической агрессии, он ограничился характеристикой Ито Дзинсай в качестве неполноценного предтечи современной идеологии «японизма». Еще тридцать пять лет тому назад Иноуэ Тэцудзирō в своих сочинениях по «Истории японской этики» характеризовал воззрения Ито Дзинсай как философию материалистического направления. В 1908 г. Вальтер Дэннинг в своей обстоятельной и первой на европейском языке статье, где говорится об Ито Дзинсай, ссылается на мнение Иноуэ Тэцудзирō и характеризует взгляды нашего философа следующим образом: «Его учение о природе, возможно, было материалистическим по своей тенденции».¹ В этом же году в своей статье для немецкого читателя сам Иноуэ писал: «Легко заметить, что мирозерцание Дзинсай очень отлично от мирозерцания Чжу Си. Согласно Чжу Си, в мире существуют, как мы видели, два основных начала: Ри и Ки, из которых каждое не может быть выведено из другого. Поэтому Чжу Си несомненный дуалист, между тем как Дзинсай резко выраженный монист. Кроме того, представление о Ри и Ки также весьма различно у обоих философов. Согласно Чжу Си, Ри—идеальное начало и предшествует Ки—началу материальному. Дзинсай не отрицает существования Ри, но он считает Ри лишь атрибутом Ки. Другими словами: у Чжу Си главное начало Ри, между тем как у Дзинсай главное или, вернее, единственное основное начало — Ки. Выступление Дзинсай повело к тому, что находившаяся в то время в расцвете философия Чжу Си коренным образом была подорвана».² Как бы там ни обстояло дело с интерпретацией философии Чжу Си у Иноуэ, но из его слов, которые мы только что цитировали, совершенно ясно, что Ито Дзинсай характеризуется как материалист и монист.

В 1914 г. Роберт Армстронг в своей книге «Свет с Востока», которую Иноуэ снабдил своим предисловием, также характеризует философа как противника сверхъестественного.³

Словом, материалист и атеист Ито Дзинсай не может быть признан реставратором древнего учения Конфуция: Этико-политическое учение Конфуция носит ярко выраженный религиозный характер. Согласно этому учению, только небо в качестве всесильного, сверхъестественного, целеполагающего владыки определяет путь вселенной и путь человека. Согласно же учению материалиста Ито Дзинсай природа несотворима и неразрушима, а человек совершенствует свои качества без вмешательства бога.

* * *

Из сочинений Ито Дзинсай произведение «Вопросы молодых» является самым замечательным. Трактат под названием «Древние принципы Лунь-юня», который был очень распространен в античжусианских кругах, был написан, когда Ито минуло тридцать шесть лет. Другое не менее распространенное в то время сочинение — «Точное толкование Лунь-юня и Мэн-цзы» — было написано в 1683 г., а знаменитое произведение «Вопросы молодых» было написано на склоне лет философа. Оно было завершено в 10 луне 1694 г. в Ракуё, как поэтически тогда называли город Киото. Книга эта написана в форме вопросов и ответов и ярко отражает мирозер-

¹ Walter D e n i n g. Confucian Philosophy in Japan. Transactions of the Asiatic Society of Japan, vol. XXXVI, Part II, p. 125.

² Общая история философии. Перев. И. В. Постмана и И. В. Яшунского, т. I, стр. 73, СПб., 1910.

³ Robert Cornell A r m s t r o n g. Light from the East. Toronto, MCMXIV, стр. 238.

цание автора. В ней он подвел итоги своих размышлений, которые постоянно занимали его.

«Вопросы молодых» распространялись в списках, зачитывались до дыр. Повествуют, что, читая произведения Ито, даже недоброжелатели его заявляли: «Он подобен облакам или даже звездам — видишь их, но не в состоянии достигнуть». Знаменитый в то время конфуцианец, действительный глава «когакуха» Буцу Сорай являлся противником Ито Дзинсай, но, читая его книгу, он позволил себе благосклонно заявить: «я не имею возможности встретиться с ним, но когда я читаю эту книгу, то вижу, что он большой человек. В этой книге имеется несколько прекрасных мест». В кругах читателей в то время отзывались об Ито Дзинсай, как об «основателе японской литературы».

Ито Дзинсай прекрасный стилист, однако он все же находится в плену у старой традиционной манеры письма. Он старается, где это возможно, избегать употребления иероглифов, распространенных в буддийской, даосской и чжусианской литературе. Такая осторожность не приносила, по существу, осязаемой пользы, если даже не сказать некоторого вреда, красоте и, главное, ясности стиля изложения. Мыслитель прибегал, например, к древним пиктограммам измененных впоследствии иероглифов. Тем не менее древняя даосская терминология, а также терминология чжусианская встречаются в текстах Ито очень часто. Ито не стремился, подобно Андō-Сёэки, создавать собственные иероглифические композиции для выражения своих идей.

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ ИТО ДЗИНСАЙ

Философия Ито Дзинсай, как и философия большинства японских материалистов XVII, XVIII и XIX столетий, оформилась главным образом на основе критики неоконфуцианского идеализма Чжу Си и буддизма.

Чжу Си утверждает, что в основе вещей лежит первичное идеальное начало — Ли (японское чтение — Ри). Существует и материальное начало — Ци (японское чтение — Ки), которое является вторичным по отношению к Ли. Универсальное Ли порождает и управляет вещами во вселенной. Ци же обладает способностью к «сгущению», следовательно, воспринимает идеальную сверхъестественную потенцию Ли и оформляет телесный склад вещей. Ци, таким образом, также творит, но его творения имеют в своей основе несамостоятельный характер. Вне идеального, универсального Ли нет природы, нет творений.

Ито отвергает это построение чжусианской метафизики. В разделе 67 «Вопросов молодых» философ говорит: «...Вселенная представляет собою единый (целостный) великий живой организм. Рождает все вещи и ни в чем не рождается. Она неисчерпаема в веках. Она несравнима с человеком, который имеет жизнь и смерть. Не было бы великой пустоты, то был бы конец. Если есть великая пустота, то не может быть, чтобы не было Ки. Что же касается этого Ки, то оно само никем не произведено, нет также ничего, что бы не было им произведено. Оно вечно и само себе довлеет. Оно вечно и независимо. Будучи пустым внутри (т. е. легкомысленным. — Я. Р.), нельзя рассматривать это».¹

¹ 天地一大活物。生物而不生於物。悠久無窮。不比人物之有生死也。夫無太虛。則已。有太虛。則不能無斯氣。斯氣也。既無所生。亦無所不生。萬古獨立。顛撲不破。豈容以虛無目之邪。Ито Дзинсай.

Вопросы молодых, ч. II, разд. 15. Нихонринрихэн, 130.

Прежде всего мы должны здесь отметить, что понятие «великая пустота» у Ито Дзинсай ничего общего не имеет с понятием «пустота» или «тайнственное», в качестве сущности бытия, у китайских философов времен ранней Ханьской династии, например у мистика-конфуцианца Цзя И.¹ даоса Ян Сюна² или у буддистов. Под «великой пустотой» Ито понимает безначальную и бесконечную природу, которую он противопоставляет чжусианскому мистическому Тай-цзи (японское чтение Тайкёку) — «Великому пределу» или некоторой универсальной сверхъестественной силе или началу начал, совершенно покоящемуся в своей основе.

Термин «великая пустота» заимствован Ито из даосской и буддийской метафизики (оказавшей, кстати сказать, немалое влияние и на Чжу Си) для определенных и совершенно конкретных полемических целей. Критикуя идеалистическую интерпретацию мира и его «происхождения» у даосов и буддистов, — а в своих сочинениях, в особенности в «Вопросах молодых» и в «Точном толковании Лунь-юя и Мэн-цзы», он часто повторяет, что сунские конфуцианцы усвоили методологию этого рода писателей — Ито сознательно употребляет термин «великая пустота» для объяснения своего довода о том, что тайнственная «великая пустота» является вымыслом, химерой, а поэтому не может являться сущностью бытия. Сущностью вселенной может быть только сама материальная природа, которую сторонники Чжу Си, выражаясь словами Маркса, «поставили на голову». Сущностью вселенной является только материальный, объективно существующий, бесконечный мир вещей, т. е. Ки.

Применяя этот термин, Ито подчеркивает свое положение о том, что кроме великого материального Ки ничего не существует во вселенной, что над Ки — над материальной природой — нет владыки, нет сверхъестественного творца.

В самом деле, Ито указывает, что первичное Ки — материя — никем не создано и вместе с тем нет ничего в мире, что бы из него не возникало и не было бы материальным.

Ито сознательно применяет остроумный полемический прием, чтобы подчеркнуть свое категорическое отрицание существования властелина в мироздании. Он подчеркивает, что именно потому, что Ки само не произведено, «все в мире произведено им». Нет ничего, что не возникало бы из материи, вечной, бессмертной, неразрушимой, существующей через себя и не нуждающейся ни в чем другом для своего существования.

Понятие Ки у материалиста Ито Дзинсай, по существу, ничего общего не имеет с этим понятием в метафизике Чжу Си. Оно представляет полную его противоположность. В метафизических построениях Чжу Си «телесное» начало вещей, а именно «грубое, заключающее осадок, грязь»³ начало Ки, только внешне противопоставляется идеальному началу Ри. В действительности же Ки является для Чжу Си только некоторой «способностью» субстанциализированного идеального Ли носить в себе это «грубое, осадок, грязь», из которых формируются вещи. Чжу Си стремится преодолеть дуализм своей системы ценой отождествления Ри с универсальным всеединым и абсолютным началом начал, с так называемым «Беспредельным» или «Великим пределом» — Тай-цзи. Согласно Ито Дзинсай, Ки — это вся вселенная. Вселенную же он рассматривает не как нечто абстрактно данное, ограниченное в своей протяженности и постоянное, неизменное во временной форме своего существования. Напротив, мы увидим впереди, что

¹ 賈誼 И в. до н. э.

² 楊雄 I в. до н. э. и начало I в. н. э.

³ 粗有渣滓 Чжу-цзы цюань шу, 49 тетрадь, Ли-Ци, п. 4.

Ито со всей решительностью отвергает основное положение чжусианской метафизики о том, что мир зиждется на покое, что абсолютный покой является сущностью вселенной. Материя, согласно Ито, находится в непрерывном движении и изменении. Материалист Ито рассматривает сложнейшие процессы и явления природы в их целостности, единстве и закономерности как единство, целостность действительности, находящейся в вечном движении, и именует эту целостность бытия «единым живым организмом вселенной».

В разделе «Небесный путь» своего сочинения «Точное толкование Лунь-юя и Мэн-цзы» Ито Дзинсай пишет: «Почему я говорю, что во вселенной существует только единое первоначальное Ки? Это нельзя объяснить пустыми словами. Позволю себе пояснить это примером! Вот если мы, соединив шесть досок, построили ящик и плотно закрыли его крышкой сверху, то Ки само по себе наполняет его и само по себе рождается в нем белая плесень. А коль скоро появилась плесень, то само собою также зарождаются черви. Это — Ри (т. е. закон) самой естественности. Можно сказать, что вселенная — это один большой ящик. Инь и Ё¹ — это Ки, заключенное в ящик; все вещи это [как бы] плесень и черви. Вот что такое Ки! Нет места, откуда бы оно зародилось, нет также места, откуда бы оно пришло сюда. Есть ящик, есть и Ки, нет его, то нет и Ки. Поэтому-то мы знаем, что во вселенной существует единое первоначальное Ки и только оно! Из этого можно видеть, что вовсе не имеется [сначала] Ри, а затем рождается Ки. То что называют Ри, напротив, есть только производное (ветвь, часть 條) от Ки. Ведь все вещи основываются на пяти элементах; пять элементов основываются на Инь и Ё. Но если доискиваться далее, что же представляет собою основа Инь и Ё, то мы неизбежно вернемся к Ри. В этом случае процесс элементарного познания таков, что, обязательно доходя до этого момента, он не может не породить идеи и воззрения. Поэтому сунские конфуцианцы и создали [свою] теорию о „Беспредельном великом пределе“. Если же рассматривать это в свете вышеприведенного примера, то Ри весьма ясно, до очевидности! Различные теории большинства сунских конфуцианцев о том, что имеется Ри, а уже затем имеется Ки, вплоть до того, что еще до появления вселенной, в конце концов, раньше существовало это Ри: все это — домыслы! Рисуют змею и добавляют к ней ноги, на голову устанавливают еще голову, чего в действительности нет!»²

¹ Силы движения Инь и Ян.

² 何以謂天地之間一元氣而已耶。此不可以空言曉。請以譬喻明之。今若以版六片相合作匣。密以蓋加其上。則自有氣盈于其內。有氣盈于其內。則自生自醱。既生自醱。則又自生蛙蟬。此自然之理也。蓋天地一大匣也。陰陽匣中之氣也。萬物自醱蛙蟬也。是氣也。無所從而生。亦無所從而來。有匣則氣。無匣則無氣。故知天地之間。只是一元氣而已矣。可見非有理而後生斯氣。所謂理者。反是氣中之條理而已。夫萬物本乎五行。五行本乎陰陽。而再求夫所以爲陰陽之本焉。則不能不必歸之於理。此常識之所以必至於此不能不生意見。而宋儒之所以有無極太極之論也。苟以前譬喻見

Кто имеет дело с подобного рода китайским текстом, одним из образцов которого является стиль Ито Дзинсай, тот, конечно, правильно оценит исторически сложившиеся законы его структурной строгости и лапидарности, не допускающих неправильных, вольных толкований. Он вместе с тем, на опыте убедится во всей трудности передачи всех его оттенков, в особенности там, где автор стремится дать ограниченными стилистическими средствами, вытекающими из данного состава семасиологических элементов (надо иметь в виду специфику китайского полисемантического языка), именно экстенсивное толкование выдвигаемых им положений или даже некоторое образное их выражение. С последнего рода явлением мы и сталкиваемся в приведенном выше тексте. Ито предупреждает, что во избежание пустословных объяснений он прибегает к иллюстрации примером своего положения о том, что в природе существует только единое Ки — единая материя. Пример с ящиком представляет собою, конечно, именно такой прием экстенсивного толкования или, правильнее, прием вспомогательного, образного выражения положений Ито.

Мир отнюдь не мыслится Ито, так сказать, в форме «ящика», состоящего именно из «шести досок» (а не, скажем, из восьми, десяти и т. п.); он отнюдь не мыслится как некоторый закупоренный сосуд или резервуар, в котором неизвестно каким мастером помещено Ки, наделенное этим же неизвестным мастером свойствами порождать такие бесполезные предметы, как плесень, черви и т. д.

Напротив, Ито никогда не подавляет своего читателя бесчисленными, пустопорожними экзегезами и мистическими схемами, словами и фразами, смысл которых известен только узкому кругу начетчиков — комментаторам-буддистам и даосам и последователям неоконфуцианского идеализма Чжу Си. Мыслитель обращает внимание читателя на то, что, по его мнению, может содействовать объяснению существа и значения великих законов спонтанного развития природы, где нет места для целеполагающего мастера-творца, где нет места для телеологии, которой так настойчиво придерживаются конфуцианцы.

Ито показывает, что, подобно тому как в каком-нибудь сосуде, который мы закупориваем как будто бы совершенно пустым, так как мы не видели в сосуде Ки как «таковое» — «материю как таковую», подобно тому как в этом сосуде сами по себе зарождаются вещи, сперва, например, плесень, а затем черви, иными словами, подобно тому как в нем не иссякает самопроизвольное, из себя самого происходящее движение вещей и непрерывный процесс их изменений, — подобно этому во вселенной, в которой мы не видим и не можем увидеть Ки как «таковое», Ки-материя все же реально существует. Она существует, как и все реальное, находящееся вне и независимо от нас и так или иначе воздействующее на наши органы чувств. Ки, как и все реальное, существует само через себя, не нуждается в помощи или участии мистического Тайкёку (Тай-цзи) и находится в постоянном движении и изменении.

Отвергая поэтому идеалистическое учение Чжу Си о Ки и Ри (Ци и Ли), Ито восклицает: «... Во вселенной существует единое первоначальное Ки и только!» Единая материя, остающаяся всегда одной и той же, несмотря на свое вечное движение и изменение, — вот что составляет сущность вселенной, согласно воззрениям Ито Дзинсай.

之。則其理彰然明甚矣。大凡宋儒所謂有理而後有氣。及未有天地之先畢竟先有此理等說。皆臆度之見。而畫蛇添足。頭上安頭。非實見得者也。

Нихонринрихэн, т. V, стр. 12.

В старом введении к «Диалектике природы» Фридрих Энгельс говорит о вечном движении материи: «... в круговороте, в котором каждая отдельная форма существования материи — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение — одинаково переходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения».¹ И завершая свое введение, Энгельс указывает на то, что как бы «безжалостно ни совершался во времени и пространстве этот круговорот», с какой бы железной необходимостью ни возникали «бесчисленные существа» и с какой бы безжалостностью они ни погибали, «— мы все же уверены, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов не может погибнуть...».² И разве не обладают особенной свежестью положения Ито Дзинсай, представляющие собой, правда, только отдаленные, умозрительные догадки о том, о чем трактуют эти качественно другие теоретические положения Энгельса? Вспомним положения философа о том, что вселенная рождает все вещи, сама ни в чем не рождаясь, что «она [вселенная] всегда неисчерпаема», что «она несравнима с человеком, который имеет жизнь и смерть», а также его знаменитое положение — «нет места, откуда бы она [Ки — материя] появилась, нет также места, откуда бы она приходила сюда».³

Ито Дзинсай был сыном своего времени. Мы уже говорили о том, что трактовку собственных философских взглядов философ дает в связи с критикой чжусианской метафизики, именно в связи с опровержением основ чжусианских идеалистических построений в учении о Ли и Ци. Ито пользуется поэтому не только чжусианской терминологией, но и терминами, заимствованными из древних классических китайских книг, в особенности из И-цзина, но зато не пользуется терминологией так называемых сакральных японских «Кики».⁴ Однако не одним заимствованием терминологии ограничивается Ито. Он усваивает древние натурфилософские представления китайцев и подчиняет их своим воззрениям. Так, мы уже знаем, что Ито повторяет слова древних классических источников, выражающие представления о том, что все вещи основываются на первоначальных пяти элементах, а эти последние — на двух взаимодействующих противоположных, сталкивающихся и соединяющихся силах: Ё (Ян) — силы движения и Инь — силы покоя.

Так называемая теория «пяти элементов» получила свое развитие в древнем Китае в периоде Ханьской и Цинской династий. Уже в древнейшем китайском памятнике Да Юй му⁵ («Предначертаниях великого Юйя»), вошедшем в состав Шу-цзина («Книги исторических записей и преданий»), говорится об этих пяти элементах. «Пять элементов» составляют: вода, огонь, металл, дерево и земля. Известный исследователь в области китайской философии Эндо Такаёси, например, подчеркивает, что корни этих «пяти элементов», лежащих в основе наивных воззрений древних китайцев на природу, исходят из их «примитивного опыта». Составными частями этой пятерки элементов, продолжает он, являются как раз

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 492.

² Там же.

³ Разрядка наша. Я. Р.

⁴ 言紀. Кодзики и Нихонги — нечто вроде свода историко-мифологических сказаний и хроник, составленных в 712 и 720 гг. н. э., который «японисты» синтезируют с конфуцианством и буддизмом.

⁵ 大禹謨.

те предметы, без которых невозможна человеческая практика. Отношения между этими элементами двух родов: взаимопорождения и взаимопреодоления. В первом случае элементы порождают друг друга, во втором ослабляют или преодолевают друг друга. Например дерево порождает огонь, огонь порождает землю, земля порождает металл, металл — воду. Вода опять порождает дерево и т. д. «Из примитивной практики» родились, таким образом, представления о такой именно последовательности отношений взаимопорождения этих пяти элементов: дерево, огонь, земля, металл, вода. Второй принцип этих представлений об отношениях между элементами, основанный на взаимопреодолении, составляет базис не менее наивного, еще не имеющего теоретического значения, взгляда на природу, согласно которому эти же элементы приобретают другую последовательность. Например вода «преодолевается» огнем, огонь — землей, металл — деревом, а дерево — землей. Затем земля опять «преодолевается» водой и т. д. Здесь элементы: вода, огонь, металл, дерево, земля следуют один за другим. В Дай Юй му говорится о воде, металле, дереве, земле и злаках, которые имеют также отношение к предмету управления народом добродетельным правителем. В Цзо-чжуани¹ (7-й год князя Вэнь) говорится о том, что вода, огонь, металл, дерево, земля и злаки относятся к сущности предметов, необходимых для управления.² В Дай Юй му, в разделе Гань-ши³ «Речи в Гань», приписываемые легендарному императору Ци,⁴ который произнес их, якобы, в 2194 г. до н. э., говорится о том, что «повелитель [господин] из Ху»⁵ зло пренебрег пятью элементами⁶ и за это, как и за другие провинности, небо соизволило отменить и разрушить все, что исходит от него. В Хун-фане⁷ («Великом плане») Шу-цзина, где мы явно замечаем первые проблески древней кита́йской философской мысли, говорится даже о «факте» смещения (как переводит Legge знаки 泊陳. Chinese cl., т. III, р. II, р. 323), по воле правителя, этих пяти элементов во время мифического потопа, и против воли сверхъестественных сил (帝). В Хун-фане говорится: «Первое — пять элементов. [Из них] первый называется водой, второй — огнем, третий — деревом, четвертый — металлом, пятый — землей. О воде говорится, что она увлажняет и нисходит, об огне, что он пылает и восходит, о дереве, что оно искривляется, выпрямляется, о металле, что поддается и изменяется, тогда как природа земли явствует из посева и жатвы. То, что увлажняет и нисходит, производит соленое, то, что пылает и восходит, производит горькое, то что исправляется и выпрямляется, производит кислое, то что поддается и изменяется, производит острое; с посевом и жатвой создается сладкое».⁸

Представления об этих пяти элементах, как о вещественном составе, всех предметов природы были настолько распространены в древней и средневековой китайской литературе, что модифицировались даже в специальные схоластические таблицы или схемы, которые я назвал бы схемами «соответ-

¹ 左傳. Традиция неправильно считает этот документ специальным комментарием на Чунь-цю.

² 水火金木土穀言之六府.

³ 甘誓

⁴ 啟

⁵ 扈氏

⁶ 侮五行

⁷ 洪範.

⁸ Legge. Chinese Cl., т. III, р. II, р. 325.

ствия», согласно которым каждому из элементов соответствуют не только широкие стихии или явления природы, не только различные моральные качества, олицетворенные в персонах древних мифических правителей, но даже определенные части или внутренности человеческого организма и их функции. Или еще точнее — упомянутые пять элементов в одних и тех же натурфилософских системах наделялись по принципу соответствия или подстановки одновременно определенными физическими качествами в космогоническом плане и определенными этическими качествами в социальном плане.

Ито Дзинсай ничего общего не имеет с традиционными утверждениями догматической литературы о том, что в этих пяти элементах выражена «небесная воля», а также о том, что их строгая последовательность является следствием предустановленного взаимопорождения и взаимопреодоления, существенного для пяти элементов. Он ничего общего не имеет также и со схоластическими и мистическими таблицами «соответствия». Для мыслителя эти пять элементов служат выражением вещественного состава материальных предметов. И если мы примем во внимание состояние науки в современной Ито Японии, о чем мы будем еще говорить впереди, то такой взгляд на природу вовсе не покажется странным ни в отношении такого ума, как материалист Ито Дзинсай, ни в отношении других, даже более выдающихся японских мыслителей-материалистов этого времени.

В «Точном толковании Лунь-юй и Мэн-цзы» Ито Дзинсай пишет: «Мити (дао) — это как бы дорога, по которой следует общение людей между собою. Она же есть причина взаимодействия всех вещей, и общее имя ей дао. Что касается того, что называют небесным путем, то непрерывное чередование сил Инь и Ё дало имя — небесное дао. В И-цзине говорится: „чередование Инь и Ян называется дао“. То обстоятельство, что мы прибавляем сверху перед иероглифами Инь и Ё (Ян) иероглиф „один“, выражающий именно это положение: „один Инь, один Ё“ — то это означает сокращение и расширение отношений и имеет смысл непрерывного движения по круговороту. И вот во вселенной имеется первоначальное Ки и только! Оно проявляется то как Инь, то как Ё. Полнота и пустота, расширение и уменьшение, уход и приход возбуждаются только в них самих. Никогда не наступает состояния покоя. Это именно и есть вся сущность небесного пути (дао). Это есть механизм живой природы. Отсюда происходят бесчисленные процессы изменений. Все виды вещей рождаются от этого. Это является пределом, которого достигли мудрецы в своих рассуждениях о небе. Должно знать, что принципов выше этого нет и от этого не уйдешь!»¹

¹ 道猶路也。人之所以往來通行也。故凡物之所以通行者。皆名之曰道。其謂之天道者。以一陰一陽往來不已。故名曰天道。易曰。一陰一陽之謂道。其各加一字於陰陽字上者。蓋所以形容夫一陰而一陽。一陽而又一陰。往來消長。運而不已之意也。蓋天地之間。一元氣而已。或爲陽。或爲陰。兩者只管盈虛消長往來感應於兩間。未嘗止息。此卽是天道之全體。自然之氣機。萬化從此而出。品彙由此而生。聖人之所以論天者。至此而極矣。可知自此以上更無道理。更無去處。

В этом рассуждении философ высказывает свой взгляд на мистическую природу чжусианского так называемого «пути» или «дао». В древнем учении Конфуция «дао» представляет собою закон или порядок вещей, установленный целеполагающим небом для «поднебесной», монарха и его подданных. В учении Чжу Си «дао» поставлено над вселенной в качестве субстанциализированного «чистого духа» или неподвижного в своей основе «Беспредельного великого предела». Ито определяет здесь собственный взгляд на «дао», под которым он понимает никем неприданное материи свойство непорожденного, самопроизвольного и неразрушимого движения как в области природы, так и в области человеческой жизни.

Применяя традиционный термин «дао», столь же мистичный у Чжу Си, сколько мистично Ри, Ито говорит о нем «как бы» о «пути» и для более ясного его объяснения обращается к примеру из общественной практики. В данном случае применительно к человеческому обществу он объясняет «дао» как движение в общественной жизни людей, как взаимосвязь людей, в которой они находятся независимо от их воли. В другом месте Ито говорит: «путь» существует извечно независимо от существования или несуществования человека». Он трактует «путь» как выражение вечного и закономерного движения материи, которое отнюдь не является абстрактной, логической категорией, а объективно существующей реальностью. Отраженная в голове «действующих людей», эта объективно существующая закономерность движения материи является «Ри природы» или осознанным законом природы. Именно так понимает философ значение термина «Ри», когда он рассуждает об «обязательном возвращении» людей к обобщениям своих познаний в отношении «пути» или, что то же, в отношении «законов пути». Говоря о «пути» в области человеческой жизни, в области общественных отношений, Ито высказывает ту мысль, что «путь» является выражением реально существующего процесса движения, где смертные люди рождаются и умирают, воспроизводят себя в потомстве, передавая от своей материи этому потомству, и действуют, будучи необходимо связаны между собой.

Вот почему в труде «Вопросы молодых» слова Ито: «вообще то, что живет [существует], не может не находиться в движении»¹ ясно очерчивают эту его основную мысль.

Ито применяет и традиционный термин «небесный путь».² Однако он не трактует его в качестве атрибута конфуцианского неба, которое, по словам Конфуция, «нельзя гневить и должно бояться», неба, которое знает своих совершенномудрых глашатаев «истины», которое награждает и наказывает, ниспосылает счастье и несчастье. Напротив, для нашего философа, «небесный путь» — это закон самопроизвольного непрерывного движения вселенной, идея, в своем существе и значении чуждая схоластической догматике этико-политического учения конфуцианства.

Я уже сказал, что Ито Дзинсай применяет терминологию древнего И-цзина для выражения понятия формы проявления движения материи. Инь и Ян — эти две противоположные, сталкивающиеся друг с другом силы, о которых говорится в И-цзине, Ито кладет в основу закона движения.

В начале настоящей работы, в обзоре некоторых примеров эволюции понятия «Ци», уже указывалось на то, что еще в древнем трактате-комментарии на И-цзин — в Си цы чжуани говорится о том, что древние мудрецы «познавали причины скрытого и явного» вследствие того, что «смотрели вверх, чтобы созерцать небесные письмена, смотрели вниз, чтобы исследо-

¹ 凡生者不能不动. Разрядка наша. — Я. Р.

² 天道. Нихонринирихэн, т. V, стр. 131.

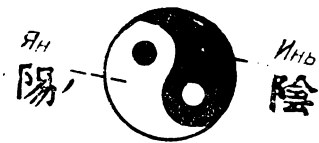
вать контуры земли», т. е. вследствие того, что наблюдали, изучали явления природы и обращались прежде всего к ней.

Возможно, что мнения некоторых ученых по поводу того, что пиктограмма древнего знака 易 — перемены состоит из двух оказавшихся связанными частей, из которых верхняя 日 означает солнце, а нижняя представляет собою графическую модификацию знака 月 — луна, действительно научно состоятельны и зиждутся по существу на том, что древние китайцы, наблюдая явления природы и их изменения, приходили к идее о наличии в природе борьбы противоположностей уже на том основании, что «свет и темнота, — как говорит Энгельс, — являются безусловно самой резкой и решительной противоположностью в природе, и, начиная с 4-го евангелия и кончая lumières XVIII века, они всегда служили риторической фразой для религии и философии».¹

Что касается религии, то Инь и Ян, выражающие борьбу противоположностей — светлого и темного, мужского и женского, сильного и слабого, твердого и мягкого, теплого и холодного, активного и пассивного (воспринимающего) — получили свой конкретный образ в магической, гадательной практике и стали основой цельной точно определенной схемы мантических формул, распространенных в Китае до недавнего времени, а в некоторых местах известных и до сих пор. Образ Ян выразился в целой линии —, Инь — в ломаной — (первоначально, соответственно в линии полый и светлой [] и полной и темной []).

Что же касается философии, то Инь и Ян получают свою рафинированную метафизическую трактовку, в отличие от древних натуралистических представлений об этих силах, в учении китайских философов времен Сунской династии и в особенности в философии их крупнейшего представителя — Чжу Си.

Проявление движения предполагает заранее наличие материальной среды и условий, где оно и имеет место. Чжу Си связывает проявление Инь и Ян с Ци (Ки). Однако Ци, как его трактует в своих насквозь противоречивых спекулятивных построениях Чжу Си, не может быть выражено даже логически вследствие того, что в конечном счете исходит своими корнями из мистического Тай-цзи («Великого предела»), а, с другой стороны, является некоторой, так сказать, виталистической «способностью» порождать материальные вещи и поэтому, если угодно, вынуждено выражать себя в этих вещах. Чжу Си временами ставит знак равенства между Ци и взаимосвязью Инь и Ян. Однако в конечном счете он трактует движение Инь и Ян как

поведение Ци. Схематическое представление о взаимоотношениях Инь и Ян у Чжу Си мы получаем из приведенной здесь диаграммы, которой обычно оперируют чжусианцы.

Светлая часть круга изображает силу Ян, темная — силу Инь. Кривая линия, разделяющая круг, призвана показать, что силы Инь и Ян вливаются одна в другую, проникают одна в другую, в процессе взаимоотталкивания. Черная точка на белой части круга и белая на черной показывают, что в каждой из этих сил уже заложен зародыш другой противоположной силы из этой пары. Силы Инь и Ян непрерывно переходят одна в другую; одна другую возбуждает к жизни. Движение ослабляется, и тогда оно стремится к покою, а покой в свою очередь вновь возбуждает движение. Таким вот образом Инь и Ян ритмически сменяют друг друга и друг друга подталкивают к новой смене.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 435.

Между тем мы уже знаем, что начало подобных ритмических перемен, связываемых с Ци, согласно Чжу Си лежит как раз в идеальном начале Ли. Следовательно, только Ли, являющееся не чем иным, как Тай-цзи («Великим пределом» или «Беспределным»), в качестве сверхъестественной силы или в качестве универсального всеединого духа сообщило первый толчок движению.

Гакман (Heinrich Hackmann), неизвестно на каких основаниях трактуящий Ли как «этическую величину» и даже, как «мировую волю», совершенно прав лишь в следующих своих словах, по поводу существа и значения Инь и Ян у Чжу Си. «Однако, — пишет он, — где начало этой ритмической смены и покоя? Где причина первого движения? Она должна находиться в Ли, в этой превосходящей, чисто духовной силе, которая, как мы видим, может быть отождествлена с «Великим Беспределным».¹

Материалист Ито Дзинсай полностью отвергает как вздор идеалистическую схоластику утомляющих рассуждений Чжу Си. С его воззрениями и в отношении движения Ито Дзинсай не имеет ничего общего. В общую с Чжу Си терминологию, которую применяет философ, он вкладывает совершенно другой, противоположный чжусианской точке зрения смысл.

Для него во вселенной, кроме Ки, ничего не существует. Ки-материя вечна и неразрушима. Ки существует только в движении, следовательно, и движение вечно и неразрушимо. Ки возникло из самого себя; из самого себя возникло и движение. Вот чему учит Ито Дзинсай.

Для философа Инь и Ян являются не дуалистическими принципами, привнесенными в природу, как он выражается, людьми, рисующими змею с ногами и с двумя головами, чего в действительности нет, а являются выражением единства противоположностей в единой природе, в целостности бытия.

Философ полностью отвергает мертвую надуманную схематику смен, якобы рядом сосуществующих, согласно Чжу Си, начал движения и покоя, в конечном счете сводящихся к абсолютному покою «Великого предела».

Он высказывает чрезвычайно оригинальным образом идею, заключающуюся в том, что как раз движение абсолютно, а покой относителен. В трактовке этой идеи он заходит однако так далеко в своем увлечении, что заявляет: «покоя нет».

В «Вопросах молодых» на просьбу ученика подтвердить, признает ли философ существование одного только универсального закона — а именно закона жизни, а не смерти, Ито отвечает: «Вообще во вселенной, во всем — один закон: существует движение и не существует покоя. Ведь покой это — прекращение движения».² Больше того, заслуживает внимания его признание только созидания — «сгущения», только добра.

Вместе с тем, можно впасть в совершенно непростительную ошибку в характеристике мировоззрения Ито, если не изучить внимательно все, что он пишет по этому вопросу, а главное, если не считаться с ф о р м о й т р а к т о в к и этого положения, к которой прибегает Ито.

На первый взгляд, такой, например, ответ на вопрос ученика, верно ли, что учитель рассматривает вселенную как единый живой организм, что ее нельзя исчерпать понятием Ри (Ли), верно ли что учитель признает только существование жизни, а не смерти, «существование сгущения» (聚),

¹ Heinrich Hackmann. Chinesische Philosophie. 1927, стр. 335.

² 凡天地間。皆一理耳。有動而無靜... 蓋靜者動之止。

Нихонринрихэн, т. V, стр. 131.

а не разрушения (散), что всюду во вселенной господствует один универсальный закон — жизнь, и такой ответ Ито на этот вопрос. как: «Да, так! . . . Не могут эти противоположные вещи рядом сосуществовать», — на первый взгляд эти слова могут вызвать неправильное представление, будто бы философ, предавшись софистической спекуляции, пришел к отрицанию движения по существу. Если бы сложилось такое представление, то оно было бы совершенно неправильным, лишенным основания.

В 69-м разделе «Вопросов молодых» Ито Дзинсай пишет: «Как правило живой (человек) не может не пребывать в движении. Только после того как он умирает, мы видим его истинный покой. Будучи живым, он днем движется, а ночью пребывает в покое. Однако, хотя в нем уснуло сознание, он не может не видеть сновидений, а что касается дыхания, то оно имеет место и днем и ночью — безразлично; руки и ноги, голова, лицо, движутся, колеблются. Все это — место движения. Что же касается смысла так называемой смерти, то это — конец жизни, разрушение — это исчерпанность сгущения. Вот так!»¹ Философ обращает, далее, внимание вопрошающих учеников на неорганическую природу и с поэтическим вдохновением указывает на то, что солнце и луна, бесчисленные звезды, бурные потоки и источники, в безбрежной, бесконечной вселенной днем и ночью движутся, бегут, бьют ключом, не останавливаясь.

«В травах и деревьях, — заключает он, — имеется жизнь, и хотя выпадают морозы, но в них [в травах и деревьях] заложено [они имеют] цветение. Все это пребывает в движении, а не в покое».²

Стало быть, мы ясно видим, что Ито Дзинсай отнюдь не отрицает покоя, как момента движения, отнюдь не склонен отрицать смерть, разрушение. Напротив, он признает, сам указывая на это, что смерть существует, но что погибают индивидуумы, существа, погибает множество вещей, но Ки-материя не может умереть, вселенная не может погибнуть бесследно. Материя едина и вечна, как вечно и ей присущее качество — движение. Вот в чем заключается истинный смысл положения философа относительно существа и значения применяемых им традиционных терминов Инь и Ян.

Сторонники чжусианства выступали против Ито с целым рядом, как им казалось, неоспоримых «опровержений». Эти «опровержения» должны были, по их мнению, сокрушить основы его материалистических воззрений. В качестве одного из основных мотивов предполагавшегося триумфального успеха, который должны были бы иметь подобные «опровержения», выступали утверждения, что Инь и Ян, как их трактует Ито, являются лишь голой «функцией» неизвестно какой действующей субстанции. Словом, противники Ито торжественно заявляли, что он находится в тупике, так как, отрицая идею Тай-цзи («Великого предела» или, что то же, «Беспредельного») Чжу Си, он толкует об атрибутах, не имеющих своего носителя, в то время, как Чжу Си состоятелен именно потому что, якобы, сумел «обнаружить» истинную сущность Инь и Ян, как телесных «способностей» или

¹ 凡生者不能不動。惟死者而後見其真靜也。其生也。其生也書動而夜靜。然雖熟睡之中。不能無夢。及鼻息之呼吸。無晝夜之別。手足頭面。不覺自動搖。是皆其動處。字義所謂死者生之終。散者聚之盡。是也。

² 草木之有生也。雖隆冬亦有花。皆爲有動而無靜也。

«функций» абсолютного идеального Тай-цзи. По мнению этих противников материализма, Ито рассматривает Инь и Ян только в плане «долженствующего для естества», но не в плане «сущности естества». Ито не может, будто бы ничего сказать о «сущности естества», о причинах, почему оно «такое, а не другое», именно потому, что не рассматривает Тай-цзи в качестве первопричины или не рассматривает вселенную как проявление идеального Тай-цзи, — так наперебой заявляли его противники.

Далее, абсолютизируя так называемый «путь» и мистическое Ри в качестве сверхъестественной сущности, в которой как бы заранее заключено «различие» между тем, как существует мир, и тем, каким он должен существовать, вследствие того, что Ли как тождество Тай-цзи является основой существующего и долженствующего существовать, противники Ито выдвигали против него обвинение в том, что, отрицая «путь» (дао) и Ри, философ не имеет собственного взгляда на причинность и закономерность в природе. Ито в кратких словах сокрушал основы подобных «опровержений». Он выдвинул против них свое положение о том, что чжусианское Ри и так называемый «путь» (дао) ничего общего не имеют с реальной сущностью вселенной и законами ее развития.

В 63-м разделе «Вопросов молодых» Ито Дзинсай пишет: «Спрашивают: Мы слышали, что Чжу Си говорит о том, что Ри содержит в себе различие между тем, что есть и что должно быть. То, что есть, является основой для того, что должно быть, а то, что должно быть, есть развитие того, что есть.

Поэтому и сказано, что Инь и Ё являются самообразовавшимися земными вещами, а „Великий предел“ есть самообразовавшийся трансцендентный принцип. Сейчас вы говорите о том, что должно быть, но что касается основы того, что есть, то вы [ее] еще не достигли. Есть только функция, но нет субстанции. Боимся, не будет ли это слишком мелким и упрощенным?

— Отвечу: То, что называется Ри, не означает ли оно такое Ри, в силу которого человек стал человеком, вещь становится вещью, и в силу которого Инь и Ё взаимодействуют, сокращаются и расширяются? Итак Ин и Ё безусловно не являются (сущностью) „пути“ (дао). Беспрерывное взаимодействие сил Инь и Ё это и есть путь (дао). Инь и Ё движутся, — это уже есть становление небесного пути».¹

И далее, в 67-м разделе «Вопросов молодых» философ еще яснее высказывает свой взгляд на чжусианское Ри и на законы развития природы. Он пишет: «Спрашивают: Почему Ри недостаточно для того, чтобы быть и с т о ч н и к о м (подчеркнуто мной. — Я. Р.) непрерывности жизни и изменений?

— Отвечу: Термин Ри сам по себе мертв. Овеществленное, [Ри] не м о ж е т у п р а в л я т ь вещами (подчеркнуто мной. — Я. Р.). Сущие вещи

¹ 問。吾聞之朱子。曰。於理有所以然。與所當然之異。所以然者。卽所當然之本。而所當然者。便所以然之發。故曰。陰陽自形而下之器也。太極自形而上之道也。今先生之所說。皆所當然之事。而於其所以然之本。則未之及。有用而無體。恐得無過淺近乎。曰。所謂所以然之理者。非謂人之所以爲人。物之所以爲物。陰陽之所以往來消長之理乎。夫陰陽固非道。一陰一陽往不已者。卽是道。陰陽往來。天道成矣。

Вопросы молодых. Нихонринрихэн, т. V, стр. 128.

обладают Ри, свойственным одушевленным вещам, и Ри, свойственным неодушевленным вещам. Что касается человека, то ему свойственно свое Ри. Вещам свойственно свое Ри. Однако их основой является единое первоначальное Ки, и Ри по отношению к Ки вторично. Поэтому Ри недостаточно для того, чтобы быть осью бесчисленных изменений. Все вещи основываются на пяти элементах. Пять элементов основываются на Инь и Ё. Но если доискиваться далее, что представляют собою по существу Инь и Ян, то нельзя не вернуться к Ри.¹

В этом разделе Ито говорит о том, что чжусианское Ри в своей основе является мертвой буквой, что оно не может быть «началом непрерывности жизни и изменений», точно так же как оно не может быть «правителем» или владыкой вещей. Этим самым наш философ с предельной ясностью определяет свое отношение к чжусианскому понятию «Ри», как к фикции. Для него, как мы уже знаем, термин «Ри» служит и для выражения понятия о реально и независимо от сознания человека существующих законах природы. Он служит для Ито средством выражения всеобщего закона движения и его логическим выражением, его обобщением. Что же представляет собой этот закон природы? Ри в качестве закона природы, по мнению Ито Дзинсай, выражает закономерность, объективно существующую причинную взаимосвязь Инь и Ё, как единство всеобщих процессов вселенной. Основой этого единства и всеобщности является Ки-материя, представленная в «пяти элементах».

Однако философ высказывает, правда, в виде робкой догадки, ту мысль, что признание всеобщности «закона природы» отнюдь не означает отрицание относительности, временности, ограниченности в природе. Указывая на то, что он понимает «закон природы» как некоторую систему сложных ее законов, выражающих необходимость связи явлений и вытекающих из их «естественности» или сущности (жизни людей — «Ри человека»; животных — «Ри живых тварей»; вещей — «Ри неодушевленных вещей»), Ито далее намекает на тот факт, что законы природы являются по существу переходящими, историческими. В этом отношении представляет совершенно исключительный интерес 65-й раздел «Вопросов молодых», где Ито Дзинсай пишет следующее: «Спрашивают: Что касается учения о Ри, то если допустить, что оно и не является практикой учения совершенномудрых людей, то и в таком случае нельзя отнестись с легкомыслием к самому понятию Ри?

— Я говорю: да! Мэн-цзы сказал: „Смысл Ри радует мое сердце, подобно тому как полноценная пища радует мой рот“. Вот так! Мысль Мэн-цзы,² означающая, что каждая вещь имеет свой принцип, резко отличается от мысли сунских конфуцианцев. Сунские конфуцианцы считают, что одно лишь понятие Ри достаточно для того, чтобы охватить все во вселенной. Однако они не знают, что хотя во вселенной и нет вещей, которые находились бы вне Ри, нельзя все явления вселенной определять одним Ри. Если бы

¹ 問。理字何故不足爲生生化化之原乎。曰。理本死字。在物而不能宰物。在生物有生物之理。死物有死物之理。人則有人之理。物則有物之理。然一元之氣爲之本。而理則在于氣之後。故理不足以爲萬化之樞紐也。萬物本乎五行。五行乎陰陽。再推而於陰陽之所然。則不能不歸之於理。

² 孟子 (Мэн Кэн 孟軻, Цзы Юй 子輿) 372—289 гг. до н. э. (по принятой традиционной хронологии). Книга, носящая его имя, вошла в так называемое «четверокнижие» — канон древнего конфуцианства.

ученые, руководствуясь одним этим Ри, объясняли бы законы всего во вселенной, то эти рассуждения можно было бы выслушать, но если бы потребовалось подтверждение этого практикой, то оно полностью невозможно. В таком случае невозможно доискаться, где кончается старое и где начинается новое.¹ Крайние взаиморасположения четырех сторон² таким путем нельзя узнать. Возьмем ли первый попавший под руку организм или специально подобранную вещь, то их форму, состояние, природный склад и чувства, причину того, почему они такие, — все [эти ученые] не смогут объяснить».³

Разве эти слова философа не заставляют нас предполагать, выражаясь осторожно во избежание преувеличений, что в своей трактовке «закона природы» он действительно намекает или выдвигает робкую догадку о том, что законы природы не являются неизменными, а переходящими, историческими?

«...Абсолютно всеобщим значением обладает лишь одно — движение»,⁴ говорит Энгельс.

Как выражение всеобщности движения Ри для Ито является абсолютным законом. «Нет вещей, которые бы находились вне Ри», — утверждает он. Но Ри в качестве выражения сложных многочисленных законов и многогранных связей явлений природы, как их понимает наш философ, является переходящим, историческим. Ибо если не придерживаться этой точки зрения, как это делают последователи Чжу Си, то всякое суждение о природе вещей оказывается всегда надуманным и ложным, вследствие того, что не отражает природы «органических тел» и «вещей», не основано на анализе «телесной формы и естественной природы» этих предметов, как выражается философ.

Чрезвычайно скупыми, но характерными для всего метода мышления Ито Дзинсай являются его высказывания в области теории познания, к сожалению, крайне редко разбросанные в его сочинениях. Если в кратеньком разделе, в конце первой части сочинения «Точное толкование Лунь-юйя и Мэн-цзы», философ, высказываясь против учения об «интуитивном [врожденном] знании» Ван Ян-мина (Оёмэй), ограничивается толкованием сущности «естественного знания» в качестве естественных моральных качеств, сознательно проявляемых людьми в обществе, то в «Вопросах молодых» он говорит о нашем мышлении совершенно в другом плане.

¹ Подчеркнуто нами. Я. Р.

² Т. е. сущность и законы окружающего нас мира вещей. — Я. Р.

³ 問。理學之稱。信不稱聖學之實。然如理字。亦不可輕。曰然孟子曰。理義之悅我心。猶芻豢之悅我口。是也。孟子之意。謂物之有條理。與宋儒之意頗異矣。宋儒以爲。一理字。可以盡乎天下之事。殊乎知天下雖無理外之物。然而。不可以一理字斷天下之事也。學者據一理字。以斷天下之事理。議論可聞。而求之於實。則不得其悉中矣。夫古今之終始。不可得而究焉。四旁之窮際。不可得而知焉。近取諸身。遠取諸物。凡其形狀性情。所以然之故。皆不可得而窮詰也。

Вопросы молодых. Нихонринрихэн, т. V, стр. 129.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 450.

«Вещество, материя — не что иное, — говорит Энгельс, — как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; слова, вроде „материя“ и „движение“, это — просто сокращения, в которых мы резюмируем, согласно их общим свойствам, различные чувственно воспринимаемые вещи».¹

Ито Дзинсай выражает «совокупность веществ» (которую он исчерпывает, — вследствие крайне низкого уровня естественнонаучных знаний, которыми он располагал, подобно всем своим современникам, — «пятью элементами») как «сокращение», через посредство иероглифа Ки.

Ки и Ри он мыслит как бы в качестве своего рода «сокращений», охватывающих сущность вселенной. Мыслитель говорит о Ри как о «производном от Ки». Он утверждал, что во вселенной люди имеют дело с различными Ри, вытекающими из «телесной формы и естественной природы» различных предметов (человека, тварей, «неодушевленных вещей»), — выражаясь словами Энгельса, из реально существующих материй. Ри охватывает всеобщий закон движения (Инь и Ё), вне которого нет «совокупности веществ» — Ки. Словом, Ри охватывает и изменяющиеся сложные законы существования и развития вещей во вселенной.

И только определив для себя эти положения в качестве основы своей философии «единого (целостного) великого живого организма» вселенной, Ито шире ставит вопрос об отношении нашего мышления к бытию.

В «Вопросах молодых» философ проводит ту мысль, что наше знание основывается на изучении объективно существующей действительности. Вследствие этого он и говорит о том, что «процесс элементарного познания», наш рассудок, наш «здоровый смысл» не может не порождать сложных теоретических обобщений, не может не переходить в высшую стадию теоретико-познавательных построений, если мы только не отрываемся от практики. Так, мы обобщаем законы природы и выражаем их через посредство понятия «Ри», «Инь и Ё (Ян)» и т. п. на том основании, что наблюдаем и изучаем реально существующую природу. Вне ее не может существовать познания, ибо как мы можем «доискиваться», что такое Инь и Ё (Ян), и «возвращаться» к анализу того, что существенно для Ри, если мы предположим, что они идеальны и существуют только в этом нашем предположении или воображении? Только материальная действительность, практика, является основой наших знаний и воззрений. Идеи, извращающие действительность, подобны уже не «фантастической змее о двух головах», а страшной гадине, приносящей человеку яд разочарований и пессимизма, и благодаря этому, неисправимый вред обществу.

АТЕИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ИТО ДЗИНСАЙ

Ито Дзинсай не оставляет места для бога во вселенной. Он не придерживается веры в существование небесного сверхъестественного владыки. У него мы не встречаем, правда, призыва практически бороться с религией, как мы это видим в произведениях Андо Сёэки и Муро Кёсё. Однако атеистические идеи, которые высказал Ито Дзинсай в своих произведениях, для того времени были несомненно важным событием в истории развития общественной мысли в Японии. Его атеистические высказывания подкрепляли прогрессивные элементы повсюду в их борьбе с буддийским и синтоистским духовенством, проповеди которых являлись орудием беспредельной эксплуатации народных масс и рассадниками невежества и фанатизма.

Выступая против чжусианцев, даосских, буддийских и синтоистских служителей церкви, Ито Дзинсай говорит: «Что касается понятия „кон син“,

¹ Там же, стр. 355.

то духи неба, земли, гор, рек и могил предков — пяти объектов жертвоприношений и вообще все, что обладает божественной способностью приносить человеку несчастье и счастье — все это называют „кон син“. Хотя они и имеют название „кон син“, но во вселенной нельзя находиться вне Инь и Ё и обладать тем, что называется „кон син“. Поэтому то, что здесь сказано, может быть названо рассуждением ортодоксального конфуцианца. Однако современные ученые, следуя этому, пытаются утверждать, что ветер и дождь, иней и роса, солнце и луна, день и ночь, сгибание и выпрямление, удаление и приближение — все это, якобы, суть демоны и духи („кон син“). Это — только заблуждение!»¹ Вселенную наполняет только единое Ки и его атрибуты Инь и Ё (Ян), и нет господствующих над ними богов и духов! Во времена Ито такой взгляд, высказанный в совершенно неприкрытой форме, вслух, поистине являлся смелым и бесстрашным актом. Нужно представить себе силу и влияние синтоистских бонз, защищавших всеми доступными им средствами канон бесчисленных богов и богинь, духов и душ предков — покровителей «японского государства и японской семьи» от малейшего нарушения и святотатства, чтобы понять революционное значение этих слов философа.

* * *

Связи Японии с Западом до времени токугавского режима и продолжавшаяся связь между ними при этом режиме (1603—1867) не прошли безрезультатно для Японии в смысле введения в эту страну идей науки и культуры Запада. Попав на японскую почву, эти идеи будили и освобождали наиболее передовые и глубокие умы от уз догматического конфуцианского мышления, от схоластики чжусианского конфуцианства и от синтоистского экстаза.

В органе «Научного общества по изучению материализма» «Материалистические студии» в своей работе «Обзор научных и философских идей во второй половине периода Эдо»² Цуцуми Кацухиса (堤克久) пишет следующее: «В условиях режима закрытой страны, — мрачного режима в отношении культурных связей, — стремления японцев к культуре достигли своих высот: их не удовлетворяло то, что исходит только от них самих. Изучение метафизики (буддийской, конфуцианской) было обеспечено свободой, и оно смогло достигнуть полного развития. Но в области распространения науки (астрономии, физики, медицины, географии и т. д.) дело обстояло как раз наоборот. Именно современная наука обладала существенным значением для закрытой, в основном, страны. В последней уже развивались капиталистические производственные отношения, и тесная связь условий универсальности науки как таковой с принципом мировой торговли явилась причиной, историческим содержанием того, что наука все больше находила для себя применения».³

¹ 鬼神者。凡天地山川宗廟五祀之神^{〇〇}及一切有神靈能爲人禍福者。皆謂之鬼神也。雖有鬼神之名。然天地之間。不能外陰陽而有所謂鬼神者。故曰云云。可謂固儒者之論也。然今之學者因其說。徒以風雨霜露日月晝夜屈伸往來爲鬼神者。誤矣。

Точное толкование Лунь-Юйя и Мэн-цзы. Нихонринриихэн, т. V, стр. 54.

² Другое название времени существования диктатуры феодального дома Токугава.

³ Юибуцурон кэнкю, март 1937 г., № 53, стр. 72—83 (430—441).

Те скудные сведения из различных областей науки Запада, которыми располагали в то время в Японии, ввозились туда миссионерами, но больше всего они передавались из Китая, куда их ввозили те же миссионеры. Миссионеры были заинтересованы единственно только в распространении религии. В общем они использовали научно-практические сведения в целях маскирования истинных задач своего пребывания в Китае и немало препятствовали распространению глубокого научного знания.

Если в области политической экономии, по свидетельству японского академика Мито Тёдзо, уже во времена Токугава знакомы были с сочинениями Адама Смита, то философских идей Запада в то время в Японии почти совершенно не знали. Именно в этой области сказалась деятельность миссионеров. «Проникновение культуры Запада на Восток, — пишет Цуцуми, — в период ее введения сюда произошло через Китай. Благодаря посредничеству посланных из Рима и назначенных для проповеди итальянских миссионеров, идеи Запада органически смешивались и сплетались с идеями китайских мыслителей и другими идеями и так воспринимались. В течение XVI и XVII вв. в Пекине являлись резидентами миссионеры James Rho (羅雅谷), Nicholaus Longobardi (龍華民), Sabbostin de Ursis (能三拔), Jules Aleni (艾儒畧), Samiasa Francesco (畢方濟) и другие итальянцы. Вместе с известным Matteo Ricci это были люди, которые вредили в деле распространения достижений, полученных в области астрономических знаний (подчеркнуто мной. — Я. Р.). Целью этих людей было распространение христианства (что разумеется не стояло отдельно от колонизаторских планов передовых европейских государств), и нечего думать, чтобы они распространяли философию, которая прямо связана с выводами опытных наук и их результатами, направленными против проповедывавшихся (миссионерами. — Я. Р.) догм. Уже в тот период, когда в Китае проповедывали эти люди, известна была философия Фрэнсиса Бэкона, Якова Бёме и Гоббса. В это же время в Японии те, которые домогались передовых научных знаний, обращались к астрономии, к физике и медицине. Уже были знакомы с Коперником, Гассенди, Ньютоном, Галлеем и чувствовали расположение к ним, но как философов их, повидимому, еще не знали».

Цуцуми, несомненно, прав в своей оценке деятельности миссионеров в области распространения идей естествознания и философии Запада в Китае и в Японии. Достаточно, например, прочитать пару глав из книги миссионера Jules Aleni «Об истинном источнике (десяти тысяч) вещей»,¹ изданной в Китае в 1613 г., чтобы понять, какие цели преследовал ее автор. Первая глава книги этого миссионера, за облачением которого скрывался воин и соглядатай, под заглавием «Рассуждения о том, что все вещи имеют начало», вторая глава под заглавием «Рассуждения о том, что люди и твари не могут сами по себе возникнуть (родиться)» и третья глава, названная «Рассуждениями о том, что вселенная (небо и земля) не в состоянии сама по себе породить человека и твари» являются как бы «спасительными» пролегоменами для каждого, приступающего к изучению естествознания и философии. Больше того, этот папский посланец, скрываясь под китайским псевдонимом, прибегает к распространенным китайским терминам, к китайским понятиям и оперирует ими в тех же видах воспрепятствования делу распространения естественно-научных сведений и идей атеизма. Например четвертая глава «Первоначальное Ци (Ки) не может само по себе разделиться на небо и землю» и пятая глава «Ли (Ри) не может творить вещи» являются не только проповедью христианского творца вселенной, но и показательным образцом

¹ 萬物真原

использования китайской философской терминологии в целях воспрепятствования распространению свободной философской мысли в Китае. Поскольку книги, подобные произведению «Об истинном источнике вещей», ввозились через Китай в Японию, где уже задолго до этого времени подвизался небезызвестный иезуит Ксавьер, то они приносили немало вреда и здесь, в особенности в таких местах, как провинция Бунго. Сюда во множестве стекались со всех концов страны наиболее передовые японцы для того, чтобы услышать и узнать от европейцев новые интересующие их сведения и познакомиться с запрещенными сёгунатом для распространения европейскими книгами. Ито Дзинсай не пользовался сведениями о достижениях европейской науки, хотя бы даже теми мизерными сведениями, которые проходили через «фильтр» миссионеров-иезуитов. Он не знал европейских языков и никогда не читал европейских книг.

На Западе в это время научная революция в области естествознания уже ознаменовалась поистине великими достижениями. Механистически-материалистическая физика Декарта оказала огромное влияние на освобождение теоретической мысли от религиозного догматизма и схоластики и расчищала путь великим французским материалистам XVIII в. Ито Дзинсай никогда не слышал об имени Декарта. Он не имел никакого представления об успехах развития материалистической мысли на Западе. Между тем, он высказал идеи, которые великий француз высказал независимо от нашего философа и обосновал на научном материале, добытом как его предшественниками, так и в результате собственных исследований в области физики.

Когда в 1637 г. появился в свет трактат Декарта «Discours de la méthode», Ито Дзинсай было только десять лет. Когда произведение «Essais philosophique» Декарта (куда входил упомянутый трактат) появился в латинском издании под названием «Specimina philosophica», в 1644 г., Ито было 17 лет. Он проживал в это время, несмотря на деловые коммерческие связи отца, в полной изоляции не только от европейцев, но даже от тех из японцев, которые могли что-либо знать о состоянии науки на Западе. Он не ездил в провинцию Бунго, не паломничал в Нагасаки для того, чтобы штудировать так называвшиеся тогда в Японии «голландские науки». За четыре года до смерти Ито Дзинсай (через 51 год после смерти Декарта), т. е. в 1701 г., появилось посмертное издание сочинений Декарта по физике и математике «Opera posthuma mathematica et physica». Ито об этих сочинениях Декарта не знал. Доподлинно известно, что в связи с проповедью миссионеров в Японии знали о Копернике, Гассенди, Галлее, Ньюtone, но мы не располагаем никакими данными, которые бы могли свидетельствовать, что здесь во времена Ито кто-либо знал о существовании перечисленных сочинений Декарта или хотя бы отрывочный парафраз некоторых из них, где бы излагались идеи или воззрения великого рационалиста.

Говоря о том, что «неуничтожаемость движения уже заключается в положении Декарта, что во вселенной сохраняется всегда одно и то же количество движения», Энгельс добавляет: «значит, и здесь естествоиспытатель через двести лет подтвердил философа».¹ Ито Дзинсай, над которым довлел груз древних китайских натурфилософских представлений, схоластический груз перенимавшийся по традиции космогонических окаменелых схем, находившийся далее, по совершенно естественным причинам, в плену у традиционной терминологии, сковывавшей его полемическую борьбу, стилистические возможности самого элементарного изложения и трактовки своих собственных воззрений, — этот глубокий мыслитель сумел пронести через

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 403.

дебри классических иероглифических «штампов» идею, очень близкую Декарту.

Он настаивает на том, что существует вечное движение, непрерывный процесс зарождения вещей, непрерывный процесс изменений природы — «рождения различных видов вещей». В утверждении философа, что существуют отличительные качества Ри, свойственные органической и неорганической природе, мы видим как бы догадку или намек на существование различных форм движения: по его выражению, высшей формы движения Ки, свойственной человеку, и низших форм, свойственных животным и «неодушевленным вещам». Все эти формы движения являются проявлением универсального закона движения, неуничтожимого, количественно неизменного, поскольку вечно и неуничтожимо Ки — материя, остающаяся, несмотря на непрерывные изменения, вечно одной и той же, а именно «единым изначальным Ки» — «итигенки» (一元氣).

Материалист-монист Ито Дзинсай не являлся преемником и продолжателем достижений научной революции, имевшей место в Европе в XVII—XVIII вв., он не пользовался ее плодами и не благодетельствовал ими своих современников. Но, может быть, поразительная смелость, настойчивость и оригинальная мысль, олицетворенная в материалистической философии Ито Дзинсай, заслуживают того, чтобы к этому японскому мыслителю прошлого в известной мере могли быть отнесены слова Энгельса относительно заслуг философии XVII—XVIII вв., заключающихся в том, «что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, представив детальное оправдание этого естествознанию будущего».¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 479—480.

Н. Н. ПОПЕ

ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ РУКОПИСЬ НА БЕРЕСТЕ

В 1930 г. на левом берегу Волги, почти против Увека, близ сел. Терновки (Подгорного), на территории Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья, колхозниками, занятыми рытьем котлована для силосной ямы, была обнаружена в земле берестяная коробка, содержавшая небольшую рукопись, писанную на бересте. Рукопись была передана колхозниками в республиканский музей, находящийся в г. Энгельсе, откуда она была переслана на выставку в Государственный Эрмитаж в Ленинграде.

По сведениям, полученным из Саратова от научного работника А. А. Кроткова, вместе с рукописью были найдены костяное перо и бронзовая чашечка с остатками туши.

Далее, мы узнали от т. Синицина, присутствовавшего на нашем предварительном сообщении о результатах изучения рукописи, сделанном в Государственном Эрмитаже в начале 1938 г., что произведенное впоследствии археологическое обследование места этой находки обнаружило там остатки золотоордынского поселения, в нескольких километрах от которого находилось аналогичное поселение. Было также установлено, что рукопись, чашечка (очевидно служившая чернильницей) и перо были извлечены из погребения, датируемого XIV ст., но по археологическим признакам могущего быть отнесенным и к XV ст. Погребение это носит характер рядового погребения, не богатого и не знатного.

По получении рукописи в Государственном Эрмитаже была предпринята реставрация ее, заключавшаяся в очистке ее от земли, расправлении покоробившихся и слипшихся листков и в заделке их в целлулоид. Снятые с рукописи фотографии были переданы специалистам для определения языка, на котором она написана. На основании того, что рукопись писана уйгурским шрифтом, она была априорно определена сотрудниками Государственного Эрмитажа как уйгурская, однако, видевшие рукопись тюркологи могли обнаружить уйгурские слова лишь на некоторых фрагментах, значительная же часть рукописи и притом наиболее сохранившаяся была ими признана не уйгурской. Когда снимки с рукописи были переданы нам, мы установили, что значительная часть ее содержит монгольский текст, остальные же фрагменты были, на основании немногих сохранившихся и ясно читаемых слов, признаны уйгурскими также и нами.

Находка эта представляет большой интерес и притом для монголистов, вероятно, значительно больший, чем для тюркологов, ибо рукопись в одной своей части принадлежит к наиболее ранним памятникам монгольской письменности, и к тому же она была обнаружена в Поволжье, т. е. на территории Золотой Орды, являясь тем самым первой находкой этого рода. Это обстоятельство заставляет нас исследовать рукопись с большой тщательностью.

Ограничиваясь в отношении уйгурской части рукописи лишь небольшим описанием ее, мы основное внимание уделяем монгольской части рукописи, которую нам удалось полностью прочесть и перевести. Удалось восстановить даже некоторые поврежденные места текста. Забегая несколько вперед, укажем, что содержание монгольской рукописи образуют стихи, что несколько облегчает задачу дешифровки ее, так как, исходя из законов аллитерации, параллелизма и т. д., можно без особого труда восстановить ряд строк.

Всего рукопись состоит из 25 фрагментов, из которых 19 содержат текст с обеих сторон — на лицевой стороне и на оборотной, а 6 исписаны только с одной стороны. Монгольский текст содержат лишь 6 фрагментов, а остальные образуют уйгурскую часть рукописи. Как уже сказано выше, наибольшей сохранностью отличается монгольская часть рукописи, в состав которой входит несколько полностью сохранившихся страниц, размеры которых колеблются между 85×95 и 85×100 мм, из чего следует, что первоначальный формат рукописи был 85×95 (100) мм.

Сохраняя нумерацию фрагментов, данную им после реставрации в Государственном Эрмитаже, рассмотрим сперва те из них, которые содержат текст на уйгурском языке, с тем чтобы перейти к основной теме нашей работы — к монгольскому тексту рукописи.

I фрагмент сохранил на лицевой стороне четыре строки, из которых первая содержит лишь одно слово, а именно *egdilti* 'был воспитан'. Остальные строки содержат какие-то имена собственные и титулы соответствующих лиц, напр., третья строка: *tügel qutluγ seγgün bai* 'Тугел Кутлуг Сенгун Бай' ('Совершенно Счастливый Сенгун богач'), где *seγgün* является титулом, имеющим китайское происхождение.¹ Этот фрагмент представляет собой правую часть листка, что видно по прямому обрезу справа. Левая часть не сохранилась.

II фрагмент сохранил на лицевой стороне шесть строк и семь строк на оборотной стороне. Сохранилась левая часть, т. е. начало листка, что видно по прямому обрезу налево. На лицевой стороне отчетливо читается почти в каждой строке повторяющееся слово *qur* 'пояс' и в пятой строке слово *kümtüs* 'серебро'. Последнее видно и в пятой строке оборотной стороны.

III фрагмент очень плохой сохранности. Видны лишь следы двух строк на каждой стороне (лицевой и оборотной), а отчетливо читаются лишь некоторые знаки. Одна сторона листка оборвана, а другая цела, что видно опять-таки по прямому обрезу.

¹ W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928, стр. 292.

IV фрагмент тоже плохой сохранности. Видны лишь следы трех строк, из которых первая сохранила несколько ясно читаемых знаков. Правая часть листка представляет собою конец его. Левая же, т. е. начало, не сохранилась. На оборотной стороне этого фрагмента не написано ничего.

V фрагмент содержит текст на обеих сторонах. На лицевой стороне сохранились две строки, на оборотной — четыре. Прямой обрез слева лицевой стороны показывает, что это начало листка. На лицевой стороне мы ясно читаем во второй строке *birle etilür* 'делается при помощи' (того, к чему относится *birle*; соответствующее слово не сохранилось). На обороте в первой строке ясно читается *köngül* 'сердце', во второй строке — *edgü baqši* 'хороший учитель'.

VI фрагмент очень плохой сохранности. Он представляет собой части двух сшитых листков. На обеих сторонах сохранились лишь следы отдельных строк.

Под номером VII идут два небольших фрагмента, представляющих собою лишь кусочки листков. На них видны лишь отдельные знаки.

VIII фрагмент несколько лучшей сохранности. На одной стороне видны следы четырех или пяти строк, с другой — отчетливо сохранились пять строк.

IX фрагмент содержит на лицевой стороне две первые строки. Вторая часть утрачена. На оборотной стороне сохранились три последние строки. Во второй строке на лицевой стороне фрагмента отчетливо читается *belige qur quša* 'повяжи пояс на своей талии!'.

X фрагмент очень плохой сохранности. Он представляет собой части двух смежных сшитых листков, из которых лишь левая часть сохранила следы четырех строк, т. е. последних четырех соответствующей страницы. На оборотной стороне текста нет.

XI фрагмент средней сохранности. Хотя он в середине прорван, он представляет собою почти полностью сохранившийся листок рукописи. Более или менее прямые обрезы с обеих сторон показывают, что сохранились как начало, так и конец листка. На лицевой стороне сохранилось восемь строк, на обороте — шесть, т. е. полное количество их. Отдельные слова читаются ясно, напр., на лицевой стороне во второй строке *külgen* 'смеявшийся', на оборотной стороне во второй строке *qılmasun* 'пусть не делает!'

Этот фрагмент представляется нам наиболее ценным, так как пятая строка оборотной стороны писана знаками так называемого квадратного письма, введенного императором Хубилаем в 1269 г. и бывшего в употреблении, судя по дошедшим до нас памятникам, до 1351 г. Эта единственная строка, писанная знаками квадратного письма, делает возможной приблизительную датировку рукописи, относимой нами к началу XIV в.

В этой строке мы читаем *ral-baq-ši-č'a*, где *baq-ši* — целое слово, со значением 'учитель'. Начальный слог *ral-*, вероятно, конец имени, а конечный слог *č'a* — начало следующего слова.

В последней строке оборотной стороны мы читаем *tingri yin*, что является монгольской формой генитива от *tingri* 'тенгри', 'небожитель'.

XII фрагмент представляет собою часть спитых по середине, сильно поврежденных листков, на которых можно с трудом разглядеть следы строк.

XIII фрагмент тоже сильно поврежден и представляет собою лишь незначительную сохранившуюся часть листка, исписанного с обеих сторон. На лицевой стороне сохранились три строки, на оборотной — неполные четыре. Отдельные слова читаются ясно.

XIV фрагмент сильно поврежден. На одной стороне его сохранились неполные четыре строки. Немногие сохранившиеся слова читаются с трудом.

С некоторой уверенностью мы читаем слово во второй строке, как *bosumla* 'груша'.¹

XV фрагмент несколько лучшей сохранности. Здесь сохранились довольно хорошо семь строк на каждой стороне — на лицевой и на оборотной. Лицевая сторона представляет собою начало страницы, а оборотная — конец. Многие слова сохранились вполне ясно и читаются без труда.

Так, на лицевой стороне в разных строках повторяется слово *oylan* 'юпоша', 'мальчик', 'слуга', а стоящие перед ним слова могут быть именами собственными. На оборотной стороне мы ясно читаем в пятой строке *ëekten ton* 'суконное одеяние'.

XVI фрагмент тоже хорошей сохранности и представляет собою почти целый листок. На лицевой и оборотной сторонах сохранилось целиком по шесть строк, т. е. повидимому все строки. На лицевой стороне перечисляются какие-то реки: много раз под ряд встречается слово *ıgüz* 'река', которому каждый раз предшествует название соответствующей реки.

На оборотной стороне в пятой и шестой строках повторяется ясно читаемое слово *tarqan* 'тархан' (золотоордынский титул).

XVII фрагмент плохой сохранности. Видны лишь следы пяти строк. Оборотная сторона не уцелела.

XVIII фрагмент несколько лучшей сохранности. На лицевой стороне уцелели пять строк и столько же на оборотной. Однако на лицевой стороне отпечатались под влиянием сырости отдельные слова и знаки с другого листка, что несколько затрудняет чтение. На оборотной стороне мы уверенно читаем в четвертой строке слово *emëeki* 'его (геср. 'ее') соски'.

Сделанные замечания относительно отдельных фрагментов уйгурской части рукописи носят самый общий и поверхностный характер. Полагая, что эта часть рукописи привлечет внимание специалистов, мы ограничиваемся сказанным.

Для нас было достаточно отделить монгольские фрагменты, и на основании отдельных с уверенностью прочитанных слов уйгурской части рукописи нам удалось установить, какие из них относятся к уйгурской части. После этих предварительных замечаний мы переходим непосредственно к монгольской части рукописи.

Свое исследование монгольской части рукописи мы строим по следующему плану: сперва даем разбор отдельных фрагментов рукописи, затем делаем опыт полного, насколько это возможно, восстановления первоначального текста.

¹ См. словарь Радлова, т. IV, 1294.

чального текста и, наконец, делаем вытекающие из изучения рукописи лингвистические и культурно-исторические выводы.

Рукопись — фрагментарна. Тем не менее значительную часть текста, представляющего собою стихи, восстановить удастся.

При восстановлении текста отдельных фрагментов мы заключаем все восстановленные слова и строки в [], а при вторичном восстановлении полного текста, мы заключаем все наши дополнения, относящиеся к совершенно утраченным частям рукописи, в [[]].

Монгольский текст состоит из шести фрагментов. Фрагментам нами дана нумерация XIX—XXIV. По описи Государственного Эрмитажа фрагменты монгольского текста числятся за № 19 и сл. (табл. XIX и сл.).

ЧТЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ

Фрагмент XIX

(Размеры: 90 × 85 мм)

Лицевая сторона XIXa

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6
ᠠᠷᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠢᠨᠠ	ᠭᠠᠮᠤᠵᠢ		
ᠠᠷᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠢᠨᠠ	ᠭᠠᠮᠤᠵᠢ		
ᠠᠷᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠢᠨᠠ	ᠭᠠᠮᠤᠵᠢ		
ᠠᠷᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠢᠨᠠ	ᠭᠠᠮᠤᠵᠢ		
ᠠᠷᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠢᠨᠠ	ᠭᠠᠮᠤᠵᠢ		
ᠠᠷᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠢᠨᠠ	ᠭᠠᠮᠤᠵᠢ		
ᠠᠷᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠢᠨᠠ	ᠭᠠᠮᠤᠵᠢ		
ᠠᠷᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠢᠨᠠ	ᠭᠠᠮᠤᠵᠢ		
ᠠᠷᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠢᠨᠠ	ᠭᠠᠮᠤᠵᠢ		

Транскрипция

1. *aγsan eγen-e¹ inu qamuγu²*
2. *quriyaγu abtaqu či čaγ-a³*
3. *...inu⁴ buraqan⁵ eγen.....⁶*
4. *...uγu⁷ kürbesü bosaγ.....⁸*
5. *.....bo⁹.....*
6. *.....ud¹⁰.....*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Начальный *e* передается в нашей рукописи в ряде случаев особым начертанием, состоящим из двух зубцов, вроде того как обычно передается

в монгольском письме *а*. Конечный *е* в слове *ејен-е* (dativus-locativus от *ејен* 'властитель', 'господин') сильно загнут и пишется так же, как «откидное» *а*, напоминая слегка знак для *і* в более новых рукописях.

² Слово *qatiји* в средней своей части читается не совсем ясно, так как слог *ти* несколько расплылся и представляет собою темное пятно. Слово *qatiји* представляет собою соединительное деепричастие глагола *qati-* 'убирать', 'собирать в одно', 'прибирать', 'забирать', 'захватывать'.

³ Слово *џау-а* встречается на протяжении всей рукописи. Значение его — 'дитя', 'дитяtko', 'мальчик'. Слово это малоупотребительно в языке классической письменности.

⁴ Слоги *іни* представляют собой конец слова *mini* 'мой', относящегося к *џау-а* 'дитя' предыдущей строки. Слово *џау-а* на всем протяжении текста рукописи имеет везде определение *mini* 'мое'.

⁵ Обращает на себя внимание написание *buraqan*, чему в монгольской письменности соответствует более правильное написание *burqan* 'будда', 'бог': лишним оказывается *а* после *г*. Здесь *buraqan* является определением к *ејен* 'властитель'. Мы переводим *buraqan ејен* как 'божественный властитель'.

⁶ Слово *ејен* обрывается: отсутствует окончание *dativi-locativi*, которое следует здесь предполагать не только по общему смыслу контекста, но и на том основании, что это окончание наличествует во всех других аналогичных местах рукописи, содержащих параллельные стихи.

⁷ Слоги *ији* представляют собою конец какого-то слова, по форме являющегося соединительным деепричастием. Относится оно к *kürbesü* 'если достигнешь', 'когда достигнешь'. Сочетание..... *ији kürbesü* значит 'если делая то-то и то-то достигнешь'.

⁸ Слово *bosaу* обрывается: отсутствует конечное *а*. Слово *bosaу-а* значит 'порог'. В классической письменности ему соответствует *bosaу-а*, с *и* во втором слоге. Так как гласные непервых слогов в живой речи являются редуцированными, правописание их в разных памятниках, как старых, так и новых, подвержено колебаниям.

⁹ Вся пятая строка сильно повреждена и прочесть можно только слог *bo*, который мы считаем первым слогом слова *bosaу-а*. Мы восстанавливаем слово *bosaу-а* на том основании, что имеем его в предыдущей строке. Текст рукописи содержит, как уже сказано выше, стихи. Сопоставляя разные фрагменты, мы устанавливаем наличие следующих стихов, заключающих в себе параллельные строки:

- XXв 7. *jebe dora unaји ög*
 jebe dora unabа
 'упади под острием!
 Упал под острием';
- XXIа 2—3. *arqayun dora unaи ög*
 arqayun dora unaји
 'упади под перекладиной!
 Падая под перекладиной';

Транскрипция

1.¹ *ül* . . . *jü*² *yaγu*³
2.*btegedkü*⁴ *budangγadçu*⁵⁶
3. *ejen-e inu*⁷⁸
4. *irejü abtaqu či čaγ-a*
5. *minu. erdem-tü sayin itelgü*⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поврежденное слово. Разобрать можно только *jü*, что по окончанию является деепричастием соединительным какого-то глагола.

² Это слово тоже повреждено. Ясно читаются *ül* . . . *jü*, что по форме является деепричастием соединительным. Таким глаголом может быть *üle-*, 'оставаться'. Слово это мы восстанавливаем как *ülejü* 'оставаясь'.

³ После *yaγu* 'что' должно следовать какое-то слово, так как до нижнего (оторванного) края страницы остается достаточно места. Следующая строка начинается со слова, восстанавливаемого как *kebtgedkü* 'следует лежать' от глагола *kepte-* 'лежать', играющего здесь роль вспомогательного глагола. Однако, привлекая для сравнения все аналогичные места, мы приходим к выводу, что оставшееся ниже слова *yaγu* место было оставлено незаполненным. В самом деле, мы имеем следующие случаи:

- XXв 8. *kürčü yaγu kebtgedkün* 'зачем достигать?';
 XXIa 4. *kürčü yaγu ke[btegedkü] id.*;
 XXIб 6. *üjejü yaγu kebtgedkü* 'зачем смотреть?'.

Из этого сопоставления вытекает, что строки 1—2 оборотной стороны первого фрагмента должны быть восстановлены как. . . *ül[e]jü yaγu kebtgedkü* 'и зачем оставаться?'

⁴ Первое слово второй строки повреждено: сохранилось лишь *btegedkü*, что может быть восстановлено только как *kebtgedkü*, форма долженствования глагола *kepte-* 'лежать', здесь и в дальнейшем играющего роль вспомогательного глагола.

⁵ Слово *budangγadçu* представляет собою соединительное деепричастие от *budangγad-*. В письменном монгольском языке имеется слово *budungγui* 'мутный', 'помраченный', 'глухой'. Отсюда образован глагол *budangγad-* 'помутиться, омрачиться'. В оригинале мы имеем здесь во втором слове *a*, что объясняется неустойчивостью написаний гласных непервых слогов, о чем уже говорилось в примечании восьмом к лицевой стороне фрагмента.

⁶ За словом *budangγadçu* имеется достаточно места, где следует предполагать во всяком случае одно слово. В следующей строке первым словом идет *ejen-e inu*, следовательно, между *budangγadçu* и *ejen-e inu* должно быть какое-нибудь слово. Синтаксически таким может быть только причастие, ибо деепричастие *budangγadçu* само по себе не может быть определением к имени. Таким причастием может быть *aγsan* 'бывший', и, действительно, после *budangγadçu* виден знак, похожий на *a*, представляющий собою пер-

вую букву поврежденного слова. Вторую и третью строки мы восстанавливаем поэтому так: *budangγadcu [aγsan] ejen-e inu* 'к властителю, бывшему омрачаясь', т. е. 'к омрачавшемуся властителю'.

⁷ Слова *ejen-e inu* читаются с трудом.

⁸ За *inu* должно следовать еще какое-то слово. На следующей строке первым идет *irejū* 'приходя'. Сопоставляя разные места рукописи, мы можем предполагать здесь деепричастную форму соединительную какого-то глагола. Ср. следующие строки:

XIXa 1—3. *aγsan ejen-e inu qamiŋu quriyaŋu abtaqu či čaγ-a minu* 'бывшим властителем, будучи забираемо и собираемо, будешь взято ты, дитя мое';

XXg 1—2. *jaγaγatu sayin ejen-e inu jačilaŋu eriŋu abtaqu či čaγ-a minu* 'судьбою данным прекрасным властителем, на службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя мое'.

На основании этого сопоставления мы восстанавливаем строки 2—5 оборотной стороны первого фрагмента следующим образом: *budangγadcu [aγsan] ejen-e inu [. . . ju] irejū abtaqu či čaγ-a minu . . .* 'и приходя к омрачавшемуся властителю, будешь ты взято, дитя мое'. Деепричастие какого глагола должно предшествовать слову *irejū* 'приходя', — сказать, конечно, невозможно, и мы не беремся его восстанавливать. Так как слово это должно аллитерировать с *budangγadcu*, оно должно начинаться слогом *bu*.

⁹ Слово *itelgū* имеет значение «кречет». Здесь, очевидно, мать обращается к сыну, называя его кречетом.

Восстановленный текст

1. *ju ūl[e]jū yaŋu*
2. *[ke]btegdekū budangγadcu [aγsan]*
3. *ejen-e inu [bu ju]*
4. *irejū abtaqu či čaγ-a*
5. *minu. erdem-tū sayin itelgū*

Перевод

1. и зачем
2. оставаться? К омрачавшемуся
3. властителю и
4. приходя, будешь ты взято, дитя
5. мое. Достойный и прекрасный кречет!

Фрагмент XX

(Размеры: 85 × 155 мм)

Фрагмент этот представляет собою обрывок двух соединенных (сшитых) между собою листов книги. На левом обрывке, на лицевой стороне, можно разобрать только одну строку, остальные же не сохранились, хотя следы их видны. Правый обрывок содержит на лицевой стороне четыре строки. На оборотной стороне можно прочесть: на обороте левого обрывка — восемь строк, на обороте правого — тоже восемь строк.

Транскрипция

1. *da*¹ *egerejü*² *kürčü irebesü*
2. *egüden*³ *dora*⁴ *yaγu qordaqu*⁵
3. *anda*⁶ *kümün-e*
4. *qu*⁷ *či ča*⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слог *da* представляет собою конец какого-то слова, окончание *dativi-locativi*. Мы полагаем, что это слово должно обозначать того, к кому должен прибыть сын, к которому обращается данный стих. Окончание *-da(-ta)* часто наблюдается в составе наречий, типа *nasuda* 'всегда', *urtuda* 'долго', *egüride* 'постоянно', а поэтому здесь можно предполагать также какое-нибудь обстоятельствоное слово.

² Слово *egerejü* — деепричастие соединительное глагола *egere-*. Существуют два глагола *egere-* (омонимы): 1) 'усиленно просить', 'домогаться', 'надеяться'; 2) 'вертеть', 'обступать', 'возвращаться'. Установить, который из двух глаголов мы имеем в данном случае, очень трудно, ибо контекст в равной степени допускает переводы «когда достигнешь, надеясь» и «когда достигнешь, возвращаясь». Условно мы переводим все же «надеясь».

³ Как слово *egerejü*, так и *egüden* имеют вначале знак для *e* в виде двух зубцов.

⁴ Слово *dora* всюду пишется с одним *o*, в классической же письменности оно имеет всегда два *o*.

⁵ Слово *qordaqu* (= письм. монг. *qoruda-*) значит «огорчаться».

⁶ Слово *anda*, читаемое с неуверенностью, является определением к *kümün-e* 'человеку'. Значение *anda* 'друг', 'побратим', 'клятвенный', 'заклятый'. Здесь возможно любое значение этого слова, т. е. 'к дружественному человеку', 'к побратиму-человеку', 'к человеку, с которым связан узами побратимства', 'к человеку, с которым связан клятвой' и 'к заклтому человеку'.

Последнее значение здесь тоже может подходить, и все это место может пониматься следующим образом: «ты[отправишься, дитя мое,] к заклтому человеку», т. е. что сын отправится к человеку, не к дружественному, не к побратиму, но, наоборот, к заклтому врагу, в отношении которого этот сын связан с другими людьми узами клятвы кровной мести.

⁷ . . . *qu* является окончанием *oduqu* в контексте [*oduqu či ča[γ-a minu]* 'отправишься ты, дитя мое'.

⁸ На основании сказанного в прим. 6 мы восстанавливаем *ča* как *čaγ-a minu* 'дитя мое'.

Восстановленный текст

1. *da egerejü kürčü irebesü*
2. *egüden dora yaγu qordaqu*
3. *anda kümün-e*
4. [*oduqu či ča[γ-a minu]*]

Перевод

1.с надеждой когда ты достигнешь,
2. под дверью зачем огорчаться?
3.к побратиму (гезр. к залятому)
4. [отправившись] ты [дитя мое].

Оборотная сторона XXв—XXг

Левая сторона XXв

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7	8
.	.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ
.	.	.	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ	ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ

Транскрипция

1.
2.g¹ sayin.....
3.besü².....
4. qordaqu³ jalayus⁴ köbegüd⁵.....
5. samaryun⁶ oduqu čī čay-a mī.u⁷.....
6. sayin jayalmai-a⁸ jāju⁹ kürčü irebe...¹⁰
7. jebe dora unažu ög jebe dora unaba
8. ...mejü¹¹ jalidču¹² kürčü yaγu kebtegedkün

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая строка не сохранилась. Плохо сохранилась вторая строка. Виден конечный знак для *g*, конечного согласного какого-то слова. За ним идет *sayin* 'хороший'. Слово *sayin* встречается как определение 1) при слове, которым мать называет своего сына, и 2) при слове *ejen-e* 'властителю'.

Приведем соответствующие места.

XIXб 5. *erdemtü sayin itelgü* 'достойный и прекрасный кречет';

XXв 6. *sayın jayalmai-a jaŋu kürcü irebe[sü]* 'о прекрасный ястреб, когда ты достигая придешь';

XXг 1—2. *jayayatu sayın ejen-e inu jarčilaŋu erijü abtaqu či čay-a minu* 'данным судьбой прекрасным властителем будешь ты взято на службу, будучи разыскиваемо, дитя мое';

XXIIб 1—3. . . *[sayı]n ejen-e inu. . . kürbesü adayırtu tergen dora yaŋu qordaqu* 'когда ты. . . достигнешь. . . [прекрасного] властителя, зачем огорчаться под досчатой телегой?'

Для того чтобы решить, к какому отсутствующему во фрагменте слову относится *sayın*, необходимо установить, какие места рукописи представляют собою параллели к данному месту. Нетрудно заметить по немногим сохранившимся словам первых четырех строк фрагмента, что это место ближе всего к XXIIб 1—3 *[sayı]n ejen-e inu. . . kürbesü adayırtu tergen dora yaŋu qordaqu* 'когда ты. . . достигнешь. . . [прекрасного] властителя, зачем огорчаться под досчатой телегой?': в нашем фрагменте мы имеем слова *sayın. . . besü. . . qordaqu*, т. е. те же слова, что в XXIIб 1—3. На этом основании мы восстанавливаем первые четыре строки нашего фрагмента следующим образом:

1.
2. *g sayın [ejen-e inu]*
3. *[kür]besü. . . . [dora yaŋu]*
4. *qordaqu* и т. д.

² Слоги *besü* нами восстанавливаются по соображениям, высказанным в прим. 1, как *kürbesü*. За этим словом видны очертания еще одного слова, а далее страница обрывается. Это неразборчивое слово мы с неуверенностью читаем как *tergen* 'телега'. Что же касается слова, которое должно было находиться после предположительного *tergen*, то таковым могло быть только *dora* 'под', за которым должно было следовать еще *yaŋu* 'зачем'. В предыдущем примечании было показано, что перед *qordaqu* стоят слова *dora yaŋu qordaqu* 'зачем огорчаться под. . .?'

Приведем еще одну параллель:

XXб 2. *egüden dora yaŋu qordaqu* 'зачем огорчаться под дверью?' Как видно, перед *qordaqu* во всех случаях имеем *yaŋu* 'зачем', а перед *yaŋu* сочетание названия какого-нибудь предмета с *dora* 'под'. Это дает нам право восстанавливать наш фрагмент следующим образом:

[tergen (?) dora yaŋu] qordaqu
'зачем огорчаться под телегой?'

³ Слово *qordaqu* уже объяснено выше в прим. 5 к XXб как «огорчаться».

⁴ Читается довольно ясно *jalayus*, форма множественного числа от *jalayı* 'молодой', 'молодец', 'юноша', а также 'раб', следовательно, может быть переведено как 'молодые', 'юные', 'юноши', 'молодцы' или 'рабы'.

⁵ Слово *köbegüd* читается довольно ясно. Неуверенность мы испытываем лишь в отношении конечного знака: одинаково возможны *köbegüd* и *köbegün*.

Слово *köbegün* значит 'мальчик', 'отрок', 'сын', а также 'раб'; *köbegüd* — форма множественного числа. Мы склоняемся в пользу чтения *köbegüd*, так как перед тем имели *jalayus* 'юноши', 'молодцы' и т. д. тоже во множественном числе. Синтаксически *jalayus* и *köbegüd* — равные друг другу члены предложения и поэтому естественнее всего было бы ожидать формы множественного числа как здесь, так и там.

После *köbegüd* страница обрывается, но до нижнего края остается еще много места, где могли бы поместиться, во всяком случае, два слова. Пытаясь их восстановить или приблизительно определить, какие это были слова, мы должны исходить из следующей, пятой, строки. Там мы читаем: *samarγun oduqu ċi ċay-a mī[n]u* 'ты отправишься в смятении, дитя мое', из чего следует вывод, что впереди стоящие слова *jalayus köbegüd* 'юноши', 'мальчики', гесп. 'рабы' должны быть в дательном-местном падеже, т. е. *jalayus köbegüd[tür]* . . . *samarγun oduqu ċi* 'ты отправишься в смятении к юношам, к мальчикам' (гесп. 'рабам'). Полную аналогию этого места представляет собою XXIIб 4—5: *γartu-da samarγun odu[qu] ċi ċay-a minu* 'ты отправишься в смятении к обладающему рукой' ('руками').

⁶ Слово *samarγun* — деепричастие слитное глагола *samarγu-*, встречающегося в рукописи несколько раз. В письменномонгольском языке имеются слова, образованные 1) от той же основы *sata-*: *sataγu* ~ *samarγun* 'беспорядок', 'замешательство', 'расстройство', 'расстроенный', 'смутный', 'беспутный'; 2) от основы *satu-* (с *u*||*a*): *satuċa-* 'спутываться', 'перепутываться'; *samura-* 'мешать', 'перемешать'; 3) от основы *sam-* (с нулем): *samsi-* 'рассеиваться', 'разрушаться', 'тратиться'; *samsiyul-* 'тратить', 'растрачивать', 'истреблять'; *samsiya-* id. Таким образом можно установить основы *sata-*||*satu-*||*sam-*. От первой из них образован глагол *samarγu-*.

Глагол *samarγu-* мы переводим 'расстраиваться', ибо близкие значения присущи всем перечисленным выше словам: «замешательство», «расстроенный», «спутываться», «перемешивать», «разрушаться» и т. д. Все образования от основ *sata-*||*satu-*||*sam-* имеют значение «расстраиваться», «приходить в расстроенное состояние» и т. п.

Глагол *samarγu-* встречается в следующих контекстах:

XXв 5. *samarγun oduqu ċi ċay-a minu* 'ты отправишься, расстраиваясь, дитя мое';

XXIIб 4—5. *γartu-da samarγun odu[qu] ċi ċay-a minu* 'ты отправишься, расстраиваясь, дитя мое, к имеющему. . . руки';

⁷ *mī. .u. .* . . легко восстанавливается как *minu* 'мой'.

⁸ Слово *γayalmai-a* значит 'ястреб'. Частица *a* представляет собою частицу обращения. Сочетание *γayalmai-a* 'о прекрасный ястреб' является параллелью к XIXб 5. *erdem-tü sayin itelgü* 'достойный и прекрасный крепче'. Здесь мать обращается к своему сыну, называя его ястребом.

⁹ Слово это ясно читается как *jaγu* или *jeγü*, но таких слов в письменном монгольском языке нет. По форме — это деепричастие соединительное глагола *ja-* или *je-*. Можно, конечно, читать и *ya-* или *ye-*, но мы склоняемся в пользу *ja-* или *je-* на том основании, что здесь аллитерирующими словами являются *ja* или *je*:

jaŋu kürčü irebe[sü]
jebe dora unaŋu ḡg
jebe dora unaba [ke]meŋü
jalidčü kürčü yaŋu kebtegedkün
 'Когда ты придешь, достигая. . . (?)
 упали под острием!
 Оттого, что упал под острием,
 зачем лукавить?'

Что касается слова *jaŋu*, то, как уже сказано, это — соединительное деепричастие глагола с основой *ja-*. Основа *ja-* в письменно-монгольском языке неизвестна, но в диалектах форма *zaŋi* употребительна в значении «в упор», «вплотную» (досл. 'делая в упор', 'делая вплотную'). Поэтому *jaŋu* можно, в соответствии с данными диалектов, перевести как 'вплотную' или 'решительно'.

Разбирая это слово, следует указать, что односложных глаголов с открытым слогом типа *ja-* в письменно-монгольском языке, за исключением глаголов *a-* и *bü-* 'быть' и *ü-* 'гнить', 'портиться', мы вообще не знаем. Небезинтересно также отметить, что глагол *ü-* в живых монгольских языках имеет долгий гласный; ср. цонгольск. *ü-* 'гнить'. Долгим является гласный основы «быть» в дагурском: ср. там *āŋü* 'быть'.

Так как гласный односложных открытых глагольных основ является всегда долгим, следует полагать, что и в *jaŋu* гласный произносился как долгий, т. е. что основой является *jā-*. Но это *jā-* не имеет ничего общего с халх. *žā-* 'показывать', 'указывать' = письм. монг. *jiŋa-* или с калм. *zā-* 'разделять', *kerag zā-* 'улаживать ссору' = письм. монг. *jaŋa-* (ср. письм. монг. *jaŋaldu-* 'судиться', халх. *žāldā-* id).

¹⁰ Слово *irebe* обрывается. Мы его восстанавливаем как *irebesü*, условное деепричастие глагола *ire-* 'приходить'. Полную аналогию представляет собою фрагмент ХХІВ. . . *eŋen-e inu simurŋuŋu kürbesü*. . . *dora unaŋu ḡg*. . . *dora unaba kemeŋüŋü qaraŋu üjeŋü yaŋu kebtegedkü qaraŋu* 'когда ты с решительностью достигнешь. . . властителя, упали под. . . Сказал, что упал под. . . Зачем глядеть и смотреть? Глядя. . .'. Как видно, ХХІВ очень близок к этому месту нашего фрагмента.

¹¹ Начало этой строки повреждено: видны лишь слоги *meŋü*, что на основании приведенного в прим. 9 параллельного места легко восстанавливается как *kemeŋü*, соединительное деепричастие глагола *keme-* 'говорить'.

¹² Слово *jalidčü* читается ясно. По форме — это деепричастие соединительное глагольной основы *jalid-*. В письменном монгольском языке ей соответствует *jalida-* 'пылать', 'коварствовать', 'строить козни', 'лукавствовать'; в калм. *zāl'd-* 'воспламеняться', 'пылать', 'быть прекрасным'. Значение «лукавствовать» здесь хорошо подходит. Поэтому мы можем четверостишие перевести следующим образом:

'Когда ты придешь, достигая вплотную,
 упали под острием!

Оттого, что упал под острием,
зачем лукавствовать?

Восстановленный текст

1.
2.sayin [eʃen-e inu].....
3.[kür]besü.... [dora yaɣu]....
4. qordaqu ʃalaɣus köbegüd[-tür]
5. samaryun oduqu či čaɣ-a mi[n]u.....
6. sayin ʃaɣalmai-a ʃaɣu kürčü irebe[sü]
7. ʃebe dora unaɣu ög ʃebe dora unaba
8. [ke]meɣü ʃalidču kürčü yaɣu kebtægdekün

Перевод

1.
2. ...к прекрасному властителю...
3. ...когда ты прибудешь, под... зачем
4. огорчаться? К рабам...
5. расстраиваясь пойдешь ты, дитя мое...
6. О прекрасный ястреб! Когда ты придешь, достигая вплотную,
7. упади под острием! Оттого, что упал под острием,
8. зачем лукавствовать?

Правая сторона XXг

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7	8
ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ
ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ
ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ
ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ
ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ
ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ
ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ
ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠡᠭᠡᠨ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ

Транскрипция

1. ʃaɣaɣatu¹ sayin eʃen-e inu ʃarčila
2. ʃu² erjü³ abtaqu či čaɣ-a minu
3. altaqan⁴ ɣurɣulɗai⁵ čaɣa⁶ inu eke

4. *elbür⁷ eke-düriyen⁸ qariyu dayu dayu⁹*
5.*kürbe. eke elbür eke minu*
6.*gergen¹⁰ qa.....*
7.*činu üsüke¹¹.....*
8.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *jayayatu* значит «предопределенный судьбою, данный судьбою». Знак для *t* здесь такой, какой в более поздней письменности употребляется для *d* в закрытых слогах на конце слога.

² Слог *ju* относится к предыдущему слову *jarčila* и раздельное написание объясняется переносом. Написано это *jarčila* так, что может быть легко прочтено как *jaičila*: вместо *r* виден сильно загнутый книзу зубец, совсем как *i*. Но глагола *jaičila-*, соединительным деепричастием которого является наше *jarčilaju*, нет, а, кроме того, неслоговой *i* дифтонгов передается, как известно, не одним, но двумя знаками для *i*. Глагольная основа *jarčila-* представляет собою отыменный глагол с суффиксом *-la-*, образованный от *jarči-*. Последнее имеется в письменномонгольском языке в значении «вестовщик», «состоящий на посылках» и является именем с суффиксом *-či*, образующим основы со значением профессий, от основы *jar* «объявление»; ср. калм. *zar* «объявление», халх. *zar* «открытый лист для путешественников», калм. *zariši* «вестник», «глашатай».

³ Слово *eriju* представляет собою соединительное деепричастие глагола *eri-* «искать», «доискиваться», «просить», «домогаться», «испрашивать».

⁴ Ясно читаемое *altaqan* является уменьшительным на *-qan* от *altan* «золотой», дословно как бы «золотце», «золотенький» и является определением к следующему.

⁵ Слово *yuryul dai* читается довольно ясно. Словарь Голстунского объясняет его как «птица из рода куропадок», ставя его в связь с *yuryul* «фазан». Правильнее объяснено оно в словаре Ковалевского как название какой-то певчей птички. Действительно, монголы называют словом *yuryul dai* (всегда с эпитетом *altan* «золотой») соловья. Поэтому мы переводим это слово как «соловей», а с уменьшительно-ласкательным *altaqan* «золотой соловушко».

⁶ Слово *čaya* здесь написано слитно. Это то же, что *čay-a* «дитя».

⁷ Слово *elbür* встречается очень часто и всегда при *eke* «мать», являясь определением, эпитетом последнего. Образовано оно от той же основы, что *else-* «обходиться ласково», *olberi-* «оказывать почтение родителям», т. е. от *el* «согласие», «мир». Мы переводим его как «милая».

⁸ Обращает на себя внимание слитное написание суффиксов возвратного притяжания и дательно-местного падежа в *eke-düriyen* «своей матери».

⁹ Слово это кончается на следующей строке, но она в этом месте повреждена. Восстановить верхнюю часть пятой строки, однако, легко: там следует предположить слоги *lar-a*. Аналогию этого места представляет собою ХХІІІб 2—3: *eke elbür eke [inu] qariyu dayu dayular-a [kürbe]* «его мать, милая матушка, начала петь ответную песнь». Форма *dayular-a* — так называемое деепричастие конечное и в современном языке значит «чтобы петь».

Транскрипция

1. *ejen-e simurγuju*¹ *kürbesü*²
2. *arqayun*³ *dora unaju* *ög*
3. *arqayun dora unaba*⁴
4. *ariyaju*⁵ *kürcü yaru keb*⁶
5. . . . *tu*⁷ *sayin ejen*⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *simurγuju* представляет собою деепричастие соединительное от глагола *simurγu-*, в словарях письменного монгольского языка не засвидетельствованного, точное значение которого нам неизвестно. С выше встретившимся глаголом *samarγu-* он не имеет ничего общего, так как гласным первого слога здесь является *i*, а во втором слоге *u*. Соединительное деепричастие глагола *simurγu-* может быть сближено с бурятским *šumūhaγ* 'решительный', вследствие чего здесь допустим перевод 'будучи решительным', 'отваживаясь', 'решительно', 'с решимостью'.

² После *simurγuju* можно с большим трудом прочесть *kürbesü* 'если достигнешь'. От слова этого сохранились лишь едва видные очертания.

³ Слово *arqayun* является формой *genitiv* от *arqay*. В письменномонгольском языке засвидетельствовано слово *arqay* в значении «края, кромка ткани», ср. калм. *arxək* id, тюрк. *arqaq* 'уток'.

Кроме того, монг. *arqay* имеет значение «тяжелая болезнь», ср. якутск. *arxax* 'недуг', 'болезненность', 'больной'. Наконец, в уйгурском словаре Махмуда Кашгарского мы находим слово *arquq* 'перекладина между двумя стенами или колоннами'. Последнее значение здесь подходит больше всего: 'упади под перекладиной!' В одном из стихов в другом месте мы встретили такую фразу: 'зачем огорчаться под дверью?' Как видно, дверь — перекладина хорошо подходят друг к другу.

⁴ Слово *unaba* 'упал' читается с трудом, но подтвердить это чтение нетрудно, так как аналогичные этому стихи содержат его. За словом *unaba* должно следовать еще одно. Мы восстанавливаем его как *kemejü* 'говоря' на основании следующего параллельного стиха:

XXIб 4—5. *a dora unaju ög* *a dora unaba kemejü* и т. д. 'упади под! Сказал что упал под. . . '.

⁵ Читается неясно *ariyaju*. Ср. в Юань-чао би-ши *ariyaxu* 'быть недоверчивым'.¹

⁶ Сохранившееся *keb* мы восстанавливаем как *kebtgedekü*: ср. параллели, приводимые в прим. 3 к XIXб.

⁷ Слог *tu* является окончанием несохранившегося слова. Дальше идет *sayin ejen*. Следовательно. . . *tu* является определением к *ejen*: ср. XX г 1 *jayayatu sayin ejen-e inu* и т. д. 'к данному судьбой прекрасному властителю'. Так как в этом стихе аллитерируют слова, начинающиеся на *a*, следует полагать, что слово . . . *tu* начиналось тоже на *a*. Примерно, это могло быть *ačitu* 'заслуженный'.

¹ E. Haenisch. Wörterbuch zu Manghol un niuca tobca'an, стр. 9.

⁸ Слово *ejen* обрывается. Мы восстанавливаем его как *ejen-e inu* 'к властителю', ибо таких параллельных мест в тексте много.

Восстановленный текст

1. *ejen-e simurjuju kürbesü*
2. *arqayun dora unažu ög*
3. *arqayun dora unaba [kemežü]*
4. *ariyažu kürčü yažu keb[tegdekü*
5. *ači?]tu sayin ejen[-e inu]*

Перевод

1. Когда ты достигнешь с решимостью властителя,
2. упали под перекладиной!
3. [Оттого, что] упал под перекладиной,
4. зачем огорчаться?
5. Заслуженному (?) прекрасному властителю. . .

Оборотная сторона XXIб

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6
...	...	ᠠᠷᠠᠢᠶᠠᠵᠤ	ᠠᠷᠠᠢᠶᠠᠵᠤ	ᠠᠷᠠᠢᠶᠠᠵᠤ	ᠠᠷᠠᠢᠶᠠᠵᠤ
...	ᠳᠣᠷᠠ	ᠳᠣᠷᠠ	ᠳᠣᠷᠠ	ᠳᠣᠷᠠ	ᠳᠣᠷᠠ
...	ᠠᠨᠠᠵᠤ	ᠠᠨᠠᠵᠤ	ᠠᠨᠠᠵᠤ	ᠠᠨᠠᠵᠤ	ᠠᠨᠠᠵᠤ
...	ᠣᠭ	ᠣᠭ	ᠣᠭ	ᠣᠭ	ᠣᠭ
...	ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠰᠠᠶᠢᠨ	ᠰᠠᠶᠢᠨ
...	ᠡᠵᠡᠨ	ᠡᠵᠡᠨ	ᠡᠵᠡᠨ	ᠡᠵᠡᠨ	ᠡᠵᠡᠨ
...	ᠢᠨᠤ	ᠢᠨᠤ	ᠢᠨᠤ	ᠢᠨᠤ	ᠢᠨᠤ

Транскрипция

1.qu č¹.....
2.u² qarayun³ ejen⁴.....
3. *simurjuju⁵ kürbesü qa⁶.....*
4. *a dora unažu ög q.....*
5. *a dora unaba kemežügü⁷ qaražu*
6. *üježü yažu kebtegdekü qaražu*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вся строка сильно повреждена. Видны лишь... *qu č*, которые мы восстанавливаем как *[abta]qu č[i čay-a]* или *[odu]qu č[i čay-a]* (см. выше *passim*).

² Если предложенная в прим. 1 реставрация текста правильна, то *u* должно быть последним звуком слова *minu* 'мой'.

³ Слово это читается неясно: отчетливо видны лишь *qara*. Слову *qarayun* в письменномонгольском языке соответствует *qaraγu* 'защита', 'заботливость', 'попечение'. Здесь *qarayun* — определение к *ejen*.

⁴ Слово *ejen* обрывается. На основании вышеприведенных параллелей мы восстанавливаем его как *ejen[-e inu]* 'к властителю'.

⁵ Слово *simurγuγu* объяснено выше в прим. 1 к XXIIa.

⁶ Слово это обрывается. Виден лишь слог *qa*. На следующей строке видно *a*, отдельно написанное, но относящееся к этому слову. Мы имеем, таким образом, слово *qa*. . . *a*. Далее идет *dora unaγu ög* 'пади под. . .!'. Следовательно, это — название предмета, под которым должен упасть сын, к которому обращается мать. На четвертой строке мы видим внизу *q*, а на пятой строке наверху опять отдельно от слова написанное *a*, т. е. имеем *q* . . . *a*, и дальше опять *dora unaba* 'упал под'. Нет сомнений в том, что *qa*. . . *a* и *q*. . . *a* одно и то же слово. Так как после *qa* остается много места, слово должно быть довольно длинным. Просмотрев внимательно словари, мы пришли к выводу, что больше всего здесь подходит *qarayalγ-a* 'ворота'.

⁷ Слово *kemejügü* представляет собой форму прошедшего времени с суффиксом *-γuγu* (*-jügü*), сохранившимся в языке монгольской письменности только в форме *aγuγu* глагола *a-* 'быть', которому во всех остальных случаях соответствует суффикс *-γuqui* (*-jüki*).

Восстановленный текст

1. *[abta]qu č[i čay-a*
2. *min]u qarayun ejen[-e inu]*
3. *simurγuγu kürbesü qa[γalγ]*
4. *a dora unaγu ög q[ayalγ]*
5. *a dora unaba kemejügü qaraγu*
6. *üjeγü yaγu kebtgedekü qaraγu*

Перевод

1. [Ты будешь взято, дитя
2. мое]. Заботливого властителя
3. с решимостью когда достигнешь,
4. под [воротами] упади!
5. Сказал, что упал под [воротами].
6. Зачем глядеть и смотреть? Смотря. . .

Фрагмент XXII

(Размеры: 85 × 95 мм)

Лицевая сторона XXIIa

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7
ᠤᠰᠤᠨ	ᠳᠠᠪᠠᠷᠢᠶᠳᠠ	ᠳᠡᠭᠡ	ᠠᠯᠲᠠᠨ	ᠪᠣᠯᠶᠠᠰᠤ	ᠤᠰᠤᠨ	ᠤᠰᠤᠨ
ᠤᠰᠤᠨ	ᠳᠠᠪᠠᠷᠢᠶᠳᠠ	ᠳᠡᠭᠡ	ᠠᠯᠲᠠᠨ	ᠪᠣᠯᠶᠠᠰᠤ	ᠤᠰᠤᠨ	ᠤᠰᠤᠨ
ᠤᠰᠤᠨ	ᠳᠠᠪᠠᠷᠢᠶᠳᠠ	ᠳᠡᠭᠡ	ᠠᠯᠲᠠᠨ	ᠪᠣᠯᠶᠠᠰᠤ	ᠤᠰᠤᠨ	ᠤᠰᠤᠨ
ᠤᠰᠤᠨ	ᠳᠠᠪᠠᠷᠢᠶᠳᠠ	ᠳᠡᠭᠡ	ᠠᠯᠲᠠᠨ	ᠪᠣᠯᠶᠠᠰᠤ	ᠤᠰᠤᠨ	ᠤᠰᠤᠨ
ᠤᠰᠤᠨ	ᠳᠠᠪᠠᠷᠢᠶᠳᠠ	ᠳᠡᠭᠡ	ᠠᠯᠲᠠᠨ	ᠪᠣᠯᠶᠠᠰᠤ	ᠤᠰᠤᠨ	ᠤᠰᠤᠨ
ᠤᠰᠤᠨ	ᠳᠠᠪᠠᠷᠢᠶᠳᠠ	ᠳᠡᠭᠡ	ᠠᠯᠲᠠᠨ	ᠪᠣᠯᠶᠠᠰᠤ	ᠤᠰᠤᠨ	ᠤᠰᠤᠨ
ᠤᠰᠤᠨ	ᠳᠠᠪᠠᠷᠢᠶᠳᠠ	ᠳᠡᠭᠡ	ᠠᠯᠲᠠᠨ	ᠪᠣᠯᠶᠠᠰᠤ	ᠤᠰᠤᠨ	ᠤᠰᠤᠨ

Транскрипция

1. *kemelei*¹ *emgeg jöbalang-dur*² *bu*
2. *dabariyda*³ *egüs degde*⁴ *čay-a*
3. *minu tobčiyin*⁵ *činu üs* *n*⁶
4. *tong*⁷ *altan bolyasu*⁸ *kemele*
5. *d* . . . *r ada-dur*⁹ *buu joly*¹⁰
6. *čay-a minu* *ri* *n-u*¹¹ *čin*¹²
7. *üsün delekei*¹³ *altan bo*¹⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *kemelei* представляет собою форму прошедшего времени глагола *keme-* 'говорить'. В письменномонгольском языке суффиксом является *-luγa* (*-lüge*), в живых языках *-lai* (*-lei*, *-lē*). Здесь мы имеем интересную форму разговорного языка на *-lei*, разновидностью которой является форма *kemele*, встречающаяся дальше в четвертой строке.

² Обращает на себя внимание написание начального *d* суффикса *-dur* *dativi-locativi*: по правилам классической письменности после конечных *n*, *ng*, *l*, *m* пишется *ᠳᠠ*.

³ Слово *dabariyda* является повелительной формой 2-го л. ед. ч. страдательного глагола *dabariyda-* от *dabari-*.

В письменномонгольском языке встречаются глаголы *dabira-* 'нападать', 'оскорблять' || *dayari-* 'задевать', 'обижать'; ср. *dayariyda-* 'быть задету, подвержену'; ср. халх. *däër-* 'задевать', 'оскорблять', *däërvədv-* 'быть задетым', 'подвергаться'. Основа *dabira-* ~ *dabari-* || *dayari-* представляет

собою один из примеров чередования $b||\gamma(g)$, напр., *debel||degel* 'шуба', *tobaraγ||toyoraγ* 'пыль' и т. п. К этому *dabariγda-* относится отрицание *bu*, которое мы восстанавливаем как *buu*, ибо так оно пишется на 5-й строке.

⁴ Слова *egüs degde* являются повелительными формами 2-го л. ед. ч. — *egüs* 'отправляйся!', *degde-* 'взлети!' О слове *egüs* речь будет идти дальше в прим. 10 к XXIIIa.

⁵ Слово *tobčiyin* представляет собою форму *genitivi* от *tobčī*. Суффикс *-yin* написан слитно с основой. Слово *tobčī* имеет следующие значения: «застежка, пуговица», «сосок груди»; «сокращение, сокращенное изложение»; ср. тюрк. (казахск.) *topşuq* 'боковая сторона груди', ср. еще письменномонгольское *tobčilaγur* 'подзобок у птиц', *tobčilaγur-un yasun* 'ключица', *tobčiruu* 'ключица'. Как видно из других параллелей, речь идет о том, что мать сделает волосики той или другой части тела своего сына золотом; ср. XXIIIb 7—8: *ebčigün-ü činu üsüken egüdmel alta bolγasu* 'волосики твоей груди сделаю отделанными золотом'. Слово *tobčiyin* несомненно тоже обозначает какую-нибудь часть тела, и, будучи сближаемо со словом «ключица», оно может быть переведено как «верхняя часть груди».

⁶ Слово *üs. . . n* легко восстанавливается на основании XXIIIb 7—8 *ebčigün-ü činu üsüken* как *üsüken* 'волосики'.

⁷ *tong* значит «совсем», «сплошь».

⁸ Форма *bolγasu* — желательная 1-го л. ед. ч. В языке классической письменности суффиксу *-su* соответствует *-suyai*, но в рукописях XIV—XVII вв. формы на *-su* встречаются очень часто. Этому *-su* в живых языках соответствует *-sū*: ср. цонгольск. *-sū*, западно-бурятск. *-hū*.

⁹ Слово *ada-dur* 'злomu духу' представляет собою форму *dativi-locativi*. Обращает на себя внимание написание ᠠᠳᠠ вместо ᠠᠳᠠᠳᠠ классической письменности. Слово *ada* встречается в живых языках, напр., в бурятском, где так называются ведьмы, поедаящие детей, своего рода женские вампиры. Перед *ada* стоит сильно поврежденное слово, оканчивающееся на *r*, а перед ним видно *d*. Так как стихи здесь начинаются на *to*, мы восстанавливаем без особого труда *todqar* 'напасти'.

¹⁰ Слово *joly* восстанавливается легко как *jolya* 'встречайся!'.

¹¹ Сильно поврежденное слово. Из контекста видно, что это название какой-то части тела. Так как следующий стих начинается со слова *delekei* 'рассыпной', 'распространенный', оно должно начинаться на *de* или *te*. Таким словом могло быть *terigün* 'голова' и, действительно, можно прочесть знаки . . . *ri . . . n-ü*. Мы восстанавливаем это слово как *terigün-ü*.

¹² *čīn* легко восстанавливается как *čīnu* 'твой'.

¹³ Слово *delekei* имеет в языке монгольской письменности значение «вселенная», «мир». Оно образовано от основы *dele-*: ср. *delegü* 'пространный', *delge-* 'расстилать'. Здесь *delekei* имеет значение «пространный», как в языке квадратной письменности (*delegeē*).

¹⁴ Слово повреждено. Сохранился лишь слог *bo*, но слово это легко восстанавливается как *bolγasu* 'сделаю'.

Восстановленный текст

1. *kemelei emgeg ĵobalang-dur bu[u]*
2. *dabariyda egüs degde čay-a*
3. *minu tobčiyin činu üs[üke]n*
4. *tong altan bolyasu kemele*
5. *[to]d[qa]r ada-dur buu ĵolγ[a]*
6. *čay-a minu [te]ri[gü]n-ü čin[u]*
7. *üsün delekei altan boľyasu]*

Перевод

1. Сказала. «Увечьям и страданиям не
2. подвергайся! Отправляйся, взлети, дитя
3. мое! Грудь твоей волосики
4. сплошь золотом сделаю!», сказала.
5. «С напастями и злыми духами не встречайся,
6. дитя мое! [Головы] твоей
7. волосы рассыпанным золотом [сделаю]!»

Оборотная сторона XXIIб

Монгольский текст

[illegible]

Транскрипция

1. s n¹ ežen-e inu²
2. kürbesü adayirtu³ tergen dora
3. yaru qordagu⁴
4. yartu-da⁵ samarrun odu⁶
5. či çay-a minu alaya yuyan⁷ . . .

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Начало строки повреждено. Можно разобрать знаки для *s...n*, что легко восстанавливается как *sayin* 'прекрасный'.

² За *inu* должно следовать еще какое-то слово. Синтаксическая конструкция здесь требует деепричастной формы соединительной или слитной какого-нибудь глагола, восстановить которую не представляется возможным.

³ Слово *adayirtu* представляет собой имя на *-tu* от *adayir*: ср. письм.-монг. *adayir* 'тес', 'тонкие доски', бурятск.-агинск. *ad^aēr* 'полка'. Следовательно, *adayirtu* значит 'тесовый', 'досчатый' и является определением к *tergen* 'телега'. Слово *adayirtu* 'досчатый' написано ~~ᠠᠳᠠᠢᠷᠲᠤ~~, т. е. *d* и *t* в обоих случаях передаются знаком **ᠲ**.

⁴ После *qordagu* идет еще какое-то слово, но оно сильно повреждено. Оно является определением к *γartu-da*. Так как здесь стихи начинаются на *a*, это слово должно начинаться на *a*.

⁵ Слово *γartu-da* — *dativus-locativus* от *γartu* 'имеющий руки'. Согласный *t* в *γartu* передается знаком **ᠲ**. Обращает на себя внимание суффикс *dativi-locativi -da*, вместо письм.-монг. *-dur*.

⁶ Слово *odu* представляет собой одну из форм глагола «уйти», «отправиться», но слово настолько повреждено, что прочесть его трудно. На конце видно *n*, а после *odu* видны очертания *q*. Синтаксически здесь допустимы любые повелительные, изъявительные и причастные формы.

⁷ За словом *alaya* 'ладонь' видно еще какое-то поврежденное слово, читаемое нами как суффикс возвратного притяжания *-uyun*.

Восстановленный текст

1. *s[ayɪ]n eʃen-e inu* . . .
2. *kürbesü adayirtu tergen dora*
3. *γaru qardagu [a]*
4. *γartu-da samaryun odu[qu?]*
5. *či čay-a minu alaya-uyun* . . .

Перевод

1. [прекрасного] владельца
2. когда ты достигнешь, под тесовой телегой
3. зачем огорчаться? К имеющему
4. руки в смятении отправишься
5. ты, дитя мое. Свои ладони. . .

Фрагмент XXIII

(Размеры: 85 × 95 мм)

Лицевая сторона XXIIIa

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7	8
ᠶᠣᠷᠴᠢᠰᠤ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ
ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ
ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ
ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ
ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ
ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ
ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ	ᠡᠭᠡᠯᠪᠦᠷ

Транскрипция

1. *yorčisu*¹ *eke elbür eke minu-a*²
2. *ölenggün*³ *ebes-ün ölengjire*⁴ *kürbe*
3. *öner sadun*⁵ *egü egüsür-e*⁶ . . . *rbe*⁷
4. *örüg*⁸ *nuntur-turiyan*⁹ *egüssü*¹⁰
5. *u*¹¹ *eke elbür eke minu*
6. *a kürbe*¹²
7. *i* *da*¹³ *uylar-a-dur*¹⁴ *kü*¹⁵
8. *saγuqi*¹⁶ *i γaγar-tur*¹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *yorčisu* может быть прочтено и как *ḡorčisu*. Это—форма обращения к 1-му л. ед. ч. на *-su* (письм.-монг. *-suγai*) от *yorči-* 'ходить', 'шествовать', 'странствовать' = письм.-монг. *ḡorči-* id. В языке квадратной письменности это слово всегда дается в форме *yorči-*, а не *ḡorči-*, вследствие чего мы здесь предпочитаем чтение *yorčisu*, как более соответствующее данным языка XIII—XIV ст.

² Местоимение 1-го л. ед. ч. в форме генитива с частицей обращения.

³ Слово *öleγγün* — форма генитива от *öleγγ* = письм.-монг. *öläγγ* 'мягкая трава', 'мурава', калм. *öly* 'сочная трава', 'лужайка'. Относится оно к *ebes-ün* 'трава'. Слово *ebes-ün* = письм.-монг. *ebesün* здесь написано раздельно.

⁴ Слово *öleγγjire* представляет собою форму конечного деепричастия на *-ra (-re)* от глагола *öleγγji-*. Последний образован при помощи известного суффикса *-ji-* от *öleγγ* 'мягкая трава', 'мурава'. Глаголы на *-ji-* представляют собою так наз. глаголы усвоения, т. е. выражают приобретение выраженного основой или становление им, напр., письм.-монг. *bayajji-* 'разбогатеть' от *bayan* 'богатый'. Следовательно, *öleγγji-* имеет значение «стать *öleγγ*», т. е. «вырастать» (о траве). Мы переводим поэтому глагол *öleγγji-* вольно как 'сочнеть'.

Обращает на себя внимание сохранение формой конечного деепричастия первоначального значения *dativi* отглагольного имени: достигла сочности, достигла того, что стала сочной.

⁵ Слова *öner* и *sadun* в языке монгольской письменности встречаются: *öner* (там всегда *önür*) 'многосемейный', *sadun* 'друг', 'близкий человек'. Мы рассматриваем *öner sadun* как парное слово, как бином и переводим 'близкие друзья'.

⁶ Слово *egüsüre* написано дважды: начав его писать и написав *egü*, писавший оставил его в недописанном виде, так как оно расплылось, и написал его вторично в более совершенном виде. Начальный *e* передается двумя зубцами, как *a* в более поздней монгольской письменности. Слово это представляет собой форму конечного деепричастия на *-ra (-re)* от *egüs-* (см. дальше прим. 10).

⁷ Остаток слова *kürbe* 'достиг', восстанавливаемого с легкостью.

⁸ Слово *örüg* в языке монгольской письменности не засвидетельствовано. Из контекста видно, что это определение к *nuntuy-turiyan* 'на свою родину'. В уйгурском языке имеется *örüg* в значении 'светлый', 'приветливый', которое этимологически, вероятно, связано с письм.-монг. *örün* 'утро'.

⁹ Слово *nuntuy-turiyan* — форма *dativi-locativi* с возвратным притяжением, написанным слитно с суффиксом падежа (т. е. вместо) от *nuntuy* 'кочевье', 'родина'. Слово *nuntuy* представляет собой интерес, поскольку в языке письменности и в большинстве современных языков ему соответствует форма без *n* в середине, т. е. письм.-монг. *nutuy*, халх. *nu' t' ü k*, бурятск.-аларск. *n'utäk* 'кочевье', 'родина'. С *n* оно засвидетельствовано в Юань-чао би-ши (ср. там *nuntuy*), в могольском (ср. там *nuntuy*) и в монгорском (ср. там *nontoa*). Стало быть, здесь тоже засвидетельствована древняя форма этого слова.

¹⁰ Слово *egüssü* представляет собой форму обращения 1-го л. ед. ч. на *-su (-sü)* от *egüs-*. Основа глагола *egüs-* известна в письменно-монгольском языке со значением 'возникать'. Однако в нашем памятнике она употребляется в совершенно ином значении. Приводим соответствующие места:

XXIIa 2—3. *egüs degde čay-a minü* 'отправляйся, взлети, дитя мое!';

XXIIa 3. *öner sadun egüsür-e kürbe* 'близкие друзья стали отпра- вляться';

XXIIa 4. *örüg nuntuy-turiyan egüssü* 'да отправлюсь я на свою при- ветливую родину!';

XXa 6. *aɣulɟaldy-a kemen egüsbe* 'говоря «встретимся!», отправился'.

Как видно, значение «возникать» не согласуется с общим смыслом всех приведенных отрывков, ибо во всех этих отрывках речь идет об отправле- нии, об уходе друзей, сына и т. д. В Юань-чао би-ши встречается глагол *e'üskü* со значением «отправляться».¹

Слово это прочтено правильно: что это *egüs-*, а не *negüs* (такого глагола, впрочем, и нет), видно хотя бы из того, что *egüs-* в отрывке XXIIa аллите- рирует с *emgeg*; ср. там: *emgeg jobalang-dur bu[u] dabariɟda egüs degde ɟaɣ-a minu*.

¹¹ Конец какого-то сильно поврежденного слова.

¹² Вся строка сильно повреждена. Сохранилось лишь *kürbe* с предше- ствующим *a*, видимо конечного деепричастия на *-ra* какого-то глагола.

¹³ Разобрать можно с трудом *i...da...*, что восстановить невозможно.

¹⁴ Слово сильно повреждено. Видно только *...uɣlay-a-dur*, *dativus-locativus* какого-то имени, вторая половина которого состоит из слогов *uɣlay-a*, типа *baylaya* и т. п. Восстановить его мы не беремся.

¹⁵ Слог *kü* — все, что сохранилось от слова *kürbe* 'достиг'.

¹⁶ Слово *saɣuqui* 'жить' плохо сохранилось и разбирается с трудом.

¹⁷ Перед *ɟaɟar-tur* 'в страну' имеется еще одно слово, которое прочесть невозможно. Оно оканчивается на *i*.

Восстановленный текст

1. *yorčisu eke elbür eke minu-a*
2. *ölenggün ebes-ün ölengjire kürbe*
3. *öner sadun egüsür-e [kü]rbe*
4. *örüg nuntuy-turiyan egüssü*
5. *.....u eke elbür eke minu*
6. *.....[r]-a kürbe*
7. *i... da... uɣlaya-dur kü[rbe]*
8. *saɣuqui... i... ɟaɟar-tur*

Перевод

1. Отправлюсь! Мать, о милая моя матушка!
2. Трава лужайки начала соцветь,
3. близкие друзья стали отправляться.
4. На свою приветливую родину я отправлюсь!
5. мать, милая матушка моя!
6. достиг того, чтобы
7. [достиг]
8. жить в землю ,

¹ Ср.: Haenisch, Wörterbuch, стр. 47.

Оборотная сторона XXIIIб

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7	8
ᠶᠣᠷᠴᠢᠰᠤ	ᠡᠭᠡ	ᠮᠢᠨᠤ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ
ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ
ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ
ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ
ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ
ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ
ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ	ᠡᠭᠡ

Транскрипция

1. *yorčisu eke elbür*
2. *eke minu . eke elbür eke¹*
3. *gariyu dayu dayular-a²*
4. *. n³ činu üsüken⁴*
5. *bolyasu kemele⁵ ada bu⁶*
6. *a⁷ buu dabariyda ajir-a⁸*
7. *čay-a minu ebčigün-ü činu*
8. *üsüken egüdmel⁹ alta bolyasu*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Строка обрывается. По аналогии с другими местами восстанавливаем дальше *eke inu* 'его мать'.

² Эта строка тоже обрывается. Восстанавливается легко как *dayular-a kürbe* 'достигла того, чтобы спеть', 'приступила к пению'.

³ Начало повреждено. Видно только *n*, относящееся к концу слова. На том основании, что в дальнейшем мать поет о том, что сделает волосы такой-то части тела своего ребенка золотом, здесь следует предполагать название какой-то части тела.

⁴ После слова *üsüken* 'волосики' было еще слово, но это место повреждено. Как видно из строк 7—8: *ebčigün-ü činu üsüken egüdmel alta bolyasu*

‘волосики твоей груди сделаю отделанным золотом’, строки 4—5. . . *n činu üsüken*. . . *bolçasu* ‘волосики твоей. . . сделаю. . .’ восстанавливаются приблизительно так: «волосики твоей та кой - то части тела сделаю та ки и - то золотом».

⁵ См. прим. 1 к XXIIa.

⁶ О слове *ada* см. прим. 9 к XXIIa. За *ada* следует еще какое-то слово, начинающееся на слог *bu*, но оно повреждено. Очевидно, это тоже название какого-нибудь злого духа или демона, вроде бурятск. *bōxōldō* или халх. *buq* ‘демон’.

⁷ Окончание предыдущего слова *bu*. . . *a*. По форме это *dativus-locativus* на *-a* и относится к *biu dabariγda* ‘не подвергайся!’.

⁸ Слово *aγir-a* мы рассматриваем как повелительную форму 2-го л. ед. ч. от *aγira*. Аналогию этого места представляет собою XXIIa 1—3: *emgeg jobalang-dur bu[u] dabariγda egūs degde čaγ-a minu* ‘не подвергайся увечьям и страданиям! Отправляйся, взлети, дитя мое!’. Здесь же мы имеем *ada bu*. . . *a biu dabariγda aγir-a*. . . *čaγ-a minu* ‘не будь одержим злым духом и. . . дитя мое!’. Ясно видно, что после «не будь одержим злым духом» должна следовать повелительная форма какого-то глагола. Последнее слово, находящееся после *aγir-a*, мы восстанавливаем как *degde* ‘взлети!’. Что же касается *aγir-a*, то эта основа в письменном языке известна в значении «шествовать», но в древнем языке имеет значение также «взлететь».

⁹ Слово *egüdmel* — *nomen descriptionis* от *egüd-* ‘соорудить’, ‘построить’, ‘воздвигнуть’, ‘сделать’, ‘создать’. Переводится как ‘созданный’, ‘сделанный’. Мы его переводим как ‘отделанный’.

Восстановленный текст

1. *yorčisu eke elbür*
2. *eke minu. eke elbür eke [inu]*
3. *qariγu daγu daγular-a [kürbe]*
4. *u činu üsüken* *[alta]*
5. *bolçasu kemele ada bu*
6. *-a biu dabariγda aγir-a [degde]*
7. *čaγ-a minu ebčigün-ü činu*
8. *üsüken egüdmel alta bolçasu*

Перевод

1. «Отправляюсь, мать, милая
2. матушка моя!» Мать, милая матушка [его]
3. к пению ответной песни [приступила].
4. «Волосики твоей. . . я. . . [золотом]
5. сделаю!», сказала она. «Злым духом и. . .
6. не будь одержим! Шествуй, [взлети]
7. дитя мое! Твоей груди
8. волосики отделанным золотом сделаю!»

(Размеры: 85 × 100 мм)

- 8 አክሱስ ሕዝብን ለማግኘት
- 7 ምን ዓይነት ስራዎች ምርጥ ናቸው ?
- 6 ምርጥ ስራዎች ለማግኘት ስራዎች
- 5 ስራዎች ለማግኘት ስራዎች ስራዎች
- 4 ስራዎች ለማግኘት ስራዎች ስራዎች
- 3 ስራዎች ለማግኘት ስራዎች ስራዎች
- 2 ስራዎች ለማግኘት ስራዎች ስራዎች
- 1 ስራዎች ለማግኘት ስራዎች ስራዎች

1. . . . *aılun*¹ *tedüi teñıyesüge*². . . .
2. . . . *rurın*³ *tedüi altağa*⁴
3.⁵
4. *gdeküi*⁶ *çay-turiyan*⁷ eke elbür
5. eke-dürıyen⁸ teyin kemen dayulaǵuru⁹
6. ayula-yın ebese-ün¹⁰ alançılar-a¹¹ kürbe
7. aqa degü ecire¹² kürbe aquy-a¹³
8. sayruqu nuntuy-turiyan¹⁴ ajirasu¹⁵

¹ Обе первые строки сильно повреждены, и сохранившиеся слова читаются с большим трудом. Первое слово представляет собой по форме genitivus с суффиксом *-un*, написанным слитно с основой. Форма genitivi управляется словом *tedüi* 'величиною с'. Управляемое им слово неясно. Оно может быть прочтено как *ailun* или *anilun*. В первом случае это genitivus от *ail*, но против такого чтения говорит то обстоятельство, что слово *ayil* 'юрта', 'группа юрт', 'сосед' пишется не , но , т. е. *ayil*. Если допустить чтение *anilun*, то необходимо указать, что такого слова нет и что в таком случае это лишь часть какого-нибудь слова, полностью не сохранившегося. Таким словом может быть только *tanil* 'знакомый', но при таком чтении возникает новая трудность: дело в том, что «величиной с»

очень плохо вяжется с «знакомого». Ключ к решению вопроса могло бы дать первое слово второй строки, но оно, к сожалению, тоже сохранилось очень плохо.

² Слово это сохранилось неполностью, ясно разбираются лишь знаки для *ejiy... süge*. Тем не менее это слово легко восстанавливается как *tejiyesügei* — 1-е л. ед. ч. формы обращения от глагола «питать» и может быть переведено как «да вскормлю я!»

³ Первое слово второй строки могло бы помочь правильному пониманию первой строки, но оно читается неясно. Ясно сохранились лишь слоги *ruyun*. По форме это — тоже *genitivus* и управляется это слово тоже словом *tedüi*. Восстанавливая это слово, следует исходить из того, что вторую половину его образует слог *ruy*. Таким словом может быть либо *uruу* «родня», либо *aruу* «корзина». Разница, как видно, получается существенная. Вместе с тем разница в значении играет решающую роль для понимания первой строки. Если это *uruуun tedüi* «с родню», то в первой строке удачной параллелью было бы *tanilun tedüi* «со знакомство». Если здесь читать *aruуun tedüi* «с корзину», то в первой строке подошло бы *ailun tedüi* «с юрту», «с айл». Исходя из законов аллитерации, последний вариант, т. е. «с айл» и «с корзину», следовало бы предпочесть.

⁴ Это слово тоже сильно повреждено, и сохранилась лишь первая часть его, которую можно прочесть как *altaqa*. Последнее можно восстановить как *altaqa[n]* «золотце», «золотой», хотя, исходя из характера синтаксической конструкции, мы ожидали бы здесь формы обращения 1-го л. ед. ч. какого-нибудь глагола, но глагол с основой *altaqa-* или *aldaqa-* нам неизвестен.

⁵ Третья строка не сохранилась. Виден посредине лишь знак препинания *dörbeljin čeg*, соответствующий точке европейской пунктуации. По контексту, если предыдущее слово читать *altaqan*, следует ожидать перед знаком *dörbeljin čeg* глагол *bolуа-* «сделать» в форме обращения к первому лицу, т. е. *bolуасu* «сделаю». После упомянутого знака препинания видны еще очертания двух слов, но их прочесть невозможно.

⁶ Начало строки повреждено. Прочесть можно только *gdeküi*, что представляет собой форму причастия настоящего и будущего времени с суффиксом *-küi* от глагола, вторая половина которого состоит из слога *gde*. Синтаксически это ... *gdeküi* является определением к *čay-turiyan* «в свое время». Мы восстанавливаем его как *degdeküi* от глагола *degde-* «подниматься», «взлетать». Следовательно *[de]gdeküi čay-turiyan* переводится как «во время своего подъема» или «во время своего взлета».

⁷ Обращает на себя внимание слитное написание суффиксов *dativi-locativi* и возвратного притяжания.

⁸ То же самое наблюдается и здесь. Кроме того, следует указать на передачу *d* знаком *ᠳ* вместо *ᠲ*.

⁹ Форма *dayulaᠵuуи* «пропел», «спел», — прошедшее время от *dayula-* «петь». В языке монгольской письменности суффиксу *-ᠵuуи* соответствует *-ᠵuқи*, и только от глагола *a-* эта форма образуется при помощи суффикса *-ᠵuуи*.

Эта интересная форма на *-jüü* (*-jügü*) в нашей рукописи засвидетельствована дважды: *dayulajüü* 'спел' и *ketejügü* 'сказал'.

¹⁰ Слово *ebes-ün* 'трава' здесь опять дается в раздельном написании.

¹¹ Слово *alančilar-a* представляет собой форму конечного деепричастия на *-ra*. Здесь эта форма выступает в своем первоначальном значении *dativi-locativi* отглагольного имени. Глагольная основа *alančila-* нашим словарям не известна, но значение ее довольно ясно из контекста: *aγula-yin ebes-ün alančilar-a kürbe* 'горная трава достигла того, чтобы...': очевидно, этот глагол передает понятие, связанное с ростом трав или, наоборот, с увяданием. Выше в XXIIIa 2 мы имели следующую параллель: *ölenggün ebes-ün öleŋgjiir-e kürbe* 'трава, лужайка достигла сочности'. Если от *öleng* 'мурава', 'лужайка' образовано *ölengji-* 'сочнеть', то *alančila-*, вероятно, означает тоже «стать чем-нибудь». Действительно, нам известны отыменные глаголы, образованные при помощи суффикса *-čila-*, напр., *emčile-* 'врачевать' от *em* 'лекарство', *tegünčile-* 'делать так' от *tegün-* (основа местоимения 'тот'), *yosučila-* 'поступать сообразно закону' от *yosu* 'закон' и т. д. Следовательно, *alančila-* представляет собою образование от *alan*. Такого имени в монгольском языке мы не встречаем, но зато слово *alan* существует в тюркских языках, напр., в казанско-татарском, османском, в значении 'поляна', 'открытое место в лесу'. Таким образом *alančila-* оказывается по значению близким к *ölengji-* и, вероятно, значит «становиться поляной».

¹² Слово это тоже является формой конечного деепричастия на *-ra* (*-re*). Основа *eči-* известна в южномонгольских наречиях и имеет значение «уходить», «отправляться».

¹³ Форма *dativi* на *-a* от *aqui* — *nomen futuri* от *a-* 'быть'. Переводится 'чтобы быть'.

¹⁴ Слово *nuntuy* уже объяснено в примечании 9 к XXIIIa.

¹⁵ Слово *aǰirasu* — форма обращения 1-го л. ед. ч, к *aǰira-* 'итти', 'шествовать'.

Восстановленный текст

1. *ailun* (?) *tedüi teǰiyesüge*[i]
2. *aruryn* (?) *tedüi altaqa*[n] (?)
3. [*bolγasu*] (?)
4. [*de*] *gdeküi čay-turiyan eke elbür*
5. *eke-düriyen teγin kemen dayulaǰuryu*
6. *aγula-yin ebes-ün alančilar-a kürbe*
7. *aga degü ečire kürbe aquy-a*
8. *saγuqu nuntuy-turiyan aǰirasu*

Перевод

1. «С аил (?) напитаю,
2. с корзину (?) золотым (?)
3. [сделаю] (?)».
4. Во время своего взлета матери, милой
5. своей матушке так пропел.

6. «Горные травы начинают становиться поляной,
7. братья начинают отпрапляться. Чтобы жить,
8. на родину свою, где живу, пойду!».

ОПЫТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТЕКСТА

Выше нами были разобраны отдельные фрагменты монгольского текста и, насколько это возможно, восстановлены некоторые поврежденные строки их. Теперь перед нами возникает вторая задача — установить последовательность листов рукописи, как целых, так и фрагментов, и попытаться восстановить текст. Но в отношении последнего необходима оговорка, что, в виду большой фрагментарности рукописи, о восстановлении полного текста не может быть и речи. Дело в том, что более или менее полностью сохранившихся листов мы имеем только три, а от остальных сохранилась лишь часть. И так как на некоторых из числа последних можно разобрать вообще только одну строку, а на других по 3—4 строки, браться за полное восстановление текста невозможно и единственное, что можно, это попытаться установить последовательность монгольской части фрагментов.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о размерах отдельных фрагментов монгольской части рукописи.

Всего мы имеем 6 фрагментов. Из них XIX, размером 90×85 мм, содержит цельных и поврежденных в разной степени 6 строк на лицевой стороне и 5 на оборотной. XX фрагмент, размером 85×155 мм, представляет собою фрагмент двух сшитых между собою листков, из которых левый, т. е. XXа, содержит 6 строк на лицевой стороне, и из них читается только одна, а на оборотной стороне (т. е. XXг) имеется 8 строк. Правый листок содержит на лицевой стороне (т. е. XXб) 4 строки, а на оборотной (XXв) 8. XXI фрагмент, размером 85×85 мм, содержит на лицевой стороне 5 строк и на оборотной стороне 6 строк. XXII фрагмент, размером 85×95 мм, содержит на лицевой стороне 7 строк, а на оборотной 5. XXIII фрагмент тех же размеров и содержит на лицевой стороне 8 строк и на оборотной тоже 8 строк. XXIV фрагмент, размером 85×100 мм, содержит на одной только стороне монгольский текст, всего 8 строк. Из перечисленных фрагментов особую ценность представляют собою фрагменты XXII, XXIII и XXIV, ибо в отличие от остальных они обнаруживают как с левой, так и с правой стороны прямолинейный обрез. Следовательно, это не обрывки листков, как остальные, но цельные листы. Их размеры: 85×95 мм, 85×95 мм и 85×100 мм. Отсюда можно сделать вывод, что первоначальный формат рукописи был 85×95 (или 100) мм, где 85 мм по вертикали и 95 (100) мм по горизонтали. Кроме того, следует указать, что на XXIII и XXIV листах и на лицевой, и на оборотной стороне (на последнем только на лицевой) имеется по 8 строк, а на XXII сохранилось 7 и 5 строк (остальные повреждены сыростью). Отсюда мы делаем второй вывод, что на каждой странице было в среднем по 8 строк.

Наша рукопись, таким образом, представляла собой сшитую из береговых листов книгу форматом 85×95 (100) мм, и на каждой странице

было по 8 строк. Это не была книга тибетского типа, каковыми являются в большинстве своем монгольские книги более позднего происхождения, состоящие из несшитых листов обычно удлиненной формы (9 × 36 см, 9 × 45 см и т. д.).

После этих заключений перейдем к вопросу о последовательности фрагментов и цельных листов. Но прежде всего необходимо решить вопрос о том, какую из обеих сторон каждого листа следует признать лицевой и какую оборотной, так как, разбирая выше отдельные фрагменты, мы этим вопросом не занимались.

Возьмем для начала фрагмент XXIII. Здесь почти полностью сохранились все 8 строк как лицевой стороны, так и оборотной. Условно лицевой обозначенная сторона действительно является таковой, ибо текст на другой стороне является продолжением текста лицевой стороны.

XXIII фрагмент (вернее лист) восстанавливается таким образом.

Л и ц е в а я с т о р о н а

1. *yorčisu eke elbür eke minu-a*
2. *ölenggün ebes-ün ölengjire kürbe*
3. *öner sadun egüsür-e [kü]rbe*
4. *örüg nuntuy-turiyan egüssü*
5. *u eke elbür eke minu*
6. *[r]-a kürbe*
7. *i da ылаҗа-дур кү[rbe]*
8. *saryuqui i җаҗар-тур*

О б о р о т н а я с т о р о н а

1. *yorčisu eke elbür*
2. *eke minu. eke elbür eke [inu]*
3. *qariyu daɣu daɣular-a [kürbe]*
4. *u činu üsüken [alta]*
5. *bolyasu kemele ada bu*
6. *-a buu dabariɣda aɣir-a [degde]*
7. *čaɣ-a minu ebčigün-ü činu*
8. *üsüken egüdmel alta bolyasu*

XXIV фрагмент мы пока оставляем, ибо монгольский текст имеется лишь на одной стороне, и переходим к XXII фрагменту. Хотя на одной стороне его текст сохранился неполностью, все же нетрудно установить, что условно лицевой признанная сторона действительно является таковой, ибо последнее слово последней строки оборотной стороны не может быть поставлено в синтаксическую связь с первым словом лицевой стороны. Таким образом текст XXII фрагмента восстанавливается в следующем виде.

Лицевая сторона

1. *kemelei emgeg jobalang-dur bu[u]*
2. *dabariyda egüs degde çay-a*
3. *minu tobčiyin činu üs[üke]n*
4. *tong altan bolyasu kemele*
5. *[to]d[qa]r ada-dur buu joly[a]*
6. *çay-a minu [te]ri[gü]n-ü čin[u]*
7. *üsün delekei altan bo[lıyasu]*

Оборотная сторона

1.
2.
3.s[ayı]n ejen-e inu
4. *kürbesü adayirtu tergen dora*
5. *yayı qordaqu [a]*
6. *ıartu-da samayın odu[qu?]*
7. *či çay-a minu alaya-yuyan*

Так как лицевая сторона XXII фрагмента сохранилась полностью и содержит 7 строк, можно полагать, что количество строк на каждой странице колебалось от 7 до 8.

Переходя к XIX фрагменту, нетрудно установить, что лицевой стороной является та, первым слогом первой строки которой является слово *aγsan*, так как проколы для сшивания листов приходятся на левое поле этого фрагмента.

Текст восстанавливается поэтому приблизительно так.

Лицевая сторона

1. *aγsan ejen-e inu qamıju*
2. *quriyaıu abtaqu či çay-a*
3. *[m]inu buraqan ejen[-e inu]*
4.uıu kürbesü bosay[-a dora
5. *unaıu ög] bo[say-a dora*
6. *unaba] uđ*
7.
8.

Оборотная сторона

1.
2.
3.
4.ju ül[e]ju yayı
5. *[ke]btægdekü budangradçu [aγsan]*

6. *ejen-e inu [buju]*
7. *irejü abtaqu či čaγ-a*
8. *minu. erdem-tü sayin itelgü*

На том же основании устанавливается последовательность текста обоих сшитых листов XX фрагмента таким образом:

Лицевая сторона [XXб]

1. *da egerejü kürčü irebesü*
2. *egüden dora yaγu qordaqu*
3. *anda kümün-e*
4. *[odu]qu či ča[γ-a minu]*
5.

Оборотная сторона [XXв]

1.
2. *sayin [ejen-e inu]*
3. *[kür]besü [dora yaγu]*
4. *qordaqu jalayus köbegüd[-tür]*
5. *samarγun oduqu či čaγ-a mi[n]u*
6. *sayin jaγalmai-a ja, u kürčü irebe[sü]*
7. *jebe dora unaγu ög jebe dora unaba*
8. *[ke]mejü jalidču kürčü yaγu kebtegedekün*

Лицевая сторона [XXг]

1. *jayayatu sayin ejen-e inu jarčila-*
2. *ju erijü abtaqu či čaγ-a minu*
3. *altaqan γurγul dai čaγ-a inu eke*
4. *elbür eke-düriyen qariγu daγu daγu-*
5. *[lar-a] kürbe eke elbür eke minu*
6. *gergen*
7. *činu üsüke[n]*
8.

Оборотная сторона [XXа]

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7. *ayulǰalduy[-a] kemejü egüsbe*

К XX фрагменту следует заметить, что стр. XXб, вероятно, содержала только 5 строк, ибо знаки сохранившихся строк значительно крупнее, чем на других страницах.

Переходим к XXI фрагменту. Здесь лицевой стороной является начинающаяся словом *ejen-e*, ибо проколы видны на левом поле этой страницы.

Лицевая сторона

1. *ejen-e simurruju kürbesü*
2. *arqarun dora unažu ög*
3. *arqarun dora unaba [kemežü]*
4. *ariyažu kürcü yaγu keb[tegedkü]*
5. *[ači?]tu sayin ejen[-e inu]*
6.
7.
8.

Оборотная сторона

1.
2.
3.[abta]qu č[i čar-a
4. *min]u qararun ejen[-e inu]*
5. *simurruju kürbesü qa[γalγ]*
6. *a dora unažu ög q[γalγ]*
7. *a dora unaba kemežügü qaražu*
8. *üježü yaγu kebtegedkü qaražu*

Что касается, наконец, XXIV фрагмента, то текст имеется там только на одной стороне, причем последнее предложение оказывается синтаксически вполне законченным. Повидимому, здесь мы имеем конец монгольского текста рукописи.

Таким образом оказывается установленным — которая из сторон каждого листа или фрагмента является лицевой и которая из них оборотной.

Остается решить вопрос о последовательности листов. Сделать это нелегко, так как рукопись не пагинирована, а кроме того, не следует забывать, что имеющиеся в нашем распоряжении листы и фрагменты представляют собой, по всей вероятности, не все, т. е. что некоторые листы не сохранились. Поэтому установить последовательность листков можно лишь приблизительно с учетом того, что между отдельными листами неизбежно останутся лакуны, заполнить которые совершенно невозможно.

Рассматривая текст рукописи со стороны содержания, можно установить, что он представляет собою стихотворный диалог матери с сыном. После того как заканчивает свою песнь мать, ей поет ответную песнь сын. Таков, например, XX фрагмент, содержащий вначале песнь матери (от первой строки XXб до конца второй строки XXг), после чего идет ответная песнь сына (от строки третьей XXг до конца седьмой строки XXа). XIX фрагмент целиком содержит песнь матери, также и XXI и XXII. XXIII фрагмент начинается песней сына (от первой строки лицевой сто-

роны до второй строки оборотной стороны), после чего идет ответная песнь матери (от второй строки оборотной стороны до конца страницы). XXIV фрагмент содержит сначала песнь матери до третьей строки, а затем идет до конца страницы песнь сына. Таким образом получается следующая картина: XIX, XXI, XXII — песнь матери, XX — песнь матери, затем сына, XXIII — песнь сына, затем песнь матери, XXIV — песнь матери, затем сына. Как видно, количество песен матери больше, чем песен сына, а так как наилучшим образом сохранившиеся листы содержат на каждую песнь матери ответную песнь сына, то следует полагать, что некоторое количество песен сына до нас не дошло.

Песни эти построены по обычному монгольскому способу стихосложения, для которого характерным является параллелизм: каждая следующая строфа в отношении своего содержания в значительной степени повторяет предыдущую и отличается от нее лишь частичными отклонениями не столько в самом смысле, сколько в средствах передачи его. Это, конечно, сильно облегчает работу над установлением первоначальной последовательности листов фрагментов. С другой стороны, большую помощь оказывает самый принцип монгольского стихосложения, для которого самой характерной чертой является аллитерация. Если ряд строк одного фрагмента начинается, скажем, слогом *qa* и если первая строка другого какого-нибудь фрагмента начинается этим же слогом и по смыслу оказывается продолжением предыдущего, последовательность листов устанавливается с полной несомненностью.

Исходя из этих соображений, мы установили, что текст фрагмента XIX является продолжением текста фрагмента XXI. Фрагмент XXI, однако, не является абсолютным началом изучаемого произведения, и начало, к сожалению, не сохранилось. Фрагмент XXII оказывается продолжением XXIII фрагмента. XXIV фрагмент является заключительным, но между ним и XXII остается лакуна, которой мы заполнить не можем. Что же касается фрагмента XX, то он относится к середине между XIX и XXIII, но непосредственно не увязывается ни с тем, ни с другим.

Результатом этих текстологических изысканий является следующий опыт полного восстановления текста.

При этом мы постараемся произвести восстановление лакун, оставшихся между отдельными фрагментами рукописи. Последние мы заключаем в [[]].

Издавая получившийся после такого вторичного восстановления текст, мы не будем придерживаться деления на строчки оригинала, но произведем свое деление на строчки, исходя из законов аллитерации, имея в виду представить стихотворный текст в надлежащем виде.

Монгольский текст

Начало отсутствует.

XXIa. *[[ačitu]] ejen-e simurruju kürbesü*
arqarun dora unaŋu ög!
arqarun dora unaba [kemejü]

ariyaŋu kürçü yaŋu keb[tegedkü.
ači(?)tu sayin ejen[-e inu]
[[..... ŋu..... ŋu abtaqu çi çay-a minu!]]

XXI6.

.....[[kümün-e]] [abta]qu çi çay-a min]u!
qarayun ejen[-e inu] simurŋu kürbesü
qa[çaly]a dora unaŋu ög!
q[çaly]a dora unaba kemeŋügü
qaraŋu üjeŋü yaŋu kebtegedkü?
qaraŋu XIX a aysan ejen-e inu
qamuŋu quriyaŋu abtaqu çi çay-a [m]inu!
buraqan ejen[-e inu] [[simurŋu]]uŋu kürbesü
bosay[-a dora unoŋu ög!]
bo[say-a dora unaba] [[kemeŋü
bu.... ŋu]] ud[[çu yaŋu kebtegedkü?
buraqan ejen-e inu.....
bu.... ŋu.... ŋu abtaqu çi çay-a minu!]]

XIX6. [[bu....]] ŋu ül[e]ŋü yaŋu [ke]btegedkü?
budangyadçu [aysan] ejen-e inu
[bu.... ŋu] ireŋü abtaqu çi çay-a minu!
erdem-tü sayin itelgü!

Пропуск не менее одного листа.

XX6.da
egereŋü kürçü irebesü
egüden dora yaŋu qordaqu?
.....anda kümün-e [odu]qu çi çay[-a minu]
.....

XXв. [[ja.....]] sayin [ejen-e inu]
[[ja..... ŋu]] [kür]besü
[[ja.....]] [dora yaŋu] qordaqu?
jalayus köbegüd[-tür] samarŋun oduqu çi çay-a mi[n]u!
[[ja...]] sayin jaŋalmai-a!
jaŋu kürçü irebe[sü]
jebe dora unaŋu ög!
jebe dora unaba [ke]meŋü
jalidçu kürçü yaŋu kebtegedkün?

XXг. jayaŋatu sayin ejen-e inu
jarçılaŋu eriŋü abtaqu çi çay-a minu!
altaqan ɣurɣuldai çay-a inu
eke elbür eke-düriyen
qariŋu daŋu daŋu[lar-a] kürbe

eke elbür eke minu
 gergen
 činu

XXa.

aγulǰalduy[-a] kemeǰü egüsbe

Пропуск, вероятно, одного листа.

XXIIIa. *yorčisu!*
eke elbür eke minu-a!
ölenggün ebesün ölengjire kürbe.
öner sadun egüsür-e [kü]rbe.
örüg nuntuy-turiyan egüssü!
 u
eke elbür eke minu
[.....r]-a kürbe
 i. da. uγlaya-dur kü[rbe]
sayuquï [[aγu]]i γaǰar-tur XXIIIb yorčisu!
eke elbür eke minu!
eke elbür eke [inu]
qariγu dayu dayular-a [kürbe]
 u činu üsüken
 [alta] bolyasu! kemele.
ada bu -a buu dabariγda!
aǰira [degde] čay-a minu!
ebčigün-ü činu üsüken
egüdmel alta bolyasu XXIIa kemelei.
emgeg jobalang-dur bu[u] dabariγda!
egüs degde čay-a minu!
tobčiyin činu üs[üke]n
tong altan bolyasu! kemele.
[to]d[qa]r ada-dur buu jolγ[a] čay-a minu!
[te]ri[gü]n-ü čin[u] üsün
delekei altan bolyasu! [[kemele]]

XXIIb.
[[ačitu]] s[ayı]n eǰen-e inu
[[ayıñu?]] kürbesü
adayırtu tergen dora yayı qordaqu?
a. γartu-da samarγun odu[qu] čı čay-a minu!
alaya-yuyan.

Пропуск одного листа.

XXIV. *ailun (?) tedüi tejiyesüge[i]*
aruyun (?) tedüi altaqan [bolyasu!]
[de]gdeküi çay-turiyan
eke elbür eke-düriyen
teyin kemen dayulaşuru.
ayula-yin ebes-ün alançılar-a kürbe.
aga degü eçire kürbe.
aquy-a sayuqu nuntuy-turiyan ajirasu!

Перевод

Начало отсутствует.

XXIa. «Когда ты с решимостью достигнешь [[благодетельного]]
владельителя,

пади под перекладиной!

Зачем огорчаться

на том основании, что упал под перекладиной?

[К благодетельному] прекрасному владельцу

. будешь ты взято, дитя мое!»

.

XXIб.

[[«Человеком»]] [взято] ты [будешь, дитя] мое!

Когда ты с решимостью достигнешь заботливого владельца,

пади под [воротами]!

Зачем глядеть и смотреть,

оттого, что упал

под [воротами]?»

XIXa. «Смотревшим владельцем

будешь ты забрано и взято, дитя мое!

Когда ты достигнешь [[с решимостью]] божественного

владельца,

[пади под] порогом!

[[Зачем и

на том основании что]] [упал под порогом]?]

[[К божественному владельцу

будешь ты и взято, дитя мое!]]»

XIXб. Зачем оставаться и ?

Приходя и к омраченному владельцу, будешь

ты взято, дитя мое!

О достойный и прекрасный кречет!»

Пропуск не менее одного листа.

XXб. «Когда ты в надежде прибудешь к ,
зачем огорчаться под дверью?
К заклЯтому человеку [отправишься] ты [дитя мое]!»

.
.

XXв. [«Когда ты достигнешь]
[.] и прекрасного [владельца],
[зачем] огорчаться [под]?»
К рабам отправишься ты в расстройстве, дитя мое!
О, и прекрасный ястреб!
Когда ты достигнешь вплотную,
пади под острием!
Зачем лукавствовать
на том основании, что упал под острием?»

XXг. «На службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя мое,
судьбою данным прекрасным владельцем!»
Золотой соловушко, дитя ее,
приступил к пению ответной песни
матери своей, милой матушке.
«Мать, милая матушка моя!

. жена
. твой

XXа.
.
.
.
сказал: «Встретимся!» и отправился.

Пропуск, вероятно, одного листа.

XXIIIа. «Отправляюсь!
О мать моя, милая матушка!
Трава лужайки стала сочнее,
близкие друзья стали отправляться.
Да отправлюсь я на свою приветливую родину!
.
Мать моя, милая матушка!
. стали
достиг
Отправляюсь в страну, где буду жить!

XXIIIб. Мать моя, милая матушка!»
Мать [его], милая матушка
[Приступила] к пению ответной песни:
«Волосики твоей

сделаю [. золотыми]» сказала она.

«Не подвергайся нападению со стороны злого духа и. . . !

Шествуй [взлети], дитя мое!

Волосики твоей груди

Я сделаю отделанным золотом!» сказала она.

XXIIa. «Увечьям и страданиям не подвергайся!

Отправляйся, взлети, дитя мое!

Волосики твоей груди

сделаю сплошь золотыми!», сказала она.

«С [напастями] и злыми духами не встречайся, дитя мое!

Волосы на твоей [голове я сделаю] рассыпным золотом!»,
сказала она.

XXIIb.

«Когда ты [[в страхе]] достигнешь

[[благодетельного]] и [прекрасного] властителя,

зачем огорчаться под тесовой телегой?

К имеющему руки отправишься ты в смятении,
дитя мое!

Свои ладони»

Пропуск одного листа.

XXIV. «Буду питать с аил (?)!

Сделаю и золотым с корзину (?)!»

Во время своего взлета

матери своей, милой матушке

так спел он:

«Горные травы начинают становиться лужайкой,

братья начинают отправляться.

Отправляюсь я на свою родину, где проживаю, чтобы быть
там!»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Рукопись представляет большой интерес с различных точек зрения: с палеографической, лингвистической, историко-литературной и культурно-исторической, так как она является одним из весьма немногочисленных дошедших до нас памятников монгольской письменности древнейшего периода ее развития.

Прежде всего остановимся на вопросе о датировке рукописи. Рукопись эта никаких дат не содержит, тем не менее датировать ее можно, как сказано выше, довольно точно, так как XI фрагмент рукописи, один из фрагментов текста на уйгурском языке, содержит несколько ясно сохранившихся знаков монгольского квадратного письма, которые мы здесь, за отсутствием квадратного шрифта, воспроизвести не можем, но которые мы

можем передать соответствующими знаками латинской транскрипции как *ral-baq-ši-č'a*.

Мы не можем определить языка, которому принадлежат слова, остатками коих являются эти слоги, ибо, как известно, квадратным алфавитом писали не только по-монгольски, но и по-китайски, по-тибетски, на санскрите и даже на тюркских языках. Единственное полностью сохранившееся слово *baqši* 'учитель' одинаково распространено как в монгольском, так и в уйгурском языке. Но вопрос о языке, которому принадлежат обрывки слов, написанные знаками квадратного письма, для нас здесь менее существен. Гораздо большее значение для нас имеют эти знаки в том отношении, что позволяют датировать рукопись и притом довольно точно. Квадратное письмо было введено указом императора Хубилая от 1269 г., а самый новый памятник этой письменности на монгольском языке — неизданная надпись — относится к 1351 г., после каковой даты мы каких-либо монгольских памятников не имеем. Известны, однако, документы на китайском языке, датируемые значительно позже, и в частности имеются китайские ассигнации, напечатанные знаками квадратного письма, относящиеся к пятидесятым годам XIV ст. Во всяком случае можно считать установленным, что квадратное письмо было в употреблении, хотя распространялось слабо, в течение всего юаньского периода, т. е. до 1368 г.

Следовательно, рукопись относится к промежутку времени между 1269 и 1368 гг. При этом можно с некоторой уверенностью утверждать, что скорее всего рукопись относится не к началу этого периода, но к первой четверти XIV ст., ибо нам известно, что распространение квадратной письменности шло очень медленно и, несмотря на повторные императорские эдикты, она прививалась слабо и долгое время оставалась достоянием только некоторых учреждений. Таким образом рукопись эту следует относить к началу XIV ст. Это первое, что можно сказать о нашей рукописи.

От этого периода сохранилось очень немного памятников, вследствие чего мы об этом периоде истории монгольской письменности располагаем весьма скудными сведениями. В сущности говоря, эти сведения в основном исчерпываются данными некоторых камценисных памятников и ряда документов, перечисление которых мы считаем здесь излишним, так как оно дано в труде Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия».¹ К приводимому там списку древнейших памятников монгольской письменности теперь можно прибавить и эту рукопись. Но этого мало, так как обнаружение одного лишнего памятника, притом столь фрагментарного, как наш, не может существенным образом обогатить наши знания монгольского языка того периода. Значение рукописи, конечно, не в том, что открытие ее увеличивает список древних памятников на одну единицу, но в другом. Прежде всего, это пока единственная монгольско-уйгурская

¹ Лгр., 1929, стр. 34 и сл.

рукопись, притом содержащая глоссы на квадратном письме. Что это монгольско-уйгурская рукопись, а не фрагменты двух рукописей — одной монгольской, а другой уйгурской, — можно заключить по размерам фрагментов, величине букв и по сходству почерка. В конце концов даже неважно, принадлежат ли эти фрагменты одной рукописи. Гораздо существеннее то, что отдельные листки ее были написаны одним лицом и что все фрагменты были найдены в одном погребении при чернильнице и пере. Этот памятник монгольской письменности является одной из тех находок, которые обнаружены наиболее далеко на западе.

Рукопись была обнаружена в Нижнем Поволжье, на б. территории Золотой Орды, и дальше на запад была найдена пока лишь одна пайдза в б.Екатеринославской губ. на Днепре. Говоря о находке этой пайдзы, следует, однако, заметить, что находка ее и этой рукописи факты совершенно не равноценные. Дело в том, что пайдзы представляют своего рода мандаты или пропуски, которые давались гонцам. В силу этого они завозились в весьма далеко от тогдашних центров монгольской империи расположенные местности и попадали в области с немонгольским населением. Поэтому факт нахождения пайдзы в той или другой местности не является свидетельством того, что в такой-то местности в XIII—XIV ст. проживали монголы. Иное дело рукопись. Рукописи типа нашей, содержащие не что иное, как стихи, могли иметь распространение только среди людей, знавших монгольский язык. Следовательно, эта находка является свидетельством того, что на территории Золотой Орды в начале XIV ст. встречались люди, владевшие монгольской письменностью и притом пользовавшиеся монгольским письменным языком не только в канцелярской переписке, но и в быту. Свидетельством этого является факт находки этой рукописной книги стихов: если она и не была написана на месте, то во всяком случае она там кем-то читалась. Что рукопись, однако, была написана на месте, все же вполне возможно, так как она была найдена при чернильнице и пере. А то обстоятельство, что писчим материалом послужила береста, может рассматриваться как свидетельство того, что рукопись эта представляла собой собственность не состоятельного лица, не какого-нибудь военачальника или чиновника, но человека небогатого и принадлежавшего, вероятно, к угнетенному классу. Скорее всего это был писец. Этим, вероятно, и объясняется двуязычность рукописи, а знание двух языков — монгольского и уйгурского — и трех письменностей — монгольской, квадратной и уйгурской — трудно предполагать у простого воина, и, наоборот, владение ими со стороны писца вполне естественно. Можно предполагать, что рукопись была положена в погребение как образчик письма умершего при его орудиях производства. У кыпчаков такие писцы назывались *baqšī*, и засвидетельствованное в рукописи в написании знаками квадратного письма слово *baqšī* как раз могло относиться к этому писцу. Таким образом рукопись эта является весьма ценным свидетельством того, что монгольской письмен-

ностью среди монгольских элементов Золотой Орды продолжали пользоваться еще в начале XIV ст., что, следовательно, монголы, вообще слабо переходившие в Золотой Орде на оседлость, продолжали еще, вопреки утверждению ал-Омари, сохранять свой язык во всяком случае в первой четверти XIV ст.¹ Рукопись является вместе с тем одним из немногих свидетельств использования монголами бересты в качестве писчего материала.² Можно полагать, что береста служила довольно широко распространенным суррогатом бумаги, и это, между прочим, объясняет нам, почему сохранилось так мало памятников письменности того времени, ибо береста гораздо менее устойчива по отношению к атмосферическим влияниям, чем бумага.

Далее, как уже сказано выше, это—пока первая двуязычная монгольско-уйгурская рукопись. Эта двуязычность ее свидетельствует о том, что в улусе Джочи, а может быть и в других областях монгольской империи, попадались монголы, владевшие не только монгольским, но и уйгурским языком, читавшие на этих обоих языках. Сделанное нами допущение возможности двуязычности некоторой части монголов не только на территории улуса Джочи, но и в других областях имеет кое-какие соображения в свою пользу. Дело в том, что рукопись эта содержит, как уже сказано, глоссы на квадратном алфавите. Квадратная письменность была, однако, распространена в основном на территории самого Китая, ибо там было обнаружено подавляющее большинство камнеписных памятников. Широкого распространения эта письменность не получила, и ею пользовались, главным образом, видимо, только в восточных областях Юаньской империи. Даже пайдзы с надписями на квадратном алфавите были найдены исключительно на востоке — одна в Забайкалье, другая в бывшем Мариинском округе Томской губернии, третья в Минусинском округе и последняя в Бэйпине, между тем как на западе были найдены только пайдзы с надписями на уйгурском алфавите. Единственной находкой монгольской книги квадратного письма в западных областях империи является фрагмент, опубликованный Г. И. Рамstedтом, привезенный откуда-то из Восточного Туркестана, следовательно, происходящий все же из местностей, лежащих значительно дальше на восток, чем Поволжье. Поэтому можно допустить, что рукопись была написана на месте обнаружения ее писцом, прибывшим

¹ Ср.: Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда. Лгр., 1937, стр. 48. Впрочем, ал-Омари сам приводит факты, свидетельствующие о том, что в течение первой четверти XIV ст. монголы свой язык сохраняли. Так, напр., ал-Омари сообщает, что сыну Узбека, правившему над кыпчаками, писали по-арабски, но чаще по-монгольски (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 251). В связи с этим заслуживает внимания приводимый Вассафом, писавшим около 1328 г., факт, упоминаемый им при описании событий 1318/1319 г. (= 718 г. хиджры): когда привели к Узбеку двух монголов, схваченных из армии Абу-Саида, Узбек лично стал допрашивать их и при этом по-монгольски сказал Кутлуг-Тимуру и Иса-Гургану: «Тот человек, которого мы ищем, — у нас в тылу. Куда же нам направиться?». Указанием этого факта мы обязаны С. Л. Волину.

² Нам известна еще только одна монгольская рукопись, писанная на бересте: это несколько небольших фрагментов какого-то религиозного сочинения из коллекции 1905 г. — № 10, хранящихся в Рукописном отделении Института востоковедения АН СССР.

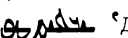
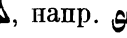
из более далеко на восток лежащих областей, или местным человеком, познакомившимся с квадратной письменностью на востоке.¹

Таким образом рукопись эта представляет большой интерес, и находка ее сама по себе является весьма крупным событием, независимо даже от содержания рукописи и степени сохранности ее: если бы она была даже во много раз более повреждена, чем это есть на самом деле, если бы текста ее совершенно нельзя было восстановить и если бы можно было прочесть в ней только несколько строк или слов, даже в таком случае находка эта позволила бы сделать ряд весьма ценных заключений. Между тем, как мы уже убедились выше, значительная часть текста поддается восстановлению и может быть прочтена и переведена, а это еще больше повышает ценность находки.

Наша рукопись отличается как со стороны почерка, так и со стороны языка многими специфическими особенностями, присущими памятникам монгольской письменности начала XIV ст.

Как памятник монгольской письменности XIV ст. рукопись представляет большой интерес в палеографическом отношении.

Как во всех рукописях, датируемых ранее XVII в., так и в нашей рукописи не различаются в письме *й* и *ё*, передаваемые одним знаком. Обращает на себя внимание также передача *t*, а также *d* в начале слога в середине слова знаком , напр. 'величиною', 'данный судьбою', 'золото', 'друг', 'близкий'.

Вместе с тем рукопись обнаруживает ряд более архаичных черт, сближающих ее с грамотами ильханов. Так, напр., мы встречаем начертание знака для *d* совершенно такое же, как в уйгурских рукописях; напр. ср. слово 'достойный'. В конце слога *d* передается в некоторых случаях тем же знаком , напр. 'лукавствуя', 'созданный'.

Характерной особенностью почерка рукописи является передача гласного *e* в начале слова знаком, состоящим из двух зубцов, сильно напоминающим знак для *a*, но в отличие от последнего зубцы знака *e* расставлены далеко друг от друга. Таковы слова *ejen-e* 'властителю', *ebes-ün* 'трава' и др. Другую особенность мы наблюдаем в отношении отдельных написаний *a* и *e*, передаваемых сильно загнутым влево знаком, как, напр., в слове *aq-a* 'старший брат'.

Обращает на себя внимание очень плотно на кружок насаженная головка знаков для *o*, *u*, *ö*, *ü* в начале слова, напр. в словах *ög* 'дай', *unaba* 'упал' и т. д. То же самое можно сказать в отношении начального *n* перед *u* в *nuntuγ* 'родина'.

Последнее, что стоит упомянуть, это особое начертание для начальных *q* и *γ*, напоминающее знак для согласного *s*.

Диакритические точки обычно отсутствуют, но наличествуют при *n*

¹ Заканчивая историческую часть исследования, считаем своим долгом отметить, что мы использовали для нее ряд замечаний, сделанных присутствовавшими на предварительном сообщении о рукописи в Институте востоковедения АН СССР.

в начале слова *nuntuγ* 'родина', при *γ* в *daγulaǰuγu* 'пропел' (во втором слог) и т. д.

Из знаков препинания встречаются *čeg* и *dörbelǰin čeg*. В области орфографии заслуживает внимания раздельное написание слова *ebes-ün* 'трава'. Обратное этому мы видим в отношении суффикса *genitivi* в *ölenggün* 'муравы', где суффикс написан слитно со словом. Слитно написаны суффиксы падежный и возвратного притяжания, напр., в *nuntuγ-turiγan* 'на свою родину'. В отношении ряда суффиксов наблюдается неустойчивость: с одной стороны, *erdem-tüi* 'достойный', а с другой — *ǰaγaγatu* 'данный судьбою', далее *daγular-a* и *daγulara* 'чтобы спеть'. Отклонения от обычных норм правописания обнаруживают *دورا* *dora* 'под' вместо *دور* *buraqan* 'божественный' с лишним *a* во втором слог.

Рукопись представляет интерес и с лингвистической стороны, ибо содержит редкие слова и формы слов. Так как соответствующие слова и формы уже были разобраны выше, каждое в своем месте, упоминаем здесь лишь некоторые из них. К наиболее интересным словам принадлежит *nuntuγ* 'родина', которому в языке монгольской письменности соответствует *nutuγ* и только в Юань-чао би-ши, могольском и монгорском соответствует форма с *n* в конце первого слога, представляющая собою весьма архаическую форму.

Словарный запас рукописи отличается, кроме того, наличием более нигде не засвидетельствованных слов: *elbür* — эпитет матери, условно переводимый нами как «милая», и др.

Из грамматических форм заслуживают внимания следующие: прошедшее время на *-ǰuγu* = письм.-монг. *-ǰuqi*; форма обращения к первому лицу на *-su* = письм.-монг. *-su || -suγai* (суффикс *-suγai* наблюдается в рукописи один раз в составе *teǰiγesügei* 'вскормлю!'); форма прошедшего времени на *-lai || -la* (в *kemelei || kemele* 'сказал') = письм.-монг. *-luγa (-lüge)*, разговорн. *-la || -lai (-lä)*.

Велико также значение рукописи в историко-литературном отношении. Здесь следует прежде всего указать на то, что рукопись содержит первое художественно-литературное произведение, писанное знаками уйгурского алфавита. Как известно, первые памятники монгольской письменности — Чингисов камень, грамоты ильханов и т. д., относящиеся частично к XIII, частично к началу XIV ст., не являются литературными в полном смысле этого слова произведениями, ибо это камнеписные памятники, дипломатические послания, документы и т. д. Мы располагаем сведениями лишь об одном художественном произведении первой половины XIV ст., написанном знаками уйгурского алфавита: это стихотворение Мухаммед ибн Омар ибн Хасан ибн Махмуд Абдал-Гаффар ас-Самарканди, написанное им в 724 г. хиджры на четырех языках, распространенных в ту эпоху в Иране, в том числе на монгольском.¹ Год хиджры 724 соответствует 1324 г. нашего летоисчисления.

¹ E. Blochet. Introduction à l'histoire des mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden, 1910, p. 117.

Таким образом стихотворение ас-Самарканди относится приблизительно к тому же времени, что наша рукопись, но оно осталось неопубликованным, вследствие чего издание настоящей рукописи является пока первым изданием художественно-литературного произведения на монгольском языке, написанного в первой четверти или трети XIV ст. и являющегося либо современным прежде известному стихотворению ас-Самарканди, либо даже еще более ранним.

Из известных нам монгольских произведений художественной литературы только «Сокровенное сказание» является более древним, ибо оно восходит к 1240 г. Однако «Сокровенное сказание» дошло до нас только в китайской иероглифической транскрипции и на монгольском алфавите лишь частью в составе одной рукописи летописи Altan tobči,¹ откуда некоторые фрагменты были заимствованы более поздними летописцами, включившими отдельные отрывки в их сочинения. Кроме того, следует иметь в виду, что «Сокровенное сказание» представляет собою цикл героико-эпических произведений, переработанных с целью дать историю дома Чингисова, и содержит много подлинно-исторических фактов, родословных и т. п., т. е. не является сплошь художественно-литературным произведением, хотя в состав его вошли многочисленные отрывки героического эпоса и лирики.

Исследуемая рукопись является таким образом первым произведением художественной литературы на монгольском языке, писанным знаками уйгурского алфавита, точнее—это первый образчик лирической поэзии на письменномонгольском языке. Это обстоятельство вызывает, естественно, огромный интерес к вновь открытому памятнику.

Рассматривая рукопись как литературное произведение, можно заметить, что она представляет собою стихотворный текст.

Несмотря на фрагментарность текста, на отсутствие начала и конца его, на утрату многих стихов, разных мест текста и на плохую сохранность отдельных строк, содержание рукописи все же поддается определению. Основное содержание ее составляет диалог матери и сына.

На основании общего контекста можно заключить, что мать провожает своего сына, отправляющегося в дорогу. Сын отправляется, повидимому, на службу к кому-нибудь из представителей господствующего класса, вероятно, к одному из военачальников, так как в песне упоминается какой-то властитель (*eŋen*). К сожалению, довольно многочисленные эпитеты этого властителя не дают возможности с точностью определить, кем он является. Обращаясь к сыну с напутствием, мать говорит ему, чтобы он не огорчался, когда достигнет своего властителя. Речь идет, повидимому, о тех огорчениях, которые простой воин неизбежно должен испытать на службе у лица, в социальном отношении стоящего значительно выше. Далее, мать выражает надежду на то, что он не подвергнется страданиям, увечьям и действию злых духов. Эти благопожелания матери чередуются с нежными выражениями по адресу сына, называемого матерью прекрасным кречетом.

¹ Опубликована в издании Научно-исследовательского комитета МНР в 1937 г.

«Отправляйся и взлети, дитя мое! Волосики твоей груди сделаю сплошь золотыми! С напастями и злыми духами не встречайся, дитя мое! Волосы на твоей голове я сделаю рассыпным золотом!», говорит мать. Ответная песнь сына полностью не сохранилась. Отвечая своей милой матушке, сын говорит, что горные травы стали уже сочными, а близкие друзья уже отправляются в кочевку и что он хочет ехать к себе на родину.

Содержание этого стихотворного текста и общий тон его мало характерен для аристократической поэзии монголов XIII—XIV ст. На этом основании мы полагаем, что имеем здесь дело не с литературным произведением господствующего класса монгольской военно-феодальной империи, но с народным произведением, фольклорным, образчиком древнемонгольской народной лирики, притом с древнейшим образчиком из числа дошедших до нас.

Текст представляет большой интерес также со стороны внешней художественной формы, так как он обнаруживает все специфические особенности, характерные для монгольского стихосложения.

Прежде всего наш стихотворный текст характеризуется последовательно проведенной аллитерацией.

Мы видим, что первая строфа текста в том виде, как он нами восстановлен, содержит стихи, в которых аллитерирующим является слог *a*: *ačitu* — *arqayun* и т. д. В следующей сохранившейся строфе аллитерирует слог *qa*: *qarayun* — *qayalya* — *qayalya* — *qaraju*.

В следующей строфе аллитерируют слоги *bu* и *bo* и т. д.

Одной из наиболее сохранившихся строф является следующая:

ebčigün-ü cinu üsüken
egüdmel alta bolyasu kemele.
emgeg jobalang-dur bu[u] dabariyda!
egüs degde čay-a minu!

«Волосики твоей груди
 я сделаю отделанным золотом!» сказала она.

«Увечьям и страданиям не подвергайся!
 Отправляйся, взлети, дитя мое!»

В этой строфе, содержащей четыре стиха, аллитерирует всюду слог *e*.

Кроме аллитерации первого слога каждого стиха или каждой строки строфы наблюдается тоже характерная для монгольского стихосложения так называемая внутренняя аллитерация, т. е. аллитерация начальных слогов полустроков, т. е. двух половин той же строки, разделенных цезурой, напр.,

<i>ölenggün ebes-ün</i>		<i>ölengjire kürbe</i>
<i>öner sadun</i>		<i>egüsüre [kü]rbe</i>
Трава лужайки начала соцветь.		
близкие друзья стали уходить.		

Следующей важной особенностью монгольского стихосложения является параллелизм, заключающийся между прочим в том, что содержание разных

строф того же произведения в значительной степени является повторением одного и того же, обнаруживая лишь небольшие отклонения, относящиеся не столько к смысловому содержанию, сколько к средствам выражения смысла. Так, напр., мы видим, что первая строфа отличается по содержанию от второй лишь в очень незначительной степени:

«Когда ты с решимостью достигнешь [[благодетельного]]
властителя,
пади под перекладной!
Зачем огорчаться
на том основании, что упал под перекладной?»
«Когда ты с решимостью достигнешь заботливого владетеля,
пади под [воротами!].
Зачем глядеть и смотреть,
на том основании, что упал под воротами?»

В этих двух соседних строфах разными являются лишь эпитеты властителя (благодетельный — заботливый), названия предметов, под которыми должен упасть сын (перекладина — ворота), и слова, выражающие побочные действия во время лежания (огорчаться — смотреть). То же самое можно сказать о целом ряде других строф, напр.:

«Волосики твоей груди
я сделаю отделанным золотом!», сказала она.
«Увечьям и страданиям не подвергайся!
Отправляйся, взлети, дитя мое!»
«Волосики твоей груди
сделаю сплошь золотыми!», сказала она.
«С [напастями] и злыми духами не встречайся, дитя мое!»
«Волосы на твоей [голове]
я сделаю рассыпным золотом!», сказала она.

В этих строфах меняются лишь названия частей тела (грудь — голова), эпитеты золота (отделанное — сплошное), названия предметов, действию которых сын не должен подвергаться (увечья и страдания — напасти и злые духи), а также конечные глаголы (не подвергайся — не встречайся). В отличие от этого вида параллелизма, заключающегося в почти буквальном повторении того же смысла и только в частных различиях средств передачи его, который условно можно назвать синонимичным параллелизмом, в нашем тексте наблюдается еще другой, заключающийся в сопоставлении двух понятий, между которыми проводится некоторая аналогия и который условно можно назвать аналогичным параллелизмом.

Примером последнего является следующее:

ölenggün ebes-ün öleñgüre kürbe
öner sadım egüsür-e [kü]rbe
Трава лужайки стала сочнеть,
близкие друзья стали уходить!

И далее:

aγula-yin ebes-ün alančılar-a kürbe
aga degü ečir-e kürbe

Горные травы начинают становиться лужайкой,
 братья начинают отправляться.

Переходя к вопросу о количестве стихов в строфе, укажем, что выше-приведенная строфа *ebčigün-ü činu üsüken* и т. д. состоит из четырех строк.

Такое же четырехстишие представляет собою следующая строфа:

. *u činu üsüken*

. *alta bolγasu! kemele.*

ada bu a buu dabariγda!

aγira degde čay-a minu!

«Волосики твоей

сделаю [. золотыми]», сказала она.

«Не подвергайся нападению со стороны злого духа и. . . !

Шествуй, [взлети], дитя мое!»

На ряду с четверостишиями мы встречаем также строфы, содержащие до шести строк. Таковы, напр., следующие:

[[ačitu]] e'en-e simurγu'u kürbesü

arγayun dora una, u ög!

arγayun dora unaba [keme'ü]

ariγaju kürčü yaγu keb[tegedkü?

ačitu sayin ežen[-e inu]

[[. u ju abtaqu či čay-a minu!]]

qarayun ežen[-e inu] simurγuju kürbesü

qa[γaly]a dora unaγu ög!

qa[γaly]a dora unaba kemežügü.

qaraγu üježü yaγu kebtegedkü?

qaraγu aγsan e'en-e inu

qatuγu qurijaγu abtaqu či čay-a [m]inu!

Как видно, здесь и в смысловом отношении и со стороны внешней формы некое единство образуют строфы, состоящие из шести строк.

Таким образом мы видим, что наш текст содержит весьма типичные и для современного стихосложения стихи: аллитерация, внутренняя аллитерация, параллелизм, строфы из четырех и шести стихов — все это является характерным и для современного стихосложения. Текст рукописи является, таким образом, важным свидетельством того, что с внешней стороны монгольский стих за истекшие шесть столетий не претерпел каких-либо изменений, что, следовательно, монгольская народная песня, в частности, оказывается со стороны внешних поэтических приемов весьма консервативной. Об этом свидетельствуют и древнейшие эпические и лирические отрывки, вошедшие в «Сокровенное сказание» и в более поздние летописные сочинения.

Как известно, количество слогов в монгольском стихе на протяжении одной и той же песни или героико-эпического произведения подвержено колебаниям и не отличается большой выдержанностью. Эта невыдержанность стихотворного размера нашего текста значительно ббльшая, чем в более поздних произведениях.

Возьмем для примера следующее четверостишие:

ebčigün-ü činu üsüken
egüdmel alta bolyasu!
emgeg žobalang-dur buu dabariyda!
egüs degde čaγ-a minu!

— — | — — | — — | — — —
 — — — | — — | — — —
 — — | — — | — — | — | — — | — —
 — — | — — | — — | — —

Здесь количество слогов в разных стихах разное: в первом — 9, во втором — 8, в третьем — 11, в четвертом — 8. Обычным же количеством слогов монгольского народного стиха является семь или восемь.

Несколько иная картина получается, если эту строфу читать не в соответствии с орфографией письменного языка, но применительно к живому произношению:

öbčünī čin üsexe
üdmel alta bolyasū
emgeg žoblaṇd bŷ dairayda
egüs degde čaγā min

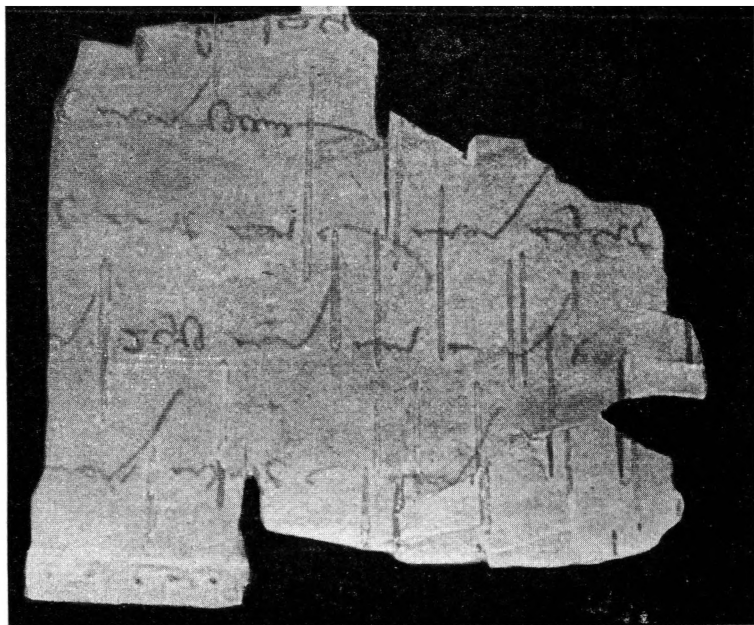
— ' | ' — | ' — —
 ' — | ' — | ' — '
 ' — | ' — | ' | ' — —
 — ' | ' — | — — —

Здесь количество слогов во всех стихах более или менее одинаковое: в первом — 7, во втором — 7, в третьем — 8, в четвертом — 7.

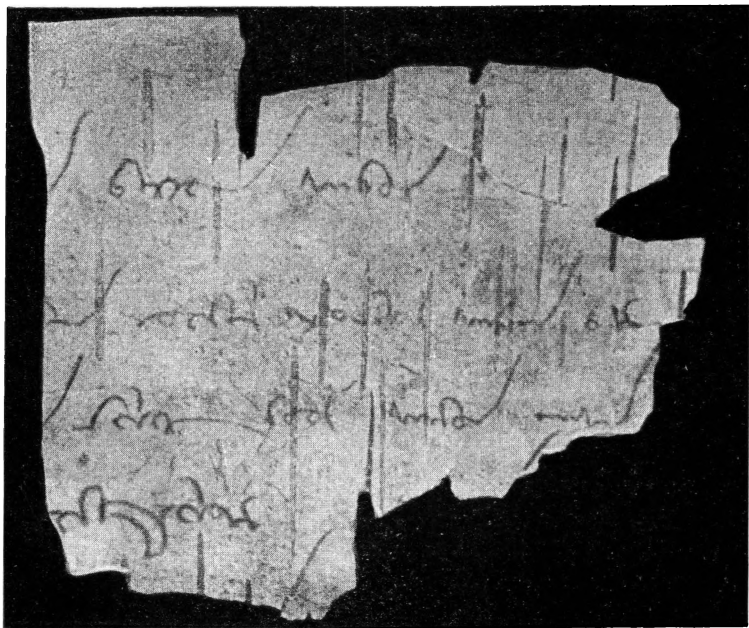
На основании этого можно высказать предположение, что стихи вроде приведенного, уже в эпоху XIV ст. должны были читаться не на письменномонгольский лад, но на разговорный: лишь в последнем случае получаются стихи с более или менее постоянным количеством слогов. Так как в начале XIV ст. уже наметилось стяжение двух слогов в один долгий по исчезновении *γ* и *g*, то такое предположение не лишено вероятности.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

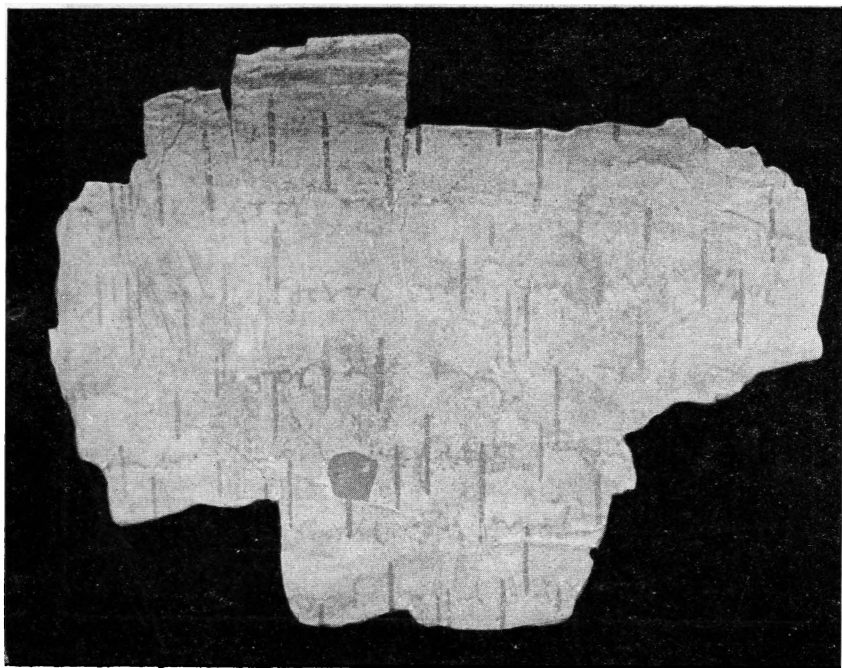

б.

а.

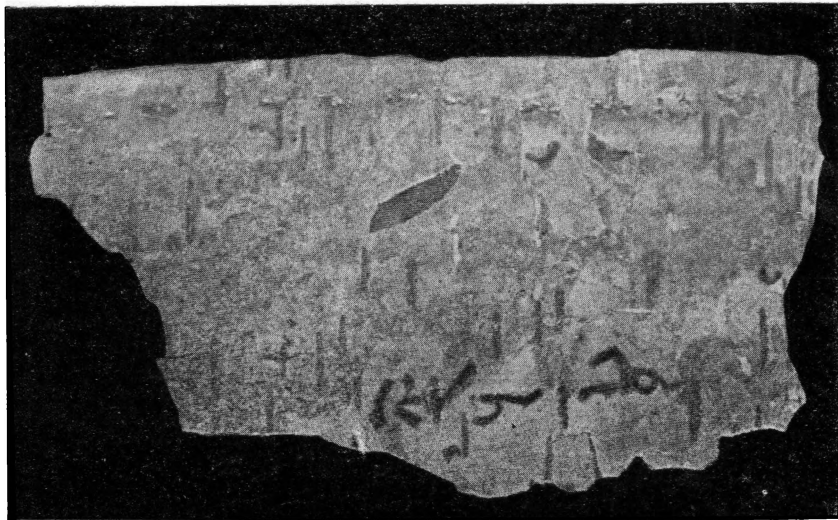
Таблица II

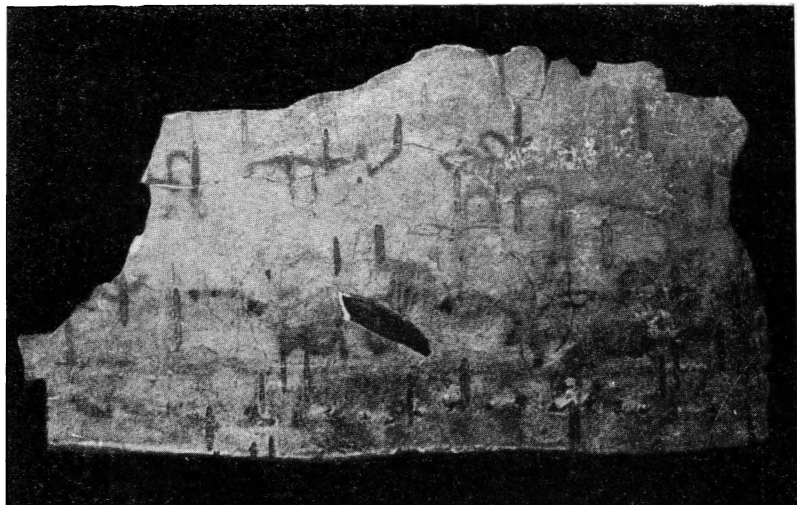
и

и.

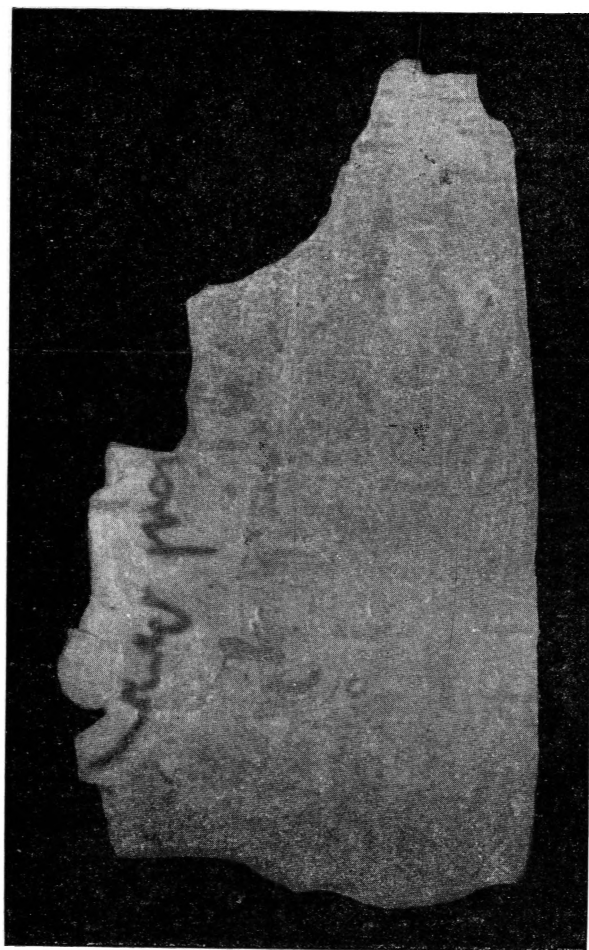

α.

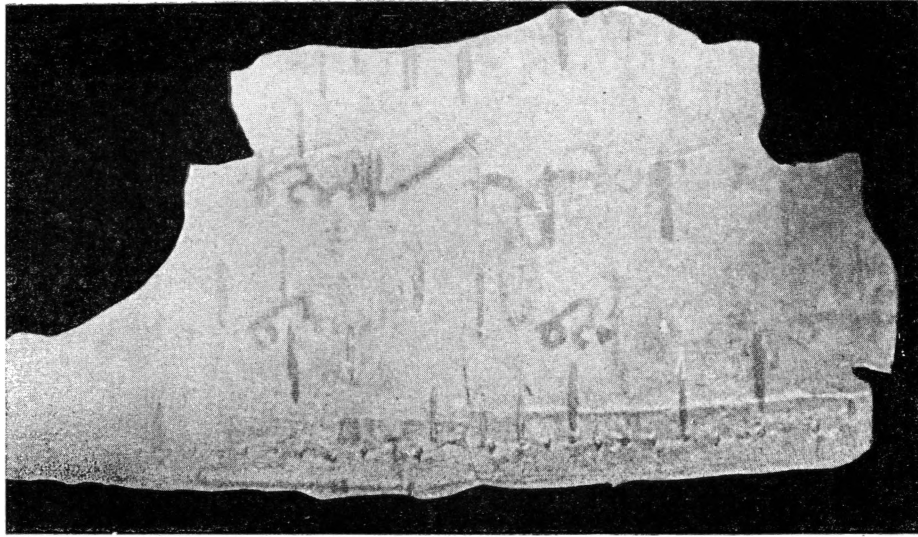
β.

Таблица N

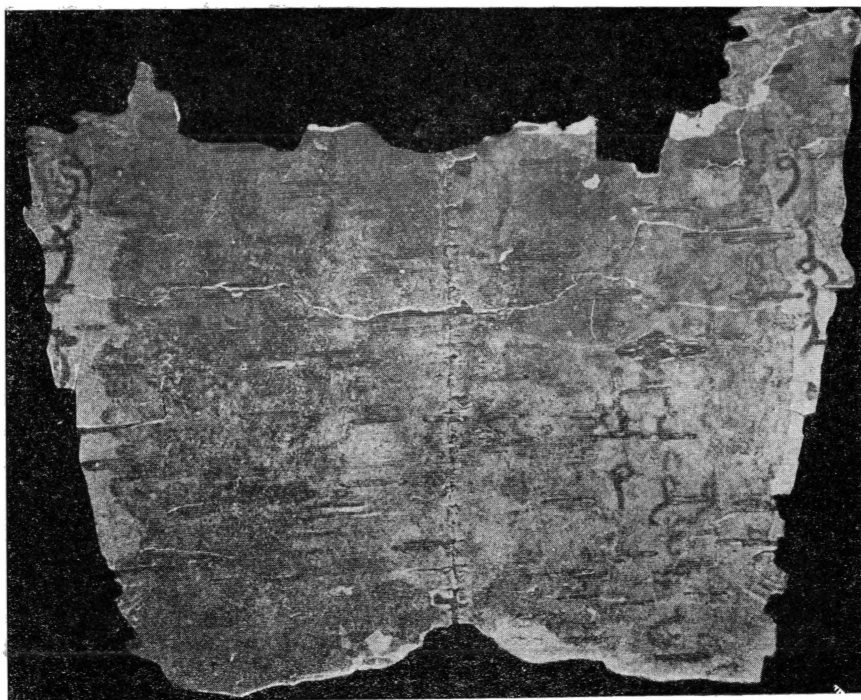

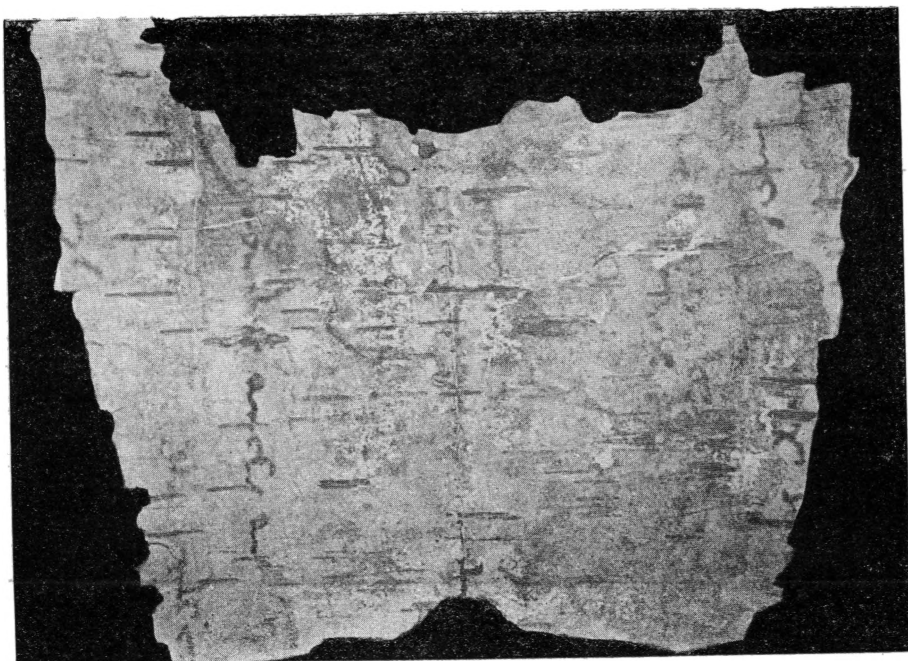
б.

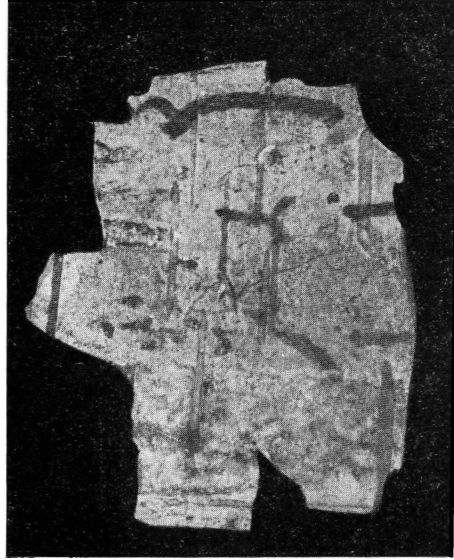
в.

а.

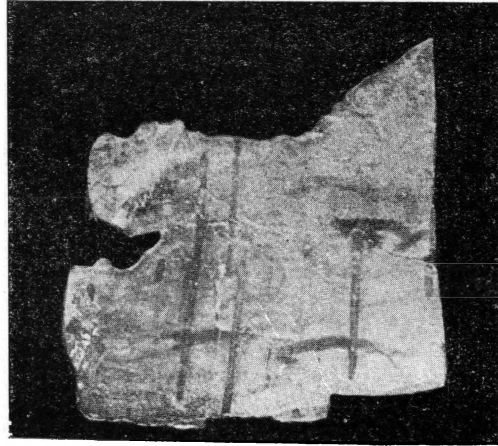
б.

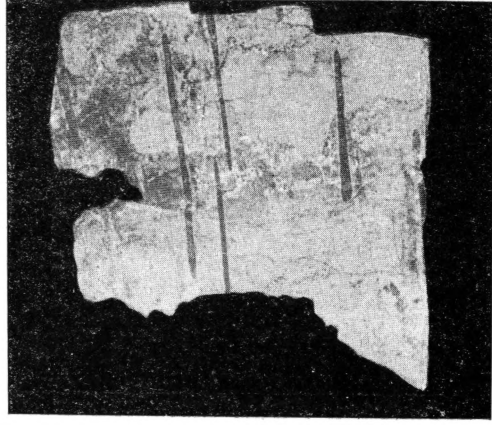
а.

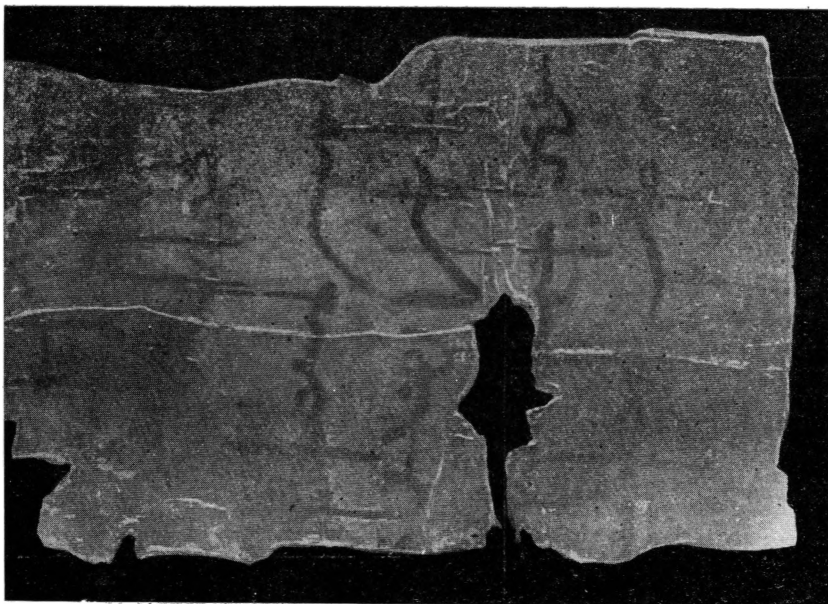
б.

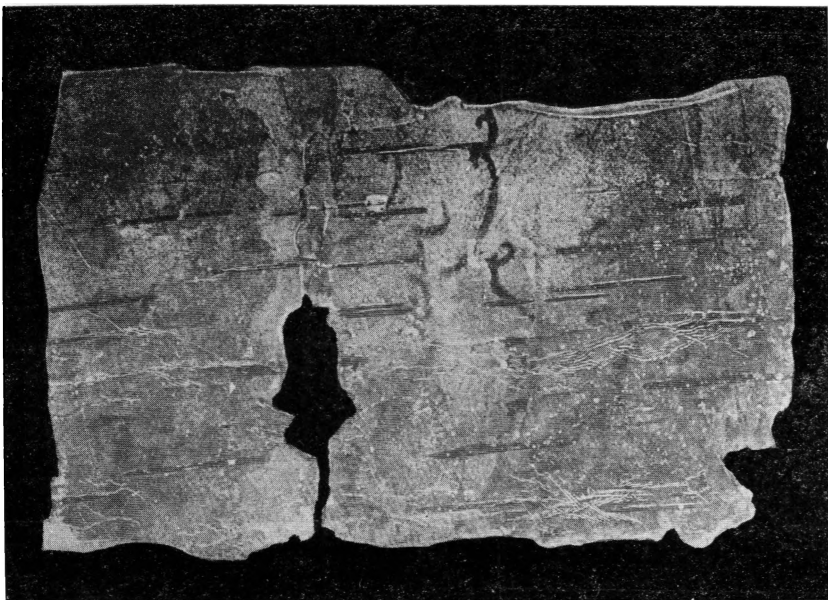
а.

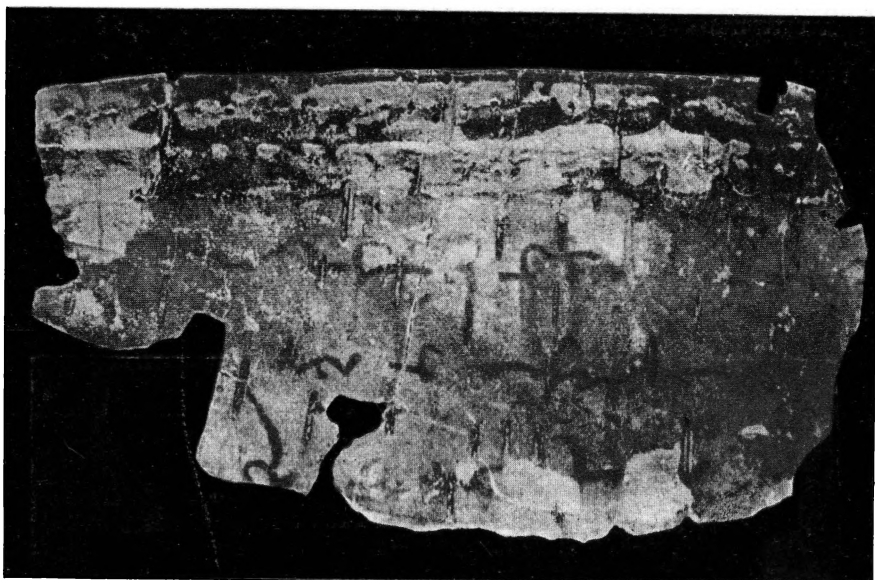
б.

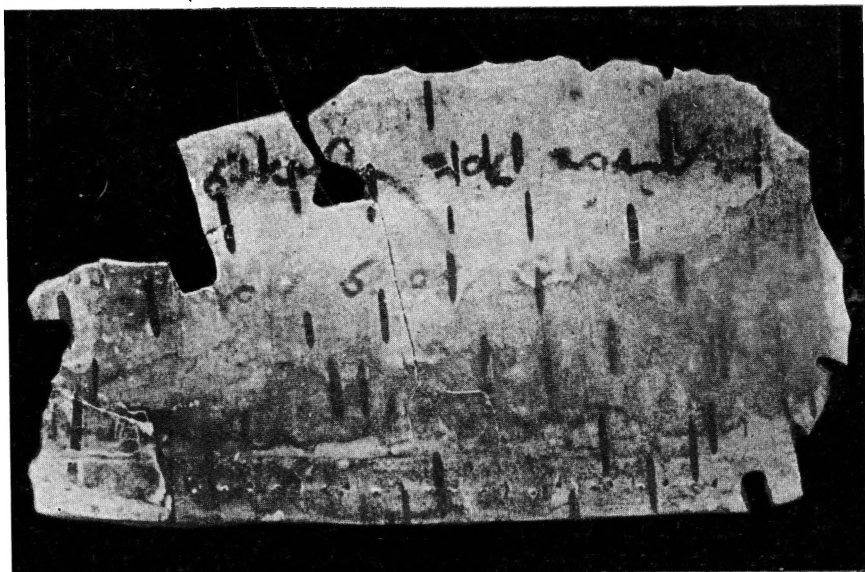
а.

б.

б.

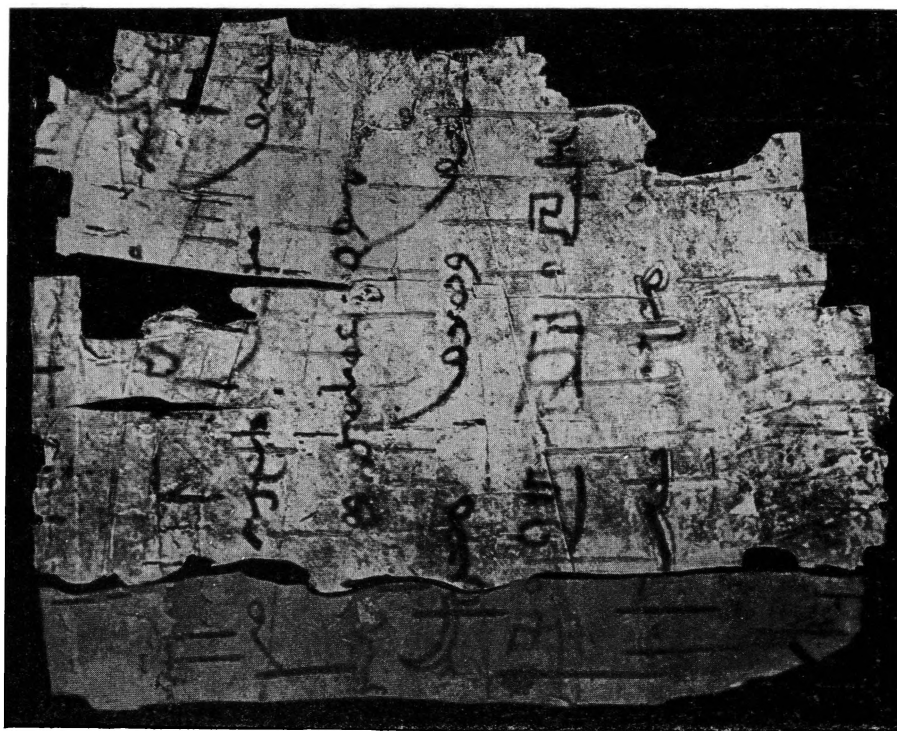

а.

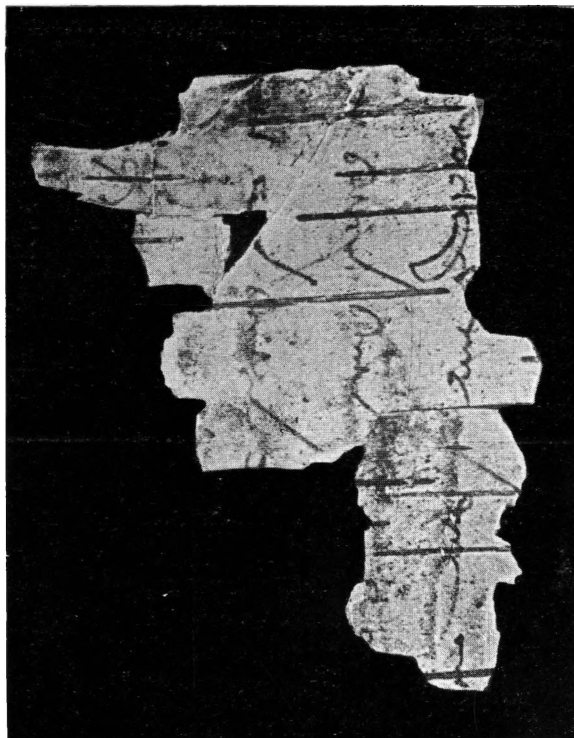

а.

б.

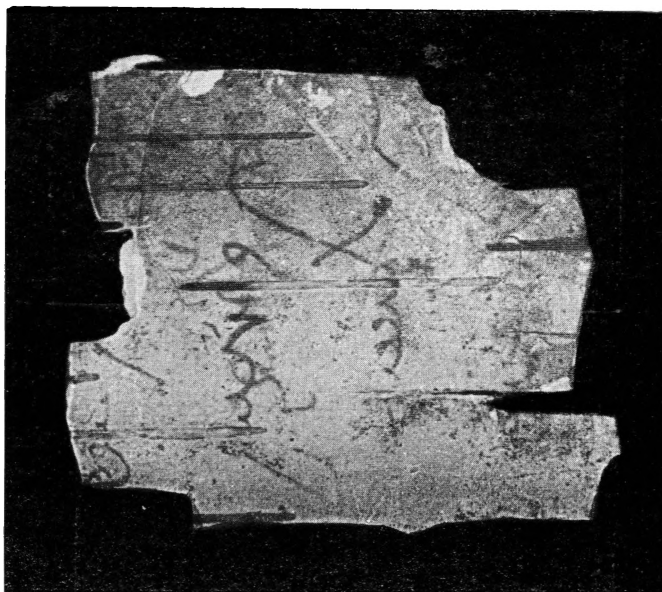

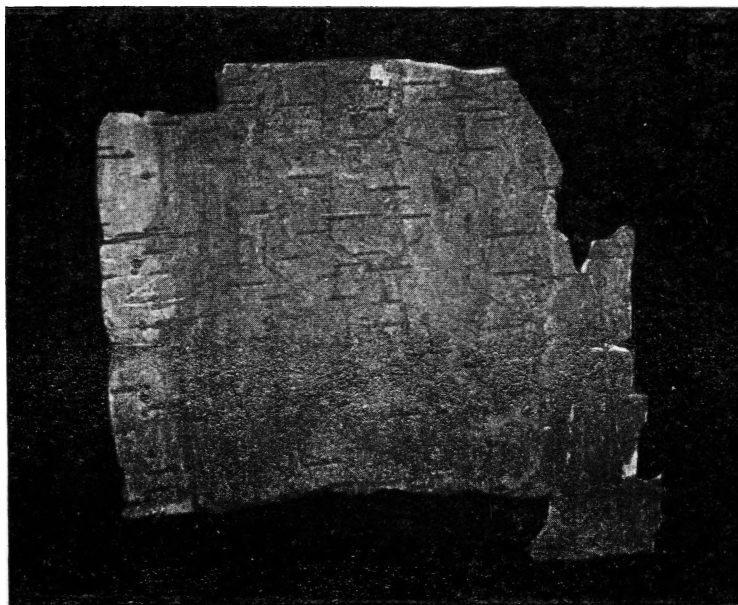

а.

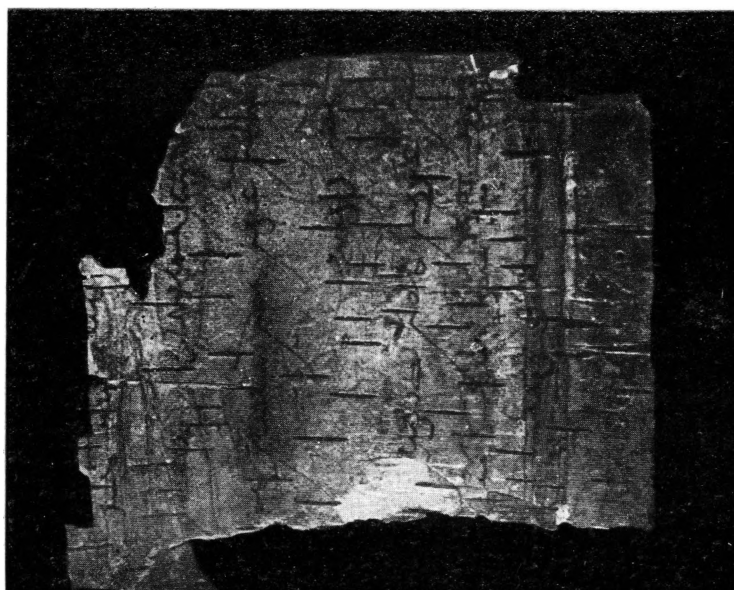

б.

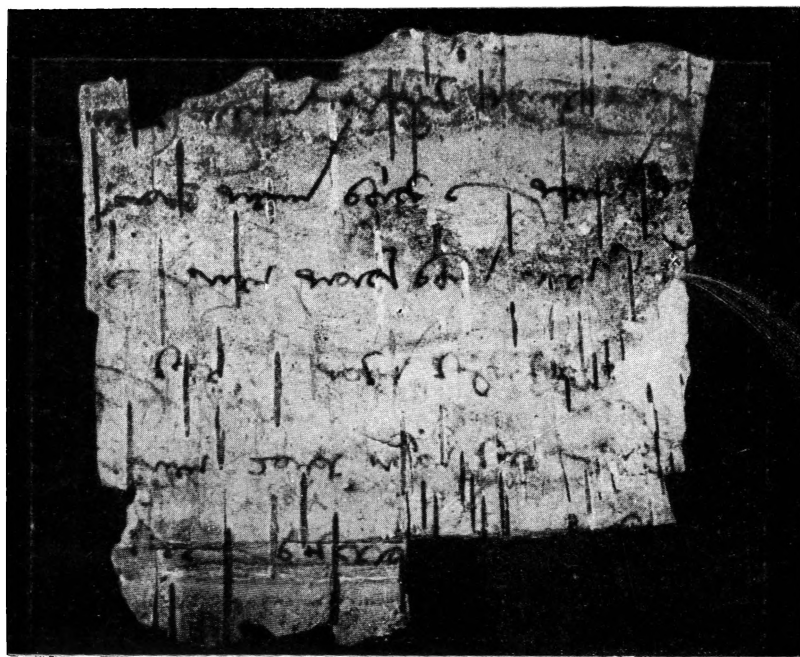

а.

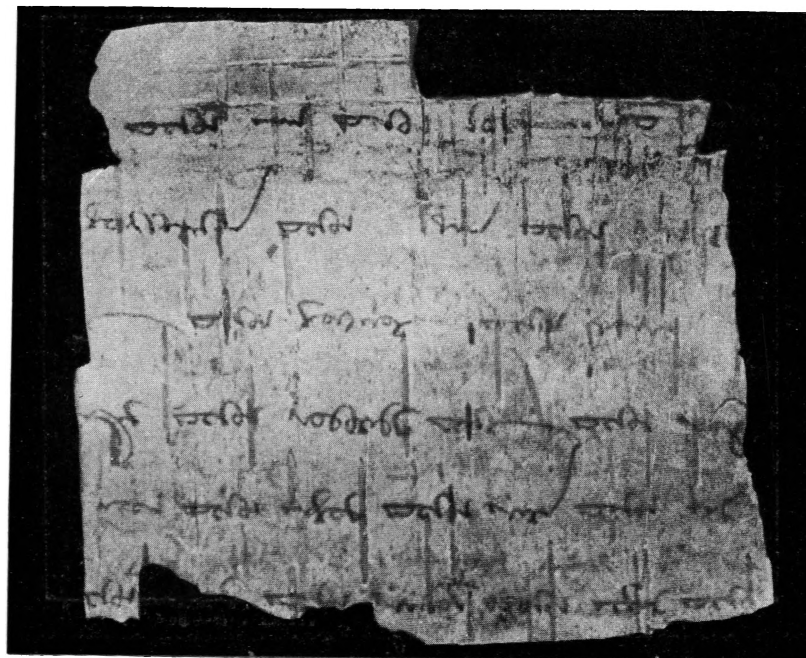

б.

Таблица XVI

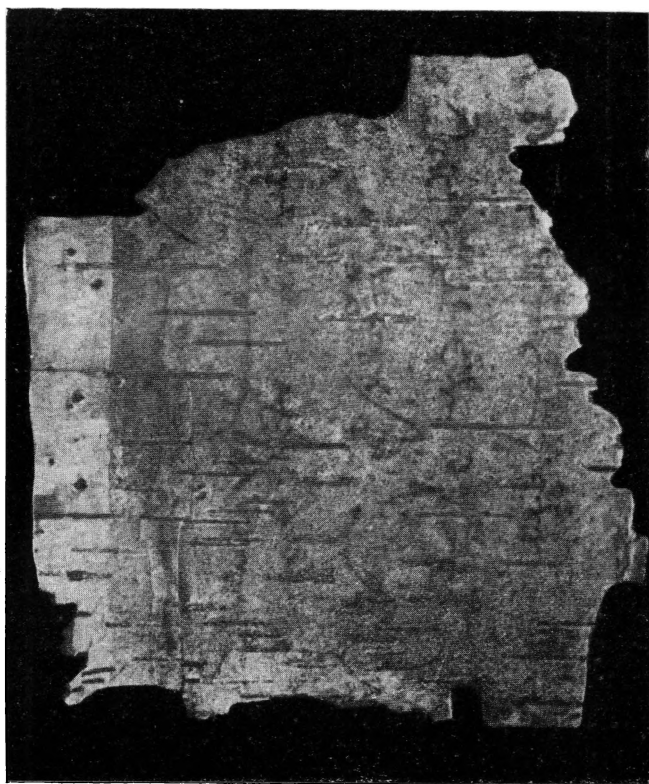

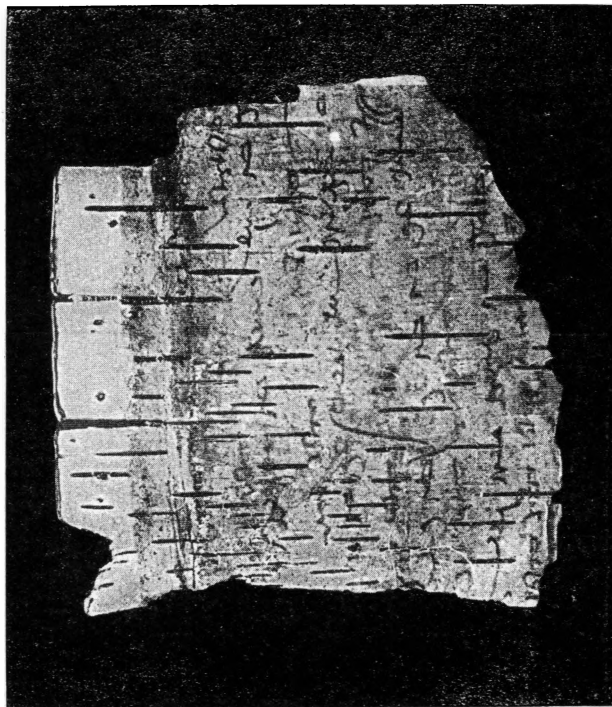
б.

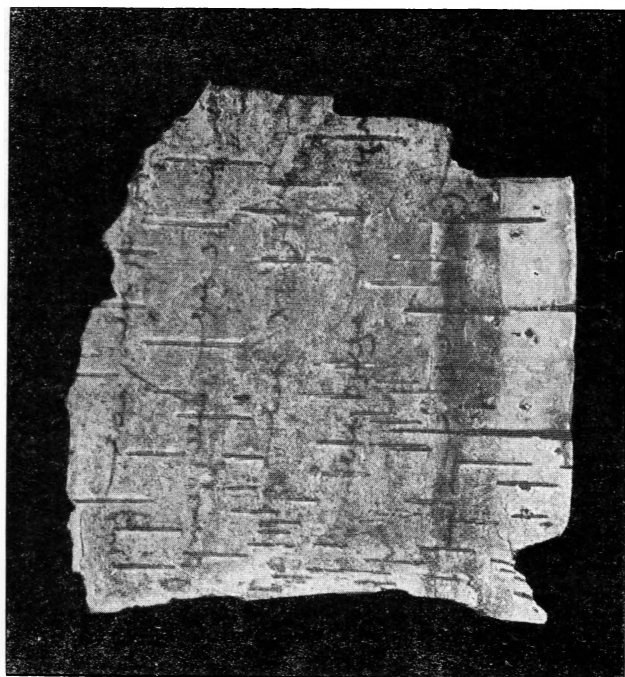
а.

Таблица XV II

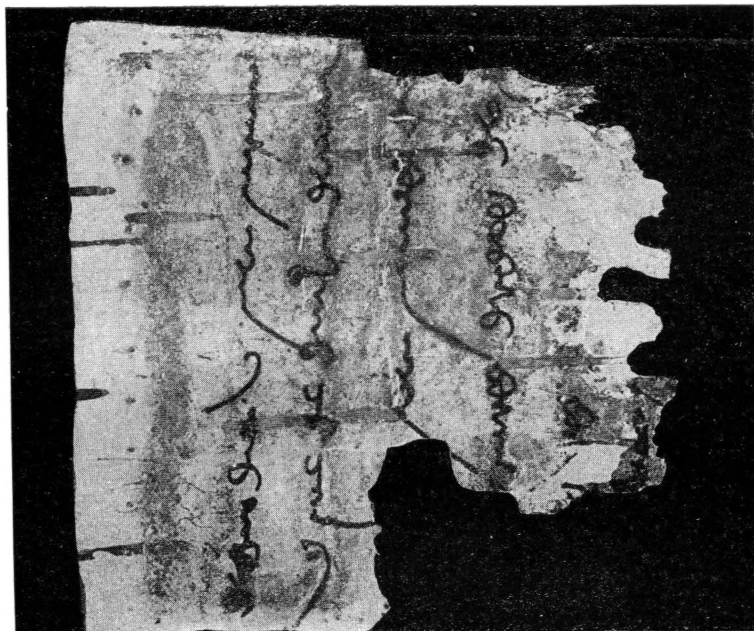

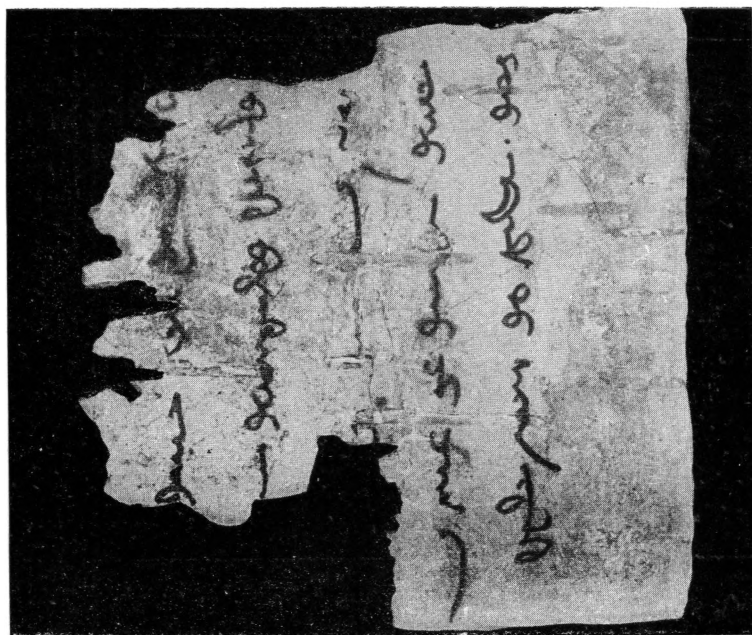
а.

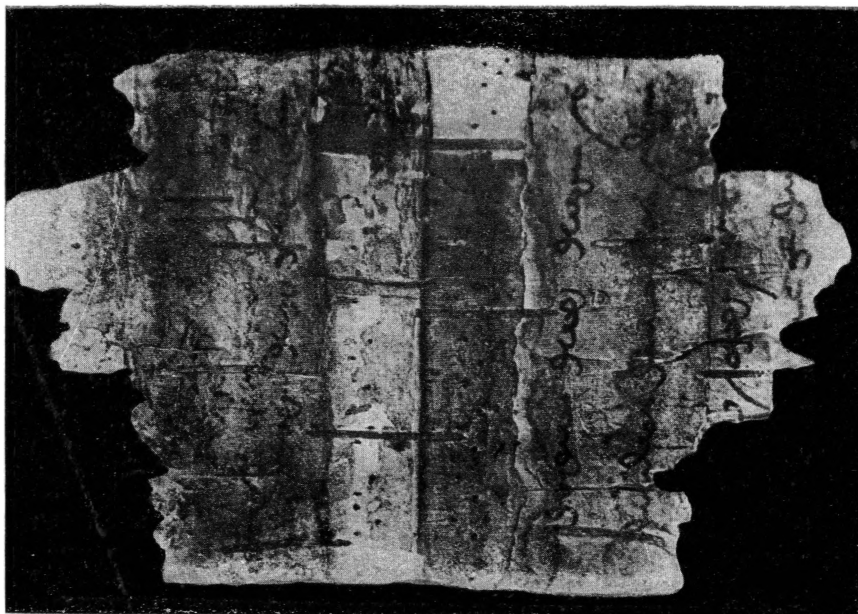
б.

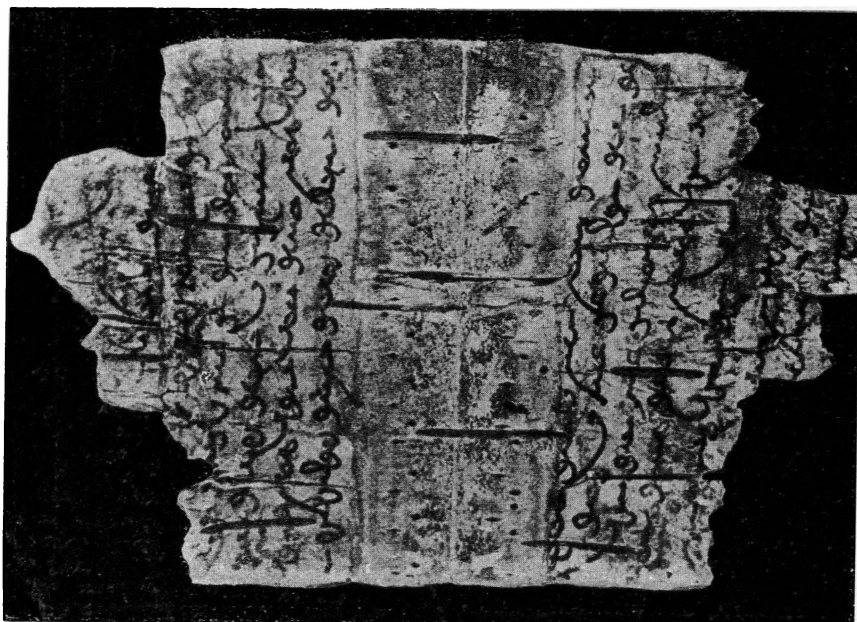
а.

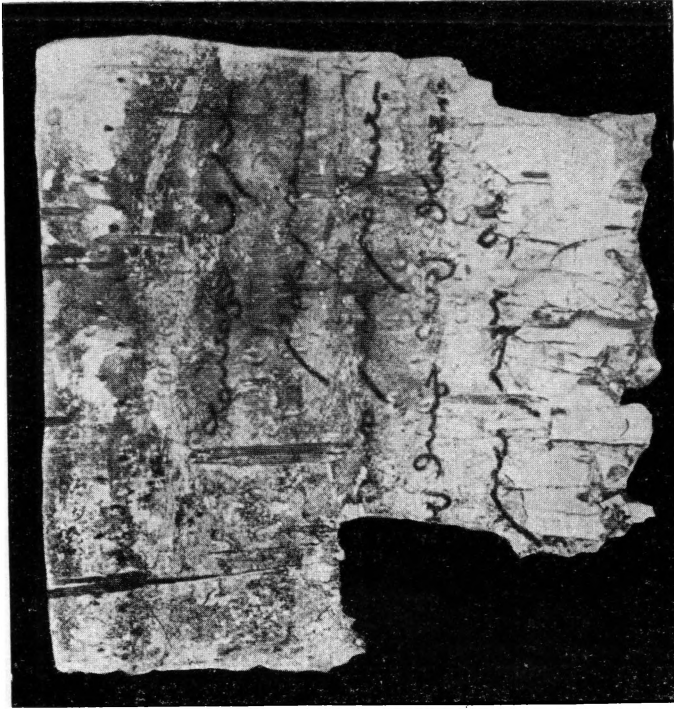
б.

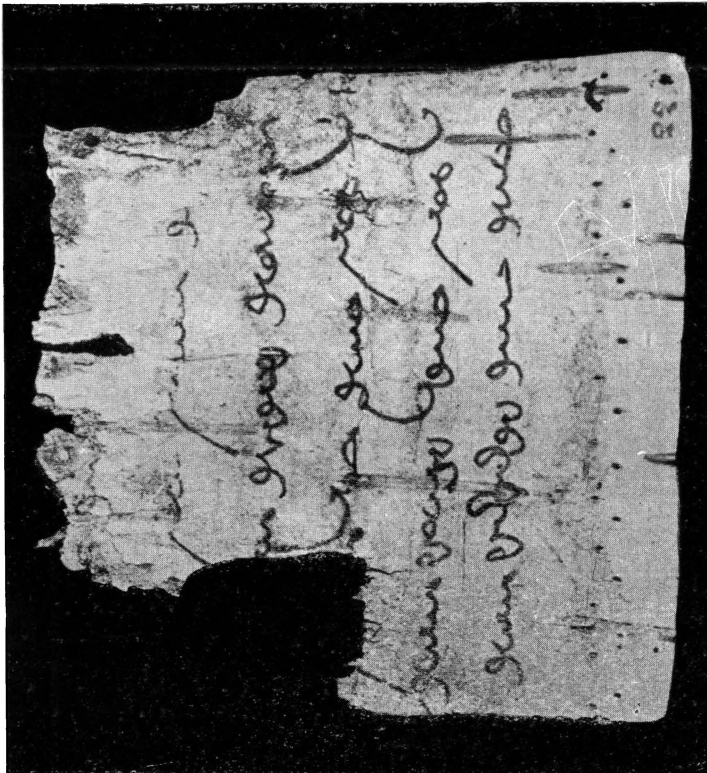
а — б.

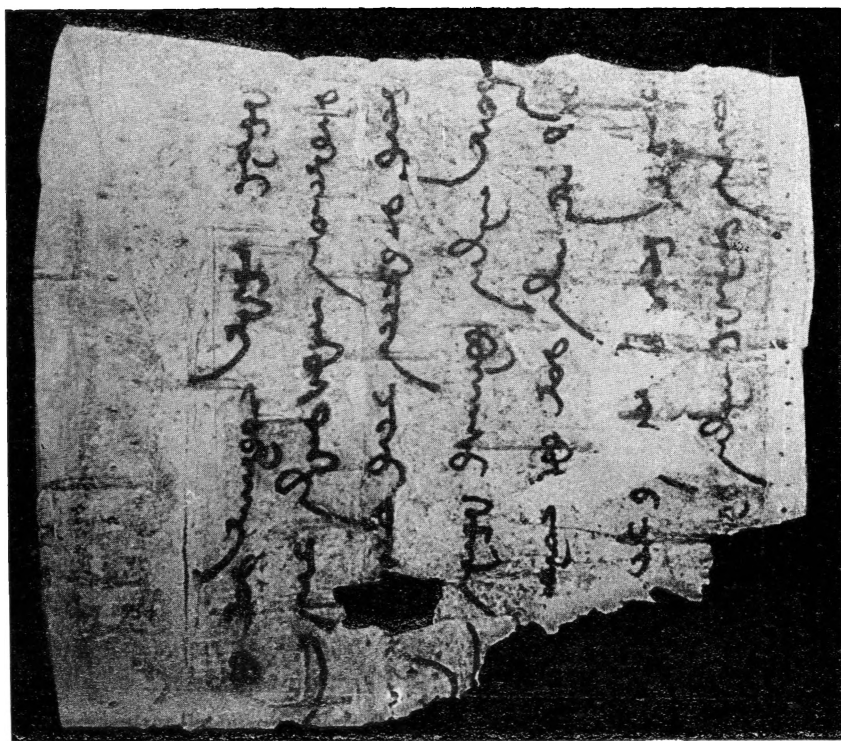
б — 2.

α.

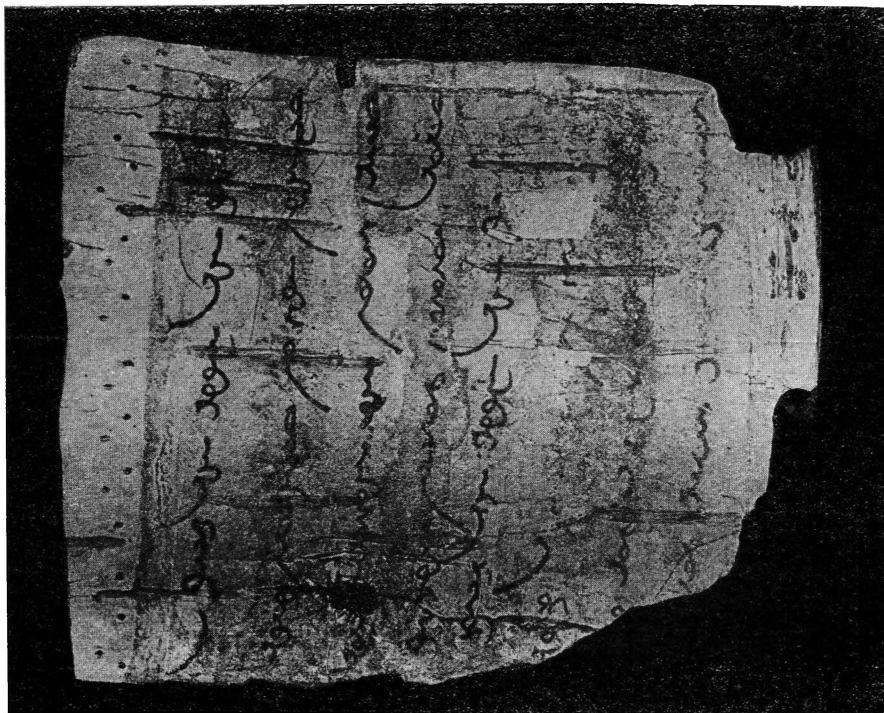
β.

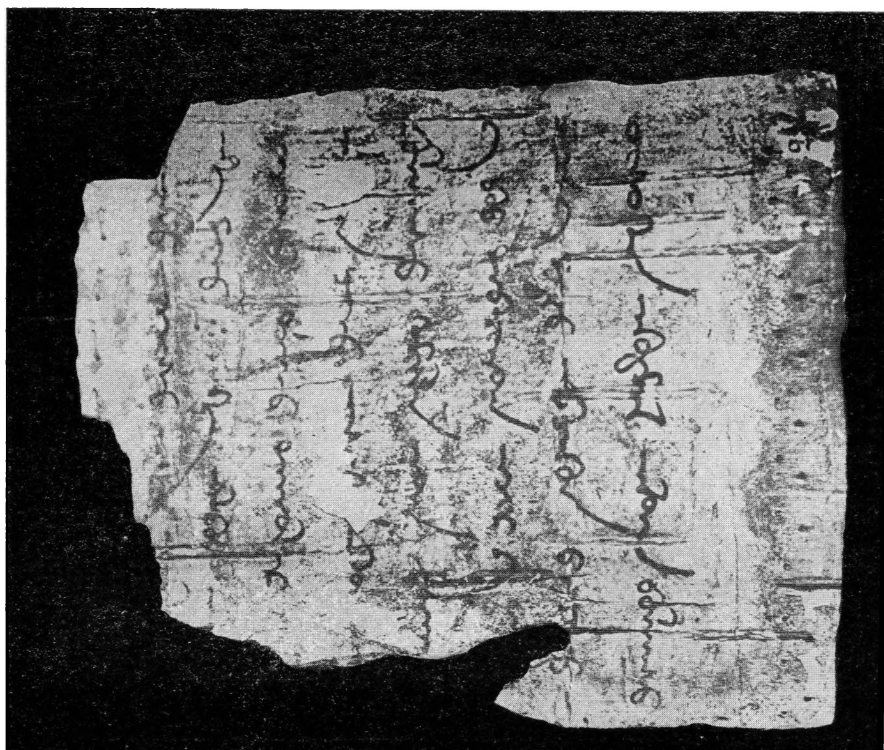
а.

б.

а.

б.

Акад. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

MUTANABBIANA

(К 1000-летию со дня смерти поэта)¹

I. Юбилейные торжества и литература в арабских странах. — II. Новая французская книга о поэте. — III. Упоминания о нем в русской литературе. — IV. Два стихотворения в переводе В. Р. Розена.

I

Тысячелетний юбилей ал-Мутанаббия не мог превратиться в такой национальный и международный праздник, как тысячелетие со дня рождения Фирдоуси. Раздробленность арабских стран, разнообразие политических условий, в которых они находятся, вызывали, естественно, партикуляризм и невозможность установить единый основной центр этого праздника, так как жизнь ал-Мутанаббия принадлежала по меньшей мере четырем государственным образованиям современности — Ираку, Сирии, Палестине, Египту; к ним следовало бы прибавить и Иран с кратковременным, правда, пребыванием в Арраджане и Ширазе, незадолго до смерти. Показательно, что именно в Ираке, где ал-Мутанабби и родился и окончил свою жизнь, никакого официального празднования состояться не могло: оно, однако, намечалось серьезно (ср. *Oriente Moderno*, XIV, 1934, 545), и крупнейший поэт Ирака, аз-Захави, еще при жизни успел опубликовать подготовленное для этого стихотворение в последнем сборнике своих произведений (ал-Аушаль, Багдад, 1934, 284—288). Отдельные писатели Ирака, конечно, продолжают его помнить, и мысль об официальном праздновании, повидимому, еще не оставлена, как видно по статье Мухаммеда Ахмеда ас-Сеййида в журнале ал-Хасид (специальный номер, 30 IV 1936, стр. 26—28, 54—55). В скромных рамках, в виде одного заседания, 2 июня 1935 г. были организованы поминки американским университетом в Бейруте — в городе, который не играл никакой роли в жизни ал-Мутанаббия, но за последний век стал культурным центром Сирии. Один из докладов, прочитанный известным бейрутским историком литературы Ф. ал-Бустани уже доступен в печатном виде (ал-Машрик, 33, 1935, 289—297) и обнаруживает в авторе, как всегда, серьезный подход к своей задаче и несомненный популяризаторский дар. В Египте юбилей отметили оба наиболее известных журнала, ал-Хилаль и ал-Муқтатаф, выпуском специальных, посвященных ал-Мутанаббии номеров. В первом (август 1935 г.) дано (стр. 1122 — 1224)

¹ Дата принята по мусульманскому летоисчислению; смерть поэта падает на конец рамадана 354 г. (в источниках указываются различные числа между 22-м и 28-м; см. упоминаемую дальше книгу R. Blachère, 257, прим. 3), т. е. между 21—27 сентября 965 г. н. э. Конец рамадана 1354 г. соответствует концу декабря 1935 г.

около двадцати небольших статей крупнейших писателей Сирии и Египта на различные темы, связанные с жизнью и творчеством поэта. Редко они вносят что-либо новое в науку, но интересны, главным образом, как отражение различных теорий и течений, владеющих в наши дни умами арабской интеллигенции. Выделяется оригинальностью замысла и удачным подбором иллюстраций статья хранителя Арабского музея в Каире Хасана Мухаммеда ал-Хавари «Жизнь искусства в эпоху ал-Мутанаббия» (стр. 1169—1176); любопытное оживление вносят в номер два фантастических «портрета» поэта (один, известный и раньше, принадлежит Джебран Халиль Джебрану, стр. 1153) и две карикатуры из его жизни современного арабского художника. В противоположность первому сборнику юбилейный номер ал-Муктатафа (за январь 1936 г.) дает только одну работу Махмуда Мухаммеда Шакира (стр. 7—168) с небольшим предисловием редактора журнала Фуада Сарруфа (стр. 1—6). Работа представляет попытку наметить основные линии биографии ал-Мутанаббия, главным образом, на базе его стихотворений, с очень произвольным иногда толкованием; она переполнена фантастическими гипотезами и мало убедительными построениями, где к заранее намеченной схеме автор подгоняет свой комментарий отдельных стихов. Автор обещает посвятить ал-Мутанаббию большую книгу, в которой предполагает обстоятельно разобрать все затронутые им здесь вопросы. Система и приемы его исследования не позволяют возлагать надежд на обещанное произведение.

Алеппо, с которым связаны едва ли не самые популярные произведения поэта, несколько отстал от других городов Сирии, хотя предположения о юбилейных торжествах здесь продолжают проскальзывать в арабской печати. Впервые на международную почву в широком масштабе перенес празднование Дамаск. Инициатива принадлежала Арабской академии и во главе организационного комитета стоял ее президент 'Абд ал-КаDIR ал-Магриби; участие в созыве конгресса принимало сирийское правительство и верховный комиссар Французской республики. Съезд состоялся 22—29 июля 1936 г.; придать международный характер в полной мере ему не удалось. Благодаря большому количеству зарубежных членов (не только во всех арабских странах, но также в Европе и Америке), которым были разосланы приглашения, Академия имела все возможности для этого; однако необходимо учитывать и удельный вес ал-Мутанаббия сравнительно с Фирдоуси: в противоположность последнему он все же только национальный, а не мировой поэт и никогда таким не станет.

Как видно по отчету о празднестве, опубликованному в органе Академии (RAAD, XIV, 1936, 297—303), из европейских ученых упоминается только шведский ориенталист К. Zetterstéen. Доклады и приветствия предложено издать отдельным сборником; те из них, которые до сих пор частично опубликованы в журнале Академии, не возвышаются над уровнем уже характеризованных арабских статей и обычных хвалебных стихотворений (RAAD, XIV, 1936, 286—293, 294—296, 304—308, 336—351, 353—368, 369—376, 377—378, 402—426). Как всегда, несколько оригинальнее был задуман доклад, сделанный на конгрессе представителем Бейрутского университета Ф. ал-Бустани (ал-Машрик, XXXIV, 1936, 351—360). На юбилей отозвался левый дамаский журнал ат-Тал'ия (т. II, № 6—7, август—сентябрь 1936, стр. 485—544), посвятив ему половину специального номера (11 статей, 6 стихотворений); среди участников имеются крупные имена: ар-Рейханн, Шахбендер, ар-Русафи.

Если торжества в честь Фирдоуси прошли с таким блеском и прокатились широкой волной по всему миру, то это объясняется не только рядом политических причин, но и тем обстоятельством, что его значение как поэта

всем ясно и не вызывает сомнений. Он может войти в плеяду мировых поэтов на ряду даже с такими, как Гомер; почти все культурные народы имеют о нем понятие, хотя бы в известной мере, по переводам, предназначенным не только для узкого круга специалистов. В противоположность этому имя ал-Мутанаббия едва ли не для всех народов, не затронутых «мусульманской» культурой, представляет пустой звук. Торжества, организованные в некоторых городах Европы, были обязаны, главным образом, энергии сосредоточенной в них арабской колонии; таково, например, заседание, устроенное 12 июня в Берлине по инициативе «Объединения арабских студентов», в котором приняло участие несколько немецких ориенталистов (см. газету ал-Ахрām от 23 июня 1936 г.). Таковы же были торжества в Лондоне 14—16 октября, где главным организатором явилось египетское посольство (ал-Ахрām, 18 октября 1936 г.; *Oriente Moderno*, 1936, № 11, 600; *JRAS*, 1936, 722). Если ал-Мутанаббия совершенно справедливо, с полной уверенностью можно признать классиком арабской поэзии, имя которого должно быть названо в первом десятке, то даже в случае ближайшего знакомства с ним, когда-нибудь, Европы он все же не попадет в разряд мировых поэтов. Едва ли основательно стремление некоторых современных арабских критиков сравнивать его с Данте, Шекспиром или Виктором Гюго, искать у него параллелей к теориям Дарвина и даже... Ницше. И поэту и арабской литературе в целом эти тенденции оказывают плохую услугу; его оригинальность и своеобразная мощь совершенно затушевываются, точно за ними не признается никакого достоинства и права на внимание, а центр тяжести переносится на поиски бледных параллелей к тому, что существует в Европе, как единственному якобы мерилу величия.

Нельзя, конечно, отрицать, что в настоящее время в Европе его не знают: европейские переводы его известны только как исключение и редко кому, кроме ученых специалистов, доступны: очень часто они носят вспомогательный, учебный характер. Внимание к ал-Мутанаббию в науке за последние полвека значительно ослабело, так как главный интерес переместился в предшествующие периоды арабской литературы; основные работы о нем, как ни странно, относятся к первой половине прошлого века. Положительной стороной юбилея будет, несомненно, рост литературы об ал-Мутанаббии; для арабских стран это было видно уже по тем примерам, которые приведены выше. Крупнейшим явлением здесь и на этот раз оказывается популярная, но вдумчивая книга Тāхā Хусейна «С ал-Мутанаббием» (два тома, Каир, 1936). В Европе еще задолго до юбилея (в 1926—1929 гг.) была сделана попытка пересмотреть весь вопрос об ал-Мутанаббии в целом ряде статей молодым итальянским ученым F. Gabrieli; впервые после имеющей более чем вековую давность монографии P. Bohnen'a исследование его жизни и творчества ощутительно двинулось вперед. Автор и теперь откликнулся статьей общего характера.¹ В связи с юбилеем на римском конгрессе ориенталистов в сентябре 1935 г. был сделан доклад L. Massignon'a об исмаилитских влияниях в поэзии ал-Мутанаббия.² Доклад этот был опубликован в сборнике, выпущенном Французским институтом в Дамаске и явившимся наиболее ценным приобретением всей «мутанаббиевской» юбилейной литературы.³ Кроме двух членов Французского института в Дамаске в нем приняли участие три парижских арабиста и один алжирский. Наконец, в прошлом году вышла объемистая

¹ *Annali del R. Istituto superiore Orientale di Napoli*, vol. VIII, fasc. IV, septembre 1936, отд. отт. 15 стр.

² *Cp. Oriente Moderno*, XVI, 1936, 103.

³ *Al Mutanabbi, Recueil publié à l'occasion de son milénaire. Mémoires de l'Institut français de Damas. Beyrouth*, 1936, 8°, 1, 115.

монография R. Blachère,¹ которую можно считать для нашего времени исчерпывающим исследованием жизни и творчества поэта, с преимущественным вниманием, как увидим, к первой. Следует с полной уверенностью сказать, что на долгие годы она явится основной базой всех связанных с этой областью исследований, которые обязательно должны будут считаться с новой книгой.

II

О работе R. Blachère над ал-Мутанаббием читателям «Энциклопедии ислама» было известно давно, так как им в 1934 г. была помещена суммарная статья о поэте (III, 844—847) с ссылкой на готовящуюся работу. Ему же принадлежит основательный этюд об изучении ал-Мутанаббия на западе арабского мира² и общая характеристика жизни и творчества поэта в упомянутом сборнике Французского института в Дамаске (стр. 45—79), а в последнее время этюд об одном комментарии на диван поэта.³ Вновь вышедшая книга не обманывает возлагавшихся на нее ожиданий; она одинаково интересна и как свод всех предшествующих работ с критическим их пересмотром и как связная попытка нового решения ряда темных проблем. Работа носит подзаголовок «Опыт литературной истории» (*Essai d'histoire littéraire*) и, несмотря на стремление автора сохранить равновесие, все же преимущественно анализирует среду и жизнь поэта, а не его творчество. Автор сознательно и с полным правом не разделяет этих двух задач и в своей первой, основной части (*Vie et oeuvre*, стр. 23—262) все время изучает их параллельно. Биографию ал-Мутанаббия он рассматривает по небольшим периодам времени, на которые она удобно распадается в связи с пребыванием его, обыкновенно недолголетним, в тех или иных государственных центрах или самостоятельных областях. В каждом отделе сначала детально выясняются обстоятельства его жизни, а затем характеризуется поэтическая продукция за соответствующий период. Такая система имеет серьезные преимущества, главным образом аналитического порядка; она дает возможность сосредоточить внимание на небольшом сравнительно хронологическом периоде и все время рассматривать поэтические произведения, не отрывая их от обстоятельств жизни. Благодаря этому можно построить очень обстоятельную биографию поэта, твердо установить канву его жизни, иногда с точностью до месяца. Внимание к развитию его творчества помогает проследить исторический ход его по отдельным этапам. На ряду с этим, однако, автору приходится, имея в виду непрерывную нить изложения, как бы сжимать анализ отдельных приемов поэта, всей богатой его поэтики; ее показательнее было бы рассмотреть с сохранением исторического подхода, но в общем синтетическом этюде, не разбивая по отдельным хронологически ограниченным периодам.

Перевес историко-литературного материала над анализом поэтического стиля объясняется, быть может, еще одним принципиальным взглядом автора. Своей конечной задачей он считает оценку творчества ал-Мутанаббия с точки зрения европейца для определения его места в развитии арабской поэзии и выяснения, чем оно может быть интересно для нас (стр. 341). Такая постановка имеет, конечно, свои основания, но с известными оговорками. Определение места поэта в общем развитии данной поэзии является, несомненно, одной из основных задач всякого историко-литературного

¹ R. Blachère. Un poète arabe au IVe siècle de l'Hégire (Xe siècle de J.-C.): Abou t-Tayyib al-Motanaabbî (*Essai d'histoire littéraire*). Adrien-Maisonneuve, Paris, 1935, 8°, XX, 366.

² *Revue des études islamiques*, 1929, 127—135.

³ *Annales de l'Institut d'Études Orientales*, IV, Alger, 1938, 121—128.

исследования, но она должна быть решена не только и даже не столько с точки зрения европейских взглядов, сколько с привлечением местных арабских теорий и с учетом точки зрения арабских критиков. Нельзя сказать, чтобы автор с ними не считался; он внимательно привлекает их как из периода средневековья, так — что увидим в дальнейшем — и современности. Однако эти наблюдения, основанные непосредственно на арабском тексте и неотъемлемо связанные с фактами арабского языка, он считает если не необязательными для своего исследования, то как бы недоступными европейскому чувству, остающимися для него загадкой, как он говорит (стр. 338). В связи с этим он уделяет очень мало внимания всей поэтической фразеологии, терминологии, всему богатству фигур и образов. Он сознательно отклоняет от своего исследования все эти вопросы: крайне показательно, что во всей работе нет ни звука, например, о ритмике ал-Мутанаббия и только два раза примеры приводятся непосредственно в арабском тексте (стр. 54, 254). Этим самым он лишил свою фундаментальную работу очень важной части, которую ему легко было прибавить и которую естественно будут искать в общей монографии об ал-Мутанаббии. Строя ее в основном, очевидно, для историков литературы, не интересующихся языком поэта, он пренебрег интересами арабистов, для которых в поэзии ал-Мутанаббия еще много нерешенного, прежде всего с точки зрения поэтики и словесной формы. В этом смысле, как ни странно, более чем столетняя работа P. Böhlen'a до сих пор не нашли своего продолжателя с учетом всего наследия ал-Мутанаббия, и монография R. Blachère сознательно отклоняет от себя эту задачу. Ал-Мутанабби попрежнему будет ждать того исследователя, который на основе его дивана даст труд, аналогичный монографиям P. Schwarz'a об 'Омаре ибн Абӯ Рабӣ'a или R. Geyer'a об ал-А'ше.

В связи с этим R. Blachère несколько суживает окончательную оценку поэзии ал-Мутанаббия. Признавая ее основными свойствами, с точки зрения европейского исследователя, «бедуинизм», эпичность, гномику и лиризм (стр. 344—346), значение для современного читателя он видит только в двух последних (стр. 347—349), главным образом в тех лирико-философских, обыкновенно облеченных в сентенциозную форму, отступлениях, которыми так богата его поэзия во все периоды. Совершенно основательно он указывает здесь на необходимость не отрывать содержания от формы (стр. 348), такой чеканной и сильной. Последнюю мысль применительно к общей оценке ал-Мутанаббия справедливо было бы продолжить: итог нашего отношения к ней определяется не только ее содержанием, но всей ее поэтической формой и образностью. Несомненно, что для полного суждения о последней необходимо восходить в конце концов к арабскому тексту, но также несомненно, что без учета этой стороны характеристика его творчества останется неполной, едва ли правильно будет определено его место в истории арабской поэзии и даже дан верный учет тех сторон, которыми оно может действовать на европейского читателя. В этом, пожалуй, единственное принципиальное возражение, которое при нашем взгляде можно было бы сделать автору; в целом, его труд заслуживает всяческой похвалы и является едва ли не лучшей монографией по истории арабской поэзии за последние годы.

Использование источников и предшествующей литературы можно признать исчерпывающим и образцовым. Путем детального анализа из двадцати известных биографий ал-Мутанаббия (стр. XV—XVI) автор выделяет пять, имеющих самостоятельный характер, устанавливая источники каждой из них, восходящие в конечном результате к современникам поэта (стр. XVI—XVIII). Изучение арабских материалов, относящихся к ал-Мутанаббию, позволяет ему проследить постепенное зарождение «мутанаббиевской» лите-

ратуры еще при жизни поэта в различных центрах — Алеппо, Каире, Багдаде, откуда она впоследствии распространилась по разным областям арабского мира. В обширном списке использованной литературы (стр. III—XIV) он справедливо подчеркивает, что им на ряду со специально «мутанаббиевской» литературой привлечена и не относящаяся непосредственно к поэту, но такая, которая в каком-нибудь отношении может характеризовать историческую, географическую, социальную, религиозную или литературную среду, где жил автор. Мелкие пробелы здесь можно было бы указать только при большой придирчивости. Упомянув аббасидского везира 'Али ибн 'Ису (стр. 35), автору было бы полезно сослаться на специальную работу о нем Н. Bowen (Cambridge, 1928); много любопытных материалов для характеристики багдадского халифата этой эпохи (стр. 126) дает недавно изданный том историка ас-Сүли (London, 1935), но он появился, вероятно, тогда, когда книга R. Blachère была уже закончена. При характеристике комментария Абū-л-'Алā на дивāн ал-Мутанаббия (стр. 278—279) следовало бы упомянуть, что анализ его с довольно большими извлечениями дан мной в 1909 г., тем более что он помещен в той статье, которой автор уделил большое внимание. Blachère не касается отражений изучаемой им эпохи в современной изящной литературе; в противном случае можно было бы вспомнить французский роман-хронику, посвященный знаменитому покровителю ал-Мутанаббия, хамданидскому эмиру Сейф ад-дауле.¹ В книге имеется ряд мелких недоразумений: в библиографии (стр. XIII) известная книга Т. Хусейна об Абū-л-'Алā указана в 6-м издании 1915 г.; имеющийся у меня экземпляр 2-го издания помечен 1922 г. Нисбу известного ученого надо читать не ан-Нуджайримī, стр. 195, а ан-Неджīрамī; ср. Brockelmann, GAL, I SB., 201 № 2a. В списке литературы (стр. VII) отсутствует издание послания ал-Хатимī, выполненное Ф. ал-Бустāни, хотя в тексте оно цитируется неоднократно (стр. 223, прим. 2, стр. 268, прим. 4, 7). По какому-то недоразумению и в 315/927 и в 316/928 гг. ал-Мутанабби называется 14-летним (стр. 30, 34), хотя он родился около 303/915 г. (стр. 24). А б ъ а т а л - м а ' а н ѝ как название сочинения (стр. 292, прим. 2) не может значить «les versen en énigmes», а «стихи по сюжетам»: ср. название сочинения ал-'Аскерī «Дивāн ал-ма'āни» или «Ма'āни-ш-ши'r» (Brockelmann, GAL, I SB., 185, прим. 2). Число опечаток довольно значительно, даже А. Huart (стр. VII) вм. Сl. Huart. На ряду с удачно составленным указателем собственных имен было бы желательно видеть указатель анализируемых стихотворений ал-Мутанаббия.

Ряд выводов автора, добытых им на основе тщательного изучения материалов, представляет большой шаг вперед в характеристике жизни и творчества поэта. Впервые им устанавливается с отчетливостью связь ал-Мутанаббия с карматским движением, на фоне чего ближе к окончательному решению подходит вопрос о происхождении его прозвища и разъясняется ряд темных пунктов как в биографии поэта, так и в его произведениях. Большой убедительностью обладает проводимая им теория о трех манерах, последовательно развившихся в его творчестве. Существенный историко-литературный интерес представляет обрисовка различных центров, где впервые начала развиваться мутанаббиевская литература.

Обзору ее как на арабском, так и на европейских языках посвящена вторая часть его труда (стр. 265—339); едва ли здесь пропущено что-нибудь существенное, а наоборот, многое впервые привлечено и освещено автором. Большой его заслугой надо признать углубленное внимание к арабским

¹ André De v e n s. Le roman de l'émir Seif d'après les anciens textes orientaux. Paris, 1925. Он переведен и на арабский язык Искендером Рийāшī (Бейрут, 1349/1929 гг.).

произведениям по истории литературы за новый период XIX—XX вв. (стр. 301—320);¹ трудно было бы указать другую европейскую работу, в которой эта область заняла такое существенное место. Не все в этой продукции вызывает по заслугам положительную оценку автора, но его основательный подход заслуживает похвалы и подражания: его работа является лучшей иллюстрацией высказанной мною несколько лет тому назад мысли о том, что в настоящее время при изучении различных вопросов истории арабской литературы приходится считаться не только с европейскими, но и арабскими историками литературы (ЗИВ, III, 179).

В параллель к этому следует отметить, что и русская литература не оставлена автором в пренебрежении. Основное внимание в связи с вопросом о происхождении прозвища поэта он уделяет моей статье «Мутанабби и Абū-л-‘Алā» (ЗВО, XIX, 1—50). Судьба ее довольно оригинальна: через четверть века после своего написания она уже второй раз удостоивается систематического разбора. Первый раз обстоятельному анализу подверг ее итальянский ученый F. Gabrieli в связи с тем же вопросом. Нужно сказать, что в момент написания статьи в 1907 г. этот сюжет имел для меня только второстепенное значение: основной целью статьи была характеристика тех пессимистических мыслей поэта о мире, которые м о г л и оказать свое влияние на творчество Абū-л-‘Алā, и выяснение, отразилось ли отношение последнего к ним в соответствующих местах его комментария на дйбāн ал-Мутанаббия. В связи с ясным, как мне казалось, религиозным индифферентизмом поэта я высказывал, что своим прозвищем он обязан не реальному факту выступления претендентом на пророческое звание, о чем говорят некоторые легенды, а отдельным своим стихам, где прибегает к поэтической игре именами ряда пророков. Подробный анализ всех данных, произведенный R. Blachère, и в частности разбор моих соображений (стр. 68—71, ср. еще упоминание на стр. 55, прим. 2, 66, 311, 332, 338) приводит его к выводу, что выступление имело место, но носило оно не религиозный, а скорее политический характер. В связи с выясненной им ролью движения карматов во всей биографии ал-Мутанаббия этот вывод приобретает большую убедительность, и мое предположение можно считать отпавшим.

Не вполне ясным остается, пользовался ли автор моей статьей непосредственно или только в изложении, данном F. Gabrieli. В первом случае ее следовало бы упомянуть там, где подчеркивается, что ал-Мутанабби «подготовил приход и облегчил формирование Абū-л-‘Алā» (стр. 347), а при речи о комментарии последнего (стр. 278—279) отметить, что мною опубликованы некоторые извлечения из него. Более близкое знакомство с моей работой несколько разъяснило бы вопрос о существовании двух комментариев Абū-л-‘Алā (см. у меня, стр. 4, прим. 2, и стр. 23).

Из прочей русской литературы, имеющей отношение к ал-Мутанаббию, автор пользуется только моей работой об ал-Ва’ва в двух пунктах: при характеристике литературного окружения Сейф ад-даули (стр. 131, прим. 2; стр. 133, прим. 6) и при общей оценке творчества ал-Мутанаббия (стр. 332). Остальная русская литература количественно небогата и в новое время едва ли не исчерпывается статьей А. Е. Крымского об ал-Мутанаббии и Абу Фирасе.² (Она упомянута теперь С. Brockelmann’ом в GAL, I. SB., 138). В ней имеется и основная русская библиография за предшествующий период (стр. 71—73).

Прощаясь с книгой R. Blachère, надо еще раз подчеркнуть, что мало арабских поэтов дождалось такой обстоятельной и добросовестной моно-

¹ Арабское изложение этой главы дано теперь в журнале ал-Машрик (XXXIV, 1936, 575—599).

² Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского. М., 1914, стр. 17—82.

графии о них; вместе с тем она показывает, как много еще осталось в этой области сделать для изучения творчества даже того поэта, которому книга посвящена.¹

III

Русская библиография об ал-Мутанаббии может быть теперь несколько дополнена сравнительно с приведенной А. Е. Крымским. Ее систематический анализ по такому же типу, как произвел R. Blachère для западно-европейской литературы, представляет очень интересную задачу и мог бы дать любопытную картину и по истории нашего востоковедения и общекультурного развития.

Любопытную главу такого этюда мог бы составить обзор упоминаний ал-Мутанаббия и его стихов у русских писателей. Начать эту главу пришлось бы, вероятно, с известной арабской цитаты в письме Грибоедова 1820 г. Она расшифрована окончательно 19 лет тому назад;² установив книжное происхождение и стихотворную форму изречения, приведенного Грибоедовым, я не мог тогда определить автора. Им оказывается как раз ал-Мутанабби: полустигия взята из его знаменитой пьесы с упреками своему меценату Сейф ад-дауле.³ Стихи ал-Мутанаббия доставляли не только бродячие изречения: они часто превращались в народные песни. Один из примеров переносит нас в русскую литературу XX в. Писатель А. М. Федоров во время своего путешествия на Ближний Восток в 1910 г. записал от лодочников в Мерсине ряд песен.⁴ Они переданы в свободном изложении, и оригинал их не всегда выступает отчетливо, но та маленькая цитата на арабском языке: «Нашарат саласа зава'ибин мин ша'риха. . .», которая предваряет одну песню (стр. 96), сразу помогает установить соответствующее стихотворение ал-Мутанаббия (изд. Dieterici, 182, стих 8—9). Гномические изречения его тоже продолжают жить в нашей литературе до последних дней, и в романе Л. Леонова «Скутаревский» упоминается стих «Мотаннабия»: «Пусть тебя не вводит в заблуждение улыбающийся рот».⁵

IV

В связи с исполнившимся 1000-летним юбилеем арабского поэта русскую печатную литературу о нем можно пополнить некоторыми рукописными материалами. В бумагах В. Р. Розена, находящихся в архиве Института востоковедения, сохранился в автографе принадлежащий ему перевод двух стихотворений.⁶ Судя по почерку, рукопись относится к последним годам жизни и не старше начала XX в.; перевод предназначался, вероятно, для лекций по арабской поэзии или по истории арабской литературы,

¹ После того как мной была написана данная статья, на эту книгу появился ряд рецензий, из которых мне известны: E. G. Gomez], *al-Andalus*, IV, 1936, 243—246; H. A. R. Gibb], *BSOS*, VIII, 4, 1937, 1160—1161; G. Richter, *OLZ*, 40, 1937, 306—307; J. S. Aïouché, *Hesperis*, 1937, 143—144; R. Nicholson, *JRAS*, 1938, 319—320; J. Hell, *Der Islam*, 25, 1938, 174—176, 178—179. Последняя представляет наибольший интерес; в ней дан также отзыв и об упомянутом французском сборнике института в Дамаске (стр. 176—178). Недавно вышла первая часть начатого О. Rescher'ом перевода дивана ал-Мутанаббия по изданию ал-'Укбари с привлечением изданий ал-Йазиджи и ал-Бахиди (Stuttgart 1940, 8°, 5, 170).

² Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, XXIII, 1918, 188—194.

³ См. изд. Dieterici 486, стих 34а = Арабская хрестоматия В. Ф. Гиргаса и В. Р. Розена, 548, стих 34а.

⁴ Солнце жизни. Палестина, ч. I. М., 1913, 95—96, 98—99.

⁵ Изд. «Советская литература», М., 1933, 156.

⁶ Изв. Акад. Наук, 1918, 1933, № 35.

читанных им в эти годы. Художественных целей он не преследовал и окончательно не обработан, но интерес его, как наброска из лаборатории нашего крупнейшего арабиста прошлого поколения, несомненен не только в связи с юбилеем поэта.

Рукопись печатается без всяких изменений, но по новой орфографии с восстановлением скудной иногда в оригинале пунктуации. В конце стиха 35 второй пьесы я позволил себе заменить два неудобных для печати выражения.

Первая пьеса посвящена восхвалению Сейф ад-даули, вторая представляет известную сатиру на Кафура. Снабжать перевод пояснениями не казалось необходимым, так как интересующиеся найдут нужный материал в упомянутых выше работах А. Е. Крымского и R. Blachère. Ссылки на оригинал добавлены мною.

I

Издание Dieterici, 439—445 = Арабская хрестоматия В. Ф. Гиргаса и В. Р. Розена, 543—546, № 105.

1. Когда хвалят — предпосылают несйб. Неужели всякий, кто говорит стихи, поработен женщинами?

2. Право, любовь к Ибн-Абдаллаху лучше, ибо им начинается слава и кончается.

3. Я сам был рабом женщин до тех пор, пока мой взгляд не направился на зрелище, в сравнении с которым они показались ничтожными, тогда как оно было велико.

4. Сейфуддаула [меч власти] вышел на борьбу с судьбой и разбил ее суставы и пронзил ее насквозь!

5. И его повеление обязательно даже для солнца и его тамга ясно видна даже на луне.

6. Враги его в своей же земле как бы его ставленники. Угодно ему — они ею владеют, не угодно — ее ему отдают.

7. И у него для этого нет грамот, а есть только меч; нет послов, есть только могучее войско.

8. И нет руки, которая ему бы не помогала, нет рта, который его бы не прославлял.

9. Нет кафедры, с высоты которой не раздавались бы его имена, нет динара и диргема без его имени.

10. Он рубит мечом, подступая близко к врагу; он ясно видит, хотя между двумя витязями [от пыли] темно.

11. Состязаются с падающими звездами всякую ночь его звезды, рыжие и воронные [т. е. лошади].

12. Они топчут тех богатырей, которых они не несут, и из кусков копья те, которых нельзя починить.

13. Они с волками в степи рыщут; они с рыбами в море плавают.

14. Они с газелями в долинах прячутся; с орлами на вершинах кружатся.

15. Когда люди бамбук [копья] вырвут [из места, где он растет], он о груди его коней и благодаря их натиску ломается.

16. Белым знаком на челе он отмечен на войне и в мире, среди умных, щедрых, восхваляемых и прославляемых.

17. Превосходство его признает, кто его не любит, и родившимся под счастливой звездой его признает, кто ничего не смыслит в звездочетстве.

18. Он берет под свою защиту даже против времени, так что, кажется мне, даже Ад и Джоргум просят его возвратить их к жизни.

19. Да проклят будет этот ветер! Что ему вздумалось! [мешать]. И да будет благословен этот поток! Что он затеял! [тягаться с Сейфом в щедрости].

20. Разве не справлялся ливень, который задумал нас сбить с пути? Ему бы справку о тебе могло дать отточенное железо.

21. И когда туча встречала тебя своим ливнем, то ее встретил благороднейший и щедрейший ее.

22. И дождь смочил лицо, которое уже долго смачивало копье, и оросил одежду, которую уже долго орошала кровь.

23. Он следует за тобой: один поток следует другому из Сирии: следует испытанному учащийся.

24. Навещает он ту могилу, которую и ты с войском своим навещаешь; его волнует то же влечение к ней, которое тебя волнует.

25. Когда ты делаешь смотр войску, то вся краса его — всадник среди него с развевающимися волосами.

26. Вокруг него — бушующее море лат; в них идет твердая скала конницы.

27. Земли уравниваются ею — она как бы сливает воедино разбросанные горы и нанизывает их [на нитку].

28. И у каждого витязя на челе написана строка ударом меча, а точки и знаки в ней копьями.

29. Из-под кольчуги руки вытягивает [ярый] лев; глазами из-под шлема сверкает пестрая [змея].

30. Знамена и значки той же породы [как лошади, т. е. арабские] и вся одежда и отравленное оружие.

31. Долгие бои обучили ее [эту конницу]; взгляд его направляет ее издалека и она понимает.

32. Она отвечает ему делом, хотя и не слышит его слов; он движением век своих заставляет ее слышать и не произнеся слова.

33. Она уклоняется в правую сторону, как будто жалея Меяфарикин и сострадая к нему.

34. Но если б он вздумал теснить ее, он узнал бы, какая из двух стен слаба и обречена на разрушение.

35. На каждом поджаром [коне], под каждым поджарым [витязем] [конь] словно вспоенный кровью, вскормленный мясом [врага].

36. На них [конях] в бою та же одежда, что и на витязях, на них сидящих; каждый конь облачен в латы и шлем.

37. И не потому это, чтобы они скупались отдавать свою жизнь копьям, но только противиться злу разумнее злом же.

38. Не думают ли блестящие индийские, что твой корень — их корень и что ты их породы! О как горько они ошибаются!

39. Когда мы тебя называем, наши мечи, сдается нам, улыбаются от гордости в своих ножнах.

40. И не видали мы никогда царя, которого прозывали бы люди именем ниже его и [он] удовлетворялся бы им. Но они ведь невежи, а ты великодушен.

41. Ты преградил душам врагов все дороги к жизни; ты даешь, кому хочешь и отнимаешь, у кого хочешь.

42. И нечего бояться смерти, разве от твоих копий, и нет жизни, разве что ты ею наделишь.

1. О! Охотно я отдал бы всякую, медленно-изящно выступающую, за всякую, быстро ногами перебирающую.

2. И за всякую берберскую скорую, копыта передних ног выворачивающую. И на что мне красота походки?

3. Но те — веревки жизни и оковы врагов и защита от обиды.

4. Ими я пересекаю степь как игрок перебирает кости: выйдет или то или другое.

5. Когда они почуют опасность, впереди них становятся благородные [кони] и блестящие [мечи] и темные [копья].

6. Вот они промчали нас мимо Нахля и их всадникам ни Нахль [не] нужен, ни тварь какая-нибудь.

7. И у Никаба они нам дают выбор: в Вади-л-Миях ли нам ехать или в Вади-л-Кура.

8. И мы сказали им: где земля Ирака? И они сказали, когда мы доехали до Турбана: Вот она!

9. И пронесли они меня как несется западный ветер навстречу дуновенью восточного ветра.

10. Стремясь в Кифаф и Кебд-ал-Вихад и в Вади-л-Бувейру соседку ал-Гады.

11. И пересекают Бусейту, — как разрезают платье — между страусами и газелями.

12. По пути в Укда-л-Джауф, пока не утолили часть жажды своей в Ма-ал-Джурави.

13. И заблистали для них Савар и утро, и заблестал для них аш-Шагур и полдень.

14. И бег их под вечер донес их до ал-Джумайия и ранним утром до ал-Адари, потом до ад-Дана.

15. И какая это была ночь около Акуша, когда вся земля была черна, а путевые знаки скрылись из вида.

16. Мы в середине ночи прибыли в ар-Рухайму; а осталось от нее больше чем прошло!

17. И когда мы остановили своих животных, мы водрузили копья над нашими подвигами и благородными делами!

18. Мы целовали свои мечи и стирали с них кровь врагов.

19. Пусть знает Египет и кто в Ираке и кто в Авасиме, что я — богатырь.

20. И что я верен слову и что не гну спину и что я нападаю на того, кто на меня нападает.

21. И ведь не всякий, кто говорит слово, верен ему; и не всякий, кого угнетают, дает отпор.

22. А у кого сердце подобное моему сердцу, тот на пути к славе рассекает самое сердце гибели.

23. Но сердце должно иметь оружие и рассудок, который расщепляет крепчайшие скалы.

24. И на всяком пути, по которому идет человек, шаги всегда соразмерны ноге.

25. И жалкий евнух проспал нашу ночь, а раньше он спал в слепоте своей, не от сонливости.

26. Хотя мы были близки от него, но между нами были пустыни благодаря его глупости и слепоте.

27. До встречи с тем евнухом я полагал, что головы — вместилище ума.

28. Но когда я наконец дошел до его ума, я понял, что ум весь скрывается в яйцах.

29. И сколько смехотворных вещей в Египте — но смех-то похож на плач!

30. Там набатеец из Севада обучает генеалогии арабов.

31. И негру, у которого губы — в полтела, говорят: Ты луна, освещающая ночь.

32. И все стихи, в которых я прославлял этого носорога, — не то стихи, не то чары.

33. И они не столько похвалы ему, сколько упреки всей твари.

34. Бывало, что люди своими идолами увлекались, но мешком с ветрами — никогда.

35. Те молчат, а этот говорит; когда его тронут, он испускает ветры или звуки.

36. И кто сам не знает, как мало он знает, как мало он стоит, тому другие укажут, чего он не видит.

Ленинград.
1937 г.

Д. В. СЕМЕНОВ

РОМАН ИБРАХИМА АЛ-МАЗИНИ «ИБРАХИМ АЛ-КАТИБ»

Данное произведение египетского литератора Ибрахима ал-Мазини, носящее заглавие «Писатель Ибрахим», интересно прежде всего как одна из немногих пока попыток арабских писателей создать оригинальный роман из современной жизни арабского Востока. К ним можно отнести «Зейнаб» (1914) Мухаммеда Хусейна Хайкала и «Возвращение духа» (издано в 1933 г., написано в 1927 г.) Тауфика ал-Хакима, переведенное на русский язык М. А. Салье (изд. 1935 г.). Сюда относятся также повести Таха Хусейна: 1) «Дни», вышедшая в журнале «ал-Хилал» в 1926/27 г. и отдельной книжкой в 1929 г.; перевод ее на русский язык акад. И. Ю. Крачковского издан в 1934 г. (см. вводную статью последнего к переводу), и 2) «Литератор», изданная в 1935 г.

Роман ал-Мазини напечатан в Каире в 1931 г. отдельной книгой форматом в $\frac{1}{8}$ листа (малый октав) и изложен на 384 стр. Он состоит из четырех частей, распадающихся на главы (первая — 15 глав, вторая — 10, третья — 13 и четвертая — 2 главы), в свою очередь содержащих подразделения, и снабжен предисловием издателя и введением автора.

Биографические сведения об авторе мы можем почерпнуть непосредственно из краткой автобиографии его, помещенной в книге «Машахир шу'ара ал-'аср фи-л-актар ал-'арабийя саласа Миср ва Сүрийа ва-л-Ирак; ал-қисм ал-аввал, шу'ара Миср», т. е. «Известные современные поэты в трех арабских странах — Египте, Сирии и Ираке; ч. I. Поэты Египта». Автобиография была написана по просьбе Ахмада 'Убайда, редактора упомянутой книги, вышедшей в Дамаске в 1922 г. Эти сведения следующие:

«Я родился 19 августа 1890 года христианской эры. Имя моего отца — или было оно, когда оно было его именем, — Мухаммад 'Абд-ал-қадир ал-Мазини, и был он адвокатом, если тебя интересует знать это. Учился я в школах начальной, средней и высшей; окончил Высшую хедивскую школу учителей в 1909 г., и назначило меня министерство просвещения преподавателем теории перевода в среднюю школу Са'идийа, затем в среднюю Хедивийа, потом преподавателем английского языка в школу учителей Насирийа. В сентябре 1914 года, через месяц после возникновения войны, я подал в отставку, избегая преследования меня со стороны тогдашнего министра просвещения, бывшего другом поэта Хафиза-бек Ибрахима, которого я критиковал. Я занимался в качестве преподавателя теории перевода и истории в средней школе И'дәдийа, потом в средней школе в Вадй-н-Нил, затем был назначен инспектором средней Каирской школы. Когда поднялось египетское национальное движение, я оставил школы и ушел в политику и не переставал до сего часа быть редактором газеты «ал-Ахбар» в Каире.

Из печатных книг у меня имеются две части — первая и вторая поэтического сборника, статья „Поэзия, ее цель и средства“ и критическая статья „Поэзия Хāфиза Ибрāхима“. Я и мой друг профессор ‘Аббас-эфенди Махмуд ал-‘Аққад выпустили две части книги, название которой „ал-Дивāн“.

Эта и другие школьные книги разошлись все. Не думай, что я стремлюсь это рекламировать. И нет у меня необходимости говорить, что я не перестаю, к сожалению, находиться в живых, не зная, когда умру.

С приветом

Ибрāхим ‘Абд-ал-қадир ал-Мāзини.

Каир, 21 марта 1922 г.»

В статье Э. Соссэй под названием «Ibrahim al-Mazini et son „Roman d'Ibrahim“, помещенной в органе Французского института в Дамаске «Bulletin d'études orientales» за 1932 г. (tome II, fasc. II), упоминается еще о трех томах очерков ал-Мāзини с названиями: 1) «Хисад ал-хашим» («Жатва сухих стеблей»), 2) «Қабд ар-рйх» («Порыв ветра») и 3) «Сундүк ад-дунйа» («Калейдоскоп»).

Г. Кампфмейер и Т. Хемири в своей брошюре «Leaders in contemporary Arabic literature» (1930, pp. 27—29) перечисляют эти семь трудов ал-Мāзини в таком порядке:

- 1) «аш-Ши'р ва гāйātуху ва васā'итуху» («Поэзия, ее цель и средства»).
- 2) «Ши'р Хāфиз Ибрāхим» («Поэзия Хāфиза Ибрāхима»), 1914.
- 3) «Дивāн ал-Мāзини» — сборник лирических поэм в двух частях.
- 4) «ад-Дивāн» — критические заметки ал-Мāзини и ал-‘Аққад о Шаукй, ал-Ман-фалутй и ‘Абд-ар-рахмāне Шукри, 1921.
- 5) «Хасад ал-хашим» — сборник литературных и критических исследований и различных очерков, первоначально опубликованных в разных периодических изданиях, 1925.
- 6) «Қабд ар-рйх» — сходный с предыдущим по форме и содержанию сборник, заключающий в себе между прочим критику на некоторые труды Тахā Хусейна, 1927.
- 7) «Сундүк ад-дунйа» — юмористические очерки, диалоги и короткие рассказы, 1929.

И. Ю. Крачковский дополняет еще этот список работ ал-Мāзини напечатанным в Каире в 1930 г. «Рихлат ал-Хиджāз» («Путешествие в Хиджаз»).

Сообщая биографические данные о Мāзини, авторы той же брошюры говорят, что некоторые из его английских учителей помогли ему в направлении и развитии его литературного дара, и констатируют глубокие познания Мāзини в области английского языка и литературы.

Что касается его деятельности как журналиста, то он занимается ею с начала войны и с 1928 г. состоит в штате «ас-Сийāса».

Из работ Гибба, Кампфмейера и И. Ю. Крачковского, посвященных современной арабской литературе, явствует, что ал-Мāзини приобрел известность как поэт, критик и публицист.

Однако в качестве автора романа он выступает впервые. Поэтому он счел необходимым предпослать своему роману соответственное введение, в котором как бы заранее отвечает читателю на могущие возникнуть у последнего вопросы как по поводу самого появления романа, так и его содержания. Ал-Мāзини говорит, что начал писать свой роман в 1925 г., затем оставил его и предал забвению до зимы 1926 г., когда он познакомился с одной австриячкой, занимавшейся журналистикой и преподаванием. Между ними завязалась дружба, и его знакомая рассказала ему страницу своей жизни, полную печали и тягот.

В ответ на ее рассказ он должен был поделиться с ней каким-нибудь откровенным сообщением из своей жизни, но так как у него не было ничего,

что заслуживало упоминания и оказалось бы равноценным ее повествованию, то он рассказал ей содержание романа, как он было задумал его написать, причем выдал его за историю своей жизни. Этим обстоятельством объясняется название романа «Писатель Ибра́хйм» и конец, похожий на начало новой истории.

Затем ал-Мазини отделяет себя совершенно от своего героя в приводимых ниже выражениях: «Мне нет необходимости говорить, что я не являюсь Ибра́хймом, которого изображает роман, что это создание никогда не существовало и что оно открыло на свет свои глаза только в моем романе. . . Более того, я не был бы доволен быть им. Мне не нравится ни его поведение, ни его темперамент, ни образ его мыслей. Я сожалел, что его создал, и, если бы это была статуя, я бы ее разбил; если бы то был друг, я бы с ним поссорился. Он торжественно принимает жизнь, я принимаю ее без торжества. Он смотрит на мир мрачно, а я посылаю ему мою самую приятную улыбку и ощущаю радость в нем, стекающую с моего пера, подобно испарине. Он весьма склонен философствовать, а я считаю такого рода людей достойными оплакивания. Он груб, высокомерен, а я мягок и скромен; он упрям, я миролюбив; он недоверчив, я благосклонен. В его душе горечь, а я счастлив тем, что живу, доволен жизнью и удовлетворен ею. Он как будто хочет создать мир и людей по своему желанию. Поэтому ты видишь его нетерпимым и тоскливым; я же не думаю, что мир мог бы быть создан лучше, чем он есть. Я не верю, как он, что можно быть тройственным в любви или ненависти. Я никогда не болел воспалением легких и т. д. Таким образом между нами нет, как ты видишь, никакого другого сходства, кроме нашего маленького роста и тщедушного телосложения. И я предпочел бы, чтобы особенность быть хромым, которой я обладаю, принадлежала ему, а не мне».

Затем ал-Мазини переходит к актуальному вопросу о том, как ему быть с диалектом, пользоваться ли им в романе, и если пользоваться, то в какой мере. Вопрос о так наз. «двуязычии» является злободневным в арабских странах, естественно, что он находит свое отражение и здесь. В противовес многим другим писателям, которые в диалогах вводят диалект, а в описаниях и рассуждениях самого автора пользуются литературным языком, ал-Мазини решает избегать диалекта и употребляет его довольно редко на протяжении всего романа, считая диалект несовершенным орудием мысли, неспособным выразить отвлеченные идеи.

Наконец, он высказывается о целях, каких старался достигнуть данным романом, и о том, как он смотрит на роман вообще. Ал-Мазини считает вовсе не обязательным писать по образцу западноевропейских романов. Он говорит, что каждый народ живет своей жизнью, обладающей своими особенностями, а потому имеет и свое искусство, должноствующее отражать эти особенности. «Русское искусство не английское, а это последнее не французское, не германское, не американское и, следовательно, нет ничего, что бы мешало возникнуть искусству египетскому. В этом смысле литература является самобытной и не зависящей от того, что противопоставляется ей или соответствует у других народов». В отношении египетского романа автор не видит необходимости, чтобы действие его происходило непременно на улицах, в клубах и общественных собраниях и чтобы в нем фигурировала обязательно та самая любовь, которая описывается в западноевропейских романах, да и вообще он сомневается в том, что любовь должна быть единственным стержнем романа.

Что касается предисловия издателя, помещенного в самом начале книги, то в нем предлагаемый вниманию читателя роман рассматривается довольно своеобразно, а именно как совершенно новое явление, новый вид психологического исследования о вечной проблеме любви.

Содержание романа излагается мной с сохранением порядка расположения материала, который принят у автора.

Роман начинается кратким описанием восемнадцатилетней девушки Шушу, одного из главных действующих лиц, красота, изящество и простота которой привлекали всех, кому с ней приходилось соприкасаться. В следующей главе автор описывает путешествие героя своего романа Ибра́хима, которого он пока еще не называет по имени, из Каира в деревню к своему родственнику. Гостя приветливо встречает Шушу, и он сразу же оказывается в ее обществе. Она относится к нему просто и непосредственно, и он иногда попадает в комические положения в результате веселых ребяческих выходов с ее стороны. Ибра́хим переносится в непривычную для горожанина обстановку сельской жизни со всем ее размеренным укладом. Он встречается со своеобразными типами вроде слуги Ахмеда ал-Майит и служанки-негритянки Фāтимы. Он пользуется гостеприимством семьи своего родственника шейха 'Алī, который в данное время находится в Александрии вместе со своей свояченицей Самīхой, средней сестрой жены его Наджйи. Дома остаются жена шейха 'Алī с детьми и младшая сестра ее Шушу. Члены семьи и гость встречаются за столом, где хозяйкой является Наджйа, миловидная лицом, но тучная и ограниченная женщина, ведущая сытую и праздную жизнь, лишенная каких бы то ни было духовных запросов, считающая, что самым верным профилактическим средством от всех болезней служит обильный стол, по-своему религиозная; она верит в чертей и считает их своими самыми опасными врагами. Ибра́хим выслушивает рассуждения Наджйи о болезнях, сытых обедах и чертях, над страхом перед которыми слегка подтрунивает Шушу.

Разговор о болезнях заходит у них не случайно. Ибра́хим недавно был болен, перенес серьезную операцию и еще не совсем окреп. Приезд его в деревню отчасти и объясняется желанием отдохнуть и набраться сил. На вопросы о болезни и пребывании в больнице он отвечает очень неохотно.

У Ибра́хима появляется желание побродить по полям, посетить окрестности деревни, быть ближе к природе, остаться иногда наедине со своими мыслями, но он всякий раз оказывается в плену существующего домашнего уклада, который он не должен нарушать.

Он испытывает удовлетворение лишь тогда, когда находится в обществе Шушу, веселой и жизнерадостной девушки с пытливым и наблюдательным умом; он в ней видит достойного себе собеседника, несмотря на разницу в годах и характерах. Ибра́хим встречает в ней уже женщину, тогда как какой-нибудь год назад она была еще ребенком, к которому нельзя было относиться иначе. Своими расспросами о пребывании его в больнице она ставит его в тупик, так как он не может открыться ей во всем.

В четвертой главе автор знакомит нас с периодом жизни писателя Ибра́хима, непосредственно предшествующим приезду его в деревню.

Болезнь, которой он страдал, привела к операции. В больнице он встречает очень теплое и предупредительное отношение к себе со стороны сестры милосердия Мари, молодой, привлекательной и скромной женщины. Она была единственным человеком, который разделял с ним часы его одиночества в больнице. Она могла сидеть у него, совершенно не мешая ему углубляться в свои мысли, и быть его собеседницей, когда он ощущал в этом потребность. Между ними скоро установились дружеские отношения, перешедшие вслед за тем в чувство взаимного влечения. Этому способствовала одинаковость их положения вдовцов, причем оба они имели по ребенку; способствовала сближению также покорность и скромность Мари, вследствие чего Ибра́хим чувствовал себя сильным, хотя и был ослаблен болезнью. Связь их продолжается и по выходе Ибра́хима из больницы. Но с постепенным возвращением к нему здоровья и сил перед ним встает вопрос

о нахождении выхода из создавшегося положения, состоящего, очевидно, в узаконении этой связи, так как Мари не заслуживала иного решения. Однако Ибраһим, любя Ма́ри, хочет освободиться от ее влияния и ставит ее внезапно перед фактом необходимости своего отъезда в деревню, якобы по неперемennomу совету врачей для окончательного восстановления здоровья.

Он приезжает в деревню разбитый физически и нравственно и пользуется гостеприимством шейха 'Али́, называемого шейхом, так как учение его проходило в ал-Азхаре, но, несмотря на достигнутые хорошие успехи, оно должно было прекратиться после смерти отца, принудившей его заняться управлением своим именем. Мысленно Ибраһим постоянно возвращается к Мари, и только в общении с Шушу находит забвение. Они начинают чувствовать потребность видеть друг друга, разговаривать наедине и оба где-то в подсознании ощущают, что отношения их становятся иными, нежели те братские чувства, которые существовали у них в прошлом. Шушу убеждается, что это чувство совершенно иное, нежели та любовь, о которой она читала во французских романах.

В это время появляется доктор Махмуд, молодой человек, получивший европейское образование, дальний родственник шейха 'Али́. Махмуд равнодушен к Шушу, которая хорошо к нему относится. Но когда, оставшись наедине с ней, он восхищается ею и называет ласковым именем, она запрещает ему разговаривать с ней таким образом, в результате чего доктор остается в некотором недоумении.

Встречи Ибраһима и Шушу продолжаютсЯ. Ибраһим чувствует непреодолимое влечение к ней, но сдерживает себя путем самовнушения, что, будучи ее родственником и значительно старше ее по возрасту, вооруженный жизненным опытом, он имеет право питать к ней лишь братские, дружеские чувства. Вместе с тем он в глубине души испытывает чувство ревности к доктору Махмуду. Шушу убеждается в том, что любит Ибраһима. Она не может решить окончательно, пользуется ли она взаимностью. Ей хочется видеть его и вместе с тем она ощущает неловкость в его присутствии, чего раньше не бывало, и краска стыда заливает ее щеки. Ибраһим также мучается самоанализом, стараясь определить свои чувства к Шушу, и, наконец, приходит к выводу, что любит ее настоящей любовью, которая привела в движение все его существо.

Во время одного из свиданий с Шушу Ибраһим объясняется ей в своих чувствах и, заметив, что они не являются безответными, заключает Шушу в свои объятия.

Влюбленные переживают лучшие дни. Они имеют возможность постоянно видетсЯ и счастливы, находясь в обществе друг друга. Они дают друг другу обещание сдерживать свои порывы.

Но над их головами уже постепенно собираются грозные тучи. Наджййа замечает, конечно, что Ибраһим уделяет много внимания Шушу и нежен с нею, однако она не догадывается об истинных чувствах к ее младшей сестре. Наджййа видит в этом знак, что Ибраһиму надоело его одиночество в течение восьмилетнего вдовства и он, вероятно, склонен снова женитсЯ, особенно если представится удобный случай. Главным своим занятием она считает устройство судьбы своих сестер, т. е. выдачу их замуж, причем образцом в этом отношении служит ее собственное замужество, и тут она придерживается строгой последовательности, согласно существующему обычаю. Надо выдать замуж сначала среднюю сестру Самйху. Наджййа и не мыслит, чтобы Шушу вышла раньше Самйхи. Что же скажут тогда люди? Они могут подумать, что у старшей сестры имеется какой-нибудь недостаток, вследствие которого ее не сватают.

Наджийа хочет воспользоваться пребыванием в их доме Ибра̄хима и выдать за него замуж Самйху. Она рассуждает, что молодая красивая девушка, к тому же смышленная и хитрая, как Самйха, сможет в меньшей степени, чем Шушу, расположить к себе Ибра̄хима, чтобы сделать возможным брак между ними. Поэтому она просит шейха 'Алӣ поскорее вернуться в деревню вместе с Самйхой.

Вскоре действительно те приезжают. Автор обрисовывает главу семьи шейха 'Алӣ, добродушного и неглупого человека, мягкого, но крайне вспыльчивого, способного поднять целую бурю, в результате которой он часто сам оказывается в очень смешном положении (вроде описанного происшествия с ним у зубного врача в Александрии, когда он, разбушевавшись, попадает в зал ожидания для женщин и подвергается атаке со стороны рассерженных его появлением дам).

Ибра̄хим и Шушу чувствуют что-то недоброе в появлении Самйхи. Ибра̄хим вообще недолюбливает последнюю за ее хитрость и неискренность. Случай, который происходит в первый же день после возвращения ее в деревню, заставляет быть настороже по отношению к ней.

Прощавшись с членами семьи, Ибра̄хим уходит в свою комнату и ложится спать. Он почти засыпает, как вдруг слышит царапанье в дверь и, наконец, шопот человека, просящего впустить его. Ибра̄хим узнает голос Самйхи и говорит, что он уже в постели. Однако Самйха настаивает, чтобы открыли ей дверь, и он вынужден ее впустить. Она садится на его кровать и вступает с ним в разговор. Ибра̄хима поражает этот визит Самйхи, и он выражает ей свое удивление. Она старается объяснить свое посещение тем, что давно его не видела и хочет с ним поговорить: ведь он ей не чужой; делает это она с ведома Наджйи. Объяснения Самйхи кажутся ему еще более подозрительными, и он просит ее уйти. Самйха терпит фиаско, и ей ничего не остается, как удалиться, а Ибра̄хим долго не может уснуть, поняв истинные намерения Наджйи и Самйхи. Он возмущается тем, что Самйха, которой суждено было родиться на год раньше Шушу, может явиться помехой счастью его и Шушу.

На следующее утро Наджйа, действительно посвятившая накануне Самйху в свои планы, которые та полностью одобрила, ведет конфиденциальную беседу со своим мужем и сообщает ему, что слуги видели, как Самйха ночью была в комнате Ибра̄хима, что Ибра̄хим ею увлечен и что их надо скорее поженить во избежание излишней огласки. Но шейх 'Алӣ не придает веры этому сообщению, так как по его наблюдению Ибра̄хим всегда не любил Самйху и, наоборот, постоянно питал симпатию к Шушу.

Хотя планы Наджйи пока не удаются, она в глубине души решает еще энергичнее приняться за дело.

Ибра̄хим объявляет шейху 'Алӣ о своем намерении уехать из деревни, и шейх, понимая то неприятное положение, какое создалось для Ибра̄хима в их доме, и догадываясь о чувствах его к Шушу, не настаивает на его дальнейшем пребывании.

С приездом семьи шейха 'Али в Александрию Ибра̄хим вновь посещает Шушу и поддерживает в ней присутствие духа. Влюбленные переживают счастливые часы встречи. Ибра̄хим решает немедленно просить Наджйю о выдаче Шушу за него замуж; несмотря на советы Шушу подождать более удобного момента.

Доктор Махмūd, соскучившийся по Шушу, собирается навестить ее. Ал-Мāзини очень красочно описывает колебание мыслей доктора по дороге в Александрию (стр. 209—211). «Он устроился на сидении своей коляски или, вернее, своего фаэтона, поднял бич и щелкнул им над головой своего породистого коня; тот пустился во весь аллюр. Доктора радовала эта новая решимость и живили виды, открывавшиеся по обеим сторонам. Он вообра-

жал себя героем-победителем, который въедет в Александрию, как завоеватель. Он сделает знак пальцем, и толпа бросится ему навстречу; он пошевелит губами, и сто человек прибегут к его услугам; он улыбнется и осчастливит людей своим радостным лицом». Тут конь достиг подъема и стал бежать медленно. Тогда доктор спросил себя, откуда у него эта уверенность сначала в успехе, затем в счастье. Он думал об успехе прежде всего, а какие у него шансы на успех? И ответил он сам себе: «Не знаю. Откуда мне знать, что скрывают эти женщины? Все они крайне любезны со мной, но имеет ли это у женщины какую-нибудь ценность или какое-либо особое доказательство?» Это навело его на размышление. Он стал говорить: «Я ничего определенного не припоминаю из того, что сказала Шушу, что бы давало такую надежду. Да, она иногда идет его встречать и выказывает радость по поводу его присутствия, и это все. Я думаю, что она любезна со мной, потому что я родственник шейха 'Али. Затем, потому что я врач, передо мной хорошее будущее, и мои настоящие доходы не малы. И разве имеется перед ней кто-либо лучший, чем я?»

Подъем окончился; начался спуск; конь снова побежал, и доктор продолжал разговор с самим собой: «Правда, она мне не выразила никакого особого поощрения и не оказала никакого предпочтения. Но что это доказывает? Чего же мне ждать кроме такой скромности от хорошо воспитанной девушки? Если она запретила мне ухаживать за ней, не поднимает ли это ее еще больше в моих глазах? . . .»

Между тем Шушу, лишившаяся общества Ибрахима, чувствует себя одинокой. Она почти не выходит из своей комнаты и предается печали. Она думает об Ибрахеме, который пришел и ушел, как буря. «Где он теперь, — восклицает она. — В Луксоре! Хоронит любовь, которую расстроила Наджийя». В душе Шушу закипает ненависть к сестре, и она прогоняет от себя Самиху, назвав ее поведение соответственным образом и посмеявшись над его безрезультатностью для самой Самихи. Доктор Махмуд получает неожиданно отказ со стороны Шушу выйти к нему и остается в полном недоумении, а шейх 'Али в заключение говорит ему, чтобы он не рассчитывал на Шушу. Что касается Ибрахима, то он, действительно, оказывается в Луксоре, где, живя в гостинице, полной приезжих — египтян и иностранцев, держится обособленно и занимается изучением остатков древнего Египта. Он проводит целые дни в древних храмах и на кладбищах, а часть ночи склоненным над книгами, либо углубившись в свои мысли и впечатления под влиянием виденного в течение дня.

Ибрахим задумывается над древней цивилизацией, над тем, связана ли она с человечностью и мужеством. Отвечая самому себе, он вспоминает о варварствах и зверствах ассирийцев, римлян и египтян, о чем говорят изображения на стенах храмов, да и одна пирамида только разве не говорит о количестве душ, погибших под ее камнями. Затем он задает себе вопрос о современной цивилизации, об отношении, какое она имеет к правам личности под сенью демократии, и также отвечает на него, что «цивилизованные Европа и Америка заставили служить себе обученные массы и массы, организованные в войска и профессиональные объединения, и тем самым для них облегчилось осуществление потребности меньшинства эксплуатировать большинство». В выборе средств для достижения своих целей он вполне приравнивает их к зулусам.

В то же время образ Шушу не покидает его, как и сильное чувство любви к ней. Несколько дней, проведенных им в новой обстановке среди могил, мумий и пустыни, уменьшили остроту его гнева против сестры ее Наджийи. Здесь мы узнаем, что Ибрахим, решившийся просить Наджийю о выдаче Шушу за него замуж, получил категорический отказ. Наджийя ответила, что очень рада выдать за него свою сестру, но Шушу — младшая, право же

выйти замуж принадлежит сначала старшей сестре; в противном случае та будет считаться опороченной. Обе сестры одинаковы, и у Шушу нет никаких преимуществ перед Самйхой. Поэтому, если он захочет жениться на Самйхе, то может взять ее без внесения приданого для невесты и без каких бы то ни было условий. Когда шейх 'Али вспылил и обрушился на жену за этот отказ, то, как передали Ибрахиму, Наджийа проявила исключительную твердость и сказала мужу, что если бы даже Ибрахим наполнил ее комнату золотом, она не согласится при данных обстоятельствах выдать за него Шушу. Ибрахим тотчас оставил дом шейха 'Али, не простившись с Наджийей. Весь этот эпизод проходит в его мыслях, и он с болью думает о том, в каком тяжелом состоянии духа находится теперь Шушу.

Отказ Наджийи в выдаче Шушу замуж за Ибрахима не привел к желательным для нее результатам. Тогда Самйха, чтобы поправить дело, обращается по ее совету к колдунье. Она рассказывает старшей сестре, как происходил этот визит, подробно и живо описывая дом колдуньи, ее вид, а также ее слова, которые излагаются автором на диалекте (стр. 239). Колдунья очень хорошо изучила психологию приходящих к ней женщин и поэтому без труда производит на них сильное впечатление посредством набора общих фраз. Они настолько характерны, что заслуживают быть приведенными: «Итак, ты не веришь! Откуда, мол, ей знать, этой? Это ничего не значит! Он может открыть свою тайну самому слабому из своих созданий. Кто знает? Увидим нашими глазами и услышим нашими ушами! . . Кажется, что сердятся, кажется? Хорошо, это ничего не значит! Завтра мы будем рассудительны, мы скажем: „О если бы не случилось то, что случилось!“ Но что мы скажем, что мы повторим? Это ноготь, который отделяется от мяса! Да! Но это вещь невозможная, даже если бы ты нашел молоко у воробья. Вот я вижу, что он приходит. Умных это слова или глупых? Слова умных. Они написаны на лбу. . . Это дело, которое сделали дурные люди. Вот и все!»

Затем колдунья предложила Самйхе принести ей что-либо для заговора от дурного влияния и послать Ибрахиму, чтобы он съел. Та решила купить ящик шоколада и, проделав с ним все необходимое у колдуньи, послать его по почте в виде подарка Ибрахиму в Луксор.

Шейх 'Али, который находился в своей спальне, рядом с комнатой, где происходила беседа Самйхи с Наджийей, все слышал, и недовольство его женой еще более усилилось. Случай с заколдованным шоколадом возмутил его, так как он, несмотря на свое азхарское воспитание и постоянное общение с крестьянами и простым людом, не верил ни в какое колдовство. Он вспомнил о Шушу, являющейся жертвой всех этих интриг, о том, что она уже несколько дней не выходит из своей комнаты, и велел позвать ее. Когда Шушу вошла печальная и похудевшая, шейх 'Али почувствовал к ней большую симпатию и, приласкав ее, пригласил поехать с ним и дочерью его Зозо в Абукйр, чтобы отвлечь ее от мрачных дум.

Между тем Ибрахим продолжал вести прежний образ жизни в Луксоре. Однажды во время посещения древних памятников, уже почти при закате солнца, он заметил молодую девушку-египтянку, одетую в европейское платье, сидевшую у подножия памятника и видимо уставшую. Ибрахим предложил подвезти ее в двухместной коляске, бывшей в его распоряжении, но она отказалась. Девушка эта была невысокого роста, с тонким станом и развитыми формами. Лицо ее было прекрасно, движения приятны. Хотя она была молода, но чувствовалось, что она много думала и знала больше, чем ее сверстницы. Автор подробно останавливается на описании этой девушки, которая в дальнейшем является также одним из главных действующих лиц романа. Ибрахим сел в лодку, чтобы доехать таким путем поближе к гостинице, но вдруг начал итти дождь. Тогда он вспомнил

о девушке, вышел из лодки и послал извозчика за ней, а сам снова вошел в лодку и поехал, не думая больше о девушке. Вернувшись в гостиницу, Ибраһим направился в столовую. Затем он попросил принести себе кофе в комнату для чтения, перешел туда и сел писать письмо своему сыну. Пока он писал, слуга поставил на стол поднос с кофейником и двумя чашками и вышел. Ибраһим окончил письмо и хотел было налить себе кофе, как вдруг заметил две чашки, подумал, что слуга ошибся, и стал ждать, когда тот придет. Но слуга не приходил. Он поднял крышку кофейника, чтобы узнать, для одного ли человека там кофе, и увидел, что кофейник был наполнен. Посмотрев вокруг себя, он неожиданно столкнулся взглядом с девушкой, которую встретил у памятников и за которой послал коляску, и чуть было не выронил кофейника из рук. Он сказал ей: «Я посмотрел в кофейник, для одного меня он или для двух». Она с удивлением подняла на него глаза, но, заметив две чашки на столе, поняла и, улыбнувшись, промолвила: «Какой он глупый! Я велела принести мне кофе сюда, а он упростил дело, как оказалось. И я ждала все это время!» Воспользовавшись удобным случаем, она поблагодарила Ибраһима за присылку коляски, и между ними постепенно завязался разговор за чашкой кофе, из которого он между прочим узнал, что ее зовут Лейла. Так состоялось их знакомство.

Ибраһим стал замечать, что обитатели гостиницы начали уделять ему особое внимание и быть с ним исключительно любезными и предупредительными. Он приписал это своему знакомству с Лейлой и не мог объяснить себе, в чем тут дело, так как ничего не знал о ней, кроме ее имени. Наблюдения Ибраһима показали, что иностранцы, бывшие в гостинице, застенчиво посматривали издали на Лейлу, но не пытались обратить на себя ее внимание, тогда как египтяне предпринимали все, чтобы получить возможность с нею заговорить и завязать знакомство. Но Лейла проходила мимо всех их ухищрений, как будто бы совершенно не видя их. Ибраһим насчитал девятнадцать египтян разных возрастов, которые преследовали ее своими попытками познакомиться. В разговоре с нею упомянул о своих наблюдениях, и она приняла его предложение ежедневно гулять вместе, с тем чтобы избежать знакомства с остальными обитателями гостиницы. После этого она пересела за его стол, между ними установилась дружба, и они разлучались только, когда каждый из них уходил отдыхать в свою комнату. Как-то они совершили прогулку в лодке ночью по Нилу, и Лейла сказала, что она не любит мужчин. Он промолчал, а затем произнес: «Для нас существует только настоящее, о Лейла!» Они не торопились в гостиницу. Ночь была лунная; легкий ветерок освежал их щеки. Ибраһим, отдохнув, сел за весла, и лодка стала рассекать воду, оставляя позади полосу, освещенную луной. Лейла тоже захотела грести; она заняла место напротив Ибраһима, но гребла она как-то неровно, лодка качалась, и брызги от весел, освещенные луной, падали на Ибраһима, который смеялся. Красота ночи действовала на их настроение, придавая им особенный подъем.

Ибраһим грезил вслух «о том времени, когда ничто не будет служить препятствием между человеком и его счастьем, о времени, когда человек сможет пользоваться своей свободой, не посягая на свободу других, когда он сможет извлекать и получать от жизни все ее блага смело и свободно». Она спросила его: «Как же это будет, не вернемся ли мы к первоначальному варварству?» Ибраһим ответил: «Кто сказал это? Нет. То было неразумной эпохой, когда человек не ценил своей свободы или не знал ее ценности, либо пределов ее, и эта свобода была анархией. Он не был достоин этой свободы, которую не понимал, не уважал и которой не умел пользоваться. Наша нынешняя эпоха также неразумна, потому что ошибочные традиции господствуют над нашим умом и нашим телом, и ей не хватает глубины мысли, проницательности и прямоты. . .»

В ответ на вопрос Лейлы Ибраhим рассуждал о любви, говоря, что не она налагает на нас оковы, а ревность и назойливость людей, вмешивающихся в то, что их не касается, равно как наша боязнь назойливости других, которую мы называем мнением людей о себе. Лейла слушала его, и он представлялся ей совершенно иным, чем тот, каким он казался ей до сих пор, — значительно выше, сильнее, как будто он воплощал в себе весь мир.

Они приблизились к берегу. Когда лодка остановилась, Ибраhим прыгнул первым и протянул руку Лейле. Прыжок ее был неравномерным, она потеряла равновесие, склонилась к Ибраhиму, ухватилась за его плечо и упала в его объятия. Этот момент несколько продлился без всякого намерения с их стороны. Вдох изумления и радости вырвался из ее губ. Ибраhим опустился с ней на край берега, и уста их слились.

Шушу послала два письма Ибраhиму, шейх 'Али также отправил ему письмо, но на все эти письма не было никакого ответа. Шушу терялась в догадках: ведь Ибраhим был так нежен с ней даже в часы возбуждения и гнева. И прощаясь с ней, он был ласков, улыбался и шутил. Только изменился в лице, когда шейх 'Али пригласил его проститься с Наджийей, и наотрез отказался это сделать. Шушу предполагала, что может быть Ибраhим покинул Луксор и уехал в Ассуан или какое-либо другое место.

Она тяжело переносила свое одиночество. И лишь теплое участие в ее горе, которое принял шейх 'Али, не позволило ей окончательно замкнуться в самой себе. Он ласково и предупредительно относился к ней, и они часто проводили время вместе с дочерью шейха 'Али — Зозо, умным и чутким ребенком, к которому отец питал большую склонность, чем к своему младшему сыну Махмуду. Дом шейха 'Али как бы разделился на два лагеря: в одном Наджийа и Самйха, в другом шейх 'Али и Шушу. Самйха продолжала свои интриги. Желая удержать свое влияние на Наджийю и боясь, чтобы та не изменила своей позиции, она при всяком удобном случае незаметно обращала ее внимание на дружеские чувства шейха 'Али к Шушу и старалась возбудить в ней ревность. Самйха делала неясные намеки на их счет, казалась чем-то озабоченной и достигла того, что Наджийа, далекая от мысли о способности шейха 'Али развестись с ней и жениться на Шушу, стала в глубине души опасаться этого.

А Ибраhим и Лейла пребывали в Луксоре, наслаждаясь любовью. Однажды, когда они вдвоем находились в храме Аменхотепа III и осматривали его внутри при электрическом освещении, Ибраhим, рассказав ей историю жизни этого царя, сообщил о своем намерении на ней жениться. Обняв его, Лейла сказала, что она хочет остаться его верной ученицей и любить, не будучи связанной никакими узами. Можно было думать, что Ибраhим, охваченный чувством к Лейле, охладел к Шушу и забыл Мари. Нет, он, любя Лейлу, оставался постоянным в своих чувствах к Шушу и Мари, был тройственным в своей любви. Автор тонко изображает его душевные переживания (стр. 285—287). «В то время как Ибраhим наслаждался любовью Лейлы и ее близостью, в то время как она напояла его страстью без всякой примеси, без мрачности и печали, без оков и притеснения, сердце его обращалось к Шушу, он ее обожал и жалел, что ее покинул и удалился от нее. В каждом из обоих своих чувств любви он был искренен. Он отдавался безудержно своей новой страсти, но возвращался к Шушу с сердцем развитым и взволнованным любовью. Любовь Лейлы была как бы вином, в котором влюбленный пил долгими глотками экстаз, где он думал уничтожиться. Это был огонь, который распространялся в его груди и охватывал его со всех сторон. Свобода Лейлы его очаровывала, но простота Шушу пленяла. Любовь Шушу представляла для него окончательное решение, как аскетическая жизнь для человека, который не нашел в борьбе за существование исцеления от своих душевных недугов. Ему казалось

(в том состоянии, до которого он дошел), что он как бы отрекся от жизни, а отречение от жизни (при всех своих чарах) только усиливает душевный жар; аскетическая жизнь может быть убежищем, но это убежище отчаяния. . .

Но была еще третья любовь, находившаяся в уголке души Ибра́хима, и если она не всплывала на поверхность, это не означало, что она не существует. Когда сердце его было взволновано, когда все смешивалось в его душе, как при кипении, и отложенное в глубину оказывалось на поверхности, сколько раз вспоминал он о Мари, сколько раз жалел он ее, слабую Мари, которая давала ему чувствовать его силу, скромную Мари, которая подтверждала ему способность его к победе и доставляла ему удовольствие господства и радость властвования над ней. Он улыбался, он хотел бы иметь ее около себя, чтобы диктовать ей свою волю, чтобы наслаждаться ее готовностью повиноваться.

Ибра́хим говорил себе, думая об этом тройственном разделении своего сердца: «Как это странно! . . . Когда я думаю о Мари, я ощущаю в себе порыв силы, прилив желаний, гордость всемогущества; я представляю себе Шушу — и чувствую в себе важность опытности, превосходство знания, величие возраста, нежность отцовства; бываю с Лейлой — и вижу себя в танце жизни, сопровождаемом мелодией молодости. . . Как это странно!»

Не получая никаких известий от Ибра́хима, шейх 'Али решил прибегнуть к посредничеству доктора Махмұда, которого он, неожиданно для последнего, пригласил приехать к себе без объяснения причины приглашения. Как узнала Шушу от своей маленькой племянницы Зозо, шейх 'Али просил доктора Махмұда непременно переговорить по телефону с Ибра́химом, осведомиться о том, что с ним случилось, и сообщить ему все подробности.

Ибра́хим, вернувшись однажды вечером с Лейлой в гостиницу после прогулки в Карнак, почувствовал себя настолько плохо, что не смог выйти из экипажа. Он закрыл глаза. Слезы градом покатались ему на грудь, его лихорадило, хотя в воздухе не было прохладно. Встревоченная Лейла помогла ему выйти, и он с трудом поднялся по лестнице, словно ноги его были отягощены железом. Лейла сопровождала его, не отрывая от него взгляда и окружая его своим вниманием. Они вошли в зал, где Ибра́хим, только выпив коньяку, получил способность говорить. Он ласково обратился к Лейле, которая посоветовала ему пойти в свою комнату и отдохнуть. Дав ему аспирин, Лейла пошла похлопотать о чае, пока Ибра́хим разделался и ложился в постель.

Он стал кашлять и почувствовал тяжесть в груди. Ему казалось странным, что он простудился именно в Луксоре, куда обычно приезжают поправляться. Термометр показал жар, но Лейла уверила его, что температура почти нормальна. Она начала ухаживать за ним, как опытная сестра милосердия, о чем с улыбкой сказал ей Ибра́хим.

Она увидела, что болезнь Ибра́хима серьезна, но решила некоторое время не звать врача, чтобы не тревожить больного, а сделать самой все необходимое. Она перебралась в соседнюю комнату со смежной внутренней дверью, от которой получила ключ, так что в любой момент могла быть у Ибра́хима, даже не выходя в коридор. Однако болезнь прогрессировала, и Лейла позвала врача, который установил воспаление легких.

Лейла сидела у изголовья Ибра́хима, пока тот не засыпал. Ибра́хим бредил во сне. То он говорил о Шушу, называя ее по имени, то вел разговор со своей матерью, которая поддерживала в нем присутствие духа в трудных случаях его жизни. Лейла не знала ничего относительно Ибра́хима, так же как и он знал лишь ее имя, и теперь оказывалась в затруднительном положении. Она думала, что Шушу его сестра. Следовало бы известить его родственников о болезни, так как врач затруднялся определить исход ее до-

кризиса, хотя и предполагал, что Ибраhим, вероятно, справится с нею. Лейла имела только одну возможность осведомиться о его родных — это прочесть его письма, так как видела, что он получил несколько писем за время пребывания в Луксоре.

Она нашла три перевязанных письма и была удивлена, что все они не распечатаны. Это обстоятельство еще более затруднило ее, и она должна была сделать над собой очень большое усилие, чтобы решиться прочесть их, убеждая себя, что делает это в интересах его и его родных. Письма оказались от Шушу и шейха 'Али. Лейла должна была прочесть все три, стараясь обнаружить родственные отношения к Ибраhиму его корреспондентов и их адрес, но ничего не достигла этим. Она лишь узнала из них о горе, повидимому, молодой девушки Шушу, любящей Ибраhима, и несколько раз улыбнулась, читая шутовское письмо шейха 'Али, живо представив себе последнего, но осталась вновь с неразрешенной загадкой. И вдруг, когда Лейла сидела над этими письмами в своей комнате и, прислушиваясь к тяжелому дыханию Ибраhима, сочувственно думала о Шушу и старалась уяснить себе роль Ибраhима в жизни этой девушки, вошел слуга и сообщил, что Ибраhима вызывают по телефону из такого-то города. Лейла ответила, что будет говорить вместо него, и пошла к телефону, предполагая, что это, вероятно, шейх 'Али. Как оказалось, на самом деле звонил доктор Махмуд, которому она обрисовала подробно болезнь Ибраhима и назвала только свое имя. Доктор Махмуд подумал, что имеет дело с сестрой милосердия, и сказал, что через день будет в Луксоре.

Получив сведения о болезни Ибраhима, шейх 'Али отправился вместе с доктором Махмудом. Вскоре по прибытии в Луксор с шейхом произошел комический инцидент. Лейла, войдя в зал для чтения, где она условилась увидеться с доктором Махмудом, и встретив там шейха 'Али, приняла его за доктора, была очень любезна и даже подшутила над ним, так как узнала в нем того человека, с которым однажды у нее в Александрии произошло недоразумение в приемной зубного врача. Шейх 'Али тоже не остался в долгу, предположив, что это, наверное, сестра милосердия Ибраhима. Затем, когда она вышла на некоторое время к себе, так как поведение человека, которого она принимала за доктора, показалось ей странным, слуга сообщил ей, что доктор Махмуд давно уже ждет ее в зале. Тогда она вернулась к шейху 'Али и, будучи убеждена, что тот ее умышленно мистифицирует, набросилась на него и отчитала так же, как в свое время у зубного врача. Встретившись с доктором Махмудом, она рассказала ему о данном инциденте, но доктор уверил ее, что это его родственник шейх 'Али, у которого не было никаких дурных намерений по отношению к ней, после чего недоразумение выяснилось. Из разговора с Лейлой, нервы которой были очень напряжены событиями последних дней, болезнью Ибраhима и бессонными ночами, проведенными у постели больного, доктор понял, что перед ним не сестра милосердия, но кто именно — для него оставалось пока загадкой. Он просил ее подготовить Ибраhима к их визиту.

Ибраhим принял спокойно сообщение о приезде доктора Махмуда и шейха 'Али и улыбался, так как не в состоянии был смеяться, когда Лейла рассказала об инцидентах, происшедших у нее с шейхом 'Али в Александрии и по прибытии последнего в Луксор. Он поблагодарил доктора Махмуда и шейха 'Али за их внимание и представил Лейлу как свою жену, упомянув, что она, вероятно, уже рассказала им все о его болезни. Доктор был удивлен, что Ибраhим успел жениться в такой короткий срок и что об этом никто не знал. А шейха 'Али это известие поразило, как громом. Он представлял себе, как тяжело будет перенести Шушу этот удар, и считал, что теперь она более нуждается в помощи с его стороны, нежели Ибраhим.

Через некоторое время Лейла попросила шейха 'Али посидеть с ней в ее комнате, пока доктор Махмуд обследует Ибрахима. После того как они остались одни, Лейла обратилась с просьбой к шейху рассказать ей все о Шушу, но тот упорно молчал. Тогда она сообщила ему, что не является женой Ибрахима, и заявление об этом Ибрахима было сделано без ее ведома. Лейла не скрыла также от шейха 'Али, что принуждена была распечатать письма Ибрахима и прочесть их. Шейх ответил на откровенность ее тем же и сказал, что Шушу ему близка как дочь и даже более, так как ей некому помочь в ее горе, кроме него. Наконец, он спросил, кем же Лейла является по отношению к Ибрахиму, если он ее так представил им. Лейла произнесла: «Мы любили друг друга, но теперь я уступаю свое место Шушу». Шейх 'Али обнял ее и заявил, что он не в силах отнять у нее Ибрахима, так как она тоже достойна быть его женой.

Доктор Махмуд, уезжая с шейхом, сказал, что у Ибрахима должен наступить кризис, и эта ночь будет решающей. Если у больного начнется обильное выделение пота, значит кризис разрешается благополучно. Лейла все время дежурила у Ибрахима и думала об отношении его к Шушу. Вдруг Ибрахим открыл глаза и сказал: «Откуда у меня такой пот, я как будто в ванне». Лейла подошла к нему и поздравила его. Переодев и уложив его, она простилась с ним и тихо пошла в свою комнату.

Ночь она провела без сна, стараясь решить вопрос о дальнейшей своей судьбе. То ей казалось, что Ибрахим только забавлялся ее любовью, на самом деле любя Шушу, то, наоборот, она не подвергала ни малейшему сомнению его чувства к ней. Она вспоминала обещание свое, данное шейху 'Али, и решила его выполнить.

Ибрахим начинал поправляться, Лейла же почувствовала слабость и утомление. Когда доктор посоветовал ей отдохнуть и полежать в постели, она сообщила ему о своей беременности, но ничего не сказала об этом Ибрахиму. Ибрахим попрежнему говорил Лейле о своем твердом намерении жениться на ней, но она стремилась обратить это в шутку.

Когда Ибрахим выздоровел, было решено уехать из Луксора, так как Ибрахим уже целый месяц не видел ни матери своей, ни сына, да и отстал от своих дел. Они условились, что Лейла первая поедет к себе в Александрию, а затем прибудет в Каир, где встретится с Ибрахимом; о дальнейшем пока не уговаривались.

Под вечер того дня, в который Лейла должна была уехать, Ибрахим вошел в свою комнату и заметил на подушке небрежно брошенное письмо в запечатанном конверте. Он развернул его и стал читать. Письмо было от Лейлы. В нем она сообщала, что их любви пришел конец, наступили скука и охлаждение, что она его серьезно не любила и скорее обманывала его. Ибрахим не смог дочитать письма до конца, свернул его, вложил в конверт и бросил снова на прежнее место. Все в нем помутилось, он был совершенно ошеломлен. Он открыл окно и стал смотреть в него, как будто ища там успокоения.

В это время Лейла вошла на кончиках пальцев и, заметив письмо на том же месте, взяла его и спрятала у себя на груди; ей показалось, что она нашла его нетронутым. Затем она подошла к Ибрахиму, который продолжал стоять все в том же положении, не оборачиваясь назад, и нежно спросила, что с ним. Он ответил, что просто головная боль, и странно улыбнулся.

В Александрии Лейлу навестил шейх 'Али в ее доме. Она рассказала ему о своем письме Ибрахиму, заметив, что не знает, как нашла в себе смелость написать такое письмо. Лейла так и осталась в неведении, прочел ли его Ибрахим, но шейх выразил предположение, что, наверное, прочитал,

хотя не имел от Ибра̄хима никаких сведений с тех пор, как был у него в Луксоре.

Прошло полтора года. Вернувшись ночью домой. Ибра̄хим нашел у себя на письменном столе письмо из Сирии. Это было письмо от Лейлы. Она сообщала, что нашла свое счастье, и просила не разыскивать ее и не писать ей. Ибра̄хим прервал чтение письма и отложил его в сторону, но заснуть не мог, поглощенный мыслями, и только к утру уснул за письменным столом.

Самый факт получения письма от Лейлы произвел на него сильное впечатление, и утром он все-таки решил прочитать это длинное письмо с начала до конца. Она излагала вкратце всю свою жизнь, рассказывала, как после смерти отца отобрали у нее и у ее сестры наследство, как соблазнил ее опекун и хотел на ней жениться, чтобы завладеть ее имуществом. Наконец, сообщала ему о выходе замуж за доктора Набиха, который сделал ее действительно счастливой. Она умолчала только об обстоятельствах, при которых она познакомилась с доктором, т. е. когда она просила его сделать ей операцию.

Из последней главы мы узнаем, что Ибра̄хим возвращается к Мари, но вскоре снова ее покидает. Ему сообщили, что Шушу вышла замуж за доктора Махмуда и счастлива. Ибра̄хима это как-то не удивило. Мать Ибра̄хима говорит ему о необходимости жениться, но он отвечает ей, что так поступают те, которые ищут покоя. Покоя же нет. Мертвые и те существуют в воспоминаниях людей, оставшихся живыми. Ибра̄хим уходит с могилы своей жены, воодушевленный желанием жить. Он восклицает: «Да, я буду жить для нее!». Но когда он произносит эти слова, ему кажется, что кто-то шепчет ему: «Для кого же именно?»

Таково полотно картины, развернутой ал-Мазини. Он проявил в ней большое и зрелое художественное мастерство. Ал-Мазини превосходно владеет стилем, который характерен для него даже в отдельных статьях политико-экономического содержания, помещаемых в журналах и газетах, или описаниях тех мест, где ему приходилось бывать. В этих своих статьях он не удовлетворяется одним Египтом, где живет и действует; его постоянно интересуют и другие арабские страны — и Сирия, и Саудийе, и Магриб. Основными чертами его стиля являются эмоциональность, цельность впечатления и художественность отделки. Он имеет в своем запасе обилие художественных приемов, которыми широко пользуется. Описания явлений природы и местности в его романе не служат самоцелью, но лишь гармонизируют полностью с настроениями и переживаниями героев. Так, например, описание лунной ночи во время прогулки в лодке по Нилу Ибра̄хима и Лейлы, описание внутреннего вида храма Аменхотепа III при электрическом освещении, когда Ибра̄хим объявляет Лейле о своем намерении жениться на ней; изображение бури и наступившего затем затишья, которые наблюдает Ибра̄хим, стоя у окна в доме шейха 'Али. Далее, смена впечатлений, к которой автор приучает читателя, переходя от драматического к комическому. Тяжелая болезнь Ибра̄хима, напряженность ожидания, как произойдет встреча у постели больного Лейлы с шейхом 'Али и доктором Махмудом, с одной стороны, и комический инцидент, разыгравшийся неподалеку между шейхом 'Али и Лейлой, — с другой. Наконец чередование медленно тянущихся разговоров Ибра̄хима с самим собою и размышлений его наедине с живыми и непосредственными диалогами действующих лиц.

Все это приковывает внимание читателя к роману и поддерживает интерес при чтении на всем протяжении его.

Мы уже упоминали вначале, что ал-Мазини, как это видно из его предисловия, поставил себе целью создание египетского романа. В какой мере он достиг этой цели? Что же, собственно, специфически египетского или

арабского мы находим в этих людях? Быть может, они совершенно ничем не отличаются от французов, немцев и других людей, типы которых мы встречаем в любом из европейских романов, да и весь уклад их жизни ничего нового для нас не дает?

Рассмотрим те выводы, которые делают Соссэй и Гибб в своих статьях, посвященных данному роману. Первый из них, отмечая, что автор романа сводит описания внешней жизни и рамки действия к минимуму, признает положительным явлением изображение им частной жизни, которая обычно у многих писателей скрывается за всякого рода внешними описаниями. Однако Соссэй считает, что жизнь в доме шейха 'Али, которую мы наблюдаем в романе, «не кажется нам слишком отличной от жизни европейской».

Он задает далее вопрос, не позволит ли изучение характеров выведенных лиц притти к заключению, что все они чисто египетские, несмотря на их разнообразие. Выделяя Ибра́хима, которого он анализирует особо, Соссэй утверждает, что другие мужские характеры не имеют ничего специфически восточного, так как обладатели их получили европейское образование и втянуты в западную жизнь гораздо более, чем женщины.

Что касается этих последних, то в силу своего социального положения, значительно отличающегося от положения мужчин, они все же остаются египтянками и разнятся друг от друга в зависимости от неодинакового отношения их к внешнему миру. Соссэй отмечает как крайние типы, с одной стороны, Лейлу, эмансипированную женщину, с другой стороны, Наджйю, приближающуюся к мусульманкам старого времени. Шушу и Самйха являются промежуточными типами между этими двумя крайностями и, хотя получили одинаковое европейское образование и обе вели уединенную восточную жизнь, представляют собой двух совершенно различных женщин.

«Таким образом, — говорит дальше Соссэй, — несмотря на большую аналогию между семейной жизнью Запада и той, которую описывает «Роман Ибра́хима», относительное затворничество мусульманской женщины рождает положения, настроения умов, оттенки характеров, чувствительно отличные от тех, к которым мы привыкли».

Отсюда, по мнению Соссэй, и то особое место, которое отводит автор любви в своем романе. Вместе с тем он полагает, что «женская любовь в романе занимает место значительно меньшее, чем мужская, и что Шушу менее изучена в отношении любви, которую она ощущает, чем в отношении той любви, которую она внушает».

Переходя к вопросу об оригинальности романа в смысле художественной формы, т. е. египетском ее характере, Соссэй находит, что изложение разворачивается таким образом, «который напоминает некоторые формы европейского романа и в частности английского». «Факты представлены не в хронологическом порядке, а в психологическом». На ряду с «философским или сентиментальным пессимизмом Ибра́хима и любовной или безнадёжной экзальтацией Шушу, юмор или даже большой комизм занимает целые страницы».

Соссэй отводит и заявления автора о том, что роман совершенно лишен автобиографических черт и что никакой общности между автором и героем романа не существует. Ссылками на высказывания автора в его сборниках и сопоставлением их с мыслями героя романа Соссэй опровергает вышеуказанные заявления и утверждает, что «душа Мāзини и душа Ибра́хима это две родные сестры, которые имеют одинаковые идеи и стремления, передают их одним и тем же языком, заставляют тела, оживляемые ими, посещать одни и те же места, вовлекают их в одинаковые приключения».

Каковы же эти черты, сближающие героя романа с его автором? Прежде всего, как упоминает Соссэй, это радикальный пессимизм, отношение к современной цивилизации, взгляд на женщин. Затем отсутствие отчаяния,

несмотря на пессимизм, любовь к жизни, артистическое стремление к красоте, гибкость стиля, склонность к иронии, метафизические размышления, привычки самосозерцания. Заключение романа, где автор обращается с длинным призывом к своей утраченной возлюбленной, напоминает Соссэю «Озеро» Ламартина и «Мертвечину» Бодлера. В результате Соссэй делает еще более определенный вывод относительно героя романа: «Ибра́хим это Ма́зини, не тот, может быть, которого коллеги видят каждый день в бюро, но тот, более реальный, который судит, контролирует и управляет другими. И мир, в котором вращается Ибра́хим, это — мир, привычный Ма́зини».

Таким образом он находит, что Ма́зини в своем романе ограничился изображением узкого круга близкой ему по духу избранной части современного арабского общества, и в этом именно смысле Соссэй квалифицирует «Ибра́хим ал-ка́тиб» как вполне египетский роман.

Другой исследователь этого романа Гибб в своих «*Studies in Contemporary Arabic Literature. IV. The Egyptian Novel*» (стр. 18—21) называет роман Ма́зини самым важным во всех отношениях арабским романом последнего времени. Однако, по его мнению, этот роман не оправдывает полностью ожиданий, которые вызываются приведенными в предисловии к нему аргументами Ма́зини. Гибб не считает роман плохим ни с точки зрения плана, развертывания действия, описания характеров, ни с какой-либо технической стороны и, наоборот, причисляет его к лучшим образцам романа в арабской литературе. Но он, по выражению Гибба, «не является, за исключением характеров и обстановки, египетским, как это постулировал сам ал-Ма́зини». И герой его вполне находится под влиянием Запада, и роман является западным по своим чувствам и мыслям, литературному фону, заключающемуся в нем психологическому исследованию любви, скорее в западной, нежели в египетской концепции, и по целому ряду других признаков, в том числе по обычаю помещать в виде эпиграфов к каждой главе стих из Библии.

Если в первой части, замечает Гибб, действие происходит в рамках египетской социальной жизни, то во второй автор рисует другую атмосферу в более жестких тонах. Оставляя за автором творческую оригинальность воображения, Гибб тем не менее утверждает, что литературное родство данного романа, так же как и «Зейнаб», следует искать в западном романе.

Он высказывает предположение, что на Ма́зини оказал влияние «Санин» М. Арцыбашева, правда, оговариваясь, что план и развитие «Ибра́хима ал-ка́тиб» совершенно отличаются от повествования Арцыбашева. Гибб видит в характере Ибра́хима кое-что заимствованное у Санина. Он заканчивает свою статью тем соображением, что оба представителя арабской литературы, т. е. Хейкал и ал-Ма́зини, в указанных романах не осуществили того идеала, который они вместе с другими себе наметили, и пока не имеется никаких признаков того, что египетские писатели сумеют создать совсем новый вид литературы.

Какой же ответ мы можем дать со своей стороны на поставленные выше вопросы: выдвигает ли автор в своем произведении что-либо новое и, в утвердительном случае, в чем заключается ценность последнего?

Я уже упоминал, что Ма́зини, как он оговорился в предисловии к роману, вовсе не считает необходимым давать описание жизни улиц, собраний, клубов, и действительно этого не делает.

Однако он описывает тот круг современного египетского общества, в котором он вращается и членом которого является сам. Он знакомит нас с типами, олицетворяющими живых людей, людей данной эпохи с их повседневными жизненными интересами. Мы видим их в домашнем быту, в семейной обстановке, видим их в обществе, на людях. Автор изображает

нам их со всеми достоинствами и недостатками, мы изучаем их мировоззрение, мы совершенно ясно представляем себе их стремления и вкусы.

Ал-Мазини изображает целый ряд типов данного круга. Среди них имеются горожане (Ибраһим, Лейла и доктор Махмуд) и лица, связанные с деревней (шейх 'Али и его семья); получившие европейское образование (доктор Махмуд, Ибраһим, наконец, Шушу и Самиха) и чисто арабское (шейх 'Али). Автор как бы мимоходом, но вместе с тем весьма ярко, обрисовывает типы домашних слуг в лице неграмотного старика Ахмеда ал-Майит и негритянки Фатимы, равно как и в немногих, но четких чертах дает тип колдуньи.

Несмотря на то, что Шушу и Самиха обе воспитывались во французском учебном заведении, они значительно разнятся друг от друга. Шушу и после окончания школы продолжала много читать, причем среди книг, которые она читает, автор называет не только романы Мопассана, Бернарда Шоу и Альфонса Додэ, но и творения Спинозы. Когда на долю ее выпадают испытания, она занимается воспитанием воли, опять-таки прибегая для этой цели к книгам. Она сетует на то, что родилась и выросла в Египте, где еще существует столько предрассудков и традиций, которые портят жизнь.

Самиха, наоборот, чувствует себя вполне хорошо в окружающей ее обстановке, склонна к интригам и не пренебрегает испытанным средством бабушек — обращением к гадалке, веря в ее болтовню, тогда как Шушу, погадав сначала о своем счастье на листках цветка, смеется вслед за этим сама над своей затеей.

Еще более консервативна Наджийа, жена шейха 'Али, их старшая сестра, носительница вековых традиций и старинного домашнего уклада, с ее верой в чертей и своеобразной религиозностью. Настояние ее не выдавать замуж Шушу раньше Самихи, в угоду принятому обычаю, едва не исковеркало жизнь молодой девушки.

В лице Мари мы видим уже существующий тип скромной городской труженицы из мелкой буржуазии, которая, рано овдовев и имея на руках ребенка, сначала делается ткачихой, а затем поступает в больницу в качестве сестры милосердия.

Что касается Лейлы, то она представляет собой тип эмансипированной восточной женщины из буржуазного класса. Детство и юность ее были неприветливы, так как она находилась во власти своего опекуна, который ее эксплуатировал. Эта обстановка закалила ее и создала из нее независимую женщину со свободными воззрениями на жизнь. Вместе с тем она осталась весьма честной в своих личных взглядах, хотя и несколько наивной.

Из мужских типов очень интересным является шейх 'Али, бывший воспитанник мусульманского Азхарского университета. Несмотря на свое богословское образование, он не принадлежит к фанатикам и гораздо более здраво и просто смотрит на жизнь и на существующие традиции, нежели его жена Наджийа. Он вспыльчив, но добр. Быстро ориентируется во всем происходящем вокруг него и рассуждает разумно. Вспыльчивость его служит часто причиной того, что он попадает в комические положения, но благодаря своему добродушию обычно выходит из них благополучно. Приступив к управлению своим имением, он до известной степени опростился и, приезжая из города в свой сельский дом, чувствует себя настоящим сельским жителем. Он очень любит свою семью и хорошо относится ко всем ее членам. Очень близко принимает к сердцу горе Шушу и стоит всецело на ее стороне. Отношения его к домашним слугам патриархальны.

Доктор Махмуд гораздо менее, чем другие, обладает какими-либо национальными чертами. Он получил чисто европейское образование, и его профессия, которой он предан, налагает на него особый отпечаток.

Он серьезен, всегда занят своим делом, думает о своих пациентах и только в доме шейха 'Али чувствует себя свободно, отдыхая в обществе Шушу, но даже и здесь сохраняя свою сдержанность, хотя пламенеет к Шушу в своих мыслях, когда ее не видит.

Наиболее ярко изображен писатель Ибраһим, искатель, как его называет Лейла. Он наблюдает жизнь со всеми ее недостатками, наблюдает и за самим собою, своими мыслями и действиями, подвергая их постоянно собственному контролю и переходя от пессимизма к иронии. Но пессимизм его никогда не доходит до отчаяния. В его тщедушном теле, физически слабом, скрывается огромная жажда жизни, и всякий раз, как он переживает серьезные жизненные испытания, в виде ли своих нравственных потрясений или болезней, эта жажда жизни в нем обычно торжествует. Ибраһим самолюбив, замкнут и сосредоточен в самом себе. Однако жизнь заставляет его выходить из своей оболочки. «Тройственность» в любви также побуждает его выйти на арену жизни, в то время как обыкновенно он застенчив с женщинами, избегает их, встречается с ними лишь в семейном кругу и не имеет к ним большого уважения.

Все же в Шушу он находит достойного себе собеседника, умную и интересную девушку, а в Лейле до известной степени родственную себе душу человека с надломом.

Ибраһим прогрессивен в своих взглядах, как видно из цитированных мест его рассуждений. Он не признает традиций и проповедует разумную свободу для человеческой личности. Он верит в светлое будущее человечества и говорит, что оно находится в руках самих людей.

Та энергия и жизненная сила, которые ему свойственны, находят, очевидно, пока себе выход в «тройственности» его любви и его творчестве, которое его захватывает. Дальнейшее будущее его неизвестно, так как из романа не видно, что намерен предпринять Ибраһим в смысле приложения своих сил и энергии.

Такова характеристика главных действующих лиц романа. Во всяком случае из сказанного становится совершенно ясным, что в романе представлена близкая автору среда с достаточной полнотой и яркостью. Подобное изображение ее в форме художественного романа само по себе относится к новым и ценным явлениям в современной арабской литературе и составляет одно из основных достоинств данного произведения.

Соссэй и Гибб, как было уже отмечено выше, говорят, что Мāзинī в своем творчестве находится под сильным влиянием западноевропейской литературы, в частности английской и французской, которое ощущается и в этом его романе. Конечно, нельзя отрицать влияния западноевропейской литературы как на развитие творчества Мāзинī вообще, так и на этот его труд. Оно отражается и в языке, и способе некоторых описаний, и многих технических приемах. Однако автор, по выражению Гибба, «не допускает насилия над языком», остается реалистичным с начала и до конца романа, сохраняет оригинальность замысла и действия, что также должно быть причислено к положительным сторонам романа.

Наконец, своеобразный стиль Мāзинī обнаруживает здесь свои характерные особенности — гибкость и несомненную художественность, лишенную вычурности и искусственности, и является равным образом признанным его достоинством.

Соссэй, несмотря на заверения Мāзинī в противоположном, утверждает, что герой романа и сам Мāзинī — одно и то же лицо, и приводит ряд примеров в подкрепление выдвинутого им положения. Может быть, предположение Соссэя правильно, но не исключена также возможность, что Мāзинī, избрав героем своего романа собрата по перу, живущего в то же время и в тех же условиях жизни, возвращающегося в том же обще-

стве и принадлежащего к тому же классу, что и он, наделил своего героя многими мыслями и настроениями, созвучными своим.

Во всяком случае, если бы даже это мнение Соссэя оказалось совершенно справедливым, оно нисколько не умаляет значения романа. Что касается влияния «Санина» Арцыбашева на Мазини при создании образа Ибрахима, как предполагает Гибб, то мне кажется это мало вероятным, так как Ибрахим и Санин чересчур разные типы.

Итак, наличие новой струи, которая пронизывает весь роман, стремление автора показать некоторые новые типы современного ему арабского общества и зрелое художественное мастерство, проявляющееся в рассматриваемом произведении, признаются всеми, кто его анализировал. Но вслед за тем у исследователей романа возникают сомнения, можно ли считать его все-таки египетским, присуще ли ему то специфическое, что отличает его от европейского романа, имея в виду сильный, по их мнению, налет европеизма, которому подверглись и сам автор и его герои.

Европейское влияние, которое, несомненно, в той или иной степени ощущается у большинства персонажей романа в силу их европейского воспитания, образования или соприкосновения с европейцами, не проникло в них настолько, чтобы они перестали быть арабами-египтянами. Целый комплекс иногда едва уловимых психологических черт, очень умело вскрываемых автором, обнаруживает в них людей своей страны.

Таковыми чертами у Ибрахима являются его особого рода самолюбие, своеобразный склад искателя, находящегося пока еще на распутье, взгляд на женщин и, наконец, «тройственность» его любви.

В Лейле они выражаются в горячности ее, простодушии и наивности, роднящих ее с шейхом 'Али, которому тоже свойственны эти черты.

У Шушу это проявляется в покорности своей судьбе; она только, благодаря своему европейскому образованию, в книгах ищет средств, чтобы закалить свою волю, да сетует на то, что родилась в Египте, где существует столько предрассудков.

Интриги Самихи с целью выйти замуж, которыми она окружает Ибрахима и Шушу, невзирая на свое европейское воспитание, характеризуют в ее лице один из отрицательных типов восточной женщины, выросшей в условиях гаремной жизни.

Даже у доктора Махмуда, по своему воспитанию и образованию наиболее приближающегося к европейцам, мы наблюдаем как бы известную борьбу взглядов на отношение к женщине в тех колебаниях, которые он испытывает по поводу чувств к нему Шушу.

Кроме того, ряд исключительных эпизодов в романе, как искусная игра Самихи на воображении Наджийи с целью возбудить в последней ревность к мужу и удержать ее на позиции, выгодной для себя, полный живости рассказ ее о посещении колдуньи, насыщенная юмором сцена разговора доктора Махмуда с Ахмедом ал-Маййит, который верит в то, что он уже не существует, комические происшествия с шейхом 'Али; затем некоторые особенные приемы автора, вроде подчинения описания природы и окружающей обстановки характеристике настроений действующих лиц, подчас довольно длинные философствования Ибрахима, которые вряд ли мы могли бы встретить в европейских романах, — все это вместе взятое, мне кажется, дает довольно веские основания считать это произведение египетским романом и первую попытку автора в этом отношении признать удачной.

Остается в заключение сказать еще несколько слов об авторе романа, биографические сведения о котором уже были приведены выше.

Кампфмейер и Хемири в упомянутой своей брошюре причисляют его к представителям новой школы в современной арабской литературе. В его произведениях, особенно ранних, преобладает, согласно их оценке, актив-

ный, смелый пессимизм, а в позднейших трудах развивается изящный и тонкий юмор, который имеет под собой философскую базу. Любимым предметом ал-Мазини является критика, а любимыми авторами Байрон, Гарди и Гейне. В своем сборнике «Хаṣād ал-хашīm» (стр. 231) ал-Мазини высказывает следующий взгляд, приводимый авторами указанной брошюры: «Мы унаследовали арабский язык от арабов и, как наследники, имеем право употребить наше наследство, как мы хотим, и не следовать во всем примеру арабов».¹

Гибб в своих «Studies in Contemporary Arabic Literature. III. Egyptian Modernists» (стр. 460—464) относит ал-Мазини вместе с М. ал-'Аққадом к ведущим литераторам той группы египетских модернистов, европейская основа у которых, главным образом, английская. Он говорит об убеждении обоих писателей в том, что «литературное возрождение, отражающее революцию в идеях и взглядах народа, является необходимым приготовлением для полного возрождения национальной жизни и что настоящая задача писателя и мыслителя — вести народ к созданию и завершению национальной цивилизации». Но, с другой стороны, они «меньше настаивают на развитии чисто египетской культуры и придают больше значения прививке соответствующих европейских элементов к арабскому стволу в целях создания модернизированной арабо-исламской культуры». В то время как, по мнению Гибба, ал-'Аққад считается представителем художественного идеализма, ал-Мазини в душе реалист, хотя и прикосновенен к фантазии.

Тон письма его становится легче и более ярким. Его журнальные статьи Гибб ставит гораздо выше, нежели критические очерки, и высоко ценит его стиль.

Итак, ал-Мазини принадлежит к прогрессивной части умеренных египетских националистов. Он ищет новых путей в литературе и известен египетской читающей публике как поэт и критик, с одной стороны, и как автор очерков и журналист — с другой. Развивая энергично свою деятельность в качестве журналиста, ал-Мазини, как мы указывали ранее, выходит за пределы вопросов, касающихся непосредственно Египта; он совершил поездки в арабские страны и описал свои наблюдения в ряде статей.

В них он приветствует стремление к национальному возрождению этих стран и отмечает конкретные факты, свидетельствующие о том. Попытка его применить свое литературное дарование в новом жанре, наименее испробованном арабскими писателями, — романе, — дала положительные результаты.

Необходимо пожелать, чтобы ал-Мазини не ограничился одной этой попыткой и в последующих своих произведениях коснулся более широких слоев египетского народа, нежели та сравнительно замкнутая среда мелкобуржуазной интеллигенции из числа египетских арабов-мусульман, которая послужила предметом его описания в данном романе.

Будем надеяться, что развивающаяся арабская литература, в лице своих отдельных представителей уже становящаяся на путь больших произведений, достигнет в недалеком будущем и в области романа не меньших успехов, чем те, которые она имеет в сочинениях, относящихся к некоторым другим жанрам, прочно укрепившимся в ней.

¹ Ал-Мазини имеет здесь в виду отсутствие необходимости слепо придерживаться литературных традиций арабского средневековья.

Акад. А. П. БАРАННИКОВ

О НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ИНДОЛОГИИ

История любой научной дисциплины дает нам много примеров того, какое огромное значение в ее развитии имеют идеи, направляющие научную мысль.

Изучая историю любой дисциплины, мы убеждаемся в глубокой правильности положения тов. Сталина о двух видах идей.

«Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживших сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед. . .»¹

В различных научных дисциплинах весьма часто старые идеи, поддерживаемые авторитетом традиции, продолжают в течение многих лет сохранять свое существование, несмотря на их явную нелепость, и в течение долгого времени тормозят развитие соответствующей научной дисциплины.

В период своего существования старые идеи внешне не остаются неизменными. Для их обоснования весьма часто находят новые аргументы, которые придают старым идеям и концепциям видимость научности. Однако, если разобраться в этих аргументах и обоснованиях, то без труда обнаруживается их тенденциозный, нарочитый характер, и старая идея, зачастую имеющая многовековую давность, выступает в своей неприкрытой форме и обнаруживает порочность своих корней.

Это положение с особой наглядностью можно иллюстрировать некоторыми данными из истории индологии.

Индология является одной из важнейших филологических дисциплин. Это объясняется не только длительностью периода развития индийской культуры, доступного наблюдению по литературным памятникам, и давностью филологической традиции в Индии, но и тем обстоятельством, что индология оказала большое влияние на развитие европейского языкознания, в частности, знакомство с древнеиндийским языком способствовало развитию сравнительной грамматики.

Доступная нашему наблюдению литературная традиция на индийских языках тянется на протяжении огромного периода, охватывающего по меньшей мере четыре тысячелетия.

За этот период в Индии создана богатейшая литература на многих языках и диалектах, весьма резко различающихся один от другого и принадлежащих к различным морфологическим типам.

С древнейших времен в Индии были представлены языки, принадлежащие к разным системам. Степень изученности в настоящее время языков разных

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1939, стр. 546.

систем различна. Языки системы мон-хмер, мунда и тибето-китайские до последнего времени почти не были затронуты изучением.¹ Только выход в свет капитального труда G. Grierson'a «Linguistic Survey of India» с образцами текстов этих языков кладет прочное основание для изучения языков названных систем. Значительно лучше, но все же совершенно недостаточно, изучены дравидийские языки.² Свое основное внимание индологи-лингвисты уделяли языкам индо-арийской системы, главнейшие из которых перешли уже через первоначальную стадию изучения: для них созданы грамматики и словари и установлены основные моменты их весьма сложной истории.³

Индийская лингвистическая традиция, а за ней и европейская индология, устанавливает три стадии в развитии индо-арийских языков, а именно:

1. Древнеиндийские языки, развитие которых в качестве литературных языков, более или менее доступных пониманию относительно широких кругов населения, охватывает все II тысячелетие до н. э. и первые века I тысячелетия до н. э.

2. Среднеиндийские языки, которые вошли в литературное употребление в V—VI вв. до н. э. (в качестве разговорных языков они, конечно, бытовали значительно раньше) и в различных формах употреблялись в литературе вплоть до конца I тысячелетия н. э.

3. Новоиндийские языки, важнейшие из которых проникают в широкое литературное употребление в начале II тысячелетия н. э. и, пройдя весьма сложный путь своего развития, остаются в литературном употреблении в наши дни.

Есть ряд важных фактов, показывающих, что установление трех стадий в отмеченных хронологических рамках имеет за собою весьма серьезные основания. Главнейшие из этих фактов следующие:

1. Проникновение в литературное употребление среднеиндийских языков (V—VI вв. до н. э.) и последовавшее через полторы тысячи лет (т. е. в начале II тысячелетия н. э.) проникновение в литературное употребление новоиндийских языков означает собою выход на широкую общественную арену средних и низших каст, вступающих в открытую идеологическую борьбу с брахманством. Как в середине I тысячелетия до н. э., так и в начале II тысячелетия н. э., средние и низшие касты выступили на борьбу против высших каст, главным образом брахманства, с демократическими лозунгами социального равенства, отрицания каст и отрицания привилегий брахманства. Для популяризации своих идей вожаки этих демократических движений (до нашей эры — буддизм, в начале II тысячелетия н. э. — вишнуизм) обратились к разговорным языкам широких масс, которым были непонятны литературные языки предшествующей эпохи.

2. Среднеиндийские языки, даже древнейшие из них, дают картину полного крушения старой фонетической системы, что привело к постепенному разложению старой флективной системы.

3. В новоиндийских языках наблюдается становление новой фонетической системы и переход от флективного к аналитическому, агглютинативному строю.

Древнейшие в Индии языковые и литературные факты, доступные нашему наблюдению, представлены ведическим языком и ведической литературой. Существуют разнообразные, часто весьма противоречивые, гипотезы относительно времени возникновения вед, но на основании непредубежденного анализа исторических фактов наиболее вероятным представляется отнести период возникновения вед к началу II тысячелетия до н. э. Начи-

¹ На языках мон-хмер говорит 550 000 чел.; на языках мунда — 3 974 000 чел.; на тибето-китайских — 12 885 000 чел.

² На дравидийских языках говорит 64 128 000 чел.

³ На индо-арийских языках в Индии говорит 232 847 000 чел.

ная с этого времени, мы наблюдаем все расширяющуюся и углубляющуюся картину языковых и литературных фактов.

Трудами ряда исследователей выяснено,¹ что ведический язык выступает в форме нескольких диалектов. Своеобразие каждого из них в весьма большой степени сглажено благодаря деятельности многочисленных редакторов, которые в период, последовавший за объединением ведических гимнов в известные нам сборники или Samhita (Ṛg-Veda, Sāma-Veda, Yajur-Veda и Atharva-Veda), руководствовались стремлением к возможно большему единообразию языка, к сближению языка вед в целом со стандартными нормами позднейшего литературного языка, получившего название санскрита. Однако, несмотря на все старания нескольких поколений редакторов, направивших свои усилия к достижению указанной цели, весьма значительный ряд диалектических явлений в ведическом языке доступен нашему наблюдению и в настоящее время.

Часть этих диалектизмов представляет собою фонетические явления, известные под названием пракритизмов, т. е. таких явлений, которые типологически сближаются или совпадают с формами среднеиндийских языков или пракритов. Ряд диалектических явлений в области морфологии сохранился вследствие требования метра. Некоторые диалектизмы выступают в виде дублетов, полностью или частично дифференцировавшихся по своей семантике, что обеспечило этим дублетам право на существование.

Наиболее яркие примеры диалектизмов, доступных нашему наблюдению в Samhita'х, т. е. в сборниках стихотворных гимнов, которые являются древнейшими частями ведической литературы, — пракритизмы, проявляющиеся либо в форме упрощения аспирированных согласных путем элиминирования их затворных элементов, либо в виде упрощения групп согласных. Оба названные явления широкое развитие получают в позднейших среднеиндийских и новоиндийских языках.

Наиболее яркие примеры упрощения аспирата является форма *gr̥hya* 'взять' при *gr̥bhya* и формы Perfect'a от этого же корня: *jagraha* и *jagrabha*.

Примером упрощения группы согласных является форма *jyotis* 'свет' при более древней форме *dyotis*.

Весьма интересное диалектическое явление представляют формы Риг-веды со звуком *ḷ*, которому в санскрите соответствует звук *ḍ*, напр. *mṛḷaya* 'помилуй' при другом варианте этого корня *maṛḍ* с тем же значением.

Весьма многочисленны диалектизмы в области морфологии.

Особенно ярко многодиалектность ведического языка проявляется в образовании ряда глагольных форм. Так, напр., для выражения форм инфинитива существует пять различных окончаний, а именно: *-tave*, *-tavai*, *-tos*, *-dhyai* и *-se*:

<i>etave</i> 'итти'	<i>bhartave</i>	'нести'
<i>etavai</i> »		
<i>hantavai</i> 'убивать'	<i>bhartavai</i>	»
<i>jivase</i> 'жить'	<i>bhartos</i>	»
<i>cakṣase</i> 'видеть'	<i>bharadhyai</i>	»

Весьма многочисленная группа глаголов строит в ведическом языке формы настоящего времени по принципам разных классов. Особенно многочисленны разнодиалектные формы глагола *kar* 'делать'.

Во 2-м л. ед. ч. кроме формы, нормальной для санскрита, т. е. формы *karoṣi* 'ты делаешь', в ведическом языке с тем же значением выступает ряд диалектических форм, а именно: *karasi*, *karṣi*, *kr̥ṇoṣi*.

¹ J. Wackernagel. Altindische Grammatik. I. Lautlehre. Göttingen, 1896, стр. XIX и сл.

Равным образом во 2-м л. ед. ч. императива, кроме стандартной для позднейшего санскрита формы *kuru* 'делай', в ведическом языке с тем же значением выступают формы: *kara*, *ṛdhi*, *ṛṇu*, *ṛṇuhi*.

В позднейшем литературном языке, или санскрите, эти возможности у подавляющего большинства глагольных корней были либо совершенно утрачены, как то мы наблюдаем на примере глагола *kar* 'делать', либо в сильной мере сузились, что можно видеть на примере многих других глаголов.

Следующая хронологически за *Samhita* более поздняя часть ведической литературы, комментирующая и развивающая идеи, представленные в гимнах, дает картину постепенного частичного элиминирования названных и аналогичных им диалектических явлений. Древнеиндийский язык постепенно приобретает форму стандартного литературного языка, который позднее получил название санскрита. Постепенная стандартизация литературного языка, видимо, объясняется его ориентацией на определенный локальный диалект, а именно на диалект центральной части северной Индии, в дальнейшем получивший название «*madhyadeśa*». Как известно, в последующую эпоху эта местность считалась областью, где с наибольшей строгостью сохранялась чистота этого литературного языка, т. е. санскрита, получившего большое значение в последние века древнего периода и особенно в средние века.

Стандартизации санскрита, а равным образом и сохранению им своей стандартной формы, в весьма большой степени способствовала его грамматическая обработка. Еще в первой половине I тысячелетия до н. э. несколько поколений грамматиков посвятило свои труды разработке санскритской грамматики. В окончательной форме нормы санскрита были установлены знаменитым грамматиком древней Индии Панини (*Pāṇini*, V в. до н. э.), грамматика которого в последующие века сделалась непрекращаемым авторитетом.

Особенно высоко авторитет Панини и знание норм его грамматики стояли в так называемый классический период развития санскритской литературы, т. е. в период с IV до VIII в. н. э., когда были созданы наиболее совершенные с формальной точки зрения произведения санскритской литературы. Недостигаемо-высоким образцом санскритской классической литературы туземная индийская традиция считает произведения Калидасы. В последующие века культура санскрита постепенно падает и, хотя он употребляется в индийской литературе вплоть до XIX в., однако круг ученых, знающих санскрит, все более и более суживается, и живые силы страны в своем литературном творчестве переходят на национальные литературные языки, которые в европейской литературе известны под названием новоиндийских языков.

Хронологически и функционально классический санскрит, а равным образом менее совершенные формы санскрита, употреблявшиеся в течение всего средневековья, соответствуют средневековой латыни.

Указанное сопоставление оказывается правильным и в отношении классовой принадлежности латыни и санскрита. Как средневековая латынь была главным образом языком духовенства, так и классический санскрит и вообще средневековая схоластическая санскритская литература была литературой брахманской.

Нормы санскритской грамматики, как то отмечено выше, наибольшим авторитетом пользовались в классический период развития санскритской классической литературы, т. е. приблизительно через тысячелетие после создания грамматики Панини, и после того как в литературном употреблении в течение целого тысячелетия жили типологически более поздние формы индийских языков, известные под названием пракритов и апабхранша, т. е. среднеиндийские языки.

В период создания грамматики Панини и в последующие века древности нормы грамматики Панини не считались непререкаемыми. Ряд крупнейших авторов древней санскритской литературы не считал их обязательными для себя. Грандиозные поэмы древней Индии Махабхарата и Рамаяна, написанные на санскрите и получившие свою окончательную редакцию в период между IV в. до н. э. и IV в. н. э., написаны на языке, в значительной мере отклоняющемся от норм грамматики Панини.

J. Wackernagel¹ и ряд других крупных санскритологов считают, что нормы классического санскрита, установленные Панини, в полной мере соблюдались только учеными брахманами. Эпический санскрит, т. е. санскрит, на котором написаны «Рамаяна» и «Махабхарата», по их мнению, есть язык кругов, хотя и принадлежавших к высшим кастам, главным образом к военной касте (кшатрии), но не проходивших длительной выучки, которая была доступна только относительно немногочисленным кругам брахманства.

Средние и низшие касты в этот период говорили и употребляли в литературе так называемые среднеиндийские языки, по индийской терминологии пракриты.

В широкое литературное употребление пракриты были введены представителями буддизма и джайнизма.

В первой половине I тысячелетия до н. э. брахманство подчинило своему контролю все другие касты, доведя их эксплуатацию до крайнего предела. Свою власть над народом оно в известной мере разделяло только в дворянством, кшатриями. Для идеологического обоснования главенства брахманов над другими кастами была создана известная легенда о происхождении всех каст от высочайшего божества — Брахмы. Согласно этой легенде брахманы произошли из головы Брахмы, кшатрии из его рук, вайшьи (торговцы, ремесленники) из чрева и шудры (низшая каста) из ног Брахмы. В силу этого брахманы, якобы, были призваны распоряжаться судьбами всех каст, кшатрии — защищать страну, т. е. главным образом брахманство. Вайшьи обязаны питать всех, а шудры — служить всем высшим кастам. В соответствии с многочисленными «законами», которые в окончательной форме были сформулированы значительно позднее, жизнь каждого индуса от зачатия до смерти была подчинена постоянному контролю брахманства, которое по малейшему поводу облагало население невыносимо тяжкими поборами.

Против гнета брахманства, следившего за неуклонным сохранением мертвящего кастового строя, возникла сильная оппозиция среди средних и низших каст, приведшая к большим общественным движениям, которые, приняв в VI—V вв. до н. э. религиозную окраску, вылились в форму буддизма и джайнизма. Эти движения в своей основе, несомненно, были демократическими. Демократический характер этих общественно-религиозных движений проявляется как в идеях философских [отрицание души, сведение всех жизненных процессов, в том числе и душевных явлений, к движению атомов (dharma) и т. д.], так и в социальных (отрицание авторитета вед и брахманства, отрицание кастового строя и принцип социального равенства).

Это движение, как и всякое демократическое движение, должно было апеллировать и действительно вначале апеллировало к широким кругам населения, главным образом, населения городского. И весьма показательно, что в качестве орудия своей проповеди основоположники буддизма и джайнизма избрали пракриты, т. е. разговорные языки широких народных масс.

¹ J. Wackernagel, op. cit., Einleitung, стр. XLIV и сл.

Весьма показателен также факт, что после того как буддизм сделался государственной религией в империи Маурья и утратил свой бывший демократический характер, его литература была переведена с пракритов на санскрит, который в дальнейшем сделался единственным языком канона северного буддизма. На юге, на Цейлоне, в Бирме и т. д., где буддизм в известной мере сохранял свой демократический характер, в качестве языка буддийской канонической литературы продолжал оставаться один из среднеиндийских языков — пали. Джайнизм, который никогда не возвышался до положения государственной религии и был распространен среди торговых и ремесленных каст, в течение всей своей истории пользовался в литературе только среднеиндийскими (пракриты, апабхрانشа) и новоиндийскими языками.

Возможно, что еще в V в., т. е. в период деятельности Будды и Джина (основоположник джайнизма), или даже несколько раньше некоторые пракриты проникли в литературное употребление. Во всяком случае проповедь буддизма на Цейлоне, которая обычно датируется эпохой императора Ашоки (III в. до н. э.), несомненно, велась на одном из среднеиндийских языков, скорее всего на пали. О прочно установившейся письменной традиции на среднеиндийских языках в III в. до н. э. говорит также факт появления пракритских надписей этого императора. Совершенно понятно, что эти пракритские надписи, которые являются древнейшими из известных нам индийских надписей вообще, так как надписи на санскрите появляются позднее пракритских, не могли быть первыми памятниками, написанными на этих языках.

Ведический язык и санскрит являются классическими флективными языками. Флективный строй этих языков отличается исключительной прозрачностью. Морфологический строй каждого лексического элемента, каждой грамматической формы, независимо от его принадлежности к той или иной грамматической категории, выступает с полной ясностью.

Среднеиндийские языки продолжают сохранять флективный строй в достаточно ясной форме, однако полная прозрачность морфологического строя в пракритах, даже в наиболее ранних из них, в значительной мере утрачена. Поздние формы среднеиндийских языков, т. е. апабхрانشа, почти полностью утратили флективный строй.

Большие сдвиги, которые характеризуют и определяют переход от древнеиндийских языков к среднеиндийским, особенно ярко проявляются в области фонетики, где мы наблюдаем большие потрясения, определившие все последующее развитие индоарийских языков. Катастрофический характер они приобретают в области консонантизма. Наиболее яркими и важными процессами в этой области являются выпадение ряда одиночных затворных согласных, стоявших в древнеиндийском между гласными, и упрощение, точнее ассимиляция, групп согласных. В области вокализма переход к среднеиндийской стадии характеризуется исчезновением ряда гласных и появлением новых гласных, образовавшихся на основе различных звуко-сочетаний.

Между древнейшими известными нам пракритами, т. е. пали, и пракритами надписей императора Ашока и позднейшими среднеиндийскими языками, в VI в. н. э. получившими название апабхрانشа и проникавшими в литературное употребление в начале средних веков, наблюдаются весьма большие различия как по линии фонетики, так и по линии морфологии. Поздние формы апабхрانشа весьма близки к ранним формам новоиндийских языков, и в некоторых случаях различие между ними в значительной мере является условным.

Новоиндийские, т. е. современные национальные языки, проникают в литературное употребление в начале II тысячелетия, а частично и раньше.

Их широкое проникновение в литературу связано с большими социальными сдвигами, падающими на конец I и начало II тысячелетия н. э., с большими народными движениями, которые, получив религиозную окраску, стали известны под названием разных форм вишнуизма. Вишнуизм выступил на широкую общественную арену по существу с теми же демократическими лозунгами, которые за полтора тысячелетия до того способствовали широкому распространению буддизма. Большие социальные движения, во главе которых стояли радикальные вишнуиты, протекали в период мусульманского проникновения в Индию. Как известно, мусульманские завоевания, пришедшие в Индию с демократическими по тому времени лозунгами, нанесли весьма сильный удар брахманскому кастовому строю и привилегиям высших каст — брахманства и кшатриев.

Это обстоятельство не могло не сказаться на судьбе санскрита, литература на котором культивировалась и поддерживалась исключительно названными высшими кастами, ибо санскрит был языком высокой придворной поэзии, языком традиционных религиозных форм, ортодоксальной философии и схоластической науки, языком, изучение которого в течение многих веков было запрещено низшим кастам.

Для надлежащего понимания истории индийской литературной традиции весьма важно помнить, что классический санскрит, типологически являющийся языком древнеиндийским, по времени своего употребления является языком средневековым, так как расцвет так называемой классической санскритской поэзии относится к периоду с IV по VIII в. н. э., т. е. к периоду, когда в широкой литературе употреблялись самые поздние среднеиндийские языки и началось проникновение в литературу новоиндийских языков. В последующее тысячелетие художественная традиция на санскрите постепенно ослабевает, и мы имеем от этого времени лишь относительно небольшое число памятников, представляющих сколь-нибудь серьезную художественную ценность. Творческие силы, создающие яркие образцы индийской поэзии, переходят на новоиндийские языки. В течение всего средневековья санскрит, подобно средневековой латыни, продолжает оставаться языком ортодоксальной брахманской религии, философии и схоластической науки.

Развитию классической санскритской литературы предшествовала почти тысячелетняя литературная традиция на пракритах, каковая таким образом является значительно более древней.

В средние века санскрит употребляется в литературе параллельно с литературной традицией, развивающейся на различных национальных языках, — хинди, бенгали, маратхи, урду и т. д. Различие между санскритской и новоиндийской литературной традицией, помимо различий языковых, состоит в различии социальной принадлежности аудитории, к которой обращались средневековые авторы. Мы говорим об аудитории, а не об авторах, так как хотя первоначально на новоиндийских языках писали исключительно представители низших каст (ткачи, кожевники, бродячие и т. д.), но с упрочением литературной традиции на различных новоиндийских языках, представители брахманства спорадически обращаются или пишут исключительно на том или ином из новоиндийских языков в тех случаях, когда они обращаются к широкой аудитории, а не к замкнутому кругу высших каст. Почти всегда в подобных случаях выбор языка, а следовательно, и аудитории сопровождается также выбором тех или иных социальных идей. Как правило, авторы, пишущие на санскрите, являются носителями ортодоксальной идеологии, а авторы, пишущие вплоть до XIX в. на том или ином из национальных индийских языков, являются обычно выразителями идей демократических и весьма часто еретических.

Параллельное употребление в литературе, с одной стороны, санскрита, с другой же — среднеиндийских и позднее новоиндийских языков никогда не было мирным сосуществованием. Как их носители, представители различных каст, так и названные литературные языки находились в постоянной борьбе. Брахманство всеми мерами стремилось к изгнанию или по крайней мере к ограничению литературного употребления других литературных языков, так как они, с точки зрения брахманства, были средством выражения еретических идей низших каст, идей, направленных против кастовой системы и привилегий высших каст.

Борьба с «простонародными» языками, а именно таково первоначальное значение термина «праkrit» (*prākṛta*), началась уже в последние века до нашей эры. В эту эпоху брахманство в значительной мере сумело вернуть свои позиции в индийском обществе, которые весьма пошатнулись в период первоначального распространения буддизма. С завоеванием политических позиций брахманство принимает энергичные меры к реставрации санскрита как литературного языка. Праkritы продолжают сохранять свое существование в литературе, но постепенно в литературные произведения на праkritах вводится все больше и больше санскритизмов. К началу нашей эры потерялась грань между санскритом и литературными праkritами.

Праkritы (махараштри, шаврасени, магадхи и др.) были в большой мере языками локальными. Санскрит же, как язык брахманства, постепенно сделался своеобразным «интернациональным» языком северной Индии. Это обстоятельство способствовало тому, что в соответствии с домогательствами брахманов праkritы были изгнаны из официального употребления и официальным языком центральной государственной власти на некоторое время сделался санскрит.

Социальная сущность различных литературных языков, употреблявшихся в период раннего средневековья, особенно ярко выступает в композиции санскритской драмы, где различные персонажи говорят на разных языках: «высокие» персонажи — боги, брахманы, цари и герои — говорят на санскрите, между тем как остальные персонажи пользуются разными праkritами: женщины высших каст говорят на праkritе шаврасени, поют на праkritе махараштри; представители низших каст пользуются праkritом магадхи и другими праkritами.

Весьма показательно, что брахманы — авторы санскритских драм — не принимают во внимание местность, на языке которой должен был говорить тот или иной персонаж, а учитывают исключительно его социальное положение. Даже при учете факта условности этого своеобразного «реализма» мы все же не можем не признать совершенно ясной тенденции брахманства — считать санскрит межпровинциальным языком господствующих современных каст.

Проникновение в литературное употребление новоиндийских, т. е. современных национальных индийских, языков не было фактом, совершившимся безо всяких помех. Мятельный, еретический характер литературы на новоиндийских языках, на которых писали преимущественно выходцы из низших каст, подвергавшие жестокой критике устои современного им социального строя и ратовавшие за права угнетенных каст, был причиной того, что брахманство подняло гонение на новоиндийские литературы и языки и всеми мерами стремилось если не изгнать их из литературного употребления, то по крайней мере ограничить их употребление в литературе.

В результате этих гонений новоиндийские языки в течение почти целого тысячелетия ограничиваются в своем употреблении. Они находят применение только в области поэзии, в области стиха. Вплоть до начала XIX в. неограниченное господство в области прозы принадлежит санскриту; с проникновением же в Индию ислама индийские мусульмане в качестве

литературного языка пользовались персидским языком. Помехи, которые ставились брахманством представителям низших каст с целью не допустить или всемерно ограничить их проникновение в литературу, науку и философию, сказались и на судьбе новоиндийских литератур и национальных языков. Вплоть до начала XIX в. на этих языках не было создано ни одного сколько-нибудь заметного прозаического произведения.

Однако, несмотря на разнообразные преграды, ставившиеся развитию национальных литератур, поэзия на различных новоиндийских языках достигает исключительно высокого развития, так как все живые силы индийских народов в течение всего средневековья в своей творческой деятельности переключились на новоиндийские языки. Литература на этих языках блещет смелостью и оригинальностью идей, своеобразием поэтических образов и весьма часто исключительно высоким художественно-техническим мастерством. Именно на этих языках, начиная с XI—XII вв. н. э., издаются поэтические произведения, представляющие собой огромную художественную ценность.

Свой односторонний характер, т. е. применение исключительно в области поэзии, в области стиха, новоиндийские языки сохраняют вплоть до конца XVIII в. Только в начале XIX в., когда в Индии достаточно окрепла своя буржуазия, развившаяся под действием британского капитала, и были подорваны устои традиционного кастового строя, на всех важнейших новоиндийских языках начинает развиваться художественная проза, которая в течение XIX в. и первых десятилетий XX в. достигла блестящего развития и совершенно вытеснила из употребления санскрит и персидский язык.

По своему морфологическому строю новоиндийские языки в своей основе коренным образом отличаются от ведического языка, санскрита и пракритов. Между тем как все названные языки, как то отмечено выше, являются языками флективными, новоиндийские языки обладают аналитическим строем.

Яркие факты развития индийских языков дают возможность наблюдать, как вследствие действия самых разнообразных факторов индоарийские языки переходят от флективного строя к агглютинативному. Этот факт имеет большое историческое и теоретическое значение, так как мы имеем, таким образом, возможность внести весьма серьезный корректив в широко распространенную схему, согласно которой развитие языков идет от корневого строя к агглютинативному и от этого последнего к строю флективному. На примере развития индийских языков мы видим явление обратного порядка: они от флективного строя перешли к строю агглютинативному. Этот агглютинативный строй не представляется, однако, чем-то совершенно монолитным. На ряду с формами, построенными по принципу агглютинации, в ряде языков наблюдаются флективные формы. По своей истории эти флективные формы — явления совершенно разного порядка: некоторые флективные формы лишь продолжают сохранять свой флективный характер, несмотря на большие пертурбации, которые произошли в области их фонетической структуры; другие флективные формы, как, напр., некоторые глагольные и именные формы маратского и бенгальского языков, проделали более сложный путь развития: бывшие флективные формы сначала перешли в формы агглютинативные и только в результате дальнейшего сложного развития совершили переход от агглютинативного к новому флективному характеру.

Новоиндийские языки представляются явлением новым в истории индоарийских языков не только по своему морфологическому строю. Они представляются новым явлением и с социальной точки зрения. Между тем как литературные языки, употреблявшиеся до них в индийской литературе, имели либо кастовый (как санскрит), либо конфессиональный характер

(как некоторые пракриты), в лице новоиндийских языков мы впервые в истории индоарийских литературных языков видим национальные литературные языки.

Каждый из названных новоиндийских языков в течение нескольких столетий употреблялся в форме более или менее близких литературных диалектов. Это отсутствие стандартности, объясняющееся недостаточностью культурной централизации соответствующего народа, не составляет особенности новоиндийских языков, так как аналогичные явления наблюдаются в истории любого европейского языка, в том числе и русского. Особенностью развития новоиндийских литературных языков является только большая стойкость и более длительное употребление диалектических форм, что объясняется феодальной раздробленностью Индии.

Стандартную форму новоиндийские литературные языки получают только с начала XIX в. Этому в сильной мере способствовало развитие прозы, появление печати и прессы и ряд других обстоятельств.

В развитии всех важнейших новоиндийских языков в течение последних нескольких десятилетий весьма ярко выступает стремление феодальной и буржуазной верхушки соответствующей индийской национальности столкнуть эти языки с пути национального развития. Понятие нации, а следовательно, и национального языка до последнего времени было чуждо народам Индии, где в силу давних традиций население группируется по принципам конфессиональным и кастовым. Это обстоятельство, особенно же стремление изолировать угнетенные касты от культуры и науки, что характеризует деятельность брахманства в течение нескольких тысячелетий, руководит представителями индийской феодальной и буржуазной верхушки в их стремлении повернуть новоиндийские литературные языки на путь «межнационального» развития.

Этого стремятся достичь при помощи введения в каждый из современных языков большого количества заимствований из санскрита. По мнению апологетов этого направления, каждый из национальных литературных языков таким путем получает широкие возможности для своего распространения, так как он делается доступным пониманию носителей других языков. Совершенно понятно, что такие тенденции, т. е. стремление изгнать из национальных литературных языков национальные лексические элементы и заменить их лексическими элементами, заимствованными из средневекового межнационального кастового языка — санскрита, являются глубоко реакционными и антидемократическими.

Из истории пракритов и пракритской литературы мы знаем, что благодаря введению в каждый из пракритов все большего и большего количества санскритских элементов, пракриты утратили свой первоначальный характер и в дальнейшем прекратили свое существование в литературе. На этот путь зовут и современные радетели новоиндийских языков. Должно сказать, однако, что условия развития этих последних языков в корне отличны от тех условий, в которых развивались пракриты. Индийский рабочий класс и индийское крестьянство сами берут в свои руки заботу о своих интересах и не позволят погубить свои национальные языки, которые в течение многих веков были средством выражения их лучших стремлений и чаяний.

Более того. Мы имеем все основания думать, что в дальнейшем число национальных языков в Индии не только не уменьшится, но возрастет.

«. . . Едва ли можно сомневаться в том, что, в случае революционной встряски в Индии, на сцену выплывут десятки ранее неизвестных национальностей, имеющих свой особый язык, свою особую культуру. И если дело идет о приобщении различных национальностей к проле-

тарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей».¹

Представленные краткие сведения из истории индийских языков, мне кажется, могут дать некоторое представление о масштабах и формах развития этих языков, о разнообразии языковых идиом и тех сдвигах, которые в них произошли на протяжении целых четырех тысячелетий.

Совершенно понятно, что указанные масштабы и многообразие языковых идиом и процессов, наблюдающихся в их развитии, ставят индийские языки в особое положение как потенциальную основу для разработки различных теоретических положений, для получения выводов, которые можно проверить на бесконечном богатстве и разнообразии лингвистических фактов.

Должно, однако, сказать, что названные потенциальные возможности истории индийских языков до последнего времени были использованы в недостаточной степени.

Причина этого явления коренится в привнесении в индологию отсталых, реакционных или же явно тенденциозных идей и концепций, имеющих целью защиту интересов господствующих классов.

Этот факт особенно ярко выступает в свете истории индологии.

Европейская индология весьма многим обязана трудам местных индийских грамматиков.

Лингвистические работы в Индии восходят к весьма древнему периоду, начало которого не поддается точному определению. Древнеиндийская грамматическая традиция даже в настоящее время поражает тонкостью наблюдения лингвистических фактов, глубиной анализа и широтой своих обобщений. После работ многих поколений грамматиков эта классическая грамматическая традиция нашла свое завершение в грамматике Панини (V в. до н. э.), сумевшего синтезировать все важнейшие факты санскритской грамматики в нескольких тысячах формул, построенных с алгебраической строгостью и ясностью, с поразительной научной четкостью и законченностью. По глубине анализа и смелости синтеза грамматика Панини представляет собою совершенно исключительное явление, не имеющее параллелей в мировой науке.

После Панини грамматическая традиция в Индии продолжает развиваться, хотя мы и не находим в ней той изумительной оригинальности, которая свойственна классическому труду Панини. Последующие авторы писали свои труды, заключающие ряд весьма ценных дополнений к грамматике Панини, главным образом, в виде комментариев к труду Панини, который облечен в форму, весьма трудную для понимания.

Грамматическая традиция в Индии началась с анализа ведических текстов, язык которых с течением времени сделался весьма мало доступным для понимания. В наиболее отдаленную эпоху внимание тогдашних ученых было направлено на разложение сплошного текста вед на отдельные лексические элементы. Принимая во внимание, что конечные слоги слов в древнеиндийском языке выступают в различных формах в зависимости от характера начального звука последующего слова, должно признать, что эта задача для того времени была весьма трудной. После разложения текста вед на отдельные лексические элементы, работа по изучению вед свелась, главным образом, к комментированию трудных для понимания мест и составлению словарей малопонятных слов.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, 7-е изд., 1931, стр. 194.

Основное внимание древнеиндийских грамматиков было обращено на литературный язык, отличный от древневедического, т. е. на тот язык, который от грамматиков получил название *sanskṛta*, что означает «украшенный», «отделанный», «литературный». Труды грамматиков, в особенности же знаменитая грамматика Панини, сыграли решающую роль в деле стандартизации санскрита. Брахманство той эпохи (VII—IV вв. до н. э.) с особой остротой сознавало настоятельную необходимость стандартного литературного языка, так как в эту пору древнеиндийский язык, давно оторвавшийся от народного языка и непонятный широким кругам населения Индии, находился в большой опасности, потому что его место в индийской литературе стремились занять пракриты, которые были сильны своею близостью к народным разговорным языкам. Перед лицом такой опасности брахманам было весьма важно дать возможно более четкое, полное и детальное описание норм литературного языка, особенно же норм фонетических и морфологических, которым грозила особая опасность вследствие коренной ломки, которая характеризует переход от древнеиндийской к среднеиндийской стадии развития индийских языков. Свою задачу — создать стандартный литературный язык — Панини и его предшественники выполнили блестящим образом.

Создание первого в истории Индии стандартного литературного языка вызвало факт, весьма часто наблюдающийся в истории науки. Результат длительного труда был обращен в фетиш. Санскрит был обожествлен. Он был провозглашен и признан брахманством языком богов, каковое признание могло возникнуть тем легче, что к этому времени брахманство само провозгласило себя земными богами, которые в некоторых отношениях стоят выше небесных богов. Санскрит, наконец, был признан первоисточником всех индийских языков: *sanskṛtam prakṛtānām mātā* «санскрит — мать пракритов».

Таким образом в полном противоречии с историческими фактами, язык, относительно поздний, получивший в отличие от более древнего ведического языка, имевшего многодиалектную подоснову, свою стандартную форму вследствие ориентации на один узкий локальный диалект и в результате длительного труда многих грамматиков, — был поставлен в совершенно исключительное положение. Все внимание индийских грамматиков было направлено на санскрит. Явления более древнего, ведического языка, не укладывавшиеся в нормы того стандарта, который был создан авторами санскритских грамматик, привлекали мало внимания древних индийских лингвистов. Панини лишь в весьма редких случаях отмечает, что в том или ином пункте ведический язык отличается от санскрита. Последующие индийские грамматики, преклонявшиеся перед классическим трудом Панини и решавшиеся только комментировать его грамматику, стояли на тех же принципиальных позициях, что и этот автор, и не уделяли внимания ни ведическому языку, ни современным им формам литературных пракритов.

Только два относительно поздних грамматика, деятельность которых протекала в средние века, а именно Вараручи (Vararuci, VI в. н. э.) и Хемачандра (Hemacandra, XII в. н. э.), уделили в своих трудах внимание среднеиндийским языкам. Оба названных автора действовали, таким образом, в ту эпоху, когда пракриты уже прекратили свое существование как самостоятельные литературные языки, доступные пониманию широких масс населения, и большинство фактов, характеризующих структуру среднеиндийских языков, они берут из литературных памятников, а не из живой речи.

В трудах названных грамматиков, давших описание пракритов, принята обычная в санскритской грамматике форма изложения, но изложение фактов среднеиндийских языков ни в коей мере не может сравниться с той

глубиной анализа и широтой синтеза, которые наблюдаются в санскритских грамматиках. Оно весьма схематично и дает лишь весьма слабое представление о пракритах и апабхрانشа.

Оба названных автора исходили из общепринятого в их эпоху положения, согласно которому санскрит есть праязык всех последующих языков Индии, и главная цель Вараручи и Хемачандры состояла в том, чтобы представить формулы или рецепты, при помощи которых из санскритских форм можно получить пракритские, что имело известное практическое значение, так как пракриты в своей условной схематической форме продолжали употребляться в литературе, особенно в санскритской драме, как условный язык персонажей низших каст. При помощи рецептов, данных Vararuci и другими авторами, любое санскритское слово механически «практицизовалось», причем обычно совершенно не ставился вопрос о том, употреблялось ли реально то или другое слово в соответствующем пракрите.

После провозглашения санскрита первоисточником всех других языков и признания его языком богов, брахманы объявляют санскрит единственным «чистым», оригинальным языком Индии. Все другие идиомы, в том числе и ведический язык, употреблявшийся в литературе за полторы тысячи лет до установления норм санскритской грамматики, и многочисленные пракриты были признаны искаженными формами санскрита, результатом «порчи» санскрита в устах необразованных масс, представленных низшими кастами.

Такой взгляд на пракриты, возникший, несомненно, вследствие того, что они были средством выражения антибрахманских идей, не мог способствовать вниманию к пракритам и не мог вызвать среди брахманов, в то время монополистов в области лингвистики, интереса к их изучению. В результате такого отношения к пракритам, они в течение почти полутора тысячи лет остаются весьма мало изученными. Пренебрежение к пракритам было выражением презрительного отношения к низшим кастам, столь характерного для брахманства в течение нескольких тысяч лет.

Еще большее пренебрежение и ненависть вызвали к себе в массе брахманства новоиндийские, т. е. современные национальные языки.

Такое отношение к национальным языкам со стороны брахманства было совершенно естественным, так как новоиндийские языки проникают в литературное употребление как средство выражения идей явно антибрахманских, как орудие распространения в массах «еретических» идей о социальном равенстве. Таким образом борьба брахманства против национальных языков и литератур по существу все время была борьбой против низших угнетенных каст, стремившихся к освобождению от гнета высших каст и боровшихся за идеалы социальной справедливости.

Борьба против новоиндийских литератур и языков выражалась не только в форме презрения и пренебрежения к этим языкам и литературам, но весьма часто принимала весьма резкие формы. Известно много фактов жестокого преследования за «мятежные» произведения на новоиндийских языках.

Так, знаменитый поэт ткач Кабир (1440—1518), писавший на хинди, за свои песни, направленные против брахманства и властей, был изгнан из Бенареса.¹ Кроме своих демократических идей, Кабир вызвал ненависть брахманства своим отрицанием значения санскрита. В одном из своих произведений Кабир говорит: «Пандиты говорят только на санскрите и прозывают невежественными дураками всех тех, кто пользуется народным языком (*bhākhā*). Во всем мире пандиты восхваляют только санскрит. Но *bhakti* дает силы и ведет ко спасению только через посредство народного языка. Санскрит есть колодезная вода. Народный язык есть бьющий ключ.

¹ F. E. Keay. A History of Hindi Literature. Calcutta, 1920, pp. 23—24.

Bhākḥā (народный язык) любима истинным учителем и показывает истинный путь!»¹ И Кабир был не единственным автором, который ясно сознавал глубокое социальное значение народных языков.

Не менее интересна фигура крупнейшего поэта гуджаратской литературы Narasinha Mehta (1500—1558), который обратился со своей поэзией к низшим кастам, неся им проповедь социального равенства. За свои идеи и за свою связь с низшими кастами и с неприкасаемыми Нарасинха Мехта был признан высшими кастами юродивым и безумцем.

Весьма сходен с ним маратский поэт Тукарам (родился в 1608 г.), создавший непревзойденные по красоте произведения о труде и страданиях низших каст, угнетаемых брахманством и знатью. За «мятежный» характер произведения Тукарама были брошены в реку, а сам он был изгнан из родной деревни.²

Одно из величайших произведений не только литературы хинди, но и всей индийской литературы вообще, «Рамаяна» Тульси Даса (1532—1624), написанная им, брахманом, на хинди, вызвала взрыв негодования со стороны ортодоксального брахманства, которое увидело в этом факте оскорбление самих богов. Так, некий Шьяма Шукла сказал Тульси Дасу: «Всевышнему не угодно, чтобы о таких вещах писали не на санскрите!» Другой брахман с возмущением обратился к Тульси Дасу с вопросом: «Зачем ты, являясь знатоком санскрита, написал свою книгу на мужицком языке?» В ответ на это Тульси Дас заявил, что он писал не для брахманов, а для народа.

Не ограничиваясь пренебрежением и ненавистью к новоиндийским языкам и литературам и жестоким преследованием наиболее радикальных авторов национальных литератур, брахманство объявляет огульно все национальные литературы состоящими лишь из слабых и малограмотных подражаний высокой санскритской литературе. Должно отметить, что санскритская литература в течение всего средневековья могла существовать только при условии поддержки различных владетельных дворов. Прекращение этой поддержки всегда вызывало полный упадок санскритской литературы в соответствующей провинции. В отличие от этого новоиндийские литературы пользовались широчайшей популярностью среди широких масс населения и были сильны их всегдашней поддержкой.

Недоброжелательное отношение брахманства к национальным языкам и литературам было унаследовано британской властью. Об этом говорят сами англичане. Так, напр., Growse³ в предисловии к своему переводу эпизода из «Рамаяны» Тульси Даса говорит: «...Здесь в Индии английское правительство всегда относилось к индуcской форме народного языка с известной долей нерасположения, и это в такой мере действовало обескураживающим образом на служащих в Индии, что, как правило, единственными европейцами в этой стране, которые приобрели надлежащее знание хинди, являются протестантские миссионеры, которые считали его необходимым для проповеди на базаре».

Таким образом в отличие от санскрита и санскритской литературы, которые в течение многих столетий находили поддержку в лице различных владетельных князей, национальные литературы и языки, как средство выражения демократических или даже мятежных идей, были лишены такой поддержки. Британское правительство в отношении этих языков и литератур продолжает традиционную брахманскую политику. Оно с давнего

¹ K. M. Munshi. Gujarat and its Literature. Calcutta, 1935, p. 115.

² The Poems of Tukaram. Translated and Rearranged with Notes and an Introduction by J. Nelson Fraser, vol. 1, London, 1909, p. 1.

³ Translation of an Episode of the 1st Book of the Ramayana of Tulsi Das by F. S. Growse. Indian Antiquary, vol. V, 1876, p. 213.

времени оказывало свою поддержку изучению санскрита и санскритской литературы и отказывало в поддержке изучения национальных языков и литератур.

Только в послевоенное время, с подъемом национально-освободительного движения, под напором масс новоиндийские языки и литературы нашли доступ в высшие школы Индии и сделались предметом университетского преподавания.

Явно тенденциозная традиционная брахманская точка зрения на индийские национальные языки и литературы, поддержанная британской властью в Индии, которая по весьма понятным причинам вовсе не была заинтересована в развитии индийских национальных языков, оказала большое влияние на взгляды европейских индологов. При этом европейские индологи нашли новое обоснование, обеспечившее брахманской концепции довольно длительное существование в ряде стран Европы.

В некоторых странах Европы, особенно же в Германии, вплоть до последнего времени довольно широко было распространено положение, что единственным языком Индии, достойным быть предметом научного изучения, является санскрит, «литературный язык Индии». Все другие языки Индии, в том числе и современные национальные языки ее, объявляются лишь диалектами, недостойными быть предметом научного изучения.

Такая точка зрения на взаимоотношения между санскритом и национальными индийскими языками в Европе не является первоначальной. До окончательного подчинения Индии британской власти и возникновения индоевропейской теории индийские национальные языки были предметом серьезного внимания европейцев. На первых этапах знакомства с Индией европейцы знакомились и изучали различные национальные языки Индии. На юге они изучали дравидийские языки, на севере — индоарийские. Из последних, в первую очередь, изучались урду, хинди, бенгальский, маратский. Грамматики урду, написанные европейцами, восходят к столь же ранней поре, как и первые грамматики санскрита. Так, G. A. Grierson,¹ а после него Suniti Kumar Chatterji сообщают о грамматике хиндустани, которая была составлена голландцем Ketelaar'ом в конце XVII в. и была напечатана в Лейдене в 1743 г. Грамматика хиндустани J. Gilchrist'a по своему построению и прекрасному анализу фактов этого языка стоит на большей теоретической высоте, чем современные ему санскритские грамматики, написанные европейцами.

Переключению внимания большинства европейских ученых с национальных индийских языков на древнеиндийский язык и особенно на санскрит способствовал ряд моментов. Во-первых, господствовавшая в Европе установка на изучение классических языков и литератур; во-вторых, открытие родства между древнеиндийским и другими индоевропейскими языками; в третьих, знакомство с брахманской концепцией на взаимоотношения между санскритом и санскритской литературой, с одной стороны, и индийскими национальными языками и их литературами, с другой. Усвоение этой концепции было тем легче, что пандиты в XIX в. пользовались большим авторитетом среди европейских индологов. Последней, но, пожалуй, самой решающей причиной ослабления внимания к индийским национальным языкам и литературам была утрата Индией политической независимости и подчинение ее британской власти.

К этому времени создается «теория», согласно которой великая индийская культура во всем ее богатстве и многообразии была создана индийскими арийцами. Истинными арийцами были только высшие касты, главным образом брахманство. Вторжение в Индию мусульман, уничтоживших

¹ G. A. Grierson. Linguistic Survey of India, vol. IX, pt. I, pp. 6—8.

или по крайней мере обескровивших высшие касты, привело к тому, что творческие силы Индии иссякли.

Эта «теория», которую поддерживал ряд европейских, преимущественно германских и английских, ученых, приводила к двум весьма важным заключениям.

Во-первых, эта «теория» давала идеологическое оправдание английскому господству в Индии. Англичане — арийцы и, лишив власти могулов, они только восстановили попорченную историческую справедливость, так как власть над древним арийским достоянием перешла в руки арийцев, правда, не прежних, индийских арийцев, но арийцев западных, близких им по крови и потому имеющих моральное право унаследовать власть над Индией.

Во-вторых, так как согласно этой «теории» после завоевания Индии могулами творческая часть населения Индии, т. е. арийцы-брахманы, была обескровлена, то в Индии от ее прежнего населения осталась неполноценная масса, неспособная ни к самостоятельному управлению страной, ни к созданию культурных ценностей. По этой «теории» управлять Индией до достижения этой страной «зрелости» должны англичане.

Из этой «теории» следовало, что ни национальные языки Индии, ни национальные литературы ее не могут представлять интереса для ученого, не могут быть предметом научного изучения. Весьма часто «ортодоксальные индологи», особенно же индологи германской школы, считают новоиндийские языки какими-то жаргонами, которые лишь в самые последние годы делают попытку принять литературное оформление.

Отсюда вытекает широко распространенное до последнего времени в некоторых кругах европейских индологов противопоставление санскрита — «литературного языка Индии» — различным диалектам, какими якобы являются новоиндийские языки, т. е. национальные языки современной Индии.

Для того чтобы сделать ясней сущность подобного рода высказываний, нужно отметить, что оно соответствует утверждению, что «литературным языком Европы в настоящее время является латинский язык, и все современные европейские языки являются лишь диалектами».

Несмотря на полную нелепость этого утверждения, выступающую с исключительной ясностью при переводе его на европейские понятия, оно обладает большой живучестью в кругах «ортодоксальных» индологов. Для иллюстрации этого положения достаточно привести факт, что «историей индийского языка» или «историей индийской литературы» называются курсы, трактующие факты древнеиндийского языка или древнеиндийской и средневековой схоластической санскритской литературы и вовсе не касающиеся фактов новоиндийских языков и литератур или уделяющие им совершенно ничтожное внимание.¹

В частности, М. Winternitz двумя-тремя словами отмахивается от больших литератур, имеющих богатую литературную традицию, развивающуюся на протяжении многих столетий. Так, напр., о литературе индийских мусульман он говорит только, что она «folgt ganz persischen Mustern», о литературе синдхи: «Auch die Sindhi-Litteratur ist mehr mohammedanisch und persisch als indisch».²

Все новоиндийские литературы огулом считаются состоящими из переводов и подражаний древнеиндийской литературе или средневековой санскритской. Этот взгляд, широко распространенный до мировой войны в Германии, господствовал и в русской академической индологии. Так,

¹ В качестве примера можно взять курс М. Winternitz'a «Geschichte der indischen Litteratur (Leipzig, 1920), где из общего числа 1609 страниц литературам на всех новоиндийских языках (вместе со всеми дравидийскими) уделено 27 страниц.

² М. Winternitz, op. cit., Bd. III, 1920, S. 5, 578.

напр., акад. С. Ф. Ольденбург в своей статье об индийской литературе говорит:¹ «Мы говорим об индийской литературе, но, точнее, мы должны говорить о литературе санскритской, ибо, несмотря на обилие языков, на которых говорят и пишут, говорили и писали с давних пор в Индии, именно то, что написано на языке всей индийской культуры — санскрите, является основой и сутью индийской литературы вообще».

«. . . Рядом с ним [т. е. средневековым санскритом. А. Б.] существовали пракриты и литература на пракритских наречиях, а потом и на других языках Индии, арийского и неарийского корня, но вся эта литература возникла на почве подражания санскритской. Наконец, уже в XIX в., когда началось европейское влияние, мы видим зачатки литератур, не основанных на санскрите».

Отсюда выводится заключение, что новоиндийские литературы являются лишь «бледными отблесками старинной индийской красоты».

Таким образом узко тенденциозная брахманская концепция, возникшая больше двух тысяч лет тому назад с явной целью дискредитировать языки и литературы низших каст, осмелившихся выступить против гегемонии брахманства в индийской жизни, дожила до наших дней.

При этом подавляющее большинство европейских авторов, произносящих столь безапелляционные приговоры новоиндийским литературам, не знало ни одного из новоиндийских языков. Отсюда вытекает, что они только повторяют суждения брахманства.

Совершенно другие высказывания мы читаем у авторов, знающих национальные индийские литературы или хотя бы частично знакомых с ними. Так, один из крупнейших индологов прошлого века Н. Wilson (1786—1860)² говорит: «The Hindi dialects have a literature and one of very great interest».

Крупнейший индолог XX в. G. Grierson³ в своей истории литературы хинди пишет о соотношении санскритской и новоиндийской литератур следующим образом: «. . . the later Sanskrit and Prakrit poems are but artificial productions, written in the closet by learned men for learned men; but the Neo-Gaudian [т. е. новоиндийские] poets wrote for unsparing critics, the people. Many of them studied nature and wrote what they saw».

Традиционный брахманский взгляд на индийские национальные языки и литературы, перенесенный в европейскую индологию, оказал большое влияние на развитие этой дисциплины в Европе. В связи с господством в Европе индоевропейской теории и узкого понимания задач сравнительной грамматики индоевропейских языков, предметом научного изучения провозглашается только древнеиндийский язык и санскрит. Новоиндийские языки, согласно этой установке, могут быть предметом только практического изучения. Вследствие этого новоиндийским языкам и литературам в XIX в. уделялось в Европе весьма мало внимания и развитие новоиндийской филологии обязано, главным образом, трудам индийских ученых. В некоторых странах Европы, в том числе в дореволюционной России, новоиндийские языки и литературы вовсе не изучались. Только после Великой Октябрьской социалистической революции в СССР новоиндийские языки и литературы были введены в университетское преподавание.

В самой Индии интенсивное развитие новоиндийской филологии наблюдается только после мировой войны с подъемом национального освободительного движения. Именно в последние два десятилетия создаются для всех

¹ Акад. С. Ф. Ольденбург. Индийская литература. Литература Востока, сборник статей, вып. 1, Пгр., 1919, стр. 8—9.

² Н. Wilson. Introduction to Mackenzie Collection.

³ G. A. Grierson. The Modern Vernacular Literature of Hindustan (printed as a special number of the «Journal of the Asiatic Society of Bengal», pt. 1, for 1888). Calcutta, 1889, p. XII.

важнейших языков Индии курсы по истории литературы, по истории языка, грамматики и словари. Индийские национальные языки перестали быть предметом только практического изучения. Они в настоящее время признаны объектом научного изучения. Однако для истории индийских языков в целом сделано пока недостаточно.

Подводя итоги изложенных фактов из истории индологии, мы можем сделать следующие выводы.

1. Индийские языки и литературы доступны нашему наблюдению на протяжении огромного периода — не менее четырех тысяч лет. При этом для изучения истории языка имеет весьма важное значение тот факт, что индийские языки на протяжении всей их истории пользовались фонетическим шрифтом, в высшей степени приспособленным для передачи фонетического состава слов.

2. Длительное и сложное развитие индийских языков, доступное нашему наблюдению, ставит индологию в особое положение, так как длительность развития литературной традиции, ее богатство и многообразие открывают перед индологией широчайшие возможности, ибо индологический материал дает возможность постановки, проверки и разрешения разнообразнейших теоретических вопросов.

3. Эти возможности не были использованы. Индийские языки и литературы были разбиты на две группы. В первую вошли древнеиндийский язык и средневековый санскрит, во вторую — средне- и новоиндийские языки. Первые были признаны предметами, достойными научного изучения, вторые считались объектом, не стоящим внимания ученых, не способным быть предметом науки.

4. Впервые названное положение было выставлено и широко популяризовано в самой Индии, где брахманы, защищая свои кастовые интересы и стремясь преградить представителям низших каст доступ к культуре, провозгласили сначала среднеиндийские языки (пракриты), а позже и новоиндийские языки простыми искажениями «единственного литературного языка Индии», т. е. санскрита.

5. Эта брахманская концепция нашла признание в Европе в кругах ряда английских и особенно германских ученых, которые подкрепили его расистскими выводами из индо-европейской теории, что объективно было сделано в интересах британского капитала.

6. Благодаря влиянию германской индологической школы брахманская концепция была принята и в русской дореволюционной индологии.

7. Господство названной концепции привело к тому, что новоиндийские языки и литературы изучались весьма слабо и почти не были известны даже широким кругам специалистов.

8. Вследствие этого в Европе не было создано ни истории литературы, построенной на лежащих научных основах и охватывающей все развитие индийской литературной традиции, ни истории индийских языков.

9. Только после мировой войны с увеличением удельного веса Индии в области мировой экономики и политики возрастает в европейской индологии интерес к индийским национальным языкам и литературам, который нашел реальное выражение в создании ряда трудов по истории индийских языков.

10. Весьма важным и многообещающим моментом в истории изучения индийских языков и литератур является требование изучения индийской языковой и литературной традиции в целом. Только такое подлинно научное, историческое изучение этих языков и литератур может сделать индологию дисциплиной, имеющей неоспоримо большое значение для разработки различных теоретических проблем.

В. М. БЕСКРОВНЫЙ

ДВИЖЕНИЕ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК В ИНДИИ

Современное движение за общеиндийский государственный язык *rāṣṭra-bhāṣā* राष्ट्रभाषा есть одно из проявлений буржуазно-националистического движения в Индии. Клерикализм и буржуазный национализм находят свое характерное выражение в движении за *rāṣṭra-bhāṣā*. Проводимое одними сознательно, с намерением разъединить индийский народ в борьбе с империализмом, и другими слепо, с благими целями объединить Индию, это движение со своей пропагандой в настоящее время привело к такому усилению националистической, конфессиональной и пр. вражды, в угоду британскому империализму и его союзникам — индийским реакционерам, что требуется скорейшее и энергичнейшее вмешательство подлинно демократических партий Индии. Только последовательно-демократическое решение национального вопроса, выдвинутого сейчас борьбой индийского народа против империализма и рабской конституции, борьбой рабочих и крестьян против индийских эксплуататоров, способно устранить гибельную национальную вражду и разъединение и, в частности, раздоры, неизбежно связанные с буржуазно-националистической языковой политикой. Индии сейчас нужна такая языковая политика, которая была бы подчинена политике демократизма.

Движение за государственный язык, свой индийский, а не иностранный английский, началось в Индии с усилением индийского национального движения в конце XIX в. и начале XX в., в пору, когда в мире в национальном вопросе преобладала вторая историческая тенденция развивающегося капитализма, т. е. когда происходили «развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹ Особый характер приобретает эта борьба в условиях общего кризиса капитализма, с выходом на арену национально-освободительной борьбы многомиллионных колониальных масс, в условиях национального антиимпериалистического фронта. Борьба за государственный язык, начатая национальной буржуазией, ищущей влияния на пробуждающиеся массы, призывается быть средством воздействия на эти массы, средством их объединения и воспитания в представлении национальной буржуазии. «Той или иной связи с народом приходится искать каждой политической партии, даже и крайним правым».² Государственный язык зарождается в лоне буржуазной идеологии, и идее *своего* национального языка отводится одно из важнейших мест в борьбе новой, буржуазной идеологии против старой, феодальной, идеологии индийского общества.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 140.

² В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 641.

За годы последнего экономического кризиса и неразрешимой депрессии в мировом капиталистическом хозяйстве на фоне ослепительных экономических, политических и культурных успехов страны социализма общественное сознание колониальной Индии претерпело большие изменения. Прежде всего, вместе с ростом революционной активности и организованности возросло самосознание пролетарских и крестьянских масс Индии.

Изменившееся соотношение классовых сил в стране нашло свое яркое выражение в изменении лица такой политической организации, как Индийский Национальный конгресс, который становится крупнейшим и мощным органом национального антиимпериалистического фронта, с преобладающим левым крылом. Национальный конгресс теперь усиленно апеллирует к массам, ориентируется на них и уже вырос в четырехмиллионную организацию. Свои последние сессии 50, 51, 52 и 53-ю он провел, впервые в своей истории, в деревнях при небывалом стечении народа.

Гандизм с его реакционными принципами, хотя и пользуется все еще влиянием среди наиболее отсталых слоев индийского населения, постепенно в ходе борьбы оттесняется, и установление народовластия в Индии ставится некоторыми лидерами Национального конгресса в порядок дня.

Национальный конгресс в лице своего левого крыла уделяет много внимания пропаганде демократических идей. Характерна в этом отношении речь председателя Национального конгресса Дж. Неру на самой многочисленной в истории Национального конгресса 50-й сессии в Файзпуре.¹ «Современный империализм есть естественный результат капитализма и не может быть отделен от него, — говорит Неру. — Дело в том, что мы до тех пор не сможем понять своих проблем, пока не поймем подлинного смысла империализма и социализма. . . . Современная задача, стоящая перед Конгрессом, — это установление народовластия (प्रजातित्र), и он борется за установление демократического правления. . .» Как видно, ударение делается на демократических задачах текущего момента. Это подтверждается дальнейшим высказыванием Дж. Неру: «Наша главная цель — объединение всех антиимпериалистических сил страны».²

Рост националистической буржуазии, с одной стороны, и массового антиимпериалистического движения — с другой — таковы предпосылки буржуазной пропаганды демократических идей и государственного языка, как средства для достижения политического и культурного единства Индии. Как эхо призыва к усвоению идей Французской революции, когда французский язык провозглашался «l'idiome de liberté», раздается возглас о том, что хинди, самый распространенный язык Индии, есть «язык свободы» (भाषा की भाषा).³

Предложение хинди как государственного национального языка носит отпечаток свадешизма, исходит от националистической буржуазии Соединенных провинций и направлено против позиции английского языка в Индии.

«Наша молодежь не знает того факта, что наступила новая эра и что мы, ради своего повышения по службе, больше не служим дровосеками и водноносами для иностранцев.

«Ударение должно быть перенесено с английского на язык Индии, а именно на хинди или хиндустани. Пока что мы должны свести до минимума важность английского языка и увеличить до максимума вес наших родных языков и хиндустани — национального языка Индии. Не надо

¹ На фэйзпурской сессии присутствовало около 150 тыс. чел. (ग्रन्थ, 31 XII 1936).

² ग्रन्थ, 28 XII 1936.

³ См. речь председателя 26-й сессии Hindī Sāhitya Sammelan (ग्रन्थ, 30 III 1937).

забывать, что будущие деловые связи будут осуществляться посредством национального языка. Иностранный язык в будущем не займет места ни в политической, ни в экономической жизни страны, подобным же образом и в области искусства, культуры, философии, религии и науки с ее применением к промышленности. Мы должны подхватить оборвавшуюся нить нашего древнего прогресса, которая была прервана тысячи лет назад, когда иноземцы стали вторгаться в нашу страну», — пишет видный гандист, лидер Национального конгресса Патабхи Ситарамая.¹

Здесь надо подчеркнуть, что национальная буржуазия, борясь за увеличение «до максимума» веса национальных языков Индии, способствует развитию их, развитию национальных литератур и национальному объединению Индии. Выдвигая же один из национальных языков, — в частности хинди, — в качестве обязательного общеиндийского языка с целью национального объединения, национальная буржуазия по существу делает попытки с негодными, противоречащими объединению Индии средствами.

Необходимо также помнить, что вопросы языка в Индии стоят в крайне трудной обстановке национальных, языковых, религиозных, кастовых и других различий.

По словам Раджендра Прасада, председательствовавшего на 25-й сессии *Hindu Sāhitya Sammelan* (H. S. S.), «пропаганда хинди стремится только ввести в употребление хинди вместо английского» при всех деловых сношениях между жителями различных провинций.² По словам того же Раджендра Прасада на 26-й сессии H. S. S. пропаганда хинди имеет и более широкие задачи: «Надо опираться на свой *gāṣṭr-bhāṣā* для быстреешего освобождения рабской страны от векового рабства».³

В председательской речи на бихарской сессии H. S. S. Рахуля Санкритъян сказал: «Тот язык, в котором может быть отечественное слово, отечественный ритм, отечественное сходство, — есть только хинди. И, наоборот, тот язык, который не только не родной нашей стране (*जो अपने देशसे ही बाहर की नहीं*), но у которого нет родственной связи с нашим родным языком, который хочет взять все слова, ритм и сходство из арабского языка, — есть урду».⁴

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Вместе с движением за государственный общеиндийский язык происходит антианглийское движение за национальные провинциальные языки. Ганди — инициатор пропаганды хинди — писал:

«По моему мнению английское образование лишило сил образованных по-английски индийцев, оно привело к сильнейшему напряжению нервов индийского учащегося и сделало из нас подражателей. Процесс вытеснения индийских языков (*the vernaculars*) был одной из печальных глав истории наших отношений с Британией».⁵

Доктор Дх. Шастри иронически пишет: «Если кто хочет посмотреть на бесстыдное зрелище интеллектуальной зависимости, то легко может увидеть

¹ Pattabhi Sitaramayya. Swaraj. What it will be? The Hindustan Times, Special Annual Number, March 9, 1939, p. 19.

² हिन्दी प्रचार केवल उस अंग्रेज़ीके स्थान पर हिन्दी का व्यवहार कराना चाहता है। आज़, 2 V 1936.

³ आज़, 30 III 1937.

⁴ हिन्दी-उर्दू-समस्या पर राजकुलजी के विचार. विशाल भारत, Jan. 1939, p. 6.

⁵ Young India, 1919—1922, p. 457.

его на улицах и улочках больших городов, где два индийца, постаравшись забыть свой родной язык и выучить иностранный, извиняются друг перед другом за то, что они по ошибке родились в Индии и, поступая так, считают себя счастливыми».¹

Ораторы и волонтеры Национального конгресса, выступающие с речами по-английски, прерываются криками сторонников хинди: «Хинди, хинди!» или «Говорите на государственном языке хинди: (राष्ट्र भाषा हिंदी में बोलिये)».²

Ганди неоднократно призывал представителей, не говорящих на хинди, приехавших на сессию Национального конгресса, выучить к следующей сессии этот язык, чтобы на сессиях ни одна речь не произносилась на английском языке. Дж. Неру, Раджендра Прасад и другие вожди Национального конгресса стали чаще произносить свои речи на хинди.

Родной язык вообще призывается индийскими националистами быть средством достижения экономических и политических целей. Известный экономист, профессор Биной Кумар Саркар, пропагандирующий свободное индустриальное развитие Индии и выступающий против реакционных экономических воззрений Ганди, видит в отсутствии достаточного количества работ по экономике, математике и пр. на индийских языках одно из препятствий экономического развития Индии.³

Тедж Бахадур Сапру, выступая перед лагорскими студентами 15 марта 1937 г., заявил, что самобытность не может развиваться на чужом языке и если панджабцы будут пренебрегать своим собственным родным языком, то они не будут играть никакой роли в индийской политической жизни.⁴

С целью развития индийских национальных языков и культур выдвигаются предложения произвести новое административное деление Индии. Один из сторонников gaṣṭr-bhāṣa хинди Р. Санкритьян предлагает разделить Индию административно на провинции по принципу языка и культуры и в первую очередь установить границы территории, на которую распространяется хинди, и объединить ее в одну провинцию.⁵

ПОЧЕМУ ХИНДИ ИЗБРАН ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ

Заинтересованность именно националистической буржуазии в наличии государственного языка обнаруживается в экономической подоплеке пропаганды хинди. Хинди пропагандируется как язык, пригодный для употребления жителями всех провинций Индии в междупровинциальной торговле (व्यापार) и в общественной жизни (सार्वजनिक व्यवहार).⁶

Выбор пал на хинди как государственный язык, потому что разговорная форма хиндустани достигла действительно широкого распространения и

¹ घ० शस्त्री, कायस और हिंदी. वीणा, March, 1938.

² घ० शस्त्री, कायस और हिंदी. वीणा, March, 1938.

³ Sh. Ch. Dutt. Conflicting Tendencies in Indian Economic Thought. Calcutta. 1934, p. 190.

⁴ The Leader, 20 III 1937.

⁵ The Leader, 18 III 1937. То же предлагала Mrs. Annie Besant двадцать лет назад. «There is also much work to do in helping the people to prepare themselves for the new powers which will be placed in their hands. And for this, the work must be done in the vernaculars of each Province, as only by their mother-tongue can the heart and brain of the masses be reached.

«Sooner or later, preferably sooner, Provinces will have to be re-delimited on a linguistic basis. The official languages, for a time, will have to be two: the vernacular and English, as in some parts of Canada, French and English are used. Only then will the masses be able to take their full share in public life» (32nd Congress, Calcutta, 1917. Mrs. Annie Besant. Congress Presidential Addresses, second series, p. 368).

⁶ См. речь Rajendra Prasad'a на 25-й сессии Н. С. С. (आज्ञा, 29 IV 1936).

употребления. В Индии хиндустани повсеместно находит понимающую аудиторию.

Но необходимо помнить, что пропаганда современного литературного хинди, проводимая националистической буржуазией и реакционной помещицкой верхушкой, по существу является подлогом — разговорный хиндустани далек от литературного хинди, который как раз-то и лишен национальных демократических элементов.

Рамананд Чатерджи, издатель «Modern Review», в редакционной статье «The question of India's National Language» (июнь 1938) пишет: «Должен или не должен быть хинди государственным языком Индии, изучать его необходимо с коммерческой точки зрения. 12 лет назад, когда я был в Берлине, я видел панджабского пандита Тарачанд Рай, преподающего хинди в берлинском университете. Немцы понимают коммерческую ценность изучения хинди. Что бы ни было в будущем, но в настоящее время никакой массовый (sarvjanik) деятель не может приобрести влияния в Национальном конгрессе без хорошего знания хинди».¹

Идея национального объединения с помощью именно хинди очень ярко выражена Бриджлал Вияни, председателем организационного комитета (स्वागताध्यक्ष) 25-й нагпурской сессии Н. S. S. «В пропаганде raṣṭr-bhāṣā hindī заключается пропаганда единства Индии, связь одной нитью сердец великой Индии. Быть национальным языком Индии хинди или английскому, — этот спор теперь устарел и отжил. Чувство угнетения в сердцах индийцев, порожденное иноземным правлением, с развитием идей независимости уничтожается и индийский язык и культура проявляются в великолепной форме. Индийские времена изменяются быстрым темпом, происходит пробуждение индийского самосознания (भारतीयता) и вместе с тем голос хинди звучит повсюду».²

Как видим, Вияни, кроме того что проводит несостоятельную точку зрения на единство Индии, высказывает вместе с этим крайне реакционный взгляд о якобы потухании чувства угнетения, в то время как оно тем острее, чем более развиваются идеи независимости в индийском народе.

В настоящее время государственным языком Индии является язык угнетающей нации — английский, имеющий только среди отъявленных индийских реакционеров своих сторонников. Лишь 319 тыс. человек, т. е. меньше 0.1% населения, знают в Индии английский язык. Английский язык в Индии слишком яркий показатель национального угнетения, чтобы стяжать себе там симпатии.

Рекомендация английского языка как lingua franca исходит от агентов британского империализма и проимпериалистских реакционных кругов. В этом отношении очень показательно, что High Commissioner for India Фироз Кхан Нун, штатный пропагандист британского правительства, в своих докладах во время турнэ по Канаде превозносил благотворительные дары Великобританией своей любимой колонии. Для характеристики его дифирамбов метрополии достаточно сказать, что, по его словам, конституция дала Индии (за исключением военных и иностранных дел) такие же права полного доминиона, какими обладает Канада. Среди прочего Фироз Кхан утверждал, что связь с Британией дала Индии lingua franca — английский язык.³

Для обоснования роли хинди как отечественного языка делаются также ссылки на историю литературы хинди. Один литератор Л. Прасад Сукул

¹ हिंदी की वर्तमान दशा। वीणा, July, 1938, p. 750.

² अज्ञ, 3 V 1936.

³ News letter № 13, 4 I 1939. Foreign Department, Indian National Congress.

в статье «The Place of Hindi in our Nation Building»¹ пишет: «нельзя сказать, что патриотическая нота в литературе хинди лишь новость современности. . . еще в 17 веке поэты хинди имели силу и смелость петь песни свободы и национальной организации, чтобы пробудить почти мертвую нацию к необычайному героизму».

Таким образом проповедывание хинди как единственного государственного языка является предметом деятельности ряда националистических теоретиков.

Надо отметить, что хинди стал пропагандироваться националистами как общеиндийский национальный язык также вследствие того, что в своей разговорной форме хиндустани в ходе исторического и экономического развития Индии давно завоевал себе позицию коммерческого *lingua franca*.² Более частое (до последних 3—4 лет) название пропагандируемого языка хинди, а не хиндустани объясняется националистическими и пуристическими мотивами. Хиндустани по сравнению с хинди, в особенности с литературным хинди, содержит гораздо больше заимствованных лексических элементов арабского, персидского и другого происхождения, которые в представлении приверженцев хинди, порочат национальное качество индийского языка.

Хинди охватывает многочисленные диалекты и является одним из распространеннейших языков мира.³ На хиндустани или, согласно новейшему статистическому справочнику, на *Hindustani languages*, по данным переписи 1931 г., говорят 121 254 000 чел.,⁴ т. е. около 33% населения Индии. Пылкие пропагандисты хинди часто преувеличивают приведенную цифру. Один автор считает, что на хинди говорит 68.6%, а понимает его 75.8% индийского населения.⁵

ВРЕД ПРОПАГАНДЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Возможно, что в условиях свободы от оков империализма, в условиях будущего свободного демократического развития Индии хиндустани займет место государственного языка, хотя и не исключительное, а совместно с другими индийскими языками. Но это дело будущего, и гадать о нем излишне. Для достижения же единства многонациональной и многоязычной Индии надо проповедывать не исключительность какого-либо языка, не необходимость в государственном языке, а равноправность наций и языков. Только это демократическое равноправие наций и языков приведет Индию к прочному единству в борьбе с любым угнетателем. С этой точки зрения вся пропаганда хинди *raṣṭra-bhaṣa* и, неизбежно, националистическая аргументация в пользу его только вредны для неотложных исторических задач, стоящих перед индийским народом.

Нельзя толковать о необходимости государственного языка и об исключительных правах языка, на котором хотя и говорит 120 миллионов, — но все же составляющих меньшинство населения (33%), — без неминуемого усиления раздоров и ссор. Опыт революционной России ясно показал это, и он должен быть учтен в Индии.

В 1914 г. В. И. Ленин цитировал типические доводы русских либералов о том, что «В основе государственности лежит единство власти, и государ-

¹ L. P. S u k u l. The Place of Hindi in our Nation Building. The Calcutta Review, Aug., 1934, pp. 200—208.

² D a l g a d o. Portuguese Vocables in Asiatic Languages, p. LXIII.

³ M e i l l e t. Langues de l'Europe Nouvelle, p. 483.

⁴ The Statesman's Year Book, 1938.

⁵ L. P. S u k u l. The Place of Hindi in our Nation Building. The Calcutta Review, Aug., 1934.

ственный язык — орудие этого единства. Государственный язык обладает такой же принудительной и общеобязательной силой, как все другие формы государственности. . .

Если России суждено пребыть единой и нераздельной, то надо твердо отстаивать государственную целесообразность русского литературного языка¹. Таковы же по сути и доводы индийских проповедников хинди.

С позиций демократизма и русского пролетариата В. И. Ленин доказывал необходимость отсутствия обязательного русского языка. Он говорил: „Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. . . Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.“²

Говорящие на хинди не являются угнетающей нацией, как великороссы в России до Великой Октябрьской социалистической революции; проповедники «национального и культурного единства» со словами «хинди — государственный язык» (राष्ट्र-भाषा हिन्दी) на знамени не настаивают на литературном хинди, как русские либералы на русском литературном языке; пропагандисты хинди также всегда подчеркивают, что смысл их пропаганды не в подавлении провинциальных языков и литератур, а в укреплении единства; кроме того, многие другие индийские языки родственны хинди; несмотря на все это мы видим, что пропаганда хинди в Индии привела именно к тому главному, о котором говорит В. И. Ленин.

Такова закономерность буржуазного, порочного решения языкового вопроса. Результатом всяких громких слов о языке и его назначении вне демократической марксистской постановки национального вопроса является разъединение и отчуждение наций друг от друга, обессиливание их в борьбе за независимость.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ ПРОПАГАНДЫ ХИНДИ

Индийские историки литературы и языка хинди только отмечают враждебное отношение к хинди, вызванное пропагандой у других провинций, но сами-то не решаются делать из этого никаких выводов. Л. С. Рам в своем кратком наброске истории языка хинди пишет: «Мне остается теперь коротко сослаться на раннюю литературу всей арийской Индии, которая, как бы странно это ни звучало для современного уха, была неизменно написана на какой-нибудь из форм хинди. . .». В подтверждение своих слов, перечислив поэтов Индии за последние 800 лет, Л. С. Рам далее говорит: «Я предоставляю историкам найти причину того, что такое произошло в прошлом столетии, что заставило наших соседей изменить отношение к нам и нашему языку. Во всяком случае об этой перемене надо очень сожалеть. Поэтому нет ничего нового в современном движении за то, чтобы сделать хинди

¹ В. И. Ленин., Соч., т. XVII, стр. 179—180.

² В. И. Ленин., Соч., т. XVII, стр. 180.

lingua franca Индии и надо уповать и надеяться, что наш дорогой хинди скоро делается национальным языком индийского континента».¹

Таким образом пропагандисты государственного языка свою политику аргументируют самыми добрыми намерениями — преодолеть экономическую, провинциальную, конфессиональную, языковую и прочую раздробленность Индии,² а результат, как увидим ниже, получается обратный.

«Огромное большинство наших индийских языков (vernaculars) родственны один другому и, в результате этого, хинди как lingua franca подходит ко всем провинциям за исключением Мадраса».³ Так писал Ганди в защиту хинди. На 24-й индорской сессии Н. С. С. Ганди сказал, что единственно хинди должен стать языком всей Индии потому, что 220 000 000 мусульман и индусов понимают и говорят на хиндустани. Следует отметить в его речи пожелание, каким должен быть хинди в качестве национального языка: «Каждый автор или лектор, избирающий и употребляющий специальные санскритские или арабские и персидские слова, совершает несправедливость по отношению к нашей стране. Наш национальный язык должен содержать те всевозможные слова, которые общеупотребительны (in common use). Приверженцы национального языка должны брать те слова, которые стали общеупотребительными в различных провинциях и заслуживают быть включенными в наш национальный язык».⁴

Когда в таких случаях пропагандисты хинди говорят: «хинди — lingua franca», то под этим не подразумевают современный литературный хинди. Слишком известно, что прозаический хинди хотя и упрочил свою литературную традицию, все еще понятен только в литературных кругах и, следовательно, даже в устах националиста не может быть языком достижения «национального единства». Отсюда в последние годы установка на разговорный язык, как исходный для создания общего межпровинциального национального государственного хинди.⁵

В апреле 1936 г. в Нагпуре состоялась первая сессия Общества индийской литературы (Bharatiya Sāhitya Parishad), одним из пунктов программы которого является пропаганда хинди. Председательствовавший Кака Калекар заявил, что пробуждение масс невозможно без установления тесного контакта с ними посредством их собственного языка и что хинди лучше всего подходит для lingua franca Индии. Но для установления интерпровинциального братства индийцев надо, чтобы хинди был «эластичным, восприимчивым и объемлющим средством».⁶ Ориентация на руководство массами обязывает политиков от литературы хинди делать центром внимания разговорный язык, существующий в разнообразных и далеких от книжного языка диалектах. Все чаще говорится о том, что хинди не станет национальным языком до тех пор, пока в него не будут включены слова

¹ L. S. Ram. A Brief History of the Hindi Language. Selections from Hindi Literature, Book VI, part I, pp. XIV—XV.

² «हम देशके सब धर्मों, सम्प्रदायों और प्रांतोंका विराट संगठन करना चाहते हैं».— काका कालेलकार, राष्ट्र-भाषा हिंदी का प्रचार, विश्वमित्र, 26 I 1937.

³ Young India, 1919—1922, p. 453. Об этом же у L. P. Sukul (op. cit.).

⁴ Advance, 26 IV 1935, p. 9.

⁵ В резолюции 25-й сессии Н. С. С. имеется следующий пункт: «4. Для расширения, обогащения и всеобщей пригодности (सर्वोपयोगी) Ассоциация считает необходимым включить в него [хинди] слова из диалектов и языков различных провинций Индии». Для выбора таких слов на конференции была избрана специальная комиссия (ग्रान्थ, I V 1936). «Нам следует привлекать на помощь провинциальные языки Индии в пропаганде grāstr-bhāṣā». (Из речи председателя 26-й сессии Н. С. С. ग्रान्थ, 30 III 1937).

⁶ Times of India, 25 IV 1936, p. 14.

из разговорного языка, содержащего много слов, «которые нельзя признать чисто хинди, и много таких, которых нет в словарях хинди».¹ «Понятен всем от махараджа до хариджана не литературный „чистый“ *sādhū hindī* (साधु-हिंदी), а простонародный, разговорный *bolcāl kī hindī* (बोलचाल की हिंदी), т. е. собственно хиндустани. Этот разговорный язык и является индийской демократической речью [*यह बोलचालकी हिन्दी (Colloquial Dialect), भारतीय प्रजाजन की बोली (Democratic Speech) है*], пишет Sunitikumār Cāturjya в статье «Разговорный хинди» («चालू हिन्दी»)². В современную эпоху King Demos или गण महाराज поднимает свою голову. Его язык — базарный хинди (बाजार हिंदी) — станет народным языком (गण-वाणी) будущего индийского объединенного государства». «*Vox populi vox Dei*, — пишет далее Cāturjya, — и в будущей Индии этот глас народа, хотя бы он и не был гласом божьим, обязательно станет языком литературы». На то, почему так произойдет, автор, отдавая дань духу времени, отвечает следующим образом: «Ведь в настоящее время Его Величество Народ (गण महाराज) провозглашает: „Да здравствует революция“ („इनकिलाब जिन्दाबाद“) и „Да здравствует пролетариат“ („बोलो भाई मजदूरों की जय“). . . Дорога там, где идет народ. На самом деле, разговорный хинди (बोलचाल की हिंदी या चालू हिंदी) есть живой эсперанто Индии. На основе его есть возможность создать одну нацию (एक राष्ट्र बनाना) в Индии». Нет нужды приводить далее подобные взгляды на хинди как на национальный или государственный язык и доказывать, что они не являются случайными, личными,³ а являются отражением существенных социальных изменений в Индии.

Но неверно было бы думать, что современный литературный *sādhū hindī* (साधु-हिंदी) реформируется под влиянием изложенных демократических установок. Национализм и клерикализм царят в современной литературе хинди. Намерение издавать литературу для малограмотных на ч а л у х и н д и, исходящее из демократических кругов, существует наряду с поощрением изданий на с а д х у х и н д и. Именно литературный хинди предполагается как образец для народной литературы. Само движение за народный язык, за народную литературу весьма слабо. В условиях колонии оно не имеет никаких перспектив. Оно требует больших средств, а то, что предоставят индийские благотворители, лишь капля в великом народном море Индии. К тому же сами наиболее обеспеченные националистические издательства хинди очень бедны. Лишь совсем недавно была сделана попытка придать этому движению организованную форму. Секретарь всеиндийской социалистической партии Джай Пракаш Нараян, Нарендра Дев, Макханлал Чатурведи, Ситарам Саксерия и др. опубликовали обращение к общественным и литературным деятелям. Они выступали как члены организационного комитета нового Союза народной литературы (Jan Sāhitya Sangh, जन-साहित्य संघ). В обращении говорилось: «В других странах литература сыграла огромную роль в пробуждении народа. А наш *gāṣṭr-bhāṣā*? Разве не удивительно, что до сих пор наш *gāṣṭr-bhāṣā* не сделал orga-

¹ См. речь Rajendra Prasad'a на 25-й сессии Н. С. С. (मन्त्र, 29 IV 1937).

² См. सुनीतिकुमार चाटुर्ज्या, चालू हिंदी। निबन्धमाला, pp. 89—95.

³ О том, насколько дела националистических литераторов хинди расходятся с их демократической фразеологией, см. мою рецензию на «The Popular English-Hindi Dictionary» (Сов. востоковед., I, 1940).

низованных попыток создать такую литературу, в которой отражались бы нужды и стремления народа».¹ Поэтому Jan Sāhitya Saṅgh — союз, объединяющий литераторов, пишущих для народа. Согласно проекту программы Jan Sāhitya Saṅgh—должна описывать на национальном языке мировое народное движение (संसारव्यापी जन आन्दोलन का राष्ट्र-भाषा में प्रतिनिधित्व करेगा), будет стараться занять должное место в борьбе народа против рабства и нищеты, она будет также бороться за равенство и братство. . . . С этой целью намечено издание газет, журналов, брошюр, книг, устройство лекций и пр. В обращении говорится, что издания Союза будут написаны на языке самом близком к языку обитателей северной Индии; Союзом будут употребляться два шрифта—арабский и деванагари. На первых порах организационный комитет намечал издание еженедельника «Janatā» (जनता — народ) и ежемесячника «Yuvak» (युवक — юноша) — двух довольно недешевых журналов (3—4 рупии в год). «Janatā» по своим установкам «будет помогать в ежедневной борьбе рабочих, крестьян и других эксплуатируемых классов (शोषित वर्ग) и направлять их на великую войну за независимость (महान् स्वतंत्रता युद्ध), после успеха которой только и возможно установление новой культуры». «Yuvak» же будет участвовать «в борьбе молодежи за осуществление ее чаяний, руководить ею, вдохновлять ее».²

ИСТОРИЯ ПРОПАГАНДЫ ХИНДИ

Хотя хинди уже в прошлом у Т. Даса, Сур Даса, Кабира и др. поэтов служил средством обращения к народным массам, но организованные попытки использовать его для исключительно «национального и культурного единства» Индии были предприняты в буржуазную эпоху, в колониальных условиях во второй половине XIX в. § 5 учрежденного в 1875 г. националистического общества Аръя Самадж гласил: «The Principal Samaj shall possess various Vedic works in Sanskrit and Aryabhasha (Hindi) for the dissemination of true knowledge, and it shall issue a weekly paper under the name of Arya Prakash, also an exponent of the Vedic teaching. . .».³ В это время еще не было каких-либо литературных объединений и обществ хинди. Такие организации, финансируемые активизировавшейся буржуазией, стали возникать с конца XIX в. Большая их часть возникла во втором десятилетии текущего века. Одной из их функций являлось распространение хинди в провинциях, где большинство не говорит на хинди. Кроме самих организаций, ведущих эту работу, пропагандой хинди в провинциях, где не говорят на этом языке, занимаются и отдельные общественные деятели. Так, можно указать ряд лиц, работающих с незначительным успехом, — Бабу Рагходасо, Рамананд Бабу и Бенараси Дас Чатурведи в Бенгале, Гопабандху Чаудхари с женой Рамдеви в Уткале и др.⁴ На Цейлоне пропаганда хинди ведется пандитом Сатьянараян Шармой. В Бомбее действует Hindī Bhāṣī Asosiyeṣan, охватывающая 5000 членов. Цель ее: пропаганда rāṣṭr-bhāṣā hindī, «объединение единомышленников и защита их гражданских прав». Эта ассоциация открыла в Бомбее 12 школ, обучающихся

¹ आज़, 21 II 1937.

² Ibid.

³ L a j p a t R a i. The Ariya Samaj. 1915, p. 53. См. также: D. V a r m a. La langue Braj, p. 23. Заметную роль в пропаганде хинди сыграл основатель «Аръя Самадж» Свами Даянанд Сарасвати. Хотя он и был прекрасным знатоком санскрита и родным языком его был гуджерати, но для хинди он предопределял роль всеиндийского языка. Назвав хинди именем Ārya Bhāṣā, С. Даянанд призывал своих последователей изучать его и применять на практике. Свою главную книгу «Satyārtha Prakāṣ» и несколько брошюр он написал на хинди.

⁴ См. речь Ганди на 24-й сессии Н. С. С. в Индоре (Advance, 26 IV 1935).

хинди. В каждой школе учатся 100—150 детей.¹ Школы с бесплатным обучением хинди, с бесплатным предоставлением учащимся учебных пособий и принадлежностей от времени до времени организуются обществами друзей и любителей хинди в той или иной провинции.² Устраиваются месячники и «недели пропаганды хинди», основываются выставки и библиотеки книг, журналов и газет на хинди.³

Вне пределов провинций, где распространен хинди, в настоящее время буржуазные литературные организации хинди уделяют много внимания и средств распространению этого языка в провинциях южной Индии. Пропаганда хинди на юге Индии была начата в 1918 г. накануне революционного подъема 1919—1922 гг. Это обстоятельство и то, что Ганди, пользуясь авторитетом у масс и вводя их всякий раз в заблуждение, стал инициатором распространения хинди на юге, знаменательны для связи между буржуазным национальным движением и борьбой за общий индийский язык. Вначале Ганди считал, что распространять хинди на юге должны сами южане. Для подготовки пропагандистов хинди он отбирал мадрасцев и посылал их в Н. S. S. в Аллахабад. Подготовка пропагандистов находилась в руках таких общественных деятелей, как Тандан, Рамнареш Трипатхи и др.

По словам индусов мысль пропагандировать хинди подал еще Свами Даянанд, который во время поездок по Индии обращался к аудитории на своем хиндустани. Свами Даянанд писал о хинди: «Я пишу на хинди. Он достоин быть *rāṣṭr-bhāṣā*. Именно этот язык является средством приближения к массам. Конечно, он будет *rāṣṭr-bhāṣā*».⁴

По его стопам пошел Ганди: на сессии Н. S. S. в Индоре он провозгласил лозунг «хинди — государственный язык» (*हिंदी राष्ट्र भाषा है*) и настаивал на его распространении в Мадрасском президентстве. Он же взял на себя материальную помощь пропаганде, а Н. S. S. повела ее. Самыми выдающимися пропагандистами хинди в Мадрасе явились Свами Сатъядев и сын Ганди — Девидас. Это — столпы *rāṣṭr-bhāṣā*, как пишет о них Гурунатх Шарма в статье «Хинди в Мадрасе».

Одной из главных организаций, занимающихся пропагандой хинди вообще, является аллахабадская *Hindī Sāhitya Sammelan*, основанная в 1910 г. В частности, она пропагандирует хинди и на юге Индии. На индорской конференции этой ассоциации, состоявшейся под председательством Ганди в 1918 г., стоял вопрос о государственном языке, — *राष्ट्र भाषा, देशभाषा-राष्ट्रभाषा*, — и был принят план пропаганды современного хинди в Мадрасском президентстве.⁵ С тех пор под эгидой Н. S. S. финансируемая в основном индийской торговой буржуазией пропаганда хинди в южной Индии энергично ведется до наших дней.

«... находящиеся там богатые бомбейские и калькуттские марвари в течение пяти лет пожертвовали 50 000 рупий на пропаганду хинди в Мадрасе. Они еще раз показали, что пропаганда хинди является специальностью этого великолепного купеческого класса Индии», писал Ганди через полтора года после индорской конференции Н. S. S.⁶ Языковые условия, в которых производится пропаганда хинди на юге, характерны тем, что 71 642 000 чел.

¹ *आज्ञा*, 26 VII 1936.

² *आज्ञा*, 15 VII 1936.

³ *अज्ञान*, 30 XI 1934.

⁴ Цит. по *अज्ञान*, 3 VIII 1934. *गुरुनाथ शर्मा, मद्रासमें हिंदी*.

⁵ *अपठ व अपठेयि, हिंदी साहित्य सम्मेलन*. *आज्ञा*, 19, 21 VII 1936.

⁶ *G a n d h i*. *Young India*, 1919—1922, pp. 447—448.

южной Индии говорят на четырех главных, совершенно не похожих на хинди дравидийских языках, имеющих особые алфавиты. На телугу говорят 26 373 000 чел., на тамильском — 20 411 000, на малайялам 9 137 000 и на канарском 11 206 000.¹ Экономические интересы буржуазии, в особенности северо-индийской, — она больше затрачивает на пропаганду хинди,² — толкают ее под лозунгом национальной культуры и единства вести пропаганду хинди в южной Индии. На то, почему именно южане должны изучать хинди, а не северяне южно-индийские языки, Ганди отвечал так: «Так как дравиды в меньшинстве, то народное хозяйство требует скорее того, чтобы они изучали общий язык остальной Индии, чем того, чтобы остальная Индия изучала тамили, телугу, канари и малайялам для сношений с дравидийской Индией».³ В другом месте Ганди, отвечая на тот же вопрос, подчеркивает важность юга, как солидной сферы и опоры для националистической пропаганды и деятельности. «На это я отвечаю, что Ю. Индия не маленькая страна. Она подобна континенту. Там мы имеем 4 провинции и 4 языка, т. е. тамили, телугу, малайялам и канари».⁴ Таким образом пропаганда хинди на юге является отражением тенденций индийской буржуазии к консолидации в послевоенный период в ущерб демократической консолидации индийского народа.

В распространении хинди в южной Индии под руководством Ганди принимает участие Национальный конгресс. Действующая под прямым руководством Национального конгресса All-India Hindi Pracar Samiti (в Вардхе) в марте 1937 г. послала делегацию в южную Индию. Целью этой миссии было «внушить южно-индийской публике важность и необходимость национального и культурного единства в Индии посредством общего языка, а именно хинди — хиндустани».⁵ В последнее время из тех же кругов исходят требования сделать обязательным изучение хинди в школах южной Индии, Бенгалии, Гуджерата и других провинций.⁶

В результате восемнадцатилетней пропаганды хинди в южной Индии, по данным националистических источников, 600—700 тыс. жителей Декана были обучены этому языку. 40—50 тыс. чел. сдали Dakṣiṇ Bhārat Hindī Pracār Sabhā — экзамены на знание хинди.⁷ Следует отметить буржуазный состав экзаменующихся.

К 1935 г. на юге было 434 экзаменационных центра, где были проэкзаменованы 11 955 чел., из которых 2300 женщин, 131 адвокат, 152 врача, 1452 школьников, 556 торговцев, 104 клерка, 3214 студентов и т. д. Dakṣiṇ Bhārat Hindī Pracār Sabhā издала 52 книги на хинди, предприняла составление словарей хинди-телугу и хинди-канарского, которые однако не были изданы из-за отсутствия средств.⁸ Особенно сильно проводилась пропаганда хинди на юге за последние 5—6 лет. Об этом говорит тот факт, что к 1929 г. в южных провинциях обучились хинди только 10 000 чел.⁹

По несколько более поздним данным к 1937 г. были подготовлены 600 учителей хинди и было уже 450 центров пропаганды хинди на юге.

¹ The Statesman's Year Book, 1938.

² . . . and up till now 4 lakhs of rupees were spent on this work. A little less than half of it was raised locally. (Из речи Ганди на конференции H. S. S. в 1935 г. Advance, 26 IV 1935.)

³ Gandhi. Young India, 1919—1922, pp. 447—448.

⁴ Advance, 26 IV 1935.

⁵ The Leader, 18 III 1937.

⁶ निबंधमाला, pp. 123—125.

⁷ सन्न, 30 III 1937.

⁸ सन्न, 2 V 1936.

⁹ मातृभूमि शब्दकोश, १९२९.

В Мадрасе были изданы 800 000 экземпляров 70 разных книг на хинди. До кампании распространения хинди на юге в восточном Декане хинди не изучался в средних школах. В настоящее время хинди преподается в 70 средних школах юга.¹ Мадрасский премьер-министр, выступив на собрании Collegiate Section of the Ramakrishna Mission Student's Home в Милапоре, заявил, что мадрасское правительство намерено ввести обязательное обучение хинди в I, II и III классах.²

Hindi Sāhitya Sammelan является крупнейшей организацией, распространяющей хинди по всей стране. В 1929 г. в Индии было 90 организаций, связанных с Н. S. S. Есть даже организация, распространяющая хинди среди ассамских горных племен. Н. S. S., как и другие аналогичные учреждения, существует, главным образом, за счет частных пожертвований. В 1929 г. на средства, пожертвованные Шриман Нараян Дасом (5000 рупий), было начато издание научной серии वैज्ञानिक पुस्तकमाला, имеющей большое значение для выработки терминологии. В 1937 г. Пандит Баиджнатх из Бенареса пожертвовал 21 000 рупий теософскому обществу на издание теософских книг на хинди. Движение роста членства Н. S. S. свидетельствует о том, что наибольшее значение для индийской буржуазии пропаганда хинди стала приобретать в третье десятилетие нашего века:

Год	Члены	Пожизненные члены	Благотворители
1924	15	19	1
1925	56	23	34
1926	127	29	80
1927	166	30	133 ³

Усиление пропаганды хинди в эти годы шло вместе с усилением требований национальной буржуазии развития туземных языков и литератур как основы для «национального единства». Требовалось введение начального, среднего и высшего образования на хинди, создание школьных учебников, словарей и т. д. (см. табл. 1—4).

1937 год оказался наиболее благоприятным для пропаганды хинди. В семи провинциях образовались конгрессистские правительства. В мадрасских школах было введено обязательное обучение хиндустани.

Председатели законодательных собраний Соединенных провинций, Бихара и Центральных провинций предложили членам собраний произносить речи на хинди. В связи с этим было стимулировано развитие стенографии на хинди. Н. S. S., аллахабадская и бенаресская Nāgarī Pracārīṇī Sabhā открыли школы стенографии.

Таблица 1

Число сдававших выпускные экзамены в начальных (Vernacular) школах Соединенных провинций

Год	Хинди	Урду	Всего	% хинди	% урду
1890	927	3 215	4 142	22.4	77.6
1900	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
1910	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
1920	6 596	4 860	11 456	57.5	42.5
1930	15 934	10 780	26 714	59.6	41.4

¹ Advance, 26 IV 1935.

² The Hindu, 11 VIII 1937.

³ मातृभूमि शब्दकोश, १९२९.

Таблица 2

Число сдававших экзамены по урду и хинди в промежуточных школах
(Intermediate Schools) Соединенных провинций

Год	Хинди	Урду	Всего	% хинди	% урду
1926	2	3	5	40.0	60.0
1930	481	317	798	60.2	39.8
1935	969	740	1709	56.6	43.4
1938	1153	734	1887	61.6	38.4

Таблица 3

Число сдававших экзамены по урду и хинди в средних школах (High Schools)
Соединенных провинций ¹

Год	Хинди	Урду	Всего	% хинди	% урду
1922	2861	2353	5 214	54.8	45.2
1925	3064	2863	5 927	51.7	48.3
1930	4162	3721	7 883	52.7	47.3
1935	6519	5199	11 718	55.6	44.4
1938	7439	5652	13 091	56.8	43.2

Таблица 4

Число учащихся, сдавших экзамен по хинди (по данным министра просвещения
Соединенных провинций) ²

Год	В начальных школах	В средних школах	В Hindu-University, Benares
1930	15 934	8 337	582
1931	17 345	9 225	611
1932	18 431	10 105	740
1933	18 776	10 665	960
1934	19 773	11 937	1089
1935	19 621	12 637	987
1936	20 188	13 422	963

ОРГАНИЗАЦИИ, ПРОПАГАНДИРУЮЩИЕ ХИНДИ

Требования буржуазной общественности Соединенных провинций привели к тому, что в 1928 г. местный законодательный совет учредил Hindustani Academy. У провинциального правительства были получены 25 000 рупий на стимулирование развития литературы на урду и хинди.³ Учреждение Hindustani Academy такоже имело целью создание «общей литературы и общего языка». Тедж Бахадур Сапру, говоря о ней, заявил, что «если в Индии и может быть какая-либо основа национального единства, то это всеобщая (सम्मिलित) литература или язык».⁴ Академия, полу-

¹ वें नां तिवारी. हिंदी और उर्दू की समस्या. सरस्वती, May, 1939, p. 489.

² विशालभारत, Dec., 1938, p. 715.

³ R. Littlehales. Progress of Education in India.

⁴ सरस्वती, Febr., 1936, p. 232.

чившая незначительную при индийских масштабах правительственную субсидию, оказалась бедна с самого начала, она не имела даже постоянного своего помещения, и поборники литературы и языка хинди призывают богатых соотечественников раскошелиться во имя «национального единства», они сравнивают эту академию с французской академией и призывают всю «нацию», весь народ оказывать ей поддержку.

Старейшее учреждение, пропагандирующее литературу хинди, основано в 1893 г. (16 VII). Это — Общество распространения литературы на шрифте нагари (*Nāgarī Pracārīnī Sabhā*) в Бенаресе. В начале своей деятельности Общество добивалось применения деванагари в судах и начальных школах.

Цели Общества так формулируются § 2 устава:

«А. Распространять в стране и за границей язык хинди и алфавит нагари, прилагая усилия добиться должных для них прав.

«В. Развивать язык хинди, обогащать его книгами по нужным вопросам и охранять его древнюю сокровищницу.

«С. Прилагать усилия к тому, чтобы сделать хинди средством обучения.

«D. Открыть такую библиотеку, благодаря которой процветали бы и сохранялись язык хинди, алфавит нагари и индийская культура.

«Е. Предпринимать все должное и необходимое для претворения в жизнь целей Общества».

§ 3 устава гласит: «Кроме вопросов языка хинди и алфавита нагари в этом обществе не будут подниматься политические или конфессиональные споры».¹

В результате в 1898 г. правительство Соединенных провинций разрешило подавать прошения и заявления в суд на деванагари и обязало суды писать свои постановления двумя шрифтами — нагари и урду. В следующем 1899 г. правительство постановило выдавать *Nāgarī Pracārīnī Sabhā* ежегодную субсидию в размере 400 рупий для разыскания и изучения рукописей на хинди. В 1921 г. эта сумма выросла до 2000 рупий. С 1921 по 1923 г. пенджабское правительство тоже отпускало некоторые средства Сабхе. Вместе с розыском книг на хинди Сабха стала издавать свою серию *नागरी प्रचारिणी ग्रन्थमाला*, на что правительство Соединенных провинций ежегодно отпускало 200—300 рупий. Но частные пожертвования, как и для других аналогичных учреждений, играют большую роль: на издание *तुलसीग्रन्थावली* альварский раджа пожертвовал Сабхе 5000 рупий. Махараджа Бароды также содействует материально распространению хинди.

Бенаресская *Nāgarī Pracārīnī Sabhā* с 1897 г. стала издавать свой журнал — *Nāgarī Pracārīnī Patrikā*, посвященный главным образом языковым, историческим и литературным вопросам. Задачи этого издания, как они формулированы в 46-м годовом отчете Общества, таковы: 1) охрана и распространение алфавита нагари и языка хинди; 2) исследование различных областей литературы хинди; 3) исследование индийской истории и культуры; 4) исследование древних и новых наук и искусства.

В последние годы Общество особенно старалось распространить хинди в судах и добилось успеха. В настоящее время официально разрешено тем, кто не знает урду или английского, подавать заявления в суд на хинди или на другом языке, пользуясь алфавитом нагари. Судьи и адвокаты могут вести дела на хинди. Несколько лет назад Общество выпустило судебный словарь хинди. В судах встречаются чиновники, умеющие печатать на машинке на хинди. В 1937 г. Общество открыло школу стенографии и машинописи на хинди.

¹ काशी नागरी प्रचारिणी सभा । उद्देश्य और नियम ।

Музаффарпурское отделение Общества при поддержке местной буржуазии и бихарского правительства особенно ратует за чеканку монет на хинди.

Общество берет на себя инициативу по проведению разнообразных кампаний пропаганды хинди. С 16 января по 2 февраля 1939 г. было проведено «празднование распространения нагари», которое состояло, напр., в том, что 17 января было объявлено «Днем распространения хинди в судах», 18 и 19 января — «Днем хинди» и т. д.

Велика роль Сабхи в деле введения хинди как средства обучения в университете. До первого десятилетия нашего века современная научная терминология отсутствовала в хинди. В 1898 г. Сабха решила издать англо-хинди словарь географических, политических, экономических, математических, философских и других терминов. Этот словарь был издан в 1908 г., в нем было 10 330 английских и 16 269 слов на хинди.¹ В том же 1908 году Общество принялось за работу над большим толковым словарем хинди, который вышел в свет в 1928 г. На этот словарь Сабха затратила больше 100 000 рупий.² Сабха славится тем, что у нее самая большая в Индии библиотека книг на хинди.

Кроме этих, наиболее мощных, организаций, централизующих языковую и литературную политику буржуазии, в Индии действует ряд местных учреждений, возникших в последние годы и вносящих разные националистические оттенки в вопросы языка. В декабрьском номере «*Sarasvatī*» за 1935 г. появилась жалоба на провинциальные расхождения во взглядах на хинди, которые служат новым препятствием для создания единого языка. Основной спор литераторов, быть ли всеиндийским языком хинди или урду, осложнялся еще спорами о разных формах хинди. Журнал отмечал возникновение обществ: «*Bihār-prāntīya Hindī Sāhitya Sammelan*», «*Braj-maṇḍal*», «*Avadhīmaṇḍal*», «*Hindustānīmaṇḍal*» в Гуджерате.

Делу пропаганды хинди способствует Общество индийской литературы *Bhāratiya Sāhitya Parishad*, учрежденное в апреле 1936 г. Имея целью «прогресс и распространение индийских литератур», *Bhāratiya Sāhitya Parishad* популяризует хинди как «национальный» язык через свой ежемесячный орган «*Naps*» (журнал всеиндийской литературы), издаваемый на хинди.

Однако дело распространения хинди, проводимое в условиях националистической распри, иногда попадает в руки тех, кто собственно в нем никак не заинтересован и под вывеской «хинди — государственный язык» осуществляет с в о и сектантские интересы. В середине 1938 г. Всеиндийский союз литературы хинди в Аллахабаде (*Bhāratiya Hindī Sāhitya Sammelan*) опубликовал список председателей предстоявшей сессии Союза в Симле. В списке стояло имя профессора Амаранатха Джхы, уже прославившегося своим враждебным отношением к хинди. В ответ на приглашение участвовать в работе индорской сессии Н. С. С., он сказал, что он не имеет никакого отношения к хинди. Понятно было недоумение литературных кругов хинди по поводу выставления кандидатуры А. Джхы в председатели сессии.³

Показателен факт, что такая организация, как *Dakṣiṇ-Bhārat Hindī-Pracār Sabhā*, в силу явного давления со стороны лиц, не симпатизирующих хинди, отошла от своего назначения, выраженного в ее предельно санскритизованном названии. По инициативе мадрасского конгрессиистского правительства в правительственных школах Мадраса стало вводиться обяза-

¹ मातृभूमि शब्दकोश, 1929.

² श्रृङ्ग, 30 V 1937.

³ वीणा, Aug., 1938, pp. 832—833.

тельное обучение хинди как общеиндийскому языку. Dakṣiṇ-Bhārat Hindī-Pracār Sabhā (Мадрас) и Jamiya Milliya Islāmiya (Дели) взяли на себя задачу подготовки учебников для мадрасских правительственных школ. Несмотря на свои антагонистичные названия — одно санскритизованное, другое арабизованное, — оба общества подготовили одинаково урдуизованные учебники, выдающие сильное влияние мусульманства.¹ А совсем не к такому хинди, каким он представлен в этих учебниках, стремятся ортодоксальные проповедники rāṣṭr-bhāṣā.

Изданный Dakṣiṇ-Bhārat Hindī-Pracār Sabhā и предназначенный для начальных школ начальный учебник хиндустани (हिंदुस्तानी की पहली किताब), по слову литератора Рамачандра Варма,² написан не то мауляви, знающим хинди, не то автором, находившимся под сильным урду-персидским влиянием. Эта книга имеет предисловие — рекомендацию, написанную по-английски премьером мадрасского правительства, конституционалистом, сторонником федерации Абдул Калам Азадом, в которой говорится, что в учебнике дан образец того языка, который имеет естественное право стать межпровинциальным языком Индии.

Очевидно, что в приведенном случае налицо столкновение конфессиональных интересов индусов и мусульман внутри самого лагеря «хинди — государственный язык».

ОППОЗИЦИЯ ХИНДИ НА ЮГЕ

Пропаганда хинди и ее распространение в южной Индии в последние годы вызывала там, в особенности на Тамильской территории, движение против хинди (вместо прокламируемого Ганди и прочими проповедниками национализма единства севера и юга), окрашенное местным национализмом и подчас принимающее откровенно пробританский характер. Характерно, что это движение используется для нападков на Национальный конгресс в целом, так как пропагандисты государственного языка являются его членами. Таким образом в настоящее время, когда Национальный конгресс объединяет все прогрессивные партии в борьбе против империализма, когда он становится организацией национального фронта, всякое затравливание националистических интересов, в частности пропаганда хинди, оказывается вредным для проводимой им политики объединения Индии на борьбу с империализмом.

Инициатором движения анти-хинди явился Рамасвами Наякар — вождь организованной около десяти лет тому назад буржуазной партии под названием Svayaṁmāryādā (स्वयंमर्यादा) — («Самоуважение»), целью которой было улучшение положения «не-брахманов», т. е. тамилы. Еще 30—35 лет назад «не-брахманы» организовались в «Justice Party», члены которой сотрудничали с англо-индийским правительством, тогда как Национальный конгресс призывал к несотрудничеству. Justice Party стояла во главе мадрасского правительства 17 лет, но когда Национальный конгресс принял участие в выборах в правительство, она потерпела жестокое поражение. И теперь члены этой партии, как и Р. Наякар, стали бороться против Национального конгресса под предлогом борьбы против хинди. Конечно, в обострении националистических столкновений в большой мере повинны сами конгрессистские провинциальные правительства, скатывавшиеся, после пришествия к власти, к бюрократизму и консерватизму. В данном случае навязывание языка северян южанам дало лишний повод для нападков на Национальный конгресс.

¹ बीणा, Aug., 1938, pp. 830—31.

² ना° प्र° प°, v. 19, pt. 1, pp. 112—114.

Доводы «не-брахманов» против хинди типично националистские. Тамильские противники хинди говорят, что хинди — язык арийцев, т. е. брахманов, от его изучения возрастет брахманское влияние и разрушится тамильская культура, в Индии нет никакой необходимости в общегосударственном языке, а если он необходим, то пусть им будет не хинди, а английский. Это откровенно пробританское и антиконгрессистское движение, потому что новое конгрессистское провинциальное правительство сразу же решило ввести в правительственные средние школы обязательное обучение хинди, но вместе с этим это же правительство постановило средством обучения сделать провинциальный язык. С 1938 г. английский язык как средство обучения впервые в истории стал вытесняться из школ местным провинциальным языком.

Таким образом ясно, что только на языке хинди конгрессистским правительством активизирует силы, разрушающие единство и губит такие положительные мероприятия, как введение преподавания на провинциальных языках.

Движение против хинди, используемое для борьбы против Национального конгресса, поддерживают такие члены Justice Party и верные слуги англо-индийского правительства, как мадрасский губернатор Реди, Панни Рашелавам, Муттама Модалияр и др.

Ведомая секретарем мадрасской мусульманской лиги Халифулла и движимая националистическими и конфессиональными чувствами, в движении против распространения хинди участвует и группа из местных мусульман, ратующих за урду.¹ Оппозиционное хинди движение на Тамильской территории настолько сильно, что не ограничивается страницами газет и журналов. Тамилы выходят на улицы, объявляя хинди satyāgrah (пассивное сопротивление), устраивают пикеты; дело доходит до арестов, заключения в тюрьму участников этого satyāgrah и даже до столкновений с полицией.²

Принятие репрессивных мер конгрессистскими правительствами по отношению к участникам движения анти-хинди дает повод местным националистам для нападок вообще на Национальный конгресс и для распространения недоверия к нему.³

¹ विशाल भारत, Sept., 1938, pp. 308—310.

² Ibid. Газеты стали пестрить сообщениями вроде: «Четыре человека, включая двух полицейских, были ранены при столкновении в Раяпурам во время процессии, организованной в связи с движением против хинди. Полиция предотвратила дальнейшие столкновения» (The Tribune, 10 I 1939).

Еженедельник «Пратап» дает более подробную заметку об этом же столкновении: «8 января в Раяпурам, в результате столкновения во время демонстрации против хинди, 4 человека были ранены, в том числе два полицейских. Сначала в демонстрации участвовало только 1 тысяча, но позже число участников достигло до 2500 ч. Говорят, некоторые демонстранты и сторонники хинди стали затрагивать и нападать друг на друга. Пошли в ход камни и бутылки. 12 чел. были арестованы полицией» (प्रताप वीकलि, 15 I 1939).

Характерны также газетные сообщения из Мадраса:

«Сегодня главный судья президентства приговорил Н. Б. Раджу к 2 годам строгого тюремного заключения. В официальном извещении говорится, что обвиняемый произносил речи на собраниях, в которых он говорил тамилам, чтобы они следовали за своим вождем Рамасвами Наякармом и массой пикетировали жилища министров и губернатора, здание законодательного собрания и те школы, где хинди преподается в качестве обязательного предмета» (आज्ञा, 10 I 1939).

«Сегодня утром были арестованы 17 волонтеров анти-хинди по обвинению в пикетировании Hindu Theosophical High school. Обвиняемые предстали перед судом. Они были приговорены к 6 мес. (каждый) строгого тюремного заключения и оштрафованы на 50 рупий каждый» (आज्ञा, 29 I 1939).

³ Конгрессистские министерства, смыкающиеся с английскими властями против движения анти-хинди, как и против рабочих забастовок, применяли империалистический Criminal Law Amendment Act (S. S. Mirajkar. People's Movement and Congress Ministries two Tactics. National Front, 18 IX 1938).

ОППОЗИЦИЯ ХИНДИ В БЕНГАЛИИ

Наше положение о том, что пропаганда государственного языка хинди приводит к обострению отношений между индийскими национальностями, к разъединению Индии, подтверждается еще ярче тем, что пропаганда и распространение хинди все больше и больше осложняются сопротивлением сторонников других провинциальных языков. Пропагандистам хинди приходится сталкиваться не только со сторонниками мусульманского урду, уже давно претендующего на универсальность, но и с бенгальцами, энергично выступившими в самое последнее время с аргументами в пользу бенгали как общеиндийского государственного языка.

В середине 1938 г. известная калькуттская литературная организация Ravivāsār, членами которой являются Рабиндранат Тагор,¹ Джаладхар Сен (издатель «Bhāratvarṣ» и председатель Ravivāsār), Рамананд Чатерджи (издатель «Modern Review» и «Prabāśī»), Кхагендранат Митра (заведующий кафедрой индийских языков Калькуттского университета) и др., приняла и опубликовала резолюцию, сущность которой в отношении к хинди сводилась к следующему:

«1. Ravivāsār энергично протестует против попыток сделать хинди государственным языком и требует действительной помощи в этом протесте от говорящих по-бенгальски как в самой Индии, так и за границей.

«2. До тех пор, пока хинди (или какой-либо другой провинциальный язык) не станет подходящим для государства языком, средством обмена мыслями в Индии должен быть английский язык.

«3. Работа сессий Конгресса должна вестись или на английском языке или на главном языке провинции, где происходит сессия».²

Если эта резолюция, разделяемая виднейшими бенгальскими литературными и общественными деятелями, только категорически отрицает хинди и временно требует сохранения английского языка как государственного и общеиндийского, то многочисленные бенгальские журналы и газеты, наряду с отрицательными для хинди доводами, которые, кстати сказать, частично используются также и сторонниками урду и южно-индийскими сторонниками тамили, — приводят доводы в пользу бенгали. Обычно нападки бенгальских противников хинди начинаются с утверждения, что на бенгальском языке говорит больше людей, чем на хинди, и что в число говорящих на хинди ошибочно включают тех, кто на самом деле не говорит на нем. По словам известного бенгальского литератора Прапхулакумар

¹ Сам Р. Тагор в настоящее время не видит условий успешного распространения хинди в Бенгалии. В беседе с посетившим его осенью 1938 г. пропагандистом хинди Шриманнараян Агравалем он сказал: «Я знаю, Бенгалия отстала в изучении хинди, и мне от этого больно. Но я думаю, что надо будет изыскать другой путь для пропаганды хинди в Бенгалии. Здешнее население чрезмерно любит бенгальский язык и литературу. Оно считает бенгальский язык лучшим из всех индийских языков и литературу на нем непревзойденной. Поэтому до тех пор, пока бенгальцам не будет привит вкус к литературе хинди, они не будут принимать хинди естественным путем». Р. Тагор считает, что сейчас надо пропагандировать литературу хинди, привлекать к ней симпатии. «Правильно пропагандировать хинди в форме raṣṭr-bhāṣā. Но знакомство бенгальцев с литературой хинди произведет на них большое влияние и старания людей, естественно, направятся в сторону изучения хинди, как государственного языка». Далее Р. Тагор сказал, что основание в Шантиникетане «Hindī Bhavan» имеет целью создание исследовательского центра старой литературы на хинди и опубликование ее памятников (श्रीमन्नारायण अग्रवाल, कविवर रवीन्द्र और हिंदी-प्रचार. विशाल भारत, Dec., 1938, pp. 611—613).

² विशाल भारत, July, 1938, p. 98.

На сессии Ассоциации бенгальской литературы в Комилле председательствовавший известный индийский лингвист Сунити Кумар Чатарджи, призывая бенгальцев бороться против хиндустани, выразил свое мнение о том, что если государственным языком Индии ныне не будет английский, то она понесет большой культурный урон (वीणा, May, 1939, p. 587).

Саркара, «говорящих на бенгали — 80 млн. Число говорящих на хинди принято считать 110 млн. Многие апабхраниши и диалекты называются хинди. Между бихарским и раджпутанским хинди большая разница. В действительности то, что называют хинди, не представляет одного определенного языка».¹ Еще дальше заходит в своей оппозиции к хинди Маходая — редактор газеты «Деç». В номере от 2 апреля 1938 г., в статье, направленной против хинди, он говорит, что в действительности число говорящих на хинди 10 700 000, а на бенгали около 100 000 000.²

Если сторонники хинди навязывают его как государственный язык, то бенгальские буржуазные националисты стараются навязать бенгали в качестве общегосударственного языка. В процессе полемики они искусственно расчленяют хинди на ряд языков и в свою очередь на деле оказываются реальными проводниками политики британского империализма «разделяй и властвуй». Они доходят даже до того, что официальную лингвистическую статистику, изображающую Индию как страну многосотенных языков, страну, разъединенную и требующую управления извне, — считают недостаточно дифференцирующей. Амульяхаран Госвами — редактор «Baṅgīya Mahākoṣ» — пишет: «Бенгали имеет более общего с маратхи, гуджерати, синдхи, панджаби и восточным хинди, чем так называемый „хинди“. Языки, на которых говорят в Дарабханге, Дели, Лукнове, Мируте и Агре, очень далеки от хинди».³ Верноподданный британскому хозяину калькуттский журнал «Modern Review» пишет: «И среди официальных языковедов есть разногласие в вопросе о том, на каком языке больше всего говорят. Диалекты, согласно одной переписи отнесенные к бенгальскому языку, причисляются к хинди согласно следующей переписи. Официальные языковеды не считают майтхили отличным от хинди, самостоятельным языком, а между тем 10 млн. человек, говорящих на майтхили, считают его самостоятельным и литературным языком».⁴

Доказывается также преимущество бенгальского языка и в отношении шрифта. Говорится, что у бенгали единый шрифт, а у хинди, по меньшей мере, два, поэтому распространение шрифта деванагари ограничено. При этом смело игнорируется тот факт, что деванагари самый распространенный шрифт Индии и бенгальский шрифт, как и многие другие, является его модификацией.

В своем превознесении бенгальского языка бенгальские националисты, становясь все более и более запальчивыми и нетерпимыми в отношении своих противников из того же буржуазно-националистического лагеря, переключаются с брахманством, презиравшим хинди, как язык, на котором были созданы выдающиеся произведения, обращающиеся к массам и направленные против брахманства. «По нашему мнению, бенгали больше всего подходит для *gāṣṭr-bhāṣā*» — категорически заявляет «Modern Review». «Что есть на хинди кроме Тульси Даса?» — восклицает в тон этому «Hindustan Standard». «За сотни лет на бенгали создалась неподобная литература. Эта литература несравненна по своему содержанию, чувству, мысли, стремлениям, знаниям, стилю, замыслу и форме. Хинди базарный язык. Он хочет быть государственным языком, — это его претензия!» — пишет в журнале «Prabāsi» помощник редактора «Modern Review» Шайлендра Кришна Лаха.⁵ Этим же автором бенгальский язык провозглашается единственным наследником индийской культуры. Хинди уничтожается

¹ विशाल भारत, July, 1938, p. 99.

² वीणा, Aug., 1938, pp. 831—832.

³ विशाल भारत, July, 1938, p. 99.

⁴ विशाल भारत, July, 1938, p. 99.

⁵ विशाल भारत, July, 1938, p. 100.

несколькими словами, так как он не есть культурный по-брахмански язык: «В древней Индии была целостность. Это было не политическое, а культурное единство. Культурным языком был санскрит . . . В результате многовекового развития культура Индии проявилась единственно только лишь в бенгальском языке. . . . На бенгали есть Банким и Рабиндра, не говоря о других. Только бенгальская литература унаследовала ту ценнейшую санскритскую литературу, которая прославилась поэзией Калидаса, драмами Бхаса и Бхавабхути и учеными произведениями Панини и Бхаскарачарья».

Естественно, что бенгальские буржуазные литературные круги (равно как и тамильские) воспринимают пропаганду хинди как покушение на их родной язык и требуют вообще прекращения движения за государственный язык. Профессор Кхагендранат Сен пишет в «Modern Review»: «Не может быть ничего страшнее насаждения культуры искусственными средствами (कृत्रिम साधनोपे संस्कृति का आरोप). Движение за государственный язык должно быть приостановлено». Но вместе с этим типично по-буржуазному исключается демократическое единство в Индии, единство народного фронта, единство рабочего класса. «Prabāsi» говорит о невозможности языкового единства при различии культур: «Вкусы, культура и психология говорящих на хинди отличны от бенгальских вкусов, культуры и психологии».¹ Таким образом в пылу полемики заявляется, что все, говорящие на хинди, не имеют права претендовать на индийскую культуру и, следовательно, что еще важнее, на хоть какую-либо общность с другими народами Индии.

Значит, все эти националистические споры, связанные с вопросом о государственном языке, уводят в сторону от правильного решения национального и, внутри его, языкового вопроса в Индии. И прежде всего они предают интересы класса, которому принадлежит ведущая роль в построении индийского демократического общества, — интересы индийского пролетариата.

Неполную, но возможную аналогию проведем с дореволюционной Россией, где также имелось губительное противопоставление культур. «Когда речь идет о пролетариате, — писал В. И. Ленин, — это противопоставление украинской культуры в целом великорусской культуре, тоже в целом, означает самое бесстыдное предательство интересов пролетариата в пользу буржуазного национализма».²

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС И ХИНДИ

В ходе классовой и антиимпериалистической борьбы Индийскому Национальному конгрессу в последние годы суждено было превратиться в мощную организацию антиимпериалистического национального фронта.³ С расширением освободительного движения в стране резко изменились его установки. Вскоре после 51-й сессии Национального конгресса в январе 1938 г. калькуттский «Advance» отмечал, что «Недавно Конгресс убедился, что несколько индивидуумов, стоящих во главе и опирающихся только на средний класс (backed only by middle class people), не могут достигнуть многого. Соответственно, он повернулся к массам, составляющим действительную мощь страны и чье благосостояние есть благосостояние страны».⁴ Цели Национального конгресса стали постепенно определяться блоком входящих в него прогрессивных сил страны, — блоком левых конгрессистов.

¹ विशाल भारत, July, 1938, p. 100.

² В. И. Ленин. Соч., т. XVII, стр. 143.

³ см.: Г. Кочарьянц. Индийский народ на пути к антиимпериалистическому единству. Большевик, 1938, № 21—22, стр. 120 и сл.

⁴ Advance, 2 III 1938.

индустриальных и сельскохозяйственных рабочих, социалистов и коммунистов. Перед Национальным конгрессом вставала задача организации индийских масс на борьбу с британским империализмом и местными реакционными классами, задача тесного общения с массами и избрания наиболее подходящего средства для этого общения.

Взяв правильную линию на развитие провинциальных языков, на преподавание в школах на родном языке, Национальный конгресс в лице некоторых своих работников не нашел правильного отношения к вопросу государственного языка. Ему в наследство остались и влияние Ганди, и пропаганда хинди как государственного языка в качестве основы единства Индии. Сказывается также наличие в рядах Национального конгресса буржуазных националистов. Только снизу, из рядов народного фронта, пробивается в Национальном конгрессе верная точка зрения на государственный язык и пропаганду хинди.

Оказывается, часть конгрессистов под названием хиндустани стремится распространять урду (вспомните предисловие Абдул Калам Азада к учебнику), как установила переписка между министром просвещения Соединенных провинций и Ганди.¹

Признавая пропаганду государственного языка хинди и подвергаясь все еще сильному влиянию Ганди, Национальный конгресс, как организация национального фронта, поступает ошибочно. Если он добился успехов, благодаря общению с массами на их родных провинциальных языках, то пропагандой и навязыванием хинди он подрывает эти успехи и восстанавливает против себя индийские национальности. То же самое произошло бы, если бы Национальный конгресс предложил любой другой язык в качестве государственного. «С тех пор как Конгресс в своей работе стал употреблять эти провинциальные языки, мы быстро развили контакт с массами и сила и престиж Конгресса возросли по всей стране» — пишет Дж. Неру.² Сказать подобное же о пропаганде хинди Дж. Неру не имеет оснований. Только признанием равноправия языков может Национальный конгресс добиться успехов в антиимпериалистической борьбе.

Сочтя своим долгом пропагандировать *rāṣṭr bhāṣā*, Национальный конгресс идет по ложному пути, плутая среди бесконечных споров о достоинствах, нормах и форме общеиндийского языка и не вынося ясного и единственно правильного решения.

Существующий литературный хинди в глазах самих пропагандистов хинди слишком явно оказывается непригодным для роли общендийского языка, так как он изолирован от безграмотных индийских масс ученой санскритской терминологией (как литературный урду — арабской) и замыкается в крайне узком кругу образованных людей. (Правда, с другой стороны, предельная колониальная нищета и отсталость индийских народных масс изолирует их от литературных языков.) Оторванность литературного хинди от масс ощущается всеми демократическими писателями. Крупнейший современный писатель хинди Прем Чанд говорил несколько лет назад: «Язык, на котором пишут и говорят немногие, — искусственный и безжизненный. Откуда у него возьмется сила, чтоб положить руку на пульс народа? Он похож на пруд, к которому ведут мраморные ступени, в котором раскрываются цветы, но в котором нет ни входа ни выхода для воды».³ Поэтому язык, создание которого и распространение признаны Национальным конгрессом необходимыми, назван им «хинди или хиндустани». Этот язык не должен содер-

¹ कांग्रेस और हिंदी, वीणा, Nov., 1938, p. 80.

² J. Nehru. The Question of Language, p. 4.

³ ہندی اور اردو کا مستقبل, July, 1937, pp. 636—644.

жать непопулярные арабские и санскритские слова и должен занять среднее место между хинди и урду.

Конечно, бесплодность пропаганды общеиндийского языка и несостоятельность попыток добиться единства на основе его осознаются и среди буржуазных литераторов и общественных деятелей. Об этом можно судить по словам известного литератора Рамачандра Варма, досадующего на политических вождей за то, что они пренебрегают лингвистической стороной дела. «Литераторы хинди и литераторы урду всегда с презрением смотрели на попытки создания общего хиндустани, так как они хорошо знают, что этот вновь создаваемый под именем „хиндустани“ язык не годится для серьезных тем и важных материй. Но политические вожди страны, не подумав и не посоветовавшись с литераторами и языковедами, считают необходимым поддерживать и пропагандировать этот язык с целью добиться единства между различными конфессиональными группами (संप्रदाय) и национальностями (जाति)».¹

Несмотря на всеиндийский масштаб пропаганды хинди, даже в самих провинциях, где говорят на хинди, пропагандистам не удается добиться признания rāṣṭr-bhāṣa. Недоразумения возникают каждый раз, как только поднимается о нем вопрос. Характерна сцена одного заседания конгрессистского законодательного собрания Соединенных провинций. После ответов на запросы, сделанные парламентскому секретарю Ачарья Югалакишору, один член собрания — мусульманин — заявил, что ему непонятен язык, на котором А. Югалакишор давал ответы. (Парламентский секретарь говорил на rāṣṭr-bhāṣā, так наз. «хинди-хиндустани», принятом конгрессистскими правительствами.)

Председатель П. Тандан перед закрытием собрания, между прочим, сказал, что он никому не может приказывать говорить на том или другом языке, но просит членов собрания говорить на таком языке, который был бы понятен и вне собрания. Каков должен быть этот язык, Тандан советовал определить совместно с правительством.

Неизвестно, что подумал председатель П. Тандан, когда после его слов поднялся член собрания — представитель «неприкасаемых» — и заявил, что он ничего не понял из сказанного председателем. Тандану пришлось повторить свои слова на местном языке (देशी भाषा).²

Лозунг «язык для народа, а не народ для языка», появившийся в связи с объявленным курсом Национального конгресса на тесный контакт с массами, на их объединение, влек за собой в среду пропагандистов rāṣṭr-bhāṣa предложение реформировать уже имеющийся литературный хинди и преобразовать его в литературный хиндустани. В первый же день заседаний первой сессии Bhāratiya Sāhitya Pariṣad говорилось о том, что «надо изменить литературную форму индийских языков и привести литературу в соответствие с современной жизнью».³

«ХИНДИ, т. е. ХИНДУСТАНИ»

Представление об общеиндийском языке у тех, кто его выдвигает, имеет свою эволюцию, параллельную в последние годы политической эволюции Национального конгресса. Предложение общеиндийского национального языка хинди было выдвинуто уже давно Ганди. Инициатива Ганди была поддержана буржуазией и брахманством, стремящимися объединиться на буржуазных путях. Буржуазия и брахманство желали видеть в общеиндий-

¹ ना०प्र०व०, v. 19, pt. 1, p. 112.

² आन, 15 IX 1938.

³ Ред. ст. بهارتيہ ساهيہ پر شد کی اصل حقيقت اردو, April, 1936.

ском хинди язык с «общей для всей Индии» культурной основой, санскритом, — санскритизованный хинди. Это сообщало пропаганде хинди определенное направление и смысл и являлось одним из факторов, обостряющих индуско-мусульманские отношения. Вместе с расширением демократического движения в стране, с упоминавшимся изменением ориентации Национального конгресса, в нем делаются попытки формулировать нормы хинди — национального языка Индии. Теперь пытаются изменить и содержание пропаганды хинди.

Меняется в связи с этим само название желательного индийского государственного языка. До 1936 г. в официальных документах Национального конгресса и в речах его лидеров он назывался большей частью просто хинди, иногда хиндустани, хотя, судя по многим высказываниям Ганди, и не отделялся резко от урду. В одной своей речи в Вардхе в 1934 г. Ганди говорил: «В конгрессе было много решений о хинди, но достаточной ясности в них не было. Поэтому членам Национального конгресса необходимо, чтобы они умели подписываться (अपने दस्तावेज कर सकें) на хинди или урду. Разве хоть этого не могут сделать члены Конгресса ради нации? (राष्ट्र)».¹ Новое название «хинди или хиндустани», «хинди, т. е. хиндустани» родилось 24 апреля 1936 г. на первом заседании тогда же открытого Bhāratiya Sāhitya Pariṣad. В принятом 4 июня уставе говорилось, что все работы Bhāratiya Sāhitya Pariṣad будут вестись на «хинди или хиндустани» («hindī yaṇe hindostānī»). Ряд авторов отмечал по поводу нового названия, что «те же, кто раньше считали хинди достойным занять место gāṣṭr-bhāṣā, и придали ему соответствующую форму, теперь явились создателями „хинди, т. е. хиндустани“»,² «те, кто раньше удовлетворялся термином „хинди“, теперь стали пропагандировать новое название»³ и т. п. Новое название исходило от Ганди, Раджендра Прасада, Кака Калелькара и др. сначала в виде «хинди-хиндустани», для того чтобы избежать выбора между хинди и урду. Когда у Ганди спросили, какой язык подразумевается под термином «хинди-хиндустани», он ответил: «Это тот хинди, который, развиваясь, станет хиндустани». В ответ на вопрос, что же такое хинди и что такое хиндустани, Ганди сказал, что «хинди — литературный язык и его понимают очень немногие, а хиндустани — разговорный язык масс, но на нем пока еще нет литературы».⁴ В своем письме от 24 октября 1936 г. Дж. Неру писал министру просвещения Бихара, что Ганди принял название «хинди-хиндустани» ради представителей Южной Индии.⁵

Появление нового термина мотивировалось также стремлением смягчить индуско-мусульманскую распрю вообще, и в частности в области языка, — распрю между сторонниками урду и сторонниками хинди, и ошутительно задевало правых санскритизаторов. В опубликованном в дни первой сессии Bhāratiya Sāhitya Pariṣad меморандуме Ганди говорится: «Смысл названия хинди именем хиндустани в том, чтобы из этого языка не выбрасывались те персидские слова, которые стали употребительными».⁶

«Что такое хиндустани?» — спрашивает Дж. Неру в своей брошюре «The Question of Language» и отвечает: «Неопределенно мы говорим, что

¹ अज्ञान, 18 X 1934.

² हिंदी या ने हिन्दोस्तानी, सरस्वती, May, 1937.

³ धर्मदेव शास्त्री, हिन्दी या ने हिन्दोस्तानी में संस्कृत का स्थान, — सरस्वती, Febr. 1938, pp. 163—165.

⁴ اردو — بھارتیہ سہایتیہ پر شد کی اصل حقیقت April, 1936.

⁵ वीणा, July, 1938, p. 748.

⁶ اردو April, 1936 (ук. статья).

это слово включает и хинди и урду как разговорные, так и написанные на двух шрифтах, и мы выбираем золотую середину между обоими и называем эту нашу идею хиндустани. Есть ли это только идея без реальной основы или это нечто больше?»¹

Бывший председатель Национального конгресса предлагает также Basic Hindustani в качестве государственного языка.

Характерно, что Hindī Sāhitya Sammelan в начале своего существования вела пропаганду хинди в целях «национального единства» в провинциях, где говорят на других языках. Позже, а в особенности в последние годы, руководство пропагандой перешло целиком в руки Национального конгресса и вместе с этим пропагандируемый язык получил новое название интерпровинциального хинди (अन्तर्प्रान्तीय हिन्दी). С этих пор стали употребляться термины «хинди-хиндустани», «хинди или хиндустани». Хотя часто в употреблении отпадает первая или вторая часть и употребляющий любой вариант этого термина волен понимать его согласно своим убеждениям. Большей частью, когда лицами, связанными с Национальным конгрессом, пишется или говорится только «хинди» или только «хиндустани», то подразумевается «хинди или хиндустани», — термин, предложенный вождями Национального конгресса.

В самом Национальном конгрессе идет борьба за то, чтобы все его дела велись на «хинди или хиндустани». В августе 1936 г. на заседании всеиндийского комитета Конгресса Мурараджа Десаи внес предложение о том, чтобы все дела (कार्रवाई) всеиндийского комитета Конгресса, исполнительного его комитета и собственно Конгресса велись на языке хиндустани; чтобы мероприятия провинциальных комитетов также велись на хиндустани, если нет крайней необходимости в провинциальном языке. П. Тандан выступил с поддержкой предложения. Поставленное на голосование предложение получило 24 голоса за и 32 против.² Сходная резолюция была принята 29 марта 1937 г. на мадрасской конференции Н. S. S. Но в ней говорилось, что языком, на котором должна вестись работа Национального конгресса, должен быть «хинди-хиндустани», а кто его не знает, может с разрешения председателя собрания говорить по-английски. Кто захочет, может говорить на родном языке.³

Однако подобные неоднократные постановления медленно проводились в жизнь. На 26-й сессии Н. S. S. председатель жаловался на то, что хотя Национальный конгресс и решил, что его официальный язык хинди-хиндустани (rāṣṭr-bhāṣā), но дела таких всеиндийских организаций, как Gṛā-modyog Saṅgh, Harijan Sevak Saṅgh и Carkha Saṅgh, продолжают вестись на английском.⁴ Таким образом, несмотря на многочисленные высказывания и постановления, литературных образцов предлагаемого rāṣṭr-bhāṣā Национальным конгрессом почти не дано. Правда, провинциальные правительства, в особенности конгрессистские, стали публиковать постановления, официальные речи и доклады на индийских языках, преимущественно на хинди. Для этого при правительствах были созданы специальные отделы печати, занимающиеся переводом с английского языка материалов и рассылкой их в газеты. Но язык (хинди) этих переводов еще не определился.⁵

Как бы то ни было, «хинди-хиндустани» стал партийным термином и приобрел большое политическое значение. Распространение хинди рассматривается левыми конгрессистами как интегральная часть борьбы за

¹ J. Nehru. The Question of Language, p. 5.

² आन, 25 VIII 1936, p. 6.

³ आन, 6 IV 1937.

⁴ आन, 30 III 1937.

⁵ आन, 18 IX 1937.

сварадж. Характерно в этом отношении письмо председателя Национального конгресса С. Боза седьмой конференции Raṣṭr-bhāṣā Sammelan, в котором он пишет: «Общий язык необходим для интерпровинциального контакта в нашей стране. Это будет только хинди или хиндустани. Я призываю моих сестер и братьев в тех провинциях, где они еще не изучили хинди, национальный язык, скорее изучить его как средство для построения индийской нации».¹

В новом термине отражается ошибочная политика объединения всех национальных сил в борьбе против британского империализма на основе обязательного государственного языка единственно хиндустани. С. Боз в своей речи на 51-й сессии Национального конгресса высказался вскользь о своем понимании raṣṭr-bhāṣā: «Что касается нашего raṣṭr-bhāṣa, то я склонен думать, что различие между хинди и урду — искусственное различие. Самый естественный raṣṭr-bhāṣā — это соединение этих двух языков, на котором повседневно говорит огромная часть населения страны, и этот общий язык должен иметь два шрифта — нагари и урду».²

В брошюре «The Question of Language» Джавахарлал Неру пишет: «Единственно возможный всеиндийский язык — хиндустани. На нем уже говорит 120 миллионов и частично понимают десятки миллионов».³ Пункт 4 предложений Дж. Неру относительно языковой политики в Индии, гласит: «Хиндустани (с двумя шрифтами) будет признан всеиндийским языком. Каждому повсеместно будет дозволено обращаться в суд или в общественное учреждение на хиндустани (на любом из двух шрифтов) без обязательного представления копии на другом шрифте или языке».⁴

Если привести еще слова Ганди из его предисловия к брошюре Дж. Неру, то можно констатировать, что единодушие среди лидеров Национального конгресса, несмотря на их разнящиеся политические взгляды, в вопросе о хинди-хиндустани — государственном языке Индии — налицо. Инициатор пропаганды хинди Ганди подписывается под предложениями левого конгрессиста Дж. Неру. В упомянутом предисловии он пишет: «Его (Джавахарлала Неру.—В. Б.) конструктивные предложения, будучи широко приняты заинтересованными людьми, положат конец разногласиям, принявшим сектантский оборот. Эти предложения исчерпывающи и замечательно приемлемы, и я, в общем, не колеблюсь подписаться под ними».⁵

«ЯЗЫК БОГОВ» ПРОТИВ ХИНДИ

■ Пропаганда хинди, ее расширение и поддержка крупнейшими индийскими политиками вызывают в том же буржуазно-националистическом лагере волну противодействия. Конкурентами хинди выступают, выдвигаемые своими сторонниками как *lingua franca* Индии, языки: санскрит, английский, сам санскритизованный литературный хинди, арабизованный урду и отдельные провинциальные языки.

Показательно, что в дни интереснейшего политического события в Индии — 51-й сессии Национального конгресса — Deva Bhāṣā Pariṣad выступила в печати, рекомендуя санскрит как *lingua franca* против хиндустани. Deva Bhāṣā Pariṣad, опираясь на лозунг «национальной культуры», заключающейся по ее мнению единственно в санскрите, отстаивает

¹ Advance, 21 II 1938.

² Fifty-first Indian National Congress. Presidential Address of Shri Subhas Chandra Bose. Haripura, 19 II 1938. Calcutta, 1938.

³ J. Nehru. The Question of Language. Congress Political and Economic Studies. № 6, Allahabad, 1937, p. 5.

⁴ J. Nehru, ук. соч., p. 22.

⁵ J. Nehru, ук. соч. Foreword.

клерикальную индусскую культуру. Для аргументации откапывается мнение проповедника ведантизма Свами Вивекананда о том, что санскрит пустил глубокие корни в стране и что буддизм только потому и был изгнан из Индии, что не проповедался на санскрите. Санскритисты¹ из Deva Bhāṣā Paṛiṣad решают, что изучение хиндустани для жителей южной, восточной и западной Индии представляет большие трудности, чем изучение санскрита. Deva Bhāṣā Paṛiṣad печется об индийской нации, и спасение ее, по мнению этой организации, зависит от животворящего действия санскрита. . .

«Санскрит может казаться мертвым языком, но именно поэтому мы тоже мертвы. Мы должны оживить мертвых, влив нектар им в рот. Этот нектар — элекси́р, оживляющий мертвых, заключается только в санскритском писании (Sanskrit Scriptures) — кладезе безграничного знания и одухотворенности (spiritualism). . .»

Не без злорадства звучат слова: «Не прошло ли двадцать лет с тех пор, как хиндустани был предписан. Был ли английский язык искоренен в Северной Индии — родине хиндустани?»

Чисто по-поповски мобилизует Deva Bhāṣā Paṛiṣad древности против современности и против политических вождей.

«Наши современные политические лидеры, несомненно, очень великие люди, но в прошлом были еще более великие люди, которые принесли свою жизнь в жертву санскритской учености. Не были ли Вальмики и Вьяса, Гаутама и Канад, Джаймини и Яджнавалкья, Капи и Патанджали, Калидас и Бхавабхути, Кумари Бхатта и Шанкарачарья более великими людьми? И не пожертвовали ли они всем ради санскрита?»²

В связи с такой апологией санскрита в качестве *lingua franca*, санскритисты, учитывая соответствующую обстановку при конгресси́стских правительствах, делают конкретные предложения. Член законодательного собрания Бхагвандин Мишра в январе 1938 г. предложил министру просвещения Соединенных провинций создать комитет по реформированию преподавания санскрита в Соединенных провинциях (युक्तप्रतीय संस्कृत शिक्षा सुधार सम्मेलन), которому надлежит выработать учебную программу и представить правительству. В метод обучения, по Бх. Мишру, должны быть внесены общедоступность (लोकोपयोगिता) и современность (व्याधुनिकता).³ Санскритисты стремятся также попасть в тон демократизму. «Санскритской литературе необходимо придать жизненную силу. Следует направить усилия к тому, чтобы все могли читать на санскрите и извлекать пользу из его крайне глубокой и бессмертной литературы. Если общество хочет, чтобы наша литература и культура были защищены, то ему надо будет изменить существующий метод обучения санскриту».⁴

ОППОЗИЦИЯ ПУРИСТОВ

Сторонники литературного санскритизованного хинди, также избрав своей крепостью божественный санскрит, выступают против «хинди-хиндустани», и их возражения против него часто являются в то же время неприкрытыми нападка́ми на Национальный конгресс.

Hindī Sāhitya Sammelan настолько приблизилась к Национальному конгрессу, что один автор в 1936 г. прямо отмечал: «В течение ряда лет

¹ В 1901 г., при переписи, 716 человек назвали санскрит своим родным языком (Dalgado, Portuguese Vocables in Asiatic Languages, p. XXXVIII).

² To our Goal of Freedom through Sanskrit. Advance, 20 II 1938.

³ भो मिश्र । संस्कृत शिक्षा-पद्धति में सुधार । आन, 21 I 1938.

⁴ शिवप्रसाद द्विवेदी शास्त्री । संस्कृत शिक्षापद्धति । आन, 21 I 1938.

влияние Конгресса на Н. S. S. было незаметным, но теперь уже два года, как Sammelan становится отделением Национального конгресса». Видя с досадой изменение характера пропаганды хинди, ведомой Н. S. S., автор, защитник литературного (т. е. санскритизованного) хинди, высказывает пожелание, чтобы Н. S. S. находилась в руках исключительно литераторов (शुद्ध साहित्यिक लोगोके हाथ में) и не вовлекалась в политическое движение, от которого она ничего не выигрывает.¹

Заведующий кафедрой хинди аллахабадского университета Дхирендра Варма в своей статье «Попытки уничтожить литературный хинди», отметив факт нахождения Bhāratiya Sāhitya Parishad в Вардхе, говорящий о том, что «эта организация является литературным отделом общей политики Национального конгресса», призывает сторонников хинди, «не поддаваясь минутным политическим настроениям Конгресса или правительства, спасти выработавшийся на протяжении 125 лет свой стиль языка (भाषाशैली)».²

Один неизвестный автор пишет: «Индусско-мусульманское единство нужно для достижения самоуправления (स्वराज्य). Но стоит подумать над тем, почему столь необходимым и желательным считается ударить топором по языку и литературе хинди ради индусско-мусульманского единства?»³

Доводы пуристов, защитников хинди, имеют санскритскую подкладку и соприкасаются с приведенными выше клерикальными доводами апологетов «Языка богов» (देव भाषा). Они направлены против «золотой середины» между урду и хинди, о которой говорит Дж. Неру в «The Question of Language», и только распалют ответный сектантский жар у противников хинди — мусульман-урдуистов. Например автор передовой бенаресской газеты «Āj» от 18 IX 1937 пишет: «Мы заявляем вождям нации (राष्ट्र नायक), что если в литературе такой страны с древнейшей культурой, как Индия, будет проводиться диктаторство, то это будет никуда негодным делом.

Место государственного языка досталось хинди. Смысл этого не в том, что язык хинди должен исчезнуть. Нам надо будет сохранить чистую форму хинди. Кому будет нужно, тот его изучит. Люди выучивают и английский язык, распространенный на территории, отстоящей от нас на семь тысяч миль. Мы считаем преступлением те губительные усилия, которые прилагаются Конгрессом, чтобы навязать всем мэле (लिच्छमी) или хиндустани».⁴

В самое последнее время протест пуристов против хиндустани еще более усилился. На мартовском (1940 г.) собрании Hindī Pracār Sabhā в Чхапре говорилось, что вожди и правительство навязывают язык, негодный ни индусам ни мусульманам. Выступавший на этом собрании Сатишчандра Шарма призывал торжественно сжигать учебники хиндустани на предстоящем празднике Холи. В принятой резолюции хиндустани называется ракшаси, с которой надлежит беспощадно бороться. После собрания читались стихи под заглавием «Долой хиндустани», «Только хинди — государственный язык» и т. п.⁵

ВОПРОС ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО АЛФАВИТА

Вместе с изменением названия пропагандируемого rāṣṭr-bhaṣa встал вопрос об общем для всей Индии шрифте, которым пользовался бы этот язык. Закономерно, что пуристы хинди и другие хранители «древнейшей

¹ घाज़, 19 VII 1936.

² ज़ी० वर्मा। साहित्यिक हिंदी को नष्ट करने के उद्योग। सर्स्वती, Apr., 1937, pp. 314—316.

³ घाज़, 17 IX 1937.

⁴ घाज़, 18 IX 1937.

⁵ घाज़, 7 III 40.

культуры» Индии в связи с возникновением этого вопроса высказали свое мнение в пользу шрифта, которым пользуется deva bhāṣā, шрифта «нашей древнейшей литературы».¹ Они провозглашают деванагари шрифтом культурной целостности Индии. «Со времен Ашоки до наших дней, если и был какой-либо алфавит, выражающий культурную целостность, то это — деванагари (अशोक के कालसे अबतक संस्कृतिक समयता की कोई लिपि रही है तो नागरी)».²

В основном их доводы направляются против «хинди-хиндустани». Они говорят, что урду и хинди не объединимы, что урду не превратится в хинди, если и примет алфавит деванагари, как хинди не станет урду, приняв персидский шрифт.³ Некоторые из пуристов считают вопрос о самом языке второстепенным, а главным вопрос об алфавите (वर्णमाला или लिपि). Если будет решен этот вопрос, то вопрос об общем языке решится сам собой, думают они. «Если мы решим, какой азбукой будет пользоваться наш государственный язык (राष्ट्रीय भाषा), то легко может быть решен вопрос, какова будет форма разговорного языка. Решение зависит лишь от автора или оратора. Если автор или оратор mahāpāṇḍit, то он сможет отделиться от своей учености».⁴ Hindi Sāhitya Sammelan тоже стоит за распространение нагари. На ее 25-й сессии 24—25 апреля 1936 г. была принята резолюция, во втором пункте которой говорилось, что правительству следует обратить внимание на то, что нагари самый распространенный шрифт, и следует надписи на индийских монетах чеканить на нем.⁵

Мусульмане-урдуисты предлагают персидский шрифт, и мы видим здесь проявление сектантского спора урду-хинди и в области алфавита.

Подобно тому как по инициативе вождей Национального конгресса было выдвинуто новое составное название «хинди-хиндустани», по той же инициативе было выдвинуто предложение комбинированного общиндийского шрифта. В пункте 5 предложений Джавахарлала Неру говорится о желательной попытке создать удобный шрифт из четырех, который сблизил бы языки четырех провинций.

«Должна быть сделана попытка объединить шрифты деванагари, бенгали, гуджерати и маратхи и выработать составной или комбинированный шрифт (composite script), приспособленный для печатания в типографии, на машинке и других современных механизмах».⁶

Дж. Неру предполагает, что в дальнейшем в Индии будет два шрифта, выработанных на началах добровольного соглашения: деванагари—бенгали—маратхи—гуджерати и урду и, если нужно будет, то и южный шрифт.

Соответствующие пункты предложений Дж. Неру гласят:

«6. Шрифт синдхи должен поглотиться шрифтом урду, который должен быть предельно упрощен и приспособлен для печатания в типографии, на машинке и т. п.

«7. Возможность приближения южных шрифтов к деванагари должна быть изучена. Если это представится невозможным, то надо постараться создать общий шрифт для южных языков — тамили, телугу, канара и малаялам.

«8. Таким образом у нас должно быть два шрифта: составной деванагари—бенгали—гуджерати—маратхи и урду—синдхи и, если необхо-

¹ अज्ञ, 18 IX 1937.

² विशाल भारत, Aug., 1938, p. 101.

³ अज्ञ, 18 IX 1937.

⁴ कीर्तिन्द शास्त्री, भारतवर्ष की राष्ट्रीय लिपि. वीणा, Dec., 1937.

⁵ अज्ञ, 1 V 1936.

⁶ J. N e h r u. The Question of Language, p. 22.

димо, шрифт для южных языков, если он не может быть приближен к первому».¹

Приведенные параграфы свидетельствуют также и о попытках, делающихся в настоящее время в Индии, реформировать шрифт деванагари, чтобы на нем было легче писать и печатать. Сами индийцы жалуются, что на деванагари нельзя быстро писать. Типографский набор нагари тоже занимает очень много времени из-за обилия знаков. Некоторые авторы печатают свои книги на несколько упрощенном алфавите нагари (Р. Санкритъян). Делаются попытки подогнать к реформированному шрифту стандартные американские пишущие машинки. На одном из заседаний Н. S. S. по инициативе Ганди была назначена комиссия по реформе шрифта, член которой, инженер Говил, сконструировал линотип, набирающий деванагари.

Что касается хиндустани, как общеиндийского, интерпровинциального языка, то Дж. Неру, учитывая реальное положение, считает, что этот язык должен пользоваться двумя шрифтами — деванагари и персидским.

«Шрифты деванагари и урду совершенно различны и никакой из них не может ассимилировать другой. Поэтому мы благоразумно согласились на том, что оба шрифта должны существовать. Это будет дополнительной трудностью для тех, кто должен их изучать, и до некоторой степени это будет поощрять сепаратизм. Но мы должны терпеть эти изъятия, так как другого пути для нас нет. Оба шрифта являются частью свойства нашего языка, и вокруг них собралась не только свойственная им литература, но также воздвиглась стена чувства, которая прочна и непоколебима. Я не знаю что принесет нам далекое будущее, но в настоящее время должны оставаться оба шрифта».²

Среди лидеров Национального конгресса нет единодушия в вопросе о шрифте. Если Ганди считает, что «латинский шрифт не может и не должен быть общим шрифтом Индии, — соперничество может быть только между персидским алфавитом и деванагари; последний должен быть общеиндийским шрифтом, так как большинство провинциальных шрифтов произошло от него и его легче всего выучить. В то же время его не следует навязывать мусульманам и тем, кто его не знает»;³ если Дж. Неру в § 8 своих предложений пишет: «Нам невозможно думать, по крайней мере в настоящее время, о латинском шрифте для наших языков, несмотря на разнообразные выгоды, которыми он обладает», то С. Боз в своем докладе на 51-й сессии Национального конгресса хотя и говорил, что *rāṣṭr-bhāṣā* должен пользоваться двумя алфавитами — нагари и урду, — но считал принятие латинского шрифта лучшим решением вопроса. Если Дж. Неру считает, что у латинского шрифта нет никаких шансов вытеснить деванагари или урду, что индийские шрифты — существенная часть индийских литератур и без них индийцы были бы отрезаны от их древнего наследства, то Боз утверждает, что в шрифте никакой святости не заключается, что выбор всеобщего шрифта должен быть сделан «в совершенно научном и беспристрастном духе и должен быть свободен от предрассудков». Согласно Бозу, народным массам Индии будет безразлично вообще, какой шрифт вводится, так как свыше 90% населения Индии неграмотно. Как главный довод в пользу латинского шрифта С. Боз приводит то, что от введения его индийцы станут ближе к другим странам и им будет легче изучать иностранные языки. Этот довод соприкасается с доводом сторонников английского языка как

¹ Начало опытов сближения шрифтов индо-арийских языков положил Шарадачаран Митра, выпустивший специальный журнал *देवनागर पत्र*.

² J. Nehru, op. cit., p. 6.

³ M. K. Gandhi. Hindi v. Urdu. Harijan, 3 VII 1937.

общеиндийского. Они тоже говорят, что индийцы привыкли к английскому языку и через него получают доступ к мировой литературе.

Разделяющие точку зрения С. Боза латинизаторы стали откликаться на эту речь, и вскоре стали производиться эксперименты по латинизации хиндустани. Например в приложении к «Times of India», «Illustrated Weekly of India», в номере от 13 марта 1938 г. было напечатано стихотворение Назира в следующем виде:

Kouree nu thee — to khate the basee pukourean
 Kouree hooee — to choonne luge lumbee chourean.
 Kouree nu thee — to sote the khalee zumeen pur
 Kouree hooee — to sone luge shah nusheen pur.
 Kouree ka, sub jahan men, yih nuqsh o nugeen hy —
 Kouree nuheen — to kouree ke phir teen teen hy!

Не вдаваясь в подробности, можно констатировать, что это образец не латинизации, а англизации и для чтения такого «латинизированного» письма нужно знание не только индийского языка и латинского алфавита, но и английского языка. В оригинале стихи выглядят так:

کوڑی نہ تھی تو کھانے تھے باسی پکوڑیاں
 کوڑی ہوئی تو چننے لگے لمبی چوڑیاں
 کوڑی نہ تھی تو سونے تھے خالی زمین پر
 کوڑی ہوئی تو سونے لگے شاہ نشین پر

и т. д. В общепринятой научной транслитерации эти строки выглядят так:

Kaurī na thī to khāte the bāsī pakaurīān
 Kaurī hūī to cunne lage lambī caurīān
 Kaurī na thī to sote the khālī zamīn par
 Kaurī hūī to sone lage çāhniçīn par...

Обозначение дентальных и церебральных одними и теми же знаками и другие дефекты сразу бросаются в глаза.

Навязывание общего шрифта, как и навязывание общего языка, также вызывает распри, окрашенные в националистические и конфессиональные цвета и уводящие в сторону от верного решения вопроса о единстве Индии в антиимпериалистической борьбе.

Часть речи председателя Национального конгресса, касающаяся вопроса о шрифте, встретила отпор со стороны многих националистических литераторов и общественных деятелей, для которых сейчас зазорно даже говорить о принятии шрифта, которым пользуются их поработители — англичане. Передовая националистического «Āj» от 4 марта 1938 г., считая, что протестовать против предложения С. Боза надо было на самой сессии, пишет: «Оставить свой красивый традиционный шрифт — не что иное как глупость». Из газет и журналов первый поднял голос поддержки предложения С. Боза калькуттский английский «Statesman».¹ «Мы зависимы, — писалось в передовой, — а у рабов ничто не считается хорошим. Если мы будем свободны, то произведем некоторые изменения в шрифте, и тогда те, кто пользуется латинским шрифтом, сами захотят сменить его на нагари. Мы свое добро считаем плохим, а дурное своих хозяев — хорошим. Это результат нашей зависимости». В этом же номере «Āj» помещена статья Шив Прасада Гупта, с которой солидаризуется передовая. Шив Прасад Гупт, патриотически отстаивая деванагари, высказывает доводы, приводимые очень многими защитниками этого шрифта как общеиндийского.

¹ «Statesman» сразу же опубликовал о взгляде С. Боза на латинский шрифт хвалебный отзыв (श्री, 4 III 1938).

Он пишет: «Я уверен, если и есть в мире буквы для всемирного алфавита, то это только буквы алфавита деванагари. Если в деванагари сделать некоторые дополнения, то он будет таким научным алфавитом, каким никогда не был латинский». Шив Прасад Гупт считает неосновательной ссылку С. Боза на множество шрифтов в Индии и высказывается в духе соответствующих предложений Дж. Неру: разница между шрифтами хинди, бенгали, гуджерати, маратхи и др. может быть легко устранена путем сближения этих шрифтов, имеющих одну и ту же основу.

Вслед за «Āj» против предложения председателя Национального конгресса стали выступать другие издания — известный калькуттский журнал «Lokamānu», «Modern Review» и др. Через месяц «Vīṇā» уже отмечала, что «большинство возражает против председателя Национального конгресса».¹

АНТАГОНИЗМ МЕЖДУ УРДУ И ХИНДИ

Пропаганда хинди-хиндустани, декларативно направляемая Ганди, Неру и другими вождями Национального конгресса разных политических оттенков на умиротворение давнишнего индуско-мусульманского антагонизма, вызывает обострение его проявлений в литературе и языке. Конфессиональная конкуренция между урду и хинди еще ярче стала выражать конкуренцию двух реакционных сил, пытающихся опереться на традиционные мещанские, националистические, клерикальные и прочие предрассудки широких масс и предельно расширить междоусобную борьбу, поощряемую властителями колониальных устоев.

Новый компромиссный термин «хинди-хиндустани» породил против себя новое сектантское ожесточение как среди пуристов-санскритизаторов, так и среди урдуистов-арабизаторов.

Индуско-мусульманская вражда уже с давних пор находила свое отражение в литературе хинди в виде борьбы двух стилей, в виде борьбы между урду и хинди. Ранние авторы хинди были или не-брахманы или мусульмане и писали на языке, приближающемся к разговорному. В XIX в. стали появляться писатели-прозаики, пандиты, которые из-за незнания живого языка хинди или из пренебрежения к нему в сильной мере санскритизовали язык своих сочинений. Первые авторы-прозаики самого начала XIX в. Садасукх Лал и Саид Иншалла Хан противостояли друг другу как представители разных стилей. На этой борьбе стилей сказывалось также то, что прозаическому хинди приходилось развиваться в условиях поощрения англичанами урду. В 1845 г. раджа Шива Прасад стал издавать газету «Бенарес Ахбар» на алфавите нагари, но по существу на урду. И это было не единичным явлением в середине XIX ст. В противовес урдуизованной «Бенарес Ахбар» в 1846 г. в Бенаресе была выпущена просуществовавшая 1—1½ г. газета «Судхакар», а в 1852 г. в Агре «Будхи пракаш» — обе на вызывающе санскритизованном хинди. Первую газету мог понимать узкий круг образованных по урду, две последние — тоже узкий круг людей, получивших индуское образование и знающих санскрит.

В предисловии к «The Question of Language» Ганди писал: «The question has latterly become an unfortunate controversy». То, что сущность раздоров между сторонниками урду и хинди реакционная, классовая, не скрыто от глаз таких политиков, как Дж. Неру.

«Были разговоры о хиндустани не только как об языке северной и центральной Индии, но как о национальном языке всей страны. Но, к несчастью, сектантство (communalism) еще довольно сильно в Индии и, таким образом, сепаратистская тенденция твердо держится на ряду с тенденцией

¹ बीणा, April, 1938, p. 504.

объединительной. Этот сепаратизм должен будет исчезнуть с более полным развитием национализма. Хорошо всегда помнить об этом, потому что только тогда мы поймем, в чем главная причина зла. Поскребите сепаратиста в языке и вы обязательно найдете сектанта (communalist) и, очень часто, политического реакционера».¹

Но Джавахарлал, как и его левые товарищи из Национального конгресса, не идут дальше такой констатации и не делают правильных выводов.² На практике шаг к полному национальному развитию будет заключаться в борьбе за независимость, в признании равноправия наций и языков, в отмене навязывания государственного языка, в прекращении пропаганды хинди с этой целью. Ведь Индия имела достаточно времени, чтобы на опыте убедиться в том, что пропаганда государственного языка только распаляет националистический сепаратизм, разъединяет колониальные массы на пользу империалистической метрополии.

Даже усилия Национального конгресса заключить с Мусульманской лигой общее соглашение об индусско-мусульманском единстве не приносят умиротворения. Крайние исламисты не идут ни на какие уступки в вопросе о *gasṭr-bhāsa*. Они требуют, чтобы даже в провинциях, где говорят на хинди, заменить хинди урду и запретить шрифт нагари. Они считают, что общеиндийским языком должен быть урду и общеиндийским алфавитом — алфавит персидский. Они, так же как и консервативные индусы, возражают против компромиссного названия «хинди-хиндустани»; и в хинди и в хиндустани им слышится «дурной запах хиндуизма» (हिंदुत्व).³ Этот крайний фланг исламистов самую Индию предлагает называть не Хиндустаном, а Пакстаном, в знак превосходства мусульман. Отсюда и для общеиндийского государственного языка предлагается название «пакстани». Критика названия «хинди-хиндустани» исламистской буржуазией сопровождается манифестацией ее националистических чаяний вообще. Вожди ее Агахан и Икбаль и пресса урду в Лагоре и Лукнове агитируют за образование Пакстана из Панджаба, Кашмира, Синдха и Северо-западной пограничной провинции путем отделения их от Хиндустана.⁴ Как только мусульмане получили власть в Сев.-зап. пограничной провинции, хинди и гурумукхи решено было изгнать из школ, и обучение урду стало обязательным для детей индусов и сикхов. Характерна клерикальная непримиримость мусульманских националистов. В. Саваркар описывает случай, когда в законодательном собрании Сев.-зап. пограничной провинции, в связи с принимавшейся резолюцией против хинди, выступил индус — член законодательного собрания — и сказал, что в Сев.-зап. пограничной провинции государственным языком должен быть урду, так как мусульман в этой провинции большинство, но подобным образом в провинциях, где большинство индусов, государственным языком должен быть хинди. Хотя эти слова не имели никакого практического значения, в законодательном собрании они встретили отпор со стороны другого члена собрания — мусульманина.

¹ J. Nehru, op. cit., p. 9.

² Следует отметить в связи с этим отношение Джавахарлала Неру к Ганди. В опубликованном заявлении к выборам председателя Национального конгресса Неру пишет: «To-day we face British imperialism in one of its ugliest phases — that of patron and supporter of feudalism and slave conditions in the states. To-day as of old Gandhiji is the soft but iron voice of India challenging this imperialism and preparing for struggle with it» (The Leader, 9 II 1939).

³ «Быть враждебным урду значит быть враждебным исламской цивилизации, исламской культуре и исламскому единству»; см.: سید عبد العزیز — اردو ہندی کا جھگڑا, № 1, p. 16, ہماری زبان.

⁴ व० सार्वकर, राष्ट्र भाषा हिंदी का नया स्वरूप। वीणा, Aug., 1937.

В Бихаре 80% индусов, но бихарские мусульмане выдвигают требование ведения официальных дел на урду с употреблением персидского шрифта. Кхалифатское движение в Бенгалии в области языка также направляется к тому, чтобы сделать урду «родным языком» бенгальских мусульман. В университете мусульмане предлагали введение в бенгальские учебники большого числа слов урду.

Кхалифатские, панисламистские помыслы исходят из ограниченного реакционного круга. Об этом говорит тот факт, что бенгальский мусульманский журнал «*Āzād*» агитировал за бенгали, как за национальный язык, так как бенгальские мусульмане не знают урду.¹

Выступление мусульманских урдуистов против хинди сплошь и рядом оформляется в выступление против Национального конгресса. 19 декабря 1938 г. сторонники урду провели в Калькутте, Бомбее, Лахоре, Дели, Сринагаре, Пешавере, Равальпинди, Алигархе, Агре, Лукнове, Ахмед-абаде, Патне и других городах Индии кампанию, в которой принимали участие и индусы, в частности члены Хинду Маха Сабха, под названием «День урду».² В Лагоре Сикандар Хаят Хан в своей речи в защиту урду угрожал Национальному конгрессу. Собрание в Лукнове решило рекомендовать урду на пост государственного языка. На большом собрании в Аллахабаде в этот день под председательством Тедж Бахадур Сапру было принято несколько резолюций. В одной резолюции собрание обращается ко всем провинциальным правительствам с просьбой, чтобы они защищали и помогали распространять урду, так как этот язык имеет исключительное счастье быть родным языком нескольких провинций и на нем говорят и понимают его по всей Индии. В другой резолюции собрание просит индийцев покупать книги и газеты на урду, а издателей издавать хорошо и дешево. В третьей резолюции, предложенной Абдул Хаком, пропаганда хиндустани объявляется заслуживающей порицания и препятствующей индусско-мусульманскому сближению. Четвертая резолюция, выдвинутая Сафат Ахмад Ханом и поддержанная Рагхупати Сахай из аллахабадского университета, просит всех знающих урду распространять его в городах и деревнях Индии.³

В самое последнее время в связи с вопросом пропаганды урду (1938—1939) крайняя исламистская политика урдуистов подвергается пересмотру. Провозглашение урду языком-объединителем индийских мусульман признается ошибочным. «Мусульмане делали ошибку, называя урду их собственным языком. Этим они наносили вред делу урду, который является языком всех индийцев. Он является самым естественным языком и будет процветать» — говорил в своей речи на закладке фундамента здания Anjuman-e-Taqaddis-Urdu министр просвещения Бихара С. Махмуд. И урдуисты оспаривают распространенность хинди. Они говорят, что урду понятен в Индии повсеместно и не только мусульманам, он общий междупроvincialный язык, противостоящий английскому, и не только междупроvincialный, но и междуазиатский.⁴

Подобно тому, как некогда Н. S. S. стала пропагандировать хинди в других провинциях Индии, Anjuman-e-Taqaddis-Urdu с 1938 г. начала

¹ वीणा, July, 1938, p. 749.

² На собрании в Лагоре председательствовал Бхатнагар, в Дели — Мунши Б. Прасад, в Алигархе — Ананд Сароп, в Лукнове — пандит Кришна Прасад Кауль, в Агре — пандит Радж Нахт, в Аллахабаде — Тедж Б. Сапру.

³ उद्-दिवस। वीणा, Jan., 1939, pp. 241—243.

⁴ «Урду должен стать не только междупроvincialным (بین الصوبائی), но и междуазиатским (بین الآسیائی) языком» (из речи Юсуф Касим Арифа на бенгальской конференции урду в Калькутте, 24—25 января 1938 г. — هماری زبان, № 1, p. 14).

основывать свои отделения, в первую очередь в Бомбейской и Бенгальской провинциях. 1 марта 1938 г. Абдул Хак, секретарь А. Т. У., посетил Бомбей и основал там отделение своего «Общества». Отделения были основаны в четырех главных центрах британского Бомбея: в городах Бомбее, Ахмед-абаде, Пуне и Дхарваре. В результате деятельности отделений и их разветвлений стало обращаться внимание на обучение детей урду, были открыты четыре воскресных школы с 200 обучающихся урду.¹

В конце мая 1938 г. Абдул Хак приехал в Калькутту. В результате этого визита и в Бенгалии основалось отделение А. Т. У.

Дальнейшим шагом пропаганды урду был созыв 24—25 января 1939 г. бенгальской конференции урду в Калькутте. В принятой резолюции конференция обращается с просьбой к бенгальскому правительству ввести обязательное и бесплатное обучение в Бенгалии, установив средством обучения урду или хиндустани; совместно с министерством просвещения, университетами и другими учреждениями выработать меры для распространения урду в Бенгалии; ввести экзамены по урду в университете Дакки; учесть в будущем бюджете постройку школ урду; обязать школьных и университетских преподавателей персидского и арабского языков изучить в течение одного года урду.

В 1938 г. Hindustani Academy стала издавать трехмесячный журнал под названием «Хиндустани». Под таким же названием в конце того же года стал выходить в Патне ежемесячный журнал, ставящий целью выработку простого и легкого государственного языка (قومى زبان) урду.

Наконец, 1 апреля 1939 г. выходит первый номер هماری زبان, полумесячного печатного органа пропаганды урду, издаваемого А. Т. У. В передовой, посвященной целям газеты, язык урду рассматривается как ярчайший знак индусско-мусульманской дружбы. «Этот язык не принадлежит какой-либо одной общине (فرقه) или округу. На нем говорят люди разных общин, религий, провинций и областей. Это наш язык и в его развитии и распространении — наша слава. . . Наше счастье в том, чтобы мы лелеяли урду подобно нашим предкам и, украшая его перлами литературы, совершенствовали его». В передовой говорится, что газета будет писать о том, что надо предпринять для распространения и развития урду, чем занята А. Т. У., где находятся ее отделения и что они делают, какие издаются книги на урду и т. п.

Злостная политика разъединения индийцев — индусов и мусульман — поощряется империализмом в самых различных формах. По мере усиления демократического объединения Индии она принимает все более безобразные формы и в области языка. Вопрос о безотлагательной выработке Национальным конгрессом единственно правильной демократической национальной политики встал на повестку дня. Эта политика должна быть противопоставлена утонченному провинциальному национализму, атмосфере национальной склоки и политике империалистической метрополии «разделяй и властвуй».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошел период достаточно долгий, чтобы те, кто слепо пропагандировал хинди, стали убеждаться в том, что поиски единства Индии на основе *gāṣṭr-bhāṣā* кончаются только усилением националистических и конфессиональных раздоров. Хотя благонамеренные пропагандисты всегда подчеркивают, что смысл их пропаганды не в подавлении литературы на провинциальных

¹ تجیب اشرف ندوی — صوبہ جمبٹی اور اردو —، № 1, p. 16, هماری زبان

языках и самих провинциальных языков, вопрос о пропаганде государственного языка хинди стал весьма острым политическим вопросом, стал, как признают они сами, «одним из самых крупных вопросов страны».¹ Уже с 1938 г. рядом литераторов вносятся предложения решить этот крупный вопрос прекращением пропаганды хинди. Х. Дживеди, ревизуя пропаганду хинди, говорит, что безрезультатность пропаганды хинди объясняется также и тем, что само название *हिंदी प्रचार* вводит в заблуждение. «Термин *प्रचार* ассоциируется с „проповедыванием“ христианской религии, которое ограничивалось лишь изменением веры, а не характера человека, с „распространением“ товаров, цель которого еще ниже».² Литераторами. ищущими выхода из кризиса пропаганды хинди, хотя и смутно, но уже осознается, что пропаганда хинди усложняет национальный вопрос вообще. В связи с этим Х. Дживеди бросает упреки политическим вождям — сторонникам государственного языка. «Те политические вожди, которые хотят пропаганды только языка, — уважаемы нами, мы ценим их благодеяние. Но их планы несколько другие. Они хотят пропагандировать практический ходкий язык (*व्यवहारयोग्य कामचलाऊ भाषा*). Но там, где возникает вопрос о выявлении сущности нации, там этот их язык обречен на неуспех». Х. Дживеди делает выводы: «Нам надо хорошо понять, что ныне ветер политического благополучия (*सुविधा*) дует в нашу сторону и во всей стране внимание привлечено к нашему языку. Неужели в такой момент мы будем зря тратить силы, крича „хинди, хинди“? . . . Языковое единство страны очень нужно, но еще более необходимо идейное единство (*विचारगत एकता*)». Х. Дживеди требует развивать пропаганду литературы, ссылаясь на Р. Тагора, неоднократно говорившего ему, что «глубокой близости между двумя провинциями вы можете добиться, подняв на высокую ступень свою литературу и культуру и взяв у другой провинции самое лучшее».³

Требуют отмены пропаганды и те, кто болеет за свою национальную литературу на хинди. Они видят, что навязывание *gāṣṭr-bhāṣā* наносит урон литературе хинди не только тем, что в других провинциях возбуждается враждебность к хинди и его литературе, но и тем, что совершенно попусту отвлекаются и растрачиваются деньги. Совершенно справедливо они требуют направлять средства на ликвидацию неграмотности среди населения говорящих на хинди провинций, на поощрение общедоступной литературы и т. п.

Очень показательно, что категоричное требование отмены исходит даже от Банараси Дас Чатурведи, бывшего секретарем отдела литературы Н. S. S. во время 8-й сессии этого общества, на которой под председательством Ганди был утвержден план пропаганды хинди. В связи с сессией Н. S. S., происходившей в 1938 г., Б. Д. Чатурведи писал: «Долг Sammelan — оставить теперь глупость (*मोढ़*) пропаганды хинди. Если даже после 10—20 лет напрасных усилий мы не смогли вызвать надлежащую любовь к *gāṣṭr-bhāṣā* у говорящих на других языках, то в этом не следует видеть нашу особенную вину. Несмотря на затраты на пропаганду, жители других провинций не проявляют усердия изучать хинди. При таких условиях до каких пор будем мы тратить на пропаганду, задушив дело своей литературы?» Далее Чатурведи, отмечая действительно жалкое материальное положение писателей хинди, пишет: «Тамилы, бенгальцы, мараты — все считают свои литературы выше хинди. Все озабочены развитием своей литературы, все в центре внимания держат свой родной язык. Только мы, говорящие

¹ *हो द्विवेदी। हिन्दी प्रचार की समस्या। सरस्वती, Oct., 1938, pp. 466—472.*

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

на хинди, день и ночь думаем, как бы жители других провинций выучили *rāṣṭr-bhāṣa*».¹

Справедливые обвинения предъявляются Н. S. S., которая, вопреки своему названию, главным образом «распространяла» хинди. Банараси Дас Чатурведи приходит в отчаяние от констатирования того, что Sammelan очень мало сделала для издания лучших поэтов и доброкачественных книг на хинди и для поощрения писателей. «Библиотека (संग्रहालय) Н. S. S., — пишет он, — за отсутствием средств кажется храмом без богатства».

Чатурведи возмущается пустой растратой средств: «В провинциях, говорящих на хинди, царит безграмотность и наша Nāgarī-Pracārīṇī-Sabha в долгу. Мы же тратим на пропаганду хинди в других провинциях 250 000 рупий». Чатурведи, понятно, не делает политических выводов из своих требований, он только предлагает изменить программу Н. S. S.

Другой автор, Сантарам, пишет: «До сих пор пока существуют кастовые различия, пока индусы считают грехом брачиться вне касты, индуско-мусульманское единство невозможно, хотя бы для этого пропагандировался не „хинди, т. е. хиндустани“, а сам арабский язык». Сантарам убежден, что для создания нации близкое общение ее членов гораздо важнее языкового единства.²

Правильные выводы начинают исходить из рядов национального фронта, наиболее близких пролетариату и крестьянству Индии. Отсюда исходят установки на устранение национального недоверия, всего того, что может выглядеть навязыванием «своей» культуры другим и т. п. Как мы видели, вражда из-за хинди и урду является частью индуско-мусульманского вопроса (Communal problem), и в предложениях решения этого вопроса, выдвигаемых теми, кто заботится о действительном, антиимпериалистическом единстве Индии, ликвидации этой вражды отводится должное место. А. К. Гош в органе индийского народного фронта «National Front» от 1 января 1939 г. пишет, что только на территориях, где говорят на хинди и урду, все дела Национального конгресса должны вестись на простом хиндустани, а издания его должны быть и на хинди и на урду, как бы мало ни было мусульман — членов Национального конгресса — в данном районе.³ В другом месте А. К. Гош пишет: «Совершенно необходимо также полностью обезоружить подозрение мусульманских масс относительно того, что Конгресс не будет защищать их интересы и культуру. Простых резолюций, подобных принятым в Карачи и Харипуре — недостаточно. Настаивание на пении „Банде Матарам“, название учебных заведений именем „Видьямандир“,⁴ индусская религиозная атмосфера, преобладающая на конгрессистских собраниях, молитвы, аналогии, приводимые из индуских религиозных

¹ वीणा, May, 1938, pp. 584—585.

² सन्ताराम, हिन्दी का स्वतंत्र, सस्वती, Febr., 1940, pp. 192—196.

³ A. K. Ghosh. Communal Unity. National Front, 1 I 1939, p. 5.

⁴ В связи с так наз. «Планом Видьямандир» 15 сентября 1938 г. перед законодательным собранием Центральных провинций состоялась 20-тысячная демонстрация мусульман. На сотнях плакатов в руках демонстрантов было написано «Да здравствует урду!» (وہ)، Oct., 1938, p. 1128).

Движение против схемы Видьямандир возглавляется реакционной верхушкой мусульманства, отстаивающей «свою культуру».

«Вожди могут производить в народе сектантскую манию (साम्प्रदायिक उन्माद), но потом не могут с ней совладать. Это положение иллюстрируется тем, что ныне совету Всеиндийской мусульманской лиги надо будет молча следовать за этой толпой (26 янв. нагпурские мусульмане начали „сатьяграх схеме видьямандир“.—В. Б.). Вожди этого упрямого движения (डायрек) в большинстве навабы и ханбахадуры» (आज्ञा, 29 I 1939. संपादकीय टिप्पनियां).

книг, употребление санскритизованного хинди вместо простого хиндустани во многих речах, введение в политику Конгресса таких терминов, как „daṛṣaṇ“, прибавление слова „ṣṛī к именам конгрессистов-мусульман, — это все вещи, отталкивающие среднего мусульманина и создающие в нем впечатление, что Конгресс пытается навязать ему культуру индусов».¹

В этих высказываниях нет и намека на единство, основывающееся на *gāṣṭr-bhāṣā*, на пропаганду единства только лишь на одном языке, понятном массам на определенной территории.

Решение языкового вопроса в Индии, как и во всем мире, находится в плоскости решения национального вопроса вообще. Большая часть национального вопроса в Индии заключается в освобождении Индии от колониального состояния, от гнета британского империализма и в превращении ее в независимое равноправное государство. Меньшую долю индийского национального вопроса представляют внутрииндийские национальные противоречия. Но ликвидация основ этих противоречий имеет огромное значение для антиимпериалистической общенациональной борьбы. Поэтому языковой вопрос в Индии сейчас стал вопросом актуальным и животрепещущим. Только добиваясь равноправия наций и языков, Индия может стать страной независимой, равно как добиться равноправия наций и языков она может только в борьбе за независимость. То, что Индия является ареной националистических раздоров, есть условие колониального угнетения ее британским империализмом. Антинародные силы превращают Индию в арену националистической распри, тормозящей сближение народов Индии и их движение к независимости. Реакционное крыло буржуазии и клерикалы стремятся воздействовать на широкие массы испытанным лозунгом «национальной культуры», объявляя ее носителями санскрит и арабский язык. Около трех десятилетий тому назад В. И. Ленин, говоря о клерикальном и буржуазном обмане рабочих, указывал, «что „национальная культура“ в обычном значении этого слова, т. е. школы и т. д., находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов и буржуазных шовинистов во всех странах мира».² Индийские народные массы должны понять, на какое гибельное разъединение призывают их лозунгом «национальной культуры». Индийскому пролетариату, как авангарду в революционном антиимпериалистическом блоке, оформившемся ныне в Национальном конгрессе, предстоит своей политикой обезвредить проповедников «национальной культуры», равно как и пропагандистов обязательного *gāṣṭr-bhāṣā*, оградить трудящиеся массы от националистического и религиозного антагонизма. Антиимпериалистическому блоку индийских коммунистов, социалистов, левых конгрессистов, рабочих и крестьянских организаций и др. надо проповедывать марксистскую, ленинско-сталинскую национальную политику, проверенную на живом опыте Великой Октябрьской социалистической революции, на живом опыте Союза ССР, самого демократического государства в мире. Сталинская конституция — вернейший компас, указующий всем угнетенным народам путь к освобождению. Только руководствуясь указаниями великих освободителей эксплуатируемого человечества Ленина и Сталина, можно найти угодный индийскому народу, а не угнетающему империализму, верный путь разрешения языкового вопроса, весьма обостренного ныне пропагандой государственного языка, «*gāṣṭr-bhāṣā* — хинди-хиндустани». В годы кануна Октябрьской революции в России тоже назревал национальный и языковой вопрос. Буржуазия проповедывала необходимость государственного языка. Но Ленин отсутствию обязательного государственного языка придавал значение как фактору национального мира. § 1 Ленинской резо-

¹ А. К. G h o s h. Congress & the Muslims. National Front, 18 IX 1938, p. 16.

² В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 146—147.

люции по национальному вопросу, принятой совещанием Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. с партийными работниками летом 1913 г., гласит:

«1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплуатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства».¹

Индия — не Россия 1913 г. Индия — колония с английским языком в качестве государственного. С буржуазной точки зрения противопоставление «своего», «национального» государственного языка языку угнетающей нации должно быть одобрено индийским народом.² На самом же деле мы видим усиление националистической склоки, распадение национального недоверия и вражды и все то, чему большевики в России противопоставляли «самое полное равноправие наций и языков вплоть до отрицания надобности в государственном языке, но вместе с этим отстаивание наибольшего сближения наций, единства государственных учреждений для всех наций, единства школьных советов, единства школьной политики (светская школа!), единства рабочих разных наций в борьбе с национализмом всякой национальной буржуазии, национализмом, который для обмана простачков преподносят в виде лозунга „национальной культуры“».³ В России это ленинское противопоставление взяло верх. Возьмет оно верх и в Индии. Индия в своем революционном развитии возьмет пример решения национального вопроса с Советского государства. И. В. Сталин в условиях Советского государства указывал средство безболезненного изживания наследия, полученного от царизма и буржуазии, — национальной розни, задерживающей сближение народов, — средство, вполне применимое в многонациональной и многоязычной Индии для достижения единства. «Первое средство: принять все меры к тому, чтобы советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы советская власть была у нас не только русской, но и междунациональной. Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа. Только при этом условии мы получим возможность советскую власть из русской сделать междунациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик и особенно для тех, которые отстали в хозяйственном и культурном отношениях».⁴

Отсюда следует, что интернациональный мир и содружество, междупроинициальное единство, к которому будто бы стремятся в Индии пропагандисты государственного языка, возможны только на основе свободного развития всех индийских национальностей, на основе свободного демократического развития их национальных культур и языков, а не на основе одного избранного и пропагандируемого языка.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 11—12.

² Ганди говорит, что борьба за государственный язык есть не борьба между урду и хинди, а борьба против английского языка (اردو), Oct., 1938, p. 1122).

³ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 361.

⁴ И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1937, стр. 123.

Можно сказать, что, когда Индия будет независимой страной, хиндустани, возможно, получит еще более широкое распространение. Но он не будет пользоваться исключительной привилегией в качестве государственного языка вследствие того, что исключительный государственный язык не нужен Индии, ибо народы Индии обладают всеми предпосылками для того, чтобы найти для себя общий язык не только тогда, когда они будут совершенно свободны, но даже теперь, когда они объединяются в борьбе против британского империализма. В. И. Ленин, давая отпор русским либералам, писал: «Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков, то все славяне легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться „ужасной“ мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных языках. А потребности экономического оборота сами собой *определят* тот язык данной страны, зная который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, его примет добровольно население разных наций тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм, чем быстрее будет в силу этого развитие капитализма».¹ В тезисах по национальному вопросу В. И. Ленин писал:

«Отстаивая последовательно демократический государственный строй, социал-демократия требует безусловного равноправия национальностей и борется с какими бы то ни было привилегиями в пользу одной или нескольких национальностей.

В частности, социал-демократия отвергает „государственный“ язык. В России таковой особенно излишен, ибо свыше семи десятых населения России принадлежит к родственным славянским племенам, которые при свободной школе в свободном государстве легко достигли бы, в силу требований экономического оборота, возможности сталкиваться без всяких „государственных“ привилегий одному из языков».²

В Индии 257 488 000 человек,³ т. е. 73% населения говорят на так. наз. индо-европейских языках, родственных между собой, и будущее сближение этого населения в условиях независимого демократического государства неоспоримо и без таких «объединителей», как «gāṣṭr-bhāṣā».

С ленинско-сталинской точки зрения, с точки зрения интересов индийского пролетариата конституирование Национальным конгрессом «хинди-хиндустани» как обязательного языка работы в с е х организаций Национального конгресса и как языка пропаганды повсюду — вредно. Ленин и Сталин всегда подчеркивали непереносимость работы пролетарских организаций и пропаганды на национальных языках. В резолюции совещания Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. с партийными работниками в феврале 1913 г. рабочие всех национальностей России призывались к борьбе со всеми проявлениями националистического духа среди трудящихся масс и к «самоу тесному сплочению и слиянию с.-д. рабочих на местах в единые организации Р.С.-Д.Р.П., ведущие работу на каждом из языков местного пролетариата и осуществляющие на деле единство снизу, как это ведется издавна на Кавказе».⁴

Ленин призывал рабочих России в интересах их единства к терпимости к национальным особенностям. «Великорусские и украинские рабочие должны вместе и, пока они живут в одном государстве, в самом тесном организационном единстве и слиянии, отстаивать общую или интернациональную культуру пролетарского движения, относясь с абсолютной терпи-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 596.

² В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 509.

³ The Statesman's Year Book, 1938.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 235.

мостью к вопросу о языке пропаганды и об учете чисто-местных или чисто-национальных особенностей в этой пропаганде. Таково безусловное требование марксизма». ¹ «Вопрос в том, допустимо ли для марксистов ставить прямо или косвенно лозунг национальной культуры, или обязательно против него проповедывать на всех языках, „приноравливаясь“ ко всем местным и национальным особенностям — лозунг интернационализма рабочих». ²

Отсюда следует, что подлинным средством пропаганды интернациональных демократических идей, средством сплочения индийского народа на борьбу с империалистическим угнетением и индийской реакцией должны быть все национальные, родные языки трудящихся масс Индии.

Исходя из ленинско-сталинских принципов, индийский пролетариат — авангард антиимпериалистического блока в общенациональной борьбе — по-своему решит национальный вопрос в Индии.

Список сокращений

А. Т. У. — (Anjbmān-e-Taraqī-e-Urdū) Н. С. С. — (Hindī Sāhitya Sammelan).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 144.

² В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 138.

Я. С. ВИЛЕНЧИК

О РАБОТЕ ПО СЛОВАРЮ НАРОДНО-АРАБСКИХ ДИАЛЕКТОВ ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА

[Настоящая статья является, к сожалению, посмертным уже изданием работы молодого ученого Якова Соломоновича Виленчика, скончавшегося 1 июля 1939 г. Выросшая из объяснительной записки к подготовленному им словарю народных арабских диалектов Сирии и Палестины, она дает хорошее представление об основном труде всей его недолгой жизни, звучит как бы завещанием тем, более молодым, поколениям ученых, среди которых рано или поздно найдутся продолжатели его широко задуманного начинания.

Этот труд вчерне завершен, но в окончательный вид приведены только отдельные части. Так как все основные материалы поступят, вероятно, в Институт востоковедения Академии Наук СССР, то статья может послужить своего рода ключом к ним и при пользовании для отдельных справок, и для завершения работы по намеченному плану.

План этот созрел постепенно, но в своих основных линиях зародился у Я. С. Виленчика почти с самого начала его самостоятельной работы. Он принадлежал к тому редкому и счастливому типу ученых, которые уже с первых шагов находят самих себя, определяют свою задачу в науке и остаются верны намеченному пути на всю жизнь.

В других отношениях эта жизнь была далеко не счастливой. Еще в младшем классе средней школы в результате тяжелой контузии в начале мировой войны Я. С. Виленчик абсолютно лишился слуха и навсегда остался без этого средства общения. Лишь исключительная сила воли, рано выработанная самостоятельность в труде позволили ему не только закончить среднюю школу, но и получить специальное лингвистическое образование в Ленинградском университете. Энтузиазм научных исканий, который пылал у него ярким огнем с первых шагов университетской работы, преодолевал все стоящие на пути препятствия.

Их было немало. Нужна была долгая и упорная борьба за право работать в избранной области. Выдающиеся технические навыки, умение самостоятельно ориентироваться в каждой области позволяли ему быстро стать ценным работником и в переплетном мастерстве, и в машинописи, и в преподавании иностранных языков, и в библиотечном деле и в хранении архивных материалов. Труднее было преодолевать скептицизм ученой среды, представители которой становились втупик перед необычным явлением и считали иногда фантастичной самую идею абсолютно глухого заниматься лингвистикой, особенно фонетикой, которая так увлекала Я. С. Виленчика с первого курса. Бороться с этим скептицизмом было нелегко: только результаты работ постепенно разрушали его, завоевывая право трудиться в любимой области.

Лишь в первой половине 30-х годов, с поступлением в Институт востоковедения Академии Наук СССР, Я. С. Виленчик получил возможность в основном сосредоточиться на исследовательской работе и главное внимание посвятить своему словарю. К сожалению, здоровье его к этому времени было уже серьезно подорвано: туберкулез легких, а затем и почек с 1936 г. был признан неизлечимым. Поездка в Крым дала только временную отсрочку, и последние годы были упорной, но бесплодной борьбой с болезнью, от которой не удалось уже отстоять права на работу.

Человек очень живой, жизнерадостный и общительный Я. С. Виленчик всегда чувствовал особую потребность в научном обмене мнений. Обширная переписка с крупными семитологами, которые рано признали в нем достойного собрата, позволяла ему в этой области не чувствовать лишения слуха; корреспонденты и не подозревали, что они имеют дело с абсолютно глухим лингвистом. С такой же охотой он стремился знакомить со своими изысканиями и работами, как в устных докладах, так особенно в печатном виде, подготавливая оригиналы в безукоризненной форме с исключительным техническим мастерством.

Печатать он начал рано, и достаточно обширный список его работ (см. ниже стр. 251) говорит о том, что он был широким лингвистом, который владел в полной мере материалом семитских и иранских языков, оставаясь все время на высоте последних достижений общей лингвистики. Вопросы фонетики, исторической грамматики, лексики влекли его особенно живо и мысль его работала, главным образом, в этом направлении. С одинаковым умением он, однако, быстро ориентировался и в других областях арабистики, если ему приходилось с этим сталкиваться: ярко сказалось это мастерство в разборе одного арабского рукописного трактата о пиротехнике, подготовленного им к изданию по специальному поручению.

Все же словарь был его основной идеей, той работой, над которой он трудился, специально усовершенствовав пишущую машинку, трудился, не покладая рук, и днем, и вечером, и поздней ночью. Для него словарь давно уже представлял не грудку сырых материалов, а живой источник самостоятельных, оригинальных, с легкостью возникавших монографий. В связи со словарем появился у него ряд опубликованных статей и заметок по исторической грамматике и фонетике; с ним же связаны и большие, совершенно подготовленные работы. Одна из них — «О происхождении арабского члена *ал*» — носит более специальный характер, вторая трактует «О названиях пород арабских лошадей» и показывает всю широту его лингвистически-культурного подхода. Помимо специального значения, обе они в такой же мере, как печатаемая статья, дают очень важную иллюстрацию работы над словарем и помогают ориентироваться в системе собранного материала. Издание их, можно надеяться, явится особенно важным пособием для будущих продолжателей этой работы и достойно увековечит основной труд жизни нашего рано отошедшего ученого.

И. Крачковский]

Особенно важное экономическое и стратегическое положение арабских стран давно уже вызывало попытки более близкого ознакомления с их языком. К сожалению, отсутствие доступных руководств и словарей оказалось крупным препятствием к изучению разговорного арабского языка. Советское востоковедение, по инициативе которого не впервые принимались меры для восполнения лакун в мировой науке, и в данном случае старается удовлетворить давно назревшей потребности, подготавливая к печати фундаментальный словарь арабских диалектов Переднего Востока, в первую очередь живого языка городского населения Сирии и Палестины.

Начало работ по словарю арабских диалектов относится к 1924 г., когда автор его, тогда еще студент, впервые приступил к чтению народно-арабского текста на диалекте г. Бейрута «Tūlit il-'umr», изданного в хорошей фонетической транскрипции шведским ученым Mattsson'ом. Неудовлетворительность наличных народно-арабских (арабидских) грамматик и полное отсутствие словарей вызвали мысль о классификации материала данного текста с целью точного определения значения слов и выражений, не зафиксированных в словарях литературного арабского языка. Весь текст был распечатан на карточках целыми фразами, так как только из контекста представлялось возможным установить значение отдельного слова или выражения. Поскольку народно-арабский (арабидский) язык бесписьменный и без орфографии, наличные же материалы в каждом случае более или менее условно транскрибированы, пришлось иметь в виду установление не только значения слов, но и их формы. Поэтому уже в начальной стадии работы был выявлен ряд фонетических законов, легших в основу разработанной впоследствии орфографии народно-арабского (арабидского) языка.¹

В ходе дальнейших работ выяснилось, что материалов одного лишь названного текста недостаточно ни для подготовки словаря, ни для морфологических исследований. Поэтому были полностью распечатаны тексты Bauer'a (диалект Иерусалима, отчасти палестинских крестьян), Bergsträsser'a (Дамаск), Hartmann'a (Бейрут), Huxley (то же), Malinjoud (Дамаск), а также полностью извлечены данные по терминологии и этимологии из ряда книг и статей в «Journal Asiatique», «Bulletin de la Société de Linguistique», «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», «Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins», «Zeitschrift für Semitistik» и др.² Помимо сего, было произведено много частичных эксцерптов. При разработке текстов соблюдался принцип сплошной росписи целыми фразами, причем данная фраза писалась столько раз, сколько в ней имелось слов. Такую систему, обычно затруднительную даже при коллективной работе, удалось в данном случае провести силами одного человека, благодаря некоторой рационализации работы. Была использована пишущая машинка со специальным транскрипционным шрифтом. Фразы писались с 8—10 копиями на целых листах размера 21 × 29 см, условно разделенных на 8 клеток (7.25 × 10.5 см); исписанная бумага целой пачкой затем резалась на клеточные карточки, и на каждой из них проставлялось Stichwort. Таким путем удалось собрать около 300 тысяч черновых карточек, в большинстве фразеологических, обнимающих диалекты жителей главных городов Сирии и Палестины: Дамаска, Бейрута, Иерусалима, а также кое-какие сельские говоры. В собрании представлены различные жанры языка: разговоры всякого рода (на базаре, в семье, на суде и т. п.), повествования, песни, частушки, пословицы и поговорки, загадки, приметы, заклинания и заговоры, приветствия, ругательства; имеется также пояснительный материал (описание различных предметов и технических процессов, обычаев и суеверий, статистические данные).

В последние годы было приступлено к научной обработке накопившегося материала. Она идет как по предметной линии, так и в порядке грамматического исследования. Подобранный и проверенный материал переписы-

¹ См.: Древнеарабские контекстные формы в народном языке сирийского диалекта. Зап. Колл. восток. 2, 2 (1927), 249—256.—Этюды по исторической фонетике вульгарно-арабских диалектов, 1—6. Докл. Акад. Наук, В (1927), 1—6, 157—161; (1928), 260—264; (1929), 219—222, 328—329.—Syroarabische Studien. Докл. Акад. Наук, В (1930), 105—108; — Система гласных в народно-арабском языке горожан Сирии и Палестины. Зап. Инст. вост. АН 6 (1936), 133—140.

² Список книг и статей, полностью переработанных, приводится ниже, в прилож. 1.

вается на карточках формата 10.5×14.5 см. По форме заполнения карточки бывают тройкого рода:

а) Этимологическая карточка (фиг. 1), с нумерацией 1, 2 и т. д.: приво-

<i>bwb</i> — <i>b'eb</i> m	1
<i>b'eb</i> [← * <i>bāz bi</i> “вход к” (?); вауег zs 10 (1935) 1,165] m <i>zabwāb</i> [← * <i>abwāb</i> ; непосредственно после согласного: <i>abwāb</i> ; непосредственно после гласного: <i>bwāb</i> : Виленчик дан-в (1928) 264; Виленчик, опр. член (1939) n],	
<i>būb</i> [← o <i>rūs</i>],	
<i>bībān</i>	

Фиг. 1. Этимологическая карточка.

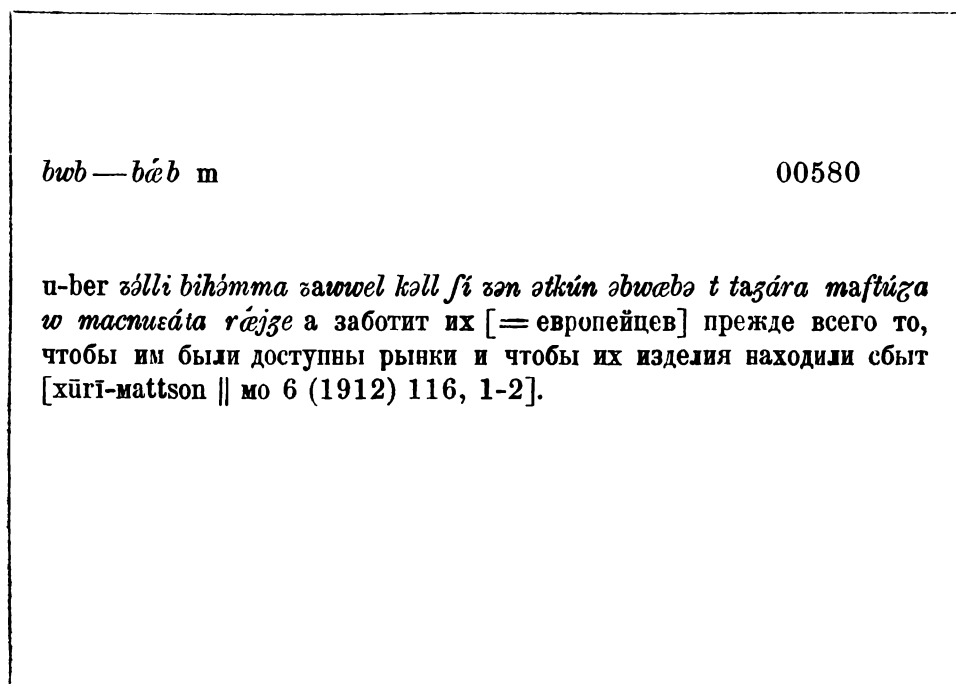
<i>bwb</i> — <i>b'eb</i> m	0234
<i>bābā t tagāra</i> [← o franç <i>débouché pour le commerce</i> (?) товарный рынок.	

Фиг. 2. Карточка-перевод.

дится слово (существительное, прилагательное, наречие, частица, глагол), его этимология (со ссылкой, если таковая была дана в печати), форма множественного числа (при имени сущ.), женского рода и множественного числа (при прилаг.), предположительного вида (при глаголе).

б) Карточка-перевод (фиг. 2), с нумерацией 01, 02 и т. д.: дается перевод (или словосочетание с переводом), а если есть, то и краткое пояснение со ссылкой. Топонимическая номенклатура снабжается указанием на полуградусы северной широты и восточной долготы (от Гринвича), проходящие с юга и с запада от данного пункта, причем полуградусы обозначаются пятеркой непосредственно за градусом; цифра широты отделена от цифры долготы отвесной чертой; напр.: Иерусалим 315/35, Дамаск 335/36 и т. п.

в) Карточка-цитата (фиг. 3), с нумерацией 001, 002 и т. д.: приводятся указание на диалект (см. ниже: сокращения), цитата из текста, перевод, пояснение, источник.

Фиг. 3. Карточка-цитата.

Различная нумерация введена как для получения более ясного представления о составных частях словаря, так и для учета листажа его. Этимологическая карточка в среднем имеет 50 печ. знаков, в карточке-переводе их в среднем 70, а карточка-цитата содержит в среднем 160 литер. Материал словаря классифицируется исходя из диалекта горожан. Цитаты из других говоров, даже отличные по форме, вставляются под соответствующее городское слово; но если в городских диалектах какое-либо слово вовсе отсутствует, то сельское (или бедуинское) выражение приводится под собственным ярлыком.

Расположен материал в порядке фонетического алфавита (см. ниже), по корням. При этом слабые корни ставятся подряд, следующим порядком: *kw*, *kww*, *kwwk*, *kwk*, *wk*, *wkk*, *kwkw*, *kwk*, *wwk*, *kr*, *krr*, *krkr*, *kwr*, *wkr*, *krg*, где *w* = слабый коренной.

Транскрипция зиждется на следующих принципах: 1) радикализованные (т. е. образуемые с подсобной работой корня языка) переднеязычные передаются с помощью букв русско-греческого алфавита, именно: ح = *δ* (resp. *δ* в произношении бедуинов и палестинских феллахов), ط = *τ*, ظ = *з* (resp. *δ* в тех же диалектах), ح = *с*, ل = *л* (в определенных случаях); 2) подобным же образом غ = *γ*, خ = *х*; 3) для ع и ج берутся опрокинутые *з* и *2*, т. е. *ε* и *ζ*; хамза воспроизводится посредством *э*; 4) *ж* и *ш* — голосный и не-голосный палатальные шипящие, на слух отличающиеся от русских *ж* и *ш* большей мягкостью; 5) *г* и *ф* передают палатальное произношение ق (у бедуинов) и ع (у бедуинов и палестинских феллахов); имеются в виду вариации (смотря по диалекту) звуков порядка *гь* | *дь* | *дьжь* | *дьзь* и *кь* | *ть* | *ч* | *чь*; тем же знаком *г* воспроизводится и ع в произношении палестинских феллахов (*дьжь*); 6) د = *д*, ث = *θ*, م = губнозубной *м*, ن = заднеязычный носовой. Получается следующий ряд согласных: *т*, *м*, *б*, *в*, *ф*, *г*, *л*, *п*, *д*, *θ*, *д*, *δ*, *т*, *τ*, *θ*, *з*, *с*, *η*, *г*, *к*, *г*, *ф*, *з*, *с*, *γ*, *х*, *ε*, *ζ*, *э*, *и*. Гласные: долгие (под ударением) и полудолгие (без ударения): *ае*, *а*, *и*, *о*, *и*, *у*, *е*, *э*; краткие (под ударением) и редуцированные (без ударения): *а*, *э*.¹

Каждой языковой цитате предшествует в петите сокращенное указание на диалект, именно: *а* = арабийские говоры бедуинов; *е* = язык египетских феллахов; *г* = диалект Галилеи; *н* = Хаурана; *и* = крестьян Ирака; *ж* = Иемена; *л* = Ливии; *р* = палестинских феллахов; *с* = сирийских крестьян; *и* = урбанские диалекты, язык горожан, именно: *и-бай* = Багдада, *и-бер* = Бейрута, *и-дам* = Дамаска, *и-жер* = Иерусалима, *и-кай* = Каира. За *а* часто следует название племени или клана, напр. *а-рвдла*, а за крестьянскими диалектами название деревни, напр. *р-бирзет*.

В целом словарь мыслится как источник для любых лингвистических и этнографических работ, причем обеспечена возможность проверки приводимых материалов. Установка, прежде всего, на создание картотеки, притом такой, в которую можно было бы в дальнейшем включать и материалы прочих диалектов. С другой стороны, — это готовая рукопись для печатного словаря, большого (если печатать целиком) или малого (преимущественно на основе карточек-переводов).

Приложение 1

СПИСОК ПОЛНОСТЬЮ ПЕРЕРАБОТАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Abel a. Beiträge zur Kenntnis abergläubischer Gebräuche in Syrien. ZDPV 7 (1884), 79—118.
 Anderlind. Die Fruchtbäume in Syrien. ZDPV 11 (1888), 69—104.
 Anderlind. Die Rebe in Syrien. ZDPV 11 (1888), 160—77.
 Bauer. Etymologica. ZS 10 (1935), 1—10, 165—71.
 Bauer. Arab. 'agab — «warum?». ZS 10 (1935), 214—215.
 Bauer. Kleidung und Schmuck der Araber Palästinas. ZDPV 24 (1901), 32—38.
 Bergsträsser. Zum arabischen Dialekt von Damaskus (1924).
 Bergsträsser. Bemerkungen zu den arabischen Texten aus Damaskus (Mskr.).
 Cohen. Sur le nom d'un contenant à entrelacs. BSL 27 (1926), 81—120.
 Crow. Arabic Manual (1901).
 Dalman. Arbeit und Sitte in Palästina. 1 (1928).
 Dalman. Jerusalem und sein Gelände (1930).
 David. Étude sur le dialecte arabe de Damas. JA 8, 10 (1888), 165—199.
 Einsler. Der Name Gottes und die bösen Geister im Aberglauben Palästinas. ZDPV 10 (1887), 160—181.
 Einsler. Das böse Auge. ZDPV 12 (1889), 200—222.
 Feghali. Le parler de Kfar 'Abida (1919).

¹ Подробности см. в статье «Система гласных в народно-арабском языке горожан Сирии и Палестины». — Зап. Инст. вост., 6 (1937), 133—140.

- Feghali, Cuny. Une survivance remarquable dans le parler actuel de Kfar 'Abîda. *MSL* 16 (1910), 287—288.
- Gatt. Industrielles aus Gaza. *ZDPV* 8 (1885), 69—79.
- Gatt. Technische Ausdrücke der Töpferei und Weberei in Gaza. *ZDPV* 8 (1885), 179—181.
- Gatt. Legende zum Plane von Gaza. *ZDPV* 11 (1888), 149—159.
- Gildemeister. Der Name chān minje. *ZDPV* 4 (1881), 194—199.
- Гордлевский. К вопросу о влиянии турецкого языка на арабский. *ЗКВ* 5 (1930), 271—291.
- Guthe. Ausgrabungen bei Jerusalem. *ZDPV* 5 (1882), 7—204, 271—378.
- Hartmann. Arabischer Sprachführer (1881).
- Hartmann. Die Ortschaften des Liwa Jerusalem. *ZDPV* 6 (1883), 102—149.
- Himade. Economic Organisation of Syria (1936).
- Huart. Notes sur quelques expressions du dialecte arabe de Damas. *JA* 8, 1 (1883), 48—82.
- Huxley. Syrian Songs, Proverbs, and Stories. *JAOS* 23 (1902), 175—288.
- Jacob. Der Lycaon pictus in Arabien nachgewiesen. *ZDMG* 89/14 (1935), 250—254.
- Jäger. Das Bauernhaus in Palästina (1912).
- Klein. Mitteilungen über Leben, Sitten und Gebräuche der Fellachen in Palästina. *ZDPV* 3 (1880), 100—115; 4 (1881), 57—84; 6 (1883), 81—101.
- Kremer. Mittelsyrien und Damaskus (1853).
- Malinjoud. Guide de l'interprète en Syrie, 1—2 (1925).
- Malinjoud. Textes en dialecte de Damas. *JA* 204 (1924), 259—332.
- Mattsson. Études phonologiques sur le dialecte arabe vulgaire de Beyrouth (1910).
- Mattsson. Tūlit il 'umr. *MO* 6 (1912), 81—117, 206—231; 8 (1914), 16—57, 92—115.
- Raswan. Der Araber und sein Pferd (1930).
- Ronzewalle. Notes de dialectologie arabe comparée. *MFOB* 7 (1914), 23—66.
- Rzewuski. Notice sur les chevaux arabes. *MdO* 5 (1816), 49—61.
- Sachse. Palästinensische Musikinstrumente. *ZDPV* 50 (1927), 19—61, 117—172.
- Sandreczki. Die Namen der Plätze, Strassen, Gassen des jetzigen Jerusalem. *ZDPV* 6 (1883), 43—77.
- Schick. Die Wasserversorgung der Stadt Jerusalem. *ZDPV* 1 (18—78), 132—176.
- Schick. Artuf und seine Umgebung. *ZDPV* 10 (1887), 131—159.
- Schumacher. Der Dscholan. *ZDPV* 9 (1886), 165, 368.
- Schumacher. Das jetzige Nazareth. *ZDPV* 13 (1890), 235—245.
- Schumacher. Der arabische Pflug. *ZDPV* 12 (1889), 157—166.
- Stephan. Modern Palestine Parallels to the Song of Songs (1923).
- Vollers. Was ein Fischer in Haifa erzählt. *ZDPV* 13 (1890), 202.
- Wetzstein. Der Markt in Damaskus. *ZDMG* 11 (1857), 475—525.
- Wulzinger-Watzinger. Damaskus, die islamische Stadt (1924).

Приложение 2

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В СЛОВАРЕ

А. Знаки

←	происходит от	∞	вместо
←	заимствовано из	=	равно
←○	возникло под воздействием, образовано по примеру	≠	противоположно

Б. Грамматическая терминология (из одной или трех букв)

a	имя прилагательное	p	частица
adv	наречие	ptc	причастие
dmt	уменьшительная форма	prf	перфектная форма глагола
f	существ. женск. рода	plr	множеств. число
imp	повелит. наклонение	rlt	относительн. форма (так наз. status constr.)
imf	имперфектная форма глагола	sgl	единственное число
m	существ. мужск. рода	v	глагол

В. Обозначение языков (из четырех букв)

agam — арамейский	hebr — древнееврейский	prtg — португальский
akkd — аккадский	ital — итальянский	russ — русский
chin — китайский	kopt — коптский	skrt — санскритский
engl — английский	latn — латинский	sarb — южно-(старо) арабский
espn — испанский	marb — среднеарабский	srjn — сурийский
ethp — эфиопский	mprs — среднеперсидский	turk — турецкий
frnc — французский	narb — новоарабский	varb — староарабский
germ — немецкий	nprs — новоперсидский	vprs — древнеперсидский
gres — греческий		

Г. Обозначения диалектов (см. выше, в тексте)

Приложение 3

ОБРАЗЕЦ СЛОВАРЯ: СЛОВО *bāb*

А. В БОЛЬШОМ СЛОВАРЕ

bāb [← * *bāz bi* «вход к» (?): Bauer || ZS 10 (1935) 1, 165] *m* **ṭabwāb** [← * *ṭabwāb*; непосредственно после согласного: *ṭwāb*; непосредственно после гласного: *bwāb*: Виленчик || ДАН-В (1928) 264; Виленчик, Опр. член (1939) n], **būb** [← * *o rūš*], **bibān** выходное отверстие. ^{u-ber} *ṣarabūna w saddu ḡlēna l ṭwāb mēḡ kəll ḡḡḡha w ṣālu: ṣādu ḡāzkon bā l ṣastāḡlāl* нас согнали в одно место, загородили нам выходы со всех сторон и сказали: получайте независимость [Xūrī-Mattsson || MO 6 (1912) 102, 11—2]. ^{u-ber} *ṣāmma mdāfa-ḡāna ḡanā nfūsna ḡaḡa cābna ḡa mēḡbe, mətəl ṣəllāta: mānsādd bāb bḡamfāteḡ ṣalef bāb* что до нашей самозащиты, когда нас постигает какое-либо несчастье, то она незначительна: затыкаем мы одну лазейку, открывается тысяча лазеек [Xūrī-Mattsson || MO 6 (1912) 108, 31—2]. * *taḡāl mən ḡa l bāb, we m ta nāfāḡ ḡf taḡāl lo mən ḡar bāb* при-близься [к нему] таким путем, а если

[это] не поможет, то подойди другим манером [Canaan, House (1933) 3]. ^{u-ḡālab} *ḡam bətsāwwi ḡlēna bwāb* ты прибегаешь к уверткам [Barthélemy, Dictionnaire 1 (1935) 67]. *məm bābo* до основания. ^{u-ḡer} *bāḡt ḡs sāll məm bābo* я продал корзину [плодов] начисто [Bauer, Palästina (1926) 236]. ^{u-ḡālab} *stākra l ḡam-məm məm bāba* он заказал баню целиком [=исключительно для себя: Barthélemy, Dictionnaire 1 (1935) 67]. ^{u-dam} *nāḡna ma ḡīna la ḡón ṣəlla la nāḡtaḡ ḡz ṣəlləm məm bābo w nāb-del ḡl fātən bə r rāḡa wə nḡāmmər ḡblādkon* мы пришли сюда лишь для того, чтобы в корне пресечь всякое насилие, заменить смуту спокойствием и сделать вашу страну цветущей [Malinjoud, Guide 1 (1925) 38—9]. *ḡala bābo* на свой манер. *kəll ḡi ḡala* [var: *ḡa*] *bābo biḡābeh ḡḡābo, ḡadd ta* [var: *la ḡarəm*] *ḡudā l ḡātab biḡābeh ṣəlli* [var: *ḡḡ*] *ḡābo* всякая вещь по-своему похожа на того, кто ею владеет; даже полено дров похоже на того, кто его принес [=с кем поведешься, от того и наберешься;

посл: Jewett||JAOS 15 (1893) 98; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 3558].
^{a-rwāla} *jā llaḥ ǧala bābak!* Аллах, по твоему обычаю! [возглас бедуинов, нападающих на стадо неприятеля: Musil, Rwala (1928) 524]. *ǧa bāb ǧalla* юродивый. *fātaǧ bābo* сделал почин в том. ^{u-cāda} *bāddi ǧāfaǧ bāb ǧamāra* хочу начать строить здание [Landberg, Proverbs (1883) 269].
^{u-cāda} *bāddi ǧāfaǧ bāb ǧārs* собираюсь сыграть свадьбу [Landberg, Proverbs (1883) 269]. ^{u-cāda} *bāddo ǧāfaǧ bāb ǧaǧla mən ǧymto* он хочет взяться за дело, которое ему не по плечу [Landberg, Proverbs (1883) 269].
bābē l mōlade [?] шейка матки [Canaan, House (1933) 1]. *bābē l masdūd* одни из городских ворот в западной части города Хомса [ныне замурованные: Kremer, Mittelsyrien (1853) 221]. *bābē l maǧārbe* одни из городских ворот Иерусалима. *maǧāb bābē l maǧārbe* одна из улиц Иерусалима. *bābē l maǧām* одни из городских ворот Халеба. *bēbē l amdīne* городские ворота. ^{p-lekbebe} *ǧən xālaǧu f sāǧara ǧālli fi bābē l amdīne ǧāllku tāǧta ǧən əb ǧalǧa buǧb* если они вырвут дерево, что у городских ворот, то найдут под ним ключ с тремя истоками [Bauer, Palästina (1926) 198]. ^{u-ǧer} *ǧa nāxle tawyle tāfaǧ bābē l amdīne* о, стройная пальма, открывающая городские ворота [? песня: Stephan, Parallels (1923) 23].
bābē l amǧāra выход из пещеры. ^{p-bizet} *lāmmen tāleǧ ən nhār ǧāǧa fātaǧ l amǧāra w wākef amnə l bāb u ǧāwwa* когда занялся день, он пришел, открыл пещеру и стал у выхода изнутри [Schmidt-Kahle, Volkserzählungen 1 (1918) 230]. *bābē l bāruḍe* дуло ружья. *bābē l bīr* круглое [реже квадратное] отверстие в камен-

ной крышке колодца [достаточно широкое, чтобы человек мог спускаться через него в колодец: Canaan, House (1933) 24]. ^{p-lekbebe} *rāǧ əl ǧāṛəl la t tīne ǧālli ǧa bābē l bīr* пошел негодник к смоковнице, что у отверстия колодца [Bauer, Palästina (1926) 200]. ^{p-lefā} *bīr amǧāǧad mā le bāb* побеленный колодец, лишенный отверстия [= яйцо; загадка: Bauer, Palästina (1926) 223]. *bābē l bēt* дверь крестьянского дома [состоит из распиленных досок, вертикально приставленных друг к другу; несколько поперечных брусков, прибитых деревянными или железными гвоздями, которые их скрепляют; в двухэтажных домах дверь нижнего этажа, служащего сараем, делается шире и выше, для того, чтобы животное с поклажей могло проходить; дверь не окрашена, открывается внутрь; летом и зимой она весь день стоит настежь, ночью ее закрывают, придвигая изнутри камень покрупнее или накладывая засов; выходят двери на север или на юг (на Ливане также и на запад), но не на восток, так как это, по верованию, может навлечь несчастье; спать в комнате ногами к двери считается плохим предзнаменование: Abela||ZDPV 7 (1884) 107; Jäger, Bauernhaus (1912) 31; Feghali||Mélanges René Basset 1 (1923) 174; Canaan, House (1933) 1—3, 31—5, 66]; наружная дверь городского дома [обычно она из дерева маслины, малого размера, открывается внутрь; украшением служит резьба, а также обивка гвоздями; у дверей находится колотушка в виде кольца, сверху приделаны рога против дурного глаза: Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 23—4; Malinjoud, Guide 2 (1925) 134].
^{u-dam} *bāǧref ǧāǧaratə l ǧōm u ǧala*

l xá[ab wə] šəbík wə l əbwáʔb ja
lli rázu ты знаешь нынешние цены
 на квартиры и как дорого стоят
 доски, окна и двери, что пропали
 [из моего дома за время постоя:
 Malinjoud, Guide 1 (1925) 55].
^{u-tádmor} *u zahəl tádmor la ǧámmaro*
maǧáll jadíd, ǧawwal ma bəqəǧdo
bí, bədbəǧó le dabíǧa wə mnə d
dámm btáǧyro b búb а жители Паль-
 миры, если построят новое жилище,
 то они, когда впервые селятся в нем,
 закалывают ради него жертвенное
 животное и кровью [его] красят
 двери [Cantineau, Palmyre 2 (1924)
 24]. ^a *ǧəl lə n naǧzár ta jǧálləǧ*
bəbə l bájt əl máksúr скажи столяру,
 чтобы он починил сломанную дверь
 [Feghali, Syntaxe (1928) 198]. ^{p-lekbébe}
ǧáǧat bəntə t təǧfer wara l bəəb mət
bárra w cárat tásməǧ ǧlájj su bəǧti
 стала купеческая дочь за дверью
 снаружи и начала прислушиваться
 к тому, что он говорит [Bauer, Pa-
 lästina (1926) 194]. ^{p-birzét} *má fi bəəb*
bəftaǧ la káble [var: *la fárk*] нет
 у него двери, выходящей на юг
 [христианский вар: на восток = ничего
 особенного; посл: Baumann || ZDPV
 39 (1916) 220]. ^{u-ǧer} *ǧəza* [var: *ǧən*]
ǧəref əl bádawí bəb bétak ǧájjro если
 бедуину станет известно [где нахо-
 дится] дверь твоего дома, перемени
 ее [во избежание непрошенного по-
 сещения; посл: ‘Abbūd, Sprichwörter
 (1933) № 168, 883]. ^{u-ǧer} *əl káləb ma*
bjaǧráf əf bəəb bétó [даже] собаке
 дверь его дома незнакома [= он скуп
 до того, что даже собаке кости не
 кинет; посл: ‘Abbūd, Sprichwörter
 (1933) № 3669]. ^{u-ǧer} *ǧəlli bíríd icyr*
ǧamməl iwásseǧ bəəb bétó если кто
 хочет стать погонщиком верблюдов,
 то ему следует расширить дверь
 своего дома [посл: Bauer || ZDPV 21
 (1899) 142]. ^{u-ǧer} *ǧáxx əl máǧǧəd*

ǧala bəbə l faǧyr, ǧálla: ja sabaǧə
l əmbərak! помочился зажиточный
 на дверь бедняка, а этот ему гово-
 рит: добренького вам утра! [= вы-
 нужденная любезность: Yahuda, Pro-
 verbia 1 (1932) № 1126]. ^{u-ǧálab}
s sǧǧəd ǧəza ǧáza bikássər əl bəəb
wə ǧa wálla bíǧáleb əd dáhab ətráb
 когда счастье приходит, оно разби-
 вает дверь, а когда оно уходит, то
 превращает золото в прах [посл:
 Ajjüb || Ma 10 (1907) 827]. ^{u-ǧer} *əmnə*
l bəəb la τ ǧáza от двери к окошку
 [= рубит плеча; погов: Canaan,
 House (1933) 35; Bauer, Wörter-
 buch (1933) 233, 415]. ^p *ǧálla*
bjaǧtaǧ mət bəəb wə bjǧǧəl mət
bawwəbe бог прекращает [поступле-
 ние доходов] через калитку, а через
 ворота доставляет [их снова; посл:
 Canaan, House (1933) 35]. ^{u-ǧer} *ǧálla*
bisádda mən bəəb wə bjǧftǧa mət
bawwəbe бог задерживает их [= до-
 ходы] у калитки, но [зато] дает им
 доступ через ворота [посл: ‘Abbūd,
 Sprichwörter (1933) № 445]. ^{u-ǧer}
ǧazíme mən wara l bəəb u ǧazíme
bətmáǧǧeǧ ət tjəb званый обед из-за
 дверей и званый обед [когда хозяин]
 рвет платье [гостя (?); посл: ‘Abbūd,
 Sprichwörter (1933) № 2832]. ^{u-ǧer}
ǧəlli barra l bəəb xəlli jǧáwwi mətla
l əkləb если кто [находится] за
 дверью, так пусть он воет как со-
 бака [= моя хата с краю; посл:
 ‘Abbūd, Sprichwörter (1933) № 538].
^{u-dam} *əl bəəb bə l bəəb* мы близкие
 соседи [Barthélemy, Dictionnaire 1
 (1935) 67]. ^{u-ǧer} *ma dām bābi ǧbíl*
bəəbak ja tul ǧazébi w ǧazbəcak пока
 моя дверь [помещается] против твоей
 двери, нам долго придется мучиться
 [= нам надо расстаться; погов: ‘Abbūd,
 Sprichwörter (1933) № 3991]. ^{u-ǧer}
la tǧáwwəd ǧaǧǧád ǧa bəəb bétak
 не приучай нищего к двери твоего

дома [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4888]. ^{u-jer} *zālli ma ló f bāb btigī l āklāb* у кого нет двери, к тому забегают собаки [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 772]. ^{u-dam} *bēt amkállas bāla bāb* побеленный дом без двери [= яйцо; загадка: Malinjoud, Guide 2 (1925) 77]. ^{u-jer} *xalazāt bāb abtāzwi ganā l āklāb* и дверное старышко [= старая дверь] укрывает от собак [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1937]. ^{p-birzēt} *xalak bāb bāzwa mnā f tlāb* и дверное старье [= старая дверь] укрывает от собак [посл: Baumann || ZDPV 39 (1916) 193]. ^p *ḡasābat mašēḡal ab bāb bētak, zaḡarīhen axdūdak amcāw-wabā ba* я думал, что у двери твоего дома находятся чакелы, оказалось это твои щеки направлены [в мою сторону; песня: Stephan, Parallels (1923) 74]. ^{u-dam} *mən šāhār rāḡat la šāz ḡala flān cār lo mən šahrén mardān, razzaḡūni mnā l bāb, zālu: ma btāḡref l jóm al zārbaga?* месяц тому назад я пошел проведать кого-то, болевшего уже два месяца; от самых дверей меня попросили уйти, говоря: разве ты не знаешь, что сегодня среда? [= злополучный день, в который не принято посещать больных: Malinjoud || JA 204 (1924) 279]. *amnā l bāb u bārḡa* за дверь. ^{p-birzēt} *hē da lāmmen šēf banāte hēd da šalabijēt, xāf aḡlēhen amnā wl'ida l ḡarām, ma kāmā f ixal-līhen jatlāḡn amnā l bāb u bārḡa* когда он, значит, увидел, что дочери его такие красивые, испугался он за них из-за безнравственных людей, не стал пускать их выходить за дверь [Schmidt-Kahle, Volkserzählungen 1 (1918) 170]. *amnā l bāb u zāwwā* в дверях. *warā l bāb* близко. ^p *al bānt wara l bāb wā c cāby fi* [var: *mām*]. *bārdād* девочка за дверь [= близко],

а мальчик в Багдаде [вар: из Багдада = далеко и, поэтому, девочек рождается больше, чем мальчиков; посл: Baumann || ZDPV 39 (1916) 164; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1260]. ^{u-jer} *la tazki f ja lsān, fi wara l bāb zānsān* не разговаривай, язык, за дверью находится человек [= у стен есть уши; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4866]. ^{u-jer} *ḡafijta f šabāb wara l bāb* здоровье молодежи за дверью [= молодежь быстро восстанавливает свои силы; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 2738]. ^{u-jer} *s sāne wara l bāb* год [стоит] за дверью [= быстро проходит; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 2371]. ^{u-jer} *al ḡāḡeb xalfā l bāb* отсутствующий за дверью [= может внезапно вернуться; посл: Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 1057]. *ḡa l bāb* у двери. ^{u-dam} *ḡaza kēnāt tālāḡ amnā l bēt wā lḡāni caḡbā l bēt ḡa l bāb, bāal lo: kallāft al xāṭer sidi* если я выйду из дому, а хозяин встретит меня у дверей, то я говорю ему: простите, что побеспокоил вас [Bergsträsser, Damaskus (1924) 61, 2—3]. ^{u-jer} *kall makrūh ḡa l bāb zāḡad* всякое бедствие сидит у [его] двери [= ему трудно живется; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 3597]. ^{u-jer} *al kālāb ma binabbeḡ* [var: ^{s-brommānā} *ma bihabheb*; var: ^s *la jātšārtar*] *zālla ḡa bāb bēto* [var: ^{s-brommānā} *ḡājḡ ḡaddām bābo*; var: ^s *zālla fi xāšām bāb zāhlo*] собака не лает [вар: не тявкает; вар: собаке не стать смелой] иначе как у двери своего дома [вар: у своей двери; вар: у двери своих; посл: Tallqvist, Sprichwörter (1897) № 145; Qarḡālī || al-Mažalla as-sūrija 4 (1929) 38; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 3670]. ^{u-jer} *ḡāmja tkāḡḡal māḡnūne w tārša ḡa l bāb tatsāmḡaḡ*

слепой ли сурьмить глаза, безумной и глухой ли подслушивать у двери? [=несуразность; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 2914]. ^{p-birzét} *əl ǧámja battáǧǧəl əl ǧóra wə t tárfa ǧala l bəb btətsámmaǧ* слепая сурьмит глаза кривой, а глухая подслушивает у двери [=несуразность; посл: Baumann||ZDPV 39 (1916) 172]. ^{u-ǧer} *bisəff ət tráb wa la bjúzaǧ ǧala l əbwəb* он глотает пыль, но не становится [попрошайничать] у дверей [посл. 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1363]. ^{u-ǧalab} *ʃ ʃǧáde ǧálwe láken l wúf ǧala l bəb ǧǧəb* просить милостыню приятно, да стоять у двери трудно [посл: Berggren, Guide (1844) 558]. ^{u-ǧer} *ma zǧǧla ʃ ʃǧáde ló la l wúf ǧala l əbwəb* как приятно собирать милостыню, не будь стоянья у дверей [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 3859]. ^{s-zǧǧle} *ʃ ʃǧáde kima láken l wǧǧe ǧa l bəb ǧǧəbe* попрошайничество это философский камень [=дает богатство без труда], да стоять у двери трудно [посл: Jewett||JAOS 15 (1893) 45]. ^{u-ǧer} *ǧallamnə ʃ ʃǧáde* [var: *ʃ ʃǧǧde*], *sabáǧna ǧa* [var: *ǧala*] *l əbwəb* мы научили его просить милостыню, а он обогнал нас у дверей [=неблагодарность; посл: Bauer||ZDPV 21 (1899) 138; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 2888]. ^{s-ǧǧǧh} *ǧallamnək əʃ ʃǧáde, sabáǧna ǧa l búb* мы научили тебя просить милостыню, а ты обогнал нас у дверей [=неблагодарность; посл: Jewett||JAOS 13 (1889) CXXIX]. ^{u-dam} *jáxana zətbox! —jáxana zətbox wə ǧ zǧǧje tǧmfox wə l ǧábəd ǧa l bǧəb bizálleǧ l əkləb* капусту сварил! —капусту сварил, а невольница пусть дуется, а раб у дверей выгоняет собак [выкрик торговца капустой и припев детей: Malinjoud, Guide 2 (1925) 113]. ^{u-dam} *ǧǧǧǧǧǧ in wǧǧǧǧ ǧala bəb bəikon jǧxod əl fǧǧet*

wə t tǧǧǧ ангел смерти пусть станет у двери вашего дома, пусть возьмет входящего и выходящего [проклятие: Bergsträsser, Damaskus (1924) 99, 11—2]. *əlbəs əl bǧəb!* убирайся! ^p *zǧǧbes əl bǧəb wə dzǧnnar* [var: *tǧǧǧǧǧǧ*] *bə l ǧǧǧabe* надень дверь и опояшься порогом [=уйди отсюда; посл: Jäger, Bauernhaus (1912) 54; Baumann||ZDPV 39 (1916) 164]; ^{u-ǧer} *zǧǧbas əl bǧəb wə dzǧnnar əl ǧǧǧabe* надень дверь и опояшься порогом [=уйди отсюда; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 406]. *tǧǧǧǧ əl bǧəb* открыл дверь *ǧǧǧǧǧǧ* перед ним, *lo* ему. ^{u-ǧer} *la tǧǧǧǧǧ ʃ ǧǧǧǧ əbwəb emǧǧǧǧǧa* не открывай к себе закрытых дверей [=не давай другим воспользоваться твоей оплошностью; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4890]. ^{u-ǧer} *zǧǧǧǧ bǧǧǧǧǧǧ ǧǧǧǧǧǧ bǧəb u ma bǧǧǧǧǧ isǧǧǧǧǧ bǧǧǧǧǧǧ əs sǧǧǧ u law kǧn ən nǧbi ǧǧǧǧǧǧ* если кто открывает себе дверь, и не запирает ее как следует, то он достоин хулы, хотя бы сам пророк был его предком [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 647]. ^{u-ǧer} *sǧǧǧǧǧ əl ǧǧǧǧǧ ǧǧǧǧǧǧ l bǧəb u rǧǧǧ, zǧǧ li: ma tǧǧǧǧ lak la bǧǧǧǧ c sabǧǧǧ* запер сторож за мною дверь и ушел, сказав мне: не открою тебе дверь до завтра утром [песня: Stephan, Parallels (1923) 56]. ^{u-ǧer} *dǧǧǧ əl bǧəb əb mǧǧǧǧǧ, fǧǧǧǧǧ lo b zǧǧǧǧǧ* он осторожно постучался в дверь, я тихонько ему открыла [песня: Stephan, Parallels (1923) 31]. ^{u-ǧer} *bǧəb mǧǧǧǧǧ kǧǧǧǧ ma jǧǧǧǧǧǧ* открыта дверь, так собака не станет робеть [и забежит в дом = вмешательство в чужие дела; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1050]. *dǧǧǧǧ əl bǧəb* толкнул дверь. ^{s-zǧǧǧle} *r rǧǧǧǧ əl ma bǧǧǧǧǧǧ əl bǧəb u bǧǧǧǧ mǧǧ lǧǧǧǧǧ ǧǧǧǧǧ* добро, которое не раскрывает дверь и не входит — нет в нем нужды [=журавль в небе не добыча; посл:

Jewett||JAOS 15 (1893) 73]. *dáʔb ʔl bʔb* постукался в дверь. *ʔalli bidʔʔ* [var: *bjʔʔraʔ*] *ʔl bʔb bjʔʔmaʔ ʔʔ ʔawʔb* если кто стучится [вар: ломится] в дверь, так он слышит и ответ [=каково стукнешь, таково и отзовется; посл: Baumann||ZDPV 39 (1916) 176; Malinjoud, Guide 2 (1925) 91; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 653]. *ʔ-zʔʔʔ ʔl bidʔʔq ʔl bʔb bjʔʔmaʔ ʔʔ ʔawʔb* стучащий в дверь слышит ответ [=каково стукнешь, таково и отзовется; посл: Jewett||JAOS 15 (1893) 38]. *ʔ-dam ʔʔʔa bʔalét bʔ ʔ ʔʔade* [var: *ʔ-kai ʔʔʔata*], *dʔʔʔ ʔbwʔbʔ l ʔkbʔr* [var: *ʔ-kai ʔʔlék bʔ l bʔb ʔl ʔʔali*] если тебя постигло несчастье ходить с сумой, так стучись в двери знатных [вар: так тебе следует обратиться в высокий дом; =выбирай меньшее зло; посл: Yahuda, Proverbias 1 (1932) № 238, 239]. *ʔ-zʔʔʔ la ʔʔʔr ʔʔ r rʔʔq ʔalli ma bidʔʔq ʔl bʔb* ничего хорошего нет в добре, которое не стучится в дверь [=журавль в небе не добыча; посл: Jewett||JAOS 15 (1893) 72]. *ʔ-ʔer dʔʔʔ ʔl bʔb ʔb laʔʔfe, ʔataʔʔ lo b ʔarʔfe* он осторожно постукался в дверь, я тихонько ему приоткрыла [песня: Stephan, Parallels (1923) 31]. *dáʔʔ ʔa l bʔb* постукался в дверь. *ʔ-dam bdʔʔʔ ʔa l bʔb bjʔʔmaʔ ʔl ʔʔdem bjʔʔʔʔ li* я стучусь в дверь, появляется слуга, открывает мне [Bergsträsser, Damaskus (1924) 60, 4]. *ʔ-ʔer ʔrʔb idʔʔʔ lak ʔa l bʔb* чтоб ворону [клювом своим] к тебе в дверь постучаться [проклятие: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 3005]. *dʔʔʔ ʔmʔa l bʔb* вошел через дверь. *ʔ-ʔer ʔʔdʔʔ ʔl bét mʔm bʔʔb* входи в дом через дверь [=поступай как принято; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 144]. *ʔ-ʔer ʔl ʔʔbb bjʔʔmaʔ ʔmʔa ʔ ʔbbʔk ʔʔʔa dʔʔʔ ʔl ʔʔʔr ʔmʔa l bʔb* любовь улетает в окно, когда в дверь

входит бедность [посл: 'Abbūd' Sprichwörter (1933) № 1720]. *ʔ-ʔer bʔʔʔdo* [var: *ʔʔʔʔdo*] *mʔa l bʔb, bjʔʔdʔʔ ʔmʔa ʔ ʔʔʔa* гоню я его [вар: гони его] через дверь, так он входит через окошко [=заступи чорту дверь, а он в окно; посл: Bauer||ZDPV 21 (1899) 146; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1196]. *tʔʔʔ ʔl bʔb* закрыл дверь. *ʔ-ʔer bʔʔʔd* [var: *mʔm bʔʔʔd*] *ma ʔʔbʔlet sʔʔkarat* [var: *ʔ-bʔʔ sʔʔddat*; var: *ʔ-bʔʔ tʔʔʔʔʔ*] *ʔl bʔb* после того как она забеременела, она заперла дверь [=чорт под старость в монахи пошел; посл: Yahuda, Proverbias 1 (1932) № 33; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4416]. *tʔʔʔ ʔl bʔb* захлопнул дверь. *ʔ-dam waʔʔa m mʔʔkʔn sahranʔn fʔʔ u ʔʔʔna ʔʔada, ʔwad ma mʔʔnʔzel la ʔʔʔʔt nʔʔʔʔʔ lo, mʔʔʔʔdd ʔl ʔʔʔle mʔm fʔʔ, bjʔʔʔʔʔʔ ʔl bʔb, bjʔʔdʔʔ; mʔʔʔʔ lo: ʔbʔʔ ʔl bʔb ʔbʔʔʔmel maʔrʔʔf* когда мы проводим вечер наверху и к нам кто-нибудь придет, то вместо того, чтобы спуститься вниз и открыть ему [дверь], мы тянем за веревку сверху, дверь открывается и он входит; мы говорим ему: будь добр, захлопни дверь [Bergsträsser, Damaskus (1924) 57, 29—31]. *tʔʔʔ ʔl bʔb* захлопнул дверь *ʔʔlʔʔʔ* за ним. *sʔʔdd ʔl bʔb* затворил дверь. *ʔ-ʔer ʔalli bjʔʔʔʔʔ ʔʔlʔʔʔ bʔb u ma bjʔʔʔʔʔn isʔddo, bjʔʔʔʔhel ʔʔ sʔʔb u law kʔʔn ʔn nʔʔbi ʔʔddo* если кто открывает себе дверь и не запирает ее как следует, то он достоин хулы, хотя бы сам пророк был его предком [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 647; *ʔ-ʔer ʔl bʔb ʔalli biʔʔk* [var: *ʔʔi lak*] *mʔʔʔno rʔʔ* [var: *r rʔʔ*; var: *hʔʔwa*], *sʔʔddo* [var: *+wa sʔʔrʔʔ*] если через дверь на тебя подует сквозняком, закрой ее [вар: +и отдохни; посл: Bauer, Palästina (1926) 77; Yahuda, Proverbias 1 (1932) № 1147; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1048]. *ʔ-ʔer ʔl bʔb ʔalli*

biḡik al hāwa mānno sādḏo; zāl: lā, baḡīb al fīs u bahādḏo если через дверь на тебя подует сквозняком, закрой ее; в ответ: нет, принесу кирку и сломаю ее [=вредное преувеличение; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1048]. *sākkar al bāb* закрыл дверь *əḡlājj* за ним. ^{u-dam} *sākkar al bāb u baḡāt li l maftēḡ maḡ tāḡer mən ḡirāmma* он запер дверь и послал мне ключ через одного из соседних купцов [Malinjoud, Guide 1 (1925) 125]. ^{p-lekbebe} *bet ḡāli zēbak ḡātem u sāttarat əḡlēhen sabḡa buāb* в доме ḡāli zēbak'а было темно и она заперла за ними семь дверей [Bauer, Palästina (1926) 190]. ^{u-jeṛ} *sākkar al bāb u car jēcraḥ: əl ḡəf ja ḡuḡān!* запер дверь и стал кричать: [вот тебе] хлеб, голодный! [=лицемерие; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 2339]. ^{u-jeṛ} *baḡad* [var: *məm baḡad*] *ma ḡāblet sākkarat* [var: ^{u-baṭ} *sāddat*; var: ^{u-baṭ} *tārasat*] *al bāb* после того как она забеременела, она заперла дверь [=чорт под старость в монахи пошел; посл: Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 33; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4416]. ^{u-jeṛ} *sākkar al ḡāres əḡlājje l bāb u rāḡ, zāl li: ma ftāḡ lak la bākkrā c cabāḡ* запер сторож за мною дверь и ушел, сказав мне: не открою тебе дверь до завтра утром [песня: Stephan, Parallels (1923) 56]. *zālḡaḡ al bāb* колотил дверь. *zālḡi bidāḡz* [var: *bjāzraḡ*] *al bāb bjāsmāḡ əḡ ḡawāb* если кто стучится [var: ломится] в дверь, так он слышит и ответ [=каково стукнешь, таково и отзовется; посл: Baumann||ZDPV 39 (1916) 176; Malinjoud, Guide 2 (1925) 91; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 653]. *ḡālaḡ al bāb* запер дверь. ^{u-jeṛ} *l əbwāb əmḡāllaza wə l əhmūm əmfārḡaza* двери [везде] на запоре и повсюду свои заботы [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 5129].

^{u-jeṛ} *l əhmūm əmfārḡaza wə l əbwāb əmḡāllaza* заботы распределены [по всем], а двери [у каждого] на запоре [=всяк заботится лишь о себе; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4743]. ^{u-jeṛ} *la tāftāḡ f əḡlék əbwāb əmḡāllaza* не открывай к себе закрытых дверей [=не давай другим воспользоваться твоей оплошностью; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4890]. *zāḡlaḡ al bāb* захлопнул дверь *əḡlājj* за ним ^{u-jeṛ} *al bāb əl māylaḡ jāmnaḡ* [var: *irədd*] *əf fytān al mātlaḡ* запертая дверь отгонит хоть самого дьявола [посл: Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 1148, 1149]. *xāmaḡ al bāb əb wāḡzo* хлопнул дверью перед его носом. *xābat ḡa l bāb* постучался в дверь. ^{u-br} *minə lli bjāxbot ḡa l bāb?* кто это стучится в дверь? [Xīrī-Mattsson||MO 6 (1912) 90, 6]. *xālaḡ al bāb* сорвал дверь [с петель]. ^{s-zāḡe} *zāleḡ al bāb wə mzan-nar bə l ḡātabe* вышибив дверь, [стоит] опоясанный порогом [=бесстыдство; посл: Jewett||JAOS 15 (1893) 65]. ^{u-jeṛ} *bābə n naḡḡār əmxāl-waḡ* [var: *əmxāllaḡ*] дверь столяра расшатана [=сапожник босиком ходит; посл: Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 632; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1051]. ^{u-jeṛ} *n naḡḡār bābo maḡlūḡ wə l xaiḡār tōbo maftūz* у столяра дверь сорвана, а у портного платье распорото [=сапожник босиком ходит; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4606]. ^{u-jeṛ} *f fēj-b lamma jəddāllaḡ mātla l bāb l əmxāllaḡ* когда старик балуется, он подобен расшатанной двери [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 2394]. *bābə l lawwābe* подворотня. ^{p-birzēt} *hāe da rāḡ la c cəatān u kāl le: ḡaḡtyni ḡaḡar xamastāḡḡar zālame jəbḡafu bābə l lawwābe* пошел он, значит, к султану и сказал ему: дай мне десять, пятнадцать человек, чтобы они покопали у выхода из ворот

[Schmidt-Kahle, Volkserzählungen 2 (1930) 54]. *bæbæ* I *barid* западные ворота Омейядской мечети в Дамаске [Kremer, Mittelsyrien (1853) 31; Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 29, 66, 164]. *suʒ bæbæ l barid* базар в Дамаске. *bæbæ* I *bálad* городские ворота. *bæbæ* I *bádan* задний проход. ^{u-dam} *biʒáʔtu la l májjet ʔatne b bæb bádanu la ʒadd ta ma jfyd* мертвецу кладут в задний проход кусочек ваты, для того чтобы не произошло испражнения [Bergsträsser, Damaskus (1924) 67, 32]. ^{u-códa} *xatna kánet wæʒde ʒaʒúz fi códa w ʒóza ʒajjén fa ʒamaro l ʒakím fə l ʒálat mən táʒat ʒala bæbæ l bádan* раз была одна старуха в Сайде, муж ее был болен; назначил ему лекарь пиявок снизу, на задний проход [Landberg, Proverbes (1883) 18]. *bæbæ* I *bázri* дверь в западной стене ливанского дома [обращена к морю: Feghali || Mélanges René Basset 1 (1923) 174]. *bæbe* I *əbdáʒa* сорт товара. *sigarət ʒawwal bæb* папироса первого сорта. ^{u-dam} *ʔəyən táni bæb* мука второго сорта. ^{u-dam} *bjəlzámni ʒoza kfúf. ʒəgmel ma-ʔúrúf mət baʒəd ʒámraʔ ʔarʒini jé. — mən ʔajj bæb bæddak jé? náʒzy há lli bətrído* мне нужна пара перчаток, с твоего позволения, покажи их мне, пожалуйста. — Какого сорта ты хочешь их? выбирай то, что тебе нравится [Bergsträsser, Damaskus (1924) 62, 28—9]. *bæbæ* I *wæd* деревня по дороге из Иерусалима в Яффу [315|35]. *bæbæ* I *fáraz* одни из городских ворот в северной части Дамаска [Kremer, Mittelsyrien (1853) 69; Wulzinger - Watzinger, Damaskus (1924) 39, 55, 59, 99, 164, 172, 184]; одни из городских ворот Халеба; выход из затруднения. ^{u-ber} *u fádlan ʒan ʔálek ʔsáhhəlet əl mwacaləʔ u car l wæʒəd ʔəza dáʔət əʒlájj blédo jlézy*

bæb fáraz и сверх того облегчились сообщения и если кому-нибудь становится трудно [жить] на родине, то он может найти выход [Xūri-Mattsson || MO 6 (1912) 112, 14—5]. ^{u-ber} *əl māsʔale bádda swajjet cáber, báarki btáf-ʔez mən fi bæb* в этом деле требуется немного терпения, может быть каким-нибудь путем оно уладится [Xūri-Mattsson || MO 6 (1912) 104, 2—3]. ^u *ʔálu la l ʒarámi: ʔəʒlef* [var: + *ʔamín*]! *ʔál: ʔəreb bæbæ l fáraz* [var: *ʔəreb fáraz ʔállu*; var: *ʔé lak əl fáraz*] сказали [попавшемуся] вору: принеси присягу [в том, что ты не украл]! сказал он [про себя]: вот и увертка нашлась [= клятву дать ничего не стоит; посл: Landberg, Proverbes (1883) 54; Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 295; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 3279]. ^{u-ʔálab} *má baʒdə d dýz ʔəlla l fáraz: ʔá ʔəʒde ʒanəd bæbæ l fáraz, ʔa náʔle ʔaʔtə d daraz* после стеснения неизбежен простор: или оказываются перед широкими перспективами, или же спускаются под лестницу [= либо дождь, либо снег (?); посл: Ajjüb || MA 10 (1907) 874]. *fatāʒ lo bæb fáraz* оказал ему помощь. ^p *ja fattəʒə l əbwəb!* о избавитель! [молитва: Sana'an, House (1933) 2]. ^u *ja fattəʒ, ʔa ʒalim, ʔa razzáz, ʔa karim!* о избавитель, о всезнающий, о кормилец, о всеблагий! [выкрик торговца витушками: Wetzstein || ZDMG 11 (1857) 516; Bauer, Palästina (1926) 240]. ^{u-jer} *mən ʔər ha l bæb ʔəftáʒ lək ʔállu* кроме этого случая, пусть бог во всем тебе окажет содействие [= я не могу тебе помочь; погов: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4438]. *bæbæ* I *fálak* доска с веревкой [к которой подтягивали за ноги людей, наказываемых батогами, так что человек, лежавший спиной на полу, не был в состоянии двигаться: Klein || ZDPV

4 (1881) 68; Almkvist-Zetterstéen || MO 19 (1925) 127, 180]. *bæbæ l fāræn* устье хлебной печи. ^{s-zāg¹⁰} *qālu l zāga: stārzeg bæb zālla! rāz u qāgad gāla bæbæ l fāræn* сказали Ижие: иди по-миру! пошел он и присел у устья хлебной печи [=недоразумение; посл: Jewett || JAOS 15 (1893) 52]. ^{u-zālab} *bæbæ r rāxær!* ищи себе другого! [=не на такого напал; погов: Barthélemy, Dictionnaire 1 (1935) 67]. *bæbæ r rāzme* источник милосердия. ^p *ja rābb, zāftag æglēna bæb rāzæmtak* о боже, раскрой пред нами врата твоего милосердия [молитва: Санаан, House (1933) 2]; запад [откуда приходят дожди]. *bæbæ r rāz* источник существования. ^{u-dam} *z zarāga zakbar bæb la r rāzæ ganna* земледелие у нас является основным источником существования [Malinjoud, Guide 1 (1925) 95]. *fātag bæbæ r rāz* дал возможность хорошо заработать. ^{u-dam} *ja fattæg* о содействующий заработку [надпись над лавкой: Wetzstein || ZDMG 11 (1857) 476]. ^{u-ber} *zālla jāftag æglék* бог подаст [=отказ нищему: Hartmann, Sprachführer (1895) 44, 7]. *bæbæ n nār* топка [нижнее отверстие обжигательной печи, где разводится огонь: Gatt || ZDPV 8 (1895) 179]. *bæbæ n nérab* одни из городских ворот Халеба. *taryz bæbæ n nābi dāwūd* одна из улиц Иерусалима. *bæbæ n nāsær* одни из городских ворот Халеба. *bæbæ n nākraze* повод к ссоре. *zāl* [var: *zāl lo*]: *cābbzak bæ l xær ja zāzrag* [var: ^{s-zāg¹⁰} *jā qrag*!] *zāl* [var: *zāl lo*]: *hæ da bæbæ f fārr* [var: *bæbæ n nār*; var: *bæbæ n nākraze*; var: ^{u-je^r} *bæb la n nākraze*] говорит [первый]: доброе утро тебе, плешивый! отвечает ему тот: это оскорбление! [=обидчивость; посл: Jewett || JAOS 15 (1893) 51; Baumann || ZDPV 39 (1916) 209; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 3233]. *bæbæ*

ntāke одни из городских ворот Халеба. *bæbæ n nār* повод к ссоре. *zāl* [var: *zāl lo*]: *cābbzak bæ l xær ja zāzrag* [var: ^{s-zāg¹⁰} *jā qrag*!] *zāl* [var: *zāl lo*]: *hæ da bæbæ f fārr* [var: *bæbæ n nār*; var: *bæbæ n nākraze*; var: ^{u-je^r} *bæb la n nākraze*] говорит [первый]: доброе утро тебе, плешивый! отвечает ему тот: это оскорбление! [=обидчивость; посл: Jewett || JAOS 15 (1893) 51; Baumann || ZDPV 39 (1916) 209; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 3233]. *bæbæ d dār* ворота крестьянского двора. ^{p-blizet} *wa māhe zāna nējem fi dārna zālla w ha lli bidākk ga l bæb* так вот, сплю я дома, как вдруг кто-то стучит в ворота [Schmidt-Kahle, Volkserzählungen 1 (1918) 28]. ^{u-je^r} *nazzār u ma ló f bæb dār* столяр, а ворот у него нет [=сапожник босиком ходит; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4606]. ^{u-je^r} *al bādawi wæ l fār la tfargihon bæbæ d dār* ни бедуину, ни крысе не показывай ворот своего двора [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1157]. ^{u-je^r} *sākker bæb dāarak wā la tēthem gāarak* запирай ворота своего двора и не взводи напраслину на своего соседа [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 2338]. ^{u-je^r} *zæt bāyadak* [var: *zæza zābyadak*; var: *zæza nāyacak*; var: *zæza zāzz*] *gāarak zāw-wel* [var: *yājjer*] *bæb dāarak* если твой сосед возненавидел тебя [var: раздражает тебя; var: совершил паломничество], перенеси [var: перемени] ворота своего двора [=избегай ссоры; посл: Bauer, Palästina (1926) 254; Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 222, 223; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 850]. ^{u-cāda} *zālli jāgmel zammæl iḡālli bæb dāro* если кто по профессии погонщик верблюдов, то ему следует устроить ворота своего двора повыше [чтобы верблюд мог проходить = большому кораблю большое плавание; посл:

Landberg, Proverbs (1883) 269]. ^{u-je} *z zammáel biwásseg bæb dáro* погонщик верблюдов делает ворота своего двора широкими [=с волками жить, по-волчьи выть; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1640]. ^{u-je} *fi zadár ma bigúd er rágy jšuf bæb d dár* в марте пастух больше не видит ворот своего двора [так как круглые сутки проводит на пастбищах; погов: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 5282]. ^{p-lófta} *tbbu mwájj bæb dúrtem ta jázrag faddéntem* вылейте воду у ворот ваших дворов, чтобы дала всходы [?] ваша пашня [песня о непослании дождя: Hanauer|PEF (1925) 36]. ^{s-bzamdún} *zájha dáqq lik thul l fārag mən dāxaltik əl bæb d dár* эх, в барабаны веселья ради тебя ударило, едва лишь ты вошла в ворота двора [песня в честь невесты: Huxley|JAOS 23 (1902) 196]; наружная дверь большого жилого дома. ^{p-lekbebe} *nəzel əd dārag u mār məm bæb dar jahúdi, kál: zān u sarak bēti?* он спустился по лестнице, вышел через дверь дома еврея и спросил: кто это обокрал мое жилище? [Bauer, Palästina (1926) 192]. ^{u-je} *γáb jóm u zāl: wén bæb d dár?* [всего] один день он отсутствовал, а говорит: где двери дома? [=притворное незнание; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 2992]. ^{u-zālab} *rezzələ l gār bizátel mārto gəla bæb d dár* [лишь] бесчестный мужчина бьет свою жену у самой двери [посл: Ajjüb|Ma 10 (1907) 878]. ^{u-je} *əl bālawi zən gəref bæb dārak γájyro* если бедуину известно стало, где дверь твоего дома, перемени ее [во избежание непрошенного гостя; посл: Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 221]. ^{u-je} *mín gābbo rábbo wə staxáro gāb lo rəzzo la bæb dáro* кого полюбил его господь и кого избрал, тому он доставил его пропитание к дверям его дома [=на-

следство; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4523]. ^{u-je} *saḡḡadén gə bæb d dár bjəzragu rəzəz bāgdon* два нищих у двери дома отбивают друг у друга хлеб [посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 2416]. ^{u-je} *zəlḡaz* [var: ^{u-kai} *cāddaz*] *əl gəjjār* [var: *əl xajj'el*; var: *əl kaddəb*] *la bæb d dár* [var: *la bæb d dāraz*; var: *la ḡaddə l bæb*] преследуй [вар: проверяй (?)] обманщика до двери дома [вар: до крыльца (?); вар: до самой двери = раскуси его до конца; посл: Spitta, Grammatik (1880) 514; Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 631; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 413]. ^{u-je} *wagádto bə l káfan, mət gə bæb d dár* я обещал ему саван, а он помер у двери дома [=назойливость; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4818]. ^{u-je} *zəza wagádto bə l káfan imūt! gəla bæb d dár* пообещаешь ему саван, так он померет у двери дома [=жадность; посл: Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 245]. *bəb d dər* монастырские ворота. ^{u-je} *bəb zālma zāwsag məm bæb d dər* врата божьи шире монастырских ворот [=что хорошо, то хорошо, а что лучше, то лучше; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1047]. ^{u-je} *māzəz əḡlájje məm bæb d dər, zāhlan u sáhlan ja masa l xərə* под воротами монастыря она прошла мимо меня: здравствуйте, что за прекрасный вечер! [песня: Stephan, Parallels (1923) 43]. *bəb d dāraz* крыльцо [?]. ^{u-je} *zəlḡaz* [var: ^{u-kai} *cāddaz*] *əl gəjjār* [var: *əl xajj'el*; var: *əl kaddəb*] *la bæb d dár* [var: *la bæb d dāraz*; var: *la ḡaddə l bæb*] преследуй [вар: проверяй (?)] обманщика до двери дома [вар: до крыльца (?); вар: до самой двери = раскуси его до конца; посл: Spitta, Grammatik (1880) 514; Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 631; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 413]. *bəb d dáhab* подкуп.

^{u-jer} *zəza bæbə l ɣəʔəz maɣlūz, fūt ɣala bæbə d dāhab* если любезничанье не действительно, добейся своей цели подкупом [посл: Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 241]. *bæbə d dəbər* задний проход. *bæbə d daɣdæz* одна из улиц Дамаска [на месте бывших ворот: Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 33, 39]. *bæbə d dréb* одни из городских ворот в восточной части города Хомса [Kremer, Mittele-syrien (1853) 220]. *bæb túmα* одни из ворот в северо-восточной части Дамаска [в верхнем этаже находится мечеть; район этих ворот плохо снабжается водой и является одним из наиболее нездоровых; Kremer, Mittelsyrien (1853) 21; Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 9, 18, 29, 33, 38, 42, 184; Bergsträsser, Damaskus (1924) 51, 21]. ^{u-dam} *əmbərəz əl ɣəzad kən rākeb basəkləto w rājez jətnəzzah eb bæb túma* вчера, в воскресенье, он ехал на велосипеде и хотел прогуляться в районе *təbtúma* [Malinjoud, Guide 1 (1925) 100]. *bæbə t tafrī* среднее отверстие обжигательной печи горшечников, через которое вынимаются готовые гончарные изделия [Gatt|| ZDPV 8 (1885) 179]. *bæbə t tazāra* [← о frnc *débouché pour le commerce* (?)] товарный рынок. ^{u-ber} *fu bihəmma zəza kənet səkkənə l əbləd ɣəsləm zaw nācāra, ma ɣəl bæbə t tazāra maftūz ləha* какое им [=европейцам] дело до того, будут ли жители страны [=Сирии] мусульманами или христианами, раз им дана возможность вести торговлю [Xūrī-Mattsson|| MO 6 (1912) 114, 5—6]. ^{u-ber} *zəlli bihəmma zawwel kall fi zen ətkūn əbwəbə t tazāra maftūza w masnəɣāta rājez* а заботят их [=европейцев] прежде всего то, чтобы им были доступны рынки и чтобы их изделия находили сбыт [Xūrī-Mattsson|| MO 6 (1912)

116, 1—2]. *bæbə t tamm* брод на Иордане при истечении его из Генисаретского озера [325/355]. *bəb tədmor* одни из городских ворот в восточной части Хомса [Kremer, Mittelsyrien (1853) 220]. *bæbə t tanzara* раструб кастрюли. ^{u-jer} *tānzara, zəza kafāta ɣala bəba btənəlli, wə za ɣəɣāda btəfraɣ* кастрюля, опрокинешь ее на раструб, так она наполняется, а поставишь ее [на дно], так она становится пустой [=феска; загадка: Bauer, Palästina (1926) 222], *bæbə z zəz* подъезд. ^{u-dam} *fī zənnon bjədxlu tət bæbə z zəz biɣru jəzəlu zəmmi: flono zəbnaq?* как только они входили в дом, они начинали расспрашивать мою мать: как твой сын? [Bergsträsser, Damaskus (1924) 63, 32]. ^{u-ɣalab} *bæbə zəzna ɣam bəndəz* стучат в парадную [Barthélemy, Dictionnaire 1 (1935) 67]. *əl bənət ɣalzət bāb* [var: *mətəl ɣalaztə l bāb*; var: *mətəl ɣalzət bæbə z zəz*], *kəll wəɣzəd* [var: *kəll təm fət*; var: *kəll mən kən*] *bīdəzza* [var: *bīdəz bəha*] девушка подобна колотушке у двери [вар: у подъезда], всякий [вар: + входящий] по ней [вар: ею] стучит [=добивается ее любви; посл: Ajjūb|| Ma 10 (1907) 875; Baumann|| ZDPV 39 (1916) 164; Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 729; Sanaan, House (1933) 66]. *bæbə z zūy* одни из городских ворот Дамаска [существовали уже в эпоху Йезида сына Абу Суфьяна, вступившего в город через эти ворота: Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 183]; одни из городских ворот Бейрута [Kremer, Mittelsyrien (1853) 232]. *maɣbarət bæbə z zūy* одно из кладбищ Дамаска [Kremer, Mittelsyrien (1853) 86; Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 95, 97, 99]. *bæbə s sū* одни из городских ворот в северной части Хомса [Kremer, Mittelsyrien (1853)

220]. *bæb sīmja* белая магия [?]. *ʔæbwæbæ s sāmα* небосвод [по верованию мусульман в Ночь предопределения (на 27-е рамадана) открывается небо; у христиан сходное представление приурочивается к Воздвижению (14/27 сент.) и Богоявлению (6/19 янв.): Canaan, House (1933) 3]. ^p *ʔfātʔæt ʔbwæbæ s sāmα* разразился ливень [Canaan, House (1933) 1]. ^{u-tadmor} *kēnet ʔbwæbæ l ǧārāf maftūʔa, staʔāb ǧālla duʕā* небеса были [как раз] открыты и бог внял его мольбе [Cantineau, Palmyre 2 (1934) 128]. ^{s-bzamdūn} *ǧājha ǧāllat ʔc cāla, ǧāllat ʔc cāla, ǧājha wə rīāfaʔæt ʔn nāʕme foʔa bwæbæ l ǧāljā* эх, кончилась молитва, кончилась молитва и поднялась звездочка над небосводом [песня в честь жениха: Huxley || JAOS 23 (1902) 198]. *bæbæ s salām* один из кварталов Дамаска. ^{u-dam} *ha τ τarūʔ bināffed la bæbæ s salām* эта дорога ведет к *bæbæssalām* [Bergsträsser, Damaskus (1924) 51, 36]. *bæbæ s sārri* лок. *bāb sārri* потайная дверь. *bæbæ s sǧǧar* предварительная оценка товара [с которой начинаются торги до достижения действительной стоимости]. *fātʔaʕ bæbæ s sǧǧar* повысил цену [на торгах]. ^{u-dam} *wén ʔabnæ l ǧaləl hā lli bjāʔtaʕ hā l bæb?* где молодец, кто надаст цену? [Bergsträsser, Damaskus (1924) 98, 15]. ^{u-jer} *jāʔtaʕ ǧālla* бог надаст [=цена слишком низкая; так отвечает продавец покупателю, когда последний дешево хочет купить: Bauer, Palästina (1926) 231]. *bæbæ s sbāʕ* одни из городских ворот в западной части Хомса [Kremer, Mittelsyrien (1853) 220]. *bæbæ s srūʕe* одно из предместий Дамаска [Kremer, Mittelsyrien (1853) 173; Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 91]. *bæb cāʔ* дверца из листового железа [?]. *bæbæ c cūre* проход в ограде загона для скота. ^{p-plāʔta} *jābbu*

mwājj bæb cūrʕem ta jāʕroʕ bakārʕem вылейте воду у ворот вашего загона, чтобы пахать вашим быкам [песня о ниспослании дождя: Hanauer || PEF (1925) 36]. ^p *kaʕʕāt le ʕrūre kadd bæbæ c cūre* нарезала ему пресного пирога величиной с проход в ограде загона [песня о ниспослании дождя: Dalman, Arbeit 1, 1 (1928) 136]. *bæbæ c cālʕa* мировая сделка. ^{u-ǧālab} *xalli bæb la c cālʕa* оставь открытым путь к примирению [Barthélemy, Dictionnaire 1 (1935) 67]. *bæbæ l kuffje* дуплячок вьюшки [на которую навивают шелковую пряжу: Barthélemy, Dictionnaire 1 (1935) 63]. *bæb kisān* одни из городских ворот Дамаска [в настоящее время замурованные: Wulzinger - Watzinger, Damaskus (1924) 38, 91, 183]. *bæbæ l kǧbe* одно из названий Дамаска. *bæbæ l ʔknise* церковные двери. ^{u-dam} *bidāʕ ʔl mār-rān bæ c cālʕb ǧala bæbæ l ʔknise l ʔmǧāllaz ʕawwal dāʕʕa wə t tēnje wə t tālte* митрополит крестом ударяет по запертой церковной двери, первый раз, и другой, и третий [Bergsträsser, Damaskus (1924) 68, 40—1]. ^{p-betǧāʕ} *dīn fi bæb u mǧrāb* принесение присяги [присягают обычно у церковных дверей или перед михрабом мечети: Haddad || ZDPV 40 (1917) 233]. *tamm bæbæ l ʔknise* паперть [?]. ^{u-dam} *baʕad ma jʕannʕū bjāʕmaʕ xūri maʕ ʕarajbæ l mājjet ʔl lāʕam* [?], *biwāʕʕfu ǧala tamm bæbæ l ʔknise* после того как его [=покойника] отпоют, священник с ближайшими [?] родственниками умершего выходят и становятся на паперть церкви [Bergsträsser, Damaskus (1924) 66, 37—8]. *bæbæ l ʔktāb* глава кнigi. *bæb jaʕrūb* одни из городских ворот Бейрута [Kremer, Mittelsyrien (1853) 232]. *bæbæ ʕ ʕāmeʕ* ворота мечети. ^{u-bor} *ʕāʕad ʔl ʕārəʕ ʕaʕābna w dāllō ǧala bæbæ ʕ ʕāmeʕ*

взял ваш приятель пиастр и повел его к воротам мечети [Xūri-Mattsson || MO 8 (1914) 108, 16—7] ^{p-bīrselem} *lamma wacal gala babə f gāmeḡ ramē ʕan jātfe w kāl le: rūḡ ʕala dar xālak* когда он дошел до ворот мечети, он сбросил его со своих плеч и сказал ему: поди-ка в дом твоего дядюшки [Bauer, Palästina (1926) 204]. **bəbə** **3 3əbje** одни из городских ворот Дамаска [Wulzinger-Watzinger, Damascus (1924) 38, 78, 99, 148, 175, 185; Bergsträsser, Damascus (1924) 51, 21; 51, 29]. **bəbə** **3 zānne** проход в рай. ^{u-jeṛ} *ta* [var: *ʕadd ta*] *təḡānḡal* [var: *təḡāftal*] *ʕānne bjətsākkar bəbə* [var: *bətəkāssar (?) əbwəbə*] *ʕ zānne* пока Аннушка вытанцуется (вар: суетится) закроется [вар: разобьется (?)] проход в рай [= медлительность; посл: Einsler || ZDPV 19 (1896) 86; Bauer || ZDPV 21 (1899) 140; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1476]. ^{s-zāzle} *mak-tūb ʕala bəbə ʕ zānne: ma ʕāmər ʕāma bətḡəbb kənne* написано над проходом в рай: никогда свекровь не станет любить свою сноху [посл: Jewett || JAOS 15 (1893) 94]. **bəbə** **3 zəsər** одни из ворот дамасской цитадели [построены в 1131 г.: Kremer, Mittelsyrien (1853) 53]. **bəbə** **3 znəp** одни из городских ворот Халеба. **bəbə** **zhānnam** выходы ада. ^{u-jeṛ} *bəbə zhānnam wə mfātaḡ* прямо выходы ада отверзлись [= разгневанный человек; погов: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1049]. **bəbə** **f šūne** шалашный лаз [отверстие в шалапе, размером 40 × 50 см, для просушки сложенной там грубой соломы; прикрывается дверцей или камнями: Canaan, House (1933) 72—3]. **bəbə** **f šārr** повод к ссоре. *zāl* [var: *zāl lo*]: *cābbḡak bə l xər ja zāḡraḡ* [var: ^{s-zāzle} *jā qraḡ*]! *zāl* [var: *zāl lo*]: *hə da bəbə f šārr* [var: *bəbə n nḡār*; var: *bəbə n nākraze*; var: ^{u-jeṛ} *bəb la n nākraze*] говорит

[первый]: доброе утро тебе, плешивый! отвечает ему тот: это оскорбление! [= обидчивость; посл: Jewett || JAOS 15 (1893) 51; Baumann || ZDPV 39 (1916) 209; 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 3233]. **bəbə** **f šārru** одни из городских ворот Дамаска [Kremer, Mittelsyrien (1853) 20; Wulzinger-Watzinger, Damascus (1924) 9, 12, 28, 38, 42, 87, 91, 175, 183; Bergsträsser, Damascus (1924) 51]. ^{u-dam} *hə da fi dāḡa zəbli mfārreḡ ʕanə f šəm, ʕa l mēʕi, səḡtən u fi, bjənraḡ la muə f šayūr u məm bəbə f šārru, bisammūha s sətt* есть вот деревня на юго-востоке от Дамаска, в двух часах с чем-то ходьбы, идут к ней через квартал *fšayūr* и через Восточные ворота, называется она *ssətt* [Malinjoud || JA 204 (1924) 260]. **bəbə** **f šəta** юго-запад [откуда приходит дождь]. **bəbə** **f mēli** дверь в северной стене ливанского дома [Feghali || Mélanges René Basset 1 (1923) 174]. **bəbə** **l zācər** замковые ворота. * *ʕāmalo l xādr u ʕātto fi bəbə l gācər* поднял его *əlxādr* и опустил в подворотне *zāmka* [Bauer, Palästina (1926) 210]. **bəbə** **l əkmə** фабричная марка, вытканная в шелковой материи [как знак, указывающий на ее происхождение: Ulmer || ZDPV 41 (1918) 114]. **bəbə** **l yārbi** дверь в южной стене ливанского дома [Feghali || Mélanges René Basset 1 (1923) 174]. **bəb** **ʕazzāwi** дверь, проем которой не выделяется особой кладкой камней [отсутствуют пазы: Canaan, House (1933) 34]. **bəbə** **l xātem** задний проход. **bəb** **xəx** калитка [дверка в воротах для пеших]. **bəbə** **l xə** благодеяние. **bəb** **xāb** дверь, расположенная в глубине проема [Canaan, House (1933) 34—5]. **bəbə** **l xal** Яффские ворота [одни из городских ворот Иерусалима]. ^{p-left} *u sāzab ha l ʕanaməṭ u rāḡ ʕa bəbə l xalil* и вывел овец

и направился к Яффским воротам [Bauer, Palästina (1926) 186]. *midæn bæbæ l xalil* одна из площадей Иерусалима. *bæbæ l xánn* трюмный люк [на корабле]. *bæbæ l xándæ* одни из ворот Дамасской цитадели [Kremer, Mittelsyrien (1853) 53; Wulzinger - Watzinger, Damaskus (1924) 172, 185]. *bæbæ l xádær* место, где появляется *əlxádr* [местный святой]. * *zágat zəmmo w darbato zadd ta bātṭal j-g-dar jəmfī, rāz u gāḡad ɣanəd bæbæ l xádær, baḡdén zəḡá lo l xádr u gál lo: gúmt báddi zəṛnīk* пришла его мать и побила его, так что он не смог больше ходить, пошел он и уселся у места явления *əlxádr* а; затем пришел к нему *əlxádr* и сказал ему: встань, я тебя сделаю богатым [Bauer, Palästina (1926) 210]. *bæbæ l ɣamúd* Дамасские ворота [одни из городских ворот в северной части Иерусалима: Schick || ZDPV 2 (1879) 102]. ^{u-jer} *fi zāwwal ma sákan ɣanəd bæbæ l ɣamúd šəfto ktir marrát* сначала, когда он жил у Дамасских ворот, я его часто видал [Bauer, Palästina (1926) 128]. *suz bæbæ l ɣamúd* базар масленников в Иерусалиме [Sandreczki || ZDPV 6 (1883) 62]. *səkkət bæbæ l ɣamúd* одна из улиц Иерусалима. *xatṭ bæbæ l ɣamúd* одна из улиц Иерусалима. *zarət bæbæ l ɣamúd* одна из улиц Иерусалима. *bæbæ l ɣáli* Высокая Порта [= правительство султанской Турции]. *bæbæ l ɣəñ* родник [= место рождения ключа]. ^{p-lekbébe} *zən xálaḡu š fəḡara zəlli fi bæbæ l əmdíne jəlkū tāḡtaḡ ən əb fəlfə bbwəb* если они вырвут дерево, что у городских ворот, то найдут под ним ключ с тремя источниками [Bauer, Palästina (1926) 198]. *bəb ɣənə l kərš* одна из улиц Дамаска [на месте бывших городских ворот: Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 33, 39]. *bæbæ l ɣamárɣ* одни из городских ворот в северной части

Дамаска [Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 39, 56, 99, 184]. *zəbwəbæ l ɣárš* небосвод [ср. *zəbwəbæ s sáma*]. ^{u-tədmor} *kənet əbwəbæ l ɣárš taftúza, staḡəb zálle duḡə* небеса были [как раз] открыты и бог внял его мольбе [Cantineau, Palmyre 2 (1934) 128]. *bæbæ l ɣəllje* дверь, ведущая в светелку. ^{s-bzamún} *zájha jəlgabu bə s zájš wə t tərs qəddəm bəb ɣaləlihon* эх, играть им мечом и щитом перед дверью их светелок [песня девушки о своих братьях: Huxley || JAOS 23 (1902) 200]. *bæbæ l ɣəj* любезничанье. ^{u-jer} *zəza bæbe l ɣəjəz maṭlúz, fút ɣala bæbæ d dáhab* если любезничанье не действительно, добейся своей цели подкупом [посл. Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 241]. *bæbæ l zárɣ* наружная дверь большого жилого дома. ^{s-bzamún} *mən jomə r rāḡle, ja ɣarisa z zén, nəḡna bwəba bə n níl sabbaṛnəha* со дня отъезда [= кончины твоей], о жених прекрасный, мы двери [дома] выкрасили в синий цвет [для защиты от дурного глаза; причитанье по покойнику: Huxley || JAOS 23 (1902) 215]. *bæbæ l zácə* дверь лавки. ^{u-jer} *kən ha t təzer ɣándo mən zamiḡ ma jətləb šəftak wə lsənək u hə dā kən ɣátət zərta ɣala bəb ɣáslə* был вот купец, у него было всего, что может желать твоя губа и твой язык и он повесил вывеску над дверью своей лавки [Bauer, Palästina (1926) 172]. *bæbæ l zóš* дворовые ворота. ^p *katḡát le fardóš kadd bæbæ l zóš* нарезала ему кукурузную лепешку величиной с дворовые ворота [песня о ниспослании дождя: Dalman, Arbeit 1, 1 (1928) 136]. *bæbæ l zadíd* одни из городских ворот Дамаска [Wulzinger-Watzinger, Damaskus (1924) 78; Bergsträsser, Damaskus (1924) 51, 35]; одни из городских ворот Халеба. *bəb zálle* вселенная [как проявление бога].

^{p-birzét} *kám hæ da mälla la täll wæğæd æmnə wlædte xæræz mæl u rəfbu xælem u kácadu bæb zalláhe tagála* взял он, значит, и наполнил каждому из своих сыновей переметную суму деньгами; они сели на своих коней и поехали в мир божий [Schmidt-Kahle, Volks- erzählungen 1 (1918) 198]. ^{p-birzet} *kalát le: xəd ha l kersén ɣa ben ma tləký lak fáyle; hæ da kácad bæb zálma w ráç* она сказала ему: возьми эти гроши, пока не найдешь себе работы; отправился он, значит, куда глаза глядят и ушел [Schmidt-Kahle, Volks- erzählungen 1 (1918) 206]. ^{s-zúle} *qálu l gəça: stárzeq bab zálma! ráç u qáçad ɣala bæbə l fərən* сказали Жихе: иди по-миру! пошел он и присел у устья хлебной печи [= недоразумение; посл: Jewett || JAOS 15 (1893) 52]. ^{u-jez} *təb zabu l əzçén u ráç la l kattəb u ɣətt əl masəbeç əb rāzəbto w zál: ja bæb zálma!* раскаялась лиса и пошла в начальную школу [где обучают чтению Корана], надела себе на шею четки и сказала; о люди добрые! [= лицемерие; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1479]. ^{u-jez} *bæb zálma zāwsaɣ tət bæbə d dér* мир божий обширнее монастырских ворот [= что хорошо, то хорошо, а что лучше, то лучше; посл: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 1047]. *ɣa bæb zálma* наугад. ^{u-jez} *wén maɣə s saləme ? ɣa bæb zálma* куда собираешься? куда глаза глядят [= не твое дело: Bauer, Palästina (1926) 231]. ^{u-jez} *ɣala bæb zálma?* куда путь держишь? [Canaan, House (1933) 1]. *tən wén ɣéji?* — *tət bæb zálma* ты откуда? — откуда-нибудь [Baldensperger || PEF (1922) 169]. *bæbə* I *ýdα* комнатная дверь. ^{u-jez} *wá lla l ɣazút, law kæni bīçəffú li d dšhab tət bæb zúdti la bæb ɣəttəmə d dúf fī zəjjəmə f sata ma bāffax nəcc fáfca* ей-богу, если бы мне стали накладыв-

вать золота от двери моей комнаты до двери душевой ванны в зимнее время, то я и полшага не стал бы делать [Xūri-Mattsson || MO 8 (1914) 54,5—6]. ^{u-dam} *rúçy háll: z la l mátbax wə tɣáffi w xálmsy l ərrád ha lli ɣléki b nadáfe wə zfalí bwəbe l zəwad u nəmi* пойди сейчас на кухню и поужинай, покончи с вещами, которые тебе надо [держат] в чистоте [= вымой посуду], запри комнатные двери и ложись [Bergsträsser, Damaskus. (1924) 95,4—5]. ^{u-jez} *mən ha l bæb bədxol əl wáçad ɣala zədtə n nəzwən* через эту дверь проходят в купе для женщин [Bauer, Palästina (1926) 252]. *bæbə* I *zázmar* одни из городских ворот Халеба. *bæb zəmmə* I *zuləd* шейка матки. *bæb zənnəsrín* одни из городских ворот Халеба. *bæb húd* одни из городских ворот в западной части Хомса [Kremer, Mittelsyrien (1853) 220]. *maçtabtə* I *bəb* каменное возвышение по обеим сторонам двери, расположенной в глубине проема [служит сидением: Canaan, House (1933) 35]. *məsmərə* I *bəb* гвоздь в обшивке двери. ^{u-dam} *bi zəb bjəçtərəç əl məsmər bə l bəb* в августе гвоздь в [обшивке] двери делается раскаленным [от сильной жары; посл: Tresse || REI (1937) 35]. ^{u-bat} *zəb əl lahhəb ifálləç əl məsmar æmnə l bəb* пылающий август заставляет гвоздь [обшивки] выпасть из трещины в двери [= от сильной жары трескаются двери; погов: Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 2]. *bərwəzə* I *bəb* дверная рама. *farfə* I *bəb* притолока двери. *rafrəfə* I *bəb* притолока двери. *darfət báb* створ двери. *təzər ɣa* I *bəb* ветошник [= торгующий старым, поношенным платьем]. *təffəzte* I *bəb* дверная кнопка [круглая ручка]. *təbbə* I *bəb* замочная скважина. *sajjərə* I *bəb* шарнирная доска двери [= крайняя из досок, составляющих дверь, более длинная и

толстая, чем остальные; выступающие концы ее вставляются в углубления сверху и внизу проема, в которых они вращаются]. ^{u-er} *mətəl sajjara l bəb*: *lá zəwwa wá la hu bárra* как крайняя доска двери [с помощью которой она вращается], ни внутри, ни снаружи [посл.: 'Abbūd, Sprichwörter (1933) № 4601]. *səkkartə l bəb* туземный деревянный замок примитивной конструкции [Jäger, Bauernhaus (1912) 32; Almkvist-Zettersteen || МО 19 (1925) 19; Canaan, House (1933) 58]. ^{u-der} *cārət ətəl lo: dāxlak əl li wən rúḡak ḡaddta tətsállā zana wiḡəha fə n nhār; ḡál la: fi sakkartə l bəb* она стала говорить ему: прошу тебя, скажи мне, где твоя душа, чтобы я могла беседовать с нею днем; он ей сказал: в деревянном замке двери [Huxley || JAOS 23 (1902) 284]. *cyḡə l bəb* шарнирное приспособление у двери [устраивается таким образом, что крайняя из досок, составляющих дверь, делается длиннее и толще других; выступающие концы вставляются в углубления сверху и внизу проема, в которых они вращаются: Jäger, Bauernhaus (1912) 31]. *sála ḡala l bəb* [?] молитва на выход [ребенка, читается непосредственно после появления ребенка на свет: Chémali || A 5 (1910) 1072]. *sálma ḡala l bəb* прочел молитву, читаемую непосредственно после появления ребенка на свет [Chémali || A 5 (1910) 1072]. *kalbə l bəb* косяк двери [(?): Musil, Petraea 3 (1908) 135; Canaan, House (1933) 32]. *zurta l bəb* небольшое углубление в полу возле двери ливанского дома, куда посетители ставят свою обувь [Feghali || Mélanges René Basset 1 (1923) 175]. *ḡəḡə l bəb* глава бедуинского клана, ведающий внешними делами [Musil, Rwala (1928) 50—1]. *ḡuytə l bəb* створка двери [?]. ^{p-blizət}

məḡlə ḡkyktə l bəb как доска двери [= тонкий, худой; посл.: Baumann || ZDPV 39 (1916) 222]. *ḡatə bəb* деревянная притолока двери глиняного дома [Canaan, House (1933) 55]. *ḡaləḡə l bəb* колотушка у двери [обычно в виде кольца]. *əl bənət ḡalḡəlbəb* [var: *mətəl ḡaləḡə l bəb*; var: *mətəl ḡalḡət bəbə z zḡáz*], *kəll wəḡəd* [var: *kəll təm fəḡt*; var: *kəll mən kən*] *bīdḡḡa* [var: *bīdḡḡ bəha*] девушка подобна колотушке у двери [var: у подъезда], всякий [var: + входящий] по ней [var: ею] стучит [= добивается ее любви; посл.: Ajjūb || Ma 10 (1907) 875; Baumann || ZDPV 39 (1916) 164; Yahuda, Proverbia 1 (1932) № 729; Canaan, House (1933) 66]. *ḡaləḡə l bəb* проем для двери в каменной стене [Canaan, House (1933) 32]; деревянная дверная рама [Canaan, House (1933) 55, 58]. *ḡīdə l bəb* дверная ручка.

Б. В ПРАКТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

bəb m (ḡə)wəb, búb, bībən выходное отверстие. *təm bəbo* до основания. *ḡala bəbo* на свой манер. *ḡa bəb ḡálma* юродивый. *fataḡ bəbo* сделал почин в том. *bəbə l barúde* дуло ружья. *bəbə l bīr* отверстие в каменной крышке колодца. *bəbə l bēt* наружная дверь дома. *wara l bīb* близко. *ḡa l bəb* у двери. *əlbəs əl bəb!* убирайся! *fataḡ əl bəb* открыл дверь. *dāfaḡ əl bəb* толкнул дверь. *dāz əl bəb, dāz ḡa l bəb* постучался в дверь. *dāxal əmnə l bəb* вошел в дверь. *tāras əl bəb* закрыл дверь. *tābaḡ əl bəb, tābaḡ əl bəb* захлопнул дверь *əḡlājj* за ним. *sādd əl bəb* затворил дверь. *sákkar əl bəb* закрыл дверь *əḡlājj* за ним. *ḡaraḡ əl bəb* колотил дверь. *ḡálaḡ əl bəb* запер дверь. *ḡārlaḡ əl bəb* захлопнул дверь *əḡlājj* за ним. *xāmaḡ əl bəb əb wəḡḡo*

хлопнул дверью перед его носом. *xábat ʕa l báb* постучался в дверь. *xálaʕ ʔl báb* сорвал дверь (с петель). *bæbæ l baɪwábe* подворотня. *bæbæ l bálad* городские ворота, *bæbæ l bádan* задний проход. *bæbæ l ʔbdáʕa* сорт товара. *sigaræt ʕaɪwál báb* папироса первого сорта. *ʔʕyɪ tæni báb* мука второго сорта. *bæbæ l fáraz* выход из затруднения. *fátáʕ lo bæb fáraz* оказал ему помощь. *bæbæ l fáran* устье хлебной печи. *bæbæ r ráxær!* ищи себе другого! *bæbæ r ráʕz* источник существования. *fátáʕ bæbæ r ráʕz* дал возможность хорошо заработать. *bæbæ n nár* топка. *bæbæ n nakraze*, *bæbæ n nár* повод к ссоре. *bæbæ d dár* ворота крестьянского двора; наружная дверь большого жилого дома. *bæbæ d dáhab* подкуп. *bæbæ d dábær* задний проход. *bæbæ t tazára* товарный рынок. *bæbæ t tángara* раструб кастрюли. *bæbæ ʕʕáz* подъезд. *bæbæ s sáma* небосвод. *ʔnfátʕæt ʔbwæbæ s sáma* разразился ливень. *bæbæ s sárr*, *báb sárr* люк, потайная дверь. *bæbæ s sáʕær* предварительная оценка товара. *fátáʕ bæbæ s sáʕær* повысил цену (на торгах). *bæbæ s sálʕa* мировая сделка. *bæbæ l kufíje* дуплячок выюшки (для навивки шелковой пряжи). *bæbæ l káʕbe* одно из названий Дамаска. *bæbæ l ʔktáb* глава книги. *bæbæ f fúne* шалашный лаз. *bæbæ f fárr* повод к ссоре. *bæbæ l ʕtméʕ* фабричная марка (вытканная в шелковой материи). *báb ʕaʕʕéwi* дверь, проем которой не вы-

деляется особой кладкой. *bæbæ l xátæm* задний проход. *bæb xóxa* калитка. *bæbæ l xær* благодеяние. *bæb xába* дверь, расположенная в глубине проема. *bæbæ l ʕáli* Высокая Porta (правительство султанской Турции). *bæbæ l ʕæn* родник. *bæbæ l ʕáfʕ* любезничанье. *bæbæ l ʕára* наружная дверь большого жилого дома. *bæb ʕálma* вселенная. *ʕa bæb ʕálma* наугад, куда глаза глядят. *ʕala bæb ʕálma?* куда путь держишь? *bæbæ l ʕulæd* шейка матки. *maʕtabtæ l báb* каменное сиденье по обеим сторонам двери. *maʕmaræ l báb* гвоздь в обшивке двери. *bærwæʕæ l báb* дверная рама. *farʕæ l báb*, *rafraʕæ l báb* притолока двери. *darʕæt bæb* створ двери. *táʕær ʕa l báb* ветошник. *taffæʕtæ l báb* дверная кнопка. *tæʕbæ l báb* замочная скважина. *ʕajjaræ l báb* шарнирная доска двери. *sækkartæ l báb* туземный деревянный замок. *cyra l báb* шарнирное приспособление у двери. *kalbæ l báb* косяк двери. *ʕata bæb* притолока двери. *ʕalaztæ l báb* колотушка у двери. *ʕidæ l báb* дверная ручка.

В. В КАРМАННОМ СЛОВАРЕ

báb m (ʕæ)bwáeb выходное отверстие: (конкретно) дверь, ворота, проход, выход, дуло, устье, исток; (абстрактно) источник, основание, повод, увертка, выход, выявление, проявление, сорт, раздел, манера.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Я. С. ВИЛЕНЧИКА

1925

1. Как мы говорим. — Вестн. знания, № 16, Лгр., 1925, стр. 1090—1091.

1927

2. Древне-арабские контекстные формы в народном языке сирийского диалекта. — Записки Колл. востоковед. при Азиатском музее Акад. Наук II, 2, 1927, стр. 249—256.
3. Этюды по исторической фонетике вульгарно-арабских диалектов. — ДАН-В, 1927, стр. 1—6.
4. Дифтонги aw и aj без главного ударения. — ДАН-В, 1927, стр. 157—161.

1928

5. Die sekundären Vokale. — ДАН-В, 1928, стр. 260—264.

1929

6. Die Verbindungspartikel. — ДАН-В, 1929, стр. 219—222.
7. Eine neue Arbeit zur Dialektologie des Libanon.—Der Islam. Bd. XVIII, H. 3/4, SS. 275—282.
8. Studien zur historischen Phonetik der vulgärarabischen Dialekte. Die Kasusendungen. — ДАН-В, 1929, стр. 328—329.

1930

9. Welchen Lautwert hatte ح in Ursemitischen? — Oriental. Literaturzeitung, 33/2, 1930, SS. 89—98.
10. Рец. на: Topf Erich. Die Staatenbildungen in den arabischen Teilen der Türkei seit dem Weltkriege nach Entstehung, Bedeutung und Lebensfähigkeit. Mit 4 Kartenskizzen. Hamburgische Universität. Abhandlungen aus dem Gebiete der Auslandskunde, Bd. 31. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften, Bd. 3, Hamburg, 1929, S. 260. — Новый Восток, 28, 1930, стр. 257—259.
11. Syro-arabische Studien. — ДАН-В, 1930, стр. 105—108.
12. Рец. на: Семенов Д. В. Хрестоматия разговорного арабского языка (сирийское наречие). Под ред. и с предисловием И. Ю. Крачковского, XVIII, 158 стр. Изд. Ленингр. восточн. инст., Лгр., 1929. — Der Islam, Bd. XIX, H. 1/2, SS. 41—42.
13. Ueber ein persisches Lehnwort bei Ezra. — ДАН-В, 1930, стр. 199—200.
14. Арабские гортанные. — Записки Колл. востоковед. при Азиатском музее Акад. Наук, V, 1930, стр. 99—107.

1931

15. Zum ursemitischen Konsonantensystem. — Oriental. Literaturzeitung, 34, 1931, SS. 505—506.

16. Библиографические сообщения о 18 работах по арабистике. — БВ, I, 1932, стр. 109—110.

1933

17. Рец. на: al-Machriq 29 (1931) № 12; 30 (1932) № 1; 30 (1932) № 2; 30 (1932) № 3. — БВ, вып. 1, 1932, стр. 114—115; вып. 2—4, 1933, стр. 198—199.
18. Рец. на: Actes du XVIII-me congrès international des orientalistes. Leide, 7—12 Septembre 1931. Leiden, Brill, 1932. — БВ, вып. 2—4, 1933, стр. 177—184.

1934

19. Рец. на: Palestine Government. Opening of Haifa Harbour, 31-st October 1933. Jerusalem, 1933. — БВ, вып. 7, 1934, стр. 124—125.
20. Библиографический отчет о 24 работах по арабистике. — БВ, вып. 7, 1934, стр. 148—150.

1935

21. Проблема орфографии на современном арабском Востоке. — ЗИВ АН, 3, 1935, стр. 125—158.
22. Заметки по хронике арабистики. — ЗИВ АН, 3, 1935, стр. 211—214.
23. Zur Genesis der arabischen Zweisprachigkeit. — Oriental. Literaturzeitung, 38, 1935, SS. 721—727.
24. Заметки по хронике арабистики. — ЗИВ АН, 5, 1935, стр. 211.

1936

25. Рец. на: Lecerf Jean. Littérature dialectale et renaissance arabe moderne. Bull. d'Études orientales de l'Inst. Français de Damas, 2 (1932) 179—258; 3 (1933) [отдельное издание: Damas (1933)]. — БВ, вып. 8—9, 1936, стр. 121—123.
26. Библиографический отчет о 26 работах по арабистике. — БВ, вып. 8—9, 1936, стр. 149—151.
27. Библиография печатных работ акад. И. Ю. Крачковского. Труды ИВ АН, № 19, М.—Л., 1936, 62 стр.
28. Система гласных в народно-арабском языке горожан Сирии и Палестины. — ЗИВ АН, 6, 1936, стр. 133—140.
29. Заметки по хронике арабистики. — ЗИВ АН, 6, 1936, стр. 174.
30. Рец. Mazallat maẓmaṣ al-luḡa al-ṣarabīja al-maliki. Al-ḡuḡ al-awwal Miṣr., 1932. — ЗИВ АН, 6, 1936, стр. 175.

1937

31. Рец. на: Sarton George. Remarks on the study and the teaching of Arabic. The Macdonald Presentation Volume. London, 1933, pp. 333—347. — БВ, вып. 10, 1937, стр. 162—164.
32. Рец. на: Kratchkovsky Ignatius. Kitāb al-Badīʿ of ʿAbd Allāh Ibn al-Muʿtazz. Edited from the unique Ms in the Escorial, with introduction, notes, and indices. «E. J. W. Gibb Memorial» Series, New Series, X, London 1935. — БВ, вып. 10, 1937, стр. 164.
33. Библиографические сообщения и рецензии о 15 работах по арабистике. — БВ, вып. 10, 1937, стр. 193—198.

Подготовлены к печати

34. О работе по словарю народно-арабских диалектов Переднего Востока (ок. 2 печ. л.).
 35. Происхождение арабского определенного члена (ок. 6 печ. л.).
 36. Название пород арабской лошади (ок. 10 печ. л.).
 37. Арабский трактат по пиротехнике (ок. 2 печ. л.).
 38. Рец. на: B a r t h é l e m y. Dictionnaire Arabe-Français. I.
 39. Рец. на: M o n t g o m e r y - Z e l l i n g. Ras Shamra.
 40. Библиографические сообщения о 17 работах по арабистике.
-

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ

Научные богатства, заключающиеся в собраниях монгольских рукописей и ксилографов, до настоящего времени доступны для ознакомления с ними в очень небольшой степени. На это обстоятельство уже обращал внимание покойный акад. Б. Я. Владимирцов. В предисловии к русскому переводу работы Б. Лауфера¹ он указывал, что самые богатые хранилища монгольских рукописей — б. Азиатский музей, в настоящее время Институт востоковедения Академии Наук СССР и Библиотека Ленинградского Государственного университета, ныне Восточный филиал научной библиотеки им. М. Горького при ЛГУ, — имеют только частичные печатные каталоги, охватывающие лишь незначительную часть хранящихся в них научных сокровищ. Далее Б. Я. Владимирцов приводит список каталогов и описаний, большинство которых относится к отдельным коллекциям б. Азиатского музея. Кроме того, упомянуты: описание одного американского собрания восточных рукописей и ксилографов, выполненное Б. Лауфером,² и работа А. Лебедева.³ Эти сведения нуждаются в ряде уточнений и добавлений.

Прежде всего нужно отметить, что обширное собрание монгольских и калмыцких материалов Восточного филиала библиотеки ЛГУ не имеет ни печатного, ни карточного каталога. Даже работа по составлению инвентарного списка монгольских материалов этой библиотеки еще не закончена, ввиду чего пользоваться этими материалами можно только с большим трудом.

В состав Восточного филиала библиотеки ЛГУ вошло весьма значительное и ценное Казанское собрание восточных рукописей и ксилографов. Отмечая это обстоятельство, Б. Я. Владимирцов указывает, что Б. Лауфер, повидимому, не был осведомлен о передаче этого собрания из Казанского в Ленинградский университет.

Однако вопрос о Казанском каталоге остался неясным. Следует сказать, что эта работа⁴ содержит только самую незначительную часть (189 назва-

¹ B. Laufer. Skizze der mongolischen Literatur. Keleti Szemle — Revue Orientale, VII, 1907, SS. 165—261. — Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перев. под ред. Б. Я. Владимирцова, изд. Лгр. Вост. инст., 1927, XXI + 95 стр.

² Descriptive Account of the Collection of Chinese, Tibetan, Mongol and Japanese Books in the Newberry Library by Berthold Laufer. Ph. D., Publications of the Newberry Library, Chicago [1913], IX + 42 pp.

³ А. Лебедев. Рукописи Киевского церковно-археологического музея, т. I. Саратов, 1916, №№ 208—210, 259.

⁴ Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке имп. Казанского университета находящимся. Составил О. М. Ковалевский. Уч. зап. Казанск. унив., 1834, стр. 263—292. Имеется также отдельное издание: Казань, 1834, 30 стр.

ний) Казанского фонда, который, как видно из предисловия к каталогу, насчитывал 1433 названия (в том числе 48 рукописей), полностью поступившие в Ленинградский университет. При этом, однако, в инвентарных книгах Восточного филиала библиотеки ЛГУ не были сделаны ссылки на Казанский каталог и потому сочинений, перечисленных в этом каталоге, нельзя найти в собраниях Восточного филиала. Ссылки Б. Лауфера на Казанский каталог, таким образом, не имеют практического значения и этот каталог в настоящее время представляет интерес только для истории монголоведения. Для нахождения рукописей и ксилографов Казанского собрания в Восточном филиале библиотеки ЛГУ приходится пользоваться рукописным инвентарем, озаглавленным: «Список китайских, монгольских, тибетских, санскритских и калмыцких печатных книг [т. е. ксилографов] и рукописей, предназначенных к отправке в С.-Петербургский университет». Он насчитывает 39 листов и содержит 1466 названий, что почти полностью соответствует числу названий, указанных в предисловии к Казанскому каталогу. Большинство сочинений — китайские. Монгольские сочинения занимают №№ 1338—1422 и калмыцкие №№ 1423—1429.

Что же касается работ, указанных Б. Я. Владимирцовым в качестве каталогов нескольких монгольских коллекций б. Азиатского музея, то каталогами можно назвать только некоторые из них, именно те, в которых имеются шифры, сигнатуры и тому подобные обозначения рукописей и ксилографов, что позволяет находить то или иное сочинение в Монгольском фонде ИВ АН.

1) «Каталог книг, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента». СПб., 1843, 102 стр. Сведения о монгольских рукописях и ксилографах помещены в III отделе, озаглавленном «Книги и рукописи на монгольском языке» (стр. 78—82). В этом каталоге даны монгольские заглавия сочинений в русской (очень несовершенной) транскрипции и весьма краткое и приблизительное изложение их содержания. Указано также число томов каждого сочинения. Другие сведения совершенно отсутствуют. Неудовлетворительность этого каталога была отмечена Б. Я. Владимирцовым.¹

2) Имеется каталог того же собрания, напечатанный восточными шрифтами (СПб., 1844), в котором (отдел III, стр. 1—4) приведены только заглавия монгольских сочинений.

В настоящее время монгольские материалы, перечисленные в этих каталогах, составляют IX коллекцию Монгольского фонда ИВ АН.

3) Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии Наук от профессора А. Д. Руднева.² В начале работы дана общая характеристика этих материалов, а также отмечены лексические, орфографические и другие особенности некоторых рукописей и ксилографов. Особое внимание уделено бурятским ксилографам, составляющим значительную часть этого собрания.

Самый каталог представляет собою список монгольских заглавий сочинений с указанием в отдельных случаях их санскритских и тибетских эквивалентов. Весь материал расположен тематически по нескольким отделам.

Несомненным улучшением по сравнению с каталогом библиотеки Азиатского департамента является сообщение сведений об авторе, переводчике и месте издания для целого ряда сочинений. Эти сведения даны в русском переводе. Указаны также точные размеры рукописей и ксилографов и число их листов.

¹ Изв. Рос. Акад. Наук, 1918, стр. 1554.

² Там же, стр. 1549—1568.

Сообщаемые сведения отличаются чрезвычайной краткостью, что особенно заметно в отделе Documenta. Напр., соч. n° 1 — «S. t. 1 пачка официальных бумаг. 2 тетради, 3 чжэ, 2 f.f.»; также соч. n° 228 и др. Такие описания являются совершенно недостаточными.

В Монгольском фонде ИВ АН это собрание значится как «Коллекция 1917 г.».

4) «Список бурятских материалов 1903—1904 гг.»¹ в действительности представляет собой опыт краткого научного описания рукописей. Кроме заглавия (монгольским шрифтом, в русской академической транскрипции и в русском переводе), дается краткое изложение содержания, а в некоторых случаях даже оценка или характеристика сочинения. Сообщаются также различные сведения о степени сохранности рукописей, их размерах и т. п. К сожалению, расположение сообщаемых сведений в тексте недостаточно наглядное — более существенные сведения не выделены среди менее важных. Такому впечатлению способствует отсутствие красных строк и однообразие шрифта. Существенным недостатком является то, что в описаниях рукописей, не имеющих заглавия, не приводится по-монгольски начало сочинения.

Описанные материалы вошли в состав Монгольского фонда ИВ АН под следующими названиями: 1) I коллекция Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (в «Списке» стр. 049—055); 2) II коллекция того же комитета (там же, стр. 056—059); 3) Бурятская коллекция 1903—1904 гг. (там же, стр. 068—084); 4) Материалы же, описанные на стр. 059—068 (фольклорные записи), находятся в Архиве ИВ АН (фонд 62, n° 1 и n° 2).

Другие работы, упомянутые Б. Я. Владимирцовым в том же предисловии (стр. IV—V), не могут быть, строго говоря, названы каталогами.

5) В работе Б. А. Дорна² имеются только очень краткие (иногда буквально в несколько слов) упоминания о поступлении или наличии монгольских рукописей в б. Азиатском музее.

6) Работа Б. Я. Владимирцова «Монгольский фонд»³ дает только общую оценку как старых собраний (И. Иерига, П. Л. Шиллинга фон-Канштадта, Азиатского департамента и др.), так и более новых (А. В. Бурдукова, Б. Я. Владимирцова и др.), и обращает внимание лишь на наиболее ценные рукописи и ксилографы.

7) Такой же характер носит и краткое описание «Mongolica Polyglotta»⁴ того же автора.

8) В описании американского собрания восточных рукописей и ксилографов «Descriptive Account of the Collection of Chinese, Tibetan, Mongol and Japanese Books in the Newberry Library by Berthold Laufer, Ph. D., Publications of the Newberry Library», Chicago [1913], IX + 42 pp., не названо ни одного заглавия монгольских сочинений, а указано только их количество (72) в этом собрании.

9) В работе А. Лебедева (см. выше, стр. 253) указаны только два калмыцких и два тибетских сочинения религиозного содержания.

К списку Б. Я. Владимирцова можно присоединить перечисленные ниже работы, содержащие целый ряд монгольских материалов.

10) I. J. Schmidt und O. Boethlingk. Verzeichniss der Tibetischen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der K. Aka-

¹ Musei Asiatici Petropolitani Notitia VII, curante C. Salemann, Petropoli, 1905; Изв. Акад. Наук, 1905, март, т. XXII, № 3, стр. 049—084.

² В. А. Дорн. Das Asiatische Museum der K. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, 1846, SS. VII, 2, 9, 69, 90, 92, 110, 117, 122, 126.

³ Краткая памятка Азиатского музея. Прп., 1920, стр. 77—84.

⁴ Там же, стр. 85—87.

demie der Wissenschaften. Nachtrag B. Tibetisch-Mongolische und Tibetisch-Mongolisch-Chinesische Werke.¹

11) A. Schiefner. Nachträge zu den von O. Boethlingk und I. J. Schmidt verfassten Verzeichnissen der auf Indien und Tibet bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der K. Akademie der Wissenschaften. III. Nachtrag zu den Tibetisch-Mongolischen Werken.²

12) A. Schiefner. Bericht über die neueste Büchersendung aus Peking. III. Tibetische Werke mit Uebersetzungen.³

Во всех этих работах даны только заглавия сочинений и их краткие переводы, в отдельных местах недостаточно ясные.

Большинство рукописей и ксилографов, перечисленных в этих работах, в настоящее время находится в Монгольском фонде ИВ АН, в коллекции под названием «Старый фонд», где им даны новые шифры. В ряде случаев удалось установить соответствие прежней нумерации этих сочинений (в вышеуказанных работах) с новыми шифрами Монгольского фонда.

За последние несколько лет появились следующие труды.

13) Н. Н. Поппе. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения.⁴ Эта работа является первым опытом тематического описания монгольских рукописей. В небольшом введении к описанию говорится о взаимоотношениях шаманства и ламаизма и отмечается значение описанных рукописей для изучения шаманства. В дальнейшем автор описания подробно излагает содержание сочинений и приводит выдержки из текстов в латинской транскрипции, сопровождая их русским переводом. По содержанию материал разделен на несколько отделов, относящихся к различным шаманским культам (культ тэнгриев, культ огня и др.) и некоторым шаманским обрядам. Внешнее описание рукописей отмечается большой тщательностью: заглавия сочинений приведены монгольским шрифтом, в латинской транскрипции и в русском переводе. При отсутствии заглавия дается начало сочинения (к сожалению, это сделано не во всех случаях). Кроме указания размеров рукописей, числа листов и строк, сообщаются также сведения о бумаге, почерке, орфографии и т. п.

Хотя в этой работе использованы рукописи из нескольких коллекций Монгольского фонда, отсутствие в 1932 г. тематического карточного каталога не позволило автору описания выбрать из Монгольского фонда все рукописи, относящиеся к его теме, и некоторые из них остались нерассмотренными.⁵ Все же описанные материалы в большой мере знакомят нас с этим видом монгольской литературы. Вместе с тем, значительная полнота сведений, сообщаемых о содержании и внешности сочинений, делают эту работу большим шагом вперед в области описания монгольских сочинений.

14) Работа «Монгольские летописи XVII века»⁶ также представляет собою тематическое описание, но носит совершенно иной характер. Главное внимание в ней обращено на изучение текста рукописей. Для этой цели привлечены все имевшиеся списки нескольких сочинений и произведено тщательное сличение их.

Содержание рукописей «Эрдэни-ин тобчи» (сочинение Саган-Сэцэна) и «Алтан тобчи» (неизвестного автора) совсем не приводится при их описании, а в описаниях сочинений «Шара туджи» и «Алтан тобчи» (сочинение

¹ Bulletin de la Classe Historico-philologique de l'Académie impériale des Sciences de St. Pétersbourg [1848]; t. IV, n° 6, 7, 8, pp. 121—125.

² Ibid. [1848], t. V, n° 10, pp. 150—151.

³ Ibid. [1852], t. IX, n° 2, p. 24.

⁴ Записки Института востоковедения Академии Наук СССР, т. I, Лгр., 1932, стр. 151—200.

⁵ Напр. рукописи под шифрами Монг. фонда ИВ АН: В 9, В 261, С 187.

⁶ Труды Института востоковедения Академии Наук СССР, XVI, М.—Л., 1936, 120 стр.

чиках — в соч. п° 3587, 3596, 3585 и 3600 и др.; о датах издания сочинений — п° 3583, 3585, 3589 и др.; о местах издания — п° 3573, 3589, 3604 и некоторых других; иногда даже о переписчиках — п° 3600.

В нескольких описаниях для выяснения вопросов о заглавиях сочинений (напр. п° 3583, 3589 соч. LXXVI; соч. LXXX, соч. LXXXII и др.), дате издания (п° 3608) и т. п. автор описания привлекает тибетскую, китайскую и европейскую литературу и излагает свои соображения по этим и по некоторым другим вопросам. Значительную часть работы (стр. 134—171) занимает описание сборника, озаглавленного «Sung-dui». Каждый из его двух томов содержит целый ряд небольших сочинений: т. I (п° 3588) — соч. I—LV, т. II (п° 3589) — соч. LVI—LXXXVII, для которых даны заглавия в транскрипции с французским переводом, а также ссылки на Ганджур и каталог Г. Бека.¹

Такой же характер носит описание сочинений п° 3533, 3543, 3580 и др. (буддийские сутры). Описание некоторых более известных сутр изложено подробнее. Например в описании п° 3583 («Сутра Золотого блеска»), кроме заглавия и даты издания этого сочинения, указаны: другое монгольское издание (китайского типа) и издания его уйгурской версии (полное и в фрагментах). Для краткого научного описания эти сведения являются вполне достаточными. Работа Л. Лигети, таким образом, содержит ряд описаний, вполне удовлетворяющих требованиям, которые можно предъявить к краткому научному описанию монгольских рукописей и ксилографов.

Достоинства этой работы (в особенности подробное описание Сундуя) были справедливо отмечены Н. Н. Поппе,² причем, однако, из недостатков этого описания указаны только незначительные погрешности в транскрипции отдельных монгольских слов и совсем не отмечены некоторые существенные ошибки и недочеты, имеющиеся в описаниях нескольких сочинений, недостаточное использование ряда колофонов и т. п. Можно сказать, что описания Л. Лигети являются вполне приемлемыми только в тех случаях, когда он имеет дело с сочинениями, описание которых не представляет особых затруднений. Когда же встречаются более сложные случаи описаний, одни из них совершенно не раскрывают содержания сочинений, другие же содержат значительные пробелы и неточности, как это будет показано ниже.

В большинстве описаний приведены только заглавия сочинений с их французским переводом. Эти сведения для определения сочинений и установления их содержания в некоторых случаях оказываются совершенно недостаточными. В самом деле заглавие сочинения «Ciqula kereglegi tegüs udqa-tu šastir orusiba», указанное в описании п° 3597 и его перевод — «Recueil complet de tout ce qu'il est nécessaire de savoir» (перевод к тому же неточный, как и большинство переводов в рассматриваемой работе) — мало что говорят читателю. Если ознакомиться с содержанием этого сочинения,³ то окажется, что оно весьма разнообразно: краткая биография Шакьямуни; краткая история буддизма в Индии и Тибете; объяснение значений некоторых буддийских терминов; буддийская космология; краткая история индийских и тибетских царей и монгольских государей от Чингис-хана до имп. Тогон-Тэмура включительно, сведения по космологии (о гибели мира); объяснение буддийских метафор; буддийские наставления. Таким

¹ Dr. Hermann Beckh. Verzeichniss der Tibetischen Handschriften. Erste Abteilung, Berlin, 1914, X + 192 SS. Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin, Vierundzwanzigster Band.

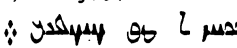
² Современное состояние изучения монгольской литературы за границей. Зап. ИВ АН, VII, М.—Л., 1939, стр. 187—188.

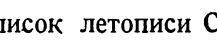
³ В Монгольском фонде ИВ АН имеется несколько списков его под шифрами: С 31, С 40, С 60, С 133, С 514, Н 10, Н 16, Н 17, 15 и I 24.

образом к этому сочинению вполне могут быть применены слова А. М. Позднеева, сказанные им по поводу того, что он при составлении комментариев к Монгольской летописи «Эрдэни-ин эрихэ» пользовался как историческими трудами, так и сочинениями, «которые вовсе и не принадлежат к отделу исторических». «Для людей, которые знакомы с характером монгольской литературы вообще, — говорит А. М. Позднеев, — это не покажется странным: ибо они хорошо знают, что у монголов так же легко встретить исторические сведения в книгах богословия, как в медицинских сочинениях найти отвлеченные трактаты, всецело относящиеся к догматическому учению буддизма».¹

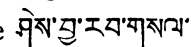
Это сочинение указано в Казанском каталоге О. М. Ковалевского под номером 115: «Чихула кэрэглэгчи тэггүс утхату шастир. — Шастра, заключающая в себе все необходимо нужное. Космология буддийская с присовокуплением хронологии и выражений, часто употребляемых в догматических книгах. Рукопись на Монгольском языке в 1 книге».

В качестве исторического сочинения «Чихула хэрэглэгчи» была, повидимому, использована Саган-Сэцэном, как один из источников его летописи. На это указывают: О. М. Ковалевский,² П. С. Савельев³ и Б. Я. Владимирцов.⁴ Однако заглавия сочинений, приведенные этими авторами (у О. М. Ковалевского в Казанском каталоге — «Чихула кэрэглэгчи тэггүс утхату шастир», в «Буддийской космологии» — «Чихула кэрэглэгчи»; у П. С.

Савельева — ; у Б. Я. Владимирцова — *Ciqula kereglegči tegüs udqa-tu*) не совпадают с заглавием сочинения, указанного в числе источников летописи Саган-Сэцэна в издании И. Я. Шмидта,⁵ где оно пишется .

Такое же заглавие имеется в перечислении источников сочинения. (Список летописи Саган-Сэцэна, принадлежащий Научно-исследовательскому комитету МНР).⁶

Вопрос о тождестве этих сочинений остается пока невыясненным.

Сочинением «Чихула хэрэглэгчи» — в части, касающейся буддийской космологии, — пользовался О. М. Ковалевский, который упоминает эту рукопись в числе источников для «Буддийской космологии».⁷ Там же этот автор указывает, что «Чихула хэрэглэгчи» является переводом, а отчасти и извлечением из тибетского сочинения, заглавие которого он приводит в русской транскрипции: «Шиджа рабду шалва шиджя би дини кгэлунгк Пакба Лодой Джялцан Балдзан буй дзатба шугсу». Под таким же заглавием это сочинение имеется в Казанском каталоге О. М. Ковалевского под № 116, где дано пояснение: «Буддийская космология с краткой историей Индии, Тибета и Монголии. Рукопись на Тибетском языке в 1 книге». Приведенная транскрипция не дает возможности установить тибетский оригинал сочинения. Более точные сведения можно найти в предисловии к «Алтан тобчи», где (стр. X) указаны тибетское сочинение .

¹ А. М. Позднеев. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». . . Предисловие, стр. XXXVII.

² Буддийская космология, изложенная Осипом Ковалевским. Казань, 1837, стр. 13.

³ Алтан тобчи. Монгольская летопись. . . Труды ВОРАО, ч. VI, СПб., 1858, предисловие П. С. Савельева, стр. X.

⁴ Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Изв. Акад. Наук СССР, Сер. VI, 1927, стр. 228.

⁵ I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen, S. 298.

⁶ Фотокопия ИВ АН под шифром Ф. В. 65, л. 96b монгольского текста.

⁷ Буддийская космология. . . , стр. 13.

медицины, известного под сокращенным заглавием «Джуд ши».¹ Для сравнения Л. Лигети отсылает читателя к учебнику тибетской медицины А. М. Позднеева.² Однако здесь желательно было бы указать, что именно III отдел (наибольший по объему — 369 л. монгольского текста) не был переведен А. М. Позднеевым, который перевел только I (10 л.) и II (67 л.) отделы. (IV отдел — 98 л. — также остался непереуведенным).

Далее в описании указывается, что данное сочинение является извлечением из предшествующего, т. е. из соч. н° 3606. Заглавие его гласит: «Rasiyan-u jirūken naiman gesigütü niyusa ubadis erdem-ün ündüsün-ü nemegsen arγ-a emgeg-ün enelgeküi qalayun-i arilyayçi qadbur-a saγ busu-yin ükül-ün selm-e-yi oγtaluγçi ildun neretü sastir».

Прежде всего необходимо исправить некоторые неточности в приведенном заглавии. Чтение «nemegsen» в данном контексте (. . . erdem-ün ündüsün-ü nemegsen arγ-a. . .) не имеет смысла. Монгольское написание его —

ᠨᠡᠮᠡᠭᠰᠡᠩ (см. монгольский текст заглавия) является просто опечаткой.

Должно быть ᠨᠡᠮᠡᠭᠰᠡᠩ «emnegsen», что вполне подходит к заглавию сочинения.

Второе исправление относится к слову, которое по-монгольски пишется ᠰᠡᠮᠡ. В транскрипции оно передано в виде selm-e. Таким образом получается: . . . saγ busu-yin ükül ün selm-e-yi oγtaluγçi ildun. . . — «меч, разрубающий саблю (?) преждевременной смерти». Несомненно, что это слово читается salm-a — 'петля', 'сеть', 'тенета'. Тогда перевод будет гласить: «Меч, разрубающий петлю преждевременной смерти». В тибетском заглавии слово ᠰᠡᠮᠡ — žags вполне подтверждает чтение salm-a.

В переводе заглавия, в описании, это слово вообще отсутствует. Это место заглавия переведено так: «La glaive qui délivre les hommes menacés par la mort prématurée», что является очень неточным переводом метафоры, столь характерной для монгольских заглавий.

Санскритский и тибетский эквиваленты монгольского заглавия в описании не приведены, хотя они имеются в монгольском тексте (лл. 1b и 2a). В ксилографе санскритское заглавие дано (в монгольской транскрипции) в сильно искаженном виде и только благодаря любезному содействию акад. Ф. И. Щербатского удалось восстановить санскритский текст: śalya-uṣṇa-ātāpana - anṭakṛt - karpūra - akāla-mṛtyu-pāṣa - ucchedasya - khadga-nāma-amṛta-hṛdaya-aṣṭāṅga-guhya-upadeśa-guṇa-tantrasya-gandūṣikā.

Восстановление тибетского заглавия (по монгольской транскрипции) не представляет трудностей (хотя в монгольском тексте имеются некоторые ошибки): Bdud-rtsi sñin-bo yan-lag brgyad-ba gsad-ba man-nag yontan brgyud-kyi lhan-t'abs zug-rduhi t'sa-gduñ sel-bahi karpu-ra³ dus-min hc'i-žags bcad-bahi ral-gri žes-bya-ba.

¹ В Монгольском фонде ИВ АН это сочинение имеется под шифрами: Н 289 Ех. I и Ех. II, Н 310, Н 329 Ех. I и Ех. II. См. также: Е. А. О б е р м и л л е р. Пути изучения тибетской медицины. Библиогр. Востока, вып. 8—9, М.—Л., 1936, стр. 48—60. Там же указана русская и иностранная литература.

² Учебник тибетской медицины. Том первый. С монгольского и тибетского перевел А. Позднеев. СПб., 1908, VIII + 425 стр.

³ В монгольской транскрипции: ᠰᠡᠮᠡ kadbur-a. Эта транскрипция была сделана, по всей вероятности, с тибетского текста заглавия. См., напр., ксилограф Монгольского фонда ИВ АН под шифром Н 287, л. 1b, где санскр. karpūra передано в виде

кая при этом разнообразную восточную и европейскую литературу), что является весьма желательным для подробного описания, но что можно считать излишним для данного краткого описания.

Эти моменты описания, а также многие сведения, сообщаемые в работе Л. Лигети, совершенно отсутствовали в первых работах в области описания монгольских материалов (Каталог библиотеки Азиатского департамента, труды А. Шифнера, И. Я. Шмидта и О. Бетлингга и др.), которые для своего времени представляли большой интерес и ценность.

Некоторые из дальнейших работ (Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе, Л. Лигети) отличаются значительными научными достоинствами, но преследуют совершенно различные цели и потому очень неоднородны по содержанию. В большинстве случаев работы по описанию монгольских материалов создавались *ad hoc*; так, поступление бурятских рукописей в 1903 и 1905 гг. в Азиатский музей вызвало описание их в *Musei Asiatici Notitia*; сотая годовщина основания Азиатского музея и издание в связи с этим «Краткой памятки» побудили Б. Я. Владимирцова дать обзор собрания монгольских рукописей и ксилографов. Систематической же работы по описанию монгольских материалов не велось и даже имелась некоторая недооценка этого вида научной работы. Такое положение наблюдается главным образом в монголоведении. В других областях востоковедения давно уже ведется большая работа по описанию имеющихся фондов. Из многочисленных трудов в качестве примеров можно указать на работы В. Розена,¹ А. Гаркави и Г. Л. Штрака,² В. Альвардта,³ А. А. Семенова⁴ и др.

В настоящее время развитие и успехи советского монголоведения побуждают нас обратить самое серьезное внимание на этот участок монголоведного фронта. Работу в этом направлении следует начать с поднятия научного уровня описания монгольских рукописей и ксилографов. Приступая к рассмотрению основных вопросов научного описания монгольских материалов, необходимо прежде всего сказать, что неразработанность в монголоведении ряда вопросов научного описания заставляет обсуждать здесь некоторые вопросы, которые давно уже известны работающим в этом направлении в других областях востоковедения. В то же время особенности монгольских рукописей и ксилографов требуют более подробного рассмотрения отдельных сторон научного описания монгольских материалов.

Задачей такого описания является ознакомление монголоведов и работников смежных научных областей с составом отдельных собраний рукописей и ксилографов; с содержанием их отдельных коллекций; с отдельными рукописями и ксилографами, входящими в состав коллекций; наконец, с отдельными сочинениями, из которых иногда состоит рукопись или ксилограф. В большинстве случаев, однако, рукопись или ксилограф представляют собою одно сочинение. Таким образом отдельное сочинение является той основной единицей, на описании которой следует остановиться в первую очередь. В настоящей статье делается попытка указать

¹ Collections scientifiques de l'Institut des Langues Orientales, I. Les manuscrits arabes, St. Pétersb., 1877, 268 pp.; III. Les manuscrits persans, 1886, 369 pp.; VI. Les manuscrits arabes (non compris dans le № 1), 1891, 271 pp.

² Catalog der Hebräischen Bibelhandschriften der Kais. Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Bd. I, St. Petersburg., 1875, 296 SS.

³ Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Verzeichniss der arabischen Handschriften von W. Ahlwardt. Erster Band, Berlin, 1887, 413 S.; Zweiter Band, 1886, 686 S.; Dritter Band, 1891, 628 S.; Vierter Band, 1892, 561 S.; Fünfter Band, 1893, 645 S.; Sechster Band, 1894, 628 S.; Siebenter Band, 1895, 462 S.; Achter Band, 1896, 806 S.; Neunter Band, 1897, 618 S.; Zehnter Band, 1899, 595 S.

⁴ А. А. Семенов. Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского Государственного университета. Тр. Среднеаз. Гос. ун-в., серия II, вып. 4. Публикации Фунд. Библиотеки САГУ, вып. 1, Ташкент, 1935, 87 стр.

сание предназначено для специалистов, которым переводы не дадут ничего нового. Более целесообразным представляется помещать определение сочинения в виде краткого пояснения или краткого изложения его содержания. Такое пояснение или изложение содержания даст читателю гораздо больше, чем самый точный перевод какого-либо многословно и витиевато изложенного заглавия, напр. заглавия сочинения, известного под сокращенным заглавием «Лхан таб» (см. выше стр. 265—266).

Определение сочинения путем пояснения или изложения его содержания будет иметь большое значение и потому, что, таким образом, описание монгольских рукописей и ксилографов станет в значительной мере доступным и для научных работников, недостаточно или совсем не владеющих монгольским языком. Работа по изложению содержания сочинения требует большого внимания, так как некоторые монгольские сочинения представляют значительные особенности не только в отношении заглавий, но и своего содержания. Главнейшая из них — чрезвычайное разнообразие содержания, придающее некоторым сочинениям характер своеобразных энциклопедий.

На это явление обратил внимание уже А. М. Позднеев. Перечисляя источники для составления комментариев к изданию монгольской летописи «Эрдэни-ин эрихэ», он указывает, что кроме сочинений, содержание которых им кратко изложено, он пользовался еще целым рядом сочинений. «Представлять здесь содержание всех этих сочинений, — говорит он дальше, — кажется мне частью неудобно, а частью вовсе не нужным. Причина этого лежит в том, что одни из упомянутых сочинений, собственно исторические, излагают свои сведения так кратко и отрывочно, захватывают в своем содержании так много жизненных сторон и написаны так несистематично, что кажется легче сделать полный перевод их, чем правильно очертить в кратких словах предмет их сообщений; другие же, хотя я и с успехом пользовался ими для своей цели, вовсе и не принадлежат к отделу исторических».¹ В качестве примеров можно указать на сочинения «Чихула хэрэглэчи», рассмотренное выше (стр. 261—264) и «Цаган тухэ», описание которого см. на стр. 278—280.

Таким образом при описании некоторых монгольских сочинений изложение их содержания является совершенно необходимым. То же следует сказать про описание официальных документов, служебной и частной переписки и т. п. При описании сочинений, у которых отсутствует заглавный лист или даже более или менее значительное количество листов, а также фрагментов и т. п., основной задачей является определение сочинения или фрагмента. Для этого необходимо ознакомиться с содержанием наличного материала и попытаться установить путем сличения с другими сочинениями — частью какого сочинения он является. Если это не оказывается возможным, то приходится довольствоваться изложением содержания имеющегося материала.

Кроме заглавия и раскрытия содержания, существенным элементом описания сочинения является, конечно, указание его автора, сведения о котором в большинстве случаев помещаются в колофоне сочинения, где в некоторых случаях (преимущественно в колофонах словарей) указываются также соавторы, а также лица, в той или иной степени принимавшие участие в написании сочинения. См., например, соч. «Догбар лава» (стр. 266—267).

Не менее важно указание переводчика и редактора перевода. Выяснение этого вопроса дает, прежде всего, возможность судить о том, является ли сочинение оригинальным или переводным. Вместе с тем мы знакомимся с рядом переводчиков и редакторов (наиболее известные из них: Чойджи-

¹ А. М. Позднеев. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» . . Предисловие» стр. XXXVII.

Это заглавие сочинения см. на стр. 17 (рукопись пагинирована по страницам).

1) «*ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*»

Положение о культе Чингис-хана, установленное имп. Хубилаем.

Стр. 1—2 (середина).

2) «*ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*»

В начале II части указывается, что монгольские государи от Чингис-хана до Хубилая осуществляли два принципа управления государством. Далее (начало стр. 3) поясняется, что Цаган-тухэ является:

«*ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*» ...

— «кратким изложением того, как на равных основаниях и правильно проводить в жизнь оба закона», т. е. изложением принципов управления государством на основе союза светской и духовной власти. При этом отмечается, что эти принципы были установлены в Индии Махасамади-ханом и осуществлялись царями Тибета, начиная со Срон-Дзон-Гамбо.

Стр. 2 (середина) — стр. 4 (начало).

3) «*ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*»

а) В начале III части снова говорится о том, что осуществление этих издревле установленных принципов государственного управления началось у монголов со времен Чингис-хана.

Стр. 4.

Далее следуют:

б) Указ имп. Хубилая всем народам его державы, в котором разъясняется преемственность указанных выше принципов, ведущих свое начало из Индии и Тибета, и перечисляются духовные и гражданские чины с указанием их обязанностей.

Стр. 5 — стр. 10 (середина).

в) Установление буддийских праздников наравне с монгольскими национальными праздниками, связанными с временами года и культом Чингиса.

Стр. 10 (вторая половина) — стр. 11 (середина).

г) Поучения имп. Хубилая,¹ к которым примыкают: положение о наказаниях для духовных лиц за различные преступления и правила награждения за заслуги.

Стр. 11 (вторая половина) — стр. 16.

д) Краткое резюме и название сочинения.

Стр. 17.

II

Без заглавия. Начинается

«*ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*»

«*ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ*»

употребляются тогда, когда заглавие восстановлено по другому списку или экземпляру сочинения.

¹ В работе «Монгольские летописи XVII в. (Тр. ИВАН, XVI, М. — Л., 1936, стр. 72), высказано предположение, что отсюда начинается IV часть сочинения.

ᠳᠠᠰᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ
 ᠳᠠᠰᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ
 ᠳᠠᠰᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ

Славословие имп. Хубилаю и моления о даровании щедрот и милостей.
Стр. 17 (конец) и стр. 18 (начало).

III

Без заглавия. Начинается (после формулы поклонения).

ᠳᠠᠰᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ
 ᠳᠠᠰᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ
 ᠳᠠᠰᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ

Начало сочинения по истории буддизма. После краткого очерка жизни будды Шакьямуни устанавливается деление этой истории на десять периодов со времени смерти Шакьямуни до 22 года правления Тэнгри-ин Тэдхугсэн [кит. Цянь-Лун., 1757 г.]. Далее указываются легендарные даты рождения Падма-Самбавы, Манджушри и Нагарджуны. На этом рукопись обрывается.

Стр. 18 — стр. 21 (начало).

IV

Примечания к «Белой книге», составленные собирателем коллекции. — Объяснение некоторых монгольских слов, встречающихся в тексте сочинения.

Стр. 24 — стр. 26.

Рукоп. (Копия собирателя, снятая им в Эджен-хоро, в Ордосе в 1910 г.) 14 л., пагинированных по страницам (стр. 22, 23, 27 и 28 — чистые), + 2 л. обложки. 27.5×21.5 см.

Ср. описание в работе «Монгольские летописи XVII в.», Труды ИВ АН, XVI, М.—Л., 1936, стр. 70—78.

То же соч.: 1) G 92 — Другая копия этого сочинения.

ᠳᠠᠰᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ

2) G 91 —

Другая редакция этого сочинения, упомянутая в работе «Монгольские летописи XVII в.», стр. 70.

...

Позднеев, 20

I 60 Ex. I

ᠳᠠᠰᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ ᠤᠨ

¹ Порядковый номер в описании.

К. К. ФЛУГ

О КАТАЛОГАХ И ИНДЕКСАХ К КИТАЙСКИМ БИБЛИОТЕКАМ-СЕРИЯМ (ЦУН-ШУ)

После появления первых цун-шу или библиотек-серий, изданных в период Сун под названием **儒學警悟** Жу-сюе цзин-у (1202) и **百川學海** Бо-чуань сюе-хай (1273), их количество, в связи с развитием книгопечатного дела, стало быстро возрастать. Издание цун-шу, достигшее особенно больших размеров в XVIII—XIX вв., продолжает, как известно, производиться и до сих пор, причем в последнее время наблюдается усиленный выпуск специальных библиотек-серий, посвященных отдельным областям китайской науки, литературы и искусства. Из числа таких серий широкой известностью пользуются **藝術叢書** И-шу цун-шу и **吉石庵叢書** Цзи-ши-ань цун-шу, изданные Ван Го-вэем и Ло Чжэнь-юем, а также многие другие специальные серии, содержащие сочинения по археологии, математике, географии и т. д.

Важное значение материалов, заключающихся в таких библиотеках-сериях, признано в Китае уже давно, и не напрасно еще **張之洞** Чжан Чжи-дун (известный ученый и государственный деятель второй половины XIX в.), убеждая учащихся в необходимости привлечения этих материалов при изучении литературы и истории Китая, призывал всех лиц, имеющих редкие и неопубликованные сочинения, издавать их в цун-шу «предпочтительно перед своими собственными произведениями».¹ В последнее время китайские библиотеки-серии стали привлекать внимание и на Западе — в особенности после появления известных библиографических работ проф. Pelliot (о Гу и цун-шу, Ши-вань-цзюань-лоу цун-шу, Шо фу и др.), служащих образцами для будущих исследовательских работ в этой области.

Естественно, что наличие огромного количества цун-шу, состоящих, в свою очередь, из множества отдельных сочинений, вызвало появление

¹ См. предисловие Чжан Чжи-дуна к **書目答問** Шу-му да-вэнь, датированное 1875 г. Несмотря на то, что автором этой известной библиографии для начинающих значится сам Чжан Чжи-дун, ее действительным составителем был **繆荃孫** Мяо Цюань-сунь (1844—1920), являющийся автором многочисленных сочинений, среди которых большой известностью пользуются библиографические работы **藝風堂藏書記** И-фэн-тан цан-шу цзи и **清學部圖書館善本書目** Цин сюе-бу ту-шу-гуань шань-бэнь шу-му (см. о них Augoussseau, BEFEO, XII, 63 сл.; XIII, 49). В Шу-му да-вэнь, существующем в многочисленных изданиях, имеется особый отдел с перечнем наиболее известных цун-шу. Дополнение к этой библиографии было опубликовано в 1931 г. **范希曾** Фань Си-цэном под названием Шу-му да-вэнь бу-чжэн (**補正**); рецензия на него помещена в журнале Бэйпин ту-шв-гуань гуань-кань (V, № 3, 112).

специальных каталогов и индексов. Первый из таких каталогов был составлен 顧修 Гу Сю¹ под названием 彙刻書目 Хуй-кэ шу-му. В своем предисловии, датированном 1799 г., Гу Сю говорит, что после окончания каталога он присоединил к его названию слова 初編 чу бян,² желая показать этим, что считает свою работу только началом, за которым должно последовать ее продолжение. Впоследствии, действительно, дополнения и продолжения к Хуй-кэ шу-му составлялись неоднократно.

Первое издание Хуй-кэ шу-му, напечатанное, судя по дате предисловия, в 1799 г., разошлось довольно быстро. В виду этого через 21 год после его опубликования 吳璜川 У Хуан-чуань (прозвище) предпринял новое издание, которое было выгравировано в 1820 г.³ С течением времени доски для этого издания пришли в негодность или погибли, после чего 陳光照 Чэнь Гуан-чжао из Юаньхэ (Цзянсу) произвел новое издание Хуй-кэ шу-му. В своем предисловии, датированном 1875 г., Чэнь Гуан-чжао говорит, что к тексту каталога Гу Сю он присоединил «Продолжение» (суй бян) в двух цзянях, рукописный экземпляр которого получил от одного из своих знакомых. Имя составителя «Продолжения», замечает Чэнь Гуан-чжао, на рукописи отсутствовало. Присоединив это «Продолжение» к имевшемуся у него экземпляру Хуй-кэ шу-му, Чэнь Гуан-чжао издал его, прибавив к заглавию каталога слова 增輯 цзэн цзи (дополненное издание).

Следующее издание Хуй-кэ шу-му в 20 книжках (цэ) было произведено Шанхайским книгоиздательством 福瀛書局 Фу-ин шу-цзюй в 1886 г. Согласно надписи на его титульном листе, оригиналом для издания послужил экземпляр Хуй-кэ шу-му, «дополненный и проверенный (цзэн дин) 朱氏 г. Чжу⁴ из Жэньхэ (Чжэцзян)».

Это издание Хуй-кэ шу-му, законченное печатанием в 1889 г. и состоящее из 20 цэ, значительно превышает по объему предыдущие издания каталога Гу Сю, так как в него вошло гораздо большее количество цун-шу, а кроме

¹ Гу Сю (второе имя или «цзы» 仲歐 Чжун-оу, прозвище, или «хао» 松泉 Сун-цюань) известен как библиофил и издатель, 讀畫齋叢書 Ду-хуа-чжай цун-шу и 南宋羣賢小集 Нань-Сун цюнь-сянь сяо цзи (1801). О каталоге Гу Сю некоторые сведения дает F. Hirth в «Bausteine zu einer Geschichte der Chinesischen Literatur» (№ 10; T'oung Pao, VI, 1895).

² Этим-то и объясняется, что в некоторых, более поздних, изданиях данного каталога в его название входят слова 合編 хэ бян, указывающие на присоединенные к основному тексту Гу Сю «Продолжения» и «Дополнения» (補編 бу бян, 新編 синь бян, 續編 сюй бян).

³ Об этом издании упоминает Чэнь Гуань-Чжао (см. ниже) в предисловии к Хуй-кэ шу-му издания 1875 г. 吳金全 У Цюань (цзы 容齋 Жун-чжай), о котором идет речь в предисловии, был библиофилом из Чанчжоу (Цзянсу), служившим при Юн-чжэне уездным начальником Цзианя (Цзянси).

⁴ Повидимому, это 朱學勤 Чжу Сюе-цин (цзы 修伯 Сю-бо), бывший в середине XIX в. одним из самых крупных коллекционеров книг в пров. Чжэцзян. Каталог библиотеки Чжу Сюе-цин, составленный им под названием 結一廬書目 Цзе-и-лу шу-му, 4 цз., имеется в издании 葉得輝 Е Дэ-хуя 觀古堂 彙刻 Гуань-гу-тан хуй-кэ. В своем предисловии (1901) Е Дэ-хуй замечает, что коллекция Чжу Сюе-цин перешла впоследствии к 張氏 г. Чжан из Фэнжуня (Хэбэй).

того, внесены многочисленные примечания.¹ После появления этого издания значение каталога Гу Сю в его первоначальной редакции можно было считать уже утерянным.

Прежде чем говорить о других «Продолжениях» к Хуй-кэ шу-му, которые выходили в течение последующего времени, нужно упомянуть о каталоге цун-шу, составленном **朱記榮** Чжу Цзи-жуном² под названием **行素堂目睹書錄** Син-су-тан му-ду шу-лу, 10 цз., и напечатанном в 1884—1885 г.³

В этом каталоге принята такая же система классификации цун-шу, как и в предыдущих каталогах т. е. в порядке обычных четырех отделов «цзин, ши, цзы, цзи» (к которым присоединены отделы даосской и буддийской литературы), причем все вошедшие в него издания были лично просмотрены Чжу Цзи-жуном, на что указывает и самое название его каталога.

Из упомянутых выше «Продолжений» каталога Хуй-кэ шу-му первым по времени было Хуй-кэ шу-му вай цзи (**外集**), 6 цз., изданное **松澤老泉** Matsuzava Rōsen в Японии (имеется в издании 1819 г.).

В 1876 г. было издано Сюй (**續**) хуй-кэ шу-му, 12 цз., составителем которого является **傅雲龍** Фу Юнь-лун, известный по опубликованному им в 1889 г.⁴ **日本圖經** Жи-бэнь ту-цзин, 22-я и последняя главы которого могут служить дополнением к известной библиографии **經籍訪古志** Цзин-цзи фан-гу чжи. После этого Ло Чжэнь-юй составил новое «Продолжение», в которое вошло около 300 цун-шу, появившихся после напечатания дополненного издания Чжу Сюе-цинся или пропущенных в нем. Каталог Ло Чжэнь-юя, состоящий из 10 цз, был опубликован в 1914 г. под названием Сюй (**續**) хуй-кэ шу-му.⁵ Одновременно с появлением этого каталога **李之鼎** Ли Чжи-дин (цзы **振唐** Чжэнь-тан) опубликовал каталог **叢書舉要** Цун-шу цзюй яо

¹ Судя по дате «тун-чжи, 10 г.», встречающейся в тексте одного из примечаний (кн. I, 1 г.), они были внесены не ранее 1871 г.

² Цзы **懋之** Моу-чжи, хао **槐廬** Хуай-лу; он является издателем **平津館叢書** Пин-цзинь-гуань цун-шу (1885), **槐廬叢書** Хуай-лу цун-шу (1886), **行素堂金石叢書** Син-су-тан цзинь-ши цун-шу и автором **國朝未刊遺書志略** Го-чао вэй-кань и-шу чжи-люе (в **觀自得齋叢書** Гуань-цзы-дэ-чжай цун-шу).

³ Судя по дате предисловия Чжу Цзи-жуна, составление каталога было закончено уже в 1875 г.

⁴ Согласно дате издания, зарегистрированного в каталоге библиотеки Цзин-хуа сюе-сяо, стр. 186. Об изданных Фу Юнь-луном трех редких вещах в серии **叢喜廬叢書** Чжуань-си-лу цун-шу (1889) см.: Pelliot, BEFEO, II, 340.

⁵ Имеется в издании **雙魚室** Шуан-юй ши. Кроме того, Ло Чжэнь-юем составлено Сюй-хуй-кэ шу-му **junь цзи** (**閏集**), имеющееся в его собственном издании. Упоминаемые в **書目長編** Шу-му чан бянь (2, 20) со ссылкой на Шань-дун тун-чжи, Бу-сюй (**補續**) хуй-кэ шу-му, 6 цз. цинского **吳式芬** У-Ши-фэня и Хуй-кэ шу-му эр бянь (**二編**), 10 цз., составителем которого назван **周毓分** Чжоу Юй-бинь, мне неизвестны.

60 цз., который был составлен 楊守敬 Ян Шоу-цзином¹ приблизительно за тридцать лет до того времени, но оставался неопубликованным до тех пор, пока рукопись его не была передана Ли Чжи-дину. Этот каталог, к которому Ли Чжи-дин присоединил свои дополнения (增訂 цзэн дин), был напечатан типографским шрифтом в Наньчане (Цзянси) в 1914 г. и является в настоящее время одним из самых полных каталогов цун-шу. Вместе с тем, пользование им, так же как и остальными из упомянутых выше каталогов, сопряжено с большими затруднениями, что связано, главным образом, с вопросом классификации цун-шу. Принимая во внимание, что цун-шу представляют собой издания, состоящие, чаще всего, из многочисленных и различных по содержанию произведений, классификация их, действительно, очень сложна, причем особенно большое затруднение возникает при применении обычной системы «четыре отдела» (цзин, ши, цзы, цзи). Ли Чжи-дин попытался избежать этих затруднений посредством присоединения к четырем основным отделам дополнительных отделов в роде: «современные издания (цзинь дай)», «старые издания (цянь дай)», «собственные произведения издателя (цзы чжу)», «буддийские и даосские писатели (ши дао цзя)» и т. д. Однако это лишь усложнило возможность пользования каталогом, внеся еще большую неясность и путаницу в старую систему классификации. В связи с этим нужное цун-шу можно было найти без особых затруднений лишь в тех, сравнительно немногих, случаях, когда оно состояло из однородных по характеру сочинений и когда его название ясно указывало на содержание. Что же касается таких серий, как, напр., известные Чжи-бу-цзу-чжай цун-шу, Шоу-шань-гэ цун-шу и другие, то в виду разнообразия входящих в них сочинений их классификация, а следовательно, и разыскание в каталоге были очень затруднительны.²

Принимая это во внимание, большим шагом вперед можно считать появление 叢書書目彙編 Цун-шу шу-му хуй-бянь, в котором названия цун-

¹ Среди библиографических работ Ян Шоу-цзина (цзы 惶吾 Син-у) известны 日本訪書志 Жи-бэнь фан-шу чжи, 16 цз. (1897), и 留眞譜 Лю чжэнь пу, 12 кн. (1901). Вполне доверять содержащимся в этих библиографиях данным, повидимому, нельзя, так как при составлении их Ян Шоу-цзин, по свидетельству Е Дэ-хуя (см. 書林清話 Шу-линь цин-хуа, цз. 10, 8 г.), допустил явные неточности, будучи заинтересован в продаже описанных им книг. Дополнением к первой из названных библиографий Ян Шоу-цзина служит Жи-бэнь фан-шу суюй чжи (續志), где содержится описание тридцати, приблизительно, сочинений, найденных Ян Шоу-цзином в Японии. Это дополнение опубликовано в Ту-шу-гуань-суюе цзи-кань II, № 3, 467 сл. О серии 古逸叢書 Гу и цун-шу, в которой Ян Шоу-цзин опубликовал 26 старых китайских текстов, найденных им в конце XIX в. в Японии, см. работу Pelliot «Notes de bibliographie chinoise, I, Le Kou yi ts'ong chou» в BEFEO, II, 315—340 (ср. Шу-линь цин-хуа, цз. 10, 7, где Е Дэ-хуй доказывает, что текст вошедшего в Гу и цун-шу 影宋本太平寰宇記補闕 Ин сун-бэнь Тай-пин хуань-юй-цзи бу цюе, т. е. «Дополнение утерянной части Тай-пин хуань-юй цзи, воспроизведенное по сунскому экземпляру», взят не из самой географии сунского 樂史 Юе Ши, а из других источников).

² Одной из наиболее удобных систем классификации цун-шу является, пожалуй, та, которая приведена в 目錄學研究 Му-лу-сюеянь-цзю, 104 (1934). Согласно этой системе все цун-шу разбиваются на два главных отдела: общие и специальные. Первый из них разбивается на подотделы: перепечатки-факсимиле (Гу и цун-шу и др.), избранные произведения из «четыре отдела» (Си-бу цун-кань), сборные (Бо чунань сюе-хай). Второй отдел подразделяется на цун-шу, которые содержат произведения, относящиеся к определенной эпохе (Хань-Вэй цун-шу и др.), местности (Ху-бэй цун-шу), автору, отрасли знания или литературы и т. д.

шу расположены в порядке количества черт, составляющих первый знак. В этот каталог, составленный 沈乾 — Шэнь Цянь-и в 1927 г.,¹ вошло, согласно его предисловию, около двух тысяч цун-шу.² С опубликованием Цун-шу шу-му хуй-бянь появилась возможность ознакомления с содержанием того или иного издания, не прибегая к долгим и утомительным поискам, которые требовались для этого раньше. Вместе с тем разыскание отдельных сочинений, входящих в цун-шу, попрежнему представляло большие трудности, так как, не зная названия серии, в которую помещено соответствующее произведение, приходилось иногда просматривать весь каталог подряд. Совершенно понятно поэтому, что потребность в указателях, при помощи которых можно было бы ориентироваться среди огромного количества сочинений, входящих в цун-шу, ощущалась уже давно.³ В связи с этим, в проводившейся в последнее время научными институтами Китая (в частности Яньцзинским институтом в Бэйпине) интенсивной работе по изданию ценнейших синологических индексов было уделено внимание и составлению указателей к цун-шу. Один из таких указателей был издан в 1931 г. Чжэцзянской областной библиотекой в Ханчжоу под названием 浙江省立圖書館叢書子目索引 Чжэцзян шэн-ли ту-шу-гуань цун-шу цзы-му со-инь. Этот индекс, составленный 金步瀛 Цзинь Бу-ином, разделяется на две части. Первая часть, опубликованная в 1931 г., является указателем к 390 цун-шу, имеющимся в Чжэцзянской библиотеке, вторая часть предназначается служить указателем для других цун-шу. Несмотря на имеющиеся в нем некоторые неточности,⁴ этот указатель не теряет, разумеется, своего важного значения.

Не меньшую, если не большую, ценность представляет полученный библиотекой Института востоковедения указатель авторов сочинений, входящих в цун-шу. Значение этого указателя заключается не только в том, что он дает ключ к быстрому разысканию требуемого произведения данного автора, но и в том, что он, вместе с изданным в 1932 г. указателем к Сы-ку

¹ 2-е издание каталога было напечатано в 1929 г. Медицинским издательством (И-сое шу-цзюй) в Шанхае.

² В это число вошло, однако, довольно много изданий, определение которых термином «цун-шу» вызывает сомнения. Среди таких изданий можно назвать, напр., сунский каталог Цзюнь-чжай ду-шу чжи с дополнением Чжао Си-бяня (стр. 333), компиляцию энциклопедического характера Сань-цай ту-хуй (стр. 20) и др. Довольно странно также, что, говоря в своем предисловии о минских цун-шу, Шэнь Цянь-и называет среди них Бо-чуань сюе-хай, хотя появление этого известного цун-шу относится к сунскому периоду.

³ Это касается, конечно, не только цун-шу, но и всей обширной китайской литературы вообще. Насколько мне известно, первым по времени библиографическим индексом в Китае вообще был 四庫全書總目韻編 Сы-ку-цюань-шу цзун-му юнь бянь, составленный в эру тун-чжи (1862—1874) 范志熙 Фань Чжи-си из Учана (Хубэй). Этот указатель названий сочинений, входящих в каталог библиотеки Цянь-луна, был составлен по тонально-рифмической системе с указанием номеров цзюаней и страниц Сы-ку-цюань-шу цзун-му. Исправлению встречающихся в данном указателе ошибок посвящена заметка, помещенная в журнале Фу-жэнь сюе чжи (II, № 1). Рукопись Сы-ку-цюань-шу цзун-му юнь бянь, оставшаяся, кажется, неопубликованной, хранилась в Бэйпинской национальной библиотеке. Впоследствии 陳乃乾 Чэнь Най-цянем из Хайнина (Чжэцзян) был составлен указатель авторов к тому же Сы-ку-цюань-шу цзун-му и к дополняющему его каталогу Жуань Юаня. Указатель Чэнь Най-цяня, составленный в порядке количества черт в иероглифах, приложен к изданию вышеупомянутых каталогов, выпущенному шанхайским издательством 大東書局 Да-дун шу-цзюй в 1926 г.

⁴ Судя по краткой рецензии, помещенной в Го-ли Бэйпин ту-шу-гуань гуань-кань (1931, V, № 3, 114); сам указатель в библиотеках Ленинграда отсутствует.

цзюань-шу цзун-му и со сводным индексом к двадцати библиографиям,¹ дает наиболее полный список произведений, написанных тем или иным автором. Указатель, о котором идет речь, был издан в 1935 г. библиотекой Нанкинского университета и носит название 金陵大學圖書館叢書子目偏檢(著者之部) Цзиньлин да-сюе ту-шу-гуань цун-шу цзы-му бэй-цзянь (отдел авторов).² Несмотря на то, что число цун-шу, для которых был составлен данный индекс, не превышает 360,³ общее количество указанных в нем авторов достигает приблизительно 6 тыс., а названий произведений этих авторов — 23 тыс. Фамилии авторов расположены в указателе в порядке количества черт в иероглифах, причем часть авторов обозначается не подлинными их фамилиями и именами, а теми прозваниями и титулами, по которым они известны в литературе (Лао-цзы, Тан Тай-цзун и т. д.). Для каждого автора указывается династия, при которой он жил, и прилагается перечень написанных им сочинений со ссылкой на номер цзюани или книги соответствующего цун-шу. Перечни анонимных сочинений, таблицы сокращений и пр., приложенные к индексу, значительно облегчают пользование им. К сожалению, в нем отсутствует алфавитный указатель, для европейцев наиболее удобный.

Ценность этого индекса для всякого китаеведа очевидна и распространяться о ней не стоит. Остается лишь пожелать скорейшего получения библиотекой Института востоковедения двух остальных индексов к цун-шу (по названиям и систематического), издание которых было обещано в свое время библиотекой Нанкинского университета.

¹ См. о нем «Библиография Востока», 1935, № 8—9, 129 сл.

² Опубликован в качестве выпуска № 6 серии изданий библиотеки Нанкинского университета (Цзиньлин да-сюе ту-шу-гуань цун-кань) и состоит из 32 + 30 + 555 стр. Составление индекса произведено заведующим китайским отделом библиотеки 曹祖彬 Цао Цзу-бинем.

³ Относительная незначительность этой цифры видна из сравнения ее с числом цун-шу, (имевшихся в 1934 г.) в Бэйпинской национальной библиотеке, достигавшим 1324, не считая дублетов (около 500). Краткий указатель названий цун-шу, находящихся в Бэйпинской библиотеке, помещен в Го-ли Бэйпин ту-шу-гуань гуань-кань (VIII, 1934, № 3, 53—112) под названием 館藏叢書總目書名首筆檢字表 (Го-ли Бэйпин ту-шу) гуань цан цун-шу цзун-му шу-мин шоу-би цзянь-цзы бяо. В этом индексе, составленном в порядке количества черт первого знака, указывается также составитель или издатель цун-шу, количество цзюаней или сочинений и место издания (к сожалению, дата изданий обычно отсутствует). Отдельные списки цун-шу помещены также в Го-ли Бэйпин ту-шу-гуань юе (гуань) кань (I, № 2, 104; II, № 2, 177; VIII, № 3, 53).

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Brockelmann. Prof. Dr C. *Geschichte der arabischen Litteratur* von —. Erster und zweiter Supplementband, Leiden, E. J. Brill, 1937—1938, 8°, XIX, 973.

В области арабистики, как и всех связанных с нею литератур и дисциплин, едва ли не крупнейшим событием за 1936 г. явилось начало выхода в свет дополнительных томов к известной «Истории арабской литературы» К. Брокельмана. Появление ее на рубеже XX в. составило несомненную эпоху в науке; встреченная вначале несколько суровой критикой, в законченном виде она оказалась совершенно необходимым и незаменимым пособием. Можно смело сказать, что нет ни одного арабиста, который сумел бы в настоящее время обходиться без нее; в известной мере это надо распространить на иранистов, туркологов, гебраистов и вообще всех, причастных к изучению Ближнего Востока, кому приходится в той или иной мере пользоваться арабскими материалами или восходить к арабским источникам. Целые поколения ученых, начиная с конца XIX в., в буквальном смысле учились и росли на этой книге, которая сопровождала их всю жизнь. Ее влиянием надо объяснить, что первое десятилетие XX в. сразу выдвинуло ряд общих обзоров истории арабской литературы (самого Brockelmann'a, Huart'a, Pizzi, Nicholson'a, Goldziher'a, Крымского, позже Gibb'a); книга, действительно, открыла новую эру в своей области. Она настолько стала нам привычной, что иногда даже трудно себе представить, как можно было работать, когда не существовало книги Brockelmann'a.

Однако и наука и жизнь идут вперед: нельзя забывать, что первый том ее вышел в 1898 г., второй — в 1902 г. Истекший период был особенно богат в области арабистики. Появился целый ряд новых каталогов рукописей, притом не только западных собраний, но и восточных. Более и более углубляющееся изучение стамбульских хранилищ почти во всех областях приносит неожиданные открытия и заставляет иногда совершенно менять считавшуюся установленной картину; в сферу изучения входят такие области письменности, на которые раньше не обращали внимания. Колоссально возросло количество впервые публикуемых источников, причем и в этом направлении усиленную деятельность за

последние десятилетия стали проявлять арабский Восток и Индия. Среди этих новых изданий особенно надо отметить группу иногда многотомных биографических словарей, нередко доставляющих исключительный по важности материал историко-литературного характера. В связи с ростом источников шел рост монографических исследований и отдельных статей по самым разнообразным областям арабской письменности, иногда впервые привлекаемым к изучению. Надо, наконец, вспомнить, что новая арабская литература, едва начавшая пробовать свои силы в те годы, когда выходило первое издание книги Brockelmann'a, за последнюю четверть века развернулась пышным цветом и потребовала к себе специального внимания, вызвав целый ряд работ в Европе, широко развив издательскую деятельность у себя на родине. Понятно, что при таких условиях потребность в различных дополнениях к книге Brockelmann'a за последние годы росла все сильнее и сильнее.

Лицам, знакомым с автором, было известно, что осуществление второго издания невозможно в силу особых обязательств, связанных с условиями первого издания. Поэтому все заинтересованные в успехах арабистики с особенной радостью могли узнать, что в феврале 1936 г. известной фирмой E. J. Brill в Лейдене было разослано сообщение о подписке на дополнительные тома; издание могло осуществиться уже при скромной цифре ста подписчиков. Не приходится удивляться, что это число было быстро превзойдено и дошло до четырехсот; в начале марта были разосланы извещения, что издание начато и первый выпуск выйдет в мае. И здесь срок оказался опереженным: подписчики получили выпуск еще в апреле.

Задумано издание в широком масштабе, достойном и автора и издательства, которому востоковедение многим обязано и за последние годы (достаточно напомнить хотя бы заканчиваемую Энциклопедию ислама и монументальный конкорданс к хадисам); рассчитано оно было на 25 выпусков, по 4 печ. листа в каждом, с окончанием приблизительно в два года; цена выпуска по подписке два голландских гульдена. Общий объем дополнительных томов (100 печ. листов — 1600 страниц), таким образом, должен был превзойти основное издание, которое содержит 1242 стр. (пер-

вый том — 528, второй — 714); это превышение в известной части падет на распространённые указатели ко всей работе, которые должны будут включить полностью и весь материал основного издания (указатели в нем занимали только 176 стр.). Фактически эти размеры оказались значительно превзойденными, и два первых тома (без третьего и указателей) заняли более 2000 страниц.

Вышедшие выпуски говорят со всей определенностью, что дополнительные тома составят такую же эпоху в науке, как в свое время основные. Конечно, выход второго издания, в котором весь материал был бы переработан в едином изложении, казался бы более простым и желательным. Однако автор сделал все возможное, чтобы облегчить пользование дополнениями. Принятая им система достаточно наглядна, но не избавляет от необходимости обращаться и к основному изданию.

От этого издания автором сохранено неизменным общее распределение материала как в смысле отделов, так и хронологической последовательности; характер же приводимых дополнений очень разнообразен и создает в изложении естественно очень неоднородную картину. Иногда целые отделы перерабатываются заново и, по существу, дают второе издание соответствующих частей книги. Не менее часто в сохраняемых отделах появляются новые абзацы, а иногда и совершенно новые отделы (для примера можно отметить во втором выпуске отдел о возникновении псевдо-алидской литературы, о прозе эпохи омейядов, общую характеристику аббасидской поэзии). В основном же дополнения идут по линии включения новых имен поэтов и авторов, число которых возрастает в несколько раз сравнительно с первым изданием; главный упор, как и раньше, делается на полную библиографических сведений о них и об их сочинениях. О фигурировавших раньше авторах эти библиографические дополнения доводятся, можно сказать, до последних дней.

Кроме нового материала и различной переработки, можно заметить в дополнительных томах и некоторые принципиальные отличия сравнительно с основным изданием, вызванные развитием науки. В изложении дается большое количество ссылок на первоисточники по отдельным детальным пунктам, которые почти совершенно отсутствовали раньше. Кроме появления за это время новых материалов и новых изданий, объясняется это и всесторонней начитанностью автора, который внимательно штудировал вновь появляющуюся литературу в течение четырех десятков лет. Благодаря такому непосредственному привлечению первоисточников, некоторые отделы приобретают характер, совершенно необычный для первого издания; они являются зародышем научной монографии и исследования по отдельным вопросам или отдельным авторам, которые уже нетрудно было бы превра-

тить в большую работу. Эта система особенно полезна для начинающих работников, которые легко могут видеть, какие темы актуальны в настоящий момент в науке, и даже каковы могут быть главные линии их исследования.

Вторым принципиальным отличием сравнительно с основным изданием является другое отношение к современной арабской литературе, вызванное тоже естественным ходом жизни. В своем проспекте автор справедливо отмечает, что, когда он выпускал свою «Историю арабской литературы», новая арабская литература почти не существовала. За сорок лет положение в корне переменялось — она выросла и количественно и качественно, появились специальные работы о ней. Последний отдел истории литературы будет поэтому совершенно переработан и вся художественная продукция найдет себе в нем должное отражение. Из вышедших выпусков, однако, видно, что автор не ограничил свою задачу одной только художественной литературой: он обратил серьезное внимание и на современную арабскую историю литературы и критику, которую систематически привлекает как по общим вопросам, так и по частным. Известная работа Т. Хусейна, напр., часто цитируется им в различных отделах, посвященных поэзии; уделено внимание критическим взглядам современного поэта Ахмеда Абү Шадди, почти исчерпывающее дается библиографические указания на работы, часто помещенные в виде статей в арабских журналах, бейрутского историка литературы Ф. ал-Бустани. О тщательности и богатстве привлеченного материала можно судить по одному частичному примеру. Давая список общих обзоров истории арабской литературы, на этот раз он не ограничивается европейскими, но приводит и современные арабские курсы и очерки. Совершенно естественно, не все они заслуживают положительной оценки, но для общей характеристики литературного движения картина получается полная. Автор указывает (стр. 12—13) двадцать три названия; из них рецензенту, считающемуся специалистом по новой арабской литературе, доступны только семь. Одно это сопоставление ясно говорит о количестве материалов, привлеченных Brockelmann'ом даже и в этой области. В его работе уже оправдалось то положение, которое я выдвигал несколько лет тому назад, говоря, что в настоящее время при разработке новонарабской литературы нельзя ограничиваться европейской научной литературой, а необходимо в такой же мере считаться с работами современных арабских ученых (ЗИВ, III, 1935, стр. 179).

В параллель к этому интересно отметить еще одну сторону нового труда, которая имеет уже непосредственное отношение к нам: большое внимание и систематическое привлечение русской научной литературы. Оно распространяется на все области печатной продукции за последние 40 лет. Используются новые каталоги рукописей

б. Азиатского музея (в частности, коллекции, собранной на кавказском фронте, и так наз. бухарской), систематически отмечены сколько-нибудь значительные рецензии в ЗВО и ЗКВ, указаны мелкие статьи из «Докладов Академии Наук» и т. д. Важно подчеркнуть, что автор не ограничился только приведением заглавия работы в соответствующем отделе (западные ученые, вероятно, не очень будут ему благодарны за то, что он приводит только транскрипцию русского заглавия, не давая его перевода); видно, что работы читались им и он обращал внимание даже на отдельные детали, умело привлекая их в нужных случаях (см., напр., стр. 30, прим. 2, где речь идет о поэте ал-Ваддахе с указанием материала в двух русских работах).

Осуществление такого громадного свода силами одного человека возможно только потому, что он начал работу над ним молодым человеком (нельзя забывать, что первый том «Истории арабской литературы» вышел тогда, когда автору было всего 30 лет) и продолжал трудиться над ним неустанно почти 40 лет. Наука росла вместе с ним и только в процессе такого роста можно было ее охватить. Неизбежная дифференциация научных областей и колоссальное увеличение печатной продукции ведут к тому, что в будущем такие предприятия станут возможны только при условии коллективной, очень налаженной работы.

Грандиозные масштабы свода, составленного Brockelmann'ом, уже сами по себе говорят, что, как и в основном издании, в нем неизбежны всякие пропуски и недоразумения. Можно с уверенностью а priori сказать, что поправки будут необходимы почти к каждой странице при монографическом ее изучении. Однако именно это обстоятельство говорит о грандиозности идеи и героизме ее выполнения. А priori ясно — и просмотр это подтверждает, — что если при малой доступности на Западе русской литературы возможны в ней пропуски, то другим славянским литературам автор не мог уделить того углубленного внимания, которое он направил на русскую; поэтому, естественно, в более бедных количественно областях польской, чешской или сербской арабистики заметны более значительные пропуски. Отсутствие в арабских странах систематической библиографии позволяет серьезно работать над литературой по существу только на месте, и, конечно, соответствующие части дополнений Brockelmann'a заранее обречены на известную неполноту. При объеме работы не все упоминаемые им произведения он мог изучать *de visu*, и на этой почве вкрались и неточности и прямые недоразумения. Таким образом ясно, что с первого же дня пользования «дополнительными томами» к ним начнут расти дополнения и поправки. И тем не менее, всякому, имеющему представление об истории арабской литературы, ясно, что новый труд составит в науке такую же эпоху,

как в свое время основное издание. Настоящее поколение арабистов должно чувствовать себя счастливым, начиная работу при наличии «дополнительных томов», а не одного основного издания, как в свое время мы.

Август 1936 г.

И. Крачковский

Джебрāн Халиль Джебрāн. Хайātуху, маутуху, адабуху, фаннуху. Бейрут, 1934, 8°, IV, 310. Та'лиф Мих'иль Ну'айме. (Дж. Х. Джебрāн. Его жизнь и смерть, литературное и художественное творчество. Сочинение М. Ну'айме).

Вышедшая недавно книга М. Ну'айме о Дж. Джебрāне является крупным событием и в истории новой арабской литературы и в самой литературе: она одинаково интересна как характеристика героя и автора. Джебрāн Халиль Джебрāн (1883—1931) был, как известно, главой и в значительной мере создателем так наз. сиро-американской школы. (См. теперь Brockelmann, GAL, III. Supplementband, 457—471.) Талантливый художник, в Америке он был популярен и своими английскими произведениями и картинами; в арабских странах его известность стала быстро расти ко времени мировой войны и постепенно захватывала даже такие страны, как Хиджаз и Тунис, где нашлись его восторженные почитатели и подражатели. С его смертью роль сиро-американской школы можно считать сыгранной; она утратила свой основной связующий центр. Амйн ар-Рейханй в жизни ее не играл такой организующей роли; кроме того, с 20-х годов он вернулся в Сирию и его творчество пошло в значительной мере по другим линиям (ум. в 1940 г.). Через год после смерти Джебрāна вернулся на родину его ближайший помощник за последние пятнадцать лет, известный критик, писатель и поэт М. Ну'айме. (О нем см. Brockelmann, op. cit., III, 472—477.) Если в Америке осталось немало даровитых литераторов и журналистов, то среди них в данный момент нет такой фигуры, которая пользовалась бы во всем арабском мире той степенью признания, как упомянутые уроженцы Ливана.

Ну'айме имел совершенно исключительные данные для составления книги о Джебрāне. Его литературная биография хорошо нам известна в его собственном изложении (она опубликована в английском оригинале в «Die Welt des Islāms», XIII, 1931, 104—110); особое значение для нас приобретают слова о влиянии русской литературы и впечатления от России, вынесенные им со школьной скамьи (и в Назарете и в Полтаве). В 1911 г. он переселился в Америку, а в 1912 начал свою литературную деятельность критической статьей о вышедшей незадолго перед тем повести Джебрāна «Сломанные крылья». С 1916 г. на почве общих литературных интересов и предприятий их объединила близкая дружба, не омрачавшаяся до смерти Джебрāна.

В предисловии автор изложил свои колебания, которые ему пришлось побороть, выпуская эту книгу. Он чувствовал, что написать «историю» Джебрана в настоящее время невозможно: для этого нужна другая перспектива и иная эпоха. Мало того, вспоминая о нем теперь, приходится открывать многие «секреты» его жизни, говорить о многих живых людях, которые играли важную роль в его судьбе.¹ Большим облегчением послужило то, что у некоторых из них Ну'айме встретил полное сочувствие и получил разрешение опубликовать различные связанные с ними данные. Невольно ему пришлось говорить много о себе, особенно за последние десять-пятнадцать лет, когда их жизни тесно перепелись. Все эти колебания были окончательно преодолены в 1932 г., когда, вернувшись в Сирию и побывав на могиле Джебрана, Ну'айме мог убедиться, что около его личности уже сложилась легенда, совершенно искажающая действительный облик. Все же он решил дать не «историю» Джебрана, не его настоящую биографию, а только картину его жизни. Если бы можно было воспользоваться сравнением, то в качестве параллели здесь невольно вспоминаются книги Пурталеса о Шопене или, особенно, Верфеля о Верди.

Задача, поставленная автором, выполнена блестяще: перед читателем действительно встает живой Джебрэн, и едва ли в обширной литературе о нем найдется хоть одно произведение даже малого масштаба, которое давало бы такую яркую картину. Этот живой Джебран далеко не идеален, и создавших себе его легендарный образ он может быть несколько разочарует. Но здесь мы его видим в реальной обстановке, во все периоды его жизни и только при таком понимании можем должным образом оценить все его произведения и общую линию их развития. В этой книге он проходит перед нами во все эпохи внутреннего роста; освещение некоторых этапов приобретает иногда совершенно исключительное значение и по четкости, и по глубине, и по документальности. Едва ли кто-нибудь, помимо автора, располагал такими сведениями о зарождении и истории литературного объединения «ар-Рабита ал-каламийа», главного центра сиро-американской школы. Для нас интересно подчеркнуть то обстоятельство, что из пяти членов-основателей его трое (М. Ну'айме, Н. 'Арида и 'А. Хаддād) были питомцами русской школы в Палестине и взгляды их в значи-

тельной мере сложились под влиянием русской литературы. Трогательно звучит, что и сам Джебрэн, не знавший русского языка, в арабских письмах величал своего друга «Мйшā».

Книга состоит из ряда отдельных художественных картин в виде больших или меньших глав, часто выливающих в самостоятельные повести-новеллы. (Некоторые из них и печатались до выхода книги отдельно в арабских журналах.) Объединяет их, кроме личности героя, еще рамка, в которую вставлена вся биография. Автор был вызван к Джебрэну в больницу в последние его минуты. Оставаясь при нем в часы тяжелой агонии, он мысленным взором окинул всю его жизнь. Картиной агонии открывается книга, смертью заканчивается; все прочее как бы образы и видения жизни Джебрэна, которые проходят в воображении сидящего у больничной койки автора. Вся книга в основной части (260 страниц) разбита на три больших отдела с трудно переводимыми заглавиями (Проблеск света, Рассвет, Заря); жизнь героя рисуется как постепенная подготовка к чему-то важному и основному, что неожиданно выразилось в смерти. Подзаголовки иногда вскрывают реальные этапы жизни: «Видения Бшарре» переносят нас в период раннего детства на Ливане с симпатичной, но неприспособленной к жизни фигурой отца, фантазера и гуляки, с безответной, кроткой матерью — типом ливанских крестьянок второй половины XIX в. «Видения Бостона» открывают нам уже картины Америки, куда перебралась вся семья, кроме отца. Проходят сцены раннего развития, первые проблески художественного дарования, первые житейские увлечения еще мальчика. Несколько слабее обрисован Бейрут с годами в средней школе, быть может, оттого, что он отражен в повести Джебрэна «Сломанные крылья». Ярko встает Париж, когда с настойчивой силой начинает влечь к себе живописца. Известие о болезни любимой сестры прерывает течение жизни здесь и торопит в Америку. В живых сестру Джебрэн не застаёт, начинается тяжелая и мрачная полоса жизни: умирают мать и брат все от той же чахотки, бича сирийцев, покидающих родину. Как раз около этого периода устраивается первая выставка картин Джебрэна, меняющая его судьбу. Он получает пожизненную пенсию от американской меценатки и для продолжения художественного образования едет опять на ряд лет в Париж. По возвращении оттуда жизнь его заполняется художественной и литературной деятельностью: достатка нет и временами материальные затруднения обостряются, однако на первом плане все время стоят вопросы творчества, муки неудовлетворенности и неустанное искание новых путей в литературе и живописи. Этот период особенно ярко отражен в книге М. Ну'айме, так как весь проходил на его глазах. История всех его литературных произведений здесь оживляется: иногда отрывки из них вкрапливаются в изложение

¹ Отрицательно к расспросам Ну'айме о «секретной» истории Джебрэна отнеслась близко его знавшая Barbara Young, автор книжки *A Study of Kahlil Gibran, this Man from Lebanon* (New York, 1931). См. Ф. Бустāни в журнале ал-Машриқ 37, 1939, 267—268, и ср. упоминание направленной против него книги Ф. Фāриса у Broskelmann'a, op. cit. III, 471.

и расцвечивают его яркими красками. Важным моментом является организация и деятельность упомянутого уже литературного объединения «ар-Раби́та ал-каламиййа» с его будничной и принципиальной работой, с его вспыхивающими иногда юмором отдельными моментами.

Таков стержень книги М. Ну'айме, но это только стержень: всего же богатства ее, и фактического и литературного, в краткой заметке объять нельзя. Она заслуживает и специальной монографии и перевода на европейский язык. Конечно, нельзя отрицать, что по своему изяществу и тонкости это книга для немногих, но она дает очень много, а главное, лучше всяких отвлеченных рассуждений говорит о развитии и будущем современной арабской литературы. В истории этой литературы и герой книги и ее автор забыты не будут.

В приложении к книге (стр. 263—307) дан ряд писем Джебрѣна к автору, несколько относящихся к его последним годам документов и литературных материалов, в числе которых последнее неопубликованное произведение (стр. 293—301). Украшена книга серией портретов Джебрѣна и его друзей, несколькими снимками с его картин и видом его могилы на Ливане.

Август 1936 г.

И. Крачковский

АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД ИСТОРИИ ТИМУРА ИБН 'АРАБШАХА

Произведение Ибн 'Арабша́ха, автора периода упадка арабской литературы (1389—1450), написанное около 1436 г., хорошо известно и историкам тимуровской эпохи и исследователям арабской историографии и художественной литературы.¹ Уже в XVII в. знаменитый Golius дал издание текста (1636), предназначенное, главным образом, для учебных целей; Ибн 'Арабша́х оказался, таким образом, вторым после ал-Макѣна (1625) арабским историком; с которым Европа могла ознакомиться в печатном виде. Перевод, подготовленный Golius'ом, не увидел света; ² историкам текст

стал доступен во французском, мало удовлетворительном пересказе Vattier (1658). Материалы ряда голландских ученых использовал Manger,³ давший новое издание с латинским переводом (1767—1772). Слава памятника как художественного произведения стояла в Европе с XVIII в. очень высоко ⁴ и некоторыми учеными (Warner, Jones) он ценился не ниже Корана; в 1784 г. вышел даже специальный словарь (Willmet) к Корану, мақамам ал-Харѣрѣ и биографии Тимура Ибн 'Арабша́ха.

XIX век принес ряд изданий арабского текста в Калькутте и Каире.⁵ Эти издания представляли некоторый прогресс сравнительно с текстом, опубликованным Manger'ом, главным образом в том смысле, что они обращали внимание на систематическое разделение рифмованной прозы сочинения и этим самым помогали правильному синтаксическому пониманию фраз; лучшим является калькуттское издание 1818 г., основанное на четырех рукописях и полностью огласованное. Проредактировано оно известным южноарабским литератором начала XIX в. Ахмедом ал-Йемени аш-Ширвани, работавшим в Индии.⁶

Вообще же, как это ни странно, несмотря на большое сохраняющееся внимание к Ибн 'Арабша́ху как к историку, изучение его текста с филологической точки зрения в Европе остановилось на уровне XVIII в. Критического издания его до сих пор нет и если отсутствие его может быть объяснено значительным количеством восточных публикаций, то приходится помнить, что стиль Ибн 'Арабша́ха по своей сложности и вычурности доступен даже далеко не всем историкам, владеющим в обычном размере арабским языком: единственным пособием для

в 1703—1704 г. (Brockelmann, Babinger); источники говорят только о приобретении им рукописного перевода Golius'a в 1703 г. (Schnurrer, Juynboll) и никакой речи об издании нет ни в них, ни в каталоге книг Британского Музея.

¹ Перевод Golius'a он уже не мог разыскать (предисловие, I, II).

² Интересно отметить, что и турецкий перевод Ибн 'Арабша́ха был издан в Стамбуле еще в 1142 (1729—1730) г. См.: F. Babinger. Stambuler Buchwesen im 18. Jahrhundert. Leipzig, 1919, 14.

³ Наиболее полный перечень изданий дан Babinger'ом (Die Geschichtsschreiber der Osmanen, I. c.); упоминание у Sarkis'a (op. cit.) под вопросом стамбульского издания 1233 г. основано на недоразумении: речь идет о калькуттском издании 1818 (= 1233) г.

⁴ Ср.: Brockelmann, GAL, II, 502, № 1 и SB, II, 850—851. Sarkis. Dictionnaire, 1120—1121. Отдел о нем у Мухаммеда ибн Забары ал-Йемени (Найл ал-вафар, I, Каир, 1348, 212—215) дает слишком мало фактических данных.

¹ Основные био-библиографические данные о нем см.: Brockelmann, GAL, II, 28—30 и SB, II, 24—25. — Pedersen, EI, II, 385. — Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen. Leipzig, 1927, 20—23. — Sarkis. Dictionnaire, 173. — А. Крымский. Новый энциклопедический словарь, XVIII, 914.

² Упоминание некоторых авторов (Brockelmann, Крымский) о его издании основано на недоразумении: о судьбе этого перевода, оставшегося в рукописи, см. Schnurrer. Bibliotheca arabica. Halae, 1811, 134. — W. M. C. Juynboll. Zeventiende-eeuwse Boeefenaars van het Arabisch en Nederland. Utrecht, 1931, 151. Необоснованным мне кажется и упоминание о переиздании J. Meier'a в Оксфорде в

них попрежнему остается перевод Manger'a, между тем арабская филология за два века немало двинулась вперед, и то, что могло удовлетворять современников Manger'a, едва ли удовлетворит нас. Приходится не забывать и того, что выполненный по своему времени добросовестно перевод с примечаниями уже в момент своего появления не всеми арабистами был признан стоящим на большой высоте: в частности, не очень одобрительно к ним относился Reiske, читавший издание вскоре после его выхода со своим учеником Schnurger'ом.¹

При таких условиях понятно, что выход в свет нового перевода² должен представлять особый интерес и для историков и для арабистов, тем более, что на заглавном листе как бы подчеркивается его связь с арабским оригиналом. К сожалению, переводчик в своем кратком предисловии не счел нужным указать, каким изданием арабского текста он пользовался, а одна фраза наводит даже на мысль, играл ли у него первенствующую роль арабский оригинал: он говорит (стр. XVIII): «Throughout I have used freely Manger's annotated Latin version of Ibn Arabshah». При сличении очень быстро выясняется, что никакими другими источниками, кроме работы Manger'a 1767—1772 гг., для своего перевода он не считал нужным руководствоваться.

Об этом прежде всего говорит повторение тех же пропусков и недоразумений, которые имеются у Manger'a, хотя избежать их не составило бы особого труда. В конце главы XLV Sanders (стр. 79) говорит: «There is a gap in the Mss», повторяя фразу Manger'a (I, 383): «Desunt reliquia hujus Capituli in Mss». Если бы он дал себе труд проверить это замечание по любому изданию (напр. каирскому 1285 г., которым я пользуюсь и в дальнейшем), то увидел бы, что никакого пропуска нет, а, наоборот, в издании Manger'a в конце главы по недоразумению попала половина фразы, не относящейся к ней.³ Следуя за своим источником, Sanders (стр. 146) пропускает

в переводе фразу, помещенную Manger'ом (II, 77, прим. 8) в примечание. Сличение с каирским изданием (стр. 109) показывает, что она относится к основному тексту и не может быть опущена; подтверждается это и ссылкой Френа на две рукописи (Manger, II, 78).

Не привлекая других изданий (не говоря уже про рукописи), переводчик ставит себя в полную зависимость от латинского перевода Manger'a и оказывается не в состоянии исправить простейшие погрешности, хотя они сразу ясны при взгляде на его же арабский текст. Для начала остановимся на датах и собственных именах, приобретающих особое значение в историческом труде.

На стр. 137 указывается дата «on the eleventh day of the second month Rabia», где переводчик следует Manger'у (II, 27): «die undecimo mensis Rabiae posterioris». Текст (II, 26: يوم الأحد العاشر من شهر ربيع الآخر

ربيع الآخر) сразу показывает, что надо перевести: «в воскресенье десятого раби' II». Тремя страницами раньше разница оказалась существеннее: Sanders (стр. 134) указывает: «on the tenth of the second month Rabia», как и Manger (II, 13): «die decimo mensis Rabiae posterioris». На самом деле в тексте (II, 12) в невозможной конструкции

عشرة شهر ربيع الآخر вм. عشرة надо читать غرة, т. е. «первого раби II», как дается и в египетском издании (стр. 101) и Френом. Переводчик не задумался даже над тем, что ход событий требовал промежутка времени не в один день, который предоставлен по его переводу.

С собственными именами дело обстоит не лучше. Ограничусь тоже только некоторыми примерами. На стр. 147 у Sanders'a появляется некий Abdul Jabar son of Abdul Jabar Rahman (как и у Manger'a, II, 80—81). Конечно, даже при элементарном знакомстве с мусульманской ономастикой ясно, что такое имя невозможно, и в каирском издании (стр. 110) стоит правильно 'Абд ал-Джаббар ибн-ан-Ну'ман. В данном случае Sanders'у, однако, не было необходимости обращаться к другому изданию и достаточно было прочитать свой собственный перевод двумя страницами ниже (стр. 149 = Manger, II, 90—91), где то же лицо — близкий к Тимуру известный среднеазиатский ученый — называется правильно. Несмотря на это, в указателе (стр. 334) он превращен в три различных фигуры: Abdal Jabar, Abdaljabar и Abdal Jabar Rahman! На стр. 55 попадает местность Zulistan, оказывающаяся последним словом в указателе (стр. 341). Возникла она, конечно, под влиянием неисправного чтения Manger'a (I, 59): в виду имеется Забулистан, как и дает каирское издание (стр. 44). Особенная неудача постигает турецкие имена, которые и для Sanders'a оказываются так же неясны, как для Manger'a: у последнего фигурирует, напр., «fil. Tega-

¹ Chr. Fr. Schnurger. Bibliotheca arabica. Halae, 1811, 136: Latina etiam versio haud multum probata Reiskio. Annotationes denique, neque copiosae, neque permultae lectionis, haud multum faciunt ad illustrandum scriptorem praeprimis difficilem.

² Tamerlane or Timur the great Amir. Translated by J. H. Sanders. From the Arabic Life by Ahmed ibn Arabshah. London (Luzac and Co), 1936, 8°, XVIII + 341.

³ Это подтверждается и ссылкой Френа на три рукописи Ибн 'Арабшаха, имеющийся в экземпляре издания Manger'a, который принадлежит Институту востоковедения Академии Наук (XV 2/36; теперь хранится в рукописном отделе). Об этом драгоценном экземпляре будет речь в конце заметки; все ссылки на Френа в дальнейшем даются по нему.

naei» (II, 13) и у Sanders'a «son of Taghani» (стр. 134). Правильное чтение каирского издания (стр. 100), равно как и приписки Френа, говорит, что мы имеем турецкое имя طغاي (без нұна, как у Manger'a). Некоторые недоразумения с именами носят, если можно так выразиться, наивный характер: и в переводе (стр. 136, 152) и в указателе (стр. 340) часто появляется Tunbagha (ср. Manger, II, 18). Объясняется это тем, что в турецком имени التونбага переводчик слог ал принимает за определенный арабский член. Нечего и говорить, что при передаче имен Sanders совершенно не считается с рифмой: у него появляется valley of Al Tim (стр. 142), хотя если не знакомство с географией Сирии, то соседние рифмы الغيم والأيم (Manger, II, 54—55) могли бы подсказать, что речь идет об известной Вадй-т-Тайм.

Если от имен и дат перейти к самому тексту, положение оказывается тем же: всюду заметна полная зависимость от латинского перевода без какого бы то ни было внимания к арабскому оригиналу. Иногда и латинский перевод читается небрежно: обычное выражение لمع الصباح 'блеск зари' Sanders (стр. 137) переводит вдруг «splendor of gold», очевидно прочитав у Manger'a (II, 24—25) вместо стоящего там «splendorem Aurorae» — auri. Без всяких изъяснений повторяются все недоразумения Manger'a, для образца которых ограничусь рядом примеров.

Стр. 137: «cried in their trouble» = Manger, II, 27—28: «clamabant in angustia». Надо (وينادون... في الأوتقة): «и кричали на улицах».

Стр. 140: «Then Sultan Hussein, son of the sister of Timur, showed his hidden purpose» = Manger, II, 40—41: «Tum manifestavit Sultan Hussein, filius sororis Timuri, aegrimoniam quam hucusque abderat de stato suo». Надо (ثم ان سلطان حسين وهو ابن اخت تيمور اظهر انه خامر¹ على خاله): «Затем султан Хусейн, сын сестры Тимура, выказал, что он раздражен против своего дяди».

Стр. 144—145: «... that my life has been extended and by Allah! that I have lived long enough to see this man, who is truly a king» = Manger, II, 68—69: «... quod mihi aetas mea producta sit, ac, per Deum! eo usque vixerim, donec viderim hunc, اذا² امتدّ بي زمانى) Надо (ومن الله على بأن احباني حتى رايت (من هو الملك على الحقيقة... что продлилось мое время и Аллах оказал мне милость, сохранив живым, так что я увидел, кто царь поистине».

¹ Каирское издание дает вариант: خالف.

² Каирское издание приводит лучшее чтение: إذا

Стр. 145: «... but in his heart evils and heavier matters were turning, which presently broke forth» = Manger, II, 74—75: «... sed in ipsius pectore mala et graviora negotia agitabantur, qui mox eruerunt». Надо (وفي خاطره شرور وامور تمور) «... а в уме у него зло и другие дела шевелились. Они же ушли в смятении».

Стр. 149: «Most of his learned contemporaries in Transoxiana counted him as their head and consulted him in questions which they raised» = Manger, II, 90—91: «Plerique eruditi ipsius coetanei in Transoxiana eum pro capite habebant, atque ab eo referebant questiones, quas instituebant». Надо (واكثر علماء عصره بما وراء النهر قرأ عليه) «Большинство ученых его времени в Мавераннахре изучали под его руководством науку о „ветвях“ (права) и передавали с его слов вопросы права».

Стр. 144: «This man is not one of them» = Manger, II, 64—65: «hicce vir non est ex his». Надо (هذا الرجل ليس من ههنا): «Этот человек не отсюда».

Стр. 144: «... some in that turn of affairs were through fear distracted from eating» = Manger, II, 66—67: «... aliqui isto casu prae metu ab edendo distracti fuerunt». Надо (بعض تشاغل عن الأكل): «... а некоторые отвлеклись от еды беседой в смущении».

Стр. 144: «... some in that turn of affairs were through fear distracted from eating» = Manger, II, 66—67: «... aliqui isto casu prae metu ab edendo distracti fuerunt». Надо (بعض تشاغل عن الأكل): «... а некоторые отвлеклись от еды беседой в смущении».

Если так обстоит дело с простыми сравнительно частями текста, то, конечно, еще хуже оно тогда, когда речь касается каких-нибудь художественных образов, литературных или исторических намеков, которыми произведение Ибн 'Арабшаха переполнено до последней степени.

Стр. 135: «... in its famous mosque... a Persian inscription... which I have translated» = Manger, II, 14—15: «... in illustri ejus basilica... inscriptionem persicam, quam transtuli». Надо (بالجامع... النورى نقشا... بالفارسی ما ترجمته): «... в мечети Нур ад-дина персидскую надпись, перевод которой таков...»

Стр. 3: «... and so he acted the part of a fox» = Manger, I, 22—23: «... atque ita personum aegit vulpis». Надо (فأشبهت): «... и уподобился его история случаю с Са'лабой (гасанидским эмиром)».

Стр. 61: «... the story of the two brothers and the woman called Zat Alsafa» = Manger, I, 294—295: «... historia de duobus fratribus et femina dicta Dsat Alsapha».

¹ Каирское издание (стр. 111) и поправка Френа дают лучший вариант: المشروع.

Надо (قصة الاخوين مع ذات الصفا): «... история про двух братьев и [змею] жившую в скале». (Имеется в виду известная до-исламская басня.)

Стр. 91: «... to reflect their mutual benevolence» = Manger, I, 442—443: «... mutua benevolentia sibi solebant respondere». Надо (كانت من باب توارد الخاطر): «... представляли случаи совпадения мыслей».

Стр. 137: «... a lion... not seeking longer life» = Manger, II, 22—23: «... leo... qui satis vixisse sibi videatur». Надо (اسد... في كفيه حیات): «... лев, в лапах которого змен».

Стр. 143—144: «... they could not take him as an associate; for he was by sect, as well in respect of eloquence and poetry a Maliki, and in knowledge of tradition and history an Asmai» = Manger, II, 62—65: «... neque enim poterant eum socium sibi adsumere, erat quippe secta, aequae ac eloquentia et poësia Malichaeus, peritia Traditionum et Historiarum Almaeus». Надо (فما وسعيهم الاستصحابه¹ معهم وكان مالكي المذهب والمنظر اصمعي الرواية والمخبر): «... и им пришлось взять его с собой; был он маликит по толку и по общию, ал-Асмай по искусству передачи и при непосредственном знакомстве».

Стр. 138: «Each held a quivering spear, at whose shaking the fairest forms would fall, and a sharp sword whose glance was a sign of shedding of blood» = Manger, II, 32—33: «Unicuique erat hasta tremula, ad cuius agitationem statura speciosissime procumbunt; et gladius acutus, cuius e nictationibus cognoscatur fusio (instans) sanguinis». Надо (مع كل منهم خنار تسجد قدود) الملاح لخطارته ويتار يتعلم سفق الدماء من الحظاته): «С каждым из них гибкое [копье], пред гибкостью которого преклоняются станы красавиц, и острый [меч], от мигания которого [взоры красавиц] научаются проливать кровь».

Стр. 142: «... and our prayers have been answered» = Manger, II, 52—53: «votique compotes facti sumus». Надо (والمامل قد²) حصلا): «и на что мы надеялись, произошло».

Последний пример, между прочим, особенно характерен потому, что показывает, как Sanders (вслед за Manger'ом) совершенно не в состоянии выделить стихи из прозаической речи и даже не замечает их наличия. И здесь при отсутствии соответ-

ствующей начитанности могла бы помочь простая справка в каирском издании.

Отрицательного впечатления перевода¹ не может смягчить сопровождающий его скудный вспомогательный аппарат. Указатель (стр. 334—341) переполнен недоразумениями, которые ясны по приведенным примерам отношения переводчика к собственным именам. (Беспомощность составителя доходит до того, что имя до-исламского поэта Тааббата Шерра приводится в форме Taabata Shara и Tabat Shara, как имена двух различных лиц — стр. 340!) В таком виде указатель пользы не приносит, а способен только ввести в заблуждение. Примечания тоже более чем скудны и в свою очередь не лишены элементарных недоразумений (на стр. 320, напр., абиссинский наместник Абраха, предпринимавший легендарный поход на Мекку, смешан с негусом, давшим приют выселившимся в Абиссинию мусульманам). Краткое предисловие (стр. XV—XVIII) носит совершенно поверхностный характер; фактическая сторона и у него далеко не безупречна [Ибн 'Арабшāх называется (стр. XVI) почему-то 'formerly secretary of Sultan Ahmed of Bagdad']. Не совсем точно и указание (ibid.) о том, что Ибн 'Арабшāх «has never before been translated into English». Если сообщение Schnurrer'a (Bibliotheca arabica, стр. 137) о старом английском переводе не подтверждается, то в 1888 г. вышел перевод первой части J. Oliver'a в Индии: упомянут он Brockelmann'ом (II, 707) и имеется в каталоге книг Британского Музея (Supplementary Catalogue of Arabic Printed Books in the British Museum, compiled by A. Fulton and A. G. Ellis. London 1926, 186).

После всего сказанного вывод о работе Sanders'a может быть только один: по своему научному значению она стоит на уровне XVIII в. и не представляет никакого шага вперед сравнительно с латинским переводом Manger'a, который для своей эпохи был, несомненно, серьезным трудом. Невелико и популярное значение книги, так как она переполнена элементарными погрешностями. (Приблизительно к тому же выводу приходят и некоторые из известных мне рецензий. См.: V. M., BSOS, IX, 1937, 237—238; W. Hinz, OLZ, 40, 1937, 629—631; von Grūnebaum, WZKM, XLV, 1938, 148—149.)

Таким образом удовлетворительного для нашего времени перевода истории Тимура Ибн 'Арабшāха попрежнему нет и, может быть, из этого следует сделать некоторые выводы именно нам, подумав о переводе его на русский язык. Конечно, в известной мере он привлекался неоднократно нашими учеными (особенно В. В. Бартольд и А. Ю. Якубовским), однако исследованным в полной мере его считать нельзя, отчасти

¹ Каирское издание (стр. 107) и Френ дают верное чтение: الا استصحابه.

² В издании Manger'a стоит حصل, но верное чтение дано каирским изданием (стр. 106) и поправкой Френа.

¹ У Sanders'a опущена почему-то заключительная глава Ибн 'Арабшāха (= Manger, II, 960—1003; каирское издание, стр. 244—249).

в связи с особенностями стиля. Между тем, большая часть его книги относится или к событиям, происходившим на территориях, ныне находящихся в пределах Союза ССР, или к лицам, игравшим роль в их жизни. Для научного, критического перевода Ибн 'Арабшāха наши библиотеки располагают всеми необходимыми пособиями. Хотя в Ленинграде имеется только одна неполная рукопись Ибн Арабшāха,¹ но наличие изданий Manger'a и калькуттского и независимых от него каирских изданий избавляет от необходимости обращаться к первой. Кроме того, библиотека Института востоковедения располагает совершенно исключительным вспомогательным материалом: это — принадлежавший Френу экземпляр работы Manger'a. Как видно по приписке на втором томе, книга была ему подарена известным меценатом, канцлером Н. П. Румянцевым (1751—1826), который вообще близко стоял к работам Френа,² в 1819 г., т. е. вскоре после его переселения в Петербург. Среди своих многочисленных начинаний Френ, повидимому, думал о критическом издании или переводе Ибн 'Арабшāха.³ Оба тома он снабдил систематически разночтениями по трем парижским рукописям, приведя точное обозначение их в начале первого тома (I, 5),⁴ сделал массу поправок к латинскому переводу, дал ряд объяснений сложных мест. В начале каждого тома на особой странице он поместил перечень тех специфических оборотов и выражений, которые требуют специального исследования. О тщательном отношении его к работе говорит, напр., особая вклейка четырех мелко исписанных страничек (II, 36—37), дающих объяснение специальных терминов метрики, на игре которыми основано описание боя между египетскими мамлюками и монголами. Вообще, этот эк-

земпляр работы Manger'a представляет единственное в своем роде пособие, и пройти мимо него русский переводчик не должен. Нужно, конечно, иметь в виду, что при всех облегчающих обстоятельствах перевод Ибн 'Арабшāха дело очень серьезное: оно требует некоторой осведомленности в истории тех стран, где действие происходит, и очень основательной начитанности в арабской литературе. Никаких следов ни той, ни другой в переводе Sanders'a не заметно, и подражать ему не следует.

Май 1937 г.

И. Крачковский

Abū Bakr Muḥammad b. Jahyā aṣ-Ṣūlī. *Kitāb al-Awrāk* (Section on Contemporary Poets). Edited by J. Heyworth Dunne, London, 1934, 8° 12, 256, 16 стр.

Abū Bakr Muḥammad b. Yahyā aṣ-Ṣūlī. *Akhbār ar-Rādī wal-Muttaḳī from the Kitāb al-Awrāk*. Arabic text edited by J. Heyworth Dunne, London, 1935, 8°, 14, 308 стр.

К числу авторов, открытие и исследование которых в значительной мере обязано нашей науке, принадлежит известный историк и литератор ас-Ṣūlī. Умерший в 946 г., он является современником знаменитого ат-Ṭабари и представляет особый интерес еще потому, что основную часть своей истории он посвятил событиям, связанным с его жизнью, и эпохе двух предшествующих поколений. Первый том, который стал известен европейской науке, был идентифицирован В. Р. Розеном по анонимному экземпляру ханыковского собрания в Публичной библиотеке: он привлек его к изданию отредактированной им части ат-Ṭабари, переписал полностью (ИАН, 1918, 1334—1335, № 41) и предполагал когда-либо опубликовать. Впоследствии В. В. Бартольд обратил внимание на рукопись ас-Ṣūlī в Каире, А. Е. Крымский издал по ней значительный отрывок, я сам после ряда связанных с ним статей подвел (в *Enzyklopaedie des Islam*, IV, 586—587) некоторый итог известиям о нем и постарался суммировать данные о рукописях сохранившихся его произведений. Таким образом в изучении этого автора наша наука сделала довольно много; в издании его произведений Запад за последние годы нас опередил, и останется ли за нами намеченное опубликование определенной В. Р. Розеном рукописи Публичной библиотеки, теперь становится не ясным.

Издание этого основного исторического труда ас-Ṣūlī *Kitāb al-aṭ-ṭarāḳ* предпринял английский ориенталист J. Heyworth Dunne, имевший возможность ряд лет провести в Египте, в связи с чем стоит, вероятно, чисто арабская внешность его издания, отпечатанного в Каире. И предисловие и незначительный критический аппарат даны

¹ Рукопись находится в библиотеке университета (0.434, ср. Indices, стр. 36), куда была передана из Ришельевского лицея в Одессе: она содержит только первую часть, писаная вероятно в начале XIX в. и для текстуальной критики интереса не представляет.

² См.; напр., Русский биографический словарь, Фабер—Цявловский (СПб., 1901, 227—228) и Романова—Рясовский (Пгр., 1918, 514).

³ Интересно отметить, что в начале XIX в. над Ибн 'Арабшāхом работал и финский ученый С. G. Sjöstedt (1799—1834). См.: Edv. Stenij. *Studia orientalia*. I. Helsingfors, 1925, 273.

⁴ Едва ли сличение было произведено непосредственно им самим: материалы по Ибн 'Арабшāху находились в рукописях Schultens'a (ср. Manger, I, IX, XI), Reiske (ср. Schnuriger, *Bibliotheca arabica*, 136) и других ученых (ср. B a b i n g e r. *Die Geschichtsschreiber der Osmanen*, 22); он мог воспользоваться ими благодаря своему учителю Tychsen'у.

исключительно по-арабски; первое местами, быть может, в слишком приподнятых риторически тонах.

В 1934 г. Heyworth Dunne издал по каирской рукописи том из литературной части, посвященной поэтам начала аббасидской династии. Частично он был уже известен по изданному А. Е. Крымским отрывку (о чем издатель в предисловии не упомянул); по содержанию он, пожалуй, наименее интересен, так как историческая часть сведена до минимума и даются преимущественно извлечения из поэтов, в большинстве случаев не первого ранга.

В противоположность этому следующий том, изданный в 1935 г., является едва ли не наиболее ценным во всей исторической части труда, так как захватывает период, современный автору, и кончает изложение только за два года до его смерти. Издан том по рукописи, находящейся в Стамбуле и впервые отмеченной Rescher'ом; издатель пользовался каирской фотографией с нее. Второй экземпляр, повидимому копия стамбульской рукописи, находится в Парижской национальной библиотеке и систематически привлекался А. Mez'ом в его известном труде «Die Renaissance des Islam». Издатель в предисловии не упомянул парижской рукописи, и вопрос об их соотношении остается открытым.

Том захватывает период халифата ар-Ради и ал-Муттаки (934—944 гг.). Первый был учеником ас-Сүли; он остался близким ему лицом и после занятия халифского трона. Понятно, что автор уделяет ему особое внимание, в частности подчеркивая его литературное и поэтическое дарование. Он даже включает в изложение небольшой диван его стихотворений в алфавитном порядке. При его преемнике ас-Сүли впал в некоторую опалу и должен был отойти от придворной жизни, что, как увидим сейчас, его изложению послужило только на пользу.

В основном, ас-Сүли был придворным литератором и это, конечно, не могло не наложить особого отпечатка на его историю. С одной стороны, это — хроника придворной жизни, очень подробная и точная, писанная человеком, который близко принимал в ней участие, дающая ясную картину всего этого узкого и тепличного быта. Здесь видна и официальная, показная часть — приемы послов, торжественные аудиенции, собрания с поэтами в официальные праздники. В таких же деталях ас-Сүли раскрывает и каждодневную жизнь халифов со всем их времяпрепровождением, литературными развлечениями, пирушками и неизбежными гаремными интригами. Картина получается по-своему живая и едва ли кем-нибудь из официальных историков в такой полноте представленная.

Замкнуться в придворной жизни, однако, ас-Сүли не может; период для этого был слишком беспокойный. Его хроника

дает, с другой стороны, такую же яркую картину всей жизни халифата в деталях, сразу помогающих нам почувствовать дыхание эпохи. Для высших слоев жизнь шла далеко беспокойно: сам халиф часто покидал Багдад и вольно и невольно, чтобы спастись от слишком явно прорывавшихся чувств населения. Для халифата уже наступил период анархии: фактическая власть была в руках войсковых отрядов, враждовавших между собою, главным образом, турок и дейлемитов. Постоянной угрозой тяготело широко раскинувшееся карматское движение, поддерживаемое обширными кругами недовольных. Постоянная смена администрации говорила о ее бессилии; банкиры, игравшие большую роль в халифате, подвергались систематическим конфискациям, не улучшавшим, конечно, положения. Высшим следовали низшие: уличные грабежи в Багдаде и разбойные нападения на дома были обычным явлением. Вся эта пестрая и бурлящая жизнь отражается в непосредственном рассказе ас-Сүли с такой же яркостью, как и придворный быт. Для историка здесь найдется немало новых фактов и много живых иллюстраций к бледным иногда сообщениям историков.

На фоне этой картины отчетливо вырисовывается фигура самого автора, фигура мало привлекательная, как об этом можно было судить по некоторым черточкам, сохраненным его биографией. Типичный придворный, превзошедший все тайны дворцовых интриг и, вероятно, сам принимавший в них участие, как литератор он отличается громадной дозой хвастовства, откровенно выражаемого на страницах его книги. Главную цель своих произведений, особенно поэтических, он видел в добычании разнообразных подачек, с особенным недовольством отмечая те случаи, когда его преувеличенные надежды не оправдались. Сберечь накопленное таким образом достояние ему не удалось, и последние годы его жизни прошли в лишениях. Помимо того, что он оказался в опале и, следовательно, лишился основного источника дохода, он дважды испытал на себе непосредственные результаты анархии: дом его дважды был разграблен. Рассказ об этом, не лишенный известного драматизма в изложении автора, представляет (стр. 210, 1—212, 4; 217, 18—219, 5) образчик тех живых картин, в которых особая ценность его истории.

Вообще, в его изложении в этом томе всюду отражается несомненный дар рассказчика. Язык его всегда остается живым и непринужденным; иногда, быть может, чувствуется некоторая многословность увлекающегося своей собственной речью автора, но за ним нельзя отрицать большой свободы изложения. В этом смысле его труд не только историческое, но и литературное произведение: некоторые страницы его просякаются в хрестоматию образов стиля.

Издание снабжено указателем собственных имен; автор старался установить проверенный текст, особенно в поэтических

частях. Тем не менее назвать его критическим в полной мере нельзя: издатель почти не привлекал параллелей из других источников, а дать удовлетворительный текст на основе одной, не везде одинаково авторитетной, рукописи, далеко не всегда возможно. Многочисленные рецензии на издание J. Heyworth Dunne показывают, что при более углубленной проработке текста в него могут быть внесены различные поправки. Несмотря на такие детали, его работа, конечно, дает вполне надежную основу для исторического изучения. Исследователи будут особенно благодарны издателю за то, что он так быстро после первого тома сделал доступным для всех интересующихся второй. Надо приветствовать и намерение издателя по завершении всей серии дать специальную монографию об авторе. Ас-Сули этого вполне заслуживает как крупный и достаточно оригинальный представитель цветущего периода арабской литературы.¹

И. Крачковский

Август 1936 г.

Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Серия «Строй языков» под общей редакцией А. П. Рифтина. Выпуск одиннадцатый, изд. ЛГУ, 1939, стр. 60. Цена 2 руб.

В предисловии редакции к первым выпускам серии «Строй языков» указывается: «Решение печатать эту серию очерков ряда языков в их строе вызывается двумя основными соображениями. Прежде всего эти работы, заключая в себе в сжатом виде большой материал по основным языковым разделам и давая важнейшую библиографию, могут служить кратким введением к более серьезному изучению данного языка».² Кроме того, серия имеет «своей задачей вскрыть как можно полнее все структурное своеобразие каждого данного языка» (там же).

Дать краткое изложение строя турецкого языка и в то же время вскрыть «все структурное своеобразие» его — задача столь же почетная, сколько и ответственная, которая еще осложняется тем, что «особое внимание во всех выпусках (думаем, что это касается и одиннадцатого. — А. К.) будет уделяться синтаксису, в частности, формам предложения» (там же). Кроме того, по мысли редакции, серия предназначена не столько для специалистов по каждому данному языку, сколько для специалистов по общему языкознанию или по другим языкам.

¹ Уже после сдачи в редакцию настоящей рецензии появился третий том, посвященный «стихам детей халифов и рассказам про них»; быть может, обстоятельства позволят нам еще вернуться к нему.

² В рецензируемом выпуске это предисловие отсутствует; думаем, что основные цели и задачи и в одиннадцатом выпуске остались без изменения.

Это обстоятельство, на ряду с изложенными выше, налагает на автора особые обязательства.

«Строй турецкого языка» состоит из следующих разделов: 1) Введение (стр. 3—7), 2) Фонетика (7—16), 3) Лексика и семантика (16—23), 4) Морфология (23—48), 5) Синтаксис (48—59), 6) Приложение¹ (59—60), 7) Литература (60).

Выше мы отметили, что задача перед автором «Строя турецкого языка» (как и перед авторами других выпусков этой серии) стояла чрезвычайно трудная. В рецензируемой работе читатель найдет освещение ряда интересных, мало разработанных в туркологической литературе вопросов.

Н. К. Дмитриев на ряде примеров, с вполне убедительными комментариями, доказывает, что некоторые факты современного турецкого языка «ставят под сомнение тезис о неизблемости корня, который настойчиво выдвигали старые турецкие грамматики» (стр. 13). К числу фактов, подтверждающих это положение, автором привлекаются: «протеза, редукция гласных в связи с ударением, чередование глухих и звонких и т. д.» (стр. 15).

Тонкие наблюдения проведены автором в вопросе об ударении. Роль ударения, как фактора морфологической дифференциации, разработана Н. К. Дмитриевым очень подробно. Автор насчитывает девять случаев, когда ударение выступает как фактор морфологической дифференциации. Все эти факты так или иначе отмечались в туркологической литературе, но заслуга Н. К. Дмитриева состоит в том, что он изложил их в определенной системе.

Автор, указывая (стр. 9), что принцип губного притяжения (в законе гармонии гласных) «осуществляется одновременно с принципом нёбного притяжения», делает вполне законный вывод, игнорируемый другими туркологами, что «говорить о нёбном и губном притяжении, как об отдельно действующих процессах, нельзя, а следует иметь в виду единое нёбно-губное притяжение».

С большим интересом читается глава «Лексика и семантика» (стр. 16—23), где довольно подробно (при учете объема всей работы) разбирается состав турецкого словаря в иноязычной его части, а также история и источники заимствований, что особенно ценно, так как сводной работы по этому вопросу пока еще нет.

К числу мало разработанных вопросов турецкой грамматики относится также вопрос о категории определенности и неопределенности.² Автор в двух местах своей

¹ Отрывок из стихотворения в прозе Джеляль Сахира в дословном и литературном переводах.

² Этот вопрос частично затрагивается лишь в работе Т. Ковальского (T. Kowalski) «Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes -lar, -lär in den Turksprachen» (Kra-ków, 1936, 8°, 32).

работы (стр. 32 и 51) подробно освещает этот вопрос, делая поучительные выводы.

Интересная работа Н. К. Дмитриева имеет также ряд порой существенных недостатков. К числу недостатков и отдельных положений автора, вызывающих возражения, относятся, с нашей точки зрения, следующие.

Указывая на стр. 13, что в исходе слова не допускается¹ стечение согласных, за исключением комбинации согласного с плавным (türk 'турок', ilk 'первый', kürk 'шуба') или с согласным s (üst 'верх', dost 'друг' — из перс.), автор не дает примеров на комбинацию с согласными *m, n, v* (semt 'сторона' — из араб., genç 'молодой' — из перс., zevk 'удовольствие' — из араб.); кроме того, следовало бы указать, что вторым согласным в комбинации с указанными звуками (*l, r, m, n, v, s*) должны быть *t (d), x, p (b), h, ç (c)*. Говоря о семантике глагола oturmak 'жить', 'сидеть' (т. е. «проживать там-то»), автор указывает, что понятия «жить», «сидеть» не дифференцированы на том основании, что «в старой Турции, за отсутствием столов, стульев и кроватей, жизнь протекала на полу, на универсальных коврах и подушках» (стр. 22). Не проше ли объяснить приведенный факт тем, что глагол oturmak пережиточно отражает способ мышления кочевника, для которого «сидеть» значило, в нашем понимании, «жить». Кроме того, в этом глаголе не найдем ничего специфически турецкого, если мы вспомним, что в древнерусском языке «сидеть» тоже употреблялось в значении «жить».

Приводя примеры на слова-морфемы (стр. 26), автор указывает, что морфема — *daş || -taş* «по гипотезе Н. Н. Поппе, происходит от монгольского слова *adaḷi* 'похожий', 'подобный'. Однако Н. Н. Поппе (Монгольские этимологии. ДАН-В, 1925, стр. 19—22) разбирает (стр. 19) только этимологию слова *adaş* 'тезка', и не касается вовсе вопроса о составе *-daş || -taş*, замечая лишь, что J. Deny (Grammaire. . . , § 546, note) «выводит суфф. *-daş* из *adas*». Не касаясь здесь вопроса о приемлемости гипотезы Н. Н. Поппе, заметим, что нашему автору, даже если он полагает, что *-daş || -taş < adaş = монг. adaḷi*, следовало бы указать также на наличие других предположений о составе аффикса *-daş || -taş* (Залеман, Némethi, Bang, Deny, Zajaczkowski).² дав тем самым читателю возможность самому судить о приемлемости той или иной точки зрения.

Разбирая категорию сказуемости (стр. 28), Н. К. Дмитриев замечает: «В 1-м и 2-м л. мн. ч. аффиксы имеют архаичный показатель множественности: *z* с пред-

шествующим узким гласным». Если это замечание совершенно справедливо в отношении аффикса 2-го лица мн. ч., то в отношении 1-го л. мн. ч. правильность этого утверждения вызывает некоторые сомнения. Вопрос о происхождении аффикса 1-го л. мн. ч. неоднократно поднимался в туркологической литературе и решается так: *iz < biz >¹ wiz > yiz | > iz*.² В свою очередь *biz < be ~ i + z*, где «*z*» есть аффикс множественного числа, но в современном аффиксе сказуемости 1-го л. мн. ч. «*z*» не есть просто аффикс множественного числа, а элемент совершенно иного качества, получивший возможность функционировать в качестве аффикса сказуемости лишь по связи с личным местоимением, с помощью которого и осуществлялось спряжение. Только в свете этого анализа будет понятно, почему аффикс *-iz* заключает в себе предикативность, в которую включен показатель действующего лица (*iz = мы есмь*, 'wir sind' и т. п.).

Переходя к вопросу о составе слова *degil* 'не есть' (стр. 29), следует заметить, что, кроме приводимой автором гипотезы, решительно стоило бы указать на существование новейшей точки зрения по этому вопросу.³

Из приведенного автором объяснения состава «аффикса-уог (сравнительно поздно возникшего) из глагола *uog | u | — || uir | ü | — uirü* 'ходить', 'двигаться', как явствует из специальных работ К. Фоя, Ф. Е. Корша и В. Банга (стр. 34) читатель не-турколог должен сделать вывод, что поименованные автором ученые единодушно выводят аффикс *-uog* из указанного глагола, что, как известно, не будет отвечать истинному положению вещей.

Говоря об оформлении 3-го л. спрягаемых форм глагола, Н. К. Дмитриев замечает: аффикс «*dir* вообще не ставится, если основа времени оканчивается на *g ~ z* или гласный» (стр. 34). Эта точка зрения автора на причины отсутствия аффикса *-dir* в 3-м л. имеет свою историю: Н. К. Дмитриев заявляет о ней письменно, по крайней мере, в третий раз.⁴ Эта точка зрения должна быть пересмотрена по следующим причинам.

1. Форма 3-го л., являясь морфологическим фундаментом, на котором строится

¹ Личное местоимение множественного числа «мы».

² П. М. Мелиоранский. Араб филолог о турецком языке, стр. XL—XLI. — J. Deny. Türkçede «ler» edatının menşei, p. 239. Üçüncü Türk Dil Kurultayı (1936), pp. 291—295. İstanbul, 1937.

³ J. Deny, op. cit.

⁴ С. К. Церуниан. Курс османских разговоров (Грамматические примечания Н. К. Дмитриева). М., 1924, т. 1, 176. — Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы на «мыш». ЗКВ, II, 95.

¹ Причем этот факт объясняется «традией прежних эпох» (стр. 13).

² См. еще специальную работу: Ah. Caferoğlu. Türkçede «daş» lâhikası. İstanbul, 1929.

все спряжение, не нуждается в оформлении, так как «третьего лица нет, третье лицо это тотем-действие» (Н. Я. Марр).¹

2. Слова автора «аффикс *dur* вообще не ставится» при основах на «г ~ з или гласный» неточно отражают истинную картину турецкого спряжения, так как существуют формы типа: *geliyordur*, *gitmelidir*, в которых *dur*... *dir*, не являясь необходимым структурным элементом этих форм, образует своеобразную форму модальности.

Далее Н. К. Дмитриев замечает: «-уог прибавляется прямо к корню исторически, повидимому, через стадию деепричастия на „-у“, т. е. $оки - у + уог > окуууог > окууог$ » (стр. 34). Не исключена возможность предположить, что -уог присоединяется не «через стадию деепричастия на „-у“, а через стадию деепричастия на „-а“² или, по мнению Банга, через стадию отглагольного имени на „-а“³. В старых турецких грамматиках, составленных турками, обычно указывается: настоящее I время (*hal*) образуется через присоединение к 3-му л. ед. ч. желательного наклонения «частицы» - уог, т. е. — $\frac{а}{е} + уог$. В стар-

ых текстах часто встречается начертание, подтверждающее это положение: $يازەيور$. По всей вероятности форма с деепричастием ~ отглагольным именем на «-а» есть первоначальная форма, а форма на «-и» есть производная: $а + у > иу$.⁴

Н. К. Дмитриев, разбирая вопрос о составе аффикса прошедшего-категорического времени, на стр. 35 замечает: «В основе его (прош.-кат. вр. — А. К.), по гипотезе Мелиоранского и Броккельмана, лежит архаичное отглагольное имя на -it, -it, -ut, -ûit (т. е. *al-it* 'взятие'...)). Вызывает недоумение, почему точка зрения К. Броккельмана сближается нашим автором с таковой П. М. Мелиоранского? П. М. Мелиоранский, говоря о составе этой формы, замечает: «временной основой» прошедшего-категорического является некое отглагольное имя на -ды(ты)...» (Араб филолог о тур. яз., стр. LXXI).

На стр. 40 указано: «Инфинитив как имя может принимать аффиксы принадлежности...» Мы считаем это «может» досадной опечаткой; видимо, при наборе выпало отрицание «не» и все предложение следует читать: «Инфинитив... не может принимать аффиксы принадлежности».

¹ Н. Я. Марр. *Verba impersonalia*... Избр. раб., т. II, 315. — Н. Я. Марр. О лингвистической поездке в восточное Средиземное море, стр. 128. Лгр., 1934. — И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 67, 228 и сл. Лгр., 1936.

² J. Deny, *Grammaire*... § 613, in fine.

³ W. Bang. *Monographien- z. türk. Sprachgesch.*, 39.

⁴ J. Deny, op cit., p. 400, Remarque 2.

«Придаточными предложениями в настоящем смысле из турецких конструкций, — по мнению автора, — можно считать» (стр. 55) среди прочих «деепричастные обороты, если при деепричастии имеется свое подлежащее, отдельное от подлежащего другой части предложения» (стр. 56). То же самое замечает Н. К. Дмитриев и в отношении причастных оборотов (стр. 57). Признание отдельного подлежащего критерием для выделения придаточного предложения «в настоящем смысле», кажется нам недостаточным, ибо центром предложения является для турецкого языка сказуемое, а не подлежащее. Характер и природа сказуемого являются единственным, по нашему мнению, критерием.

Вместо обычно принятых в туркологической литературе терминов «положительная форма» (глагола) «отрицательная форма» (глагола), в работе Н. К. Дмитриева приняты: «положительный аспект», «отрицательный аспект» (стр. 33). Но старый, видимо, более привычный термин тяготеет над автором; так, напр., на стр. 35 встречается: «отрицательная форма» (вм. «аспект»), «форма невозможности» (вм. «аспект невозможности», см. стр. 33), то же несколько раз на стр. 36.

Список литературы (стр. 60) составлен по каким-то случайным признакам и количественно явно недостаточен. В работе довольно много опечаток и других дефектов; напр. на стр. 29 напечатано: «наши тетради» (нужно: «ваши тетради»), на стр. 32 напечатано: «порядковые числительные» (нужно: «количественные числительные»), на стр. 38 напечатано: «должен или я давать» (нужно: «должен ли я давать»), на стр. 39 напечатано: *girmek* 'натягивать' (нужно: *germek*).

Здесь мы отметили только самые существенные, с нашей точки зрения, погрешности. Некоторые опечатки и неточности встречаются и в списке литературы: так, грамматика В. А. Гордлевского издана в 1928, а не в 1929 г., как указано (стр. 60). Составителем «Военного турецко-русского и русско-турецкого словаря» значится: «П. С. Токарев...» следует: «П. С. Бочкарев»; «В. Максимов. Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендляре...» следует: «Худавендгяре».

А. Кононов

С. Арзуманов и С. Нестеренко. *Учебник таджикского языка для взрослых*. Утвержден Наркомпросом Таджикской ССР. Госиздат Таджикистана. Отдел учебно-педагогической литературы. Сталинабад, 1938, 383 стр.

Как указано в предисловии, «учебник составлен для взрослых, впервые принимающихся за изучение таджикского языка» и, повидимому, для не-таджиков, хотя это нигде не оговорено. Материал располагается следующим образом: 1) звуки таджикского языка — 3 стр.; 2) грамматический материал, подкрепляемый примерами, слова-

риками и упражнениями — 150 стр.; 3) образцы деловых бумаг — 3 стр.; 4) хрестоматийная часть — 50 стр.; 5) краткий грамматический очерк-справочник; 6) словарь таджикско-русский; 7) словарь русско-таджикский и 8) поурочный указатель грамматического материала.

Чрезвычайно бедно представлен раздел «Звуки таджикского языка». Весь раздел фактически сведен к одной таблице, где приводятся таджикские русские соответствия с примерами. При этом описание заднеязычных и гортанных звуков таджикского языка, отсутствующих в русском языке, дано крайне неудовлетворительно: «*q* — так называемое твердое *z*, произношение его приближается к слитному произношению звуков *gz*»; «*h* несколько приближается к очень слабому *x*»; «*q* твердое *k*, произносится близко к слитному *kx*». Вряд ли можно согласиться с такой характеристикой звуков, которые именно нуждаются в ясном объяснении, так как представляют значительные трудности для усвоения их не-таджиками. Также мало удовлетворительно описаны гласные звуки: «*a* произносится более открыто, чем русское *a*»; *i* как русское *и*, но более кратко, *u* как русское *у*, но более кратко». Остается совершенно неясным, на чем базируются авторы учебника при определении звуков *i* и *u* как более кратких по отношению к соответствующим звукам русского языка. Во всяком случае из их объяснения этого не видно. Для примера *e* в начальной позиции приводится русское слово *ekonomika*, что недопустимо. В отношении пресловутого *i*, которое, благодаря неудачно выбранному обозначению, часто служит поводом к недоразумениям, авторы также впадают в ошибку, говоря, что *i* «произносится, как долгое *и*». В действительности в таджикском латинизированном алфавите *i* введено как орфографический знак для различения ударного *i* в конце слова от неударного *i* — изафета.

В предисловии целый абзац посвящен значению правильного произношения, однако в книге нет ни одной строчки по этому вопросу. В действительности же это один из кардинальных вопросов обучения таджикскому языку, так как русские часто путают *g* и *q*, *k* и *q*, *x* и *h*. К сожалению, об ударении, кроме одной фразы в предисловии, нигде ничего не сказано, а нужно было указать, что ударение в таджикском языке коренным образом отличается от ударения в русском языке и падает на последний слог слова. На ряду с этим надо было также указать и исключения из этого правила.

Основным разделом учебника является урочная часть, содержащая 42 урока. Каждый урок разбит на четыре части: текст, словарь, грамматические правила и упражнения. Нельзя считать удачным подбор текстов. Почти нет ни одного текста, связанного с бытом, одеждой, повседневным обиходом. Большинство текстов являются

типичными образцами специально сочиненных для учебника отрывков, вследствие чего все они крайне скучны. Мы бы предложили вместо этого использовать облегченные отрывки из оригинальной таджикской литературы, облегченные сказки и тому подобные материалы, которые способствовали бы возбуждению интереса у учащегося к изучаемому языку.

Как нам представляется, главным недостатком всего учебника является отсутствие четкости и стройности в изложении всей грамматической системы таджикского языка. В таджикском языке основной, наиболее развитой и наиболее сложной является категория глагола. Поэтому главный центр тяжести таджикской грамматики должен лежать на разделе о глаголах. При этом желательно, чтобы глагол был вынесен на первое место или, во всяком случае, сразу же за именем существительным и местоимениями. Самую систему глагола следует строить исходя из двух основ: основы настоящего времени и основы прошедшего времени. При этом условии достигается стройность изложения всей системы — образования сложных временных форм, причастий, отглагольных имен и т. п., а учащимися значительно легче усваивается самая система глагола.¹ Авторы не пошли по этому пути, вследствие чего изложение в ряде случаев оказалось довольно запутанным, а иногда и противоречивым.

Такая путаница сказалась прежде всего в изложении глагольной связки *ast*. Начиная изложение грамматики именно с глагольной связки, авторы совершенно правильно, хотя неполно и недостаточно четко ее характеризуют, и здесь же правильно указывают на значение другого глагола *hast* как «есть», «имеется». Правда, нигде не указано, что глагольная связка *ast* употребляется в тех случаях, когда сказуемое выражено не глаголом. Однако уже через несколько страниц, в 5 уроке, авторы, противореча себе, дают спряжение глагола *hast*, который здесь переводится уже словами «быть», «существовать», и дают парадигму этого глагола: *man hastam, tu hasti, vaj ast — 'я есмь', 'ты еси', 'он есть'*. Где же авторы правы? Тогда ли, когда они говорят, что «слово *hast* [глагол] переводится на русский язык, как имеется, есть» (стр. 12), или же, когда говорят: «спряжение глагола *hast* — быть, существовать» (стр. 27)?

Кроме того, неясно, почему вдруг при спряжении *hast* в 3-м л. ед. ч. оказывается не *vaj hast*, а *vaj ast*. Ведь форма *hast* реально существует и встречается на каждой странице учебника, даже на той, где в парадигме она отсутствует. Это не опечатка,

¹ Именно так строится работа И. И. Зарубина «Очерк разговорного языка Самаркандских евреев» (Иран, II), работа О. А. Сухаревой «Руководство для изучения таджикского языка» (Таджгиз, 1930).

так как эти же утверждения авторы пытаются подкреплять примерами и снова повторяют их в грамматическом очерке. Все дело в том, что в отношении формы и функции глагольной связки *ast* и глагола *hast* у авторов нет ясности.

Глагольная связка — это *ast*, форма, которая, кроме вышеуказанной функции связки, служит также для образования сложных временных форм и употребляется в форме: *am*, *i*, *ast* (*st*), *em*, *ed* и *and*.

В говорах и иногда в поэзии глагольная связка употребляется в полной форме (*astam*, *asti*, *ast*, *astem*, *asted*, *astand*). Глагол же *hast* — глагол знаменательный, употребляемый в самостоятельном значении «имеется», «есть», «существует», в то время как глагольная связка выполняет чисто служебную, вспомогательную функцию, соединяя подлежащее со сказуемым, если последнее не выражено глаголом.

Следует, однако, отметить, что по своей функции обе эти формы (*ast*, *hast*) могут совпадать, что, повидимому, и ввело в заблуждение авторов учебника.

В таджикском языке образования отрицательных форм любого глагола настолько просты и элементарны, что об образовании отрицания достаточно было сказать один раз при описании простых времен и один раз при описании сложных времен. В учебнике же при изложении каждого времени особо объясняется и его отрицательная форма. Это лишь загромождает общую систему глагола. Нет у авторов учебника достаточной ясности и о функции вспомогательного глагола *šudan*: «Глагол *šudan*, — говорится на стр. 68, — . . . в сочетании с прилагательными и существительными образует возвратную форму глагола». Однако известно, что в таджикском языке возвратный залог как грамматическая категория отсутствует, как можно это наблюдать в переводах с русского языка, и фраза, содержащая возвратный залог, обычно переделывается в пассив, например: История ВКП(б), стр. 6: «Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться на родном языке». В таджикском переводе эта фраза выглядит так: *ba zabonhoji milli sor kardani gazeta va kitobho man' karda mešud dar maktabho bo zaboni modari xondan man' karda mešud*,¹ т. е. было запрещено (запрещалось) обучение. Вместе с тем для передачи русского возвратного залога широко используется сложное образование с возвратным местоимением *xud* в косвенном падеже: *xudro ba tarafe zadan* 'броситься в сторону'. Глагол же *šudan* служит для образования страдательного залога и для образования составных непереходных глаголов и составных глаголов со страдательным оттенком в сочетании с именами существительными и прилагательными: *iço*

kardan 'выполнять', *iço šudan* 'выполняться'. В двадцать девятом уроке подробно рассматривается образование страдательного залога при помощи *šudan*, однако дополнение на стр. 113 вызывает недоумение, так как опровергает все доказательства, приводимые в этом же уроке: «Русский оборот речи, в котором встречается творительный падеж, отвечающий на вопрос «кем?» («кем сделано» и др.), в таджикском языке может передаваться на ряду со страдательным залогом также и действительным залогом. Например: *in maktub az tarafi man firistoda šuda ast* (страдательный залог) — это письмо послано мною (дословно: с моей стороны); *in maktubro man firistodaam* (действительный залог) — это письмо я послал. Последняя форма более употребительна». Мы позволили себе привести целиком эту выдержку, чтобы избежать необходимости ее комментировать. Возможно, что здесь неудачно сформулировано то положение, что в таджикском языке действительный залог предпочитается страдательному?

Неудовлетворительно изложен в учебнике раздел причастий и деепричастий. Так, на стр. 70 говорится: «деепричастие прошедшего времени является также и причастием прошедшего времени, для которого особой формы в таджикском языке не существует».

Однако в таджикском языке существует широко употребительное причастие прошедшего времени на *gi*, являющееся одной из специфических особенностей таджикского языка, отличающих его от персидского. Впрочем, сами авторы учебника не настаивают на своей формулировке, так как на стр. 123 сказано уже другое: «образовываясь от причастия прошедшего времени, слова с окончанием *gi* имеют значения а) отглагольного прилагательного; б) прошедшего времени и причастия прошедшего времени.¹ Совершенно непонятно, почему на первое место выносятся форма на *gi* в функции отглагольного прилагательного. Ведь это и есть самое обыкновенное причастие прошедшего времени и, как таковое, могущее выступать в функции прилагательного. Также нечетко сформулировано причастие будущего времени. Почему-то объяснение причастия будущего времени сводится к спряжению глагола *hast*: «Причастие будущего времени образуется из неопределенного наклонения глагола посредством прибавления к нему окончания *i* и спряжения вспомогательного глагола быть — *hast*».² И дальше: «Укажем здесь, что употребительна еще и сокращенная форма спряжения глагола *hast*: *man raftanijam*» (стр. 108). После примеров на эту «форму» почему-то неожиданно для читателя дается отрицательная форма от глагола *hast* и *budan* (стр. 109) и тут же сказано: «следует заметить здесь, что прибавлением *i* к неопределенному

¹ Разрядка всюду моя. — А. Р.

^{1, 2} Разрядка моя. — А. Р.

наклонению образуются и некоторые отвлеченные имена существительные и некоторые прилагательные: *xīrdāni fūrīxtāni pušīdāni*. Неужели нужно еще доказывать, что это и есть причастие будущего времени, совершенно не понятое составителями учебника?

Исключительно путанно изложено так наз. сослагательное наклонение (стр. 92), в некоторых грамматиках обозначаемое термином «аорист» (неопределенное время). В таджикском языке имеется особая глагольная форма (основа настоящего времени плюс личные окончания), которая служит для образования условного наклонения с союзом *agar (agarravad)*, сослагательного наклонения (*man mehoam ba rajon ravam* 'я хотел бы поехать в район'), а также обычно употребляется в придаточных предложениях после полисемантического союза *ki*, в сочетании с недостаточными глаголами *bojad* 'должно', *božad* 'должно быть' и в ряде других случаев. Эта форма может быть употреблена как с частицей *bi*, так и без нее. В учебнике же раздел «Сослагательное наклонение» изложен крайне запутанно и все многообразие функций указанной формы не нашло своего отражения. Что же касается термина «аорист», который авторы применяют, то о нем сказано лишь вскользь — в примечании. Повидимому, авторы под аористом и сослагательным наклонением понимают различные формы, что безусловно неверно.

Чтобы покончить с разбором глагола, отметим что данный учебник, так же как и его предшественники, не дал удовлетворительного ответа на вопрос о значении особых сложных глагольных форм типа *kanda dodan*, хотя для них отведен двадцатый урок. После достаточно непонятной формулировки следует утверждение о том, что «вспомогательные глаголы не вносят существенных изменений в значение употребляемого (основного) глагола». С этим нельзя согласиться. Эти вспомогательные глаголы делятся на две категории: 1) глаголы, сообщающие основному глаголу значение законченности действия (*mondan*, иногда *partoftan*); 2) глаголы, привносящие в основной глагол дополнительные оттенки значений, соответствуя в ряде случаев той же функции, которую выполняют русские приставки при глаголах (*xonda dodan* 'прочитать кому-либо'), т. е. эти глаголы в ряде случаев выражают направление действия.

Укажем еще, что в грамматическом очерке приводимые таблицы различных глаголов также запутаны и грешат неточностями (таблица причастий, глагольных окончаний), и методически, нам кажется, лучше было бы в таблицах показать спряжение одного глагола с разными основами, чем для каждого времени брать другой глагол, как это сделано в учебнике.

Нет достаточной четкости и в изложении имен (существительных, прилагательных, местоимений). Так, во втором уроке говорится о роде следующее: «Грамматических

родов в таджикском языке нет, вернее: есть один род, который выражает три рода русского языка — мужской, женский и средний. Например. . .» и на это «правило» т. е. на несуществующий род, даются еще и упражнения.

К сожалению, авторы учебника снова вводят схему несуществующих в таджикском языке падежей, хотя оговариваются об их условности. Поэтому в «родительный падеж» попадают всякие примеры на *изафет*, напр.: *xopaji pav* 'новый дом', *darsi savvūm* 'третий урок'.

В действительности, в таджикском языке падежи отсутствуют, а падежные отношения выражаются при помощи предлогов и послелогов и при помощи особой синтаксической конструкции так наз. *изафета*. Такой строй таджикского языка, отличается от строя русского языка, и следовательно, нельзя переносить механически систему русского склонения в таджикскую грамматику, ибо точных совпадений не будет. Скорее можно было бы сравнивать в этом плане таджикский язык с английским. Тот или иной русский падеж в таджикском языке может быть передан различными способами; напр., русский дательный падеж можно передать и при помощи предлога и послелога *ba*, частицы *ro*, а в говорах и другими способами.

В разделе грамматического очерка «Словообразование» приводятся «наиболее употребительные словообразующие суффиксы и приставки». Однако читатель с удивлением обнаруживает в этой таблице также и большое количество слов и изменений их суффиксов с примерами, как то: суффиксы, образующие причастия (*-a*: *doda* 'давши', 'давший', *-gr*: *dodagi* 'дал', *-o*: *dono* 'знающий'), основы настоящего времени: *baxš*, *razir* и даже основы прошедшего времени (*rafti kor* 'ход работы'; *omadī vaj* 'его приход').¹ Все дело в том, что, желая показать словообразование, авторы не разделили два вида словообразования: 1) посредством окончаний и приставок и 2) посредством сложения слов, и в результате получилась путаница.

Мы затронули только несколько основных вопросов, однако и в более мелких вопросах, в формулировках, в определениях учебник грешит, пожалуй, еще большими неточностями. Нельзя согласиться с тем, что *kalontarini xopa* значит «самый большой дом» (стр. 64). В живом языке *kalontarini xopa* значит «старший в доме». Авторы частицу «же» считают союзом в русском языке (стр. 102), предлог «во» союзом в таджикском языке (стр. 36); форма аориста *man giram* трактуется как «повелительно-пожелательная форма», «возьму-ка я», и ей дается параллельная отрицательная форма «не возьму-ка я». Нельзя согласиться с тем, что по-русски можно сказать: вы скольколетний? (стр. 57).

¹ Примеры и переводы взяты из учебника.

Формулировки составлены крайне неряшливо: «Для образования множественного числа к существительному в конце прибавляются окончания *ho, op, gon, jon*» (стр. 223), как будто окончания могут прибавляться в начале! Примерно таковы и другие формулировки. Терминология также не всегда удачно применяется (отыменные прилагательные).

В виду того что не существует ни таджикско-русского, ни русско-таджикского словаря, естественно можно было ожидать, что прилагаемые к учебнику словари хоть в минимальной степени заполняют этот пробел. Однако авторы в изобилии ввели русские слова, которые в большинстве случаев одинаково пишутся и произносятся и по-русски и по-таджикски, и в то же время не дали многих нужнейших слов таджикского языка, безусловно непонятных русскому читателю. Совершенно непонятно, зачем в учебный словарь для русского читателя нужно было включать слова: *Amerika, Germanija, Anglija, kabinet, avtostrada, baza, ekzekutor, general, kartocka, kapitan, demokratija, demokrat, demokratizatsija* и десятки им подобных. Неужели русский читатель, встретив в учебнике такое слово, не догадается об его значении? В то же время в словарь не включены многие таджикские слова, встречающиеся в хрестоматии и безусловно неизвестные и непонятные русскому читателю: *bovar kardap* 'верить', *gusola* 'теленос', *makom* 'место', *suhbat* 'беседа', *buz* 'коза', *mahtob* 'луна', *çuvon* 'юноша', ара 'старшая сестра', *şuj* 'муж', и множество других слов, необходимых не только для общения в Таджикистане, но и для понимания приводимого в хрестоматии материала.

В предисловии говорится: «... авторы считают необходимым заметить здесь, что они ни в коей мере не ставили перед собой задачи дать научно-описательную грамматику... Тем не менее авторы стремились, следуя по возможности по пути сравнительной грамматики двух языков — таджикского и русского — дать научно-правильные определения тем или иным языковым явлениям» (стр. 5).

Все вышеизложенное показывает, что задача, поставленная авторами, оказалась невыполненной.

А. З. Розенфельд

Dr. Karl Menges. *Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan*. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanov herausgegeben von —. Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Phil.-Hist. Klasse. 1933. XXXII, Berlin, 1933—1934, стр. 1173—1293; отд. отт. стр. 1—123.

В 1926 г. Венгерский институт (Ungarisches Institut) Берлинского университета приобрел часть рукописного наследства профессора восточных языков Казанского университета Н. Ф. Катанова (ум. 25 февр./

10 марта 1922 г.) от его вдовы А. И. Катановой. Самой ценной частью этих рукописей были тексты (2384 стр.), главным образом сказки и песни, на казахском и уйгурском (наречия Турфана и Хами) языках Синьцзяна, т. е. Восточного Туркестана, частично был к некоторым текстам и перевод (934 стр.). Тексты были записаны Н. Ф. Катановым во время его путешествия по Восточному Туркестану в 1890—1892 гг. (Чугучак — Манас — Урумчи — Турфан — Хами; Кульджа).¹ Первый выпуск этих записей Н. Ф. Катанова и издается теперь Dr. Menges'ом, учеником проф. W. Bang'a. Сначала (стр. 3—4) идет предисловие, где К. Menges сообщает некоторые сведения о проф. Н. Ф. Катанове и его рукописях; на стр. 5—99 идут тексты в латинской транскрипции и немецкий их перевод. Содержание текстов, главным образом, этнографического характера. Здесь рассказы уйгуров о своей жизни, о своих обычаях: брак, похороны, шаманство, одежда, праздники и пр. Далее, на стр. 99—123 приложен К. Menges'ом лексикон тех слов, которые нуждались, по его мнению, в каком-либо пояснении.

Последующие заметки-поправки имеют целью выразить мое глубокое уважение памяти проф. Н. Ф. Катанова и благодарность Dr. K. Menges'у за это ценное издание.

К стр. 46: «Toqsulluq haq haraqlı az içädiñ переводится (стр. 47): «сытые люди мало пьют водки». В словаре (стр. 121) К. Menges слово «toqsulluq» поясняет через «Sattheit» и параллельно приводит здесь же слово «joqsul» (бедняк, пролетарий). Я с несомненностью думаю, что Toqsulluq haq здесь надо перевести «токсунские жители», «жители селения Токсун» (Toqsun + luq; n // l), на большой дороге из г. Урумчи в г. Карашар. Ср. названия жителей г. Кучара — «кучарлык». Здесь же, у К. Menges'a, на стр. 46 встречается Qomulluq taqçılar, т. е. комкульские горняки, горные жители г. Комула или Хами. Как-то странно, чтобы сытые пили водки меньше голодных. Кроме того, здесь же сообщается, что в г. Логучене (Lüksün) пьют водки очень много, «начиная от князя и его служащих и до простого народа». Я не думаю, чтобы князь и народ г. Логучена пили много от голода. Дело простое: этот рассказ ведется в г. Турфане от логученца и сначала сообщалось в нем о жителях г. Логучена, а затем и о жителях сел. Токсун. Разумеется, что в г. Логучене,

¹ Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Зап. Акад. Наук, т. XXIII, № 8, прилож. СПб., 1893. См. еще: Живая Старина, год I и II, СПб., 1892, стр. 111—122, 134—137.

² С. Ф. О л ь д е н б у р г. «Лакамы» — прозвища жителей городов Восточного Туркестана. Сб. МАЭ, V, вып. 1, стр. 94. Пгр., 1918.

где, по рассказу, живет наследственный князек и его придворный штат, пьют больше, чем в сел. Токсун; правда, на очень бойком пункте на большой дороге, но все же меньшим, чем город Lükün.

К стр. 86: *bu tälbä «bärdim, bärdim», dār tobalap-tururlar*, что переводится (стр. 87) довольно замысловато: «Der Besessene liegt wie ein Knäuel zusammengerollt da und antwortet: ich habe sie dir gegeben». Я думаю, проще перевести: «одержимый [бесом] кричит, говоря: дал, дал». Здесь К. Menges слову «*tobala*» придает значение (стр. 105) «*zusammenstellen (an einer Stelle)*», wie ein Knäuel, ein Haufen daliegen», тогда как здесь этот глагол значит «кричать», «выкрикивать». Ср. в словаре В. В. Радлова (III, 1985): *tawala-*; в моих записях *towula-* (лобнорск.); в Уйгурско-русском словаре (под ред. К. К. Юдахина; стеклогр. изд., М., 1938, стр. 149): *tola* - «выкрикивать». Переводы издаваемых теперь текстов о свадьбе и похоронах (стр. 6—40) были опубликованы частично самим Н. Ф. Катановым, о чем нет никакого упоминания в издании К. Menges'a. См., напр., следующие статьи Н. Ф. Катанова: «О свадебных обычаях татар Восточного Туркестана» (Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., т. XII, 1894, вып. 4, стр. 409—434; отд. отт. — Казань, 1895); «О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней» (там же, т. XII, вып. 2, 1894, стр. 109—142) и «Ueber die Bestattungsgebräuche bei den Türkstämmen Central- und Ostasiens» (Keleti Szemle, Budapest, I, 1900).

На стр. 8—9 большое недоразумение с переводом фразы: *ölünkin qerindaşleri... här ärtädä jätti dzüp jätti selip, ölünkin haqqıya duga qilurlar*. В сноске К. Menges называет это место (стр. 9) непонятным (unverständlich). Он переводит: «... beten... an jedem Morgen für den Toten, sieben Paare siebenmal (?)». Я пытаюсь здесь исправить текст, читая вместо второго *jätti* только *jit* (поминальная большая лепешка, которая в обычное время называется *röşkäl* или *püškäl* 'блин'). Тогда можно перевести: «родственники покойника, сделав [положив] семь пар поминальных лепешек, каждое утро творят молитву за покойника». На стр. 84—85 у К. Menges'a имеется (при описании шаманского обычая) выражение: *jätti dzüp püškäl selip*, т. е.: устроив семь пар блинов. Это место как будто указывает на правильность моего перевода той фразы с двумя *jätti*, из коих второе *jätti* я считаю ошибочным — вместо *jit* = *röşkäl* (лепешка, блин). Но и без этих моих изменений неизвестный, думаю, для К. Menges'a перевод Н. Ф. Катанова гласит: «... Hausgenossen des Verstorbenen lesen jeden Morgen zu 7 Mann auf einmal einen an den Toten gerichteten Segenspruch, ihn zweimal wiederholend» (Kel. Sz., I, p. 249).

На стр. 8—9 *güz mal* не значит «один аршин материи», а просто только «материя» (текстиль). Здесь же *sandıq* будет не гроб

покойника, а только ящик с *güz mal*, т. е. с материей для раздачи на «помин души» (Kel. Sz., I, стр. 240). В день переезда невесты в дом жениха малых ребят в полночь собирают на угощение в доме невесты, — так по русскому переводу Н. Ф. Катанова (О свадебных обычаях... отд. отт., стр. II), а по изданному теперь тексту (стр. 28) и переводу К. Menges'a (стр. 29) малые ребята собираются в доме жениха.

В отношении имени *Toqta-Qiz* (стр. 72), вместо объяснения К. Menges'a, можно правильное объяснить это имя нежеланием дальнейшего потомства из дочерей [А. А. Диваев. К вопросу о наречении имени у киргизов (т. е. казахов)].¹

К. Menges известен мне своими трудами по нескольким турецким (узбекскому, шорскому) языкам нашего Союза (см., напр., Библиографию Востока, вып. 10, 1937, стр. 165—168); теперь еще добавлю: К. Menges et S. Sakir. *Qazaqisch. Berlin, 1935. Lautbibliothek. Texte zu den Sprachplatten des Instituts für Lautforschungen an der Universität Berlin, Nr. 148.*

Является весьма желательным скорейшее опубликование К. Menges'ом и остального материала по уйгурскому языку покойного нашего профессора Н. Ф. Катанова.

Проф. С. Малов

П. Т. Хаптаев. **Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции.** Гос. Бурят-Монгольское издательство, 1939, стр. 147. Ц. 3 р.

Появление нового исследования о революционном движении в Бурят-Монголии в конце XIX — начале XX в. представляет собою крупное событие, тем более значительное, что ранее изданные сочинения, посвященные этому периоду, носят, как справедливо отмечено в предисловии к рецензируемой книге, сугубо хроникальный характер.

Вполне основательно автор видит свою задачу не только в показе событий, происходивших в 1905 г. среди бурят, но стремится показать их связь с революционным движением русского пролетариата.

Книга состоит из пяти глав, в двух из которых рассматривается рабочее движение и общий ход революции 1905 г. в Вост. Сибири; одна представляет собою обзор социально-экономических предпосылок национального движения среди бурят и две посвящены непосредственно самому движению и его результатам.

Анализируя социально-экономические предпосылки рабочего движения в Сибири, автор вполне правильно указывает на значение транссибирской магистрали, вокруг которой концентрировались значительные массы пролетариата. По сравнению с мелкими промышленными предприятиями, «же-

¹ Туркестанские ведомости, 1916, № 206.

лезнодорожные мастерские и депо представляли собою промышленные гиганты Сибири» (стр. 9).

Для малоиндустриализованной окраины линия железной дороги явилась очагом революционного движения, ибо не только многочисленность, но и организованность железнодорожных рабочих обеспечила за ними ведущую роль в революционной борьбе 1905 г. Выяснение этой особенности рабочего движения в Сибири — большая заслуга автора.

Краткий обзор событий, происходивших в промышленных центрах Вост. Сибири (Красноярск, Чита, Иркутск, Верхнеудинск), составленный по опубликованным ранее материалам (гл. 2), вполне достаточен для поставленной автором цели.

К концу XIX в. имущественная дифференциация бурятского улуса принимает вполне определившиеся формы. С одной стороны, образуется сравнительно мощная экономически кулацкая прослойка, с другой — непрерывно возрастает число хозяйств, отпускающих рабочую силу, и батраки, существующие исключительно работой в кулацких хозяйствах, уже не представляют собою редкого исключения. Кулачество, захватившее в свои руки командные позиции, к концу XIX в. вступает в борьбу со старым нойонством и успешности ее во многом способствует политика царского правительства, выражавшаяся в ликвидации Степных дум с целью уничтожения относительной самостоятельности тайшей, препятствовавшей усилению колонизации Бурятии и руссификации туземного населения.

Эта концепция хорошо аргументирована; однако с отдельными положениями трудно согласиться. Рассматривая классовую структуру бурятского общества, автор обнаруживает в нем четыре социальные группы: нойоны, ламы, кулаки, крестьяне.

Нойоны именуется на стр. 48 полуфеодалами. На стр. же 32 сказано о господстве бурятской феодальной аристократии, т. е. тех же нойонов, над трудящимися. Возникает вполне закономерный вопрос: кто же, собственно, нойоны — феодалы или полуфеодалы и какова вообще разница между феодалом и полуфеодалом?

Увы, ясного ответа на этот вопрос не содержится ни в рецензируемой книге, ни в других работах П. Т. Хантаева. Также недостаточно четко обрисована классовая сущность ламства. «Ламы — это союзники нойонов и кулаков» (стр. 48), но в предшествующих разделах говорилось о борьбе нойонов с кулаками, и перед читателем может возникнуть вопрос, каким образом ламству удалось вступить в союз с обеими борющимися сторонами. Во избежание такого недоумения, следовало бы подробнее остановиться на политике ламства, сводившейся, по существу, к поддержке более сильной стороны и использованию ее в своих целях.

Свое вполне правильное утверждение, что «ламы, так же как и нойоны, эксплуати-

ровали крестьян на основе феодальной формы эксплуатации» (стр. 50), автор иллюстрирует крайне неудачным примером: взиманием денег за арендуемые крестьянами у дацанов земли, в чем, вопреки автору, никак нельзя усмотреть «одну из феодальных форм эксплуатации» (стр. 50).

Постановка вопроса о превращении бурятского кулака в мелкого капиталиста является заслугой автора. Следовало бы только не ограничиться показом крупных кулаков, занимавшихся торговлей и владевших мелкими промышленными предприятиями, но более подробно осветить роль кулака в улусе и применявшиеся им методы эксплуатации, в частности, обусловленное невысокой товарностью хозяйства в тот период использование некоторых докапиталистических форм эксплуатации, как, напр., отдача скота на выпас.

Наиболее интересной частью работы являются последние две главы, посвященные непосредственно теме исследования.

Аграрное стеснение бурят в результате отрезки значительных земельных пространств для русской колонизации началось в первых годах XIX ст. и продолжалось вплоть до революции 1917 г. Земельные конфликты были явлением обычным в течение всего XIX в., но особую остроту земельный вопрос приобрел в связи с изданием в 1900 г. закона о поземельном устройстве населения Забайкальской области, по которому буряты приравнивались к русским крестьянам и душевой земельный надел был определен в 15 десятин, что делало невозможным ведение полукочевого скотоводческого хозяйства и влекло за собой изъятие большей части использовавшихся бурятами земель. Такая реформа не могла, конечно, не вызвать сопротивления бурят.

Еще большее недовольство вызвало введение в Забайкалье в 1901 г. волостной реформы, заключавшейся в ликвидации старых органов бурятского самоуправления и замене их волостями, с передачей административных функций, принадлежавших в прошлом тайшам, русским чиновникам — крестьянским начальникам. Эта реформа имела целью упрочение позиций царизма на Востоке в канун русско-японской войны.

Нойоны повели отчаянную борьбу за сохранение своих привилегий, и протест против осуществления реформы выразился в широком общественном движении, в котором были использованы все возможные средства: посылка петиций, отправка специальных делегаций в Петербург, саботаж нового законоположения и, наконец, открытое сопротивление проведению реформы. Все ходатайства об отмене реформы оставались безрезультатными и в 1902 г. делегация бурят добивается в Ливадии представления петиции лично Николаю II. Царь ответил благодарностью за чувства, выраженные ему от имени бурятского населения, но изменить закон отказался, рекомендовав бурятам «примириться с невзгодами».

Потерпев неудачу в обращении к русскому царю, бурятские тайши и ламы обращаются за консультацией к тибетскому ламе Рембуши. Его спрашивают о том, как будет относиться созданная в центре комиссия к бурятскому вопросу и не стоит ли уехать за пределы России. По последнему вопросу было указано, что лучше уехать пораньше, чем тогда, когда будет уже поздно. Однако авторитет лам среди народа был, очевидно, не столь высок, чтобы вызвать бегство за границу.

Борьба против реформы в центре велась вполне организованно. Использовались некоторые связи в правительственных кругах, специальные делегаты постоянно ездили в Петербург. Существовал даже особый шифр для телеграфных сношений. Так, очень любопытна неиспользованная П. Т. Хаптаевым телеграмма, посланная П. Бадмаевым Агинскому ширету в декабре 1904 г. (в скобках дается раскрытие шифра): «Доржиев, Очиров (Николай II и Мария Федоровна) общими силами готовятся отстоять старые цены (вести новые законы). Сюда скоро ожидается приезд тибетского посольства (делегации от бурят). Купцам Степанову, Куприянову, Прелову (крестьянскому начальнику, губернатору и генерал-губернатору) ничего не передавайте. Пусть выйдет скандал, только тогда можете получить выгоду. Петров» (рукопись Ц. Очиржапова, стр. 29).

Общий подъем национального движения нашел свое выражение в проведении съездов бурят, наиболее значительными из которых были Читинский, состоявшийся в апреле 1905 г., и Иркутский в августе того же года. Первый из них, разрешенный областным начальством как съезд ламайского духовенства, фактически был посвящен рассмотрению самых острых политических вопросов. Съезд требовал буржуазно-демократической реформы административного управления, законодательного закрепления владений бурятских земель, введения всеобщего обязательного обучения «родной монгольской грамоте». По вопросам религии съезд высказался за ликвидацию всяких ограничений для ламства и «за передачу дацанам всех земель, предусмотренных по положению 1853 г. о ламстве» (стр. 81). Таким образом, влияние ламства на съезде, проводившемся, кстати, под председательством хамбо ламы Ирелтуева, было весьма велико. Иркутский съезд вынес аналогичные решения. Особенно горячо дебатировался вопрос об образовании бурятского земства и отделении от русских, в чем было заинтересовано бурятское кулачество, стремившееся к безраздельному господству над массой «своих» бурят.

Кроме того, оба съезда разработали громоздкую структуру бурятского самоуправления в национально-демократическом духе.

Оценивая соотношение классовых сил в бурятском обществе в период первой русской революции, автор пишет, что в сов-

местной борьбе с общим врагом (царизмом) «каждая социальная группа преследовала и свои собственные классовые интересы... Нойоны, например, добились возвращения к старым порядкам, к Степным думам, обеспечивающим им право держать в зависимости однородных (?) крестьян. Ламы стремились распространить ламаизм по всей Бурятии и сделать его господствующей религией. Кулаки отстаивали особое бурятское земство, обеспечивающее им самостоятельность на национальном рынке. Крестьяне вели борьбу с национальным гнетом царизма» (стр. 87—88). Если к этому добавить глухое недовольство массы «собственными» бурятскими эксплуататорами, то картина классовых противоречий, раздиравших бурятское общество, предстанет перед нами во всей полноте.

Эти противоречия проявились в борьбе различных общественных группировок, возникших в этот период среди бурят. Представителями национальной буржуазии в Забайкалье были так наз. «прогрессивные» буряты; интересы старого нойонства защищала группа «стародумцев». У бурят Иркутской губернии автор обнаруживает также два политических течения: националистов, одержавших победу на Иркутском съезде и стремившихся к отделению бурятского земства, и «обрусителей», которые, подобно стародумцам, именуются партией нойонов (стр. 90). Здесь автором не вскрыты мотивы, по которым старое нойонство могло проникнуться антинационалистическими тенденциями. Единственный аргумент, приводимый им, звучит несколько наивно: нойоны, де, потеряли свой былой престиж в массах и пошли на смычку с царской бюрократией, так как «мечтали выдвинуться на земской службе» (стр. 30). Желательно было бы видеть это положение автора тщательнее обоснованным.

Другие политические течения, упоминаемые автором, тесно связаны с названными выше. Эта связь недостаточно подчеркнута.

Следует остановиться еще на одном моменте. Автор безусловно прав, что уже в исследуемый им период складывается националистическое движение за объединение всех монгольских племен, получившее впоследствии название панмонголизма и так ярко проявившее свою реакционную сущность в годы гражданской войны и ставшее идейной базой контрреволюционного национализма в последующие годы.

В последней главе автор описывает разгром революционных центров Вост. Сибири карательными экспедициями генералов Меллер-Закомельского и Ренненкампа и подавление национального движения среди бурят. Кончается книга «Заключением», содержащим основные выводы.

В качестве приложения к книге дается краткая статья, посвященная памяти первого бурятского революционера Ц. Ц. Ранжурова, и ряд новых архивных документов (всего 26 номеров). Это следует вся-

чески приветствовать, хотя в части подбора и расположения материала могут быть сделаны возражения. К сожалению, наиболее интересные материалы, на которые ссылается автор в своем исследовании, целиком не приведены и, наряду с этим, опубликованы некоторые малосущественные документы, которые без особого ущерба можно было бы опустить. Композиция этой части работы также вызывает вполне законное недоумение, так как ни хронологическая, ни тематическая последовательность не соблюдается.

В заключение — два мелких замечания. Во-первых, подавляющее большинство статистических таблиц, приведенных в тексте, в значительной мере обесценивается тем, что они не датированы, и о том, к какому времени они относятся, приходится лишь догадываться. Во-вторых, чрезвычайно небрежное редактирование книги и обилие стилистических ляпсусов сильно вредят общему впечатлению.

В целом же следует признать, что автором проделана большая и серьезная работа, для которой привлечены многие неиспользованные ранее источники, что существенно увеличивает ее достоинства. Появление доброкачественного исследования, посвященного революционному движению в Бурят-Монголии, — явление чрезвычайно отдаленное.

С. Дылыков
Е. Залкинд

Военный турецко-русский и русско-турецкий словарь. Составил П. С. Бочкарев. Содержит около 15 000 слов и терминов из основных областей военного дела. Издание второе, исправленное и дополненное. Гос. издательство иностранных и национальных словарей. М., 1940.

В первом издании (М., 1938) словарь П. С. Бочкарева был выпущен тем же издательством в двух томиках: 1-й том — «Военный турецко-русский словарь» — содержит около 12 000 слов и терминов из основных областей военного дела; 2-й том — «Военный русско-турецкий словарь», содержит около 9000 слов и терминов из основных областей военного дела. В первом издании словарь вышел под редакцией проф. В. А. Гордлевского.

Турецких (= османских) словарей, составленных русскими туркологами, очень мало. Среди них следует упомянуть: «Турецко-русский и русско-турецкий словарь» П. Цветкова (СПб., 1902, изд. литограф.); этот словарь в значительной степени устарел и давно стал библиографической редкостью.

Следующим по времени является «Турецко-русский словарь» (40 000 слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе, технике и военном деле), — составил Д. А. Магазаник, при участии А. Б. Абдурахманова и И. В. Левина, под редакцией проф. В. А. Гордле-

ского (Гос. словарно-энциклопед. изд. «Советская энциклопедия», М., 1931).

«Русско-турецкий текстовый словарь», — составил И. В. Левин и А. Н. Николов, с участием А. Федосова, под общей редакцией А. Трабуна (Главн. ред. технич. энциклоп. и словар., М., 1936); этот словарь содержит около 7000 слов и терминов.

К этому весьма немногочисленному списку можно прибавить лишь несколько «школьных» словарей, рассчитанных на обслуживание учебного процесса, так, напр.: «Краткий турецко-русский словарь», — составлен группой слушателей Московского института востоковедения и восточного факультета Военной академии под руководством проф. В. А. Гордлевского (изд. Моск. инст. востоковед., М., 1930, стр. 438, стеклогрфия); «Словарь турецких неологизмов» Д. А. Магазаника и М. С. Михайлова, вышедший в том же издании в 1935 г. (103 + 13 добавл.), — этот словарик зафиксировал определенный этап в истории турецкого языка, когда (1934—1935) турки, стремясь «очистить» свой язык от арабо-персидских заимствований, занимались оживлением старых забытых слов (напр.: асип, bidip и т. п.) и даже искусственным словотворчеством (напр.: okul 'школа', finansal 'финансовый' и т. п.); Д. А. Магазаник в 1937 г. в том же издательстве и тем же способом (стеклогрфическим) выпустил «Краткий русско-турецкий военный словарь» (97 стр.).

Этими работами, если не считать словариков, приложенных к некоторым хрестоматиям, исчерпывается список наших словарей. Из того факта, что турецких словарей у нас мало, еще нельзя сделать вывода о том, что русские туркологи оставляли в забвении этот участок работы; так, напр., из частных сведений мне известно, что крупный знаток турецкого языка С. К. Церуниан (ум. 1931) составил в свое время большой словарь, оставшийся в рукописи. Следует упомянуть о рукописи «Русско-турецкого фразеологического словаря», составленного С. С. Майзелем. Этот фундаментальный словарь (около 150 печ. л.), материал для которого автор в течение ряда лет собирал в Турции, до сих пор, к сожалению, не издан. И, наконец, из словарей, ожидающих издания, следует отметить новую работу Д. А. Магазаника «Русско-турецкий словарь», который был составлен несколько лет тому назад и в последнее время был автором заново переработан и дополнен новыми материалами.

Таким образом рецензируемый словарь П. С. Бочкарева, — если не считать упомянутого «Краткого русско-турецкого военного словаря» Д. А. Магазаника, составленного в качестве пособия для студентов (и рассчитанного, так сказать, на «внутреннее потребление»), — является первым опытом составления специального военного словаря. Кроме обычных трудностей, перед автором рассматриваемого словаря встали

также и другие, связанные с тем, что в 1935—1936 гг. в турецкой армии, флоте и авиации были введены новые «чисто турецкие» термины и вообще в указанный период турецкая лексика пережила значительные изменения.

Словарь П. С. Бочкарева открывается предисловием (стр. 3—4), затем следуют: «О пользовании словарем» (стр. 5—6), «Список сокращений» (стр. 7), «Турецкий алфавит» (стр. 8), «Турецко-русский словарь» (стр. 11—318), «О сокращениях, принятых в турецкой военной литературе» (стр. 319—332), «Русско-турецкий словарь» (стр. 335—572), «Таблица чинов турецкой армии» (стр. 573—575).

Откликаясь на просьбу автора и издательства сообщить «всякого рода поправки и замечания к словарю» (стр. 4), перехожу к замечаниям, накопившимся у меня в результате ознакомления с обоими изданиями¹ словаря П. С. Бочкарева.

araba durak yeri 'пункт для эвакуации раненых', следует: 'пункт для стоянки обоза, телег' и т. п.; arasında 1. 'через, сквозь'; 2. 'между' (arasında не имеет значения 'через, сквозь'); armağan 'награда', нужно: 'дар, подарок'; askerî umumî müfettiş, 'военный генерал-губернатор', следует: 'главный военный инспектор'; atasözü 'поговорка', должно быть: atalar-sözü (см. в русск.-тур. словаре 'пословица'); ateş söndürme tecrübeleri 'учения по затмению (sic!) городов (ПВО)', это скорее: 'опыты (учения) по тушению огня, пожаров'; ateşi çevirmek, kaydırmak ateşi kaydırma, ateşi kısaltmak, ateşi uzatmak, boğazı açmak, dümeni kullanmak, dümeni tutmak — во всех этих выражениях, представляющих собой сложные глагольные образования, аффикс винительного падежа совершенно излишен; ateşli silâh 'огне-стрельное оружие', ср. ateşli silâhlar 'огне-стрельное оружие' (?!); basamak — среди прочих значений приводится: 'эшелон' (?!); asilîk 1. 'бунт, мятеж'; 2. 'бандитизм' (?!) (ср.: asi); ağa 'кулак (мирод)' (?!), 'господин' (ср. в русск.-тур. словаре 'кулак'); devletleştirme 'национализация' (?!); başkumandan meydan muharebesi 'генеральное сражение' — это не термин, под başkumandan meydan muharebesi имеется в виду строго определенное сражение, происходившее 26—30 августа 1922 г. во время греко-турецкой войны; benzin deposu 'бак для бензина', следует: 'склад, депо для бензина' (ср. depo 'депо', 'склад'); dahil 'включительно' (sic!), dahil в значении служебного имени не дано; daktilo 'машинистка' — это прежде всего 'пишущая машинка'; derinliğine (?!) tabye 'глубокая тактика'; bodrum 'погреб, подвал, бомбоубежище' (?!); devşirme 1. (ист.) 'набор'. . . ; 2. 'иррегулярная армия' (?!); eyer kubur-luğu 'кобура' — какая? (см. в русск.-тур.

словаре 'кобура седельная'); Fransalı 'француз', но более употребительное Fransız отсутствует; elbette дано, elbet отсутствует; устарелое futbol kafilesi дано, более употребительное futbol takımı нет; geminin (sic!) süvari, dağın (sic!) bölüğü; harbiye nazırı и harbiye vekili 'военный министр', как и во всех других случаях, различие в употреблении nazır и vekil не указано; istiklâliyeti (sic!) hareket; işveçlilerin idman-ları 'шведская гимнастика' — это 'гимнастика шведов', следует: işveç idmanı; kabili nakil maun 'самовзрывающаяся мина' (см. в русск.-тур. словаре 'мина самовзрывающаяся'), следует: 'самодвижущаяся мина'; mevaddi infilâk 'взрывчатые вещества', нужно: mevaddi infilâkiye; mütareke flâ-ması 'парламентский флаг', следует: 'парламентерский флажок'; orta müdafî 'игрок защиты центра (в футболе)', по-русски такого термина нет; penaltı (спорт) штрафной удар (в футбольной игре) — далеко не всякий штрафной удар обозначается термином 'пенальти'; sağîç (спорт) игрок правой стороны (в футболе), — и такого термина нет, нужно: 'правый средний или правый инсайд' (ср. solîç); projeksiyon 'прожектор' с тем же значением (что и верно) дано: projektör (projeksiyon < фр. projection значит только 'отражение изображения'); sebeplerile 'мотивированно' (?!), 'обоснованно' (?!); silâhtan tecrit etmek 'разоружение' (?!); suyuolu 'виадук', следует: 'акведук'; tazelemek 'чистить, очищать', нужно: 'освежать, обновлять'; Vira! '(команда) поднимай, тяни, трави!', последнее, т. е. 'трави!' значит 'спускай!', опускай!', что передается словом: 'тауна!' (см. тауна!; ср. в русск.-тур. словаре 'трави! тауна!'); uyiğitlik 'джигитовка, лихость', первое значение неверно.

Часто слова, не являющиеся терминами, приводятся только с одним эквивалентом, что сужает значение этих слов, напр.: ağarmak 'рассветать', а первое значение 'белеть, сесть' не дано; derinlik 'глубина (колонны)', а разве глубина колодца, реки и т. п. не может быть передана этим словом? то же döşeme 'настил (моста)'; horos, horoz 'курок', почему не дать первое значение 'петух'? (ср. еще kaide 1. 'днище короба, отсек', 2. 'цоколь', но kaideten 'как правило, по правилу').

В ряде случаев даны слова, наличие которых в специальном словаре вызывает, по крайней мере, недоумения, напр.: abuksa-buk 'челуха, бессмыслица', adak 'обет', etiler 'хеты', (sic!) hacsetmek 'совершать паломничество (в Мекку)', hacî 'паломник (в Мекку)', reygamber 'пророк', şaka 'шутка', şakacı 'шутник' и т. п.

Встречаются производные формы слов без указания основных; на ряду с действительной формой даются, напр., понудительная и страдательная формы, причем это не вызывается никакими оправдывающими это обстоятельство причинами, форма усеченного инфинитива приводится, 'основного' нет и т. п., напр.: bildirilmek на ряду с bil-

¹ Рецензия на первое издание словаря была прочитана мною в заседании Турецкого кабинета Института востоковедения Академии Наук СССР 28 III 1940.

dirmek, düşürülmek и düşürmek, püskürtmek и püskürtülmek; elde bulundurmak дано, elde bulunmak отсутствует; gömmе и gömülmek дано, gömmek нет; gülümseme есть, gülümsemek нет (впрочем, без ущерба для военного словаря оба эти слова могли бы отсутствовать); более нужное dağıtmak дано только в форме усеченного инфинитива в сочетаниях: dağıtma listesi, dağıtma merkezi; yemek dağıtmak. söndürme и söndürmek есть, sönmek отсутствует (хотя и то и другое — не термины); sınımak дано, sımak нет; tekmil, tekmil edilmiş есть, tekmil etmek нет; delikanlılar 'молодежь' (?), а delikanlı отсутствует; ни genç, ни gençlik не дано; слово saye приводится только в значении 'тень', в котором оно в современном языке не употребляется, а его производная широко употребительная форма sayesinde 'благодаря ч.-л.' отсутствует; то же yol дано, yolunda нет; tedabir дано, tedbir нет; с другой стороны tenvir есть, tenvirat отсутствует; tuzla есть, tuzlak нет и т. д. и т. п. Зачем дано varabilmek при наличии varmak, tepecik при tepe?

В результате недостаточно тщательного отбора лексики, в словарь попало довольно значительное количество давно вышедших из употребления слов, причем при них отсутствует пометка «уст.» или «ист.», напр.: eyalet, bedelci, Hilâliahmer, koşun, müdafiin, Akvam Cemiyeti, yağ, ayan meclisi (sic!), ferman (но fermanber с пометкой «уст.»), hadim, zabıt, zabitan, zabitan mahfili (zabıt vekili с пометкой «уст.»), fırka с пометкой «уст.», fırka süvarisi, tayyare fırkası, intiyat fırkası без пометки.

С другой стороны, отмечается увлечение неологизмами. Если это было вполне объяснимо для первого издания, то во втором издании от большинства из них можно отказаться, напр.: acun savaşı, ağman, denizel, siyasal durum, arsiulusal (причем обычное beynelmilel не дано). Непосредственно употребляются okul и mektep, askeri orta okul, no deniz tayyare mektebi или atis okulu и atış mektebi.

Наилучший способ употребления okul и mektep, видимо, иллюстрируется последним примером, так как сами турки поступают именно так. Слово sağlık отмечено (*) как неологизм (?!), а uçak и üye даны без пометки (*).

Непоследовательность в начертании ряда слов и формантов, наблюдающаяся в турецкой печати, отразилась и в словаре, так, напр.: barutane, no imalâthane; dersane, no kasaphane, süvari grubu, mola grupu. Ср. еще: buyruk, kat'î buyruk, no lâfzî buyruk, buyuruk; dispatcher (sic!), dispatcher (sic!) cihazı.

В ряде случаев приводятся сочетания, компоненты которых даны каждый в своем месте, и поэтому наличие таких сочетаний в словаре, коль скоро это не термин, не оправдано, напр.: mesafe ölçmek 'измерять расстояние' yemek dağıtmak 'раздавать пищу' (хотя dağıtmak отдельно не дано);

hummalı hazırlık 'лихорадочная подготовка'; deniz inşaatı 'морское строительство' и др.

Ограничиваясь этими замечаниями по части турецко-русского словаря, перехожу к рассмотрению русско-турецкого словаря.

Безымянный 'isimsiz', но atsız не дано; белый 'beyaz', но ak отсутствует, так же как и в турецко-русском словаре ему не нашлось места; битва (на ряду с другими значениями) 'kavga' (?!), то же биться 'kavga etmek' (?!); богатство (достояние) 'varlık', а богатство (недр)? богатый 'batur' (?!); бурить 'oymak' (?!); дядя 'amca', что значит 'дядя с отцовской стороны', а с материнской?; жена 'zevce' — и только; муж 'koca' — другая крайность; житель 'oturan' (?!); изобретатель 'keşşaf' — это разведчик, нужно 'mucit'; изобретение 'keşif' (?!); империализм 'cihangirlik' (???), emperyalizm (cihangirlik — завоевание, покорение мира); имя 'isim, nam', т. е. и арабское и персидское, а турецкое слова для «имени» нет [a t(d)?]; колоть 'saçmak', здесь, где надо в скобках дать ограничение, этого не сделано; в самом деле, можно ли с помощью saçmak сказать: колоть дрова, сахар или это — колоть пикой, иглой?; министр 'bakan, vekil, pazir', следовало бы дать объяснения, в каких случаях употребляется vekil и в каких pazir; муштра 'talim', приведенное турецкое слово вовсе не имеет русского специфического оттенка, содержащегося в слове «муштра»; «национальный» есть, а «нация» отсутствует; партия (полит.) 'firka' — это слово в последние годы вышло из употребления и заменено словом parti (ср.: Cumhuriyet Halk Partisi); посвящать 'armağanlamak' (???); провинция 'eyalet' (?!); работать 'çalışmak' (a'işlemek)?; страница 'уaprak' (?!); телеграф 'telgraf', турки под словом telgraf понимают только «телеграмма», нужно telgrafhane || telegrafane; телеграмма 'telgrafname' (?!); толстый 'kalın' (a 'şişman'?); удар (по мячу) 'şut' (şut — далеко не всякий удар по мячу); феодал 'derebey' — слишком устарело (feodal); экипаж (команда) 'mürettebat' (a 'tayfa'?).

Опечаток в словаре значительно больше, чем их показано в «Списке опечаток», напр. Mars (sic!) 'Март', см. таблицу алфавита (стр. 8).

Все (почти без исключения) указанные недостатки и неточности были присущи и первому изданию, а потому утверждение автора «издание второе, исправленное и дополненное» следует рассматривать как весьма условное. Создание хороших специальных словарей дело нужное и почетное, налагающее и на автора и на издательство совершенно определенные обязательства. В данном случае обе стороны отнеслись к делу недостаточно ответственно, выпуская в таком виде в т о р о м изданием «Военный турецко-русский и русско-турецкий словарь».

А. Кононов

18 ноября 1940 г.

ХРОНИКА

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА А. Е. КРЫМСКОГО

15 января 1941 г. Киев торжественно отметил 70-летие со дня рождения академика А. Е. Крымского, одного из старейших советских ориенталистов, известного украиноведа и слависта, популярного и любимого украинского поэта и писателя. Еще в прошлом году в связи с 20-летием Украинской Академии наук, одним из основателей которой и первым непременным секретарем был юбиляр, его труды в области филологии были отмечены наградой — орденом Трудового Красного Знамени и пожалованием звания заслуженного деятеля науки.

Торжественное заседание было организовано Украинской Академией наук, Союзом советских писателей Украины и Государственным Университетом имени Шевченко. Этим удачно подчеркивался тройной аспект деятельности юбиляра — его научно-исследовательская, художественно-литературная и преподавательская работа. Даты начала этой работы имеют очень почтенную давность: его первое стихотворение (перевод из Никитина) было напечатано в 1889 г., первый рассказ в 1890г., так же как и первая научная статья о древне-арабской поэзии и сказании об Антаре.

По окончании курса б. Лазаревского института и Московского университета А. Е. Крымский провел два года в Сирии, а с 1898 г. начал свою преподавательскую деятельность в б. Лазаревском институте, которая и продолжалась двадцать лет, до 1918 г., когда он переехал в Киев в связи с основанием Украинской Академии наук. К этому времени относится главная масса его востоковедных трудов, посвященных как арабскому миру, так и персам и туркам, трудов, которые и до последних дней остаются иногда единственными пособиями на русском языке в соответствующих областях.

Торжественное заседание стремилось осветить все стороны многогранной деятельности юбиляра. В помещении перед входом в большой конференц-зал Академии наук, где происходило заседание, была устроена выставка его печатных произведений, иллюстрированная большим количеством иконографического материала, в частности портретами писателей и поэтов Украины, современников А. Е. Крымского. За вступительным словом вице-президента

А. В. Палладина следовал ряд докладов, посвященных литературному творчеству юбиляра, его украиноведческим и фольклорным работам, где, конечно, часто затрагивались и восточные сюжеты.

Специально востоковедение было представлено двумя докладами. Первый принадлежал преподавателю Киевского университета Л. Р. Рубинзону, бывшему аспиранту юбиляра, и давал общую характеристику его востоковедных работ под заглавием «Акад. А. Е. Крымский — ориенталист». Особенно тепло был встречен собравшимися, которые переполняли зал, доклад профессора Киевского университета Т. Г. Кезмы «Акад. А. Е. Крымский — арабист». Автор — араб по происхождению — во вступительной части своего сообщения, проникнутого горячим чувством и пересыпанного арабскими стихами, благодарил юбиляра за его любовь к арабскому народу, глубокое вхождение в его обыденную жизнь, за его труды по собиранию в Сирии фольклора, в частности сказок и пословиц, давно подготовленных к печати. Взволнованный юбиляр непосредственно отвечал на приветствие, блеснув остроумной речью-экспромтом на арабском языке, которую сам же перевел для аудитории на украинский язык. Почти все прочитанные доклады были в тот же день в сокращенном виде опубликованы в киевской прессе, в газетах «Советская Украина» и «Комуніст».

За докладами следовали выступления поэтов. Глубокое впечатление произвело прочувствованное и изысканное стихотворение П. Тычины «А. Е. Крымский (каким он представляется автору этих строк)»; Л. Первомайский поделился отрывком из своего перевода «Лейла и Меджнун» на украинский язык. Количество приветствий, как доставленных делегациями, так и присланных по почте или телеграфу, доходило до 500, и только незначительная их часть могла быть оглашена полностью. С большим вниманием были выслушаны адреса от Института востоковедения Академии Наук СССР и Арабского кабинета в нем; юбиляр близко связан с обоими, дважды приезжал в Ленинград на научные сессии, организованные Институтом, и подготавливает большую историю ново-арабской литературы по инициативе Арабского кабинета.

В ответной речи на приветствия, простой и скромной, юбиляр сказал, что вся его жизнь прошла в непрерывном труде на пользу науке и родному народу. Только советская власть высоко оценила эти труды, и теперь с удвоенной энергией он стремится продолжать работу до своего последнего часа.

В настоящее время востоковедение в Киеве сосредоточено, главным образом, в Восточной комиссии при Академии наук, недавно возобновившей свою деятельность под председательством юбиляра. Арабский язык преподается Т. Г. Кезмой в Государственном Университете на Историческом факультете, как для желающих, студентов так и для аспирантов, специализирующихся по древней истории народов СССР. Основной книжной базой востоковедения является богатая специальная библиотека, пожертво-

ванная А. Е. Крымским Украинской Академии наук, частично некоторые другие собрания.

Наилучшим пожеланием для юбиляра и теперь могут быть те слова, которыми закончен адрес Института востоковедения: «Приветствуя Вас в день юбилея, Институт востоковедения горячо желает Вам здоровья и бодрости для завершения и опубликования всеми ожидаемых Ваших трудов. Институт востоковедения твердо уверен, что под Вашим руководством в стенах Украинской Академии наук востоковедение найдет себе достойное место и обеспечит развитие этой области знания на пользу и славу всей нашей страны, всей нашей науки».

Акад. И. Ю. Крачковский

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА В. М. АЛЕКСЕЕВА

В январе 1941 г. общественность Ленинграда и Москвы отмечала 60-летие со дня рождения одного из крупнейших востоковедов нашей страны, известного китаеведа академика Василия Михайловича Алексева.

24 января с. г. в Институте востоковедения Академии Наук СССР, в котором юбиляр работает в течение 28 лет, состоялось расширенное заседание ученого совета Института, посвященное чествованию акад. В. М. Алексева.

Во вступительном слове директор Института акад. В. В. Струве, подчеркнув характерную для В. М. любовь к изучаемым им народу и культуре и вытекающее отсюда непримиримое отношение к «экзотике» в востоковедении, непрерывную борьбу с нею, обратился к молодым кадрам китаеведов с призывом максимально использовать огромные знания В. М. Член ученого совета ИВ АН проф. В. М. Штейн огласил адрес Василию Михайловичу от дирекции, общественных организаций и коллектива сотрудников Института.

Акад. И. Ю. Крачковский, около 40 лет проработавший совместно с В. М., в своем приветственном слове, проследив жизненный путь юбиляра от мальчика из дворянской в царской России до советского академика, особо подчеркнул тот момент, что В. М. пришлось заново создавать современное русское китаеведение, ибо эта область востоковедения в XIX в. не располагала такими учеными, какие были в других областях (в арабистике — Гиргас, Розен и т. д.), учеными, подготовившими почву для современного поколения.

От Отделения литературы и языка АН СССР и Института языка и мышления им. Н. Я. Марра В. М. приветствовал академик-секретарь отделения и директор ИЯМ акад. И. И. Мещанинов, подчеркнувший ту помощь, которую В. М. оказал Н. Я.

Марру в его ознакомлении с материалами дальневосточных языков и охарактеризовавший В. М. как большого советского ученого. От Филологического факультета Ленинградского Государственного университета выступили член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский и член-корр. АН СССР Л. В. Щерба; от Государственного Эрмитажа юбиляра приветствовал проф. А. Ю. Якубовский, от Ленинградского отделения Союза советских писателей — М. М. Дьяконов; от Московского института востоковедения — доц. В. М. Аникеев. От работников Грузинского филиала АН СССР, присутствующих на проходящей в Ленинграде сессии Отделения литературы и языка АН СССР с приветствием выступил член-корр. АН СССР проф. Г. С. Ахвледиани.

После приветствий ряду учеников и сотрудников В. М. — проф. В. М. Штейну, К. И. Разумовскому, Ю. В. Бунакову — было предоставлено слово для характеристики его научной и педагогической деятельности.

В заключение акад. В. В. Струве зачитал приветственные телеграммы юбиляру, полученные в адрес Института: от Государственного Эрмитажа и от его отдела Востока, от Ленинградского отделения Союза советских писателей за подписями Лозинского, Прокофьева, Лавренева, Зоценко, Каверина, Тынянова и ряд других.

Помимо перечисленных, в адрес юбиляра прислали приветственные телеграммы следующие организации: Музей истории религии АН СССР, Московский институт востоковедения, Государственное Географическое общество; академики: А. П. Баранников, С. А. Жебелев, И. Ю. Крачковский, А. Е. Крымский; члены-корр. Л. С. Берг, И. И. Толстой; проф. А. В. Гребенщиков, проф. Н. В. Кюнер и другие лица.

Присутствовавший на заседании мастер художественного слова Г. В. Артоболовский прочитал несколько новелл из последней книги переводов В. М. («Рассказы о людях необычайных»), подчеркнув этим достоинства переводческого языка В. М., позволяющие внести его переводы в сокровищницу советской художественной литературы.

* * *

Василий Михайлович Алексеев является китаеведом широкого диапазона интересов и знаний — от китайского языка, его письменности и фонетики до китайской нумизматики и археологии, крупнейшим специалистом в области китайской литературы и народного китайского искусства, блестящим переводчиком произведений ряда крупнейших писателей и поэтов Китая.

В. М. окончил в 1902 г. Факультет восточных языков СПб. университета по китайско-монголо-манчжурскому разряду. Длительная и упорная работа в библиотеках и музеях крупнейших западноевропейских городов (Лондон, Оксфорд, Кембридж, Берлин, Париж) и ряд курсов, как общетеоретических (Мейе, Руссло), так и специально китаеведных (Шаванн), прослушанных им (первая заграничная поездка 1904—1906 гг.), дали В. М. серьезную теоретическую и методическую подготовку, позволившую ему с максимальной эффективностью использовать несколько поездок в изучаемую им страну (1906—1909, 1912 гг.); во время этих поездок В. М. приобретает основательное знание китайского разговорного языка, продолжает изучать классическую китайскую литературу, китайский фольклор, народное искусство и народную религию Китая, принимает участие в археологической экспедиции Шаванна в Северный Китай, производит отбор и закупку литературы на китайском языке, обогатившей китайский фонд Азиатского музея Академии Наук; в это же время В. М. собирает богатейший этнографический и фольклорный материал, составляющий ныне основу китайских фондов академических музеев (Музей антропологии и этнографии, Музей истории религии) и частично хранящийся в богатейшей личной коллекции собирателя — китайская народная картина, обиходная эпитафия, китайская каллиграфия и пр.

С 1910 г. В. М. непрерывно ведет преподавательскую и научно-консультационную деятельность в университете, Институте истории искусств, Ленинградском восточном институте, Московском институте востоковедения, Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, коллегии экспертов и переводчиков издательства «Всемирная Литература» и т. д.

Работа с 1913 г. в Азиатском музее АН, преобразованном в 1930 г. в Институт востоковедения, В. М. ведет большую исследовательскую работу в Коллегии востоко-

ведов при этом Музее и уделяет исключительное внимание комплектованию книжных фондов этого центрального востоковедного научно-исследовательского учреждения нашей страны. С организацией в 1930 г. Китайского кабинета ИВ В. М. является бессменным его руководителем, возглавляя все крупнейшие мероприятия этого кабинета (латинизация китайской письменности, академический китайско-русский словарь, история китайской литературы).

Результатом почти сорокалетней научной деятельности В. М. явилась серия посвященных разнообразнейшим вопросам китаеведения научных работ числом около 140; наиболее интересными из них являются «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837—908)» (1916, магистерская диссертация В. М.), «Китайская литература» (1920), «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» (1932), «Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства (Исследование в области китайского фольклора)» (1918), «The Chinese Gods of Wealth» (1928), четыре тома переводов новелл знаменитого китайского писателя XVIII в. Пу Сун-лина (из сборника «Ляо Чжай чжи и») — «Лисьи чары» (1922), «Монахи волшебники» (1923), «Странные истории» (1928), «Рассказы о людях необычайных» (1937), серия переводов из китайских поэтов, напечатанных в журнале «Восток» (1922—1925) и других изданиях и целый ряд других книг и статей.

В 1923 г. В. М. избирается членом-корреспондентом и в 1929 г. действительным членом Академии Наук СССР. Помимо того, В. М. состоит действительным членом ряда обществ СССР (Географическое общество) и за рубежом (Американская академия социальных и политических наук, Американское восточное общество и т. д.).

Несмотря на свои 60 лет, В. М. полон сил, работоспособности и неиссякаемой энергии. Так, в своей ответной речи на описанном выше заседании В. М., поблагодарив всех присутствующих, а также всех выступавших, рассказал о своих научных планах: помимо руководства коллективными темами, разрабатываемыми в Китайском кабинете, — окончание большого китайско-русского словаря и составление истории китайской литературы, — В. М. считает своим долгом оформить целый ряд работ, материалы для которых собирались и обрабатывались им в течение всей его научной жизни: перевод и исследование произведений знаменитого китайского поэта IV в. Тао Цяня, издание с исследованием коллекции китайских народных картин, рабочую библиографию китаиста, полное собрание сочинений Ляо Чжая и т. д.; помимо того, В. М. надеется приступить к переводам собраний произведений крупнейших поэтов Китая — Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэя и др.

Ю. В. Бунаков

СЕКРЕТ ФИЛОСОФИИ

1 января 1941 г. исполнилось 125 лет со дня написания обнаруженного и опубликованного в 1936 г. в девятом томе «Tetsugaku zenshū» трактата под названием «Секрет философии». Как оказывается, автором этого произведения, несомненно составляющего эпоху в истории японской философии вообще и в истории японской материалистической философии в частности, является Камада Рёкё (鎌田柳泓), (1754—1821). Честь составления краткой биографии этого глубокого мыслителя, выяснения подлинности текста «Секрета философии», затем объяснения целого ряда иероглифических композиций, примененных философом в качестве терминологических выражений, равно как и расшифрование смысла целого ряда выражений с указанием китайского источника, откуда они заимствованы, и, наконец, опубликование самого произведения принадлежит таким компетентным знатокам истории японской философии, как Ватанабэ Хироами и Саэгуса Хакуон. Саэгуса Хакуон, как и Нагата Хироки, Фунайма Синити, Тодзаку Дзюн и другие передовые исследователи-материалисты, принимал самое деятельное участие в академическом органе японского «Общества по изучению материализма» — «Yuibutsuron kenkyū» («Studo de materialismo») вплоть до 1937 г., когда этот философский журнал, вписавший блестящую страницу в историю японской теоретической мысли, вынужден был пре-

кратить свое существование. И как раз деятелям «Yuibutsuron kenkyū», а не руководству буржуазного философского академического журнала «Tetsugaku zasshi» мы обязаны появлением в свет труда Камада Рёкё «Секрет философии». Это замечательное произведение действительно впервые в истории японской философии посвящено главным образом теории познания. И я согласен с мнением Саэгуса что оно ярко выделяется на фоне даже самых выдающихся философских произведений, написанных в Японии в XVIII и в первой половине XIX ст. В противовес буддийской философии Zenshū и философии Чжуан-цзы, под влиянием которых находился Камада Рёкё, мыслитель совершенно подчеркнутым образом строит свою теорию познания на материалистических основах. Ключ к разрешению и объяснению «секрета философии» для Камада Рёкё лежит единственно в материалистической теории познания. На ее основе философ стремится объяснить принципы отношения нашего мышления к бытию.

Произведение «Секрет философии» написано стилем вопросов и ответов, которых всего 58 и которые занимают (вместе с предисловием автора и без краткого послесловия его ученика) 23 страницы довольно убогистого японского текста.

Я. Б. Радуй-Затуловский

ВАЖНЕЙШИЕ РАБОТЫ, ЗАКОНЧЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1940 г.

В 1940 г. работа Института востоковедения велась по следующим разделам: история, литература, философия, экономика и языки народов советского и зарубежного Востока.

В области истории ведущими темами являлись: Учебник истории стран Востока в средние века (объемом 40 п. л.) и том II «Всемирной истории» (45 п. л.).

Том II «Всемирной истории» охватывает период с IV по XI в. Авторам и редакторам этой работы пришлось решать важнейшие вопросы истории стран Востока, которые не были решены буржуазной историографией. Вопросы о генезисе феодализма и особенностях его развития получили новое освещение на основе неиспользованных до сих пор первоисточников. В связи с этим поднят вопрос о рабстве, о его роли и причинах длительного существования на Востоке.

Большое внимание уделяется восточному городу. Указываются причины медленного развития городов на Востоке. Несмотря на то, что восточные города имеют длительную историю своего существования, все же

они не стали таким центром новых социальных сил, как это было на Западе.

Правильное решение проблемы кочевничества имеет исключительно важное значение для уяснения целого комплекса вопросов. В этой работе делаются попытки вскрыть внутренние причины, двинувшие волны кочевников с востока на запад. Показан процесс оседания кочевых народов, их взаимоотношения с оседлыми, восприятие новой, более высокой культуры, созданной в городах. Освещается процесс образования крупнейших империй на Востоке: Арабский халифат, Сасаниды, Китай, Византия.

В области литературы Институт закончил большую работу, посвященную связям и влиянию А. М. Горького на литературу советского и зарубежного Востока. Сборник охватывает литературы Китая, Индии, арабских стран, Турции, Ирана, Японии, Средней Азии, Закавказья и т. д. В составлении сборника принимали участие крупнейшие ученые — академики В. М. Алексеев, А. П. Баранников, И. Ю. Крачковский, члены-корр. АН: Е. Э. Бертельс, В. А. Гордлевский проф. С. Д. Балухатый, поэт Гришавили

и ряд других авторов. С выходом в свет этой работы советский читатель получит богатейший материал, освещающий новые стороны жизни и литературной деятельности А. М. Горького.

В связи с предстоящим юбилеем великого азербайджанского поэта Низами Институт закончил прозаический подстрочный перевод основных его произведений. Общий объем работы составляет 140 п. л. Член-корр. АН Е. Э. Бертельс написал монографию о жизни и творчестве Низами.

К предстоящему 500-летию со дня рождения основоположника узбекского литературного языка Алишера-Навои подготовлен сборник, посвященный жизни, творчеству и эпохе Навои.

Значительное место в работах Института занимают темы, посвященные народному героическому эпосу. В 1940 г. вышла в свет работа проф. С. А. Козина «Джангариада».

Член-корр. АН Н. Н. Поппе закончил исследование «Бурят-монгольский героический эпос».

В области лексикографии Институт работает над большим трудом «Китайско-русский словарь». Работа над этим словарем вчерне закончена: сейчас идет проверка материала, частичные дополнения и редактирование.

С появлением из печати этого словаря минует необходимость в предыдущих китайско-русских словарях (Палладия, Кафарова, Васильева, Пешурова, Хионина и др.), которые отстали от науки и современности.

Потеряют свое значение и важность также иностранные словари китайского языка Джайлза (кит.-англ.), Куврера, китаец Чжан Пэн-юня (кит.-англ.) и др.

Подготовленный Монгольским кабинетом института «Монголо-русский словарь» (объем 212 п. л.) является первым полным словарем монгольского литературного языка. Он дает возможность читать не только исторические тексты, но и художественную литературу, переводную политическую книгу и прессу. Этот словарь отличается от всех предыдущих своей полнотой и тщательной разработкой отдельных гнезд. Достаточно указать, что в словаре дается более 30 000 гнездовых слов и около 700 000 словосочетаний.

Закончено составление небольшого калмыcko-русского словаря (50 п. л.), авторами которого являются А. В. и Т. А. Бурдуковы.

По истории философии исключительный интерес представляет работа Я. Б. Радуль-Затуловского по истории материалистической философии в Японии в XVII—XX вв. Уже написан ряд глав: Ито-Дзинсай, Ито Тогай, Андо Сэки, Муро Кюсю и Экиэн. Автор впервые в истории русской науки освещает материалистические идеи в японской философии. Это обстоятельство имеет исключительное значение не только для изучения истории материализма, но и для написания истории мировой философии.

Д. Тихонов

Экспедиция Института в Бурят-Монгольскую АССР

В 1940 г. Институтом была организована экспедиция по сбору коллекций в бывших дацанах (буддийских монастырях) Бурят-Монгольской АССР и Читинской области. В состав экспедиции входили тт. Залкинд (начальник экспедиции), Монзельер, Иванова, Костиков, Хмырова, Гловацкий и др.

В многочисленных дацанах Бурят-Монгольской АССР и смежной с ней Читинской области до последнего времени сохранялось большое число разнообразных предметов культа и библиотеки, содержащие многочисленные ксилографы и рукописи на тибетском и монгольском языках. После закрытия дацанов в 30-х годах встал вопрос об использовании их имущества, представляющего научную ценность. В 1939 г. Академия Наук постановила послать специальную экспедицию для сбора коллекций, с целью пополнения музейных фондов Института этнографии, Музея истории религии и Рукописного отдела Института востоковедения.

В 1939 г. были произведены обследование дацанов и частичная упаковка коллекций. Эти мероприятия позволили быстро развернуть работу в 1940 г. и закончить ее в короткий срок.

Экспедиция начала свою работу с Агинского дацана Читинской области, где перед ней стояла наиболее сложная задача — разборка и транспортирование 15-метровой статуи Майдари и двух 4-метровых фигур его учеников. Эта статуя, которую предполагено выставить в Музее истории религии, является уникальным экспонатом, равного которому нет ни в одном музее мира. Кроме того, были доставлены в Ленинград комплект фигур буддийского рая, много статуй хорошей работы, иконы на шелку, музыкальные инструменты и большое число различных культовых атрибутов, среди которых обращает на себя внимание мандал художественной работы. Книги и рукописи были также полностью перевезены в Институт востоковедения.

В Бурят-Монгольской АССР, куда экспедиция направилась позднее, работа производилась в Агинском и Эгитуйевском дацанах, откуда вывезены богатые книжные собрания и некоторое количество печатных досок, сохранившихся от дацанской типографии.

Всего экспедицией вывезено свыше десяти тысяч книг и рукописей и два вагона музейных коллекций. Тибетологи и специалисты по буддизму получили обширный материал для своих научных исследований. Широкие слои советской общественности могут полнее ознакомиться с своеобразным ламаистским культом по обновленным музейным коллекциям, часть которых является уникальной.

Е. Залкинд

НАУЧНЫЕ СЕКТОРЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В 1940 г.

Исторический сектор

В связи с работами по «Всемирной истории» и по составлению учебника истории стран Востока в средние века, Исторический сектор Института востоковедения уделял основное внимание проблемам феодальных отношений в странах Востока. В этом плане на заседаниях сектора были заслушаны следующие доклады:

С. Т. Еремян — «Раннее средневековье в Армении» (Основные черты нахарарского строя). В докладе дана периодизация нахарарского общества и характеристика следующих основных его черт: нахарарский государственный аппарат; генезис феодализма и характер вассалитета; экономическое и юридическое положение отдельных сословий; виды и методы феодальной эксплуатации. Превращение нахарарств в удельные царства (IX—X вв.). Уничтожение нахарарского строя (XI в.).

Н. В. Пигулевская — Вступительная статья ко второму тому «Всемирной истории» (IV—XI вв.). Вступительная статья развивает положения общего характера.

В центре внимания — проблема становления феодализма в странах Ближнего Востока. В статье характеризуются особенности феодальных отношений на Востоке, вопросы взаимоотношений между кочевыми и оседлыми народами, вопросы крестьянской общины и т. д.

П. П. Иванов. Вводная глава к написанному коллективом научных сотрудников Института востоковедения «Учебнику по истории Востока в средние века». П. П. Иванов изложил основные положения написанной им главы, которая состоит из трех разделов: первый из них посвящен особенностям исторического развития стран Востока в средние века, второй — истории изучения Востока и третий — вопросам периодизации средневековой истории Востока.

В. М. Штейн — «Возникновение феодальной идеологии в Китае». Краткое содержание доклада В. М. Штейна сводится к следующему. Так называемый золотой век китайской философии (VI—III вв. до н. э.) был в то же время периодом зарождения всех наиболее важных социально-экономических учений древнего Китая. Этот период ознаменовался (особенно IV—III вв.) резким обострением классовых противоречий, вызвавшим исключительный напор социальной критики, направлявшейся против устоев феодального общества.

А. Твэртинова

Лингвистический сектор

В связи с большой работой по составлению словарей, ведущейся в Институте

востоковедения, на секторе обсуждались доклады общетеоретического характера о конкретном опыте словарной работы.

А. А. Холодович — «Японо-русский словарь». Доклад и рецензия А. А. Драгунова об опыте работы по составлению японо-русского словаря представляют особый интерес, так как этот словарь является первым, законченным подготовкой к печати из серии больших словарей, подготовляемых Институтом востоковедения. Большой японо-русский словарь, объемом в 100 тысяч слов, предназначается для пользования при чтении текстов на современном письменном (иероглифическом) языке. С этим связано и расположение материала словаря не в фонетическом порядке, а по детерминатам («ключам»). Словарь расположен по гнездовой системе. Под гнездовым иероглифом приводятся только те значения, которые данный иероглиф имеет как отдельное слово. Затем даются фразеологические примеры на эти значения и, наконец, следуют слова (биномы и полиномы), расположенные в порядке ключей второго знака. Этим словарь выгодно отличается от обычных китайско- и японско-европейских словарей, в которых под гнездовым иероглифом приводятся также и те значения, которые данный иероглиф имеет только в биномах и где, следовательно, биномы трактуются не как слова, а всего лишь как иллюстративный материал к значениям гнездового иероглифа.

А. В. Бурдуков — «Вопросы нормализации и орфографии литературного языка (в связи с составлением калмыкско-русского словаря)»; член-корр. АН СССР В. И. Чернышев — «Словарь современного русского литературного языка»; член-корр. АН СССР Л. В. Щерба — «Лексика, как система языка».

Член-корр. АН СССР Н. Н. Поппе — «Урало-алтайская теория языков в свете советского языкознания». Изложив более чем столетнюю историю урало-алтайской теории языков, докладчик показал, что не существует научных доказательств для объединения урало-алтайских языков, точно так же, как не существовал и урало-алтайский праязык.

А. А. Холодович — «Проблема родственных отношений японского языка с языками урало-алтайскими». Доклад этот, связанный с предыдущим докладом проф. Н. Н. Поппе, ставил своей задачей показать взгляды японских исследователей на родство японского и урало-алтайского языков. Докладчик остановился, главным образом, на исследованиях Матуори и показал, что работы Матуори и др. преследуют чисто политические цели, которые прикрываются псевдонаучными «лингвистическими» аргументами.

Член-корр. АН СССР Н. Н. Поппе — «Сложно-вербальные глаголы в монголь-

ском языке». Монгольские сложные глаголы образуют систему спряжения, а некоторые из них могут рассматриваться как элементы словообразования. В монгольском языке эти глаголы развивались благодаря большому распространению причастных и деепричастных оборотов, выполняющих также и предикативные функции.

Л. А. Хетагуров — «Опыт анализа фонологической структуры персидского языка». Доклад Л. А. Хетагурова, представляющий большой методологический интерес, был посвящен критике фонетики, абстрактно изучавшей звуковой состав языка, изложению методологических основ современной фонологии, которая, пользуясь фонетическими материалами, рассматривает функциональную значимость звукового состава языка; разобрал методологические погрешности, присущие современной фонологии (механические и субъективно-идеалистические моменты), докладчик изложил свою трактовку фонологической системы персидского языка.

А. Н. Генко — «Типологическая характеристика абазинского языка». Абазинский язык, один из яфетических языков северо-западного Кавказа, родственник абхазскому, занимает по количеству фонем едва ли не первое место среди языков Кавказа — в литературном наречии насчитывается 77 согласных и 6 гласных, а в наиболее богатом фонетически из литературных наречий — 82 согласных и 6 гласных. Важная особенность абазинского (как и абхазского) языка — возможность того или иного осмысления почти каждого из существующих в языке звуков.

С. И. Климицкий — «Превращение указательного местоимения в связку в иранских языках». В докладе было показано, каким образом в ряде иранских языков восточной группы — ягнобском, язгулемском, осетинском и афганском — указательное местоимение с отрицанием номинального предложения без связи превращается в связку 3 л. ед. ч. наст. вр., как это имело место и в согдийском, в котором указательное местоимение *ас* в то же время может выполнять функцию связки. Исходным пунктом для этимологии связки в указанных выше языках должна быть форма указательных местоимений, а не глагольные формы глагола «быть», которыми формы связки в этих языках объяснены быть не могли и не могут.

Сектор литературоведения и философии

В работе Сектора литературоведения и философии основное внимание было сосредоточено на изучении теоретических проблем, связанных с историей восточных литератур. Специальные исследования и доклады посвящались отдельным авторам. Особое внимание уделялось проблемам связей литератур востока с литературой русской и западноевропейской.

В 1940 г. состоялось 11 научных заседаний сектора и две сессии. Приводим перечень докладов, заслушанных и обсужденных на заседаниях и научных сессиях.

Акад. И. Ю. Крачковский — «Ранняя история арабской версии повести о Меджнуне и Лейле». Докладчик указал на важность этой темы, которая поможет осветить некоторые истоки одноименных поэм Низами и Навои. Цикл стихов Меджнуна, по его мнению, начал слагаться на арабской почве к концу VII в., рассказ о Меджнуне и Лейле получил литературную обработку в начале IX в. и с той поры его сюжет уже не менялся и не расширялся.

Член-корр. Е. Э. Бертельс — «Современники Низами» (на юбилейном заседании, посвященном XX-летию Азербайджанской ССР). Из современников и предшественников Низами докладчик отметил Катрана, Абу-л-Ала-Ганджеви, Фелеки Ширвани, Хакани и др. Докладчик отметил общность стиля всех указанных авторов, что позволяет говорить о характерной стилистике азербайджанской поэзии XII в.

Член-корр. АН В. М. Жирмунский — «Литературные параллели Запада и Востока». Докладчик на ряде примеров проследил стадияльно сходные явления в литературах Запада и Востока, обусловленные не взаимными влияниями, а одинаковыми условиями социально-исторического развития. В качестве таких примеров докладчик выдвигает: во-первых, развитие героического эпоса западноевропейского, русского и восточного (иранского, армянского, монгольского); во-вторых, отношение провансальской лирики трубадуров и испано-арабской любовной поэзии; в третьих, западноевропейский рыцарский роман (Кретьен-де-Труа) и романтический эпос в Иране и в Азербайджане (в частности поэма Низами).

Сопоставляя иранскую поэму «Вис и Рамин» с французским романом «О Тристане и Изольде», докладчик приходит к выводу, что сходства сюжетов могут быть объяснены общностью социальной обстановки и идеологического содержания обоих произведений. Доклад представляет статью, предназначенную для сборника «Вопросы теории литературы», издаваемого Институтом литературы Академии Наук.

Н. В. Пигулевская — «Сирийские рукописи в книгохранилищах Москвы». В докладе подробно освещено состояние рукописного фонда по разделу востоковедения в Московском историческом музее и Библиотеке им. Ленина. Большой научный интерес представляет рукопись на трех языках: греческом, сирийском и арабском, хранящаяся в рукописном отделе Ленинской библиотеки.

К. Григорян (Институт литературы АН) — «Блок и Брюсов об А. Исаакяне». В докладе были освещены взгляды Блока и Брюсова на творчество А. Исаакяна. Была поставлена проблема поэтического перевода; отмечена работа Брюсова

по изданию сборника «Поэзия Армении».

С. Г. Арешян — «Ю. Веселовский и армянская литература в России в конце XIX и в начале XX века». Докладчик, после изложения основных фактов из жизни и деятельности Ю. Веселовского, осветил вопрос о значении Ю. Веселовского для истории армянской литературы, его деятельность в качестве переводчика и редактора.

И. Гинцбург — «Этика Бозция». Постановка доклада была вызвана наличием в Рукописном фонде ИВ рукописи «Этика Бозция» на еврейском языке. Особое внимание докладчик уделил генезису этики Бозция.

А. Г. Кобахидзе и Б. Т. Руденко — «Низами в грузинской литературе». В докладах были освещены вопросы, связанные с переводом на русский язык грузинских поэм «Лейла и Меджнун» (царя Теймураза I) и «Бахрам-Гур» (Нодара Цицишвили). Обе поэмы, в основе сюжета которых лежат поэмы Низами, не являются переводом с персидского оригинала, а лишь своеобразным подражанием ему, трактованным в том литературном стиле, который был характерным для произведений эпохи грузинского возрождения (XVI—XVIII вв.).

Я. Б. Радль-Затуловский — «Андо Сёэки — японский философ конца XVII и начала XVIII века». Изложив биографические данные, имеющиеся в японских источниках, докладчик разобрал главные принципы философской концепции Андо Сёэки и указал на исключительную революционность философских воззрений Андо Сёэки и на огромное значение его учения для истории материализма в Японии.

А. Г. Галстян — «Историко-литературный труд Киракоса Гандзакского». Доклад, излагающий основные данные о жизни и деятельности Киракоса Ганд-

закского, является одной из глав кандидатской диссертации А. Г. Галстяна.

Юбилейное заседание, посвященное 500-летию со дня рождения великого узбекского писателя Алишера Навои. На заседании были заслушаны доклады члена-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса «Навои и Низами», члена-корр. АН СССР С. Е. Малова «Мир Алишер Навои в истории среднеазиатских турецких литератур и языков» и А. К. Боровкова «Навои и узбекский язык».

Научная сессия на тему «А. М. Горький и литературы Советского и зарубежного Востока». После вступительного слова акад. И. Ю. Крачковского были заслушаны доклады акад. В. М. Алексеева «Горький и китайская литература», акад. А. П. Баранникова «Горький и индийская литература», члена-корр. АН СССР В. А. Гордлевского «Горький в Турции», С. Г. Арешян «Горький и армянская литература», Г. В. Птицына (Гос. Эрмитаж) «Горький и таджикская литература». Указанные доклады являются главами сборника, издаваемого Институтом востоковедения.

Научная сессия, посвященная проблеме построения истории восточных литератур. На сессии были заслушаны доклады акад. И. Ю. Крачковского «Общие соображения о плане истории арабской литературы», акад. В. М. Алексеева «История китайской литературы, в Китае и в Европе», члена-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса «К вопросу о построении истории персидской литературы» и С. А. Козина «Некоторые методические замечания к вопросу о построении истории литературы монгольских народов».

С. Арешян

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ, ПРОЧИТАННЫЕ НА ЗАСЕДАНИЯХ КАБИНЕТОВ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ в 1940 г.

В Арабском кабинете

По истории арабистики. Акад. И. Ю. Крачковский сделал три сообщения в связи с датами смерти: 1) основателя русской школы арабистов акад. В. Розена (23 I 1908), 2) редактора «Энциклопедии ислама» А. Венсинка (Голландия, 19 IX 1939) и 3) старейшего арабиста Англии Д. Марголиуса (22 III 1940).

По арабской литературе. Продолжая начатую в 1938 г. работу «Обзор арабской географической литературы», И. Ю. Крачковский прочел в ряде заседаний Кабинета шесть глав обзора, представляющего собой свод и анализ географических работ авторов, писавших на арабском и персидском

языках в период от зарождения арабской культуры до 30-х годов XX в.

В связи с юбилеем Навои акад. И. Ю. Крачковский написал статью «Ранняя история повести о Меджнуне и Лейле в арабской редакции». Для посвященного президенту АН акад. В. Л. Комарову юбилейного выпуска Изв. ГГО (1939, т. 71, вып. 10) им написана работа «Черты андалусской природы в стихах арабского поэта — „Садовника“ Испании XI—XII вв.». Обе работы прочитаны в заседании Кабинета.

Осенью 1940 г. акад. И. Ю. Крачковский прочитал в извлечениях выполненный им в июле—августе 1940 г. перевод с арабского повести «Дни» (Каир, 1940, ч. II) современного арабского писателя Таха

Хусейна. Часть первая переведена акад. И. Ю. Крачковским и издана в 1931—1933 гг.

Д. В. Семенов в сделал два сообщения о начатой им с января 1940 г. работе над монографией «Журжи Зейдан, его произведения и значение в ново-арабской литературе». 30-летняя литературная и общественно-политическая деятельность Ж. Зейдана (1861—1914) — одного из крупнейших арабских писателей XX века — имеет большое значение для современной истории арабских стран.

По лингвистике. И. Ю. Крачковский сообщал о работе по редактированию им второго выпуска «Арабско-русского словаря», сост. Х. К. Баранова (буквы заль — айн). Первый выпуск вышел из печати в 1940 г.

По истории. Работа Кабинета велась, главным образом, в области средневековой истории арабского Востока. В. И. Белые в сообщал о работе над докторской диссертацией «Историк аббасидского халифата Мухаммед ибн Абу Бекр ас-Сули» (ум. 946).

Е. А. Разумовская доложила ряд написанных ею разделов и глав учебника для вузов «История стран Востока в средние века» и издания «Всемирная История» (тт. II и IV) по истории Аравии, Сирии, Палестины, Египта и Испании.

В связи с намеченным, по перспективному плану Кабинета, изданием переводов на русский язык источников по истории социально-экономических отношений халифата, заслушано сообщение О. А. Крауш о подготовке к изданию выполненного членом-корр. АН СССР А. Э. Шмидтом русского перевода «Китаб ал-Харадж» Абу Йусуфа Йакуба. Следующий перевод «Китаб ал-Харадж» Йахьи ибн Адама также готовится ею к изданию.

По новой истории арабских стран. Закончив перевод с арабского (с комментариями) работы Мухаммеда Тахира «Блеск дагестанских пашек в некоторых битвах Шамиля», А. М. Барабанов сделал сообщение на тему «Пояснительные значки в арабских рукописях Кавказа», разъясняющие особенности кавказских рукописей, до этого оставшиеся непонятными ряду предшествующих исследователей.

Помимо сотрудников Кабинета в заседаниях приняли активное участие:

С. И. Климицкий (Среднеазиатский кабинет ИВ), сообщивший о попытке применения арабской письменности в шугнанском языке. В распоряжении его и проф. И. И. Зарубина (ЛГУ) были записанные арабским алфавитом стихи шугнанского поэта Лачина (нач. XX в.).

И. Н. Винников (ИАЭ), доложивший свою работу «Героическая эпопея Ахмеда и Йусуфа в фольклоре современных арабов Средней Азии». Записанная им версия полнее известных в литературе.

А. Я. Борисов (ЛГУ), прочитавший, посвященную заглавиям, часть своей работы о так называемой «Теологии Аристотеля».

Специальный серьезный интерес представило сообщение В. А. Петрова (научного сотрудника Лаборатории консервации и реставрации документов при БАН) о результатах работ по анализу материала древнейших среднеазиатских арабских рукописей ИВ.

О. Крауш

В Турецком кабинете

А. С. Тверитинова — «Законодательство Мехмеда II». Доклад, построенный на турецких и европейских документах с привлечением нарративных источников, имел целью: 1) показать значение периода царствования Мехмеда II (1451—1481) как для окончательного сложения и юридического оформления системы феодального управления Османской империи XV в., так и для периодизации средневековой истории Турции в целом; 2) раскрыть, насколько это возможно, на основе законодательных актов Мехмеда II и других документов, конкретное содержание отдельных феодальных институтов, существовавших в Турции в указанный период (формы землевладения, прикрепление крестьян к земле, система налоговых повинностей, состояние ремесла, торговли, сношения Турции с европейскими государствами и др.).

А. Д. Новичев — О «Хронологических выписках» К. Маркса (напечатанных в тт. V—VII «Архива Маркса и Энгельса»), которые касаются истории Турции (XI—XVI вв.). Хронологические выписки К. Маркса из «Истории» Шлоссера имеют большое значение, в частности для изучения истории Турции этого периода. Отношение К. Маркса к излагаемому предмету устанавливается как в наличии формулировок, принадлежащих К. Марксу, так и в подчеркивании и выделении ряда мест и формулировок, принадлежащих Шлоссеру. «Хронологические выписки» К. Маркса дают возможность лучше уяснить характер Османской империи в период ее возникновения, ее феодального устройства, ее внешней политики и завоеваний в Европе.

Х. М. Цовикян — «Отражение русской революции 1905 года в Турции». Докладчик на основе изучения преимущественно турецкой и армянской прессы, мемуаров турецких государственных деятелей и архивных материалов показал конкретное отражение революции 1905 г. в Турции. Х. М. Цовикян отчетливо показал, что одним из важных очагов младотурецкого движения была Анатолия с центром в Эрзуруме, а не только Македония, как это обычно утверждалось.

А. Кононов

В Китайском кабинете

В. М. Штейн — «Проблема Гуаньцзы». Исследование В. М. Штейна об одном из виднейших древних китайских мыслителей — Гуаньцзы — кладет начало плано-

мерному изучению в Советском Союзе истории древнекитайской экономической мысли. В предварительном сообщении о работе над Гуаньцзы В. М. Штейн указал на полное отсутствие исследований, монографий о Гуаньцзы в буржуазной и советской синологии. Отдельные высказывания буржуазных китаеведов о Гуаньцзы свидетельствуют, по мнению докладчика, о полном непонимании значения Гуаньцзы в развитии общественной мысли в древнем Китае, что объясняется, во-первых, тем, что Гуаньцзы как следует не изучен и, во-вторых — методологической беспомощностью буржуазной науки. Особое внимание в докладе было уделено датировке текста Гуаньцзы. В. М. Штейн связывает этот вопрос с анализом терминологии и содержания текста Гуаньцзы и приходит к выводу, что этот текст мог появиться не ранее первой Хань.

Акад. В. М. Алексеев — «О принципах ритмического перевода „Поэмы о охотнике“ (Хуа-пинь)», Л. З. Эйдлин (Московский институт востоковедения) — «О принципах художественного перевода китайских стихов». Акад. В. М. Алексеев зачитал свои ритмические переводы десяти стихов поэмы Хуа-пинь, а т. Эйдлин — переводы танского поэта Бо Цзюй-и.

На конференции, посвященной китайскому искусству (Музей восточных культур в Москве), сотрудниками Кабинета были прочитаны следующие доклады: акад. В. М. Алексеев — «Китайская поэма о художнике», «Китайская народная картина»; К. И. Разумовский — «Древнейшее китайское искусство», «Китайское искусство эпохи Хань»; Ю. В. Бунаков — «Древне-китайская письменность и материалы для ее изучения».

Л. Думан

В Ново-индийском кабинете

На научных заседаниях Кабинета были заслушаны три доклада акад. А. П. Баранникова — «Горький и индийские литературы», «О некоторых новых положениях в области индологии» и «Индийская драма о русско-японской войне 1904—1905 гг.»

В связи с 100-летним юбилеем рождения крупного русского индианиста И. П. Минаева был заслушан доклад А. С. Зиминой «Научное наследие И. П. Минаева».

В. Краснодербский

В Среднеазиатском кабинете

П. П. Иванов — «Афганистан во второй половине XVIII в.» (глава для учебника «История стран Востока в средние века»). В сделанном сообщении были приведены сводные данные о древней истории Афганистана и подробно освещена история афганских походов в Индию и на другие соседние территории.

А. Н. Бернштам (ИИМК АН) — «Согдийская колонизация Семиречья». Докладчик на основе проведенных археологических работ выдвинул вопрос о влиянии согдийской культуры в Семиречье наряду с восточно-туркестанским влиянием, и о двух периодах колонизации Семиречья согдийцами. По мнению докладчика вторая колонизация Семиречья согдийцами падает на VII в.

Н. А. Кисляков (ИАЭ АН) — «Последние независимые владетели Каратегина и завоевание его Бухарой». Содержание доклада составляет одну из глав выходящей в ближайшее время из печати работы докладчика «Материалы к истории Каратегина», дающей свод древнейших сведений о Каратегине, сведения о политической истории Каратегина последних столетий и данные о земельных отношениях в Каратегине в XIX в.

О. И. Смирнова — «Согдийская титулатура по нумизматическим данным и арабским источникам». Докладчик сообщил чтение надписи на одной из согдийских монет с титулом 𐰽𐰺𐰍 и высказал соображения о значении этого титула в сопоставлении с согдийскими титулами MLK' и tg'u и данными арабских источников.

А. З. Розенфельд — «Название „Лянгар“ в топонимике Таджикистана». Докладчик обратил внимание на распространение названия «Лянгар» в топонимике Таджикистана и соседних стран и показал сдвиги, происшедшие в семантике этого слова от основного значения «якорь» к значениям: «стоянка», «странноприимный дом», «место упокоения», «мегила — мазар». Доклад опубликован в «Известиях Географического общества» (1940, т. 72, вып. 6).

С. И. Климчицкий — «К истории исследования ягнобского языка». Докладчиком на основе опубликованных и архивных материалов прослежена история изучения этого языка и показаны, в противоположность имевшимся в западноевропейской литературе высказываниям, заслуги русских исследователей и ученых как исследователей, впервые обнаруживших существование этого языка и установивших его принадлежность к иранским языкам.

Е. К. Бахмутова (Казанский университет) — «Иранские элементы в русском языке Московского государства». Период XVI—XVII вв. отмечен докладчиком как период интенсивного развития ирано-русских связей. По мнению докладчика, главным путем проникновения иранизмов в русский язык являлась торговля. В докладе был дан разбор отдельных слов и терминов иранского происхождения (драгоценных камней, оружия, сортов материи, названий денежных единиц и др.).

Член-корр. АН С. Е. Малов и А. Н. Бернштам — «Уйгурские документы XV—XVI вв.» проф. С. Е. Малов сообщил данные о характере языка этих документов в сравнении с языком более древних документов; отметил встречающиеся в них

в искаженной транскрипции арабские слова. А. Н. Бернштамом было дано описание самих документов.

В. А. Мануйлов — «Чокан Валиханов». Докладчиком были приведены новые данные из биографии Валиханова. Освещен вопрос об отношениях Валиханова и Достоевского, о путешествии Валиханова в Кашгар и пребывании его в Петербурге, о возвращении в степь и деятельности в степи. В докладе было показано значение Валиханова для изучения казахской истории и литературы.

С. И. Климчицкий

В Кабинете кавказоведения
им. Н. Я. Марра

Б. Т. Руденко — «Итоги работы над переводом грузинской поэмы Бахрам-Гуриани (Семь красавиц)» (XVII в.). Докладчик сообщил предварительные данные об источниках сюжета грузинской поэмы и указал на сходства и различия между грузинской поэмой и одноименными произведениями Низами и Навои. Докладчик, соглашаясь с мнением издателя грузинской поэмы проф. К. Кекелидзе, полагает, что грузинская поэма является своеобразным, оригинальным подражанием произведениям иранских и азербайджанских поэтов. Издание русского перевода предполагается приурочить к юбилейным дням великого азербайджанского поэта Низами.

С. Т. Еремян — «Движение против Омейядов в Армении (восстание 747—750 гг.)». Докладчик отметил отдельные этапы завоевания арабами Армении, превратившими ее в 698—705 гг. в одну из провинций халифата. Установление владычества арабов в Армении произвело значительные изменения в аграрных отношениях страны. Повстанческое движение в Армении развернулось в годы ожесточенной

войны Омейядов с Аббасидами (747—750). В дальнейшем восстания в Армении приняли характер крестьянской войны, направленной и против арабов и против нахараров. В результате страна была передана напуганными нахарарами Аббасидам (750 г.).

А. А. Али-Заде — «Икта в Азербайджане в период Ильханов (XIII—XIV вв.)». Докладчик осветил вопрос о влиянии монгольских завоеваний на систему землевладения и феодальных отношений в Азербайджане. В период до Газан-хана резко сокращаются налоговые поступления в государственную казну. Это объясняется, во-первых, степенью эксплуатации и способом взимания налогов, во-вторых, обилием земельных владений у кочевых аристократов. Сбор налогов с земель инджу и дивана осуществлялся посредством системы «мукатия».

Реформа Газан-хана в Азербайджане способствовала росту частновладельческой собственности за счет земель инджу и дивана. При сдаче земель в икта преследовались следующие цели: 1) защита границ, 2) связи кочевников с кочевым хозяйством, 3) постепенного перехода к оседлому образу жизни. Закон Газан-хана подтверждал и закреплял ранее существовавший порядок прикрепления крестьян к земле.

В. Д. Дондуа — «Борьба за объединение феодальных государственных образований в Грузии в VIII—XI вв.» В докладе были освещены вопросы: о процессах укрупнения феодального хозяйства (феодал Георгий Ацхурский), усилении экономического значения крепостного труда («глехи»), установлении вассалитета (феодал Липарит) и обогащении монастырей. Вопросы ставились в связи с политической борьбой за создание объединенного Грузинского царства (группа Иванэ Марушидзе, куропалат Давид и Баграт III).

Б. Т. Руденко

